

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Т Р У Д Ы
IV (XX)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в К а з а н и

Том I

Ответственные редакторы:

А.Г. Ситдигов, директор ИА АН РТ, зав. кафедрой археологии и этнологии К(П)ФУ, д.и.н.;
Н.А. Макаров, директор Института археологии РАН, академик РАН;
А.П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН.

Казань, 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
Т78

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Академии наук Республики Татарстан

Проведение IV (XX) Всероссийского съезда в Казани и подготовка к печати материалов съезда осуществлены при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан и проекта РГНФ №14-11-16502 г(р) /2014

Редакционная коллегия

Х.М.Абдуллин (редактор-составитель), С.И.Валиулина, П.Г.Гайдуков, А.Н.Гей,
А.П.Деревянко (ответственный редактор), Е.Г.Дэвлет, А.Р.Канторович, И.Р.Каримов, Д.С.Коробов, Г.Г.Король,
Н.Н.Крадин, Е.В.Кузьминых, Н.А.Макаров (ответственный редактор), А.В.Мастыкова, М.Б.Медникова,
А.А.Сайфуллин, А.Г.Ситдилов (ответственный редактор), Н.М.Чаиркина, М.В.Шуныков, А.В. Энгватова

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани.
Том I Казань: ....., 2014. 698 с.: илл., вклейка.
ISBN .....

В I том собрания трудов IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, который проходил в октябре 2014 г., включены доклады, прозвучавшие на заседаниях первых четырех секций, отражающих историю России от палеолита до позднего бронзового века и перехода к раннему железному веку.

Для археологов, историков, специалистов по смежным дисциплинам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN .....

© Обособленное структурное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» Институт археологии АН РТ, 2014

©Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2014

© Авторы докладов, 2014

**Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда
(Казань, 20-25 октября 2014 г.)**

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета -
академик А.П. Деревянко, академик РАН Н.А. Макаров, д.и.н. А.Г. Ситдииков.

Секретариат Оргкомитета - к.и.н. Х.М. Абдуллин, В.А. Харитонович

Члены Оргкомитета - академик В.И. Молодин, чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков,
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев,
чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский, чл.-корр. РАН В.В. Седов,
чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш. Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. М.С. Гаджиев,
д.и.н. Н.И. Дроздов, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, д.и.н. М.А. Дэвлет, д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, д.и.н. С.И. Кочкуркина,
д.и.н. Д.Г. Савинов, д.и.н. А.А. Тишкин, д.и.н. М.В. Шуньков, к.и.н. О.И. Богуславский,
к.и.н. С.И. Валиулина, к.и.н. А.Р. Канторович, к.и.н. Н.В. Лопатин, к.и.н. И.К. Решетова,
к.и.н. Н.М. Чаиркина, к.и.н. А.В. Энговатова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ
«ТРУДОВ IV(XX) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии
2. Культурные процессы в раннем голоцене - мезолит, неолит, энеолит
3. Энеолит – эпоха средней бронзы
4. Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку

Том II

Секционные доклады

5. Археология античного мира
6. Культурные общности скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях
8. Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке
7. Этнокультурные процессы в Евразии в I тыс. н.э.

Том III

Секционные доклады

10. Средневековая археология Восточной Европы
11. Археологическое изучение средневекового города
12. Археологическое изучение Золотой Орды
21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии
9. Средневековая археология Сибири и Дальнего Востока
18. Археология Северо-Восточной Евразии в исторический период XVI-XVIII вв.

Том IV

Секционные доклады

13. Первобытное искусство: проблемы и перспективы исследований
14. Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств
20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности
17. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии
19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии
16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи
15. Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ НА АЛТАЕ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОДА НОМО В ЕВРАЗИИ

© 2014 г. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(derev@archaeology.nsc.ru, shunkov@archaeology.nsc.ru)*

Ключевые слова: палеолит, палеогенетика, денисовец, неандерталец, мультирегиональная эволюция человека.

Резюме. Новейшие палеогенетические и антропологические данные, полученные при исследовании Денисовой пещеры свидетельствуют, что носителем верхнепалеолитических традиций на Алтае был ранее неизвестный науке ископаемый человек, который по месту обнаружения антропологических останков получил название человек алтайский или денисовец. Популяция денисовцев существовала на Алтае вместе с наиболее восточной группой неандертальцев, выявленной по данным анализа останков ископаемого человека из пещер Окладникова, Чагырской и Денисовой.

В настоящее время на Алтае, расположенном на границе Северной и Центральной Азии, сосредоточены наиболее информативные археологические комплексы, характеризующие древнейшую историю огромного пространства от Урала до Тихого океана и от Монголии до Северного Ледовитого океана. На территории Алтая наиболее интересные результаты в изучении первобытной истории получены для его северо-западной части по материалам междисциплинарного изучения многослойных палеолитических памятников в долине верхнего течения р. Ануй. В этом районе исследованы многослойные объекты с наиболее протяженной во времени стратиграфической колонкой нижнего, среднего и верхнего плейстоцена, соответствующей развитию культуры первобытного человека и окружающей природной среды от ранней до заключительной стадии палеолита. На многослойной стоянке Карамы, в отложениях возрастом 800–600 тыс. лет, обнаружены древнейшие в Северной Азии орудия раннепалеолитического человека, характерные для галечных ин-

дустрий олдувайского типа. В Денисовой пещере прослежено развитие палеолитических культурных традиций в течение как минимум 280 тыс. лет и автохтонное становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе в хронологическом интервале 50–40 тыс. лет назад, без заметных признаков внешних влияний. При этом наборы каменных и костяных орудий, а также предметы символической деятельности из кости и поделочного камня, свидетельствуют о достаточно высоком уровне материальной и духовной культуры обитателей Алтая в начале верхнего палеолита. Кроме того, новейшие антропологические открытия на Алтае связаны с основными проблемами формирования человека современного физического облика.

Палеогенетические исследования антропологических находок из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита в Денисовой пещере, датированном 50 тыс. лет назад, проведены в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге интернациональным коллективом уче-

ных под руководством профессора С. Паабо (Krause et al., 2010; Meyer et al., 2012). Расшифровка сначала митохондриальной, а затем и ядерной ДНК из костных образцов показала, что они принадлежат ранее неизвестному науке ископаемому гоминину, который по месту обнаружения антропологических останков получил название человек алтайский, или денисовец. Анализ секвенированного генома представителей новой группы древних гомининов показал их сестринскую близость неандертальцам, т.е. сначала ветвь их предков отделилась от общего с человеком современного физического вида эволюционного ствола, а потом произошло и их разделение.

Популяция денисовцев существовала в северо-западной части Алтая вместе с наиболее восточной группой неандертальцев, установленной по данным палеогенетического анализа останков ископаемого человека сначала из пещер Окладникова и Чагырской (Krause et al., 2007), а затем из Денисовой пещеры (Prüfer et al., 2014), т.е. в период 50–40 тыс. лет назад на этой территории обитали две разные группы первобытных людей. При этом неандертальцы пришли на Алтай, скорее всего, из западных районов Центральной Азии, а корни культуры, носителями которой были денисовцы прослеживаются в древнейших горизонтах Денисовой пещеры. Способы и приемы жизнедеятельности денисовцев не уступали, а в некоторых аспектах превосходили поведенческие характеристики человека современного физического облика, жившего в одно и то же время с ними на других территориях.

Новейшие палеогенетические данные показали также, что от 1,5 до 2,1% генома современного человека «принадлежит» неандертальцам, что свидетельствует о возможном скрещивании этих двух видов на определенном эволюционном этапе. Что касается денисовцев, то 3–6% их генома несут современные жители южного полушария: коренное население Австралии, островов Меланезии и Филиппин. Отметим, что на протяжении плейстоцена уровень мирового океана значительно колебался, и острова Юго-Восточной Азии, Австралия и Папуа-Новая Гвинея периодически представляли собой части протоматериков Сунда и Сахул. Поэтому в период от

60 до 40 тыс. лет назад были этапы, когда человек мог передвигаться из Азии в южном направлении и заселять эти территории вплоть до Австралии, о чем и свидетельствуют современные генетические данные.

Таким образом, и неандертальцы, и денисовцы получили право войти в число предков современного человека. Эти открытия позволяют говорить о новой модели становления человека современного физического облика в противовес теории моноцентризма, согласно которой единственным очагом становления современного человека являлась Восточная Африка, откуда потом и произошло его расселение по территории Евразии.

Новая версия полицентризма или мультирегиональной эволюции человека (Деревянко, Шуньков, 2012) основана, прежде всего, на данных археологии – если бы коренное население везде замещалось человеком разумным, пришедшим из Африки, то и культурные проявления ранней стадии верхнего палеолита должны были быть достаточно однородными на территории всей первобытной ойкумены. Однако археологические материалы свидетельствуют, что это далеко не так – каменные индустрии начальной поры верхнего палеолита в Африке, в западной части Евразии, на юге Сибири и на востоке Азии принципиальным образом отличаются друг от друга, что подразумевает культурную и, следовательно, генетическую непрерывность у первобытного населения в каждом из этих регионов.

Наглядный пример мультирегиональной эволюции человека представляют палеолитические материалы из восточных регионов Азии, где *Homo erectus*, пришедший с первой миграционной волной, а затем его потомки в течение сотен тысяч лет развивали свои приемы обработки камня, отличные от технологий, характерных для остальной части Евразии. Отсутствие внешних инноваций в каменных индустриях так называемой китайско-малайской зоны в период от 100 до 30 тыс. лет назад, когда в других областях первобытной ойкумены происходил переход от среднего к верхнему палеолиту, позволяет предположить, что миграционная волна людей современного типа из Африки не дошла до побережья Тихого океана. На этих территориях происходило автохтонное формирова-

ние человека современного физического типа путём эволюции азиатской формы *Homo erectus*. Кстати, это предположение подтверждается и новыми данными о возрасте некоторых палеоантропологических находок с сапиентными чертами в Китае, свидетельствующими, что анатомически современные люди появились здесь не позднее 100 тыс. лет назад (Shen, Michel, 2007).

Согласно археологическим, антропологическим и генетическим материалам из древнейших местонахождений Африки и Евразии можно говорить о том, что на земном шаре существовало несколько зон, в которых шел самостоятельный процесс эволюции популяций *Homo erectus* и развития технологий обработки камня (Деревянко, 2011). В каждой из этих зон складывались свои культурные традиции, свои модели перехода от среднего к верхнему палеолиту и происходило независимое становление ранних форм человека разумного – африканской в Восточной и Южной Африке, ориентальной в Восточной и Юго-Восточной Азии, неандертальской и алтайской на территории остальной части Евразии, которые в разной степени внесли вклад в формирование анатомически современного человека. Неспоримым подтверждением правомерности этой концепции стали новейшие данные палеогенетических исследований, показавшие наличие в генофонде современного человечества генетического материала, унаследованного как от неандертальцев, так и от денисовцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А.П., Шуныков М.В. Новая модель формирования человека современного физического вида // Вестник РАН. 2012. Т.82. № 3. С. 202–212.

Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T., Li H., Racimo F., Mallick S., Schraiber J.G., Jay F., Prüfer K., de Filippo C., Sudmant P.H., Alkan C., Fu Q., Do R., Rohland N., Tandon A., Siebauer M., Green R.E., Bryc K., Briggs A.W., Stenzel U., Dabney J., Shendure J., Kitzman J., Hammer M.F., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Patterson N., Andrés A.M., Eichler E.E., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // Science. 2012. Vol. 338. P. 222–226.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. 2007. Vol. 449. P. 902–904.

Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. V. 464. P. 894–897.

Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P. H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. Vol. 505. P. 43–49.

Shen G., Michel V. Position chronologique des sites de l'homme moderne en Chine d'après la datation U–Th // L'Antropologie. 2007. № 111. P. 157–165.

КАЗАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2014 г. А.Г. Ситдигов¹, Ф.Ш. Хузин²¹*Институт археологии АН РТ, Казань
(sitdikov_a@mail.ru)*²*Казанский федеральный университет, Казань
(khuzinfayaz@mail.ru)*

Ключевые слова: История археологии, *Институт археологии АН РТ, перспективы и направления археологических исследований.*

Резюме. Статья посвящена истории, современности и перспективах казанской археологической науки. В исследовании выделены основные исторические вехи зарождения и роста археологической науки в Казани. Уделено внимание современному состоянию археологии в Республике, обозначены основные направления движения археологической науки в будущем.

Археология в Казани впервые получила определенную организационную форму в 1878 г., когда при Казанском императорском университете по решению IV Археологического съезда было создано Общество археологии, истории и этнографии. Общество, существовавшее до начала 1930-х годов, выступило инициатором и организатором первых археологических раскопок на территории региона. Активными членами ОАИЭ были С.М. Шпилевский, А.Ф. Лихачев, П.А. Пономарев, Н.Ф. Высоцкий, Г. Ахмаров, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков и др., труды которых послужили фундаментом, на котором сложилась археологическая наука в Татарстане.

С образованием в 1939 г. Казанского института языка, литературы и истории, вошедшего в 1945 г. в состав Казанского филиала АН СССР, связано формирование местной археологической школы, прославившейся впоследствии именами Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Р.С. Габяшева, П.Н. Старостина, Р.Г. Фахрутдинова, Е.П. Казакова и др.

В 1962 г. из сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР выделились археологи и этнографы, создав самостоятельный сектор. Почти четверть века спустя, в 1986 г., сектор археологии и этнографии был разделен на два отдела. Отдел археологии, насчитывающий

11 археологов с 5 лаборантами, Постановлением Кабинета министров РТ № 746 от 16.10.1995 г. был преобразован в Национальный центр археологических исследований (НЦАИ) со статусом головной организации с правом осуществления контроля и координации всех археологических исследований на территории республики.

Специфика многонационального региона, где издревле, еще до появления здесь представителей тюркоязычных племен, проживало финно-угорское население, требовала изучения проблем этногенеза и этнической истории современных народов края, особенностей формирования культур различных этносов в условиях их тесного контактирования. В целом же археология Татарстана развивалась по трем ключевым направлениям: 1) сплошное разведочное обследование региона в целях создания наиболее полного свода археологических памятников Среднего Поволжья; 2) стационарные исследования памятников эпохи первобытности и средневековья, в первую очередь, исторически известных болгарских городов, поселений сельского типа и некрополей; 3) исследования в области этногенеза и этнической истории, взаимодействия культур тюркоязычных и финно-угорских народов региона.

Итогом работ по первому направлению стала Археологическая карта Татарстана в

6-ти томах под редакцией А.Х. Халикова, изданный в 1981-1990 гг. Результаты археологического изучения важнейших памятников эпохи камня, бронзы, раннего железа и раннего средневековья, а также Болгара, Биляра-Великого города, Джукетау, средневековой Казани, Алабуги, других поселений городского и сельского типов опубликованы в десятках тематических сборников и монографий. Третье направление исследований, демонстрировавшее сложную картину этногенеза народов региона, представлено в основном трудами А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой и Е.П. Казакова¹.

В связи с новыми общественно-политическими процессами в стране, происходившими в начале 1990-х годов, значительно повысился интерес широкой общественности к истории татар, истокам его государственности, что отразилось в повышении статуса археологической науки, способной решать самые сложные, спорные и жизненно важные для будущего татар проблемы его древней и средневековой истории. В 1996 г. из ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ выделился самостоятельный Институт истории им. Ш. Марджани. За последние 10–15 лет происходил неуклонный рост численного состава сотрудников НЦАИ в составе Института истории АН РТ, обусловленный все возрастающими потребностями в выявлении, изучении и сохранении огромного археологического наследия народов Татарстана.

Предложение о возможности создания самостоятельного Института археологии на базе НЦАИ, впервые высказанное московскими и петербургскими коллегами (Р.М. Мунчаев, В.В. Седов, А.Г. Векслер, А.Н. Кирпичников) еще в период нашего сотрудничества по определению возраста Казани, нашло поддержку руководства АН РТ. Президиум АН РТ своим решением от 30 июля 2013 г., одобренным Кабинетом министров РТ, возвестил о создании на основе Национального центра археологических исследований и Музея архе-

¹ Более полную библиографию см.: Указатель трудов ученых Института языка, литературы и истории Академии наук Татарстана. 1939-1986 гг. / Под ред. А.Г. Каримуллина. Казань, 1997; Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987-2006 гг.) / Отв. ред. и сост. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007.

ологии Татарстана Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ с имеющимися штатными единицами.

Сегодня в отделах первобытной археологии, средневековой археологии, естественнонаучных исследований и музееведения по специальности «археология» работает около 60 сотрудников, в том числе – 2 членкорреспондента АН РТ, 6 докторов наук, 6 лауреатов Государственной премии РТ, 4 заслуженных деятеля науки РТ. Созданы межведомственные и межрегиональные центры: естественнонаучных исследований в археологии (совместно с КФУ, Институтом археологии РАН и др.); Центр изучения болгарской цивилизации (совместно с Институтом археологии НАН Украины, Варненским музеем Института археологии АН Болгарии, Астраханским, Болгарским и Билярским музеями-заповедниками). При Институте создана лаборатория антропогенетических исследований. С начала 2000-х годов совместно с КФУ ведется большая работа в области изучения генетики древнего и современного населения региона. Данное направление исследований соответствуют передовым мировым стандартам и является приоритетным.

Впервые в регионе организована работа по созданию Геоинформационной системы для памятников археологии Татарстана (около 3 тыс. объектов). Разработки могут быть применены и при создании ГИС для объектов культурного наследия Татарстана и включением данных в кадастровую систему РТ. Подобные управляемые базы данных являются важным условием эффективной работы и взаимодействия различных государственных структур по сохранению культурного наследия.

Функционируют восемь археологических экспедиций, финансируемых за счет программных и грантовых средств: Первобытная, Раннеболгарская, Болгарская, Билярская, Нижневолжская, Волго-Окская, Охранно-спасательных работ, экспедиция в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

С 2010 г. при финансовой поддержке республиканского фонда «Возрождение» реализуется комплексный проект «Культурное наследие: древний Болгар и остров-град Свияжск». Он предусматривает реализацию про-

граммы по сохранению археологического наследия и созданию современной музейной и туристической инфраструктуры в Свияжске и Болгарском музее-заповеднике. Археологи Института истории АН РТ за короткий срок организовали и проводили масштабные раскопки этих двух памятников, разработали научную концепцию и создали экспозиции открывшегося в 2013 г. Музея болгарской цивилизации в г. Болгаре.

Одновременно проводятся раскопки золотоордынских памятников в Нижегородской (Курмыш, Нижегородский кремль) и Астраханской областях (Старый Сарай – Селитренное и Самосдельское городища), совместные исследования в Алтайском крае, Рязанской, Ульяновской областях, Республиках Чувашия и Марий Эл. По приглашению археологов Болгарии наши антропологи и археозоологи участвуют в раскопках и обработке материалов средневековых городов Плиски и Преслава.

Музейный археологический фонд Института археологии РТ включен в число Государственного музейного фонда Российской Федерации. В этом году планируется открытие Музея археологии Республики Татарстан, что позволит новому Институту стать основой Государственного депозитария для археологических коллекций, происходящих с территории Татарстана. Подобные формы организации музейного хранения в мире рассматриваются как перспективные, такие структуры планируется реализовывать и в РФ.

Большая работа ведется в области современных методов реставрации. Создаются новые методики реставрации, основанные на применении нанотехнологий. Реставрационные лаборатории по предметам археологии являются уникальной научной центром, которые выполняют не только передовые исследования, но ведут обширную работу по сохранению археологических предметов для музеев Татарстана и Поволжья.

Нельзя не упомянуть о нашей довольно активной издательской деятельности. Начиная с 2007 г. опубликовано 16 солидных выпусков в серии «Археология евразийских степей», 4 выпуска серии «Археология и естественные науки Татарстана». С 1997 г. выходит журнал «Finno-Ugrica», в 2012 г. основан жур-

нал «Поволжская археология», получившие положительные отзывы наших российских коллег. Последние достижения археологов Татарстана нашли отражение в первых трех томах семитомной «Истории татар с древнейших времен» (2002; 2006; 2009), Атласах «Tartarica», «Vulgarica» и «Великий Болгар», в составлении которых приняли участие наши российские и зарубежные коллеги. Все это способствует поднятию престижа казанской археологической школы в России и за рубежом, превращению Института археологии АН РТ в действенный координационный центр для археологических учреждений Поволжского региона.

Имеющийся потенциал археологических подразделений, преобразованных в новую организационную структуру в рамках Академии наук РТ, дает возможность реализовать научный потенциал Республики в данном направлении. Создание Института археологии АН РТ включает науку Татарстана в современные процессы формирования археологии с внедрением новых методов исследований в археологии и сохранения культурного наследия, соответствующих мировым стандартам.

Появление нового научного академического учреждения дает возможность Татарстану стать одним из ведущих центров археологии, способных координировать деятельность российских и международных научных учреждений, разрабатывающих проблемы древней и средневековой археологии Евразии. Самостоятельный академический Институт археологии, объединяющий исследователей специализирующихся на особой научной дисциплине, может повысить и эффективность организации археологических (в том числе охранно-спасательных, новостроечных) работ в Республике Татарстан, в том числе по реализации программы «Возрождение историко-культурного наследия народов поволжского региона».

СЕКЦИЯ 1

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ МИКРОЛИТОВ ИЗ РАННЕМЕЗОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ¹

© 2014 г. О.И. Александрова

*Институт археологии РАН, Москва
(adamena@mail.ru)*

Ключевые слова: каменный век, мезолит, Северо-Западный Кавказ, Губское ущелье, трасологический метод, геометрические микролиты, метательный износ, органические остатки.

Резюме. В результате трасологического анализа каменных изделий второго мезолитического слоя пещеры Двойная удалось установить различные трудовые операции, производившиеся этими орудиями и связанные с обработкой шкур и кожи, кости, дерева, камня. На основании изучения макроповреждений и сопутствующих им микроследов, ассоциируемых с метательным износом на геометрических микролитах, реконструируется их использование в качестве косолезвийных и поперечнолезвийных наконечников стрел. На орудиях были зафиксированы остатки, предположительно, органического происхождения. Стоянку, приуроченную ко второму мезолитическому слою, можно охарактеризовать как сезонное охотничье поселение.

Трасологический анализ каменного инвентаря из раскопок стоянок конца палеолита – мезолита в Губском ущелье на Северо-Западном Кавказе ранее не производился. Благодаря новым материалам, полученным в ходе изучения Губской археологической экспедицией под руководством Е.В. Леоновой в 2008–2013 гг. стратифицированных памятников пещера Двойная и навес Чыгай, появились перспективы для масштабного трасологического анализа эталонных для региона материалов. На данный момент на памятниках исследованы слои, относящиеся к верхнему палеолиту

и мезолиту (навес Чыгай и пещера Двойная) и энеолиту (навес Чыгай) (Леонова, 2012; Леонова, Александрова, 2012а).

Функциональная характеристика каменных материалов, происходящих из двух слоев мезолитического времени в пещере Двойная, на основе проведенного трасологического анализа демонстрирует явную охотничью направленность хозяйственной деятельности на стоянках: присутствуют орудия со следами различных трудовых операций по разделке добычи, обработке полученных в результате охоты шкур, костей, изготовлению охотни-

¹ Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Традиции и инновации» и проекта РФФИ № 12-06-00202-а.

чьего вооружения. Немаловажную роль в трудовых операциях на стоянках играла обработка дерева (Александрова, 2014).

Каменный инвентарь мезолитических слоев пещеры Двойная включает значительное количество геометрических микролитов. На основании изучения материалов удается проследить направление развития (или смены) мезолитических индустрий от более ранних (раннемезолитический слой), без трапеций и с большим количеством сегментов, к более поздним, где среди геометрических микролитов доминируют трапеции (Леонова, Александрова, 2012б). В этой связи чрезвычайно интересным представляется изучение макроповреждений на геометрических микролитах, а также изучение их поверхности на микроуровне при помощи микроскопа.

Коллекция каменных предметов, происходящих из второго мезолитического слоя пещеры Двойная, демонстрирует весь спектр производственной деятельности на памятнике. Среди морфологически выраженных орудий преобладают скребки – 68 экз. (более 20% от всех орудий), большинство из которых относится к концевым формам. Также в коллекции второго слоя присутствуют два скребла на массивных отщепах. Резцы составляют менее 10% орудий (24 экз.) коллекции и представлены преимущественно различными ретушными формами. Кроме этого в коллекции хорошо представлены выемчатые (28 экз.) и зубчато-выемчатые (11 экз.) орудия; острия разнообразных форм (23 экз.); пластины с ретушью (35 экз.), пластины и пластинки с притупленным краем (24 экз.), а также долотовидные орудия. Геометрические микролиты представлены трапециями (всего 10 экз.), единичными находками прямоугольников (3 экз.), а также серией сегментов, насчитывающих 34 экз. Изделия из кости единичны: два костяных острия и три подвески из зубов животных со сверленными биконическими отверстиями на корнях, а также обломок трубчатой кости с удаленной губчатой массой и заглаженными краями сломов, предположительно служивший в качестве муфты, и обломок трубчатой кости с пазом.

Группа охотничьего вооружения и орудий разделки добычи для второго мезолитического слоя пещеры Двойная на основании трасо-

логического анализа составляет 30% от общего числа предметов со следами износа (всего со следами использования было выявлено 328 предметов). Среди орудий этой группы наиболее многочисленна серия цельных наконечников стрел, представленных геометрическими микролитами (сегменты, трапеции), симметричными остриями и их обломками, а также несколькими экземплярами пластинок и микропластинок с притупленным краем, в общей сложности насчитывающими 65 экз.

Изучению геометрических микролитов посвящено значительное количество работ, опирающихся на эксперименты, трасологический анализ, этнографические параллели (Odell, 1979; Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984; Нужный, 1992; Суворов, Васильева, 2003; Yaroshevich et al., 2010; и др.). Экспериментальные исследования отмечают значительное разнообразие типов повреждений, связанных с метательным износом, находящихся во взаимосвязи со способом фиксации наконечника на древке (Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984; Нужный, 1992). Благодаря детальному анализу макроповреждений, ассоциируемых с метательным износом, приводятся многочисленные реконструкции их использования в качестве единичных наконечников стрел, а также в составе метательного вооружения. Исследователями прослеживается взаимосвязь между морфологией микролита и способом его фиксации на древке. Вариабельность форм геометрических микролитов связывается с изменениями в технологии изготовления метательного вооружения, а также с культурными отличиями. Изменение типа вооружения может свидетельствовать о наличии адаптивных механизмов в условиях изменений окружающей среды (Yaroshevich et al., 2010, p. 368).

На основании макроанализа поверхности геометрических микролитов, происходящих из второго мезолитического слоя, удалось выделить три типа повреждений, ассоциируемых с метательным износом (рис. 1):

Повреждения, ориентированные параллельно длинной оси микролита (рис. 1А):

Сломы части корпуса, заходящие на дорсальную либо вентральную поверхность, либо срезающие часть края;

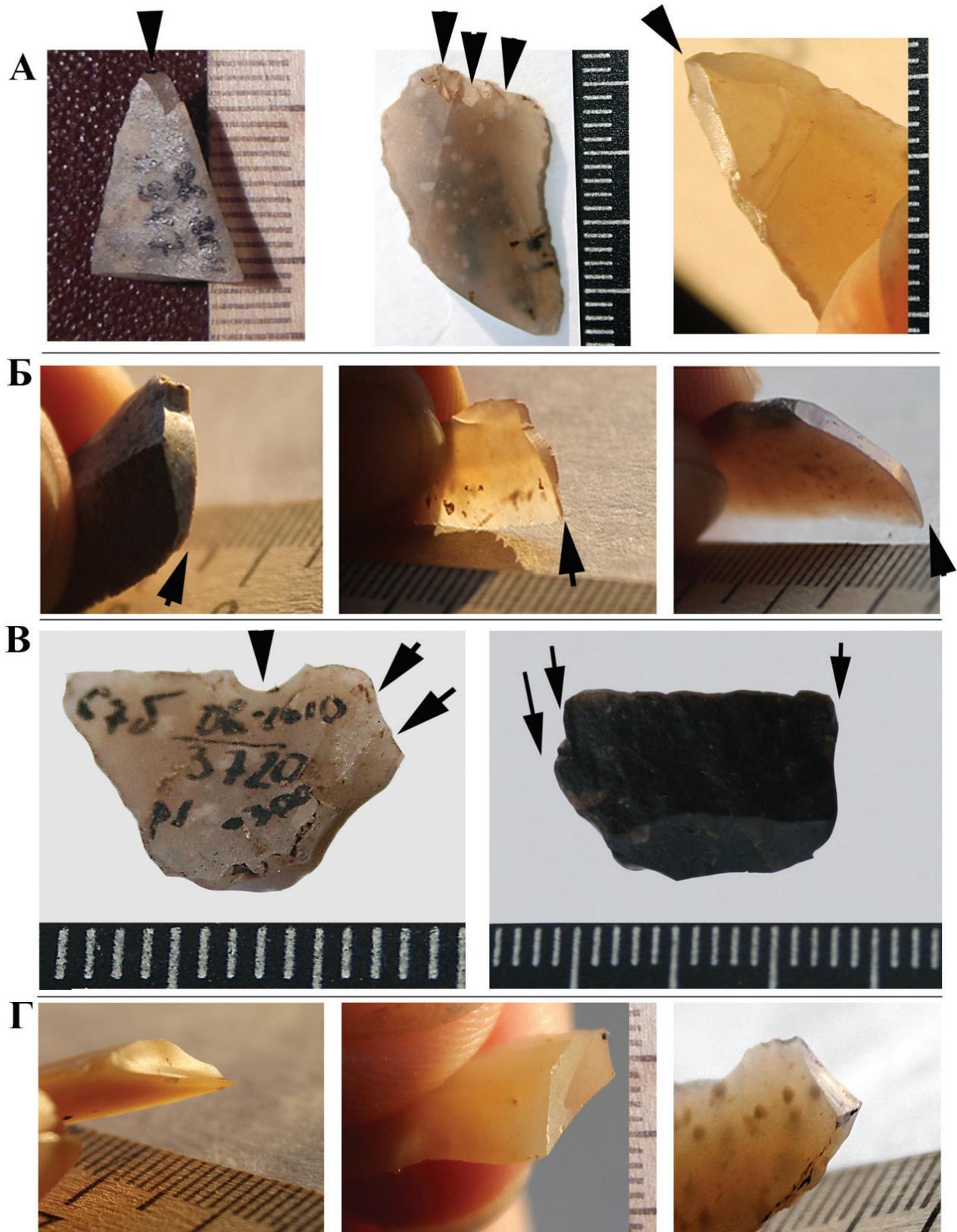
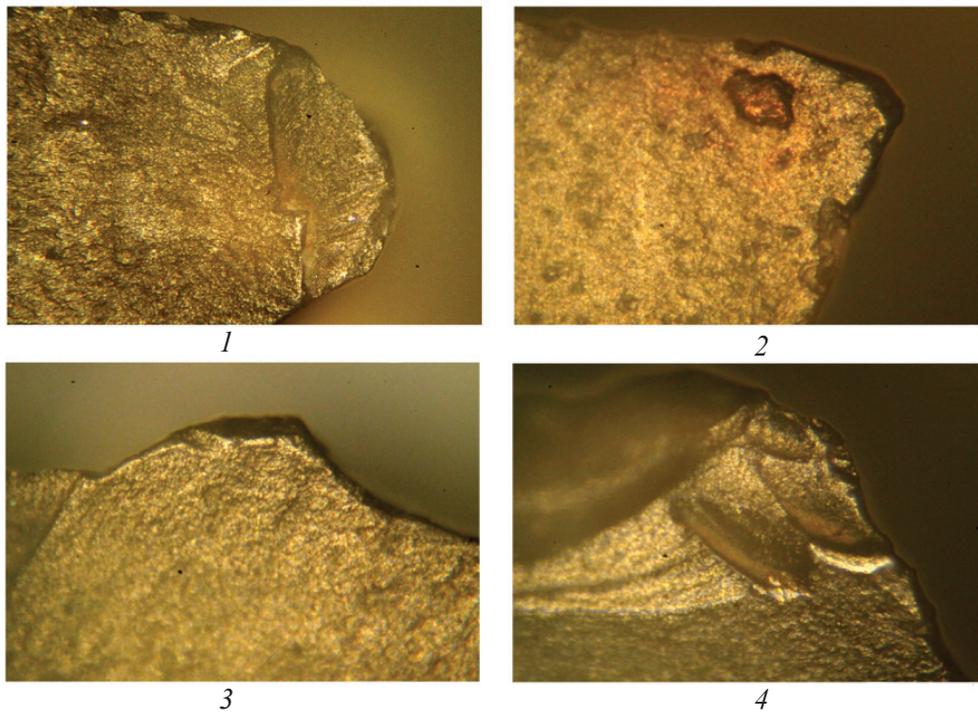
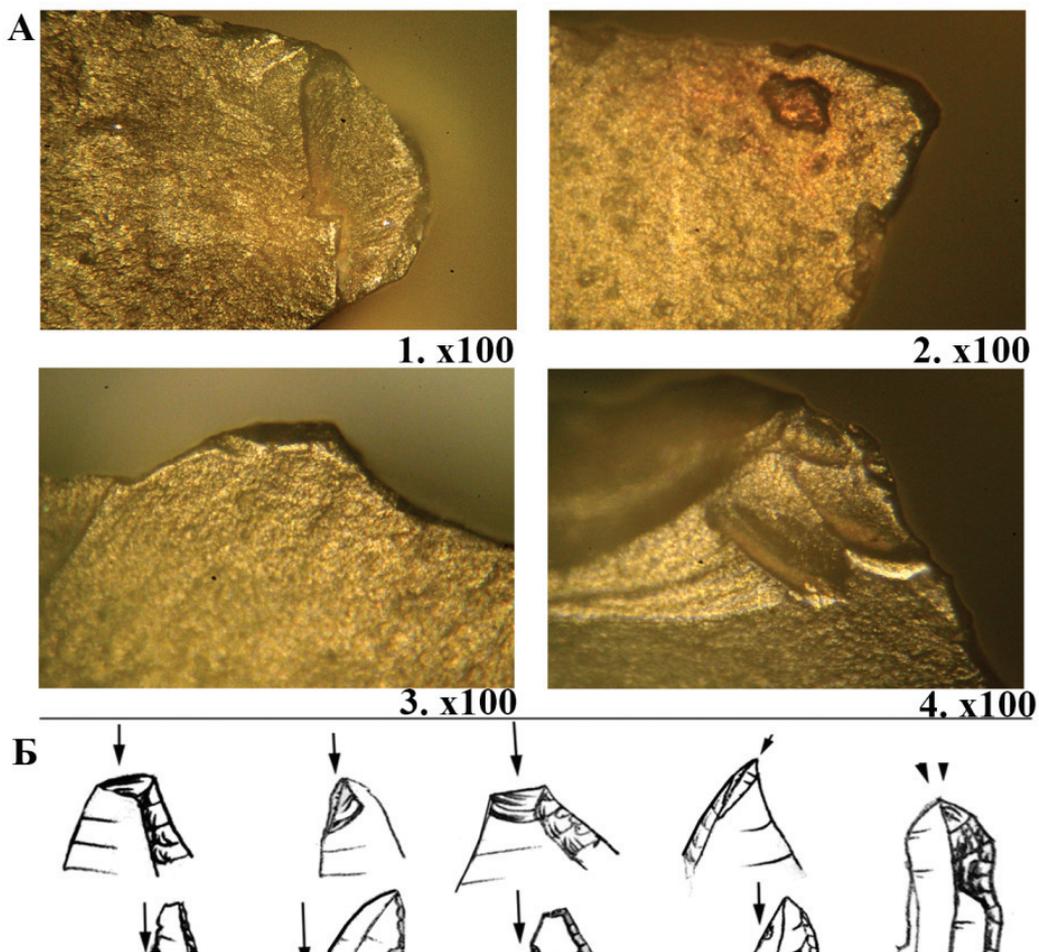

Рис. 1. Макроповреждения на поверхности геометрических микролитов из второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе.

Рис. 2. Микроследы, зафиксированные на остриях геометрических микролитов из второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе (микрофотографии имеют увеличение 100 крат).

Рис. 3. Реконструкция способа крепления сегментов и трапеций в качестве косозевийных наконечников стрел, трапеций – в качестве поперечнолезвийных наконечников, а также микропластинок с притупленным краем – в качестве симметричного наконечника.

Резцовые сколы, удаляющие часть одного из концов микролита и заходящие на ретушированный край;

Резцовые сколы, удаляющие острый край микролита.

Повреждения, ориентированные под углом либо перпендикулярно к длинной оси микролита. Эти повреждения начинаются с острого края микролита и, как правило, представляют собой резцовые сколы, удаляющие часть одного из концов микролита и срезающие ретушированный край, заходящие на дорсальную и вентральную поверхности, а также разномасштабные фасетки на дорсальной либо вентральной поверхности микролита по неретушированному краю (рис. 1Б, 1В).

Поперечные сломы корпуса микролита (рис. 1Г).

В ряде случаев на поверхности геометрических микролитов встречены комбинации повреждений, ассоциируемых с метательным износом, как правило, располагающиеся на противоположных концах микролита и представленные следующими комбинациями:

Серии параллельных длинной оси микролита повреждений на одном или двух концах;

Серии перпендикулярных либо располагающихся под углом по отношению к длинной оси корпуса микролита повреждений на одном или обоих концах;

Сочетание параллельно и перпендикулярно расположенных повреждений на противоположных концах.

Наиболее часто встречающийся тип повреждений на микролитах представляет собой резцовый скол, начинающийся на остром краю микролита и дугообразно срезающий часть ретушированной стороны орудия. Этот тип повреждений зафиксирован на 15 сегментах и 3 трапециях. На пяти сегментах этот тип повреждений отмечается в сочетании с параллельными краю острия резцовыми сколами, либо плоскими фасетками на дорсальной или вентральной поверхностях на противоположном конце микролита. Подобное сочетание признаков метательного износа характерно для микролитов, зафиксированных на древке в позиции косолезвийного наконечника (Нужный, 1992).

Второй тип перпендикулярных длинной оси микролита повреждений по острому краю

в виде фасеток выкрошенности и в виде резцовых сколов, удаляющих концы микролита, зафиксирован исключительно на трапециях (5 экз.) и ассоциируется с повреждениями при ориентации микролита в качестве поперечнолезвийного наконечника стрелы (Там же). Наблюдаются также различия в морфологии трапеций и способе их фиксации: для косолезвийных наконечников использовались низкие симметричные трапеции, тогда как для поперечнолезвийных использовались разные вариации с преобладанием высоких и средневысоких.

На микроуровне на поверхности микролитов на одном из концов по кромке, а также на вентральной и дорсальной сторонах был зафиксирован комплекс микроследов в виде линейно направленных легких заполировок (рис. 2, 1, 2). Края острия на микроуровне имеют скругление и облегающую заполировку, характерную для контакта с мягким материалом (Коробкова, Щелинский, 1996) (рис. 2, 3, 4). Реже зафиксированы линейные следы в виде неглубоких тонких рисок, повторяющих направление заполировки. Подобный комплекс микроследов мог образоваться при попадании наконечника стрелы в тушу добычи. Таким образом, на основании выявленных микроследов и макроповреждений на геометрических микролитах, ассоциируемых с метательным износом, можно говорить об использовании большинства изученных сегментов и трех низких симметричных трапеций в качестве косолезвийных наконечников стрел, либо их фиксации в составном метательном оружии в качестве косо-ориентированных «шипов» (Yaroshevich et al., 2010). Также в качестве поперечнолезвийных наконечников стрел были использованы трапеции. Три прямоугольника из второго мезолитического слоя не несут на себе повреждений и не содержат диагностирующих микроследов. Серия повреждений, ассоциируемых с метательным износом, была зафиксирована также на 11 остриях, 2 микропластинках с притупленным краем, 3 пластинках с притупленным краем и одной пластинке, которые функционально были определены как наконечники стрел с вертикальной ориентацией на древке.

В процессе изучения поверхности микролитов на макроуровне были зафиксированы

полосы смолоподобного вещества, которые предварительно интерпретируются как остатки клеящей массы и обмотки, при помощи которых микролит фиксировался на древке. В настоящий момент проводятся анализы по установлению состава этих остатков. На основании комплекса повреждений, ассоциируемых с метательным износом, были произведены реконструкции способа крепления микролитов на древке (рис. 3). Таким образом, предварительно можно говорить о том, что различия в форме геометрических микролитов, происходящих из двух слоев времени мезолита в пещере Двойная, отчасти обусловлены изменениями в ведущих формах охотничьего вооружения. Очерчивая направление дальнейших исследований, необходимо отметить, что для материалов первого мезолитического слоя пещеры Двойная и материалов навеса Чыгай также проводится трасологический анализ, в связи с чем первостепенным представляется сопоставление функциональных групп орудий из различных по времени бытования, палеоклиматическим условиям и облику каменного инвентаря стоянок, что, в конечном итоге, позволит проследить адаптационные механизмы взаимодействия человека с окружающей его средой на примере памятников конца палеолита – мезолита на Северо-Западном Кавказе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова О.И. Функциональный анализ каменных орудий второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 48–50.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Леонова Е.В. К вопросу о тенденциях развития мезолитических индустрий Северо-Западного Кавказа и Горного Крыма // Человек в истории и культуре. Вып. 2: Мемориальный сб. мат-лов и исследований в память лауреата Гос. премии Украины академика РАЕН, проф. В.Н. Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса: СМІЛ, 2012. С. 201–205.

Леонова Е.В., Александрова О.И. К характеристике мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // КСИА. 2012а. Вып. 227. С. 207–215.

Леонова Е.В., Александрова О.И. Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012б. С. 21–28.

Нужний Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наук. думка, 1992. 185 с.

Суворов А.В., Васильева Н.Б. Два вкладышевых орудия из погребения III памятника Минино II на Кубенском озере // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 287–292.

Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points // *J. of Danish Archaeology*. 1984. № 3. P. 19–46.

Odell G.H. A New and Improved System for the Retrieval of Functional Information from Microscopic Observations of Chipped Stone Tools // *Lithic Use-Wear Analysis* / Ed. B. Hayden. N.Y.: Academic Press, 1979. P. 329–344.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M. Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and Late Epipalaeolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence // *J. of Archaeological Science*. 2010. № 37. P. 368–388.

ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА

© 2014 г. А.А. Анойкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(*anui1@yandex.ru*)

Ключевые слова: палеолит, мелкоорудийные индустрии, ашель, технокомплекс, плейстоцен, Дагестан.

Резюме. Статья посвящена итогам комплексных исследования последних лет, проводимых на территории прикаспийской предгорной равнины в Южном Дагестане. Раннепалеолитические индустрии стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 дают основание рассматривать Кавказ как один из очагов существования доашельских микроиндустрий на самых ранних этапах человеческой истории. Более поздние материалы (Чумус-Иниц, Дарвагчай-карьер, Дарвагчай-залив-1 и др.) демонстрируют появление на этой территории комплексов с классическими ашельскими рубилами. Развитые среднепалеолитические индустрии (Рубас-1 (средний комплекс), Рубас-2–5) характеризуются применением двух разновидностей леваллуазской техники, а также присутствием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников. Для рубежных верхнему палеолиту технокомплексов (Тинит-1, Рубас-1 (верхний комплекс)) характерна призматическая (или близкая к таковой), а также простая параллельная техника получения пластинчатых заготовок с редуцированием ударной площадки подтеской и пришлифовкой.

В ходе первоначального заселения Евразии, которое началось около 2 млн л.н., одним из основных транзитных коридоров являлся Кавказ. Наиболее ранние памятники на этой территории принадлежат палеомантинской эпохе Матуяма, т.е. относятся к периоду древнее 0,68 млн л.н. При этом большинство известных стоянок сосредоточено в ее центральной части, в Закавказье или вдоль черноморского побережья. Территория Северо-Восточного Кавказа, особенно прибрежные районы Каспийского моря, до недавнего времени была изучена крайне слабо. Новые археологические изыскания позволили значительно увеличить объем наших знаний о древнейшей истории каспийского побережья Кавказа (см. *рисунок*).

В настоящий момент можно выделить три основные проблемы палеолитоведения Дагестана и всего Кавказа в целом: первоначальное заселение данной территории, появление и развитие здесь ашельских индустрий, а также переход от среднего палеолита к верхнему и его возможная связь с освоением Кавказа человеком современного типа.

Наиболее древние комплексы в Приморском Дагестане были обнаружены на стратифицированных памятниках Рубас-1 (нижний комплекс) и Дарвагчай-1.

Рубас-1 расположен в Табасаранском р-не Республики Дагестан, в среднем течении р. Рубас, на 30-метровом террасовидном уступе. Археологический материал на местонахождении зафиксирован на трех высотных уровнях. Наиболее ранний комплекс артефактов обнаружен в гравийно-галечной прослойке (сл 5), залегающей в основании разреза (глубина 16–18 м), накопление которой происходило в бурунной зоне древнего пляжа в одну из фаз древней трансгрессии Каспийского моря. Среди обломков кремня в слое часть предметов была определена как артефакты. Этот комплекс находок Рубаса-1 характеризуется изделиями малых размеров (~ 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием нестандартизированных заготовок (осколки, обломки). Среди орудий преобладают предметы с разнообраз-

ными выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Изделия крупнее 5 см малочисленны. Предполагаемый на основании комплекса естественно-научных данных возраст вмещающих отложений, который соотносится с финалом акчагыльского времени (1,8–2,0 млн. л.н.), а также специфический характер артефактов позволяют отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии им прослеживаются в археокомплексах расположенной в 30 км стоянки Дарвагчай-1.

Археологические материалы многослойной стоянки Дарвагчай-1 (Кайтагский р-н Республики Дагестан) приурочены к прибрежно-морским осадкам бакинской террасы (~750–550 тыс. л.н.). Как и на Рубасе-1, облик индустрии определяется, в первую очередь, небольшими размерами артефактов. При этом микролитический облик индустрии, судя по всему, не зависит от размерности и особенностей расщепления исходного сырья. Набор основных категорий орудий включает скребловидные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клювовидные, острия) формы, а также зубчато-выемчатые изделия и практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям. Стоит отметить только появление в верхнем культурном слое (сл. 8) ручных рубил.

В настоящее время наиболее древние каменные мелкоорудийные ассамбляжи известны в Восточной Африке, на стоянках Омо 57 и Омо 123, возраст которых, по геологическим данным, определяется в 2,3–2,4 млн л.н. Эти древнейшие индустрии характеризуются наличием определенной системы в первичном расщеплении, но отсутствием серийности в конечных продуктах, а также большим количеством предметов, относящихся к отходам производства (осколки, обломки) и, возможно, получавшихся намеренно (техника дробления). Орудийный набор был еще не сформирован, и ретуширование заготовок носило случайный характер.

На территории Евразии до последнего времени наиболее древним памятником с такими мелкоорудийными наборами была стоянка Бизат Рухама (Израиль) (ок. 1 млн л.н.).

Индустрии Рубаса-1 и, отчасти, Дарвагчай-1, при их типологической невыраженности и наличии орудий, выполненных слабоорганизованной ретушью, занимают промежуточное хронологическое и технологическое положение между африканскими и ближневосточными мелкоорудийными комплексами. Особенности используемого каменного материала, а также наличие в коллекции крупных сколов и отдельных орудий «стандартных» размеров не позволяют утверждать, что миниатюрность основной массы изделий определяется исключительно культурной традицией.

Появление и дальнейшее распространение более поздних, ашельских индустрий, наиболее характерная черта которых – присутствие ручных рубил (бифасов), также является одной из наиболее обсуждаемых тем в археологическом сообществе. Первое появление комплексов с ручными рубилами фиксируется в Африке ок. 1,7–1,5 млн. л.н. и знаменует начало длительной (более 1 млн. лет) ашельской эпохи. В последующее время индустрии с бифасами распространяются на Ближний Восток и далее – в Индию, на Кавказ и в Европу.

Проявлением этой миграционной волны следует, видимо, считать «поверхностные» местонахождения с ашельским инвентарем в Западной Туркмении, Западном и Центральном Казахстане, а также в Мугоджарах и Северном Приаралье. При этом предполагается вероятным появление ашельских индустрий Мангышлака, Мугоджар и, возможно, Приаралья в результате миграций с Северного Кавказа. Такие миграции могли осуществляться вдоль северных и южных берегов Каспия в условиях трансгрессивного уровня моря. С открытием ашельских рубил в Дагестане (Дарвагчай-1, Дарвагчай-залив-1, -2, -4, Дарвагчай-карьер и др.) эта гипотеза получила дополнительное подтверждение.

Исходя из палеогеографических реконструкций четвертичной истории Каспия и расположения палеолитических местонахождений с бифасами, гипотеза о миграциях носителей ашельских традиций с Кавказа в Центральную Азию не имеет принципиальных препятствий. Продвижение популяций, владеющих ашельскими технологиями, могло осуществляться вдоль северного берега моря

в периоды глубоких регрессий среднего плейстоцена (изотопно-кислородные стадии 11, 9 и 7). Кроме того, более древние миграции с Кавказа в Центральную Азию могли осуществляться и по Апшеронскому порогу в период глубокой (-150–200 м) тюркянской регрессии Каспийского моря (изотопно-кислородные стадии 20–18). Другим важным фактором возможности таких миграций является подтвержденное комплексом естественно-научных данных наличие источников литоресурсов на шельфе Северного Каспия, пригодных для изготовления палеолитических орудий.

Развитые среднепалеолитические индустрии, известные в настоящее время по материалам группы памятников Дарвагчай-залив, среднему комплексу находок на Рубасе-1, а также по подъемным материалам (Рубас-2–5, Чумус-Иниц и др.), характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников.

Еще одним из важнейших направлений в исследованиях палеолита является определение региональной специфики перехода от среднего к верхнему палеолиту и становления культуры человека современного физического типа. На Северо-Восточном Кавказе этот рубеж характеризуют, в первую очередь, стратифицированные комплексы стоянок Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1.

Всего на стоянке Тинит-1 (Табасаранский р-н Республики Дагестан) зафиксировано 11 горизонтов залегания археологического материала (а.г.). По своим технико-типологическим характеристикам технокомплексы верхних культурных горизонтов (а.г. 1–4) соответствуют рубежу среднего/верхнего палеолита, а нижних (а.г. 5–11) – финалу среднепалеолитического времени. Выводы о таком культурно-хронологическом делении материалов стоянки подтверждаются результатами абсолютного датирования. В AMS-лаборатории Аризонского университета (г. Тусон, США) получено пять дат в интервале от 39200 ± 740 л.н. (сл. 2, а.г. 2) до 47800 ± 1500 л.н. (сл. 8, а.г. 10).

К тому же культурно-хронологическому интервалу, что и индустрии Тинит-1, относят-

ся, видимо, и материалы верхнего комплекса Рубаса-1. Здесь зафиксировано семь уровней залегания археологического материала, также делящегося на две группы – финально-среднепалеолитическую и переходную к верхнему палеолиту.

В целом, археологические комплексы нижних археологических горизонтов стоянок Тинит-1 и Рубас-1 характеризует наличие выразительных леваллуазских форм для отщепов и остриев, одновременно с которыми использовались и торцовые разновидности нуклеусов. На более поздних этапах на смену леваллуазской приходит своеобразная параллельная объемная техника раскалывания, в продольном и бипродольном пластинчатых вариантах. В орудийном наборе стоянок преобладают изделия с режущими и скребущими лезвиями. Следует отметить полное отсутствие бифасиальных форм и признаков двусторонней обработки среди группы орудий, что является нехарактерным для Кавказского региона. По совокупности признаков, в первую очередь, по наличию развитой леваллуазской техники, в т.ч. и в вариантах, направленных на производство удлиненных заготовок, а также по отсутствию бифасиальных изделий, материалы нижних археологических горизонтов стоянок наиболее близки инвентарю леваллуа-мустьерской группы памятников Восточной Европы, выделенной по материалам стоянок Крыма и Пруто-Днестровья. Вместе с тем следует отметить наличие среди орудий, хоть и в единичных экземплярах, таких форм, как скребки высокой формы, скребки с плечиками, тронкированно-фасетированные изделия, многогранные поперечные резцы. Присутствие этих типов является характерным для многих археологических комплексов финальной стадии среднего палеолита в индустриях Западной Азии (стоянки Загроса, Северо-Западного Тянь-Шаня и др.).

Исследования последних лет, проводимые в Приморском Дагестане, позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона и представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

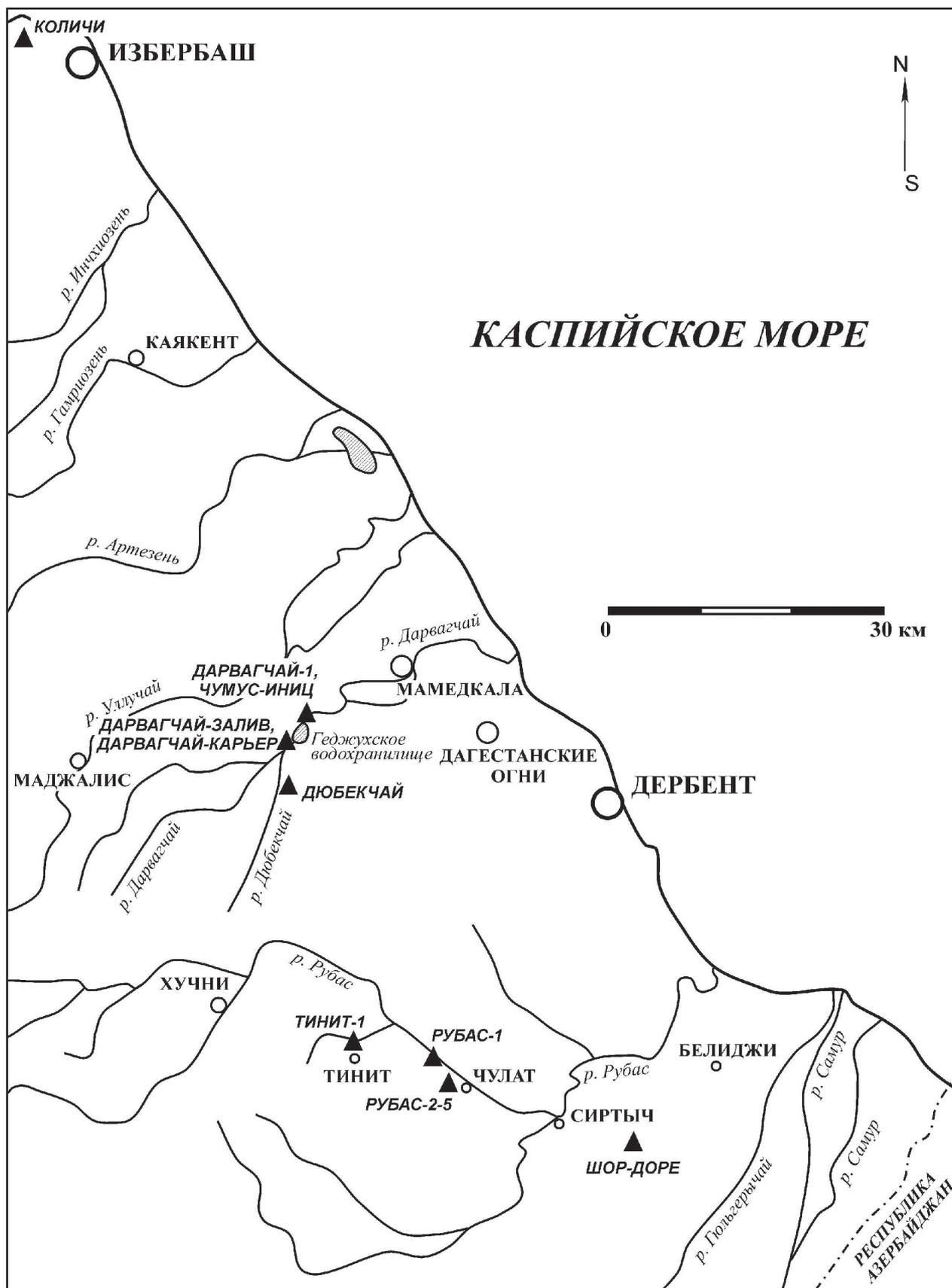

Рис.1 Карта-схема расположения основных палеолитических памятников Приморского Дагестана.

**ВЕРХНИЙ СЛОЙ
ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БЫКИ-7:
К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ
ИЛИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

© 2014 г. Н.Б. Ахметгалева

*Курчатовский государственный краеведческий музей, Курчатов
(achmetga@mail.ru)*

Ключевые слова: верхний палеолит, развитие материальной культуры, функциональная изменчивость, индустрии с геометрическими микролитами.

Резюме. На позднепалеолитических стоянках Быки (Посеймье) исследуются с помощью сравнительного анализа каменные индустрии с треугольными геометрическими микролитами. Вскрытие новых участков верхнего культурного слоя Ia на стоянке Быки-7 показало, что количественные и качественные прогнозы относительно некоторых изменений в каменном инвентаре этих памятников нужно делать осторожно. Определенно можно говорить о продолжении развития индустрий с геометрическими микролитами. Инвентарь стоянок Быки-7 (сл. Ia и I) отличается от других быковских стоянок резко возросший индекс треугольных микролитов. В то же время последние исследования показали прямую зависимость уровня микролитизации инвентаря от функционального назначения вскрытого участка стоянки и в меньшей степени – от типа сезонного стойбища.

Исследования на разновременных, но однокультурных позднепалеолитических стоянках Посеймья Быки позволили внести коррективы не только относительно вариаций развития материальной культуры поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине, но и относительно различий, связанных с функциональной изменчивостью в рамках одной культуры (Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалева, 2005, 2007, 2009). Большой потенциал для решения подобных вопросов предоставило изучение материалов стоянки Быки-7 (сл. Ia), радиоуглеродные даты которого находятся в диапазоне 14–17 тыс. л.н.

Ранее проведенные исследования соотношения фауны, качественного состава каменного инвентаря, трасологические и зооархеологические наблюдения привели к выводу о существовании в Быках нескольких типов поселений (Ахметгалева, 2009). Вариации в составе остеологических коллекций указывают скорее на разницу в хозяйственном

направлении вскрытых участков, нежели свидетельствуют о существенном изменении охотничьего уклада. Хорошо изученные зимние стойбища, представленные жилыми объектами Быков-1 (18 тыс. лет) и I культурного слоя Быков-7 (17 тыс. лет) характеризуются присутствием следов первичной и вторичной разделки туш животных, полного цикла утилизации костного сырья и шкур животных. Представлена разнообразная хозяйственная деятельность. Разница проявляется в том, что в слое I стоянок Быки -7 преобладают работы по разделке туш животных и обработке шкур.

Что касается изучаемого более молодого культурного слоя Ia Быков-7, занимающего несравненно большую площадь, чем жилые объекты Быков, то это, вероятно, остатки базового стойбища в летний период. При этом рассматривается возможность частичного наложения следов разных обитаний на данном участке. Дальнейшие исследования памятника перспективны, поэтому окончательные выводы делать еще рано.

В настоящее время вскрыто 240 м². Залегает культурный слой в основании покровной толщи лессовых супесей. Жилая площадка не найдена, искусственных углубленных объектов нет. Как и на других Быковских стоянках, в остеологической коллекции преобладают кости копытных животных и пушного зверя. Доминирующий вид отсутствует. Однако есть характерные черты, выделяющие данное поселение. В целом, здесь преобладает первичная разделка туш животных, но есть и элементы вторичной разделки. Остеологическая коллекция характеризуется присутствием анатомических групп костей мелких и копытных животных, большой степенью фрагментации костных остатков, в т.ч. и с целью добычи костного мозга, наличием фрагментов краниального скелета животных (Ахметгалеева, Бутова, 2008). Костяные изделия единичны и устойчивых групп, связанных с домашним хозяйством, не образуют. Нет и полного цикла утилизации костного материала, шкурок животных. Трасологические наблюдения дают основание полагать, что основные работы здесь могли быть связаны с охотничьим промыслом, в т.ч. с разделкой туш животных. В типологическом и технологическом плане кремневый инвентарь почти идентичен каменной индустрии I культурного слоя Быков-7.

Озвучим основной вывод, который касается общего развития материальной культуры индустрий с микролитами: наблюдаются изменения в сторону увеличения в орудийном составе доли вкладышей охотничьего вооружения (Ахметгалеева, 2005). Последние данные по верхнему культурному слою этого не изменили, но показали, на мой взгляд, прямую зависимость уровня микролитизации инвентаря от функционального назначения вскрытого участка и стоянки в целом. Треугольные микролиты в сравнении с жилым объектом слоя I уменьшаются с 57,0 до 40,7%. Но это несравнимо с 11,4% их на Быках-1 и 1,6% в Пенах. Таким образом, происходит резкий скачок в сторону увеличения количества микролитов, которые служат вкладышами охотничьего вооружения. Также в обоих слоях стоянки Быки-7 происходит значительное уменьшение процента резцов, в среднем до 6%. Процент скребков примерно одинаков

по стоянкам комплекса, но на разных участках он сильно варьирует. Колебания индексов остальных орудий не существенны.

Что касается различий между разными участками верхнего слоя Быки-7, то они наблюдаются даже при поверхностном анализе типологического соотношения групп каменных орудий. Связаны они с соотношением двух главных категорий орудий – треугольных микролитов и скребков, а также появлением/увеличением или, наоборот, исчезновением/уменьшением других категорий. Остеологический материал различается лишь своей концентрацией на участках, немногочисленные предметы обработанной кости только дополняют, но не меняют функциональной составляющей участков.

На данном этапе исследований выделено несколько зон, отличающихся по насыщенности культурных отложений и качественному составу инвентаря.

На западном участке стоянки (линии квадратов 2–5) большую часть площади можно достаточно уверенно отнести к периферии. Здесь самая минимальная концентрация находок (1–3 предмета на квадрат), окрашенность культурного слоя отсутствует. Большинство костных остатков было представлено анатомическими группами костей зайца, песка и птиц, залегавших в мерзлотных трещинах, в то время как каменных орудий практически не было. Количество найденных здесь микролитов в 2,5 раза превышает скребки. Остальные категории орудий единичны. К данному участку отнесена и центральная часть вскрытой площади, сильно пострадавшая во время строительных работ. Возможно, не все важные структуры сохранились. Квадраты Б-Г/2–III выделялись большей степенью концентрации материалов, фиксировались включения охры. Интересно, что процент треугольных микролитов здесь доходит до 58%, что соответствует проценту их в жилом объекте культурного слоя I.

Юго-восточный участок (линии IV–VII) характеризуется появлением слабых углисто-охристых пятен и средней для памятника концентрацией артефактов. Здесь расщепленный кремнь значительно превосходит количество костных остатков. Отмечены небольшие скопления и единичные находки относительно

крупных костных фрагментов, например, ребра мамонта, продольно расчлененного рога северного оленя и т.п. В рамках этого участка выделены квадраты 3-Г/VI-VII, структурные характеристики которых те же, но состав орудийного набора существенно отличается. Только здесь индекс скребков (48,1%) в два раза превосходит индекс микролитов треугольных форм (22,2%) при отсутствии резцов.

Основная концентрация находок слоя Ia приходится на северный участок, связанный с залеганием культурных остатков по бортам и внутри природной западины, образовавшейся в результате крупных мерзлотных деформаций. Благодаря проведенной В.Г. Бездудным геофизической разведке с помощью магнитометра и радара, мы можем предположить, что ее ширина около 15 м, а длина может превышать 40 м.

Древняя поверхность здесь хорошо читается ввиду большого количества элементарного культурного наполнителя. Значительно увеличивается количество остеологического материала, залегавшего на сопредельных кремневым скоплениям участках. Можно говорить об определенной выборке костей копытных животных. Найдены ребра, расколотые метаподии, другие трубчатые кости, а позвонки – единичны. Вскрытый участок характеризуется присутствием анатомических групп костей нижних конечностей песца, зайца, и разнесенных по пространству фрагментов челюстей широкопалой лошади, разрозненных зубов копытных животных. Промывка углистой массы приносила большое количество мельчайших кремневых чешуек и фрагментов косточек. На некоторых костных остатках и кремнях фиксируются следы пребывания в огне или в неостывшей зольной массе. Соотношение каменных орудий близко к средне-статистическим данным по стоянке.

Северо-западные квадраты этого участка характеризуются залеганием максимально для стоянки количества остеологического материала в золисто-углистом пятне мощностью до 15 см по южному борту природной западины. Пятно захватило полосу шириной около метра с юго-запада на северо-восток через квадраты Л-I/1, М-1, М-I, Н-II/IV. На соседних участках фиксировались скопления кусков минеральной краски и заготовок

для нее. В орудийном наборе присутствует близкое количество микролитов и скребков, в углисто-золистом пятне их количество одинаково.

Центральная северная часть участка характеризуется равномерным по площади залеганием находок. Мощность золисто-углистой линзы, распространяющейся практически по всей площади, в среднем 3–5 см (максимально до 7 см). Культурные остатки распределялись относительно равномерно. На этом участке количество расщепленного кремня увеличивается почти в два раза в сравнении с западной зоной. Здесь опять соотношение скребков и микролитов становится среднестатистическим, соответственно преобладают треугольные микролиты. Обращено внимание на появление большого количества широких пластин и их фрагментов по сравнению с предыдущими коллекциями. Также встречено большое количество отщепов, пластин и пластинок с ретушью утилизации. В основном – это зубчатая ретушь, возникающая при пилении твердых материалов и выемки от скобления.

Вскрытие северо-восточных квадратов подтвердило наблюдаемые в орудийном наборе северных участков тенденции постепенного уменьшения с запада на восток позиций скребков и возрастания роли зубчато-выемчатых орудий. На линиях IX–XIII преобладают треугольные микролиты (41,3%) и их заготовки. Главной особенностью становится полное исчезновение скребков и возрастание роли резцов до 17,2%.

Заключение. Вскрытие новых участков на стоянке Быки-7 (сл. Ia) показало, что количественные и качественные прогнозы относительно некоторых изменений в каменном инвентаре памятников Быки нужно делать осторожно. Особенно, если учесть, что часть стоянок повреждена и уничтожена. Определенно можно говорить о продолжении развития индустрий с геометрическими микролитами. Инвентарь стоянок Быки-7 (сл. Ia и I) отличает от других быковских стоянок резко возросший индекс треугольных микролитов. Значительно уменьшается доля резцов, которые перестают быть ведущей категорией. Данные устойчивые изменения отражают, на наш взгляд, эволюцию в материальной культуре древних обитателей. В то же время по-

следние исследования показали прямую зависимость уровня микролитизации инвентаря от функционального назначения вскрытого участка стоянки и в меньшей степени – от типа сезонного стойбища. Продолжение работ на памятнике будет способствовать дальнейшему решению рассматриваемых вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметгалеева Н.Б. Использование кости на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки Курской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 28 с.

Ахметгалеева Н.Б. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / Отв. ред. Н.Б. Леонова. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 155–169.

Ахметгалеева Н.Б. Эволюция природных комплексов и смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки) // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.П. Чабай. Донецк: Донбасс, 2009. С. 231–246. (Археол. альманах; № 20).

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. Зооархеологические наблюдения и реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 // Человек. Адаптация. Культура / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2008. С. 44–55.

Григорьева Г.В., Филиппов А.К. Пенская позднепалеолитическая стоянка // СА. 1978. № 4. С. 168–175.

Чубур А.А. Быки: Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск: Брянск сегодня, 2001. 132 с.

РАННЕВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ КАРА-БОМ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)^{1*}

© 2014 г. Н.Е. Белоусова

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(consacrer@yandex.ru)*

Ключевые слова: стоянка Кара-Бом, ранний верхний палеолит, метод ремонтажа, культурный горизонт, технология обработки каменного сырья.

Резюме. Работа посвящена исследованию технологий обработки каменного сырья в индустриях эпохи раннего верхнего палеолита стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) в свете новых планиграфических и стратиграфических данных. На основе изучения пространственной локализации продуктов расщепления отдельных кусков каменного сырья, очагов, кострищных пятен и каменных плит была предложена новая культурно-стратиграфическая схема членения отложений раскопа 4 и пересмотрены результаты технологических реконструкций, касающихся ранневерхнепалеолитических материалов памятника.

В контексте исследования технологий обработки каменного сырья, существовавших на территории Северной Азии в эпоху становления культур верхнего палеолита, особое внимание заслуживают материалы многослойного палеолитического памятника открытого типа Кара-Бом, расположенного в центральной части Горного Алтая. На основе анализа выразительных археологических комплексов, происходящих из стратифицированной части отложений стоянки, были выявлены отдельный вариант среднего палеолита и особая «линия развития» раннего верхнего палеолита Горного Алтая; была обоснована преемственность между средним и верхним палеолитом региона (Деревянко и др., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, Шуньков, 2004).

В силу слабой изученности планиграфической ситуации на памятнике, археологические комплексы верхнепалеолитических «уровней обитания» ранее рассматривались как независимые единицы, а «при попытке решения проблемы логики, динамики и направленности развития» индустрий и их сопоставлении объединялись в два «макрокомплекса» – 1–4 и 5–6 (Деревянко и др., 1998. С. 25; Zwyns et al., 2010). Индустрии были определены как направленные на массовое получение пластин-

чатых сколов. Первичное расщепление более древнего макрокомплекса 5–6 было охарактеризовано как сочетающее в себе три компонента: леваллуазский для остриев, переходный (широкая плоскость/торец) и торцовый (Деревянко и др., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000). На основе анализа первичного расщепления и орудийных форм уровней обитания 5–6 и 1–4 было высказано предположение об эволюции более древней индустрии в более молодую при сохранении всех основных черт системы утилизации нуклеусов. Леваллуазский компонент, по мнению авторов, в макрокомплексе уровней обитания 1–4 сохранялся лишь как элемент подготовки фронта скальвания. Относительно него отмечается усиление роли биполярного расщепления, уменьшение размеров заготовок, увеличение количества микропластин, сокращение доли подправленных ударных площадок.

В результате нового этапа исследований был выявлен ряд обстоятельств, определяющих необходимость верификации и переоценки существующих технологических реконструкций.

Во-первых, в результате пространственного анализа верхнепалеолитических отложений на основе широкой базы апплицирующихся изделий и анализа сырья была

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-12039-офи-м-2013.

скорректирована принятая до настоящего времени схема членения культурных отложений. При реконструкции динамики заселения стоянки было установлено, что выделяемые ранее шесть уровней обитания представляют собой два отдельных культурных горизонта (ВП1 и ВП2), контактирующих на небольшом участке (Белоусова, Рыбин, 2013). Отложениям горизонта ВП1 соответствуют следующие даты: 30, 33, 34 тыс. л.н. Горизонту ВП2 соответствуют две даты ок. 43 тыс. л.н.

Во-вторых, была осуществлена дифференциация археологических материалов согласно новой схеме культурно-стратиграфического членения посредством индивидуального анализа координат залегания каждой находки, а также с учетом локализации групп связанного дебитаж. Особое значение имеет тот факт, что около 50% коллекции уровня обитания 4, ранее анализируемого в рамках верхнего «макрокомплекса» 1–4, в результате исследования были соотнесены с нижним горизонтом ВП2.

В-третьих, на основе данных ремонтажа и анализа сырья были расширены коллекции каменных артефактов за счет материалов из смежных раскопов. Приобщено 185 артефактов, преимущественно технологически выразительных.

В-четвертых, на основе данных ремонтажа была пересмотрена технологическая идентификация ряда каменных изделий, а из фрагментов полностью или частично восстановлено значительное количество сколов. В целом, коллекция каменных изделий, вошедших в склейки, составляет около 13% от общего числа находок.

В свете полученных данных стало возможным и необходимым осуществление новых исследований технологий обработки каменного сырья на стоянке. К горизонту ВП2 в процессе исследования были отнесены (помимо отщепов размером <3 см и неопределимых фрагментов сколов) 1100 артефактов, к культурному горизонту ВП1 – 264 артефакта.

Производство сколов пластинчатых пропорций в период накопления культурного горизонта ВП2, наиболее насыщенного археологическим материалом, происходило в рамках трех стратегий, различающихся, в первую очередь, характером локализации фронта скальвания

на расщепляемой заготовке. Получение крупных и мелких сколов пластинчатых пропорций осуществлялось в рамках каждой из стратегий, однако при этом была ярко выражена специализация. Коллекция каменных артефактов ВП2 включает серию остаточных нуклеусов – 15 экземпляров сохранили негативы крупных сколов (пластин), 28 экземпляров несут негативы мелких сколов (пластинки, реже микропластины).

Широкофронтальное расщепление (23,5%) осуществлялось в рамках объемной концепции (призматические и подпризматические нуклеусы) посредством бинаправленного скальвания и было ориентировано на получение крупных заготовок пластинчатых пропорций. Изделия данной группы можно интерпретировать как «протопризматические». Характерной чертой утилизации широкофронтальных нуклеусов является противопоставление фронта скальвания продольному ребру контрфронта.

Расщепление переходных форм (37 экз.) осуществлялось последовательно в рамках смежных плоскостей торцового фронта и широкого; как и в предыдущем случае, заготовки расщеплялись посредством параллельного скальвания с противоположных ударных площадок. Расщепление в рамках данной стратегии было в равной степени направлено на получение крупных сколов пластинчатых пропорций и мелких сколов; фактором, определяющим параметры будущего скола, являлся тип заготовки для нуклеуса: это мог быть массивный скол или отдельность сырья. Естественно, что в первом случае реализовывались исключительно пластинки и микропластины. На основе изучения редуцированных последовательностей можно выделить два типа утилизации полезного объема заготовки: ситуативное скальвание в смежных плоскостях торцового и широкого фронта и скальвание от торца на широкий фронт. Нуклеусы переходной морфологии могли иметь на начальных этапах утилизации просто торцовые формы, а при сильном срабатывании становиться плоскостными.

Торцовое расщепление (39,5%) было направлено почти исключительно на реализацию пластинок и микропластин посредством бипродольного и однонаправленного скальвания, заготовками для нуклеусов в большинстве определимых случаев выступала пластина. Доминируют так называемые нуклеусы резцового

типа (нуклеусы-резцы), однако часть изделий группы торцовых нуклеусов близка по морфологии к клиновидным. Возможно, как и предполагалось ранее, здесь зафиксирован процесс зарождения на основе торцового расщепления этой верхнепалеолитической стратегии получения мелких пластинчатых заготовок (Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000).

Коллекция каменных артефактов горизонта ВП1 включает девять нуклеусов. Сопоставление технологий обработки камня, существовавших на разных этапах заселения стоянки в эпоху раннего верхнего палеолита, позволяет говорить как об определенном сходстве, так и значительной разнице между ними. Стратегия утилизации изделий переходной группы, во многом определяющей облик индустрии горизонта ВП2, абсолютно не характерна для индустрии горизонта ВП1. Торцовое расщепление, разнообразное в нижнем горизонте ВП2, представлено несколькими невыразительными или спорными формами. На фоне минимального (до 5%) присутствия микропластин и пластинок в индустрии сколов горизонта ВП1 этот факт кажется особенно значительным. Основное сходство между технологиями двух уровней состоит в реализации стратегии расщепления широкофронтальных нуклеусов с целью получения пластин. Подобные формы являются наиболее представительной категорией ядрищ в индустрии горизонта ВП1 (впечатление усиливают данные ремонтажа и технические сколы), но по сравнению со своими аналогами в индустрии ВП2 обладают признаками более развитого призматического расщепления: значительно более вытянутыми пропорциями при сильной сработанности ресурса заготовки, большими значениями объема дуги скалывания и др. При общем сходстве приемов подправки нуклеусов можно отметить, что только в индустрии горизонта ВП1 фиксируется прием создания продольного ребра контрфронта посредством поперечных снятий от плоскости фронта. Как показали данные ремонтажа, индустрии горизонтов ВП1 и ВП2 не содержат леваллуазского компонента, присутствие которого отмечалось ранее и придавало индустриям памятника более архаичный облик. Фиксируемые на остаточных ударных площадках сколов приемы подправки и редуцирования одинаково разнообразны в рамках

индустрий двух уровней. Распространенными приемами являлись редуцирование ударной площадки ретушью, снятие карниза мелкими сколами, дробление области дуги скалывания нуклеусов инструментами из этого же сырья; зафиксирована комбинация приемов снятия карниза и дробления. Исследование орудийного набора двух индустрий позволило выявить ряд общих черт, однако таких специфических и «руководящих» для индустрии горизонта ВП2 форм, как острие на пластине с вентральной подтеской, тронкированно-фасетированное орудие, ножи кара-бомовского типа, в горизонте ВП1 не зафиксировано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Новая схема культурно-стратиграфического членения ранневерхнепалеолитических отложений стоянки Кара-Бом (на основе пространственного анализа и данных ремонтажа) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. Т. 10; Вып. 7: Археология и этнография. С. 87–99.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 33–52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 280 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 12–40.

Zwyns N., Rybin E.P., Hublin J.-J., Derevianko A.P. Burin-core technology and laminar reduction sequence in the initial Upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny Altai, Siberia) // Quaternary International. 2012. Vol. 259. P. 33–47.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ В ПАЛЕОЛИТЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕКА ИЗ МАРКИНОЙ ГОРЫ (КОСТЁНКИ XIV)¹

© 2014 г. А.П. Бужилова

*НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета
им. Ломоносова, Институт археологии РАН, Москва
(albu_pa@mail.ru)*

Ключевые слова: палеолит, погребальный обряд, биоархеология, палеоантропология, Костёнки.

Резюме. Антропологические останки взрослого индивида со стоянки Костёнки XIV (Маркина гора) отличаются хорошей сохранностью и комплектностью скелета. Скелет взрослого человека располагался в погребальной яме на левом боку, в скорченном состоянии. Кости скелета, как и дно погребальной ямы, были окрашены темно-красной охрой. Никаких сопутствующих артефактов не обнаружено. Проведенный впервые анализ патологических особенностей скелета выявил нарушение целостности тел двух поясничных позвонков из-за очевидных дегенеративных патологических процессов, две зажившие травмы черепа, также как и возможную травму левой подвздошной кости, которую индивид получил незадолго до смерти. Кроме того, есть косвенные свидетельства вероятной посмертной манипуляции с телом погребенного. Результаты антропологического анализа обсуждаются со сходным случаем эпохи верхнего палеолита в контексте семантики погребальных традиций.

Изучение особенностей погребального обряда у наиболее ранних представителей верхнего палеолита имеет важное значение в решении вопросов, связанных с пониманием характера первобытной культуры. Наличие или отсутствие инвентаря в могиле, свидетельств украшений одежды и тела, использования охры и угля в погребальной конструкции, трупосожжения или намеренного трупоположения умершего, посмертных манипуляций с останками – все это, как и многие другие элементы погребального обряда, результат проявления сложных религиозных представлений и верований человека каменного века.

В анализе развития той или другой стороны погребального обряда крайне важно детальное изучение антропологических останков, что в некоторых случаях позволяет обсудить возможные причины смерти, характер занятий и питания, т.е. социальный статус, физический облик и состояние здоровья, а также пол и возраст погребенного. Часто антропологи находят свидетельства посмертных или

прижизненных манипуляций с телами умерших. Таким образом, для успешного решения задачи важно использовать различные методы и подходы, сопоставляя полученные результаты антропологического исследования в контексте археологического знания.

Антропологические останки взрослого индивида, обнаруженные А.Н. Рогачевым в 1954 г. на стоянке Костёнки XIV (Маркина гора), отличаются хорошей сохранностью и комплектностью скелета. В ходе раскопок его фрагменты были извлечены, а затем отреставрированы М.М. Герасимовым (1964. С. 122–124). В 1955 г. результаты предварительного антропологического анализа были опубликованы Г.Ф. Дебецем. Позднее, в специальных публикациях, посвященных антропологическим находкам из Костёнок, к этим данным обращалась М.М. Герасимова (1982, 2006). В настоящее время останки хранятся в антропологических фондах Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

Как отмечает А.Н. Рогачев (1955), Маркина гора представляет собой многослойный

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12035.

памятник, расположенный недалеко от поймы Дона. Он входит в число известных для этого региона верхнепалеолитических стоянок открытого типа. Погребение было обнаружено в разрезе шурфа, который практически не повредил могилу и останки погребенного. Культурный слой, перекрывающий заполнение ямы, представлял скопления черного гумуса, насыщенного остатками мелких фрагментов костей животных, расщепленного песчаника, незначительными находками черного кремня, фрагментами скребков, простейших резцов и другими свидетельствами присутствия людей в этом регионе. Верхняя часть заполнения могильной ямы и часть ее северного края были нарушены естественными по природе западинами. В заполнении ямы не было линз вулканического пепла, остатки которого в изобилии отмечены на том же уровне за пределами периметра ямы. Однако при зачистке стен могилы линзы пепла¹ были обнаружены почти повсюду (Рогачев, 1955. С. 35).

Погребальная яма имела правильную овальную форму и отличалась небольшими размерами (99 x 39 см) и глубиной (до 48 см). Скелет взрослого человека располагался на левом боку в скорченном состоянии: ноги, согнутые в коленях, подтянуты до уровня груди; руки, согнутые в локтевых суставах, прижаты к середине груди; голова опущена вниз и подбородок (нижняя челюсть) прижат к груди. Такое положение тела значительно уменьшало общие размеры. Как отмечает А.Н. Рогачев (1955. С. 36), ширина скелета на уровне груди с прижатыми коленями, т.е. в самой высокой точке была около 28 см, что не оставляло сомнений, что человек был погребен в связанном/спеленатом состоянии. Кости скелета и особенно череп были окрашены темно-красной охрой. Подобной по цвету охрой было посыпано все дно погребальной ямы. Никаких сопутствующих артефактов не обнаружено.

Для датировки погребения автор раскопок применил тщательный сравнительный анализ и пришел к заключению, что общая датировка определяется геологическими условиями залегания в отложениях, имеющих полное

сходство в строении со второй надпойменной террасой Дона. В результате погребение из Маркиной горы наиболее близко по времени с известным захоронением на Городцовской стоянке (Костёнки XV) и слоями II, III Тельманской стоянки, т.е. относится к раннетельманскому времени по периодике П.П. Ефименко. Некоторые исследователи считали это погребение более поздним.

В наше время предпринимались неоднократные попытки радиоуглеродного датирования различных слоев памятника, в т.ч. погребения; в последнем случае даже использовались костные останки человека, т.е. был применен метод прямого датирования, который не дал ожидаемого результата из-за очевидных посмертных загрязнений (Sinitsyn, 2003). Самая последняя попытка прямого радиоуглеродного датирования из образца большеберцовой кости методом оценки 10% коллагена углерода оказалась успешной, и у исследователей есть основание утверждать, что скелету из Маркиной горы не менее $33,250 \pm 500$ л.н. (Marom et al., 2012). Эта датировка хорошо согласуется с датой, полученной методом молекулярных часов при анализе митохондриальной ДНК индивида, которая дает величину 32,700 л.н. (Krause et al., 2010). Если соотносить это погребение в рамках западноевропейской хронологии, то это единственная самая ранняя и полная по комплектности скелета обрядовая ингумация из известных антропологических находок раннего ориньяка в Центральной и Западной Европе, также как и синхронного периода в Восточной Европе. По хронологии и комплектности скелетов к этому случаю приближаются более поздние находки из Сунгиря (одиночное и двойное погребение), которые по последним данным датируются не моложе 30,000 л.н. (Marom et al., 2012; Nalawade-Chavan, McCullagh, Hedges, 2014). Таким образом, антропологические останки человека из Маркиной горы – это уникальный источник для оценки особенностей образа жизни, возможной причины гибели этого молодого человека, а также обсуждения особенностей погребального обряда самой ранней комплектной ингумации этого периода.

Пол и возраст был определен Г.Ф. Дебецем как мужской молодой. Это, несо-

¹ Культурный слой, покрытый залежами вулканического пепла, был достоверно подтвержден в ходе последующих раскопок в 2000 г. (Sinitsyn, 2003).

мненно, молодой половозрелый индивид, однако достаточно грацильный для представителей мужского пола. Г.Ф. Дебец (1955) и В.П. Алексеев (1978), каждый в свое время, отмечали относительную миниатюрность размеров этого индивида, которая определяется по общим размерам костяка (минимальным для известных палеолитических находок мужского пола), однако не выражали сомнения в его принадлежности к мужскому полу. Предпринятая нами оценка баллового развития признаков на костях черепа и тазовых костях, диагностирующих пол, указывает, что большая часть из них лежит в границах средних баллов, т.е. в максимальной зоне трансгрессии (перекрывания), характерной как для мужского, так и женского пола. Размеры головок плечевой и бедренных костей также не выходят за пределы интервала трансгрессии величин признаков, характерных для мужского и женского пола. Очевидное развитие костного рельефа в местах прикрепления некоторых глубоких мышц и связок на ключицах и трубчатых костях конечностей указывают на серьезные физические нагрузки индивида: реконструируются элеваторные нагрузки, регулярные долгие пешие переходы, вторичный венозный застой из-за серьезных нагрузок на нижние конечности. Все это наиболее характерно для представителей мужского пола, однако не исключает возможности тяжелых физических нагрузок для молодой здоровой женщины. Видимо, оценка пола методами молекулярной генетики может окончательно поставить точку на этом вопросе.

Впервые проведенный анализ патологических особенностей скелета выявил нарушение морфологии тел двух поясничных позвонков из-за очевидных дегенеративных патологических процессов, две зажившие травмы черепа, также как и возможную травму левой подвздошной кости, которую индивид получил незадолго до смерти. Кроме того, есть косвенные свидетельства вероятной посмертной манипуляции с телом погребенного. Последнее хорошо согласуется с наблюдениями археологов, указавших, что тело индивида было погребено в спеленатом состоянии.

Особенное внимание уделено обсуждению поведенческих реакций молодого человека из-за травмы головы и вероятной причины

смерти. Травма подвздошной кости индивида обсуждается с известным сходным случаем эпохи верхнего палеолита в контексте семантики погребальных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.: Наука, 1978. 284 с.

Герасимов М.М. Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 167 с.

Герасимова М.М. Палеоантропологические находки // Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону (1879–1979). Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Л.: Наука, 1982. С. 250–257.

Герасимова М.М. Осевой скелет, плечевой пояс и стопа человека из верхнепалеолитического погребения Костёнки-14 (Маркина Гора) на Среднем Дону // Вестн. антропологии. 2006. Вып. 13. С. 24–30.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические находки в Костёнках // СЭ. 1955. № 1. С. 43–53.

Рогачев А.Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костёнки XIV (Маркина Гора) // СЭ. 1955. № 1. С. 29–39.

Krause J., Briggs A., Kircher M., Maricic T., Zwyns N., Derevianko A., Paabo S. A Complete mtDNA Genome of an Early Modern Human from Kostenki, Russia // *Current Biology*. 2010. № 20. Doi: 10.1016/j.cub.2009.11.068.

Marom A., McCullagh J., Higham T., Sinitsyn A.A., Hedges R. Single amino acid radiocarbon dating of Upper Paleolithic modern humans // *PNAS*. 2012. № 109 (18). P. 6878–6881. Doi: 10.1073/pnas.1116328109.

Nalawade-Chavan S., McCullagh J., Hedges R. New Hydroxyproline Radiocarbon Dates from Sungir, Russia, Confirm Early Mid Upper Palaeolithic Burials in Eurasia // *PLoS ONE*. 2014. № 9 (1). e76896. Doi:10.1371/journal.pone.0076896.

Sinitsyn A.A. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Paleolithic of Northern Eurasia // *The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Complexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications* / Eds. J. Zilhao, F. d'Errico. Lisbon: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. P. 89–108.

НОВЫЕ ФИНАЛЬНОПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-МЕНЗА-1 (ЗАБАЙКАЛЬЕ)

© 2014 г. С.Б. Верещагин

*Забайкальский государственный университет, Чита
(forevich@inbox.ru)*

Ключевые слова: финальный плейстоцен, аллювий, терраса, жилище, очаг, обкладка, поведенческие стратегии.

Резюме. Статья освещает результаты последних исследований финальноплейстоценовых жилищ поселения Усть-Менза-1 в Забайкалье. В аллювиальных отложениях 1-й надпойменной террасы выявлены остатки конструкций двух жилищ из культурных горизонтов № 14 и 18. Возраст горизонтов, возможно, предварительно определить временем около 12 тыс. л.н. Обнаруженные конструкции представляли собой остатки временных, одноочажных наземных жилищ типа чума. Все элементы конструкции жилища и связанный с ними представительный археологический материал зафиксированы в инситу состоянии.

Многослойное поселение Усть-Менза-1 расположено на юго-западе Забайкальского края в среднем течении р. Чикой (12,5 км юго-западнее с. Архангельское Красночикойского р-на Забайкальского края). Поселение связано с отложениями высокой поймы (высотой 5 м) и 6-метровой 1-й надпойменной террасой, вытянутой вдоль правого берега р. Менза. Поселение изучалось ежегодно с 1982 по 1991 гг. Л.В. Семиной (Екимовой) (Верещагин, 2011. С. 35).

Поселение Усть-Менза-1 многослойное (25 культурных горизонтов), горизонты 11–25 связаны с плейстоценовым аллювием, горизонты 1–10 – с полигенетичными покровными отложениями голоценового возраста (Константинов, 1994. С. 105)

За годы исследований в позднеплейстоценовых отложениях поселения зафиксированы и изучены остатки конструкций пяти наземных одноочажных жилищ (Там же).

С возобновлением работ на поселении в 2008 г. (руководитель М.В. Константинов) были выявлены остатки конструкций еще двух жилищ. Жилища были зафиксированы при изучении культурных горизонтов 14 и 18. Данные культурные горизонты приурочены к илистым прослойкам аллювиальной толщи террасы на глубине 2,3–2,6 м от современной

поверхности. Несмотря на принадлежность к разным культурным горизонтам и уровням залегания, в поле раскопа жилища расположены рядом друг с другом. Возраст горизонтов возможно предварительно установить временем около 12 тыс. л.н. По углю из горизонта 14 имеется радиоуглеродная дата $11820 \pm$ (ГИН-7161).

Обнаруженные конструкции представляли собой остатки временных, одноочажных наземных жилищ типа чума. Все элементы конструкции жилища и связанный с ними археологический материал зафиксированы в инситу состоянии (рис. 1).

Жилище из горизонта 14 представлено внешней обкладкой и очагом. Внешняя обкладка состоит из 16 валунов образующих дугообразную кладку, замыкающуюся в овал. Валуны примерно одинаковых размеров (от 30 до 50 см), большинство из них имели удлиненные пропорции. Камни обкладки длинной осью ориентированы вдоль края жилища, точно определяя его границы. Размеры жилища (замеры по внешней стороне камней обкладки) по линии С–Ю – 5,6 м, по линии З–В – 4 м. Очаг занимал в конструкции жилища центральное место. Он представлен семью камнями, образующими дугообразную кладку овальной формы. Габариты кам-

ней очага аналогичны камням из обкладки. С очагом было связано углисто-сажистое пятно овальной формы размерами 2,25 x 1,00 м. Мощность пятна колеблется от 2 см до тончайшей пленки. В пятне и в приочажном пространстве найдены отщепы, осколки костей, отдельные артефакты. К наиболее выразительным находкам относится плоско-выпуклый бифас лавролистной формы (рис. 2, 17) проколка со сломанным острием на пластинчатом отщепе, костяная поделка в виде стержня, предположительно использовавшаяся в качестве отжимника или ретушера.

В южной части жилища у камней обкладки обнаружена серия артефактов, заслуживающих отдельного внимания. К ним относятся:

- нож на первичном отщепе из микросланца. Рабочий край изделия выпуклый, сформирован по правому маргиналу (рис. 2, 12);

- унифасиальное дорсальное скребло на отщепе эффузива. Рабочий край расположен по всему периметру изделия и подправлен полукрутой дорсальной ретушью. Дорсальная поверхность сформирована серией радиальных снятий, расположенных по всему периметру орудия, большинство из них заканчивается ступенчатыми заломы (рис. 2, 12);

- нож на пластинчатом отщепе из микрокварцита. Рабочие края оформлены на маргиналах орудия плоской и полукрутой дорсальной ретушью (рис. 2, 13). Вероятно, данные изделия были специально оставлены или забыты обитателями жилища.

Остатки конструкции жилища из горизонта 18 также представлены внешней обкладкой и очагом. В отличие от обкладки жилища из горизонта 14, обкладка данного комплекса сильно разряжена и включала в себя семь крупных речных галек и гнейсовых глыб. Они располагались одиночно или сдвояно по периметру и определяли границы жилища. Размеры камней от 20 до 40 см. Исходя из местонахождения камней, обкладка, предположительно, имела округлую форму с диаметром около 3,5 м (замеры по линии З–В, включая внешнюю сторону камней) (см. рис. 1).

Очаг с обкладкой округлой формы занимал центр жилища. Он представлен шестью камнями (речные валунчики и гнейсовые глыбы) различных размеров (от 15 см до 40 см) и углисто-сажистой массой. Наибольшую кон-

центрацию углисто-сажистая масса имела во внутриочажном пространстве. Вне обкладки очага она представляла пятно темно-серого цвета, мощностью до 0,5 см, овальной формы, размерами 1,8 м по линии З–В и 1,2 м по линии С–Ю. Основное количество находок связано с приочажным пространством.

Коллекция археологического материала представлена интересными изделиями. Условно коллекцию можно разделить на три группы.

К первой группе относятся пять крупных изделий:

- нож на первичном отщепе овальной формы, краевой ретушью покрыто около 90% периметра изделия на вентральной поверхности (рис. 2, 1);

- нож на первичном отщепе подтреугольной формы, с прямым рабочим краем (рис. 2, 15);

- остроконечник на подтреугольном сколе, рабочие лезвия оформлены краевой ретушью с вентрального фаса, правосторонняя кромка сильно сношена (рис. 2, 16);

- нож на плоском первичном отщепе овальной формы (рис. 2, 8);

- скребло на отщепе подтреугольной формы (рис. 2, 9);

- скребло на отщепе овальной формы, с дугообразным рабочим краем (рис. 2, 10).

Перечисленные выше изделия оформлены на первичных, галечных, плоских (до 1,5 см) отщепах и сколах овальных и подтреугольных форм. Рабочие края подработаны краевой ретушью, преимущественно с вентрального фаса. Заготовки для орудий скалывались с галек микросланца и микрокварцита, являющихся наиболее пригодными для расщепления сырья в долинах р. Менза и среднего течения р. Чикой. На всех изделиях зафиксированы следы сильной утилизации в виде затертостей, выкрошеностей и заломов на кромках рабочих краев. Предположительно, данные изделия выработали свой ресурс и были сознательно оставлены обитателями жилища.

Ко второй группе относится серия микролитических орудий, по тем же причинам, что и вышеперечисленные изделия, оставленных обитателями жилища. К ним относятся:

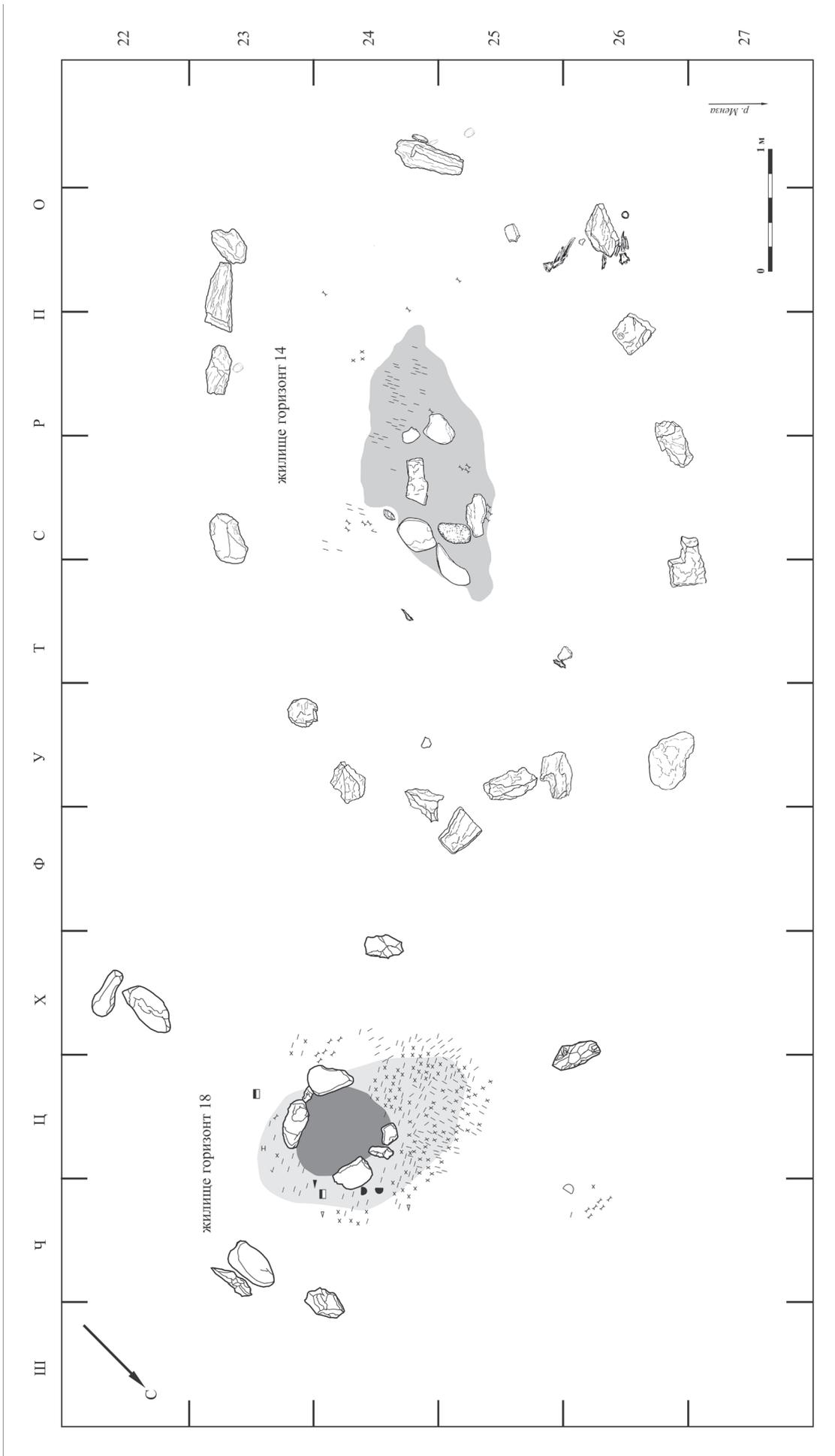
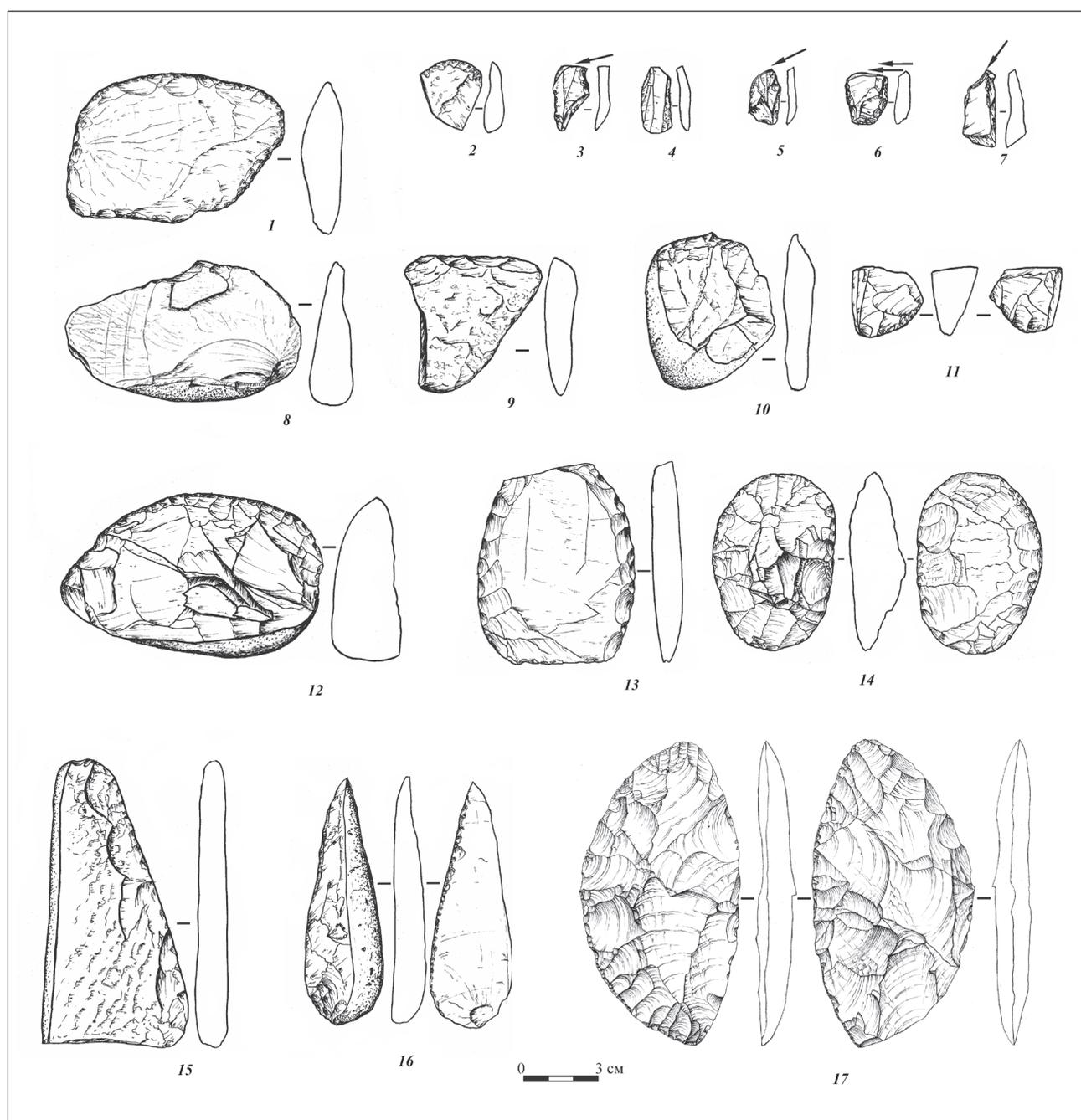

Рис. 1. План жилищ. Поселение Усть-Менза-1.

Рис. 2. Археологический материал. Поселение Усть-Менза-1.

1 – нож; 2 – фрагмент скребка; 3 – резец; 4 – пластинка с ретушью; 5–7 – резцы; 8 – нож; 9, 10 – скребла; 11 – нуклеус; 12, 13 – ножи; 14 – скребло; 15 – нож; 16 – остроконечник; 17 – бифас. 1–11, 15, 16 – находки из жилища горизонта 18; 12–14, 17 – находки из жилища горизонта 14.

1–16 – рисунки Л.В. Семиной (Екимовой);

17 – рисунок П.В. Мороза.

- фрагмент «даурского» острия с отломленным «жальцем»;
- проколка на подтреугольном отщепе, острие изделия обломлено;
- правосторонний фрагмент концевого скребка на отщепе (рис. 2, 2);
- комбинированное орудие (проколка-резец) (рис. 2, 2);
- проксимальный фрагмент изделия с мелкой утилитарной ретушью с дорсальной поверхности;
- проксимальный фрагмент трехгранной пластинки с утилитарной ретушью по краям (рис. 2, 4);
- поперечный и два трансверсальных реза на пластинчатых отщепах (рис. 2, 5–7).

Вся серия микролитических изделий изготовлена из яшмы и цветного кремня, являющихся приносным минеральным сырьем (Мороз, 2011. С. 74–75).

Третью, самую многочисленную в количественном отношении, группу составляют продукты расщепления и обработки камня:

- торцово-клиновидный микронуклеус со слегка скошенной ударной площадкой (рис. 2, 11);
- 2 боковых скола с клиновидного нуклеуса, сохраняющих фрагмент фронта;
- 2 скола с основания торцового микронуклеуса;

- 40 отщепов из яшмы;
- 7 отщепов из микросланца и микрокварцита;
- 81 фрагмент микропластинок из яшмы и кремня;
- 119 микроотщепов, чешуек из яшмы и кремня.

В целом, элементы конструкций исследованных жилищ и археологический материал, связанный с ними, представительны и уникальны. Данные объекты наиболее полно иллюстрируют особенности каменной индустрии и поведенческих стратегий обитателей долины р. Менза и среднего течения р. Чикой в финале плейстоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верещагин С.Б. Результаты изучения 25-го горизонта поселения Усть-Менза-1 // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 35–36.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Изд-во ЧГПИ, 1994. 180 с.

Мороз П.В. Результаты петроархеологических исследований в Забайкалье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 74–75.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II (ОСНОВНОЙ СЛОЙ)

© 2014 г. Е.А. Виноградова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(vinogradovae@mail.ru)*

Ключевые слова: верхний палеолит, каменная индустрия, каменнобалковская культура.

Резюме. Привлечение новых материалов для изучения инвентаря основного культурного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II подтвердило ранее выделенные особенности орудийного набора памятника.

Каменная Балка II (основной слой) – самое большое поселение каменнобалковской верхнепалеолитической культуры, исследуется с 1958 г. и представляет собой остатки долговременного поселения (базовой стоянки), датируемого в пределах 15,5–16,8 тыс. л.н.

К вопросу о культурных особенностях инвентаря основного слоя КБ II мы решили обратиться потому, что за долгие годы исследований накопился огромный материал. Основные характеристики инвентаря культуры были выделены еще в 1960-е гг. М.Д. Гвоздовер, ею были определены и истоки культуры. Памятники каменнобалковской культуры очень тесно связаны (сходны) с определенной стадией развития имеретинской культуры, а через нее – и с палеолитом Ближнего Востока (Гвоздовер, 1967; Амирханов, 1986; Леопова, 1994).

Поскольку многие опубликованные М.Д. Гвоздовер соображения о характере каменнобалковского инвентаря базируются на изучении материалов стоянки не позднее середины 1980-х гг., мы дополнили общую картину материалами последующих лет раскопок – с 1985 по 2012 г.

Площадь поселения по данным раскопок и шурфовки составляет около 2500 кв.м. Раскопками в настоящее время вскрыто около 1800 кв.м. площади стоянки. За все время раскопок собрана огромная коллекция каменных изделий – более 150 тыс. предметов, из них

примерно 10 тыс. орудий – изделий с вторичной обработкой.

В кремневой коллекции основного культурного слоя представлено все многообразие каменной индустрии, начиная от первоначальных этапов раскалывания до широкого спектра изделий с вторичной обработкой и дебитажом. Другой чертой, характерной для базовых стоянок, является избирательность представленности различных категорий инвентаря в зависимости от характера производственной принадлежности участка памятника.

Количество орудий варьирует в среднем от 6 до 8% на 1 кв.м. Основу орудийной коллекции составляют обычные для этой культуры категории орудий: микропластинки с притупленным краем (МППК), резцы, скребки, тронке, пластины и отщепы с участками ретуши, комбинированные орудия, острия и проколки, стамески и чешуйчатые орудия, зубчато-выемчатые орудия (рис. 1, 2). Среди орудий количественно преобладают МППК (более 30%) и резцы (более 20%). Третью по численности категорию орудий составляют пластины и отщепы с участками ретуши (11%). Также многочисленны скребки (10%). Остальные категории – комбинированные орудия, тронке, острия, проколки, стамески, чешуйчатые, зубчато-выемчатые и выемчатые орудия – составляют от 1 до 4% от общего числа орудий на определенном участке.

Микропластинки с притупленным краем имеют различные формы и степень обработки краев и концов (рис. 1, 1–5, 7–11). Вслед за М.Д. Гвоздовер можно утверждать, что именно они составляют характерную особенность орудийного комплекса основного культурного слоя КБ II (Гвоздовер, 1967; Виноградова, 2011). Среди МППК около 20% целых экземпляров, что позволяет хорошо проследить их морфологические особенности. Более половины всех МППК имеют обработанные ретушью концы (один или оба).

МППК имеют устойчивые характеристики первого продольного края: он прямой, обработан регулярной притупляющей ретушью, ретушь находится на дорсальной стороне орудия. Второй край часто бывает прямым, но нередко слегка выпуклым или вогнутым. Чаще всего он частично обработан.

Концы орудий обычно линейные. Верхний конец бывает точечным. В большинстве случаев концы орудия поперечно срезаны, реже – косо срезаны притупляющей ретушью, редко встречаются дугообразные окончания.

Выявление устойчивых форм МППК (по типам концов и форме орудия) и их количественное соотношение по материалам последних лет раскопок (2005–2011 гг.) подтвердили и уточнили выводы, полученные в предшествующих исследованиях (Виноградова, 2011). Подтвердилось, что «четырёхугольники» – самая многочисленная группа среди целых МППК (они составили 62% от всех целых МППК), и что среди них больше всего «косоугольников» (83%). «Прямоугольники» и «треугольники» представлены немногочисленными экземплярами (10,5 и 5%). Анализ пластинчатых заготовок показал, что у большинства микропластинок отсекался нижний конец (с ударным бугорком).

К МППК тесно примыкает другая категория микроинвентаря – *острия*, симметричные орудия с ретушью по одному или обоим краям (рис. 1, 6, 12). Доля остриев и микроостриев в коллекции основного слоя стоянки составляет около 5%. Микроострия представляют собой изделия на микропластинках с острым точечным концом и краем/краями, полностью обработанными притупляющей ретушью. Более крупные экземпляры остриев изготовлены на пластинах и представляют

граветтоидный тип, очень характерный для позднепалеолитических слоев имеретинских памятников (Гварджила-с-Клде, Девис-Хврили).

Резцы можно разделить на четыре группы: ретушные, двугранные, резцы на углу заготовки и полиэдрические (рис. 1, 14–19, 21–24). Преобладающими в категории являются ретушные резцы (более 60%), особенно высок процент косоретушных форм (более 45%). Примерно одинакова доля поперечно-ретушных, двугранных, резцов на углу сломанной пластины и резцов на естественной грани (каждая группа чуть более 10%).

Группа резцов на углу составляет примерно четверть от всех резцов и очень неоднородна. Встречаются резцы на углу сломанной пластины, резцы на боковой или естественной грани и др.

Полиэдрические резцы составляют самую малочисленную группу резцов (ок. 3%). Как правило, они имеют две-три резцовые кромки, и изготовлены не только на нуклеусах или нуклеидных обломках, но также и на отщепках, пластинах и сколах оживления.

Двойные резцы встречаются во всех группах (их ок. 10%), но больше всего их среди косоретушных форм.

Чаще всего резцы изготавливались на пластинах, преимущественно на верхнем конце заготовки. Преобладают орудия с левосторонней ориентацией резцовой кромки. Можно отметить некоторую стандартизацию заготовки для резцов. Как правило, ширина пластины не выходит за рамки 1,0–3,5 см. У многих резцов обнаружена вторичная обработка крутой ретушью края, противоположного резцовой грани.

Скребки составляют около 10% орудий, в основном они сделаны на конце отщепки, реже пластины (рис. 2, 1–4). Иногда использовались сколы оживления площадок нуклеусов. Преобладают скребки с довольно широким лезвием и слегка сходящимися к основанию краями. Классификации каменнобалковских скребков посвящена специальная работа (Гвоздовер, Деопик, 1984), в которой выделяется ряд устойчивых разновидностей их форм. Некоторые скребки имеют крутую ретушь по одному или обоим краям. Часть таких орудий (с двумя обработанными краями)

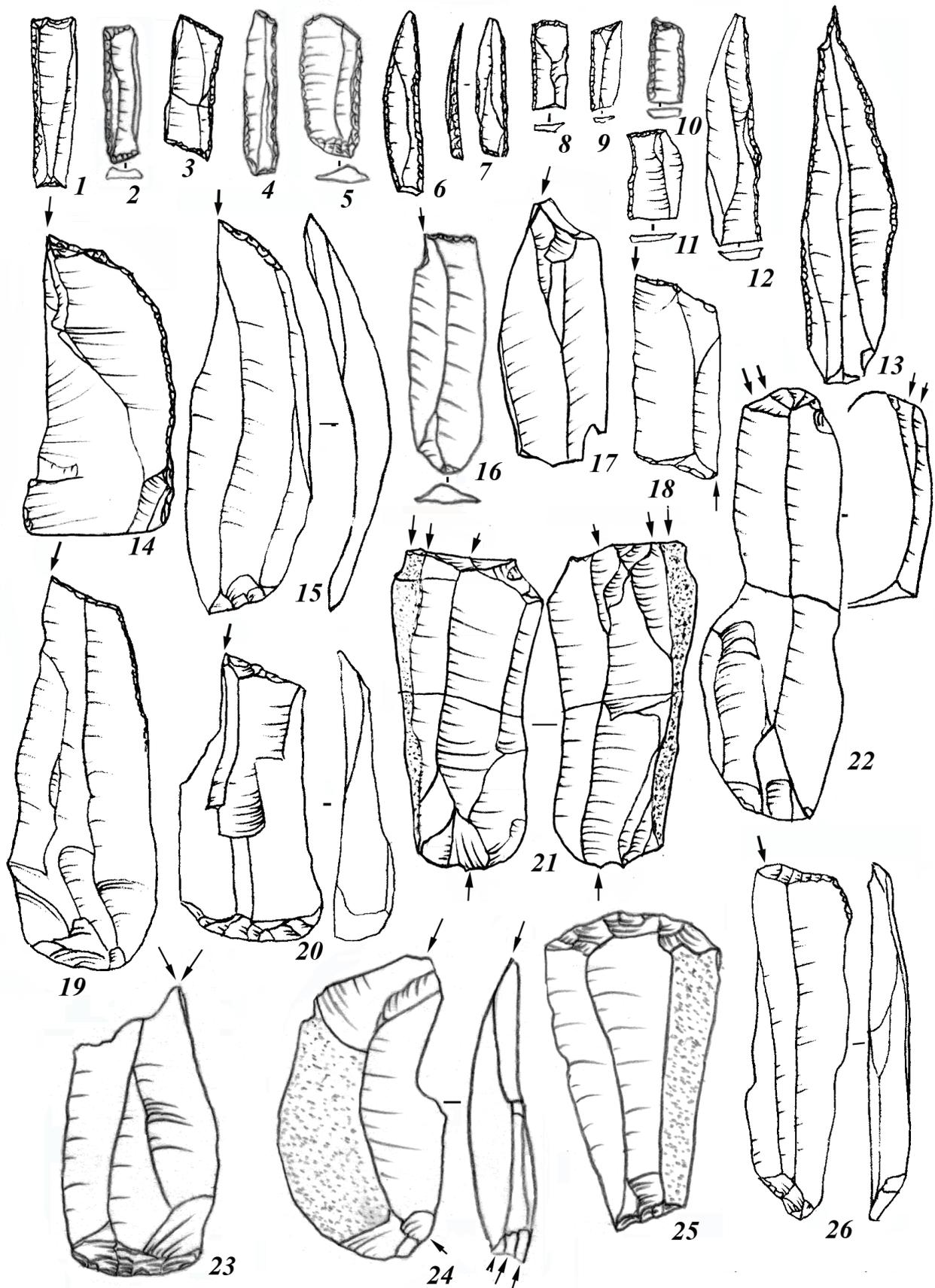
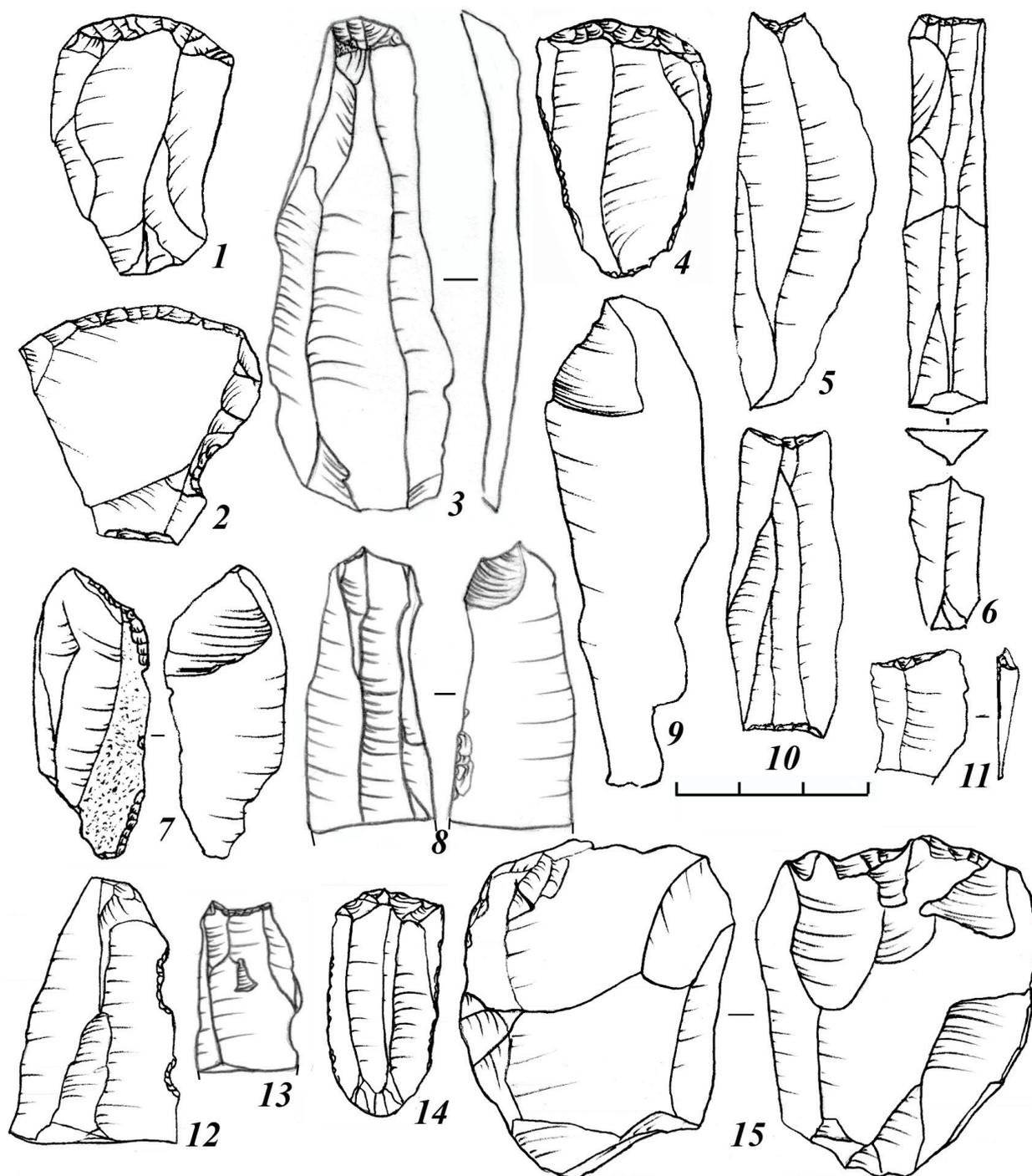

Рис. 1. Орудия основного культурного слоя стоянки Каменная Балка II
(материалы раскопок 2010–2012 гг.)

1–5, 7–11 – микропластинки с притупленным краем; 6, 12 – острия; 13 – проколка; 14–17, 19, 23 – резцы; 18, 26 – двойные резцы; 20, 25 – комбинированные орудия; 21, 22, 24 – полиэдрические резцы.

Рис. 2. Орудия основного культурного слоя стоянки Каменная Балка II
(материалы раскопок 2010–2012 гг.).

1–4, 14 – скребки; 5, 6, 10, 11, 13 – тронки; 7–9 – стамески; 12 – фрагмент пластины с выемками;
15 – орудие с подтеской.

М.Д. Гвоздовер выделила в особый, каменно-балковский тип скребков (Гвоздовер, 1967). Но подобные орудия встречаются на ограниченной территории стоянки (центральная и юго-восточная часть), на других участках эта группа изделий практически не представлена. Очень редко встречаются скребки укороченных пропорций и скребки с высоким рабочим лезвием.

Среди орудий также представлены *тронке* (3%), сделанные на пластинах или крупных пластинках, не обработанных ретушью по краям (рис. 2, 5, 6, 10, 11). Конец орудия усечен крутой или притупляющей ретушью и имеет чаще прямую или выемчатую форму, реже – косо срезан. М.Д. Гвоздовер считала, что отдельного типа пластин с поперечной ретушью не существует, и срезание концов ретушью – это просто технический прием для изготовления различных орудий. Однако встречающиеся узкие и длинные тронкированные (часто на обоих концах) пластины, как мне кажется, предполагают определенный тип работы с ними. Именно двойные тронке, по мнению Н.П. Оленковского (2008), отображают специфику приазовского восточного эпиграфета.

Комбинированные орудия составляют примерно 4% от всех орудий и представлены различными комбинациями резцов, скребков, тронке, проколов или остриев (см. рис. 1, 20, 25).

Стамески и орудия с подтеской, объединяемые М.Д. Гвоздовер в одну категорию чешуйчатых орудий, составляют вместе около 4% орудий (рис. 2, 7, 8). Стамески сделаны, как правило, на пластинах, у которых снят ударный бугорок, и образовавшаяся от этого острая кромка может быть еще уплощена с дорсальной стороны. Орудия с подтеской (собственно чешуйчатые) изготовлены на крупных отщепах, толстых в сечении, часто на нуклеидных обломках. Их лезвие образовано плоской подтеской (крупными фасетками) с одной или двух сторон. Угол этого лезвия гораздо больше, чем у стамесок и, видимо, предполагает несколько иное рабочее употребление.

Небольшим количеством в коллекции представлены *выемчатые и зубчатые орудия* (менее 2%). Как правило, это орудия, изготов-

ленные примерно в равной доле на пластинах и отщепах, имеют одно лезвие или рабочую кромку, оформленную полукрутой ретушью.

Проколки составляют менее 1% всех орудий, изготовлены в основном на пластинах и пластинках (см. рис. 1, 13). Всегда имеют тщательно обработанной мелкой крутой или притупляющей ретушью жалце. Бывают как с выраженными плечиками, так и без них.

Привлечение новых материалов для анализа каменной индустрии основного слоя КБ II не изменило общей картины выделенных ранее особенностей орудийного набора. Как процентное соотношение категорий орудий на различных участках стоянки, так и морфологическая характеристика орудий различных зон поселения позволяет говорить о едином в рамках каменнобалковской культуры комплексе кремневой индустрии.

Инвентарю основного культурного слоя КБ II присущи яркие индивидуальные черты, отличающие его от более ранних или поздних однокультурных слоев. Это, прежде всего, подавляющее большинство МППК с поперечно или кососрезанными концами и притупляющей дорсальной ретушью по обоим краям. Обработка ретушью МППК с вентральной стороны встречается чрезвычайно редко, тогда как в более раннем нижнем культурном слое стоянки этот прием является ведущим при оформлении концов орудий.

Особенностью орудийного набора основного культурного слоя является и абсолютное преобладание боковых ретушных резцов, сделанных на стандартизированной заготовке, наличие двусторонних тронкированных пластин, значительное разнообразие форм концевых скребков, при отсутствии кареноидных типов.

Среди родственных памятников Северного Приазовья наибольшее сходство у индустрии Каменной Балки II прослеживается с 1-м и 2-м слоями стоянки Федоровка и стоянками Янисоль и Ямы (формы и технология изготовления МППК, изготовление резцов на стандартизированной пластине, преобладание ретушных форм) (Кротова, 1986).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 113 с.

Виноградова Е.А. Микропластинки с притупленным краем в инвентаре Каменной Балки II // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: Тез. конф. СПб., 2011. С. 24–26.

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопр. антропологии. 1967. Вып. 27. С. 82–103.

Гвоздовер М.Д., Деоник Д.В. Опыт классификации каменных орудий (на материалах верхнепалеолитических скребков) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 115–120.

Кротова А.А. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Востока Украины // Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Хронология и периодизация. Киев: Наук. думка, 1986. С. 6–73.

Оленковский Н.П. Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект. Херсон: Наддніпряньська правда, 2008. 432 с.

Leonova N.B. The Upper Paleolithic of the Russian Steppe Zone // J. of World Prehistory. 1994. Vol. 8. № 2. P. 3–50.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА РУССКОЙ РАВНИНЫ

© 2014 г. Л.Б. Вишняцкий¹, А.К. Очередной¹, П.Е. Нехорошев¹,
Е.В. Воскресенская², Дж. Хоффекер³, В.Т. Холлидэй⁴, В.А. Бурлаку⁵

¹*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(lvishn@yandex.ru; mr_next@rambler.ru; paleolithic@yandex.ru)*

²*Институт географии РАН, Москва
(kavosk@mail.ru)*

³*Университет Колорадо, Боулдер, США
(john.hoffecker@colorado.edu)*

⁴*Университет Аризоны, Тусон, США
(vthollid@email.arizona.edu)*

⁵*Институт культурного наследия, Кишинев, Молдавия
(burlacu_vitale@mail.ru)*

Ключевые слова: средний палеолит, Русская равнина, хронология, абсолютные даты.

Резюме. В докладе излагаются и анализируются новые данные по хронологии стоянок Хотылёво I, Бетово, Шлях и Тринка-3. Особое внимание уделяется абсолютным датировкам, полученным для перечисленных памятников в последние годы.

В последние годы достигнут значительный прогресс в установлении возраста древнейших верхнепалеолитических памятников Русской равнины, прежде всего нижних слоев Костёнок-12 и -14. Можно считать доказанным, что их древность превышает 40 тыс.

лет. Естественно, возникает вопрос о хронологическом соотношении и возможности генетической связи между этими комплексами и среднепалеолитическими индустриями региона, но датированию последних уделялось до недавнего времени очень мало внимания.

Единственным среднепалеолитическим памятником, для которого была осуществлена комплексная программа определения возраста, включавшая разные методы абсолютного датирования, являлась стоянка Шлях в Волгоградской обл. (Нехорошев, 2006), тогда как представления о хронологии других местонахождений базировались в лучшем случае на стратиграфических или фаунистических корреляциях, а часто просто на характере археологических находок. В 2008 г. авторами этого сообщения был начат цикл работ, имеющих в качестве одной из основных целей выяснение возраста памятников среднего палеолита бассейна Верхней Десны (Хотылёво I, Бетово и др.) и уточнение возраста стоянок в бассейне Среднего Дона (Шлях), а в перспективе и Нижней Волги (Сухая Мечетка). Попутно предпринимались шаги для проверки обоснованности отнесения к среднему палеолиту некоторых комплексов из сопредельных регионов (слой 3 Тринки-3, Молдавия). Работы проводились и продолжаются при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 08-06-00213а, 11-06-00380а и текущий проект № 14-06-00139а), а также фонда Лики и ИИМК РАН. В докладе суммируются основные результаты, полученные к настоящему времени для каждого из исследуемых памятников.

В Бетово работы проводились в 2009 г. К раскопу Л.М. Тарасова 1977 г. был прирезан участок площадью 2 м², давший новый археологический материал и образцы для серии естественно-научных анализов. По совокупности полученных в результате стратиграфических, литологических и палеомагнитных данных сделано предварительное заключение, что единственный культурный слой памятника относится скорее не к раннему валдаю, как предполагалось ранее, а к первой половине средневалдайского мегаинтерстадиала (Ocherednoi et al., 2014). В настоящее время в одной из радиоуглеродных лабораторий в работе находятся два образца кости из этого слоя.

В Хотылёво I работы были возобновлены в 2010 г. К настоящему времени на двух участках, прилегающих к 6-му раскопу М.Ф. Заверняева, исследована площадь около 25 м². На участке, обозначенном как Хотылёво I-6-2,

выявлено четыре культуросодержащих горизонта (далее КСГ) среднего палеолита, один из которых (КСГ 2) включает четыре подгоризонта. Для этого разреза, помимо стратиграфических наблюдений и результатов литологических и палеомагнитных анализов, получена серия радиоуглеродных дат, причем все имеющиеся пока данные указывают на средневалдайский (первая половина мегаинтерстадиала) возраст КСГ 1 (9-й литологический слой) и 2 (12 литологический слой). Для КСГ 1 в 2013 г. по древесному углю получена АМС-дата $49\ 780 \pm 3710$ л.н. (CURL-17368). Для КСГ 2.2 в 2011 г. по образцу гумуса получена дата $42\ 270 \pm 3300$ л.н. (GIN-14414) (Воскресенская и др., 2011), а в 2013 г. по древесному углю – АМС-дата $47\ 160 \pm 2680$ л.н. (CURL-17369). При подготовке образцов в 2013 г. применялась методика ультрафильтрации, и, видимо, именно поэтому новая дата для КСГ 2.2 несколько древнее полученной ранее. Тем не менее, если учесть значительное стандартное отклонение, то все три имеющиеся сейчас датировки можно признать вполне совместимыми и реалистичными. Они показывают, что в первой половине средневалдайского мегаинтерстадиала (OIS 3) запад Русской равнины был частью неандертальского ареала, причем Хотылёво I маркирует его северную границу. Важной задачей на будущее является выяснение соотношения хроностратиграфической позиции комплексов, выявленных раскопками М.Ф. Заверняева, и комплексов, обнаруженных Верхнедеснинской экспедицией ИИМК РАН.

Дополнительные исследования стоянки Шлях проводились в 2013 г. Были заложены два шурфа-зачистки (№ 21 и 22) шириной по 2 м (доведены до отложений верхнего карбона, подстилающих четвертичные) и взяты образцы для различных анализов, включая ОСЛ, радиоуглеродный и на наличие криптопеплов. На момент написания этого текста для основного среднепалеолитического (технологически переходного к верхнему палеолиту) слоя 8 получена одна АМС-дата по образцу кости из старых (1990 г.) раскопок – $32\ 230 \pm 460$ л.н. (UCIAMS-133290), которая значительно моложе двух уже имевшихся дат (45–46 тыс. л.н.). Для этого же слоя С.Л. Форманом (университет Иллинойса в Чикаго, США) полу-

чено 4 ОСЛ-даты. Из них лишь одна (45 960 ± 3785 тыс. л.н.) вполне отвечает имевшимся ожиданиям, а остальные три оказались чрезмерно древними. В частности, согласно им, возраст нижней части слоя 8 должен быть порядка 133 тыс. лет. Еще две радиоуглеродных АМС-даты получены по образцам погребенной почвы слоя 7, давшего небольшую коллекцию, которую нельзя с уверенностью отнести ни к среднему, ни к верхнему палеолиту: 25 770 ± 230 л.н. (CURL-17626) и 26 020 ± 240 л.н. (CURL-17631). По замечанию П. Кэппы, проводившего анализ, содержание карбона в обоих образцах было чрезвычайно низким, так что даже минимальное «просачивание» углерода из вышележащих отложений могло привести к значительному искажению (омоложению) итоговых результатов.

В 2011 г. С.И. Коваленко провел дополнительную шурфовку отложений грота Тринка-3, чтобы получить данные для уточнения их возраста. В 2012 г. по предоставленному им образцу рога северного оленя из 4-го литологического (3-го культурного) слоя памятника в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН была получена дата 19 700 ± 250 л.н. (LE-9735). Ранее материалы этого слоя считались среднепалеолитическими. Особый интерес среди находок всегда вызывал треугольный бифасиальный наконечник с вогнутым основанием, по форме и характеру обработки подобный стрелецким. Поскольку коллекция каменных изделий, происходящих из слоя, невелика (всего 18 предметов), и других типологически выразительных вещей в ней нет (кроме дистального фрагмента еще одного бифасиального наконечника), возникает вопрос о правомерности отнесения комплекса к среднему палеолиту. Имеющиеся фаунистические остатки не позволяют оценить возраст отложений в сколько-нибудь узких рамках. Полученная дата, хотя и не решает вопрос окончательно, но все же склоняет чашу весов в пользу мнения, согласно которому индустрия слоя является верхнепалеолитической. Более того, возможно, она относится даже не к ранней, а к средней поре верхнего палеолита.

Таким образом, впервые для Русской равнины получены абсолютные датировки и иные данные, свидетельствующие о сосуще-

ствовании или, как минимум, хронологической близости среднепалеолитических индустрий разного типа. В бассейне Верхней Десны это группа комплексов с двусторонне обработанными орудиями, а в бассейне Среднего Дона – пластинчатое мустье. Между ними располагаются примерно одновременные им, или даже более древние (по крайней мере по отношению к стоянке Шлях, слой 9 которой синхронен палеомагнитному экскурсу каргаполово), памятники верхнего палеолита: Костёнки-14, слой IVб (лежит ниже горизонта со следами экскурса каргополово) и Костёнки-12, слой V. На сосуществование средне- и верхнепалеолитических индустрий в пределах Русской равнины указывают и первые результаты сравнительного изучения погребенных почв Хотылёво I и Костёнок-14 (Voskresenskaya, Korkka, Otcherednoy, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Зюганова И.С., Новенко Е.Ю., Очередной А.К. Новые данные об условиях формирования и возрасте отложений среднепалеолитического памятника Хотылёво I (бассейн р. Десна) // Мат-лы VII Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода «Квартер во всем его многообразии: фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» / Ред. О.П. Корсакова, В.В. Колка. Апатиты: ГИ КНЦ РАН, 2011. С. 116–119.

Hexorov P.E. Результаты датирования стоянки Шлях // РА. 2006. № 3. С. 21–30.

Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L. New geoarcheological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo I and Betovo (Bryansk oblast, Russia): Some preliminary results // Quaternary International. 2014. Vol. 236–237. P. 250–260.

Voskresenskaya E.V., Korkka M.A., Otcherednoy A.K. Comparison of Middle Valday interstadial weak-developed paleosol at the sites Khotylevo I and Kostenki 14 // *Paleosols, pedosediments and landscape morphology as environmental archives. Materials of the XIIth International Symposium and Field Workshop on Paleopedology (ISFWP). Kursk, Russia, August 10–15. Kursk, 2013. P. 47.*

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ГРАВЕТТА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ¹

© 2014 г. К.Н. Гаврилов¹, Е.В. Воскресенская²

¹Институт географии РАН, Москва
(k_gavrilov.68@mail.ru)

²Институт археологии РАН, Москва
(kavosk@mail.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, Хотылёво-6, лессово-почвенные отложения позднего Валдая, ориньяк, граветт.

Резюме. В докладе дается характеристика результатов раскопок третьего культурного слоя стоянки Хотылёво-6, относящегося к ранней поре верхнего палеолита. Сделан вывод об ориньякоидном характере каменной индустрии, которая одновременно содержит в себе элементы, присущие граветтскому технокомплексу.

Вопрос о происхождении восточного граветта на Русской равнине традиционно рассматривался в рамках гипотезы миграции носителей этой традиции – верхнепалеолитических охотников на мамонтов – на территорию Восточной Европы из Европы Центральной (Соффер, 1993; Аникович, 1998). Между тем в Костенковско-Борщевском районе давно известен памятник, также относящийся к граветтскому технокомплексу, который синхронен моравским стоянкам, относящимся к раннему граветту. Речь идет о втором слое стоянки Костенки-8 (Sinitsyn, 2007). Этот факт, а также культурное разнообразие более поздних граветтских памятников, расположенных на Восточно-Европейской равнине, дают основание для предположения, что появление восточного граветта на этой территории могло быть результатом более сложного исторического процесса, чем миграция населения из одного региона в другой. Гипотетическая возможность автохтонного происхождения восточного граветта на Русской равнине недавно была признана Я. Козловским (Kozlowski, 2013). Высказывая эту точку зрения, иссле-

дователь отталкивался от хорошо известного факта своеобразия кремневой индустрии стоянки Хотылёво-2. Однако ни технико-типологические характеристики каменного инвентаря, ни хронологическая позиция этого памятника не позволяют относить его к ранней стадии восточноевропейского граветта (Гаврилов, 2008).

В окрестностях с. Хотылёво расположен многослойный памятник Хотылёво-6. Его третий культурный слой имеет более древний возраст по сравнению со стоянкой Хотылёво-2, чей кремневый инвентарь позволяет проследить некоторые особенности в оформлении каменных изделий, которые характерны именно для индустрий памятников восточного граветта.

Стоянка Хотылёво-6 приурочена к западному мысу в приустьевой части крупной балки, прорезающий правобережье р. Десна и носящей среди местного населения название Кладбищенская. Памятник расположен на площадке мыса, который с северной и восточной стороны ограничен крутыми (до 20°) склонами. Бровки склонов подняты над уре-

¹ Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект «Развитие материальной культуры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины».

зом на высоту 18 м, подошва восточного склона опирается на днище балки в его приустьевой части, северного склона – на поверхность высокой поймы р. Десна. В юго-восточном направлении, в сторону водораздела, прослеживается плавный подъем.

Венчающий разрез профиль голоценовой почвы (слои 1–4) развит по типу светло-серых лесных почв и состоит из следующих горизонтов: A_1 – нарушенный пахотой редуцированный гумусовый горизонт современной почвы, переходный горизонт A_2 -В и мощный горизонт иллювиирования B_1 . Верхние горизонты почвы A_1 и A_2 -В сильно нарушены биотурбацией. Иллювиально-глинистый горизонт B_1 представлен чередованием прослоев темно-ржавого ожелезненного суглинка (ортзанды) и пятен и линз белесовато-желтой пылеватой кремнеземистой присыпки. Для лессовидных суглинков (слои 5–7), которые послужили материнской породой для голоценовой почвы, характерно достаточно неоднородное строение. На глубине 2,25–2,30 м отмечается прослой буровато-коричневого гумусированного материала, заключенный между двумя тонкими песчаными линзами. Уровни слабо развитого почвообразования имеют профиль, который развит по типу А-В_{са}, и отвечают различным по протяженности этапам снижения скорости лессовой аккумуляции или незначительного смягчения климатических условий, на завершающей фазе развития которых возобновлялись процессы лессонакопления и мерзлотного растрескивания (Воскресенская, Морозова, 2009). Нижележащая брянская ископаемая почва (слои 8–10) имеет общую мощность до 0,6 м и состоит из горизонтов A_1 , АВ-В_{са} и В_{са-г}. Гумусовый горизонт A_1 в значительной степени деформирован мерзлотно-солифлюкционными процессами и представлен отдельными пятнами изометричной формы и прослоями темно-серого обогащенного органическим веществом материала. Весь почвенный профиль разбит на блоки несколькими системами трещин, в плане образующих изометричные полигоны. Трещины проникают в подстилающие отложения до гл. 3,6 м. Нижняя часть разреза (слои 11–13) представлена рыжеватыми ожелезненными алевритами и тонкозернистыми песками с редкими включе-

ниями гравия и обломков кристаллических и местных пород. В слое 12 отмечались заполненные темно-бурым гумусированным материалом округлые кротовины, а также темные гумусированные линзы, содержание гумуса в которых достигает 0,4%. По нашим представлениям, данная толща представляет собой педоседименты горизонтов A_1 и B_1 мезинского почвенного комплекса. В основании разреза, на глубине 3,5–4,4 м залегают светло-серые мелко- и среднезернистые пески с прослоями и линзами ожелезнения (слой 14).

Культурный слой 3 связан с гумусовым горизонтом погребенной брянской почвы. Основанием для такого заключения послужили характерные морфотипические признаки профиля данной почвы, которые отмечены на ряде опорных разрезов Подесенья (Морозова, 1981). Расколотые кремни, кремневые гальки и желваки залегали в линзах гумусированного материала и были приурочены к их верхам.

Коллекция находок насчитывает более 367 экземпляров, из которых 33 предмета – это окатанные фрагменты мелких размеров различных пород камня. Остальные 334 предмета относятся к кремневым артефактам. Сырьем служил местный плиточный кремень темно-серого цвета, однако использовался также валунный кремень коричневого и черного цветов. Почти четверть расколотого кремня представлена обломками и осколками, полученными в результате первичной обработки сырья. Выраженных нуклеусов, характерных для более поздних памятников верхнего палеолита на этой территории, нет, хотя встречаются пре-нуклеусы: фрагмент плитки кремня с односторонней обработкой ребра крупной ретушью, а также обломок кремня с подготовленными ударной площадкой, латералиями и ребристым краем. Кроме того, имеется экземпляр, который может быть атрибутирован как нуклевидный скребок – нуклеус для снятия микропластинчатых сколов. Характерно также присутствие в каменном инвентаре третьего культурного слоя ребристых пластин.

Доля отщепов и пластин составляет 20,9 и 8,75% от общего количества инвентаря соответственно. Чуть более 4% приходится на неопределимые фрагменты сколов. Для отщепов характерны широкие плоские ударные площадки, пластины отличаются присутстви-

ем предметов с фасетированными и ретушированными ударными площадками, и изогнутым профилем. В коллекции значительна серия кремневых галек (14,7%), большинство которых расколото. Кремневые гальки использовались в качестве наковаленок, отбойников и ретушеров, что, очевидно, и обусловило присутствие в составе коллекции значительного количества расколотых предметов. Набор каменных орудий характерен для ориньякоидных комплексов, о чем свидетельствуют кареноидный скребок и нуклеидный резец, скребла и широкие массивные пластины с крупной ретушью. Однако в коллекции имеются два предмета, которые аналогичны изделиям, характерным для граветийских памятников. Это пластина, у которой регулярной подтеской обработана поверхность слома – черта, характерная для вторичной обработки ножей костенковского типа, хотя, разумеется, данный предмет не относится к названной категории и может быть атрибутирован как пластина с подтеской конца. Не исключено, учитывая макроследы износа на одном из его краев, что данный предмет мог использоваться и в качестве ножа. Кроме того, в коллекции имеется один экземпляр ножа с обушком, оформленным притупливающей встречной ретушью. Плоским вентральным сколом у этого предмета подновлен режущий край в проксимальной части. Имеется в коллекции и краевой скол. Возможно, что последний экземпляр как раз связан с утилизацией ножей данной категории.

Большинство каменных орудий изготовлено на отщепках. Доля орудий на пластинах также велика и заметно увеличивается среди предметов с вторичной обработкой. Наличие в инвентаре ребристых пластин (13 экз.) свидетельствует о целенаправленном характере производства пластинчатых заготовок.

Однако инвентарь нижнего слоя Хотылёво-6 пока не содержит специфические типы орудий, которые позволили бы более детально определить культурную специфику этого комплекса. Наличие подтески на фрагменте скола, очевидно, пластинчатого, оформление обушка на ноже при помощи встречной притупливающей ретуши, а также присутствие в кремневом инвентаре краевого скола дают основания для предположения о том, что расши-

рение площади раскопок может существенным образом уточнить наши представления о культурной принадлежности этой стоянки. Не исключено, что отсутствие в инвентаре третьего культурного слоя пластин с притупленным краем отражает лишь фациальные особенности, связанные с функциональной спецификой данного участка.

Особенности кремневого инвентаря позволяют сделать вывод о том, что индустрия третьего слоя Хотылёво-6 типологически может быть отнесена к ранней поре верхнего палеолита. Такое определение вполне согласуется и со стратиграфическим положением культурного слоя 3. Ориньякоидный характер кремневой индустрии нижнего слоя Хотылёво-6 также хорошо вписывается в общий для заключительного этапа ранней поры верхнего палеолита Русской равнины культурно-исторический контекст, который характеризуется сосуществованием памятников с индустриями ориньякского и позднезелетского облика (Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007).

В таком контексте неслучайным выглядит присутствие в инвентаре нижнего слоя Хотылёво-6 пластины с подтеской конца, а также краевого скола. Все это дает основание для постановки вопроса о возможных культурных связях между памятниками ориньякоидного и граветтоидного технокомплексов (по терминологии М.В. Аниковича) на территории центра Русской равнины в брянское время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М.: Науч. мир, 1998. С. 35–66.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История, 2007. 336 с.

Воскресенская Е.В., Морозова Т.Д. Микростроение культурного слоя и особенности почвообразования в районе верхнепалеолитической стоянки Хотылёво-2 // Тр. V Междунар. конф. «Эволюция почвенного покрова: история идей и методы, голоценовая эволюция, прогнозы». Пушино: Изд-во ИФ-ХиБПП РАН, 2009. С. 227–228.

Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво-2. М.: Таус, 2008. 256 с.

Морозова Т.Д. Развитие почвенного покрова Европы в позднем плейстоцене. М.: Наука, 1981. 281 с.

Соффер О.А. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты: сб. статей // Проблемы палеоэкологии древних обществ / Под ред. Н.Б. Леоновой, С.А. Несмеянова. М.: Изд. Рос. открытого ун-та, 1993. С. 99–118.

Kozłowski J.K. The origin of the Gravettian // International Conference World of Gravettian Hunters.

Krakow, Poland, 25th – 28th June 2013. Abstracts and Guide Book / Ed. P. Wojtal. Krakow: Institute of Systematics and Evolution of Animals, Polish Academy of Sciences, 2013. P. 38–39.

Sinitsyn A.A. Variabilité du Gravettien de Kostienki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés // Paleo. 2007. № 19. P. 181–202.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОЖЕЙ КОСТЁНКОВСКОГО ТИПА

© 2014 г. Е.Ю. Гиря

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(kostionki@narod.ru).*

Ключевые слова: трасология, морфология, ножи костёнковского типа.

Резюме. Экспериментально-трасологический анализ ножей костёнковского типа из второго жилого комплекса стоянки Костёнки-1 (слой I) указывает на то, что эти орудия представляют собой пластины, использовавшиеся для резания, строгания и скобления таких материалов, как мясо, шкура, дерево, кость и мягкий камень. Это были многоцелевые орудия с преобладающей функцией резания. Морфологическое разнообразие ножей объясняется применением специфического приема их приострения путем ретуширования и производства плоских резовых сколов вдоль изношенного края пластины.

Ножи костёнковского типа (НКТ) являются одним из важнейших культуроопределяющих типов орудий каменных индустрий костёнковско-авдеевско-зарайского культурного единства. Они были выделены в начале XX в. П.П. Ефименко (1915) в материалах коллекции стоянки Костёнки-1, слой I, старый жилой комплекс. П.П. Ефименко (1958. С. 222–227, 230–233) определил следы износа на рабочих лезвиях НКТ и в целом правильно интерпретировал их как следы резания мягких материалов, преимущественно мяса. Костёнковские НКТ входили в число орудий, с анализа которых в 1934 г. С.А. Семёнов (1957. С. 7) начал разработку экспериментально-трасологической методики. Исследователь зафиксировал наличие микроследов от резания на НКТ из Костёнок-1.1 и впервые показал, что орудия

данного типа действительно являются ножами (Там же. С. 81).

Начиная с 1972 г., в ходе изучения материалов Авдеевской стоянки, М.Д. Гвоздовер исследовала НКТ, применяя комплексный подход, представлявший собой комбинацию морфографического и морфометрического описаний в сочетании с функциональными характеристиками, полученными в результате трасологических исследований В.Е. Щелинского. К сожалению, результаты данных исследований были опубликованы лишь четверть века спустя (Гвоздовер, 1998. С. 243–259).

Мое знакомство с НКТ началось в середине 1980-х гг. по инициативе Н.Д. Праслова и М.Д. Гвоздовер. В конце 1980-х гг. и особенно в сезон 1990 г. была осуществлена большая серия (более 30) экспериментов по дли-

тельному (до 18 ч.) использованию НКТ в различных операциях, связанных в основном с обработкой дерева и в меньшей степени – бивня, рога и кости. Эксперименты по долговременному использованию НКТ в функции строгания и пиления-резания непересушенного бивня мамонта, произведенные на о. Жохова в 2001–2004 гг., показали, что кремневые орудия можно эффективно использовать при обработке слоновой кости в течение 12 ч. и более.

В 1989 г. по просьбе М.Д. Гвоздовер я изучил клад пластин из Авдеево и определил их как НКТ без краевых сколов приострения (Гвоздовер, 1998. С. 257). Авдеевский набор «кладиковых пластин» (как именовала их М.Д. Гвоздовер) по характеру следов износа и месту расположения рабочего края оказался аналогичным ранее изученным пластинам из кладов, найденных в ходе раскопок Костёнокской стоянки в 1982–1984 гг. При этом различные (формально-типологически) изделия – простые пластины с частично ретушированными краями, пластины с подтеской и изделия с уже произведенными краевыми (плоскими резцовыми) снятиями – и в коллекции Костёнок, и в Авдеево, были отнесены мною к единому типу – НКТ (точнее – к единому функционально-технологическому контексту НКТ). Следует отметить, что мой вывод основывался не только на опыте анализа нескольких кладов пластин из нового жилого комплекса Костёнок-1 (слой I), но и на суждениях П.П. Ефименко, основанных на наблюдениях, сделанных в ходе анализа пластин из кладов старого жилого комплекса Костёнок-1 (слой I).

Не соглашаясь с таким толкованием, М.Д. Гвоздовер твердо придерживалась мнения, что изделия без краевых сколов, но с уже готовыми площадками (с подтеской) не являются НКТ. Она видела в них особый тип изделий. Результаты этих работ и дискуссий многократно обсуждались на различных рабочих совещаниях, однако долгое время (более 10 лет) оставались неопубликованными.

Получив результаты, подтверждающие выводы П.П. Ефименко и С.А. Семёнова в их функционально-трассологической части (Семёнов, 1957. С. 81 и 130), я полагаю, что мы имеем дело со специфическим приемом обработки края заготовок – специальной технологией производства плоского резцового снятия. Данный прием использовался древними костёнковцами не только для приострения лезвий НКТ, но и при производстве и переоформлении орудий иных типов и назначений (Giria, Bradley, 1998; Гиря, Ресино Леон, 2002. С. 182).

«Чтение» и толкование морфологии НКТ возможно через анализ причинно-следственных связей между различными элементами формы этих изделий. Доступные современной экспериментальной проверке связи имеют технологическую и/или функциональную природу (Гиря, 1997. С. 45–47, 58–60). Эффективность результатов морфологических исследований НКТ целиком и полностью зависит от правильности определения функциональных и/или технологических необходимостей, определявших в основном их формирование.

В коллекции нового жилого комплекса Костёнок-1 (I) на 200 НКТ, включая все виды их форм и обломки, приходится около 150 сколов приострения лезвий (краевых сколов с НКТ). Рабочие участки большинства этих изделий – угол площадки ножа и прилегающий к нему участок продольного края – имеют выразительные следы использования.

Отдельные орудия имеют поразительно высокую степень сработанности, что более полувека назад особо отмечалось П.П. Ефименко и С.А. Семёновым: «В Костёнках I была исследована серия тупоконечных ножей, интенсивно заполированных от долгого употребления, возможно, длившегося годами» (1968. С. 155). Результаты современных исследований подтверждают наблюдения С.А. Семёнова (1957. С. 81): НКТ – это самые обыкновенные «ножи бытового назначения,

Сколы со следами резания мяса и/или свежей шкуры	42 шт.	60% (здесь и ниже – % от всех, имеющих следы использования)
Сколы со следами резания и строгания-резания дерева	12 шт.	17,2%
Сколы со следами резания, строгания и скобления кости	8 шт.	11,4%
Сколы со следами скобления-резания мягкого камня	2 шт.	2,8%
Сколы со следами неясного происхождения, морфология которых труднообъяснима (неизвестный тип и/или наложение следов обработки различных материалов на одном лезвии)	6 шт.	8,6%
Некраевые сколы с НКТ (все без следов использования)	7 шт.	
Краевой скол на котором не обнаружены признаки следов износа	1 шт.	
<i>Всего</i>	78 шт.	

служащие для резания мяса, кройки кожи и строгания дерева».

В этой статье я представляю промежуточные итоги трасологического анализа небольшой коллекции сколов с НКТ из новых материалов стоянки Костёнки-1 (слой I). Исследование было направлено на анализ участков рабочих лезвий ножей, сохранившихся на данных сколах. К анализу была привлечена случайная выборка, состоящая из 78 экз. Результаты этого исследования вполне определенно указывают на то, что следы использования, прослеженные на НКТ, в целом совпадают с таковыми на краевых сколах. То есть, и до снятия краевых сколов, и после их снятия, ножи использовались одинаковым образом для выполнения аналогичных видов работ.

Спектр функций НКТ несколько расширился. Кроме указанных С.А. Семёновым следов от резания мяса-шкуры и обработки дерева, на краевых сколах с НКТ обнаружены следы обработки твердых органических материалов (кость, рог, бивень) и мягкого камня:

На некраевых сколах с НКТ обнаружены только следы неутилитарного износа (Гиря, Ресино Леон, 2002. С. 179–182; Гиря, 2004. С. 203–205; Giria, 2004. P. 151–153). Эти следы расположены на ребрах и гранях дорсальных поверхностей. Они свидетельствуют о том, что НКТ, с которых они были сняты, до-

статочно долго служили в древнем обиходе. Следов использования на этих сколах не найдено.

Не прослежено никаких признаков использования НКТ в качестве стамесок или тесел. У нас нет каких-либо оснований полагать, что поперечные кромки, образованные схождением плоскостей ретуши усечения ножа (подтески площадки) и дорсальной поверхностью, являлись лезвиями орудий типа НКТ. На всех орудиях рабочим участком являлся угол площадки ножа и прилегающий к нему участок продольного края. В описываемой выборке лишь на одном из краевых сколов с НКТ не обнаружено никаких уверенно определимых следов износа.

Наибольшая часть сколов с НКТ (60%) имеет следы от резания мяса и/или свежей шкуры, то есть они представляют собой сколы с рабочих участков орудий, которые служили для разделки туш животных. Не вызывает сомнения, что упоминая ножи, долговременно (годами) использовавшиеся древними костёковцами, С.А. Семёнов имел в виду именно эту группу орудий.

Причины многочисленности сильно изношенных орудий в костёковской каменной индустрии традиционно объясняют недостатком сырья ввиду удаленности месторождений кремня. Однако в авдеевской индустрии и, что особенно странно, – в зарайской, располо-

женной практически на выходах кремня, орудия с очень развитым износом также нередки. Это указывает на пока еще недостаточную изученность данного феномена.

Специалистам известно, что следы от работы по мясу, свежей шкуре – один из наиболее слабых видов износа среди всех известных археологической трасологии. В наших экспериментах пока еще ни разу не удалось достичь столь же сильного развития этого типа следов, как мы наблюдаем на артефактах из Костёнок-1 (слой I). Даже в ходе экспериментов по разделке туши слона, мясо которого очень жесткое, нам не удалось получить износ сопоставимой степени развития. В другом эксперименте по долговременному использованию орудия из кремня более 100 кг мяса различных животных было превращено в бефстроганов. Однако рабочий участок лезвия данного НКТ даже после столь долгого использования не приобрел сопоставимую с археологическими образцами степень изношенности.

В сравнении со следами от обработки иных, более плотных материалов износ от мяса в наименьшей степени изменяет микрорельеф поверхности камня. Именно эти следы легче и быстрее других следов использования могут быть уничтожены в результате самых различных причин: смены материала обработки, в ходе приострения рабочего края ретушью и т.д. Поэтому, принимая в расчет эту особенность следов от резания мяса, следует особо отметить факт, что большая часть изделий, с которых были сняты изученные нами трасологически сколы с НКТ, действительно долговременно служила именно в качестве мясных ножей и ни в каких иных функциях не использовалась. Однако нельзя исключать возможность, что имеющиеся в коллекции НКТ со следами иного износа ранее могли использоваться также и при разделке туш животных.

17,2% сколов с НКТ сняты с орудий, использованных для работы по дереву: строгание-резание и пиление. В отличие от следов от работы по мясу-шкуре, на данных сколах эти следы чаще представлены в неполном виде. Наиболее развитая полоса заполировки на большинстве из них отсутствует, она удалена ретушью приострения края. Перед снятием данных плоских резцовых сколов с НКТ

рабочие участки этих орудий предварительно приострялись ретушью. Данными орудиями, также как и мясными ножами, древние костёнковцы работали достаточно долго. Сопоставимая степень износа была получена на нескольких экспериментальных орудиях, использованных для строгания-резания дерева в течение 10–12 ч.

Около 10% сколов с НКТ имеют следы от работы по твердым материалам животного происхождения – кости, рогу или бивню мамонта. Это следы пиления-резания, на нескольких орудиях – следы скобления. Все эти виды работ органически вписываются в функциональный контекст костяной индустрии Костёнок-1 (слой I), где широко представлены разнообразные изделия из бивня мамонта и кости.

Несколько неожиданным оказалось обнаружение следов скобления-резания мягкого камня сразу на двух сколах с лезвием НКТ. Орудий, связанных с обработкой этого материала, в костёнковской коллекции крайне мало, причем все они имеют случайную форму. Поэтому на сегодняшний день НКТ можно определить как единственный в костёнковской индустрии устойчивый тип орудия, связанный с обработкой камня. Как и в случае со следами резания твердых органических материалов, функциональный контекст следов резания камня известен – в коллекции представлены многочисленные изделия из мергеля (в основном неутилитарного назначения) и мягкого сланца (так называемые ретушеры и др.).

На шести сколах с НКТ (8,6%) не удалось достичь желаемой точности в определении материала обработки. Это наиболее интригующая часть нашего трасологического исследования. Во всех указанных случаях следы, имеющие признаки износа от работы по твердым и мягким органическим материалам, очень хорошо выражены, но не поддаются уверенному определению. Не исключено, что на данных изделиях представлены следы, возникшие в результате применения одного и того же лезвия в различных функциях для обработки различных материалов. Поскольку систематические эксперименты по моделированию «наложения» следов от различных видов работ на одном лезвии нами не производились, допустимо лишь предположить, что

данными орудиями могли в неизвестной нам очередности производить обработку мягких и твердых материалов растительного и животного происхождения, например дерева и кости, или дерева и мяса.

Принято считать, что основной причиной изменения морфологии НКТ в ходе их функционирования в древней костёнковской культуре было затупление рабочего края в результате интенсивного использования. Древние костёнковцы приостряли рабочий край НКТ вначале ретушью, а потом, когда это становилось уже невозможным, с помощью производства плоского резового снятия. На сегодняшний день – это в целом логичное и вполне правдоподобное суждение, однако следует признать, что пока еще никто не продемонстрировал его справедливость на достоверно установленных археологических фактах. Результаты решения данной проблемы могут оказаться неоднозначными.

Принимая сказанное выше в качестве основной рабочей гипотезы, нельзя исключить, что необходимость переоформления НКТ могла быть вызвана и иными причинами. Например, – необходимостью изменения угла рабочей кромки в зависимости от предстоящего вида работы. В сравнении с гипотезой о необходимости приострения это ничуть не менее весомое объяснение, ведь для успешной работы по столь различным материалам, как мясо, дерево, кость и камень, функционально необходимы различные углы заострения лезвия. Нельзя априори исключать возможность того, что ретуширование края и снятие краевого плоского резового скола с НКТ являлись специальными и в какой-то мере обособленными приемами, позволяющими контролируемо задавать (затуплять или заострять) угол режущей кромки костёнковских ножей.

Результаты трасологических исследований НКТ из нового жилого комплекса Костёнок-1 (слой I) на данном этапе в основном совпали с итоговыми выводами С.А. Семёнова, полученными в результате изучения старого жилого комплекса Костёнок-1, раскопанного П.П. Ефименко в 30-х гг. XX в. Выборочный анализ отдельных НКТ старого комплекса Костёнок-1 также не дал противоречащих этому выводу результатов. На рабочих участках большинства НКТ обнаружены следы ре-

зания мягких материалов животного происхождения – мяса и свежей шкуры. Несколько меньшая часть ножей имеет следы от обработки дерева, кости и камня.

Несмотря на несистематический характер и ограниченный объем сделанных наблюдений, результаты анализа артефактов из Зарайской и Авдеевской стоянок в целом пока вполне соответствуют тем, что получены для Костёнок-1 (старого и нового жилых комплексов). Однако этот вывод не совпадает с результатами трасологического исследования НКТ Авдеевской стоянки, произведенного В.Е. Щелинским в начале 70-х гг. прошлого века, которые были изложены в статье М.Д. Гвоздовер в конце 90-х (1998. С. 256). В ходе этих исследований было установлено преобладание на авдеевских НКТ следов от обработки твердых материалов растительного и животного происхождения. По мнению самого В.Е. Щелинского, отличие результатов трасологических исследований авдеевских НКТ от результатов, полученных в ходе изучения костёнковских и зарайских, может быть объяснено как различием памятников, так и различиями в критериях отбора орудий, предназначенных для анализа под микроскопом (В.Е. Щелинский, личное общение, январь 2014 г.).

Таким образом, морфографическое разнообразие ножей костёнковского типа получает непротиворечивое и доказуемое объяснение именно в результате экспериментально-трасологического анализа их морфологии – благодаря интерпретации, разъяснению, толкованию следов обработки (негативов и позитивов сколов, следов абразивной обработки) и следов использования (выкрошенности рабочего края, линейных следов, заполировки и т.д.).

Все формы ножей технологически взаимосвязаны (более простые формы являются технологически необходимыми для создания более сложных). Они представляют собой единый технологический контекст, в который входят как сами ножи, так и сколы с них (краевые – плоские резовые сколы и некраевые – сколы, обеспечивающие правильное направление снятия краевых). Разнообразие этих форм очень велико:

– пластины со следами использования в качестве ножей;

– пластины с краевой ретушью на дистальных и/или проксимальных концах со следами использования в качестве ножей;

– пластины с краевой ретушью и площадками (подтеской) на дистальных и/или проксимальных концах, со следами использования в качестве ножей;

– пластины с негативами плоских резцовых сколов и площадками (подтеской) на дистальных и/или проксимальных концах, со следами использования в качестве ножей;

– пластины с негативами плоских резцовых сколов и некраевыми дорсальными продольными пластинчатыми снятиями, с площадками (подтеской) на дистальных и/или проксимальных концах, со следами использования в качестве ножей;

– пластины со следами использования в качестве ножей и иными вариантами сочетаний перечисленных видов «вторичной» обработки.

Все эти формы изделий отражают различные стадии «жизни» единого типа орудия – ножа костёнковского типа. Все они являются результатом единого типа поведения, единого комплекса действий представителей костёнковской культуры, представляющего собой особый способ, прием (технологию) управления углом заострения продольного края пластины-ножа. Навыки и знания, связанные с применением данной технологии, являлись культурной нормой носителей костёнковско-авдеевско-зарайского единства, поэтому данная технология является одним из основных отличительных признаков достаточно широкого круга указанных каменных индустрий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М.: Науч. мир, 1998. С. 234–278.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. 198 с.

Гиря Е.Ю. Трасологический анализ среднепалеолитических кремневых артефактов слоя В Бурани-Каи III // Грот Бурани-Кая III, слой В – эталонный памятник киик-кобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов. Киев; Симферополь: Шлях, 2004. С. 203–219.

Гиря Е.Ю., Ресино Леон А. С.А. Семенов, Костёнки, палеолитоведение // Археологические вести. 2002. Вып. 9. С. 173–190.

Ефименко П.П. Костёнковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества при СПб. университете. 1915. Т. 5. С. 13–25.

Ефименко П.П. Костёнки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 483 с.

Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1968. 362 с.

Giria E.Yu. A Use-Wear Analyses of Some Middle Paleolithic Flint Artifacts from Buran-Kaya III, Layer B // Middle paleolithic and Early Upper Paleolithic of the Eastern Crimea / Eds. V.P. Chabai, K. Monigal. Liège: ERAUL, 2004. P. 151–174. (The Paleolithic of Crimea; Vol. III. Etudes et Recherches Archeologiques de L'Université de Liège; Iss. 104).

Giria E., Bradley B. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeev and Zaraysk // Восточный граветт / Под ред. Х.А. Амирханова. М.: Науч. мир, 1998. С. 191–213.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА

© 2014 г. Л.В. Голованова

*Лаборатория доистории, Санкт-Петербург
(labprehistory@yandex.ru)*

Ключевые слова: верхний палеолит, эпипалеолит, Кавказ.

Резюме. Ранние верхнепалеолитические индустрии появляются на Кавказе после похолодания Хенрих 4 как полностью сформировавшиеся культурные традиции, к началу максимума последнего оледенения они приобретают определенное своеобразие в контексте Западной Евразии. После ледникового максимума, в эпоху эпипалеолита, происходит расцвет имеретинской культуры, памятники которой распространяются от Имеретии на юге до Приазовья на севере.

Индустрии раннего верхнего палеолита на Кавказе появляются в интервале от 40 до 35 тыс. л.н. Если до середины 90-х гг. прошлого века общепринятым было мнение, что локальные культуры неандертальцев плавно эволюционируют в индустрии верхнего палеолита, то новейшие исследования обнаруживают хронологический разрыв между концом среднего и началом верхнего палеолита. На Северо-Западном Кавказе (в Мезмайской пещере) этот разрыв документируется отложениями вулканического пепла, фиксирующими активный вулканизм в данный период на Кавказе. Исследования в Мезмайской пещере впервые выявили синхронность извержения С1 в Италии с извержением на Центральном Кавказе (вулкан Казбек) и исчезновением неандертальцев в Кавказском регионе (Golovanova et al., 2010).

В последние годы опубликованы новые результаты, которые указывают на еще большие масштабы распространения пепловых отложений извержения С1 в Южной и Восточной Европе и его более серьезное влияние на климат и популяции гоминид (поздних неандертальцев и ранних современных людей), обитавших на этой территории, чем это считалось ранее. Результаты генетических исследований указывают на отсутствие контактов поздних неандертальцев и ранних современных людей в Европе и Азии (Prüfer et al., 2014) и свидетельствуют, что популяция поздних

неандертальцев в Западной Европе потеряла разнообразие митохондриальной ДНК и достигла грани исчезновения ко времени около 39–38 тыс. л.н. независимо от влияния современных людей.

Ранние верхнепалеолитические индустрии появляются на Кавказе как полностью сформировавшиеся культурные традиции. На стоянках раннего верхнего палеолита Кавказа найдены высокоразвитые каменные индустрии с преобладанием микропластинчатого компонента. Основная или значительная часть орудий изготовлена на пластинках, среди них много пластинок с ретушью. Скребки, резцы и особенно долотовидные орудия немногочисленны, особенностью является использование технических сколов для изготовления скребков и резцов. На всех стоянках найдены костяные орудия, преимущественно проколки и двухконечные острия. В Мезмайской пещере из ранневерхнепалеолитического слоя 1С происходит фрагмент иглы с ушком, который на сегодняшний день является древнейшей находкой в Европе. В пещерах Мезмайская и Бонди найдены украшения.

В настоящее время все исследователи раннего верхнего палеолита Кавказа пишут о его левантийских корнях и сближают с ахмариеном (Голованова, 2000; Bar-Yosef et al., 2011). Направление движения ранневерхнепалеолитических индустрий подтверждается результатами изучения транспортировки обсидиана.

В Мезмайскую пещеру на Северо-Западном Кавказе обсидиан поступал с юга Грузии, а в пещеры Бонди и Ортвале-Клде в Западной Грузии – из Южной Грузии и более удаленных южных источников в Восточной Анатолии, Армении и Азербайджане (Golovanova, Doronichev, 2012). Эти данные могут служить указанием на миграцию части носителей ахмарской традиции из Леванта в северном направлении – на Кавказ.

Микролитовидные индустрии Кавказа, имеющие большое сходство с ахмариеном, развиваются вплоть до максимума последнего оледенения. В эпоху поздней (30–20 тыс. л.н.) поры верхнего палеолита они приобретают все большее своеобразие среди других индустрий Западной Евразии. К этому периоду в настоящее время относятся только материалы четырех стратифицированных памятников: Мезмайской пещеры (слои 1A1–1A3), верхние горизонты пещеры Короткая на Северо-Западном Кавказе, комплекс С пещеры Дзудзуана и, возможно, слой Vb пещеры Бонди на Южном Кавказе.

В целом, индустрии позднего верхнего палеолита Мезмайской пещеры характеризуются преобладанием пластинок и микропластинок, на которых также изготовлено большинство орудий. Среди орудий основную группу составляют пластинки с притупленным краем и пластинки с ретушью. Преобладают острия граветт. Также представлены острия фронт-ив и симметричные острия. Скребки и резцы немногочисленны. Характерны многочисленные и разнообразные изделия из кости: острия, иглы, проколки. Показательны подвески из молочных зубов оленя. Яркой чертой являются уникальные для верхнего палеолита Кавказа нашивки-бусины, сделанные из бивня мамонта или кости. Найдены морские раковины с отверстиями. Наконец, в этот период появляются изделия с геометрическим орнаментом. Уникальная для верхнего палеолита Кавказа игольница была найдена на контакте слоев 1B и 1A, еще один фрагмент обнаружен в слое 1A3.

Материалы из пещеры Дзудзуана (уровень С) также характеризуются высоким содержанием пластинчатого компонента, но здесь исследователи отмечают наличие кареноидных нуклеусов. Среди орудий преобладают

пластинки и пластины с ретушью, присутствуют немногочисленные острия граветт и микрограветт. Особенно показательно наличие острев типа Сакажиа. Скребки многочисленны, резцы и долотовидные изделия – единичны. Характерно наличие многочисленных орудий из кости (острия, проколки, иглы с ушком, ложила), а также украшений (подвески из зубов копытных, в т.ч. из зубов оленя). Найдены фрагменты с геометрическим орнаментом. Исследователи отмечают две каменные подвески (Bar-Yosef et al., 2011).

Оценивая индустрии позднего верхнего палеолита в контексте одновременных памятников, и исходя из сложившихся типологических традиций, их можно было бы назвать граветтоидными. Однако в кавказских материалах полностью отсутствуют такие показательные для европейского граветта формы, как острия фон-робер и флешетты (flechettes). Среди одновременных индустрий Ближнего Востока поздний ахмариен (30–20 тыс. л.н.) выделяется развитой микропластинчатой технологией, но в нем почти полностью отсутствуют пластинки с притупленным краем и острия граветт и многочисленные острия эль-вад, которых нет на Кавказе. В индустрии лагаман (датируется 40–25 тыс. л.н.) преобладают острия с притупляющей ретушью, но технология расщепления направлена преимущественно на получение крупных пластин.

Таким образом, можно отметить, что индустрии поздней поры верхнего палеолита Кавказа (30–20 тыс. л.н.) имеют определенное своеобразие в контексте Западной Евразии. Материалы северного и южного склонов Кавказа имеют как черты сходства, так и различия. Наличие контактов населения обоих регионов подтверждает поступление обсидиана с юга Грузии на Северо-Западный Кавказ.

Воздействие на популяции современного человека глобального экологического кризиса времени последнего ледникового максимума отмечается во многих регионах Евразии и в Африке. Экологический кризис на Кавказе был связан с перестройкой экосистем в результате масштабного роста ледников, после которого в эпоху эпипалеолита происходит расцвет имеретинской культуры, памятники которой распространяются от Имеретии на юге до Приазовья на севере. Связи Северо-

Западного Кавказа с Центральным и Южным Кавказом в этот период подтверждает анализ поступления обсидиана в Мезмайскую пещеру из Кабардино-Балкарии и Южной Грузии. Индустрии этого периода отличает высокоразвитая микропластинчатая технология расщепления. Характерной формой является имеретинское острие с боковой выемкой. Широкое распространение получают типы остриев на пластинках, характерные для граветта и эпиграветта Европы, и геометрические микролиты, развитые в эпипалеолите Ближнего Востока. Геометрические микролиты известны на Кавказе со времени 15–14 тыс. л.н., т.е. примерно в то же время, когда в Леванте получают распространение индустрии геометрического кебариена. Также появляется техника биконического сверления кости, использовавшаяся для изготовления украшений и игл. Яркой стилистической чертой является распространение нашивок-бусин из наземных моллюсков, которые в этот период были широко распространены на территории Западной Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голованова Л.В. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // *Stratum plus*. 2000. № 1. С. 158–177.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto B., Goldberg P., Eliso Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*. 2011. № 85. P. 331–349.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. The Early Upper Paleolithic of the Caucasus in the West Eurasian Context // *L'Aurignacien de la grotte Yafteh et son contexte (fouilles 2005–2008)* / Eds. M. Otte, S. Shidrang, D. Flas. Liège, 2012. P. 137–160. (ERAUL; № 132).

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kulkova M.A., Cleghorn N., Sapelko T.V. Significance of ecological factors in the Middle to Upper Paleolithic transition // *Current Anthropology*. 2010. № 51 (5). P. 655–691.

Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L.F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2014. № 505. P. 43–49.

ФИНАЛЬНОЕ МУСТЬЕ ВОСТОЧНОЙ АДРИАТИКИ: КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ БИОЧЕ¹

© 2014 г. А.П. Дервянко, К.К. Павленок, А.В. Кандыба

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(pavlenok-k@yandex.ru)*

Ключевые слова: Восточная Адриатика, финальный средний палеолит, микромустье, скальный навес Биоче.

Резюме. Скальный навес Биоче в Черногории ранее относился к региональной «микромустьерской» фации финала среднего палеолита. Новый этап исследования позволил пересмотреть культурно-хронологический интервал стоянки в сторону его увеличения. Также был установлен факт существования нескольких технологически различных комплексов. Эти наблюдения позволяют отнести данный объект к наиболее информативным памятникам в изучаемом регионе.

Балканский регион, занимающий стратегическое положение между Европой и Ближним Востоком, играет ключевую роль при изучении преистории континента на рубеже среднего и верхнего палеолита (КИС 3; от 59 до 24 тыс. л.н.). История разных частей этого региона в означенный период времени складывалась неодинаково. Восточное побережье Адриатического моря отделено от внутренних районов полуострова Далматинским орографическим массивом и Динарским нагорьем. Внутренний и прибрежный районы значительно отличаются друг от друга по палеогеографическим и палеоэкологическим параметрам. Горные системы высотой до 2 тыс. м, вероятно, были естественными преградами для активных культурных контактов (Karavanić, 2007). Это привело к выработке у мустьерских обитателей прибрежной зоны специфических адаптационных механизмов, нашедших отражение в материальной культуре.

Долгое время считалось, что универсальной характеристикой финально-мустьерских памятников Восточной Адриатики, причем как экспонированных комплексов (Вели Рат, Равно Котари и др.), так и стратифицированных стоянок (скальные навесы Црвена Стена в Черногории (к.с. 11–18) и Муйна Печена в Хорватии), является преобладание в инвен-

таре орудий мелких размеров (Там же; Црвена Стијена, 1975). Это стало основанием для выделения отдельной «микромустьерской» фации, существовавшей во время КИС 3, каменное производство которой являлось неизменным на всем протяжении ее существования. Большая часть сколов-заготовок мелких размеров была произведена с помощью леваллуазкой техники в ее отщеповом варианте. Заготовки преобразовывались в различные типы скребел и скребков, мелкие мустьерские острия, рокклеты, зубчато-выемчатые формы и другие орудия в основном с помощью интенсивной дорсальной ретуши.

Скальный навес Биоче в Черногории также изначально был отнесен к микромустьерской фации финального среднего палеолита (Đurđić, 2006). Деревня Биоче, давшая наименование памятнику, расположена в небольшой, окруженной горами долине в месте слияния рек Мороча и Мала река. Скальный навес располагается в основании высокого известкового массива на кромке этой долины, на высоте 30 м над современным уровнем р. Морочи.

Стоянка периодически исследовалась в период с 1986 по 1997 г. Толща четвертичных отложений была разделена первым исследователем стоянки Л. Дуричич на три серии (I–III) (Там же). Первая серия слоев (I), с заметной

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-01200.

долей гумуса, содержала прослой золы и угля. К ней было приурочено основное количество археологического и остеологического материала. Так как навес использовался в годы Второй мировой войны в качестве укрепленной позиции, а в дальнейшем в нем располагался загон для скота, данные отложения были повреждены. Ко второй серии (II) были отнесены слои глины и песка с многочисленными отдельностями известковой породы и редкими артефактами. Третья стратиграфическая серия (III) была представлена слоями глины, стерильными в археологическом отношении. По мнению Л. Дуричич (Там же), вне зависимости от глубины залегания и характера вмещающих отложений, вся каменная индустрия стоянки была однотипной и соответствовала характеристикам микроустьерской фации.

Результаты возобновившихся исследований скального навеса Биоче российско-черногорской экспедицией ИАЭТ СО РАН (с 2010 г.) (Деревянко и др., 2010) позволили в значительной степени скорректировать устоявшиеся представления о данном объекте и его культурно-хронологической атрибуции.

Раскопки непо потревоженной части отложений в глубине навеса указали на сложный характер их формирования. В стратиграфическом разрезе выделено 12 литологических подразделений – слои 1–7. В основании залегают плотные пластичные красновато-коричневые глины (слой 7), стерильные в археологическом отношении. Далее в разрезе фиксируется пачка тяжелых суглинков светло-коричневого и коричневого цвета (слои 5 и 6), насыщенных щебнистым материалом и выветрелыми натечными образованиями. Слой 4 представляет собой коричневатую супесь с прослоями щебнисто-древянистого материала в легкосуглинистом заполнителе. Выше по разрезу располагается мелкощебнисто-древянистый горизонт с супесчаным заполнителем (слой 3), сильно сцементированный карбонатным цементом. Слой 2 объединяет все отложения, значительно потревоженные поздним антропогенным вмешательством, со смешанным археологическим материалом. Слой 1 включает шесть отдельных чередующихся подслоев одревяненной и опесчаненной супеси и легкого суглинка коричневого или черного цвета, не-

равномерно насыщенных щебнистым материалом.

Проведенное радиоуглеродное датирование образцов кости и угля из прослоев 1.1.2 и 1.2 указало на то, что накопление слоя 1 происходило в диапазоне от 32 до 40 тыс. л.н., что частично согласуется с наблюдениями предыдущих исследователей, поместивших всю каменную индустрию стоянки во вторую половину КИС 3. Однако литологические характеристики слоев 1.4 и 3 дают основания предполагать, что между образованием верхней и нижней пачек отложений существовал значительный хронологический перерыв.

Анализ полученного археологического материала дал новые характеристики каменной индустрии. В нижних слоях стоянки (слои 5–6), которые ранее считались стерильными, запечатлен этап «привыкания» к местной сырьевой базе, о чем говорит частое использование низкокачественной известковой породы. В первичном расщеплении, базирующемся на галечном сырье, использовались максимально простые схемы. Нуклеусы в основном одноплощадочные однофронтальные плоскостные, предназначены для изготовления отщепов. Ортогональные, дисковидные и двуплощадочные нуклеусы очень редки. Доминирующей категорией орудийного набора являются одно- и двулезвийные скребла. Показательны редкие заготовки лимасов. Скребки, ножи, шиповидные и зубчато-выемчатые орудия, чоппинги единичны. Все категории инвентаря представлены в вышележащих слоях, что, возможно, указывает на близкую специализацию стоянки на всем протяжении ее функционирования.

В слое 4 большее распространение получает техника радиального расщепления. Также впервые появляются тронкированно-фасетированные ядрища и единичные леваллуазские нуклеусы. В орудийном наборе фиксируются первые орудия на пластинах. Это пластины с ретушью, проколка, изделие с приостренным кончиком. Появляются комбинированные формы орудий (скребок-шип, скребок-нож) и редкие острия леваллуазского облика.

Коллекция слоя 3 помимо традиционных для индустрии элементов содержит изделия, которые демонстрируют развитие нехарактерных для стоянки технологий. Об этом гово-

рит серийное изготовление пластин средних размеров и преобразование их в удлиненные остроконечники и тщательно ретушированные по продольным краям изделия.

Основная часть археологического материала (ок. 90%) была обнаружена в пределах слоя I. Среди нуклеусов наиболее многочисленны радиальные ядрища для мелких отщепов. К ним типологически близки ортогональные формы. Среди однофронтальных одноплощадочных нуклеусов преобладают изделия, утилизированные по длинной оси. Среди них есть редкие экземпляры с объемным фронтом. Также встречаются простые формы торцовых нуклеусов с единичными пробными сколами. Доминирующей категорией инвентаря являются скребла, чаще одинарные продольные с прямым или выпуклым лезвием. Второй крупной категорией являются скребки, подготовленные в той же манере, что и скребла, но несколько уступающие им по размерам. В категории ножей, третьей по численности, представлены в основном однолезвийные продольные формы, чаще с выпуклым лезвием. Остроконечные формы немногочисленны. В группе комбинированных орудий представлены изделия, сочетающие рабочие элементы, свойственные скреблам, скребкам, ножам, резцам, а также шиповидным, долотовидным и выемчатым формам. Как показал анализ коллекции этого слоя, каменная индустрия не в полной мере соответствует прежним представлениям. Так, судя по всему, предшествующими исследователями была существенно завышена роль леваллуазской техники. Кроме того, были выделены новые черты комплекса, выраженные в присутствии немногочисленных нуклеусов верхнепалеолитических типов.

В итоге можно заключить, что новый этап исследования скального навеса Биоче позволил пересмотреть культурно-хронологический интервал отложений стоянки в сторону его увеличения. Вопреки представлениям о полном единообразии каменной индустрии стоянки, было выявлено существование технологически различных комплексов, охватывающих постепенное вызревание оптимальных стратегий камнеобработки с учетом специфики сырьевой базы. Этот комплекс наблюдений позволяет отнести скальный навес Биоче к наиболее информативным памятникам в изучаемом регионе и в дальнейшем использовать его в качестве одного из опорных объектов при культурно-исторических реконструкциях. Исследования памятника продолжаются, и получение новых данных (в т.ч. дат для нижней пачки отложений) позволят вписать данный объект в общую картину развития культуры человека в означенном пространственно-временном срезе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М. Исследования скального навеса Биоче (Черногория) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г.). Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 52–57.

Црвена Стујена. Зборник радова. Никшић, 1975.

Duričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // J. of the Serbian Archaeological Society. 2006. Vol. 22. P. 179–196.

Karavanić I. Le Moustérien en Croatie // L'Anthropologie. 2007. Vol. 111. P. 321–345.

КУЛЬТУРЫ КАМЕННОГО ВЕКА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ВЬЕТНАМА)¹

© 2014 г. А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Кандыба

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(arhkandyba@gmail.com)*

Ключевые слова: Северный Вьетнам, пещера Конмонг, верхний палеолит, неолит, каменная индустрия, предметы символической деятельности.

Резюме. На территории Северного Вьетнама были получены археологические и геохронологические данные, свидетельствующие о непрерывном существовании единой технологической традиции обработки камня в течение последних 100 тыс. лет и автохтонном развитии *Homo sapiens orientalis* в данном регионе. На основании сравнительного анализа археологических и естественно-научных данных была проведена корреляция между культурными слоями пещеры Конмонг. Использовались реперные виды палеонтологических и палинологических коллекций, которые позволили охарактеризовать климат и ландшафты времени накопления культурных слоев пещер. На основе археозоологического анализа материалов Конмонга рассмотрены трофические приоритеты обитателей. Возможно предположить, что в результате палеоэкологических катастроф (похолодания и т.д.) ареал древних популяций человека в Китайско-Малайской зоне сужался, однако архантропы никогда ее не покидали. Здесь без каких-либо существенных влияний извне эволюционировал и сам человек, и его индустрии. Изменения, повлекшие за собой значимую культурную трансформацию, происходили уже в рамках сложившихся общностей людей современного типа и местных технологических традиций.

Вплоть до недавнего времени основной в палеолитоведении являлась точка зрения, что важнейший эволюционный скачок в культурном и технологическом развитии человека современного типа произошел около 40 тыс. л.н. в результате так называемой верхнепалеолитической революции. Однако по мере интенсификации палеолитических исследований за пределами европейской ойкумены данная парадигма утратила свою универсальность. Полученные в последние годы данные уверенно указывают на то, что, с одной стороны, современная анатомия человека появилась гораздо раньше, с другой – ряд основных культурных признаков эпохи верхнего палеолита фиксируется в археологических комплексах значительно большей древности. А в некоторых областях Евразийского континента, таких как территория Северного Вьетнама, революционных изменений в культурном и технологическом развитии человека не происходило.

Впервые изучение палеолита на территории Вьетнама было предпринято французскими геологами. В 1909–1923 гг. А. Мансюи проводит исследования в пещерных объектах пров. Лангшон и на данных материалах выделяет раннеолитическую культуру бакшон (Mansuy, 1924; Mansuy, Colani, 1925). В 1926–1931 гг. М. Колани проводит раскопки пещерных памятников в провинциях Хоабинь, Ниньбинь, Тханьхоа и Кванбинь, по итогам изучения которых выделяет хоабиньскую археологическую культуру, отнесенную к финалу позднего палеолита – началу неолита (Colani, 1927). В 1960-х гг. были начаты исследования палеолита собственно вьетнамскими археологами. Им принадлежит открытие более древней культуры позднего палеолита – шонви (Ha Van Tan, 1971; Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sửu, Trình Năng Chung, 1999).

Несмотря на сделанные открытия, проблема происхождения этих культур, их развития и преемственности еще далека от решения.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12008.

Поэтому в качестве опорного памятника для исследований была выбрана многослойная пещера Конмонг, археологические комплексы которой относятся к выделенным ранее культурно-хронологическим диапазонам эпохи финала плейстоцена – начала голоцена.

Пещера Конмонг (N20°40'860"; E 105°65'164") общей площадью 230 м², была открыта в 1974 г. и исследовалась вьетнамскими археологами в 1975–1976 гг. и 2008 г. (Nguyễn Khắc Sửu, 2009). По результатам этих раскопок, а также последующих исследований российско-вьетнамской экспедиции в 2010–2013 гг. в пещере было подробно изучено три основных культурно-хронологических периода.

Отложения, отражающие самый ранний культурный период, обладают в среднем мощностью до 2,5 м. Слой темно-коричневого цвета, встречаются целые раковины улиток, главным образом вида *Cycloporus*. Были найдены такие типы артефактов, как чопперы, обломки гальки, ретушированные отщепы и кости животных со следами обработки. Эти орудия характерны для культуры шонви и датируются позднепалеолитическим временем. ¹⁴C-даты, полученные по нескольким раковинам, относятся к периоду от 11,0 до 15,3 тыс. л.н.

Мощность отложений второго культурного подразделения в среднем составляет 1,2 м. Отложения черновато-коричневого цвета, плотно насыщены сильно фрагментированными раковинами, главным образом *Cycloporus*. В отличие от шонвинских орудий первого культурного подразделения, во втором появляются орудия типа Суматра миндалевидной и дисковидной формы, короткие и длинные топоры, костяные острия и скребла из раковин. Эти артефакты характерны для культуры хоабинь, типичный орудийный набор для широко распространенных в этом регионе позднепалеолитических памятников. Кроме того, в данном культурном подразделении фиксируется слой, вмещающий захоронения с каменным инвентарем, раковинами устриц и охрой. Скелет лежит на боку с поджатыми ногами. ¹⁴C-даты периода входят в диапазон от 9,3 до 12,0 тыс. л.н.

Мощность отложений третьего культурного подразделения в среднем составляет 1,2 м.

Подразделение представлено известняковой глиной различных цветов, изменяющихся от коричневого в нижних уровнях до желтого в верхнем уровне. Следы целых и сломанных раковин, в особенности *Cycloporus* и *Antimelani*, представлены как включения. В отличие от хоабиньских чопперов, здесь встречаются каменные топоры с заточенным полированным лезвием, заточенные костяные острия, ножи для резки раковин устриц и керамика. Каменный инвентарь подобного вида часто встречается в позднепалеолитическом хоабине и на раннеолитических бакшонских памятниках. ¹⁴C-даты из третьего культурного периода относятся к диапазону от 8,5 до 9,2 тыс. л.н.

Большинство планиграфических элементов и артефактов, обнаруженных в пещере включают в себя очаги, кости животных, остатки растительности, захоронения и костные останки людей. Очаги встречаются в каждом культурном периоде. Количество очагов снизу вверх по стратиграфической колонке увеличивается, но при этом уменьшается размер, и их площадь распространения сдвигается в сторону входа.

Палинологический анализ позволил выявить, наряду с семенами *Canarium nigrum Engler* и *Thea* sp., следующие виды спор и пыльцы. В первом культурном периоде были найдены споры *Polypodiaceae*, *Cyatheaceae*. В отложениях второго и третьего культурных периодов было найдено множество растительной пыльцы, принадлежащей *Chenopodiaceae*, *Leguminosae*, *Rubiaceae*, *Myricaceae*, *Meliaceae* и *Fagaceae*, *Meretrix meretrix*. Компоненты флоры показывают, что местный климат на границе эпох плейстоцена и голоцена (11–10 тыс. л.н.) был жарким и влажным.

Анализ малакофауны позволил зафиксировать в отложениях первого культурного периода в основном *Cycloporus fulguratus*, *Camarena vayssierei* и *Hybocystis srossei*. Во втором культурном периоде были дополнительно к *Cycloporus* найдены *Antimelania swinhoei*, *Antimelania siamensis*, *Antimalania costula*, *Lanceolaria laevis*, *Lanceolaria gray*, *Lanceolaria frustorferi*, *Oxynaria diespiter*, *Oxynaia* sp. и *Sinohyriopsis cumingii*. Видовой состав меняется от моллюсков, средой обитания которых являются ручьи и реки горных районов,

к морским видам, чаще использовавшихся в эпоху бакшон.

Фаунистический комплекс представлен остатками животных, характерных для тропического муссонного климата: *Rhinoceros*, *Cervus* sp., *Rusa unicolor* Kerr, *Mintiacus muntjac* Zimmernann, *Bividae*, *Capricornis sumatraensis* Bechtein, *Macaca of mulata* Zimmernann, *Scluridae* gen. et sp. indet., *Cannidae* gen. et sp. indet., *Aretoryx collaris* F.Cuvius, *Sus scrofa* L., *Pradoxurus hermaphroditus* Pllas, *Anser*: *Lophuru* sp., и *Rattus* sp. Кости в основном фрагментированы, иногда сильно обожжены.

Опираясь на ¹⁴C-даты, можно предположить, что жители Конмонга оставались здесь в течение 8 тыс. лет, с 16 до 8 тыс. л.н. На настоящий момент самым ранним компонентом являются артефакты шонвинской культуры, соответствующей позднему палеолиту, за ней следует типичный ранний хоабинь, и далее бакшонский материал.

Антропологический материал пещеры свидетельствует о расселении в ней человека современного анатомического вида, однако его технология первичной и вторичной обработки мало чем отличалась от индустрии, типичной для палеолитических стоянок раннего палеолита Вьетнама (Деревянко, Кандыба, Цыбанков, 2012). Сравнение с другими памятниками Юго-Восточной Азии показывает относительную стабильность района Конмонга, слабые видовые изменения в фауне, в то время как подобные памятники на Борнео, в Таиланде и Малакке претерпевают изменения видового состава с вымиранием или замещением в течение плейстоцена – начала голоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Цыбанков А.А. Древнейшие этапы освоения человеком Юго-Восточной Азии: археологические и палеоэкологические данные // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: мат-лы Всерос. науч. конф., Москва, Ин-т археологии РАН, 4–6 декабря 2012 г. М.: ИА РАН, 2012. С. 27–30.

Colani M. L'âge de la pierre dans la province de Hoa-Binh // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. T. XIV. I. Hanoi, 1927.

Ha Van Tan. Văn hóa Sơn Vi // Khảo cổ học. 1971. Số 11-12. T. 60–69.

Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sĩ, Trình Năng Chung. Văn hóa Sơn Vi. Hanoi: Nhà Xuất bản Khoa học xã hội, 1999. 150 t.

Mansuy H. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indo-Chine. IV. Stations préhistoriques dans les cavernes du massif calcaire de Bac-Son // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. T. XI. Hanoi, 1924.

Mansuy H., Colani M. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indo-Chine. VII. Néolithique inférieur (Bacsonien) et néolithique supérieur dans le Haut-Tonkin // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. T. XII. 3. Hanoi, 1925.

Nguyễn Khắc Sĩ. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology. 2009. № 4. P. 40–52.

ПРЕМУСТЬЕРСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В ЕВРОПЕ

© 2014 г. В.Б. Дороничев

Лаборатория доистории, Санкт-Петербург
(labprehistory@yandex.ru)

Ключевые слова: премутьерский комплекс, ашель, Европа.

Резюме. Автор рассматривает индустрии премутьерского комплекса нижнего палеолита, представленного в регионах Центральной и Восточной Европы вне зоны распространения ашельских индустрий. Исчезновение этого комплекса связывается с распространением индустрий финального ашеля и раннего среднего палеолита в эти регионы.

Последние открытия в изучении нижнего палеолита Западной Евразии приводят к пересмотру устоявшихся представлений. Они свидетельствуют, что древнейшими представителями рода *Homo*, пришедшими в Евразию 1,8 млн л.н., были гоминиды, представленные *Homo georgicus* (или *H. erectus georgicus*) из Дманиси в Грузии. За ними следуют *H. erectus* из Козарники (1,6–1,4 млн л.н.) в Болгарии и Кочабас (1,3–1,1 млн л.н.) в Турции и позже – *H. antecessor* из Атапуэрки TE9 (1,2 млн л.н.) и TD6 (1,0–0,8 млн л.н.) в Испании (Mgeladze et al., 2011; Bermudez de Castro et al., 2013; Lebatard et al., 2014). Эти древнейшие люди делали каменную индустрию без рубил преолдованского или олдованского типа, определяемую также как Модус 1. Это единственный тип каменной индустрии в нижнем палеолите Европы до 0,75–0,70 млн лет. Гоминиды с технологией ашельского рубила пришли в Европу из Африки (через Гибралтарский пролив) не ранее 0,9 млн л.н. (Куева Негра в Испании), а более вероятно около 0,75–0,6 млн лет. Древнейшие в Европе ашельские рубила найдены в Солана (0,75 млн л.н.) в Испании и несколько более поздних (0,7–0,6 млн л.н.) комплексах из Араго, слои Н–Р, Ноара и Морандьер во Франции и Нотаркирико, слой F в Италии. Все ископаемые останки гоминидов, найденные на ашельских памятниках в Европе, определяются сейчас как *H. heidelbergensis*. Он наиболее полно представлен черепами из Араго, Сима де лос Уесос в Атапуэрка, Чепрано в Италии и считается общим предком

H. neanderthalensis в Европе и *H. sapiens* в Африке.

С началом интенсивной экспансии ашеля в Западной Евразии около 0,80–0,75 млн л.н. граница распространения ашельских индустрий смещалась по мере того, как ашельская популяция *H. heidelbergensis* продвигалась к северу в Западной Европе и Западной Азии. Одновременно зона распространения неашельских индустрий без рубил сокращалась и смещалась в том же направлении. Важно отметить, что эта аборигенная неашельская популяция людей, которые, судя по преемственности традиций камнеобработки, являются потомками древнейших преашельских гоминидов, впервые заселивших Западную Евразию, была отделена в Европе временем около 1,0 млн лет от пришедшей позже из Африки ашельской популяции *H. heidelbergensis*. Не вызывающие сомнения специалисты археологические источники свидетельствуют, что неашельские гоминиды были первыми людьми, которые заселили континентальную Европу к северу от Альп и между Альпами и Кавказом со времени около 0,7–0,6 млн л.н., а возможно и ранее. Территориально-хронологическое распределение памятников нижнего палеолита указывает на существование в Центральной и Восточной Европе и на Балканах, за пределами зоны распространения ашеля в Западной Европе и Западной Азии ко времени около 0,4–0,3 млн л.н., области расселения другой (аборигенной) популяции людей. Эти люди не имели практики производства

ашельских рубил, а делали индустрии, состоящие только из орудий на отщепах и чопперов. Данные индустрии определяются как премутьерский индустриальный комплекс – термин, производный от понятия «премутьерская культура», которое ввел в научный оборот немецкий ученый Х. Обермайер в 20-е гг. прошлого века (Doronichev, Golovanova, 2010).

Сейчас палеоантропологические и палеогенетические исследования пока не в состоянии определить антропологические или генетические различия между ашельскими людьми (*H. heidelbergensis*) и жившими одновременно с ними, но в другом географическом регионе аборигенными европейцами – изготовителями индустрий премутьерского комплекса на обширной территории от Альп до Кавказа. Современные исследователи просто объединяют все ископаемые находки гоминидов первой половины среднего плейстоцена в Европе в один таксон (*H. heidelbergensis*), как раньше объединяли их в другой таксон (*H. erectus*). В данной ситуации, только археологические источники позволяют провести различие. Они показывают, что на позднейстадиинижнеопалеолита, между 400–250 тыс. л.н., когда ашельская экспансия достигла почти максимального размера в Европе, вплоть до бассейна р. Рейн в Северной Европе и бассейна р. По в Средиземноморской Европе и вплоть до Большого Кавказа в Западной Азии, исключительно памятники премутьерского комплекса обнаруживаются в Центральной и Восточной Европе. Ашельские стоянки здесь не известны. Премутьерские каменные индустрии представлены находками *in situ* на стратифицированных памятниках, таких как комплексы I–III в пещере Треугольная на Северном Кавказе, аллювиальные комплексы стоянок Хрящи и Михайловское на Русской равнине, пещера Яримбургяз на Балканах, комплекс VI стоянки Королево-1 в Карпатах, Вертешсоллош на р. Дунай, стоянки Шонинген-12 и -13, Бад Канштат, Валлендорф, Шебница, Руско, Бильцингслебен на севере Центральной Европы и др., а также переотложенными материалами более многочисленных местонахождений (Дороничев и др., 2007; Koulakovska, Usik, Haesaerts, 2010; Haidle, Pawlik, 2010).

Каменные индустрии премутьерского комплекса различаются по составу, в зависимости от функциональной дифференциации стоянок и по другим причинам, но в целом включают следующие три основных компонента. 1. Технику расщепления характеризуют простые (в основном первичные и ортогональные и редкие одноплощадочные и радиальные) нуклеусы с короткими редуцированными циклами, состоящими в скалывании 1–3 отщепов с одной площадки с последующим поворотом ядрища для продолжения редукации или его выбрасыванием. 2. Орудия на отщепах, которые изготовлены в основном на сколах небольших размеров с наклонными площадками, включают разнообразные простые скребла, зубчатые, выемчатые, массивные скребки, проколки и конвергентные орудия, а также в небольшом количестве орудия с плоской вентральной ретушью или бифасиально ретушированными краями. 3. Орудия крупных размеров представлены почти всегда и включают односторонние чопперы, а также более редкие двусторонние чоппинги и протобифасы (или конвергентные чопперы) с частичной бифасиальной отделкой. Тем не менее, несмотря на отсутствие сложных технологий производства заготовок и оформления орудий, люди, которые делали индустрии премутьерского комплекса, имели хорошую поведенческую пластичность и высокий уровень адаптаций. Они впервые заселили наиболее некомфортные (в Западной Евразии) лесные и лесостепные зоны Центральной и Восточной Европы с холодными зимами. Они выработали наборы каменных орудий, приспособленные для деревообработки, делали настоящие деревянные копья, представленные известными находками в Шонингене-13, и составные орудия с деревянной рукоятью, известные по находкам в Шонингене-12.

В отличие от ашельского комплекса, индустрии премутьерского комплекса не показывают перехода (помещаемого в рамках кислородных стадий 8 и 7, ок. 300–200 тыс. л.н.) к среднему палеолиту. Этот переход завершился асинхронно в разных регионах Европы и Западной Азии с появлением индустрий ранней поры среднего палеолита, характеризующихся появлением сложных технологий производства заготовок с подготовленных нуклеу-

сов и развитого набора конвергентных орудий (прежде всего леваллуазских и мустьерских остриев), либо технологий производства бифасиальных наконечников. Во время перехода от ашеля к среднему палеолиту, который ассоциируется с финальной неандертализацией *H. heidelbergensis* и появлением *H. neanderthalensis* в Европе и Западной Азии, индустрии премустьерского комплекса исчезают с началом распространения неандертальцев в Центральную и Восточную Европу. Премустьерский комплекс замещается в этих регионах индустриями, которые одни исследователи называют финальным ашелем, а другие – ранним средним палеолитом. Подобный сценарий позволяет предполагать, что исчезновение премустьерского комплекса, вероятно, представляет первое полное замещение населения в истории Европейского континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф.* Треугольная Пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Bermudez de Castro J.M., Martinon-Torres M., Blasco R., Rosell J., Carbonell E.* Continuity or discontinuity in the European Early Pleistocene human settlement: the Atapuerca evidence // *Quaternary Science Rev.* 2013. Vol. 76. P. 53–65.
- Doronichev V.B., Golovanova L.V.* Beyond the Acheulean: A view on the Lower Paleolithic occupation of Western Eurasia // *Quaternary International.* 2010. Vol. 223–224. P. 327–344.
- Haidle M.N., Pawlik A.F.* The earliest settlement of Germany: Is there anything out there? // *Quaternary International.* 2010. Vol. 223–224. P. 143–153.
- Koulakovska L., Usik V., Haesaerts P.* Early Paleolithic of Korolevo site (Transcarpathia, Ukraine) // *Quaternary International.* 2010. Vol. 223–224. P. 116–130.
- Lebatard A.-E., Alcicek M.C., Rochette P., Khatib S., Vialet A., Boulbes N., Bourles D.L., Demory F., Guipert G., Mayda S., Titov V.V., Vidal L., Lumley H. de.* Dating the *Homo erectus* bearing travertine from Kocabas (Denizli, Turkey) at least 1.1 Ma // *Earth and Planetary Science Letters.* 2014. Vol. 390. P. 8–18.
- Mgeladze A., Lordkipanidze D., Moncel M.-H., Desprie J., Chagelishvili R., Nioradze M., Nioradze G.* Hominin occupations at the Dmanisi site, Georgia, Southern Caucasus: Raw materials and technical behaviours of Europe's first hominins // *J. of Human Evolution.* 2011. Vol. 60. Iss. 5. P. 571–596.

МОДЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

© 2014 г. Е.В. Дороничева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

(edoronicheva@hotmail.ru)

Ключевые слова: палеолит, каменное сырье, мобильность, Северный Кавказ.

Резюме. Проведенное автором исследование каменного сырья для стоянок среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе показывает, что в разные периоды палеолита человек по-разному добывал, транспортировал и использовал каменное сырье. Это нашло отражение в расселении, мобильности и адаптациях человека.

Вопросами использования каменного сырья в эпоху палеолита интересовались давно, однако активные исследования в этом направлении начали проводиться с 1970-х гг. Многолетнее изучение археологических материалов с применением методики петроархеологии показало существование разных моделей использования сырья в среднем и позднем палеолите Западной и Центральной Европы, Ближнего Востока (Géneste, 1988; Féblot-Augustins, 1997; Lieberman, Shea, 2004). Наше исследование позволило доказать, что это утверждение верно и для стоянок Северного Кавказа (Дороничева, Кулькова, 2011; Doronicheva, Kulkova, Grégoire, 2012; Дороничева, Кулькова, Шекли, 2013).

Автором было проведено изучение сырьевых стратегий древнего человека в среднем и позднем палеолите Северо-Западного Кавказа. Были исследованы месторождения каменного сырья (в первую очередь – кремневого), проведены петрографические и геохимические анализы образцов. В результате была сформирована эталонная коллекция кремневого сырья для месторождений региона. На все изученные археологические коллекции составлены базы данных, проведен технико-типологический анализ индустрий.

Согласно подходу, который принимают большинство исследователей, для охотни-

ков-собирателей первостепенными являются ежедневные потребности коллектива, а обеспечивающие их виды деятельности, такие как изготовление орудий, имеют подчиненное значение и, скорее всего, будут от них зависеть. Сырье, в этом случае, будет приобретено «по пути», это называется «включенное приобретение» (Binford, Stone, 1985). Считается, что добыча сырья предполагала и некоторую степень планирования, чтобы ресурсы были в достатке, когда они потребуются (Roebroeks, Kolen, Rensink, 1988).

Добыча сырья может зависеть от разных факторов, например: обилия, качества, размеров сырья, его распространения и условий залегания. Принимая во внимание все эти факторы, можно предположить, что в разных ситуациях человеческие коллективы по-разному приспосабливались к меняющимся условиям. В то же время современные данные позволяют выделить несколько обобщенных моделей использования каменного сырья, которые могут быть применимы к эпохе палеолита.

Средний палеолит

Автором были проанализированы коллекции каменных изделий пещер Мезмайская (коллекции 1987–2001 гг.) и Матузка (1986–

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 12-01-00348, National Geographic Society № 8300-07, а также при поддержке гранта Музея Университета Пенсильвании.

2003), стоянок Баранаха-4 (1996) и Хаджох-2 (2009–2010) общей численностью 6 550 экз. Данные по другим памятникам привлечены из публикаций.

Сырье. Основным сырьем для изготовления орудий был кремь. В результате проведенных исследований было определено 11 месторождений кремня и одно – обсидиана (Дороничева, Кулькова, 2011; Дороничева, 2013а). Кроме того, в небольшом количестве неандертальцы использовали такие породы, как известняк, песчаник, алевролит, гранит, кварц, сталактит и др. Лимониты, сланцы, песчаники, как правило, происходят из аллювиальных россыпей. Сталактитовые натеки и известняки в большом количестве встречаются в пещерах. В основном эти виды сырья представлены орудиями.

Добыча. Проведенное исследование показывает, что стоянки неандертальцев всегда располагались в непосредственной близости от источников кремневого сырья (0–5 км), даже если оно было плохого качества (трещиноватость, много органических включений). Исключение составляет только пещера Матузка, около которой месторождений кремня обнаружено не было, и где во все периоды ее заселения человеком существовали лишь кратковременные стоянки (Голованова и др., 2006).

Кроме местных пород неандертальцы всегда использовали высококачественный кремь, который добывали из источников, расположенных на расстоянии 5–100 км. Некоторые месторождения использовались наиболее активно. Так, цветной кремь из бесленеевского месторождения был выделен в материалах Мезмайской пещеры (50–60 км) и стоянки Баранаха-4 (ок. 70 км), а коричневый кремь из шаханского месторождения – в пещерах Мезмайская (30–40 км) и Матузка (ок. 30 км). На таких месторождениях организовывались специальные мастерские (Хаджох-2, Бесленеевская; Дороничева, 2013б).

Транспортировка. В среднем палеолите транспортировка сырья из удаленных источников осуществлялась, преимущественно, в виде сколов и орудий. Нуклеусы из приносного сырья единичны во всех изученных коллекциях.

Мобильность. В результате проведенных исследований были выделены три зоны эксплуатации каменных ресурсов и разные варианты мобильности, для каждого из которых характерна определенная модель использования сырья.

Первая зона включает ближайшие 5 км в радиусе от стоянки. Это местное сырье составляло основу сырьевой базы в индустрии (70–98%). Было выделено два варианта использования местного сырья.

Вторая зона включает месторождения, удаленные на 5–100 км. Это сырье составляло от 10 до 50% в индустрии.

Третья зона включает выходы сырья, удаленные от 100 до 200–300 км. Такое каменное сырье составляет не более 1%.

Так, проведенное исследование обсидиановых изделий из Мезмайской пещеры позволяет предполагать перемещения неандертальцев Северо-Западного Кавказа в Центральный Кавказ (месторождение Заюково, 200–250 км). Кроме того, в материалах пещер Мезмайской и Матузки был выделен кремь, который, вероятно, происходит из Приазовья (месторождение в Лысогорке, ок. 300 км).

Ранний верхний палеолит

Автором были изучены коллекции Мезмайской пещеры (2001 г.), Короткой пещеры (2006 г.) и Губского навеса-1 (коллекции 1962–1963 гг. и 1975–1976 гг.) общей численностью 5 744 экз.

Сырье. В сырьевой базе абсолютно преобладает кремь. Также сапиенсы использовали известняк, песчаник, сланец. Эти породы они могли собирать в аллювиях ближайших рек и, чаще всего, использовали их в качестве отбойников, ретушеров и терочников.

Добыча. Для раннего верхнего палеолита в настоящее время изучено пять месторождений кремня и два – обсидиана. В отличие от среднего палеолита, сапиенсы предпочитали преимущественно использовать высококачественное кремневое сырье, даже при необходимости транспортировать его на большие расстояния. Так, бесленеевский кремь был выделен в материалах Мезмайской пещеры (50–60 км), пещеры Короткая (ок. 60 км) и Губского навеса-1 (20–30 км).

Селекция. В верхнем палеолите сапиенсы начинают отбирать разные виды сырья для изготовления разных категорий изделий. Так, местное низкокачественное сырье в Мезмайской пещере использовалось только для изготовления ретушированных отщепов, и почти никогда из него не делались пластинки, микропластинки, скребки и резцы, изготавливавшиеся из приносного высококачественного сырья.

Транспортировка. В верхнем палеолите транспортировка сырья осуществлялась, главным образом, в виде нуклеусов и пренуклеусов. Можно предположить, что это было связано с внедрением пластинчатой техники расщепления.

Мобильность. На основании проведенного исследования можно предположить, что ареал освоения ресурсов в верхнем палеолите обычно достигал 100 км от стоянки. Кроме того, данные геохимических анализов обсидиановых изделий из Мезмайской пещеры показывают, что это сырье происходит из двух источников: выходов у селения Заюково (Центральный Кавказ, 200–250 км) и выходов в Куюн-Даг (Южная Грузия, ок. 400 км), что дополнительно подтверждает культурные связи населения этих территорий (Golovanova et al., 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. Пещера Матузка. СПб.: Островитянин, 2006. 194 с.

Дороничева Е.В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013а. 26 с.

Дороничева Е.В. Исследование палеолитической мастерской Хаджох-2 на Северо-Западном Кавказе // АО 2009 года. М.: ИА РАН, 2013б. С. 172–174.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А. Петрографическое исследование кремня из месторождений и стоянок среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе // *Stratum plus*. 2011. № 1. С. 153–169.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С. Использование каменного сырья в верхнем палеолите на Северо-Западном Кавказе // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 2. С. 40–53.

Binford L.R., Stone N. “Righteous rocks” and Richard Gould: some observations on a misguided “debate” // *American Antiquity*. 1985. Vol. 50. P. 151–153.

Doronicheva E., Kulkova M., Grégoire S. La grotte Mézmaiskaya (Caucase de Nord): exemple de l’utilisation des matières premières lithiques au Paléolithique Moyen et Supérieur // *L’anthropologie*. 2012. Vol. 116. P. 378–404.

Féblot-Augustins J. La circulation des matières premières au Paléolithique. T. 1. Liège, 1997. 230 p. (ERAUL; № 75).

Géneste J.M. Les industries de la Grotte Vaufrey: Technologie du débitage, économie, et circulation de la matière première lithique // *Grotte Vaufrey: Paléoenvironnement, Chronologie, Activités Humaines*. Paris: Société Préhistorique Française, 1988. P. 441–518.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kulkova M.A., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Shackley M.S. Significance of Ecological Factors in the Middle to Upper Paleolithic Transition // *Current Anthropology*. 2010. Vol. 51, N. 5. P. 655–691.

Lieberman D.E., Shea J.J. Behavioral differences between archaic and modern humans in the Levantine Mousterian // *American Anthropologist*. 2004. Vol. 96. P. 300–332.

Roebroeks W., Kolen J., Rensink E. Planning Depth, Anticipation and the Organization of Middle Palaeolithic Technology: The “Archaic Natives” meet Eve’s Descendants // *Helinium*. 1988. Vol. XX-VIII/1. P. 17–34.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ КОСТЁНОК-4 НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

© 2014 г. М.Н. Желтова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(mpraslova@mail.ru)*

Ключевые слова: верхний палеолит, жилища, культурные горизонты, планиграфический анализ, каменные индустрии.

Резюме. Несмотря на то что результаты изучения Костёнок-4 были фундаментально опубликованы А.Н. Рогачёвым, остался неразрешенным ряд вопросов, главным из которых является соотношение культурных остатков так называемых верхнего и нижнего горизонтов северного жилого комплекса. В решении проблемы горизонтов можно использовать планиграфический анализ. Хотя материалы северного комплекса было трудно разделить в профиле, они на больших участках были разделены в плане. В южном же комплексе в жилищах имеется лишь один нижний горизонт. Таким образом, опираясь на эталонный набор находок, предполагалось вычленивать посторонние компоненты в северном комплексе. Однако проведенный анализ состава и пространственного распределения остеологических остатков не выявил существенной разницы между длинными и круглыми жилищами, как следовало бы ожидать, а показал определенные отличия между северным и южным длинными жилищами нижнего горизонта. Результаты анализа каменного инвентаря также оказались весьма интересными.

Памятник Костёнки-4 залегает в отложениях первой надпойменной террасы. Его литологически единый культурный слой подразделяется в северной части стоянки на два горизонта. К нижнему горизонту относятся два длинных жилища, каждое с рядом очагов по продольной оси. К верхнему – два округлых жилища, вплотную примыкающих к северному длинному жилищу. Три полученные радиоуглеродные даты позволяют отнести рассматриваемую стоянку к хронологической группе, датируемой 21–23 тыс. л.н. К ней же относятся Костёнки-3 и -21 и верхний слой Костёнок-1. Костёнковские памятники этой хронологической группы отличаются существенным разнообразием индустрий, типов жилищ, планировок поселений.

В изучении Костёнок-4 в настоящее время основной является проблема горизонтов (Желтова, 2013. С. 87). Костёнки-4 введены в научный оборот А.Н. Рогачёвым (1955) как двухслойное поселение, два горизонта обитания которого оставлены совершенно разнокультурным населением в разное время. При этом осталось много вопросов и сомне-

ний. В большой степени эта ситуация спровоцирована своеобразной стратиграфической позицией культурных остатков. Жилища так называемых верхнего и нижнего горизонтов аккуратно пристроены друг к другу. Перекрытие одного культурного слоя другим не зафиксировано, как и стерильная прослойка между ними на тех квадратах, где мощность культурного слоя превышает среднюю, что, по мнению А.Н. Рогачёва, происходит от наложения друг на друга культурных слоев разных поселений. Исходя из этого, главной задачей планиграфического анализа стало подробное изучение структур и объектов, установление их сходства и различия, что позволило бы выделить участки, относящиеся к разным этапам заселения памятника. За эталон был принят южный жилой комплекс, поскольку на его территории нет культурных остатков и объектов, относимых А.Н. Рогачёвым к верхнему культурному горизонту. Южный комплекс состоял из длинного жилища и трех внешних скоплений культурных остатков. К сожалению, большая часть западной секции южного длинного жилища была букваль-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00292.

но разрушена раскопками С.Н. Замятина и П.П. Ефименко в 1927–1928 гг. Находки из этих раскопов имеют поквadratные шифры, и это практически вся информация о раскопанном участке. Нет ни планов, ни других сведений об объектах и структурах культурного слоя. А.Н. Рогачёв (1955. С. 10) ссылается на устное упоминание С.Н. Замятиным «остатков костров». К сожалению, судя по количеству и составу находок, западная секция была самой насыщенной и интересной. Поэтому первой задачей стала реконструкция этого участка западной секции. Она осуществлялась на основе поквadratной фиксации находок, изучения их количественного и качественного состава, сопоставления этих данных с данными других секций южного комплекса. После изучения метрических параметров очагов южного и северного длинных жилищ, стало возможным предположить на реконструируемом участке наличие трех очагов, что косвенно подтверждается повышенным количеством обожженного кремня именно там, где они должны были бы располагаться. Из коробок с образцами слоя коллекций 1928 г. происходят несколько сформованных шариков белой краски, кусочки глиняной обмазки и фрагмент сланцевого стержневидного орудия. Первые две категории находок полностью отсутствуют в коллекциях 1937–1938 гг. из раскопок А.Н. Рогачёва, третья же считалась присущей исключительно индустрии верхнего культурного горизонта.

Анализ пространственного распределения фаунистических остатков всего поселения показал хорошо выраженные различия между северным и южным длинными жилищами и не показал такового между комплексами верхнего и нижнего горизонтов (Желтова, Бурова, 2014. С. 142). Наиболее существенны результаты анализа пространственного распространения каменного инвентаря, однако они, к сожалению, слишком громоздки для изложения в формате тезисов, учитывая, что раскопанная площадь южного и северного жилых комплексов Костёнок-4 составляет в совокупности 766 м², а общее количество находок достигает 90 тыс. единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Желтова М.Н. Место каменных индустрий Костёнок-4 в контексте верхнего палеолита Европы // Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Ред. Г. В. Синицына. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 86–109.

Желтова М.Н., Бурова Н.Д. Сопоставление жилых комплексов Костёнок-4 на основе изучения остеологических коллекций // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 111–145.

Рогачёв А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 164 с. (МИА; № 45).

КРАСОЧНЫЕ ПИГМЕНТЫ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2014 г. В.С. Житенев

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(macober@mail.ru)*

Ключевые слова: Южный Урал, верхний палеолит, Капова пещера, охра, пигмент.

Резюме. Изучение красочных пигментов пещерных памятников Южного Урала, в т.ч. Каповой пещеры, тесно связано с задачами изучения развития верхнепалеолитической культуры региона. Применение тщательных методик при полевых археологических работах и широкого спектра естественно-научных методов изучения полученных материалов, в частности охр, позволяет проводить анализы для выявления способов получения сырья, рецептуры приготовления краски и, в конечном итоге, выстраивания относительной хронологии как настенных изображений, так и их связи с культурными горизонтами пещерных напластованиях памятника.

Открытия свидетельств новых форм использования охры в верхнем палеолите Южного Урала (нанесения изображений на освещенные дневным светом стены привходовой части пещеры Сикияз-Тамак Х и преднамеренного окрашивания черепа пещерного медведя из пещеры Сикияз-Тамак I) выявило острую необходимость широкого исследования и минеральных красок из разных памятников региона (Житенев, 2006; 2007).

Первоначально изучение минерального состава образцов красных красок, обнаруженных в результате исследования позднеплейстоценовых слоев ряда памятников Сикияз-Тамакского пещерного комплекса (р. Ай), было связано с необходимостью сравнения охр между собой и с естественными пигментами, встречающимися на остеологических материалах и стенах карстовых полостей. После получения первых результатов аналитического изучения красочных пигментов (в т.ч. сканирующая электронная микроскопия, рентгенофлуоресцентная спектроскопия, рентгеноструктурные методы) стала очевидной значимость сравнения образцов охр с большего числа памятников.

В качестве сравнительного материала на следующем этапе были изучены образцы охры из культурного слоя и погребения Бура-

новской пещеры, заведомо не палеолитического возраста, а также красочного пигмента из писаницы Бурановская I (Бибиков, 1950). Во время новых археологических исследований в пещере были обнаружены несколько галек, которые имеют следы сильного термического воздействия², а цвет и микроэлементный состав идентичны охре из погребения и пигменту писаницы.

В связи с необходимостью увеличения сравнительного материала, помимо использования опубликованных данных, были отобраны для предварительного исследования мельчайшие образцы пигментов из Игнatieвской, Серпиевской-2 и Мурадымовской-2 пещер (Пальчик, 1992).

С 2008 г. по предложению В.Е. Щелинского, озвученного в ходе II (XVIII) Всероссийского Археологического Съезда, ежегодные исследования в Каповой пещере начал проводить коллектив Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ. Основные работы сосредоточены в залах Купольный, Хаоса и Рисунков. В Купольном зале выявлено несколько пунктов распространения культурных слоев как позднеплейстоценового, так и

² Немаловажно, что в результате изучения культурного слоя у писаницы Бурановская II рядом с развалом сосуда энеолитической эпохи «зафиксировано скопление галек длиной от 2 до 9 см. Многие из них расколоты, вероятно, вследствие нагрева: их поверхность обожжена» (Широков, 2004, с. 309).

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00277.

голоценового времени (Житенев, 2012а, б). Следует особенно подчеркнуть, что ни в одном из 12 голоценовых культурных горизонтов, открытых в шурфе около Западной ниши Купольного зала, не было обнаружено никаких следов охры. В пачке позднеплейстоценовых отложений здесь на сегодняшний день зафиксировано восемь горизонтов посещения с культурными остатками эпохи верхнего палеолита³, демонстрирующих неоднократно посещение пунктов с настенными изображениями.

Основной целью изучения пигментов является определение минерального состава и рецептуры краски для выявления и выстраивания относительной хронологии изображенных ансамблей как внутри пещеры, так и в региональном контексте (Clottes, 1997; Naudouze et al., 2001).

В связи с отсутствием банка данных по красочным минеральным пигментам Каповой пещеры, проводятся лабораторные исследования образцов, полученных как из культурных слоев, так и с настенных изображений (Pakhunov, Brandt, Chikishev, 2014). Основные методы анализа пигментов – рентгенофлуоресцентная спектрометрия, инфракрасная спектроскопия, рамановская спектроскопия, электронная микроскопия.

Основным источником образцов служат пигменты из культурных слоев. Подавляющая часть – это охры, зафиксированные в процессе разборки культурных горизонтов, или выбранные из концентрата промывки крупинки пигмента размером не более 10–15 мм. Разнообразие типов охр (разных оттенков красного и желтого цветов и гетерогенных по минеральному составу), происходящих из промывки, заметно контрастирует с менее представительным набором типов пигментов – крупными (30–50 мм) комками слипшейся массы или цельными кусками.

³ Культурные горизонты (горизонты посещения) № 2–5 верхнепалеолитического возраста по характеру археологического материала и стратиграфическому положению хорошо соотносятся с исследованным В.Е. Щелинским в зале Знаков культурным слоем, для которого по древесному углю получены даты от 13 930±300 л.н. (ГИН-4853) до 16 010±100 (KN-5023) (Щелинский, 1996; Scelinsky, Sirokov, 1999. С. 73).

Комки охры представляют собой пигмент красного цвета с хорошо различимой структурой – затвердевшая масса некогда пластичного пигмента с включением мелких древесных угольков. Наличие древесных угольков в комках охры позволяет напрямую датировать рецептуры приготовления краски (Житенев, 2012а).

Цельные куски охр известны в верхнепалеолитической коллекции культурных остатков Каповой пещеры, в основном из культурного слоя в зале Знаков. Структура этого типа пигментов аналогична структуре поверхности ряда средних и малых глыб известняка из зала Хаоса.

Следующим важным открытием при исследовании зала Хаоса стали небольшие глыбы известняка со специфической физико-химической коррозией, крайне похожие на некоторые типы охр. И сегодня по имеющимся данным ясно, что в верхнем палеолите для производства краски для нанесения изображений на стены Каповой пещеры частично использовалось сырье, собранное непосредственно в пещере.

Находки в культурных горизонтах позднеплейстоценового времени Купольного зала фрагментов бурого железняка со следами термического воздействия⁴ на корке (максимальные размеры 24×17 мм) наглядно демонстрирует, что часть пигментов изготавливали из приносного сырья. Сейчас в районе Каповой пещеры известно несколько мест выходов бурых железняков. Вопрос о возможности их доступности и использования в верхнем палеолите сейчас решается с помощью аналитических методов.

Неожиданной и пока единственной находкой стал обнаруженный в культурном слое около Восточного панно настенных изображений в зале Рисунков маленький фрагмент черного минерального пигмента – магнетита.

Важным направлением работ является сравнение рецептуры краски с настенных рисунков и плиток известняка с отдельными фрагментами геометрических знаков, обнаруженных на поверхности современно-

⁴ В очагах из верхнепалеолитического слоя зала Знаков обожженной охры не зафиксировано, как, например, в Костенках I/1 (Ефименко, 1958; Щелинский, 1996).

го пола пещеры. Кроме того, готовится проведение сравнительных анализов монументальных изображений и обнаруженных в непосредственной близости от них следов художественной деятельности (капель краски, палитр, «кладиков» запасов охры) палеолитического человека.

Необходимо отметить, что на основании результатов работ экспедиции В.Е. Щелинского и современных наблюдений в различных залах и пунктах распространения культурных остатков верхнепалеолитического времени в Каповой пещере можно уверенно говорить о том, что значительное количество неиспользованной в художественной деятельности, по сути брошенной охры, свидетельствует об отсутствии ее дефицита (Житенев, 2012а; Щелинский, 1996). Более того, хорошо видно, что особого (бережного, почтительного) отношения к красочным пигментам не было. В противном случае, подобная растрата охры была бы невозможна.

Целенаправленные археологические и естественно-научные исследования пигментов позволяют расширить наши представления и решить ряд важных задач в изучении хозяйственно-бытовых и неутилитарных аспектов жизнедеятельности человека верхнего палеолита.

Комплексные методические подходы и результаты исследований красочных пигментов Каповой пещеры позволяют более детально рассмотреть вопросы относительной хронологии использования конкретной карстовой полости, а также культурного родства и возможной генетической взаимосвязи ряда памятников региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бибиков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. XIII. С. 95–138.
- Ефименко П.П.* Костенки I. М.; Л.: ИИМК АН СССР, 1958. 484 с.
- Житенев В.С.* Череп пещерного медведя с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда. Т. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 201–203.
- Житенев В.С.* Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследований // XVII Уральское археологическое совещание: Мат-лы науч. конф. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007. С. 92–93.
- Житенев В.С.* Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. 2012а. Вып. 227. С. 304–313.
- Житенев В.С.* Капова пещера – многослойный памятник археологии: предварительное сообщение // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012б. С. 155–178.
- Пальчик Н.А.* Рентгенографическое исследование образцов красок и пород из Игнatieвской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. С. 163–164.
- Широков В.Н.* Уральские писаницы // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 281–314.
- Щелинский В.Е.* Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1996. 30 с.
- Clottes J.* New Laboratory Techniques and Their Impact on Paleolithic Cave Art // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol / Eds. M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann, N.G. Jablonski. San Francisco: California Academy of Sciences, 1997. P. 37–52. (Memoirs of the California Academy of Sciences; № 23).
- Hameau Ph., Cruz V., Laval E., Menu M., Vignaud C.* Analyse de la peinture de quelques sites postglaciaires du Sud-Est de la France // L'anthropologie. 2001. Т. 105. P. 611–626.
- Pakhunov A.S., Brandt N.N., Chikishev A.Y.* Raman Microscopy and IR Imaging of the Paleolithic Paintings from Kapova Cave, Southern Ural, Russia // Proceeding of International Workshop “The conservation of the Subterranean Cultural Heritage”. Seville, 2014. (In press).
- Scelinsky V.E., Sirokov V.N.* Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 171 S.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

© 2014 г. М.Б. Козликин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(kmb777@yandex.ru)*

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, верхний палеолит, каменная индустрия, предметы символической деятельности.

Резюме. Комплексные работы в Денисовой пещере на протяжении последнего десятилетия направлены на исследование рыхлых отложений в восточной галерее. К настоящему времени наиболее полно изучена верхняя часть плейстоценовой толщи, содержащая материалы раннего (слой 11) и заключительного (слой 9) этапов верхнего палеолита. Каменная индустрия из слоя 11 характеризуется преимущественно плоскостным параллельным расщеплением с небольшими сериями подпризматических и торцовых нуклеусов. Основу орудийного набора составляют разнообразные типы скребел, представлен зубчато-выемчатый компонент. Орудийные формы, характерные для верхнего палеолита, немногочисленны. Индустрию сопровождает набор костяных орудий и украшений, изготовленных из бивня, зубов животных и различных пород поделочного камня. Набор ядрищ из слоя 9 не имеет принципиальных отличий от нуклеусов из нижележащего слоя. Спецификой орудийного набора является сочетание верхнепалеолитических форм (микропластины с притупленным краем) и изделий, характерных для среднего палеолита (скребла, леваллуазские остря).

Денисова пещера, расположенная в низкогорной зоне Северо-Западного Алтая, в настоящее время является одним из наиболее перспективных палеолитических объектов для изучения древнейших культур на территории Северной Азии. Многолетние комплексные исследования рыхлых отложений в центральном зале, на предвходовой площадке и в южной галерее пещеры имели первостепенное значение для построения культурно-хронологической схемы палеолита региона и реконструкции условий природной среды в среднем и позднем плейстоцене Алтая (Природная среда..., 2003).

Новый этап археологических работ в Денисовой пещере связан с началом изучения в 2004 г. рыхлых отложений в восточной галерее. В стратиграфическом разрезе восточной галереи выделено 17 основных литологических подразделений. Формирование слоев 1–8 происходило в эпоху голоцена. Плейстоценовая толща представлена слоями 9–17, которые в целом соответствуют слоям 9–22 опорного разреза в центральном зале пещеры. В пределах слоев 17 и 16 археологический ма-

териал не обнаружен. Слои 15–12 содержали артефакты среднепалеолитического облика. Слои 11 и 9 характеризуются индустриями начальной и заключительной стадий верхнего палеолита соответственно. Слой 10 маркирует длительный перерыв в осадконакоплении и археологически стерилен.

На сегодняшний день в восточной галерее наиболее полно изучена верхняя часть плейстоценовых осадков (слои 11–9), содержащая верхнепалеолитические материалы (Деревянко и др., 2006; 2008; 2010). Отложения слоя 11, сложенные глыбово-щебнистым материалом с суглинистым заполнителем, имеют более дробное членение на литологические горизонты 11.4–11.1. Границы между горизонтами проведены по изменению цвета и состава заполнителя. Слой 10 представляет собой тонкий горизонт плотно уложенного сильновыветрелого известнякового щебня с участками фосфатных и железомарганцевых новообразований. Отложения слоя 9 (горизонты 9.3–9.1) демонстрируют иной тип осадка: легкие лессовидные суглинки с единичными включениями дресвы, мелкого щебня и глыб.

Горизонты сохранились фрагментарно, границы между ними зачастую нечеткие.

Вещество слоя 11 накапливалось в условиях относительно влажного и прохладного климата. Слой 10 маркирует поверхность длительного экспонирования и несет следы подавления седиментационного процесса.

Формирование слоя 9 соответствует сухим и холодным условиям позднелейстоценового похолодания, во время которого возросла роль эолового переноса и аккумуляции лессовых частиц внутри пещеры.

Согласно серии радиоуглеродных дат, полученных для разрезов на разных участках пещеры, возраст отложений слоя 11 находится в широком хронологическом интервале от 50 до 29 тыс. л.н., что соответствует первой половине стадии 3 кислородно-изотопной шкалы. Отложения слоя 10 маркируют длительный перерыв в осадконакоплении. На основе литолого-стратиграфических и палеогеографических данных установлено, что формирование осадка слоя 9 происходило в период изотопной стадии 2.

Верхнепалеолитические комплексы восточной галереи представлены преимущественно изделиями из камня. Большое влияние на облик индустрий оказал характер местного галечного сырья из русла р. Ануй, отличающийся довольно низким качеством. Для производства каменных орудий, как правило, использовались осадочные (алевролит, песчаник) и вулканические (афировые и порфиновые эффузивы) породы, реже употреблялись роговики и яшмоиды.

Коллекция артефактов из слоя 11 насчитывает около 16 тыс. экз. Сравнительный анализ археологических материалов из литологических горизонтов 11.4–11.1 демонстрирует неоднородность каменной индустрии из слоя 11 в целом. Условно можно выделить два комплекса: первый, включающий материалы из горизонтов 11.4 и 11.3, и второй, объединяющий материалы из горизонтов 11.2 и 11.1. Для первого комплекса характерны нуклеусы, утилизируемые в системе плоскостного параллельного или радиального расщепления, реже объемного. Подготовка ядрищ минимальная. Удельный вес сколов небольшой, отщепы преимущественно коротких и укороченных пропорций, пластины малочисленны,

доля площадок с подправками карниза низкая. Основу орудийного набора составляет группа зубчато-выемчатых изделий. Типологический состав нуклеусов второго комплекса не имеет принципиальных отличий, однако оформление ядрищ более тщательное. Удельный вес сколов возрастает, вместе с тем увеличивается доля отщепов удлинённых пропорций и пластин. Распространение получают сколы с подправленной площадкой. В орудийном наборе преобладают изделия, оформленные на удлинённых заготовках. Возрастает число орудий верхнепалеолитического облика (концевые скребки, резцы, ретушированные пластины, орудия с подтеской). Помимо каменной индустрии, второй комплекс включает набор предметов символической деятельности и костяные орудия. Разнообразные подвески, пронизки, бусины, кольца изготовлены из зубов и костей животных, бивня мамонта, скорлупы яиц страуса и различных пород поделочного камня. При обработке этих материалов использовались такие технические приемы, как резание, скобление, простое и скоростное станковое сверление, полировка.

Важно отметить, что различия между описанными выше индустриями не являются кардинальными и не устанавливают четкую границу между палеолитическими комплексами из разных стратиграфических подразделений слоя 11. Вероятнее всего, данные различия могут быть объяснены изменениями в адапционных стратегиях палеолитического человека на протяжении достаточно длительного периода, во время которого формировалась толща слоя 11 и, таким образом, отражают процесс линейного развития в рамках единой индустрии.

Наиболее близкими в технико-типологическом отношении к индустрии из горизонтов 11.4 и 11.3 в восточной галерее являются материалы из слоя 11 в устьевой части южной галереи. Облик каменной индустрии, набор индивидуальных украшений и костяные орудия из слоя 11 в центральном зале в большей степени соотносятся с материалами из горизонтов 11.2 и 11.1 в восточной галерее. Синхронные материалы с предвходовой площадки отличаются как от коллекции из восточной галереи, так от комплексов из южной галереи

и центрального зала высоким удельным весом верхнепалеолитических форм орудий.

Более позднему культурно-хронологическому этапу верхнего палеолита соответствуют археологические материалы из слоя 9, насчитывающие более 2 тыс. экз. В данном комплексе, по сравнению с индустриями из слоя 11, значительно увеличивается удельный вес сколов, в числе которых возрастает доля отщепов удлиненных пропорций и пластин, появляются микропластины, вероятно, полученные отжимом. Пластины отличаются более правильной формой и огранкой. Зафиксированы следы применения рогового отбойника. Большинство орудий оформлено на удлиненных отщепах и пластинах. Вместе с тем в индустрии сохраняется ряд архаичных черт в виде представительного набора разнообразных скребел и серии леваллуазских остриев.

Наибольшее сходство индустрия из слоя 9 в восточной галерее обнаруживает с материалами из слоя 9 в южной галерее. Синхронные индустрии из центрального зала и с предвходовой площадки отличаются от комплексов из галерей более развитой пластинчатой и микропластинчатой технологией, выразительным верхнепалеолитическим орудийным набором и сопровождающей серией костяных орудий и индивидуальных украшений.

В целом, для верхнепалеолитического комплекса восточной галереи, как и синхронных материалов из других участков пещеры, характерно сочетание верхнепалеолитических типов орудий с изделиями, характерными для среднего палеолита. Различия между верхне-

палеолитическими комплексами на разных участках памятника обусловлены, вероятнее всего, спецификой организации жилого и производственного пространства в пещере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 12. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 121–126.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Волков П.В. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 14. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 60–66.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Исследование верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 16. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 93–98.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

КУЛЬБУЛАКСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОРИНЬЯКСКИХ ИНДУСТРИЙ АЗИИ¹

© 2014 г. К.А. Колобова

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул
(kolobova@yandex.ru)*

Ключевые слова: верхний палеолит, ориньякские индустрии, кульбулакская культура.

Резюме. На территории западной части Центральной Азии была выделена кульбулакская верхнепалеолитическая культура, характеристики индустрий развитого этапа которой демонстрируют значительное количество черт ориньякского технокомплекса. На основе корреляционного анализа с ориньякскими индустриями Ближнего и Среднего Востока делается вывод, что комплексы кульбулакской культуры развивались в общем тренде формирования и эволюции ориньякоидных технокомплексов, но при этом кульбулакскую культуру нельзя причислять к ориньяку *sensu stricto*.

Изучение в западной части Центральной Азии новых (Додекатым-2, Кызыл-Алма-2) и ранее известных ключевых (Кульбулак, Шугноу) верхнепалеолитических объектов позволило объединить их в рамках кульбулакской верхнепалеолитической культуры.

Комплексы данной культуры ориентированы на мелкопластинчатое скалывание, осуществляемое в рамках трех основных схем: кареноидное расщепление, торцовое клиновидное и призматическое моноплощадочное. На разных этапах существования культуры доля данных схем направленно изменяется. При этом кареноидная технология является наиболее яркой и типичной для кульбулакской культуры. В орудийных наборах комплексов кульбулакской культуры присутствуют специфичные типы орудий: вентральные скребки, скребки с шипом, ортогональные долотовидные орудия, пластинки дюфур, пластинки с притупленным краем, микроострия (типа арженех), треугольные микролиты.

Развитый этап кульбулакской культуры (слой 2.1 Кульбулака, слой 1 Шугноу и слой 5 Додекатыма-2) характеризуется преобладанием призматического скалывания для получения пластинчатых и мелкопластинчатых заготовок. При этом среди призматических

ядрищ ведущую роль играют нуклеусы кареноидного облика для производства пластинок с непрямым профилем. Кареноидные ядрища утилизировались в рамках одной технологической схемы. Пластинки, в т.ч. и с непрямым профилем, составляют значительную долю индустрии сколов. При этом в орудийных наборах по сравнению с ранним этапом культуры возрастает роль отщепных заготовок для производства формальных орудий. Доминируют скребки различных модификаций, отмечаются вентральные варианты скребков, различные модификации скребков с шипами, в некоторых комплексах содержится значительное количество долотовидных орудий. Возрастает доля микроинвентаря, в котором основную роль играют пластинки с ретушью, а также пластинки дюфур; представлены пластинки с притупленным краем, микроострия (типа арженех) и единичные треугольные микролиты. Учитывая имеющиеся радиоуглеродные датировки, возраст (некалиброванный) данного этапа определяется как превышающий 23 тыс. лет, предположительно от 30 до 25 тыс. лет.

Характеристики и определение возраста индустрий развитого этапа кульбулакской культуры позволяют коррелировать их с ори-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом (проект № 2013-220-04-129); в рамках проектов РФФИ № 12-06-33041, 13-06-12039 и РГНФ № 12-31-01322.

ньякскими комплексами Ближнего и Среднего Востока.

Левантийский ориньяк является одним из самых распространенных культурных подразделений на Ближнем Востоке. К нему относятся памятники КзарАкил (сл. VIII–VII), Ябруд II/1–4, Хайоним D, эль-Вад D, Кебара D (I–II), Ракефет, эль-Хиам, Сефуниум (уровень 8) и др. Большинство исследователей время существования данной культуры определяется в пределах от 36 до 27 тыс. л.н. (Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1999; Marks, 2003).

Левантийский ориньяк *sensu stricto* рассматривается как индустрия, направленная на производство отщепов и утилизирующая кареноидные нуклеусы для производства пластинок. В орудийных наборах ориньякских комплексов присутствуют концевые скребки, резцы, пластинки дюфур, ориньякские пластины и острия эль-вад (Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1996).

Сходство классических левантийских комплексов (*sensu stricto*) с комплексами развитого этапа кульбулакской культуры прослеживается как в общих приемах первичного расщепления (кареноидная технология, значительная доля нуклеусов для отщепов), так и в составе орудийного набора (пластинки дюфур, острия эль-вад (аналогичны остриям арженех), значительная доля орудий на отщепках). Интересно, что и хронологические рамки обеих групп достаточно близки. Стоит, однако, отметить, что нельзя говорить о полном тождестве индустрий. В комплексах кульбулакской культуры содержатся далеко не все элементы, свойственные технокомплексу левантийского ориньяка. Например, отсутствуют специфические костяные изделия, пластины с перехватом и резцы бюске.

До последнего времени самым восточным форпостом распространения ориньякских комплексов являлась территория Загроса, где был выделен загросский ориньяк. В список памятников барадостской культуры входят комплексы стоянок Варвази, Шанидар-С, Яфтех, Па-Сангар, Гар Арженех, Гаре-Хар, Шекафт-и, Барм-и Шур. Индустрии характеризуются преобладанием пластинчатого расщепления со значительным присутствием кареноидной технологии в первичном расщеплении. В орудийном наборе доминиру-

ют острия арженех, барадостские пластинки (типологический аналог пластинок дюфур), концевые скребки и остроконечные ретушированные формы. Время существования загросского ориньяка – в хронологическом интервале от 36 до 24 тыс. л.н. (Olszewski, 1993; Otte et al., 2011).

В целом нами предполагается, что ансамбли развитого загросского ориньяка подобны комплексам кульбулакской культуры в той же мере, что и комплексы ориньяка левантийского. В то же время прослеживаются и определенные различия: малочисленность в кульбулакских комплексах пластинок дюфур, ретушированных острий на пластинках (типа арженех/эль-вад/фонт-ив) и резцов; в развитых кульбулакских комплексах пластинки имеют преимущественно изогнутый, а не закрученный профиль.

На наш взгляд, достаточно очевидно значительное сходство комплексов развитого этапа кульбулакской культуры с материалами ориньякоидных индустрий Ближнего и Среднего Востока. Соответственно, встает вопрос, можно ли причислить развитые кульбулакские индустрии к ареалу ориньякского технокомплекса? Как показали результаты проведенного нами анализа, из базовых (общих для всех ориньякских индустрий) компонентов ориньякских технокомплексов, в индустриях кульбулакской культуры лишь применение кареноидной технологии является достаточно презентабельным как в количественном, так и в качественном отношении. Ориньякские орудийные типы представлены, но в минимальных количествах, да и не во всех кульбулакских индустриях. Более того, полностью отсутствуют некоторые значимые составляющие ориньякского технокомплекса, такие как ориньякские пластины, костяная индустрия и украшения. В то время как отсутствие, например, костяных изделий или украшений можно было бы объяснять особенностью сохранности костного материала в Средней Азии, заметное отличие выявляется в устойчивом присутствии в кульбулакских индустриях типологически выраженных орудий, несвойственных классическому ориньяку (прежде всего, пластинки с притупленным краем). Таким образом, достаточно очевидно, что индустрии кульбулакской культуры раз-

вивались в общем тренде формирования и эволюции ориньякоидных технокомплексов Ближнего и Среднего Востока, но при этом кульбулакскую культуру нельзя причислять к ориньяку *sensu stricto*, что свидетельствует, на наш взгляд, либо о достаточно регулярных культурных взаимодействиях между сравниваемыми регионами, либо об общей логике последовательного развития близких по происхождению культур в схожих эколого-ландшафтных ситуациях. То, что предпочтение в нашей интерпретации событий отдается признанию пользы повторяющегося (разнонаправленного) межкультурного взаимодействия, обусловлено культурно-технологическими характеристиками позднего этапа кульбулакской культуры, значительно совпадающими с таковыми у средне- и ближневосточных культур, что не может, как нам кажется, объясняться только конвергентной траекторией развития, но требует достаточно регулярных культурных взаимодействий (аналог генному обмену между различными подвидами человека во время формирования современного вида).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. Another look at the Levantine Aurignacian // Proceedings of the XIII Conference of the International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, UISPP. Colloquium XI – The Late Aurignacian. Forlì: A.B.A.C.O., 1996. P. 139–150.

Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Levantine Aurignacian: 60 years of research // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. Studies of Prehistoric Archeology of the Near East of Europe. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 118–134.

Marks A. Reflections of the Levantine Upper Paleolithic studies: Past and Present // A More than Meet the Eyes. Oxford: Oxford Books, 2003. P. 249–265.

Olshewski D. The Late Baradostian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran // The Paleolithic prehistory of the Zagros-Taurus. Philadelphia: Univ. Museum, Univ. of Pennsylvania, 1993. P. 187–206.

Otte M., Shidrang S., Zwyns N., Flas D. New radiocarbon dates for the Zagros Aurignacian from Yafteh cave, Iran // J. of Human Evolution. 2011. Vol. 61. P. 340–346.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

© 2014 г. М.В. Константинов

*Забайкальский государственный университет, Чита
(mk-rus@mail.ru)*

Ключевые слова: Забайкальский край, средний и верхний палеолит, жилища, каменная индустрия, произведения искусства.

Резюме. В Забайкальском крае выявлены памятники среднего палеолита – Усть-Менза-5, Приисковое, Коврижка, Сухотинская мастерская (Сухотино-12). Продолжается изучение поселений верхнего палеолита Толбага, Усть-Менза, Студеное и др., отмеченных сериями жилищ, выразительными технокомплексами каменных индустрий и уникальными произведениями искусства.

Благодаря систематическим исследованиям научной реальностью стал средний палеолит Забайкальского края. Первый памятник этого времени – Усть-Менза-5 (терраса IV) – был открыт еще в 1985 г. Дальнейшими исследованиями подтверждено, что в разрезе отложений этого памятника культурный слой 4 залегает ниже подошвы каргинского педокомплекса (ок. 60 тыс. л.н.). На этом же памятнике выявлен слой с артефактами и костями животных в средней части муруктинского аллювия. Планомерные раскопки на поселении Приисковое (терраса IV р. Чикой) позволили получить коллекцию, насчитывающую около 6 тыс. артефактов. Культурный слой залегал в основании каргинского педокомплекса. Его возраст определяется в пределах 55–50 тыс. лет. Основа индустрии – ортогональная техника расщепления камня, изготовление орудий из крупных отщепов, преобладание в инструментарии скребел. Около 100 артефактов залегали в основании аллювиальных отложений, непосредственно на цоколе террасы IV р. Чикой на поселении Коврижка. Их возраст – начало муруктинского оледенения (ок. 80 тыс. л.н.). Новая оценка ранее изученных памятников (раскопки И.И. Кириллова) позволила отнести к концу среднего палеолита Сухотино-1 (р. Ингода). В 1966 г. на этом памятнике выявлено около 600 артефактов; они переотложены, но составляют единый технокомплекс, включающий в себя нукле-

усы и пластины леваллуа. В том же районе, но на более высокой склоновой отметке (ок. 90 м) начато изучение Сухотинской мастерской (Сухотино-12), где в делювиальных отложениях выявлено несколько сот крупных, с высоким сечением пластин и соответствующих им по типу нуклеусов и тысячи отщепов, из которых изготавливались скребущие, выемчатые и шиповидные орудия. Предварительная датировка нижнего слоя этого памятника – около 100 тыс. л.н. Где-то близко к этому времени располагается коллекция подъемных архаичных каменных артефактов со стоянки Русло Гыршелунки (сборы М.Н. Мещерина).

Полагаем, что настоящие глубины древности забайкальской истории остаются пока неизведанными. Возможно, этому будет способствовать разработка отложений на террасах V и VI, которые ранее фактически не идентифицировались и не изучались. На террасе V раскапывается поселение Усть-Менза-6 (Груздевая), где выявлено семь культурных слоев, из них пять – палеолитические. Нижний слой залегает на глубине 3,5 м (как минимум – каргинское время), а ниже (по данным бурения) предстоит вскрыть еще 10-метровую толщу отложений. На террасе VI на поселении Усть-Менза-15 культурный слой 2, расположенный на глубине 2,0 м, содержит столь архаичные по морфологии переотложенные артефакты (рубящее орудие с носиком, чопперы, скреб-

ла, массивные отщепы), что об их подлинном возрасте можно только догадываться, но он вполне может превосходить среднепалеолитический. На этом памятнике отложения вскрыты до отметки 8,3 м (тазовский аллювий), тогда как бурение показало, что даже на глубине 24 м еще нет «материка».

Ранняя пора верхнего палеолита (35–25 тыс. л.н.) представлена в Забайкальском крае поселением Толбага. Дополнительные геологические исследования в северной части поселения подтвердили взаимосвязь культурного слоя со слоем лессовидного суглинка с очевидными следами педоседиментов каргинского возраста. Сотрудничество с американскими и японскими коллегами (Й. Бувит, М. Изуха) позволило получить новые корректные даты для поселения в пределах 35–36 тыс. л.н. Данное поселение замечательно своими выразительными планиграфическими структурами, включающими в себя 3-, 4- и 12-очажные жилища, в т.ч. с тамбурами у входа. Эти жилища относятся к числу древнейших во всей Азии. В одном из толбагинских жилищ около очага найдена скульптура головы медведя, являющаяся, на наш взгляд, миниатюрным повторением возможно существовавшего натурального макета, изображающего этого тотемного зверя. Технокомплекс Толбаги характеризуется преобладающей пластинчатой техникой расщепления камня; частым использованием такого технического приема как фрагментация пластин; высоким орудийным индексом (43%), поскольку первоначальная обработка речной гальки производилась в основном за пределами поселения; разнообразным набором орудий, включающим в себя ножи, остроконечники, проколки, резцы, долота, скребла, концевые скребки, чопперы, отбойники и др. Корреляция каменной индустрии Толбаги с индустриями таких памятников, как Арта-2, -3, Мастерова Гора, а также Подзвонкая, Каменка А, Варварина Гора в Бурятии позволили уверенно выделить толбагинскую культуру. В свою очередь, она входит в обширный ориньякоидный культурный круг, представленный памятниками от Ордоса до Алтая (Шуйдунгоу, Макарово-4, Малая Сья, Кара-Бом).

Технологическим антиподом Толбаги в пределах Забайкальского края выступает Усть-Менза-14 (Лагерная), новый палеолитический памятник с культурным слоем, залегающим в основании перегляциального аллювия террасы II. Возраст этого слоя порядка 24 тыс. лет. Этот памятник уступает Толбаге в древности; тем удивительнее, что он представлен иной, внешне более архаичной, ортогональной техникой расщепления камня с производной от него отщеповой основой орудий. Немалое число орудий изготовлено также из целых и расколотых галек. Усть-Менза-14 (Лагерная), вероятно, является заключительным звеном куналейской культуры, выделенной нами первоначально по поселению Куналей в Бурятии.

Если Толбага с ее пластинчатой техникой восходит к среднему палеолиту, представленному Сухотино-1 и Сухотинской мастерской (Сухотино-12), то Усть-Менза-14 (Лагерная) и Куналей с их ортогональной линией – к среднепалеолитическому поселению Приисковое. Заметим, что прежде при поисках корней забайкальских палеолитических культур приходилось обращаться к территориям Монголии и Китая. Теперь же эти корни вполне увязываются с древнейшими стратифицированными памятниками самого Забайкальского края.

Средняя пора верхнего палеолита Забайкальского края (25–18 тыс. л.н.), представленная такими памятниками, как Танга, Читкан (слой 2), Мастеров Ключ (слой 4), Усть-Менза-2 (слои 18–25), пополнилась материалами культурного слоя 1 поселения Усть-Менза-15 (Кедровая). В карбонатизированных супесях, отмеченных гумусированными включениями от разрушенной позднекаргинской почвы, найдены орудия из пластинок средних размеров «мальгинского» характера, скребки высокой формы, скребла и т.д. Важным дополнением является комплекс из трех одноочажных жилищ, расположенных в основании песчано-суглинистого аллювия, на поверхности галечника террасы II на поселении Студеное-2 (слой 8). В такой стратиграфической ситуации берегового поселка с жилищами, возраст которого не менее 20 тыс. лет, более нигде не находили.

Поздняя пора верхнего палеолита (18,0–10,8 тыс. л.н.) известна по многочисленным

культурным слоям поселений Студеное-1, -2, Усть-Менза-1, -2, -3, -4, Сухотино-4. Главным богатством этих памятников периода сарганского оледенения являются жилища с обкладкой из камней. Так, на поселении Студеное-1 выявлены одноочажные жилища в 11 слоях подряд, при этом они расположены друг над другом или с небольшим смещением в сторону. Особый интерес представляют два жилища из слоя 19/4. Они расположены на поверхности галечника террасы I и как бы спрятались от речного потока за прирусловым валом высотой до 1,5 м.

Отметим, что жилища под толщей отложений на поверхности галечников – это уникальные палеоэкологические объекты, поскольку свидетельствуют об особых условиях организации жизненного пространства древним человеком.

Весьма выразительные жилища располагаются в аллювиальных отложениях террас I и II. В культурном слое 4/5 поселения Студеное-2 расчищено жилище с шестью очагами в одну линию и внешней обкладкой из камней. Еще одно жилище выявлено на этом памятнике на 1 м. ниже (слой 5); оно отчасти деформировано, но зато с ним связаны две удивительные находки: орнаментированный жезл начальника и скульптура головы лося. Большой поселок из 16 жилищ в виде чумов изобразил гравировкой на ребре сайгака древний художник, обитавший на поселении Сухотино-4.

Новый образец жилища происходит из слоя 14 Усть-Мензы-1. Внешняя обкладка – дискретная, состоит из 16 камней, по форме овальная, в центре очаг. По соседству вскрыто жилище из слоя 18 с одним очагом, но оно может иметь продолжение под вышеописан-

ным жилищем из слоя 14. Отсюда возникает известная всем археологам дилемма: сохранить и по возможности музеефицировать выразительный жилищный комплекс из слоя 14 или же разобрать его и раскрыть полностью новый, отчасти уже обозначившийся в слое 18.

В жилищах поздней поры верхнего палеолита выявлен выразительный каменный инструментарий, свидетельствующий об использовании разнообразных по формам основ, как первичных (галки, желваки), так и вторичных в виде пластин и отщепов. Широко употреблялись микропластинки, чаще всего служившие вкладными лезвиями. Типичная форма нуклеуса – торцовый клиновидный. Редкими, но выразительными формами представлены костяные вкладышевые основы и роговые и костяные рукояти с пазами для цельных орудий.

В рамках верхнего палеолита происходит бесспорное развитие каменной индустрии с общим трендом в сторону уменьшения массивности орудий и расширения использования вкладышевых и составных орудий. Вместе с тем сохраняется традиционный облик поселений, состоящих из больших и малых жилищ, обитатели которых с успехом охотились на лошадей, носорогов, оленей, сайгаков, дзеренов и винторогих антилоп. Символами абстрактного мышления и эстетического развития ранних забайкальских *Номо* являются оригинальные, отмеченные высоким творческим умением мастеров произведения искусства из кости; к тому же они являются самыми восточными в палеолитическом мире, что существенно расширяет евразийскую географию палеолитического искусства.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

© 2014 г. С.А. Кулаков¹, А.А. Зейналов², И.А. Идрисов³,
Т.М. Эйбатов⁴, И.М. Мустафаев⁴, Т.Я. Сулейманов⁴,
И.Н. Авшарова²

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(kazvolg@yandex.ru)

²Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку
(azad2007@mail.ru; iradaavshar@mail.ru)

³Институт геологии ДНЦ РАН, Махачкала
(idris_gun@mail.ru)

⁴Институт геологии НАН Азербайджана, Баку
(t_eybatov@mail.ru; ilgar_mm@inbox.ru; tima-bio@mail.ru)

Ключевые слова: Кавказ, Азербайджан, ашель, Гараджа, рубила, топорик.

Резюме. На западе Азербайджана, на южном берегу Мингячевирского водохранилища открыт новый раннепалеолитический памятник – стоянка Гараджа. Каменные изделия и фаунистические остатки были обнаружены на террасовой площадке, где выявлено семь пунктов залегания материала. Все предметы изготовлены из местного галечного сырья. Условия обнаружения, а также сохранность и морфология артефактов позволяют считать индустрию местонахождения Гараджа гомогенной. Стратиграфия отложений, распределение артефактов и фауны свидетельствуют о двух разновременных комплексах находок от конца апшеронского яруса до начала бакинского яруса.

Открытие и исследования на рубеже веков раннепалеолитических памятников на Кавказе и юге Русской равнины (Деревянко, 2009) заставили палеолитоведов обратить более пристальное внимание на территорию Азербайджана. Один из древнейших памятников Южного Кавказа – Азыхская пещерная стоянка (слои VII–X) – известен еще с 60-х гг. XX в., но, к сожалению, его раннепалеолитические слои вскрыты на чрезвычайно малой площади (Гусейнов, 2010). Обилие находок раннеплейстоценовой фауны на западе Азербайджана, в Куро-Араксинской низменности, в первую очередь вызвали интерес археологов. В 2012 г. на южном берегу Мингячевирского (Мингечаурского) водохранилища на р. Кура, недалеко от плотины ГЭС на хребте Боздаг, в районе горы Гараджа было зафиксировано новое местонахождение плейстоценовой фауны, содержавшее зубы слона (рис. 1, 1), рядом с которыми были собраны каменные артефакты: сколы, оббитые гальки (рис. 2, 1–5). Пункт получил название «Гараджа». В сентябре 2013 г. Гянджа-Газахский азербайджано-

российский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии НАН Азербайджана целенаправленно произвел тщательное обследование местонахождения Гараджа. В результате был открыт новый раннепалеолитический памятник в Азербайджане – ашельское местонахождение Гараджа. Работами было выявлено семь пунктов сборов артефактов и фауны на протяжении около 2 км вдоль берега водохранилища с юго-запада на северо-восток, которые предварительно были названы Гараджа, Гараджа-1–6 (см. рис. 1, 1). Наибольший интерес представляют пункты Гараджа, Гараджа-1, -2, -3, -5, давшие не только ашельский инвентарь, но и возможность проведения комплексных естественно-научных исследований: геологических, геоморфологических, биостратиграфических и др., необходимых для определения хронологии и прочих аспектов жизнедеятельности первобытных коллективов.

Первые же сборы на местонахождении дали представительную коллекцию артефак-

тов (табл. 1). Наиболее богатыми оказались пункты Гараджа и Гараджа-1 (рис. 2). Работами на них было предварительно выявлено два уровня залегания находок: южный (нижний) и северный (верхний). Локализация этих уровней, несмотря на сходство по использованному местному сырью и сохранности поверхности изделий, подтверждается стратиграфическими и технико-морфологическими показателями. Последние четко проявляются

(Кулаков, Зейналов, 2014). А индустрия нижнего уровня может рассматриваться в рамках конца раннего – среднего ашеля.

Ручные рубила местонахождения разнообразны по морфологии и степени сохранности. Предварительное изучение их показывает, что среди ручных рубил выделяется группа обушковых форм, которые, возможно, несут культуурообразующую нагрузку.

Наиболее богата в коллекции категория груборубящих орудий, в которой, наряду с

Таблица 1. Распределение артефактов по пунктам сборов

Артефакты	Пункты сборов					
	Гараджа	Гараджа-1	Гараджа-2	Гараджа-3	Гараджа-5	Итого
Ручные рубила	–	7	2	1	3	13
Чопперы	5	24	–	3	5	37
Колуны	–	1	–	–	–	1
Скребла	1	4	–	–	1	6
Ядрища	1	1	1	–	3	6
Сколы	2	12	–	1	–	15
Всего	9	49	3	5	12	78

как в составе коллекций, так и в орудийном наборе.

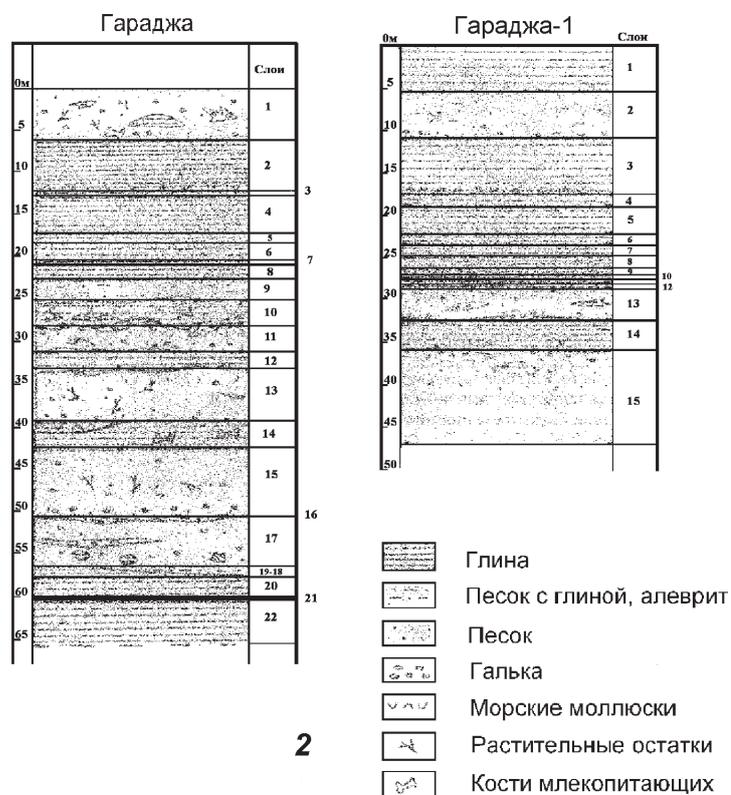
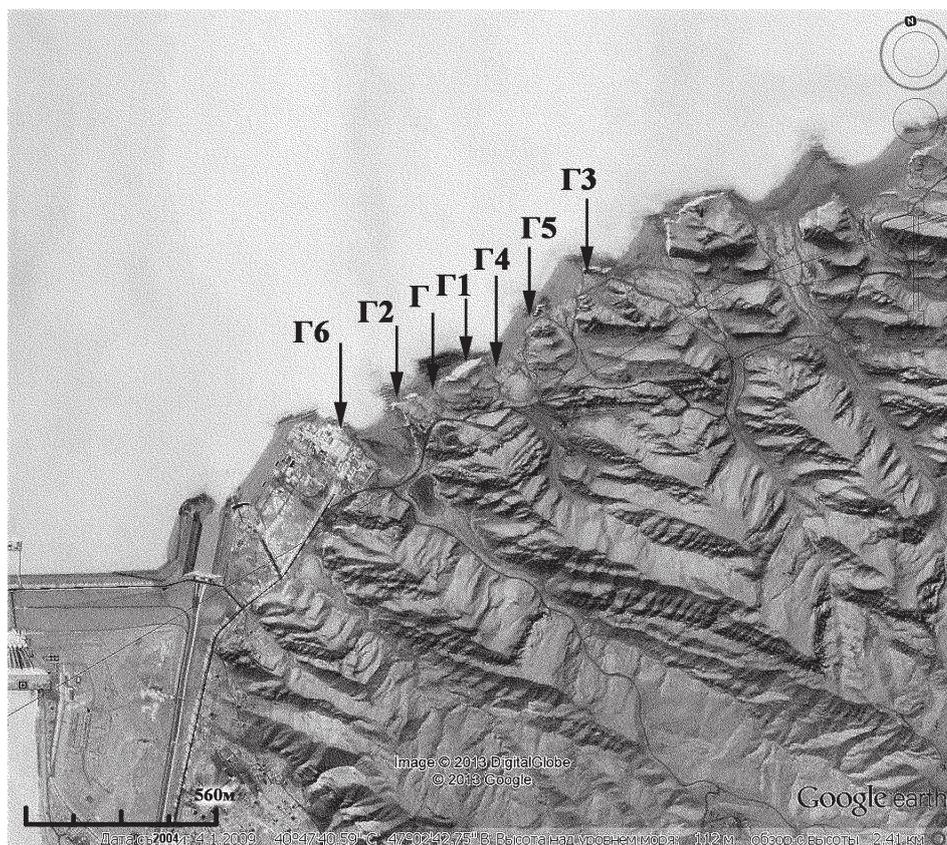
В верхнем уровне сборов, приуроченном к песчано-глинистой толще на контакте берега и воды (по состоянию на сентябрь 2013 г.), наряду с законченными, прекрасно оформленными ручными рубилами (рис. 2, б, 7), были найдены скребло кина на крупном отщепе и типичные леваллуазские ядрища. В эту же группу хорошо вписывается и выразительное клиновидное изделие (рис. 2, 3), найденное в 2012 г. Морфологически эта индустрия ближе всего концу среднего – позднему ашелю.

Коллекцию нижнего уровня сборов, также приуроченного к песчано-глинистой толще, примыкающей к стене берегового обрыва, в основном составляют ручные рубила и чопперы. Наряду с ними было найдено одно уникальное изделие на пункте Гараджа-1. Это топорик (колун) (рис. 2, 8), полностью соответствующий критериям, предъявляемым к данным формам, – орудие, которое имеет бесспорные корни в африканском ашеле

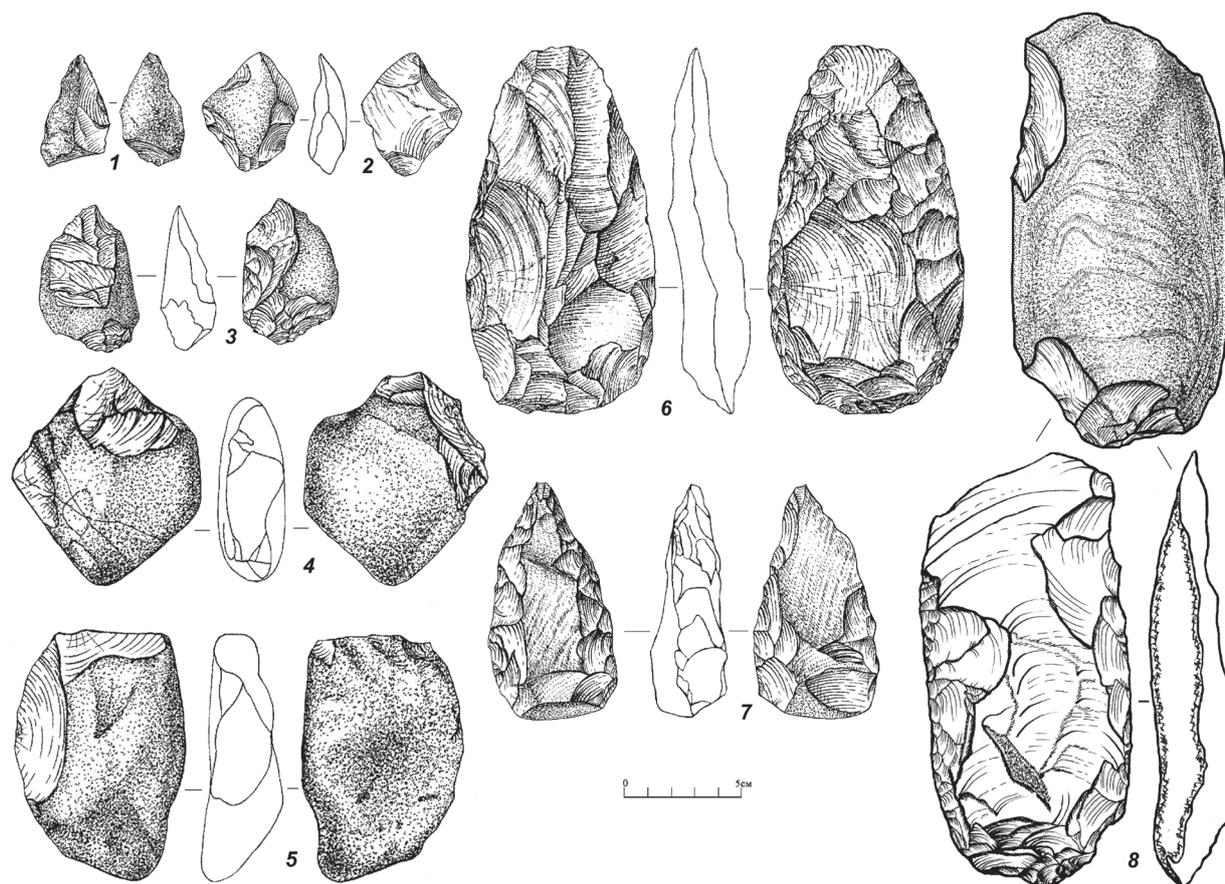
субкатегорией разнообразных чопперов, выделяется особая субкатегория орудий, условно называемых ударниками. Это гальки, разбитые практически пополам. Полученный таким образом искусственный край тщательно обработан сколами и ретушью по всему периметру.

Большую перспективность показывают естественно-научные исследования памятника.

Местонахождение Гараджа находится на северо-западной периферии хребта Гараджа (Караджа), иногда именуемого Боздаг. В западной части хребта расположена гора Гараджа (208,6 м). Пункты Гараджа и Гараджа-1–6 находятся в 1,8 км восточнее края плотины (поверхностного водослива) Мингячевирской ГЭС, в зоне южного абразионного берега водохранилища, представленного в основном клифом и бенчем. В балках и долинах, выходящих к водохранилищу, идет интенсивная аккумуляция и формируются бухты с аккумулятивными пляжами (см. рис. 1, 1).

Рис. 1. Местонахождение Гараджа (Азербайджан). 1 – расположение пунктов сборов на южном берегу Мингячевирского водохранилища; 2 – стратиграфия отложений на пунктах Гараджа и Гараджа-1.

Рис. 2. Артефакты с местонахождения Гараджа. 1, 2 – отщепы; 3 – клиновидное орудие; 4, 5 – оббитые гальки (чопперовидные изделия); 6 – лиманд; 7 – субсердцевидное ручное рубило; 8 – топорик (колун).

В разрезах Гараджа и Гараджа-1 (см. рис. 1) вскрываются породы северо-западного крыла (перехода к периклинали) Гараджинской антиклинали, состоящей из терригенных разностей плиоцен-плейстоцена. Непосредственно в разрезах, вероятно, вскрываются породы рубежа эоплейстоцена-неоплейстоцена, имеющие простирание $88-90^\circ$ и падение на север под углом 40° . Следует отметить, что антиклиналь эродирована по касательной, что приводит к тому, что с продвижением к западу в береговую зону водохранилища выводятся все более древние породы.

Разрез Гараджа расположен западнее, а Гараджа-1 – восточнее, расстояние между профилями 150–170 м (см. рис. 1, 1). Разрез Гараджа мощностью порядка 66 м включает 22 литологических уровня, разрез Гараджа-1 – 47 м, 15 слоев, верхние части разрезов опускаются ниже уровня воды водохранилища, нижние части их поднимаются в сторону осевой части хребта Гараджа.

Согласно первой рабочей интерпретации, в разрезах Гараджа и Гараджа-1 вскрываются снизу вверх (см. рис. 1, 2):

1) нижняя морская толща – в нижней части разреза Гараджа (слои 19–22) – 8,0 м;

2) нижняя континентальная толща – сложно построенная пачка континентальных либо прибрежных отложений – слои 9–18 разреза Гараджа (35,3 м) и слои 13–15 разреза Гараджа-1 (18,4 м);

3) верхняя морская толща – пачка слоев 2–8 разреза Гараджа (15,8 м) и слоев 3–12 разреза Гараджа-1 (16,7 м);

4) верхняя континентальная толща – слой 1 разреза Гараджа (6,5 м) и слои 1, 2 разреза Гараджа-1 (11,0 м).

Морские отложения в разрезах представлены глинами либо суглинками, среди которых доминируют разности серо-желтого цвета. В верхней морской толще обоих разрезов такие глины разделяются тремя маломощными прослоями опесчаненных глин серого цвета. По-

добные же серые опесчаненные глины лежат в подошве верхней морской пачки. Вероятно, эти горизонты фиксируют обмеление бассейна и формирование прибрежных отложений в условиях недостатка кислорода.

В верхней части нижней морской толщи (слой 21 разреза Гараджа) располагается слой вулканического пепла (см. рис. 1, 2). Он прекрасно обнажается на поверхности и к западу от разреза Гараджа выражен в виде гривки высотой до 1 м над поверхностью, протягивающейся более чем на 300 м. Здесь для слоя пепла в целом характерен розовый цвет.

В верхней морской толще выявлена фауна моллюсков, залегающая одним прослоем, переполненным раковинами дидакн (низы слоя 2 разреза Гараджа и слоя 3 разреза Гараджа-1) (см. рис. 1, 2). В остальной части верхней морской толщи идентифицировать морских моллюсков не удалось. По предварительным определениям А.Л. Чепалыги, моллюски этой пачки диагностированы как бакинские.

Для верхней и нижней континентальных толщ разреза характерным является чередование глинистых и песчаных слоев, которые отличаются выклиниванием по простиранию и сложным соотношением друг с другом.

В нижней континентальной толще разреза Гараджа, в верхней части слоя 14 и средней части слоя 17, выявлено два маломощных горизонта с морскими осадками, включающими горизонты с моллюсками (см. рис. 1, 2). В слоях 13, 14 разреза Гараджа были заложены шурфы 1 и 2, в слоях 14, 15 разреза Гараджа-1 также были сделаны шурфы 3 и 4. Находок, кроме мелких неопределимых фрагментов костей, в зондажах не было. В слое 14 найдена верхняя челюсть слона с зубами (см. рис. 1, 2). Нижняя континентальная толща, кроме этого, насыщена многочисленными ожелезненными остатками стволов деревьев диаметром до 0,7 м и длиной до 3–4 м.

Верхняя континентальная толща насыщена остатками сухопутной фауны. В слое 1 разреза Гараджа (6,5 м) найден череп носорога без нижней челюсти с полным набором зубов.

Фаунистические остатки (60 экз.), собранные и расчищенные на всех пунктах сборов местонахождения Гараджа (табл. 2), находятся на исследовании в Естественно-историческом музее им. Г. Зардаби Института геологии НАН Азербайджана.

Таблица 2. Распределение фаунистических находок по пунктам сборов

Фаунистические определения	Пункты сборов					
	Гараджа	Гараджа-1	Гараджа-3	Гараджа-6	Гараджа-7	Итого
Слон южный (<i>Archidiskodon meridionalis</i>)	1	–	–	–	–	1
Слон (<i>Archidis-kodon</i> sp.)	16	1	–	–	–	17
Носорог Мерка (<i>Diceros merki</i>)	1	–	–	–	–	1
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	3	4	1	–	1	9
Мелкий олень	1	–	–	–	–	1
Лошадь	1	–	–	–	–	1
Птицы	–	–	1	–	–	1
Капролиты копытных (<i>Cervus</i> sp.)	5	–	–	–	–	5
Неопределимые фрагменты костей	4	14	3	1	–	22
Неопределимые капролиты	2	–	–	–	–	2
<i>Всего</i>	34	19	5	1	1	60

Обращает на себя внимание неравномерность в распределении находок: как и в случае с артефактами наиболее количество фауны дали пункты Гараджа и Гараджа-1. Благородный олень во всех пунктах сборов представлен фрагментами рогов. Как уже отмечалось выше, непосредственно из отложений были извлечены верхняя челюсть слона и череп носорога. Таким образом, южный слон открывает (подстиляет) стратиграфию нижней континентальной толщи, а носорог Мерка открывает (подстиляет) стратиграфию верхней континентальной толщи (см. рис. 1, 2).

Итак, стратиграфия отложений, распределение артефактов и фауны свидетельствуют в пользу двух разновременных комплексов

находок. Можно предположить, что нижняя континентальная толща – это время конца апшеронского яруса, а верхняя континентальная толща – время начала бакинского яруса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: ТекНур, 2010. 220 с.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.

Кулаков С.А., Зейналов А.А. Первый топорик (hachereau sur éclat, flake cleaver) в ашеле Кавказа // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 17–27.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КАМЕННОБАЛКОВСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ УРОВНЕ

© 2014 г. Н.Б. Леонова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(nbleonova@gmail.com)*

Ключевые слова: археологическая культура, инвентарь, тип памятника, комплексный анализ, палеоэкология.

Резюме. В докладе рассматриваются вопросы, связанные с процессом выделения археологических культур верхнего палеолита на современном уровне. Выделяется ряд проблем, и предлагаются подходы, могущие помочь их решению.

Предвосхищая последующую характеристику верхнепалеолитической камменнобалковской культуры, следует сказать несколько слов об общих проблемах культуровыделения в современной археологии каменного века. Первая и основная трудность заключается в том, что, являясь одним из важнейших понятий в археологии, этот термин до сих пор не имеет точного определения. Несомненно, что все в той или иной мере согласны с тем, что «это такая совокупность материалов (комплексов и отдельных находок) одного или, чаще, множества памятников, которая, с одной стороны, характеризуется внутренней однородностью, а с другой – заметно отличается по характеру и составу представленных в ней видов артефактов от комплексов, не включаемых в нее. Иногда археологические культуры могут в той или мере отражать определенные культурные традиции минувших эпох, иногда (и чаще) это всего лишь условные единицы деления археологического материала, границы которых определены пробелами в наших познаниях, геологической летописи и т.д.» (Археология..., 2008).

Проблемы, связанные с культуровыделением, очень полно отражены в истории отечественной археологии. Яркая и очень интересная дискуссия 50-х гг., отраженная в работах С.Н. Замятнина (1951), А.Н. Рогачева (1957), который разрешил нам не ходить по ступеням «стадиальной лестницы», А.А. Формозова

(1959) актуальна до сих пор. При этом мы понимаем, что очень многое при подходе к выделению культуры как некоего особого феномена и локуса сильно изменилось.

Так, например, при выделении камменнобалковской культуры во второй половине 60-х гг. ее исследователь М.Д. Гвоздовер (1964, 1967) очень убедительно показала сходство ее инвентаря с памятниками имеретинской культуры в Грузии. Дальнейшее исследование этих памятников показало ее правоту на гораздо более широких и объемных материалах (Амирханов, 1977; 1995; Леонова и др., 2006). Однако она была убеждена, что большинство материалов в позднем палеолите не позволяют связать вид культуры с формами хозяйства и определенными условиями природной среды, какой-то специализацией охоты и пр. (Гвоздовер, 1967).

Прошло почти 50 лет исследований – и перед нами стоит все тот же вопрос: так что же мы выделяем и на каких основаниях объединяем выделенные единицы анализа в некие единства?

С одной стороны, теперь мы знаем гораздо больше об условиях окружающей природной среды, о возможностях и системах природопользования, составе и использовании охотничьей добычи, путях получения и использования сырья, устройстве поселений, имеем данные абсолютного датирования. В результате чего можем анализировать гораздо более

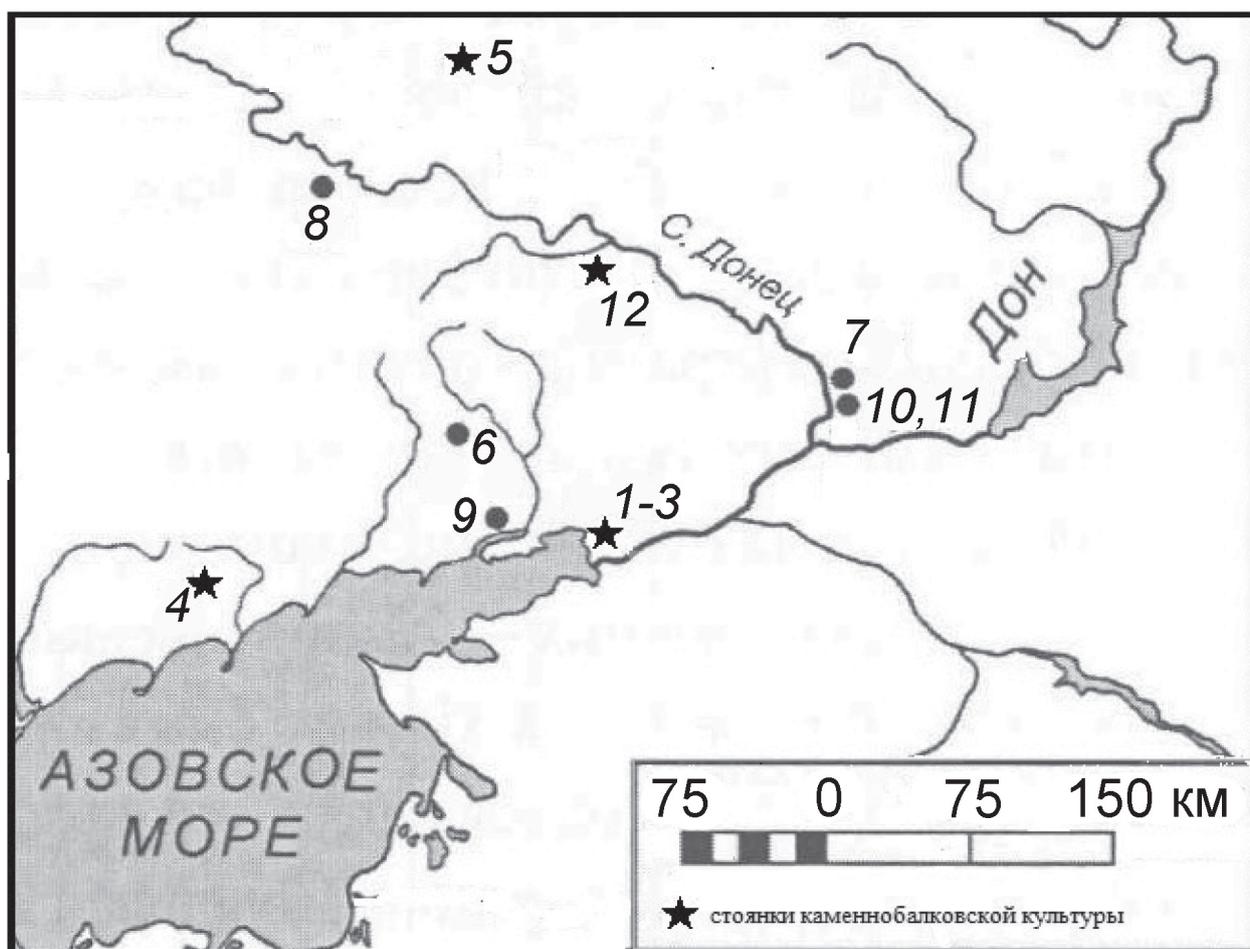
широкие и объемные материалы, которые позволяют значительно глубже проникать в процесс выявления сходств и различий между отдельными памятниками, областями их распространения, регионами и т.п. С другой – отсутствие корректных дефиниций позволяет авторам выделять «археологические культуры» по материалам одного памятника (раскопанного на малой площади), не задумываясь о его хозяйственном типе, природном окружении и прочих, весьма важных, деталях.

Возвращаясь в проблеме выделения и определения места расположения памятников каменнобалковской культуры, следует сказать, что получены убедительные данные о дальнейшем продвижении носителей этой культурной (технологической) традиции на запад-юго-запад: Федоровка на побережье Азовского моря, Янисоль, Ямы в Севером Приазовье (Кротова, 1986; 2013) (см. рисунок). С другой стороны, исследо-

вания Переднего Востока, Центрального и Северного Кавказа показывают еще большую и глубинную связь всех этих территорий (Амирханов, 1977, 1995; Леонова и др., 2006; Доронищева, 2013).

Но не следует забывать, что при перемещении человеческих коллективов на дальние расстояния и приспособлении к разным условиям окружающей среды многие характеристики материальной культуры должны были претерпевать определенные изменения, что и наблюдается в материалах конкретных памятников. Именно здесь и проявляется важность изучения палеоэкологии региона или района обитания. Знание условий обитания в самом широком спектре позволяет увидеть и объяснить эти изменения.

Кроме того, необычайно важно определить характер и хозяйственный тип памятника, который исследован. Охотничий лагерь и базовая стоянка могут дать абсолютно различный

Карта распространения памятников верхнего палеолита в Приазовье. 1–3 – Каменная Балка I–III; 4 – Федоровка; 5 – Ямы; 6 – Мураловка; 7 – Золотовка I; 8 – Яр; 9 – Амвросиевка; 10 – Бирючья балка-2; 11 – Бирючья балка-1а; 12 – Говоруха.

набор материальных предметов, которые могут повлиять на определение культурной принадлежности памятника.

Наличие или отсутствие выходов каменного сырья также может очень сильно влиять на характер каменной индустрии, способствуя либо сохранению традиций, либо определенным технологическим изменениям, связанным с экономией хорошего сырья.

И каким же способом мы, исследователи, можем получить качественные сведения о культурной принадлежности того или иного объекта?

Исключительно в результате проведения комплексных палеоэкологических исследований, которые включают, помимо собственно археологических, разнообразные естественно-научные исследования, показывающие, где и в каких условиях жили насельники этих районов, что могло быть их основными пищевыми и сырьевыми ресурсами и пр.

Что может быть основной источниковой базой для таких исследований? Только раскопки памятников широкими площадями и сбор всех соответствующих анализов для проведения естественно-научных исследований. Малая изученность площади памятника зачастую приводит к неверной его интерпретации.

При изучении развития той или иной культуры исследователь видит вариативность в исходном наборе инвентаря. Это вполне естественно, тому есть всегда естественные объяснения и причины. Например, стоянки Каменная Балка II и Третий Мыс разделяются интервалом где-то в 1500 лет. Естественно, что и в инвентаре, и в устройстве жизни на поселении наблюдаются изменения, но основной характер и поселения, и инвентарей остается похожим.

Я думаю, что на современном уровне развития палеолитоведения (и археологической науки вообще) вопросы о выделении культур, их вариантов, культурных областей должны решаться только после проведения достаточно подробных исследований памятников широкими площадями в совокупности с подробными палеоэкологическими исследованиями, включающими исследования климата, растительного покрова, животного мира, минеральных ресурсов и пр.

Мы – группа исследователей комплекса стоянок Каменной балки – стараемся показать, сколь разносторонними могут быть пути для выявления сходств и различий разнообразных археологических материалов, которые помогают осознанию и определению того, что может быть названо археологической культурой. Она действительно существует на определенной территории, ее развитие наблюдается и характеризуется определенными признаками, которые находят свое отражение не только в каменном инвентаре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 28 с.

Амирханов Х.А. Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере голоценовых памятников Кавказа) // Археологические вести. 1995. № 4. С. 181–187.

Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 608.

Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л.: Наука, 1964. С. 37–41. (САИ; Вып. А1-5).

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // ВА. 1967. Вып. 27. С. 82–103.

Дороничева Е.В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 26 с.

Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 89–152. (ТИЭ АН СССР; Т. 16).

Кротова А.А. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Восточной Украины // Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века левобережной Украины. Киев: Наук. думка, 1986. С. 6–73.

Кротова О.О. Пізднепалеолітичні мисливці Азово-Чорноморських степів. Київ: Видавець О. Філдз, 2013. 420 с.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.Е., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология

равнинного палеолита. М.: Науч. мир, 2006. 342 с.

Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–134. (МИА; Т. 3, № 59).

Формозов А.А. Этнокультурные общности на территории СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 126 с.

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ГРАВЕТТА В КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЕВСКОМ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ РАЙОНЕ НА ДОНУ¹

© 2014 г. С.Н. Лисицын

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(serglis@rambler.ru)*

Ключевые слова: граветт, каменный инвентарь, многослойные памятники, культурные группы, Костёнки.

Резюме. Костёнковско-Борщевский район сосредоточения местонахождений верхнего палеолита знаменит, прежде всего, памятниками восточного граветта типа Костёнок-1/1. В недавнее время здесь была изучена новая обособленная группа граветтских комплексов. На основании типологических особенностей слои 1а и 1б стоянки Борщево-5 имеют аналоги в соседних памятниках Костёнки-9 и -4/1-П. Яркая черта всех этих комплексов – присутствие изделий из сланца, обработанных техникой шлифования. Представляется, что данная индустрия не имеет культурных связей с классическим восточным граветтом (костёнковско-авдеевская культура). По особенностям первичного расщепления, а также по типам орудий индустрия может быть охарактеризована как позднеграветтская или ранняя эпиграветтская. Культурные корни этой группы населения могут восходить к центральноевропейскому культурному контексту типа Миловице (верхний слой), представленному такими же ¹⁴С-датировками и аналогичной каменной индустрией.

Со сравнительно узким хронологическим периодом средней поры верхнего палеолита связано появление и расцвет на территории Русской равнины памятников граветтского технокомплекса. К общеграветтским атрибутам могут быть отнесены: выраженный пластинчатый облик каменного инвентаря, дифференциация техники расщепления для получения заготовок орудий (пластин, микропластин), разнообразное применение техники резцового скола, появление стандартизован-

ных остриев и вкладышей с притупленным краем и пластинчатых наконечников металлического вооружения.

Классификацию граветтских комплексов центра Русской равнины по степени типологической близости каменного инвентаря ранее произвел Х.А. Амирханов. На кластерной дендрограмме, построенной им на основании характеристик ведущих типов орудий (наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и ножи ко-

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 13-01-00292а, 12-01-00345а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

стёнокского типа), памятники фактически сгруппировались попарно. Так, им были выделены костёнокско-авдеевская, хотылёвско-гагаринская, костёнокско-борщевская и костёнокско-александровская группы памятников. М.В. Аникович переосмыслил содержание понятия восточнограветтское «культурное единство», разработанное ранее Г.П. Григорьевым, в контексте субпараллельного развития из одного дунайского корня двух вариантов граветта на Русской равнине: виллендорфско-костёнокско-зарайского и павловско-хотылёвско-гагаринского – в общих хронологических пределах 24–16 тыс. л.н. При этом им было дополнительно обосновано существование на Дону аносовско-гмелинской археологической культуры (Костёнки-11/II, -21/III, -5/III) с радиоуглеродными датировками 22–21 тыс. л.н. К поздним граветтоидным памятникам с выраженными ориньякскими чертами были отнесены Костёнки-4/I, -9 и Борщево-5/I. Особняком, согласно М.В. Аниковичу, стоят также позднеграветтский комплекс Костёнки-4/II и раннеграветтский Костёнки-8/II. Последний традиционно считается наиболее древним памятником с аналогами в средиземноморском граветте типа Пагличчи, однако он также получил недавно серию омоложенных датировок 23–25 тыс. л.н., что фактически исключает его из раннего граветта.

Таким образом, вариабельность граветта является в настоящее время наиболее сложным вопросом, не имеющим однозначного решения. Фактически, восточный граветт стал аршином, с помощью которого в традиции отечественной историографии и оказался измерен весь граветтский эпизод. Менее явная картина реконструируется для других групп граветтского населения. Широкий географический разброс памятников граветта на территории Русской равнины имеет одно единственное исключение: Костёнокско-Борщевский район (КБР) сосредоточения памятников верхнего палеолита на Дону. Поэтому данный район может претендовать на статус полигона, где культурная стратиграфия граветта демонстрирует возможность систематизации сразу нескольких компактных групп памятников. Регион тем более важен, что типологические особенности каменного

инвентаря памятников, раскопанных здесь на широкой площади, могут отражать не только культурную специфику, но и функциональные и иные особенности вариабельности комплексов.

Многообразие памятников граветта в КБР имеет следствием проблему поиска внешних аналогов. За исключением достоверно восточнограветтских комплексов (Костёнки-1/I, -13, -18, -14/I), давно встроенных в обще-европейский культурный контекст, остальные костёнокские «граветтоидные» комплексы остаются, по сути, локальными. Следует отметить, что присутствие типологически специфических изделий в культурных слоях памятников КБР, на которые редко обращают внимание, свидетельствует о том, что культурная монолитность выделенных ранее комплексов нуждается в серьезной источниковедческой верификации. Например, в Костёнках-8/II присутствует резко выделяющееся на фоне миниатюрного граветтского инвентаря изделие типа рабо, а также костяные изделия городцовского облика. В граветтском по облику комплексе Костёнки-11/III присутствует стрелецкий наконечник, а в типичном костёнокско-авдеевском инвентаре Костёнок-14/I – ланцетовидное острие аносовского типа. Аналогичное изделие выпадает из контекста замятнинской археологической культуры на стоянке Костёнки-2, точно также как и единичные микропластинки с притупленным краем, в целом не характерные для замятнинской индустрии на Костёнках-19. В поздневалдайском по возрасту и типологическому облику комплексе Борщево-1 чужеродными выглядят мелкие наконечники с боковой выемкой гмелинского облика. В нижнем культурном слое на самой Гмелинской стоянке (Костёнки-21/III) микролитовидный граветтский инвентарь южного жилого комплекса резко контрастирует с остальной крупнопластинчатой коллекцией, которая имеет параллели в Аносовке (Костёнки-11/II).

Наиболее выпукло проблема разделения разнокультурных и/или разновременных материалов стоит для двухслойной стоянки Костёнки-4, учитывая, что смежные ¹⁴C-датировки 22 и 23 тыс. л.н. получены без привязки к культурным слоям I или II. Поми-

мо крупных бифасиальных наконечников копий, возможно находящих аналоги в материалах эпохи бронзы, которые представлены на памятнике многочисленными фрагментами керамики, а также ямами, впущенными в палеолитический слой, имеются примеры находок типов изделий, характерных для слоя II на уровне культурного слоя I памятника и, аналогичным образом, – орудий нижнего в верхнем слое (особенно в Северном пункте). На большей части памятника материалы фактически были стратиграфически нерасчленимы: оба культурных слоя со слабо углубленными жилищами разных типов оказались наложены друг на друга, за исключением двух участков, где А.Н. Рогачев проследил разделяющую их тонкую прослойку суглинка.

Разделение инвентаря на два культурных слоя проводилось после окончания раскопок Костёнок-4 в камеральных условиях, поэтому чистота каждого из них относительна. Например, это заметно при сопоставлении опубликованных А.Н. Рогачевым данных. При четырехкратно различающемся статистическом весе коллекций верхнего (14,5 тыс. предметов) и нижнего (~60 тыс. предметов) культурных слоев, бросаются в глаза их непропорциональные категориальные соотношения. Так, для слоя I Костёнок-4 количество резцов (260 экз.) в 1,5 раза превышает их количество для слоя II (158 экз.). А число скребков (76 экз.), напротив, уступает почти в три раза (212 экз.). Все без исключения микропластинки и микроострия с ретушью (404 экз.) отнесены к верхнему слою, а пластинки и острия с притупленным краем (2 604 экз.), как и долотовидные орудия (1 210 экз.), – только к нижнему. Во времена раскопок А.Н. Рогачева на Костёнках-4 (1937–1938 гг.) наличие нескольких культурных слоев на памятнике само по себе было открытием, позволявшим строить периодизацию костёнковского палеолита на надежных стратиграфических и археологических основаниях. Александровская стоянка явилась одним из основных памятников, на материалах которой А.Н. Рогачев подвергал сомнению стадильную теорию П.П. Ефименко и разрабатывал новаторскую концепцию археологических культур палеолита. Вместе с тем тогда не были еще известны случаи выделения однокультурных слоев

на одном памятнике. Теперь таковые, благодаря дальнейшему углублению методики раскопок (заложенной собственно П.П. Ефименко и А.Н. Рогачевым), известны, например, в Зарайске, Пушкарях, Юдиново, Гонцах, Борщево-5, Каменной Балке и на других стоянках. Таким образом, оба культурных слоя Костёнок-4 в совокупности, скорее всего, относятся к единому граветтийскому комплексу. Это единственное объяснение, которое устраняет отмеченные диспропорции инвентаря на категориальном уровне, приближая состав коллекции к обычному показателю распределения орудий на граветтийских памятниках.

В таком случае для Костёнок-4, как единого комплекса, обнаруживаются полноценные аналоги в других памятниках КБР, в частности, в материалах Борщево-5/I и Костёнок-9, выглядящих почти полными типологически двойниками (фактически однокультурными). В Борщево-5 граветтийский культурный слой состоит из двух слоев Ia и Ib, точно так же не всегда стратиграфически четко отделенных один от другого. Для верхнего слоя Костёнок-4 в данной индустрии находят соответствие такие типологические маркеры, как микроострия с вентральным оформлением основания, крупные листовидные острия на пластинах, в т.ч. александровского типа (острия-резцы), а также шлифованные предметы из сланца (в т.ч. двояковыпуклые диски в Борщево-5 и в Костёнках-9). В нижнем культурном слое Костёнок-4 обращают на себя внимание аналогичные долотовидные изделия (в т.ч. на пластинках) и микропластинки с притупленным краем (острия и четырехугольники). Особняком стоят ассиметричные треугольники, а также притупленные пластинки с пильчатым краем из Костёнок-4/II. Такие предметы, вместе со шлифованными формами Костёнок-4/I, полностью вписываются в характеристики павловской индустрии, что позволяет наметить внешние аналоги данным материалам уже за пределами КБР – в Центральной Европе.

Наиболее перспективным в плане типологических аналогий представляется сопоставление комплексов типа Борщево-5/I, Костёнок-9 и -4/I-II с хронологически наиболее поздним граветтийским комплексом в павловской последовательности – стоянкой

Миловице в Моравии. Верхний культурный слой Миловице, датированный по ^{14}C от 25,9 до 17,5 тыс. л.н. с основной группировкой дат в пределах 22–24 тыс. л.н., дает полный типологический набор, характерный для Борщевево-5, Костёнок-4 и -9, включая и предметы со шлифовкой. Аналоги прослеживаются и на других территориально намного более близких, но не столь ярких памятниках, которые считаются переходными от граветта к эпиграветту. Например, восточнословацкая стоянка Кашов имеет два культурных слоя с почти идентичным набором типов орудий. По верхнему культурному слою Кашова имеется радиоуглеродная дата $18\ 600 \pm 390$ л.н., и он относится к эпиграветту, а нижний с датой $20\ 700 \pm 350$ л.н. – к финальному граветту. В Сербии переходный от граветта к эпиграветту

комплекс, вероятно, представлен 4-м культурным слоем пещерного памятника Салитрена Печина. Таким образом, на территории КБР, где ранее была известна лишь одна культурно-монолитная группа граветта (костёнковско-авдеевская, она же восточнограветтийская) в окружении не находящихся аналогов за пределами региона граветтоидных комплексов, на настоящем этапе исследований может быть предварительно обоснован еще один вариант позднего граветта или раннего эпиграветта центральноевропейского облика. Хронологическое соотношение группы данных комплексов с восточным граветтом в КБР, за неимением памятников, на которых такая последовательность была бы зафиксирована, нуждается в дополнительном исследовании.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ВЕРХНЕГО СЛОЯ КАМЕННОЙ БАЛКИ II: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

© 2014 г. С.П. Медведев

*НИИ и Музей антропологии Московского государственного
университета им. Ломоносова, Москва
(stas-roi@mail.ru)*

Ключевые слова: верхний палеолит, Каменная Балка, каменнобалковская культура, кремневый инвентарь, типология.

Резюме. Анализ морфологии основных категорий кремневого инвентаря из верхнего слоя Каменной Балки II подтвердил его отношение к каменнобалковской культуре. Были прослежены все типичные группы орудий. Имеются отдельные отличия в доле содержания некоторых категорий орудий от других однокультурных памятников. Выделены характерные для верхнего слоя типы орудий.

Верхний культурный слой представляет самое молодое поселение на многослойной позднепалеолитической стоянке Каменная Балка II. В литературе он упоминается как первый слой или верхний горизонт находок. Впервые был выделен М.Д. Гвоздовер в 1965 г. Он приурочен к нижней половине буровато-палевого лессовидного суглинка наиболее поздней плейстоценовой литологической пачки, выделяемой на стоянке. К сожалению, из-за низкого содержания в слое

угля и фаунистических остатков не удалось собрать образцы, достаточные для абсолютного датирования. По данным геолого-геоморфологических, палеопедологических и палеоботанических исследований, верхний культурный слой можно отнести к временному интервалу около 13,5–12,0 тыс. л.н.

В результате исследования микростратиграфии залегания находок верхнего культурного слоя нами были подтверждены его самостоятельный характер в качестве отдельной

стратиграфической единицы и достаточно гомогенное залегание находок на участках скоплений. На основе пространственных координат находок была реконструирована поверхность залегания слоя (Медведев, 2012а, б).

Находки верхнего слоя распространяются на большую часть раскопанной площади стоянки. На данный момент это 1 800 из примерно 2 500 кв.м. Кремневый инвентарь распределяется неравномерно, образуя скопления находок в центральной, южной и юго-западной частях стоянки. В целом, верхний слой, по сравнению с основным, беден находками. В нем не прослежено остатков строительных конструкций, очагов и мало фаунистических находок. Поэтому основными структурными элементами на стоянке являются скопления кремня.

Коллекция кремневых артефактов верхнего культурного слоя насчитывает около 8 400 предметов. В ней представлен полный цикл обработки кремня от оформления нуклеусов до изготовления орудий, присутствуют следы их утилизации и подправки. Доля орудий относительно общего количества находок достаточно высока – 11,6%, что немного превышает подобный показатель для основного слоя (6–8%). Среди орудий представлены все категории, характерные для каменнобалковской культуры. Наиболее часто встречаются резцы (23,8%) и скребки (18,5%), пластинчатые сколы с участками ретуши (15,2%) и микропластинки с притупленным краем (далее МППК) – 10,7%. Далее следуют зубчато-выемчатые формы (7,3%), отщепы с ретушью (6,8%), тронке (3,2%). Мало (по 2%) остриев, проколок, комбинированных орудий, стамесок.

Можно проследить различия с основным культурным слоем в процентном содержании некоторых категорий орудий. В верхнем слое содержится относительно больше скребков и пластинчатых сколов с ретушью и значительно меньше МППК, в то время как это самая распространенная категория в основном слое.

Резцы (см. *рисунок, 8, 9, 10*) по технике оформления рабочей кромки делятся на три основные группы: ретушные (56%), резцы на углу заготовки (24%) и двугранные (17%). Среди ретушных преобладают скошенные

формы (75%). В качестве заготовок для них преимущественно использовались пластины и пластинки (до 67% от всех заготовок).

Встречаются орудия, оформленные плоским резцовым сколом. В целом же резцы верхнего слоя не отличаются от аналогичных орудий из других памятников каменнобалковской культуры.

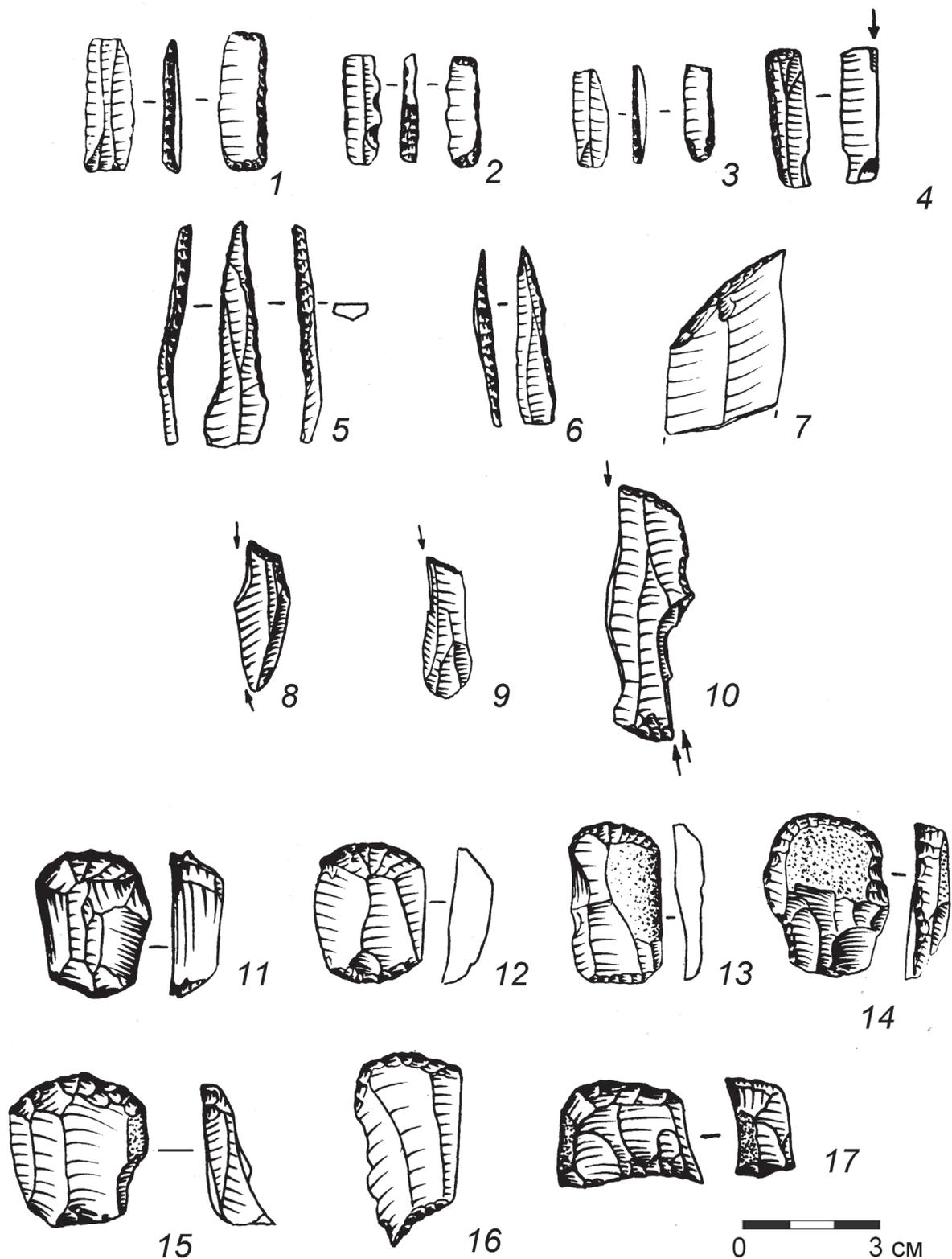
Скребки (см. *рисунок, 11–17*) – вторая по численности категория орудий. В свое время М.Д. Гвоздовер для сравнения с другими памятниками каменнобалковской культуры была рассмотрена небольшая выборка скребков верхнего слоя. Она отмечала неустойчивость форм орудий. Около 30% заготовок имели «случайную» форму (аморфные отщепы, первичные сколы и сколы подправки нуклеусов). Были представлены далеко не все устойчивые разновидности форм, выделенные ею для культуры в целом (Гвоздовер, Демопик, 1984).

С увеличением выборки орудий, с одной стороны, были подтверждены некоторые из ее наблюдений, а с другой – было расширено разнообразие форм скребков.

Преобладают концевые скребки (до 97%). В качестве заготовок использовались отщепы (24%), сколы оживления (17%) и пластинчатые сколы (14%). Можно отметить, что почти в трети случаев на орудии присутствует меловая корка. В 45% случаев сложно достоверно установить параметры первоначальной заготовки. Малая длина предмета не позволяет определить, относилась ли заготовка к отщепам или пластинам. В процессе утилизации, в результате нескольких подправок, корпус скребка мог стать существенно короче.

Среди устойчивых разновидностей форм больше всего скребков «вытянутых» пропорций (59%). К ним относятся орудия, различные по своим размерам. Как правило, они изготовлены на удлиненных заготовках: пластинах, пластинчатых отщепах или сколах оживления нуклеуса. Представлены обе морфологические группы: скребки с видимым схождением краев к основанию и без видимого схождения. Отсутствуют скребки с крутой ретушью по краю, характерные для основного слоя Каменной Балки II.

Достаточно много скребков укороченных пропорций (41%). Этот высокий процент от-

Орудия верхнего культурного слоя Каменной Балки II. 1 – пластинка с притупленным краем; 2–4–микропластинки с притупленным краем; 5–7– остря; 8, 9 – резцы; 10 – двойной резец; 11–15, 17– скребки; 16– комбинированное орудие (скребок-острие).

личает скребки верхнего слоя Каменной Балки II от других памятников культуры.

Кроме того, встречаются двойные скребки. Это орудия укороченных или близких к ним пропорций, где рабочие кромки располагаются на противоположных концах заготовки.

К категории МППК (см. *рисунок, 1–4*) относятся микропластинки или пластинки, один край которых притуплен отвесной или крутой ретушью. Они широко встречаются во всех культурных слоях памятников каменнобалковской культуры. М.Д. Гвоздовер выделила и основные формы этих орудий, встречаемых на памятниках Каменной Балки (Гвоздовер и др., 1974). В микролитическом инвентаре верхнего слоя встречаются почти все эти формы. Однако мало четко выраженных форм, больше переходных вариантов от одного к другому.

Достаточно много целых орудий (58%). Один край заготовки всегда целиком обработан отвесной, реже крутой ретушью. Второй край, дистальный и проксимальный концы тоже ретушировались в 60–70% случаев. Отличительной чертой для предметов из верхнего слоя является широкое применение вентральной ретуши (от 33 до 59% случаев) для оформления разных конструктивных элементов орудия.

Можно выделить форму МППК, характерную для верхнего слоя (см. *рисунок, 1–3*). Это относительно крупномикроорудия. Первый продольный край обычно прямой, сформированный вентральной ретушью. Второй – выпуклый, часто встречается небольшой участок вентральной полукрутой ретуши в проксимальной части МППК. Дистальный конец, прямой или немного скошенный, обработан вентральной крутой ретушью. Проксимальный конец либо срезался подтеской с вентральной стороны, либо оставлялся необработанным.

Острия (см. *рисунок, 5–7*) относительно малочисленны на памятнике. Чаще всего они выполнены на дистальном конце пластинчатой заготовки. Могут быть сформированы ретушью одного или двух обработанных краев. Есть группа остриев, близкая по технике изготовления к категории МППК (см. *рисунок, б*). У них один край полностью обработан отвесной притупляющей ретушью, со вто-

рого края небольшой участок крутой ретуши, оформляющей кончик орудия. Дистальный конец точечный. Проксимальный конец необработан, либо обработан вентральной подтеской. Подобные предметы встречаются на граветийских памятниках.

В кремневом инвентаре верхнего слоя Каменной Балки II встречаются все типичные для каменнобалковской культуры группы орудий. Кроме сходных черт, были прослежены различия, которые выразились в несколько отличном от других памятников Каменной Балки составе орудий. Надо отметить более высокую долю содержания скребков и низкую МППК. Это может указывать на иную хозяйственную специализацию на территории стоянки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Деоник Д.В., Леонова Н.Б. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. I. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. С. 7–59.

Гвоздовер М.Д., Деоник Д.В. Опыт классификации каменных орудий (на материалах верхнепалеолитических скребков) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 115–120.

Медведев С.П. Использование палеорельефа на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II (верхний слой) // Проблемы локальной палеоэкологии стоянок открытого типа на примере комплекса стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье / под ред. Н.Б. Леоновой, С.А. Несмеянова. М., 2012а. С. 59–64. (Палеоэкология и региональная геология палеолита; Вып. А2(2)).

Медведев С.П. Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки каменная Балка II // РА. 2012б. №2. С. 60–66.

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЛТАЯ ПО ДАННЫМ ЭВОЛЮЦИОННОЙ АНТРОПОЛОГИИ¹

© 2014 г. М.Б. Медникова

Институт археологии РАН, Москва

(medma_pa@mail.ru)

Ключевые слова: Алтай, денисовцы, неандертальцы, сапиенсы, археология, палеогенетика, антропология.

Резюме. Главным открытием в области эволюционной антропологии последних лет стало обнаружение реликтового, ранее неизвестного человечества в результате раскопок Денисовой пещеры на Алтае. Палеогенетическими исследованиями установлено, что линия денисовцев отделилась от общего ствола неандертальцев и современных людей около 1 млн л.н. и ранее могла иметь широкое распространение. Гипотеза о весьма широком ареале денисовцев в Азии подтвердилась после того, как их генетическое наследие было выявлено в 33 других современных популяциях из Азии и Океании. Но 50–40 тыс. л.н. денисовцы были не единственными обитателями Южной Сибири. Археологическими, генетическими, антропологическими исследованиями установлено, что в этот период на Алтай проникают неандертальцы, следы которых в настоящий момент фиксируются в трех местонахождениях, включая саму Денисову пещеру. В этот же период в азиатской части континента обнаружены находки представителей современного человека (Усть-Ишим и Тяньюань).

Главным открытием последних лет стало обнаружение реликтового, ранее неизвестного человечества. Принадлежавшая девочке концевая фаланга мизинца кисти из слоя 11 Денисовой пещеры на Алтае стала источником для выделения митохондриальной палеодНК. В этом исследовании обнаружилось, что алтайский гоминин демонстрирует почти в два раза больше отличий от современного человека, чем неандертальцы. Филогенетический анализ свидетельствовал, что эта линия отделилась от общего ствола неандертальцев и современных людей гораздо раньше – примерно 1 млн л.н. (или, если быть точными, 779 300–1 313 500 л.н.).

Обладатель мужского зуба, найденного позднее в слоях Денисовой пещеры, имел митохондриальный геном, очень похожий на тот, что исследован у девочки. Расшифровка ядерной ДНК этого человека позволила скорректировать выводы: данная группа гоминин разделяла общего предка с неандертальцами, дивергировав около 600 тыс. л.н., после чего история этой популяции развивалась

независимо. Денисовцы получили устойчивое наименование, правда, не обремененное линнеевской номенклатурой, поскольку сейчас говорить о ранге этого таксона было бы преждевременно, как, собственно, и о ранге неандертальцев. Самым поразительным результатом стала констатация присутствия денисовских генов у современных жителей Меланезии. Следовательно, сапиентные предки последних в какой-то момент вступили в генетический контакт с денисовцами, и вряд ли это случилось в Южной Сибири.

Гипотеза о весьма широком ареале денисовцев в Азии подтвердилась после того, как их генетическое наследие было выявлено в 33 других современных популяциях из Азии и Океании. К потомкам денисовцев принадлежат австралийские аборигены, полинезийцы, жители о. Фиджи, восточные индонезийцы, одна из групп негритос (Маманва с Филиппин). Эти данные были восприняты как доказательство потока генов от денисовцев к общим предкам аборигенов Новой Гвинеи, австралийцев и Маманва. В то же время боль-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-1224.

шинство современных восточноазиатских народов не имеют денисовского наследия, и это значит, что их предки могли заселить эту территорию позднее. Исследователи приходят к выводу, что денисовцы имели исключительно широкое географическое распространение от Сибири до тропической Азии.

В другом модельном исследовании был сделан аналогичный вывод: подтверждено смешение денисовцев (или, скорее, родственных им групп) и предков современных жителей Восточной Азии.

Пока трудно оценить все возможные последствия гибридизации древних сапиенсов с азиатскими обладателями реликтового генома. Но, в частности, П. Пэрэм и большая группа соавторов, исследуя человеческую лейкоцитарную систему антигенов (HLA), описали редкий вариант В-73. У денисовской девочки на соответствующем участке 6 хромосомы имелось два аналогичных варианта. Из этого был сделан вывод, что за пределами Африки адаптивная интрогрессия архаических аллелей могла оказать существенное влияние на иммунную систему современного человека.

50–40 тыс. л.н. денисовцы были не единственными обитателями Южной Сибири. Благодаря археологическим, палеогенетическим и морфологическим исследованиям материалов из пещер Окладникова и Чагырской факт заселения неандертальцами Горного Алтая можно считать доказанным.

Так, Чагырская пещера в Горном Алтае – недавно открытый, но активно исследуемый археологический памятник, в слоях которого обнаружена мустьероидная индустрия. Благодаря размерам, пропорциям, присутствию характерной патологии, маркерам типичной двигательной активности обнаруженной здесь левой локтевой кости, сделан вывод о ее возможной принадлежности неандертальцу. Это был крупный вариант строения, присутствующий, в частности, некоторым ближневосточным неандертальцам мужского пола. С неандертальцами человека из Чагырской пещеры роднит и вероятная предрасположенность к болезни Форестье.

Возникал закономерный вопрос: если выявлены результаты генетических контактов анатомически современного и денисовского

населения, нельзя ли предположить возможность аналогичной гибридизации денисовцев с неандертальцами в контактной зоне Южной Сибири около 40 тыс. л.н.? В частности, это могло бы объяснить присутствие отдельных, более архаических особенностей у неандертальцев из пещеры Окладникова.

Гипотетическая возможность гибридизации двух архаических ветвей человечества нашла свое подтверждение после изучения мтДНК неандертальской женщины из Денисовой пещеры. Ранее проксимальная фаланга стопы, из которой выделена эта ДНК, была идентифицирована морфологическими методами как близкая неандертальцам. Как оказалось, неандертальцы и денисовцы сосуществовали не только в пределах Алтая, но даже обитали в одной пещере.

Кроме того, исследование высококачественной ДНК, экстрагированной из этой проксимальной фаланги, способствовало выявлению у некоторой части современных людей реликтового гаплотипа, ответственного за развитие диабета второго типа. Доказывается, что произошла интрогрессия этого гена при гибридизации неандертальцев и сапиенсов.

Монография, посвященная находке скелета Тяньюань, обстоятельно описывала особенности этого человека с анатомических позиций. В небольшой пещере в 6 км от всемирно известного местонахождения 1 Чжоукоудянь в 2001 г. были обнаружены останки индивидуума, по данным прямого радиоуглеродного датирования, скончавшегося около 40 тыс. л.н. Исследователи находки классифицируют ее как раннего современного человека, в частности, благодаря строению нижней челюсти, трубчатых костей верхней и нижней конечностей, лопатки, таранной кости. Впрочем, «останки Тяньюань 1 лучше всего определяются как современные, но не целиком». По сочетанию некоторых признаков в строении кисти китайский человек располагается в неандертальском поле значений.

Поэтому большой интерес вновь привлекают результаты экстракции ДНК, выполненной на базе лаборатории Института Макса Планка в Лейпциге. Так, митохондриальная ДНК человека из Тяньюань оказалась в пределах вариаций мтДНК современного человека. Мало того, благодаря четырем заменам нуклеотид-

ных последовательностей она представляет вариант, являющийся предковым для современных носителей гаплогруппы В, древность которой в предшествующих модельных исследованиях оценивалась около 50 тыс. л.н. Радиоуглеродная датировка тяньюаньского скелета сопоставима с этой датой, полученной в результате моделирования. МтДНК гаплогруппы В сегодня присутствует у индейцев, в аборигенных популяциях Дальнего Востока, Центральной Азии, Кореи, Тайваня, Меланезии и Полинезии. Тяньюаньский человек, как обладатель потенциально предковой мтДНК, доказывает, по крайней мере, частичную преемственность части населения Земли (Азии, Америки, островов Тихого океана) от ранних сапиенсов.

В этом же исследовании строение хромосомы 21 тяньюаньского человека сопоставлялось с 11 современными группами и с денисовцем. Он отличается по 21 944–23 756 заменам от современных евразийцев, по 30 297–35 938 заменам – от африканцев и по 43 893 заменам – от денисовца. Т.е. человек из Тяньюань дальше всего от денисовца и ближе всего к современным людям за пределами Африки. Далее, среди евразийских популяций Тяньюань сближается с азиатским, а не с европейским населением.

Этот анализ продемонстрировал, что 6,7% 21-й хромосомы современных папуасов уна-

следовано от денисовцев, что подтвердило предыдущие оценки. Однако денисовское наследие у Тяньюань и у современных жителей Азиатского континента не столь значительно.

Сенсационной стала находка бедренной кости анатомически современного человека из Усть-Ишима, датируемая временем около 45 тыс. л.н. По словам проф. С. Паабо, присутствие неандертальской примеси у этого сапиенса выше, чем у современных людей, что свидетельствует в пользу относительно недавней гибридизации.

Таким образом, палеоантропологические находки последних лет на территории Сибири уже изменили и продолжают менять представления об этапах становления человечества. Очевидно, что в среднепалеолитическую эпоху здесь встречаются представители трех разных, давно дивергировавших таксонов – денисовцев, неандертальцев и сапиенсов. Возможно, результаты их контактов запечатлены в геноме современных людей.

Благодарности. Автор пользуется случаем принести глубокую благодарность академику А.П. Деревянко, д-ру ист. наук М.В. Шунькову и д-ру ист. наук С.В. Маркину за возможность работать с уникальными находками.

**О ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ
МАЛЬТЫ «КЛАССИЧЕСКОЙ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ ГИМ 1956–1958 ГОДОВ)**

© 2014 г. М.Н. Мещерин

*Институт археологии РАН, Москва
(mnm16@yandex.ru)*

Ключевые слова: каменный инвентарь, сырье, палеотехнология, морфология, ориньяк, классическое звено верхнего палеолита, восточный граветт.

Резюме. Коллекции каменного инвентаря, обнаруженного в классическом слое стоянки Мальта (1956–1958 гг.), хранятся в фондах ГИМ. В музейной описи значатся 1 898 предметов, в числе которых изделия из кости и камня, фаунистические останки. Каменный инструментарий Мальты определяется исследователями как «сибирский вариант ориньяка» (Герасимов, 1958) или «классическое звено позднего палеолита Сибири» (Медведев, 1983). Технологическо-морфологический анализ коллекции позволяет рассмотреть сочетание архаичных и инновационных элементов индустрии. Рассмотренная «гимовская» часть мальтинской коллекции каменного инструментария находит аналоги в известных комплексах средней стадии верхнего палеолита юга Сибири. Для данной коллекции характерно сочетание типичных для сибирских культур «архаических черт» – орудий из целых галек – с «ориньякскими» кареноидными формами, «восточнограветтскими» элементами в виде «притупленных пластинок» и разнообразных остриев.

На карте евразийского верхнего палеолита стоянка Мальта занимает одно из ключевых мест, поскольку представляет собой необычайно богатый комплекс свидетельств из прошлого. Труды М.М. Герасимова и его коллег основные характеристики данного памятника стали хрестоматийными. Такие аспекты как планиграфическая структурированность и стратиграфия культурных образований, антропологическая принадлежность палеонаселения, предметы неутилитарного назначения и мобильного искусства являются объектами многолетних дискуссий и служат мотивами для общетеоретических разработок. Спорадически обсуждаются вопросы технологическо-морфологической атрибуции каменной и костяной индустрии «классического» слоя Мальты. За время изучения на стоянке вскрыто не менее 1 500 кв.м и обнаружено, по разным подсчетам, от 12 до 15 тыс. артефактов.

С длительной историей изучения памятника (с 1928 г.) накапливались некоторые неблагоприятные факторы. В частности судьба распорядилась так, что к настоящему времени коллекции и полевые описи разных лет хра-

нятся как минимум в пяти научных учреждениях трех городов России. Имеются данные, что унаследованный уровень музейфикации памятника не позволяет оперировать безупречными статистическими выкладками в отношении предметов «основного фонда» и, вероятно, в отношении мелкого массового материала (Кимура, 2003).

В «московский» период жизни М.М. Герасимова (1950-е – 1970 г.) археологические материалы, полученные в ходе раскопок Мальты 1956–1958 гг., были переданы в ГИМ (фонды № 1820, 1822, 1830, ГИМ1). В описи насчитывается 1 898 предметов, в числе которых значатся экземпляры, экспонируемые на выставке, массовый остеологический материал, прочие предметы, обнаруженные в слое, но не атрибутированные. Около 15% вещей, согласно описи, к настоящему времени частично или полностью депаспортизированы.

Набор каменного инструментария, хранящийся в собрании ГИМа, в целом соот-

---

¹ Автор благодарит дирекцию ГИМ и сотрудников Отдела археологии за предоставленную возможность и содействие в работе с коллекцией Мальты.

ветствует общепринятым представлениям о памятнике. На протяжении длительного времени различные исследователи отмечают одни и те же ведущие морфологические типы и технологические модели. Определяющий облик индустрии соответствует «сибирскому варианту ориньяка» (Герасимов, 1958. С. 52) или «классическому звену позднего палеолита Сибири» (Медведев, 1983. С. 38–40). К сложившимся представлениям сложно добавить что-либо принципиально новое. Вместе с тем в многочисленной литературе, связанной с «мальгинским феноменом» и его окружением, наблюдаются определенные авторские разночтения различной степени значимости. Одной из важнейших тем дискуссии является сочетание архаичных и инновационных технолого-морфологических элементов индустрии.

Несмотря на обозначенные сложности в изучении Мальты, считаю целесообразным составление типолого-статистической картины материалов раскопок трех указанных сезонов (1956–1958 гг.), поскольку артефакты следуют в контексте определенных планиграфических структур – в виде реконструируемых жилищ, очагов и иных объектов хозяйственной активности (Герасимов, 1958). Весьма показательны соотношения мелких групп внутри основных категорий, которые демонстрируют нам частоту встречаемости тех или иных разновидностей изделий, олицетворяющих «культурные нормы».

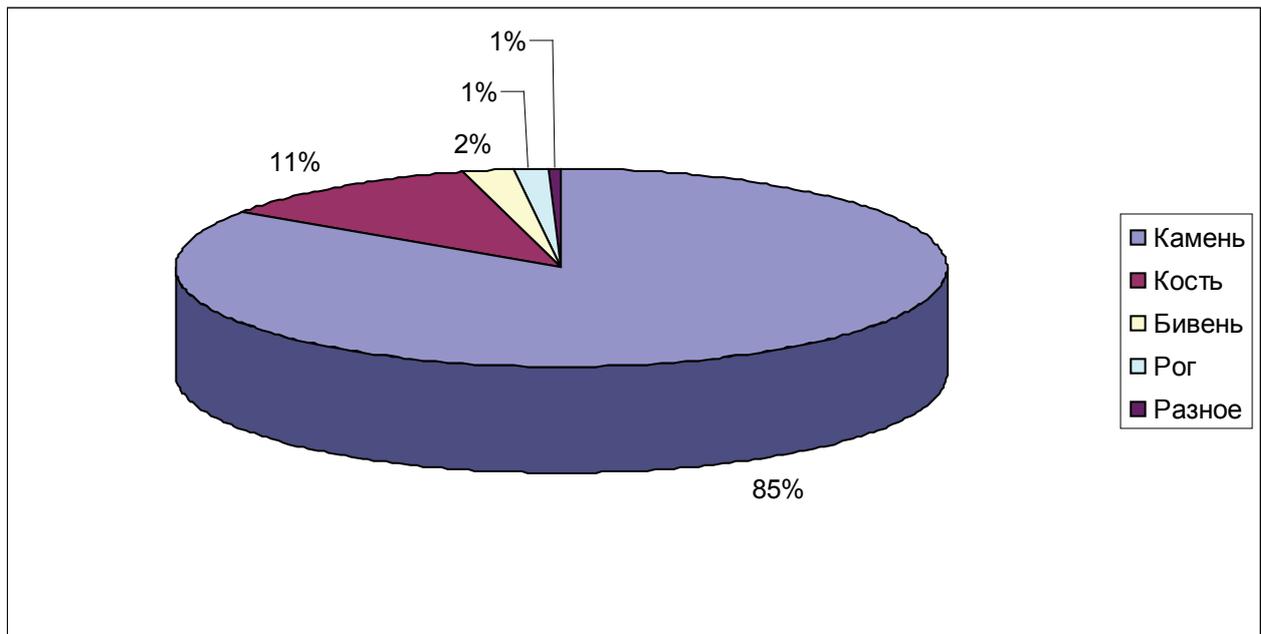
На диаграмме (рис. 1) показано, что в составе коллекции довольно высокий процент сохранившейся кости млекопитающих, бивня и рога северного оленя. В списке суммированы готовые изделия из этих материалов, их обломки, заготовки и образцы остеологии без обработки. Безусловно преобладающим элементом является каменный инструментарий. В абсолютном большинстве случаев использовалась кремнистая разноцветная (от серовато-белой до сургучно-коричневой) мелкозернистая порода. Исходная форма чаще плитчатая или желвчатая – слабоокатанная. Среди каменного инвентаря заметна группа немногочисленных специализированных изделий (отбойников и чопперов), выполненных из хорошо окатанных галек твердых пород – кварцита, андезита. Встреченные

образцы из мягких минералов – песчаника, сланцев, кальцитов использовались как сырье для художественных поделок мелкой пластики, а при необходимых кондициях формы служили абразивными инструментами и ретушерами. В целом использование некремнистых пород в коллекции представлено не более чем на 10%.

Исходная форма сырья повлияла на технологию каменного производства. Технику расщепления характеризуют четыре варианта преформы (53 экз.) и 11 разновидностей нуклеусов (92 экз.). В коллекции фиксируются три типа отбойников (29 экз.). Нуклевидные формы (нуклеусы, преформы и узнаваемые обломки) в коллекции камня составляют чуть более 9%. Среди технических сколов практически не встречены «реберчатые пластины» первичных торцовых снятий. Зато нередки боковые и краевые сколы, связанные со сменной плоскостей скалывания на подъяемных ядрищах. Скалывание было направлено на получение пластинчатого скола более или менее удлиненных пропорций, с параллельными краями и симметричной огранкой спинки. Практически каждый второй пластинчатый предмет имеет ретушь утилизации или специальное вторичное оформление. Рассматриваемая коллекция сколов согласуется с общепринятым представлением о мальгинской технологии как о технологии призматического скалывания с целью получения пластины: мелкой (1,5–3,0 см в длину и менее 0,7 см в ширину); средней (3–6 и 0,8–2,0 см соответственно) и крупной (7 см и более и 1,5 см и более).

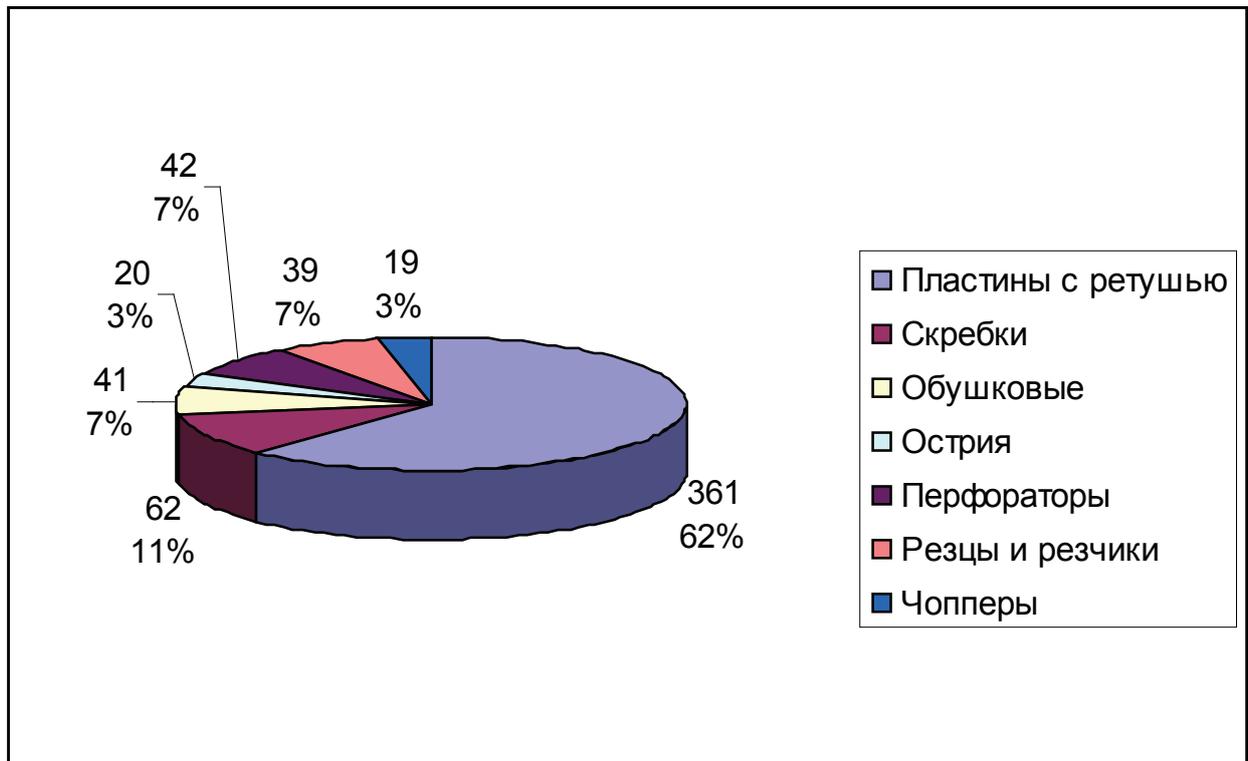
Многообразие вторичной обработки, помимо краевого ретуширования дополняется мелким частичным фасиальным оформлением – уплощающей подтеской, вентральной плоской ретушью. К элементам интенсивной модификации изделий следует отнести фрагментирование (или использование прямоугольных сломанных пластин), а также усечение пластинчатой основы сломом или отвесной ретушью. Обращает на себя внимание минимальное присутствие приема «углового» резового скола.

Орудия составляют 40% среди всего расщепленного камня (рис. 2). В категории ретушированных пластин основную массу со-

Рис. 1. Состав сырья для артефактов, встреченных в коллекции.

В группе «разное» приводятся экстраординарные образцы в виде кусочков «медной руды», полевого шпата, минеральной краски, не подлежащие серийному использованию.

Рис. 2. Количественные и процентные показатели основных категорий орудий.

ставляют пластины (фрагменты) с крутой и полукрутой краевой ретушью («пластины с притупленным краем»), а также редкие пластины, оформленные дорсальной или вентральной уплощающей ретушью (подтеской) и мелким вентральным краевым ретушированием. Длина в среднем не менее 2 см и не более 6–7 см.

Среди скребков – преобладают концевые, в т.ч. с ретушированным продольным краем. Выразительны концевые скребки с асимметрично расположенным лезвием, иногда с шипом между продольной и поперечной плоскостью лезвия. Отдельно отмечают скребки высокой формы, как узкие ладьевидные, так и с широким лезвием массивным лезвием (скребла). Складывается впечатление, что некоторые предметы данной группы следует отнести к заготовкам мелких «вторичных» нуклеусов. Фигурные, круговые и боковые скребки, а так же их комбинации с другими элементами орудий – частое явление.

Важным элементом обушковых изделий является наличие перпендикулярной грани расположенной по краю противоположному лезвию, сохранившему следы нерегулярной ретуши. Заготовки таких орудий, ассиметричные в сечении, получались в результате краевого скалывания, типичного для мальтинского расщепления. Вероятно, эта форма заготовки устойчиво использовалась в орудийной деятельности как альтернатива симметричной призматической пластине, на которой обушковую грань необходимо было оформлять отвесной притупляющей ретушью.

Острия отличаются морфологическим разнообразием. Три предмета, имеют форму близкую к наконечникам.

Перфораторы объединяют изделия, контуры которых имеют остроугольные очертания, оформленные за счет совмещенных выемок и выступающих меж ними частей – шипов. Почти половина изделий этой категории (19 экз.) имеет более удлиненное проникающее лезвие, полученное тонким краевым ретушированием остроугольной подосновы (проколки).

Резцы и резчики весьма самобытны. Типичные для верхнего палеолита «двугранные» резцы единичны. Оформление резцовых кромок осуществлялось преимущественно

за счет плоского (продольного фасиального) скола или с использованием плоской краевой ретуши, как правило, по брюшковой поверхности на углу заготовки, в сопряжении с поперечным изломом.

Чопперы выполнены на целых гальках и валунах. Имеют крутые или приостренные лезвия с выпуклым, прямым или вогнутым контуром, расположенные по продольному, поперечному краю или на углу. Лезвия отличаются многоярусным оформлением, разнообразными сколами и ретушью.

Рассмотренная часть мальтинской коллекции каменного инструментария находит аналоги в известных на сегодняшний день комплексах средней стадии верхнего палеолита юга Сибири. Для данной коллекции характерно сочетание типичных сибирских «архаических черт» – орудий из целых галек – с «ориньякскими» кареноидными формами, «восточнограветтскими» элементами в виде «притупленных пластинок» и разнообразных остриев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–1957 гг.) // СЭ. 1958. № 3. С. 28–52.

Кимура Х. Индустрия пластин стоянки Мальта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 11–33.

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 44 с.

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ II (ДАГЕСТАН)¹

© 2014 г. Д.В. Ожерельев

*Институт археологии РАН, Москва
(dim_as_oj@mail.ru)*

Ключевые слова: ранний палеолит, Северо-Восточный Кавказ, каменная индустрия, типология.

Резюме. В работе изложены основные характеристики каменной индустрии многослойного раннепалеолитического памятника Мухкай II, расположенного на территории среднегорного Внутреннего Дагестана. Работы на памятнике проводятся в течение шести лет (2008–2013 гг.). На данный момент разведочными траншеями вскрыта вся 73-метровая толща культуросодержащих отложений. В 35 литологических слоях обнаружены археологические и фаунистические находки. Каменная коллекция насчитывает 2 450 предметов. В культурно-историческом отношении памятник датируется эпохой олдована.

Многослойная стоянка Мухкай II находится в Акушинском р-не Республики Дагестан. Памятник был обнаружен в 2006 г. Х.А. Амирхановым в ходе работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН. Стоянка приурочена к мощной толще (до 80 м) раннеплейстоценовых отложений водораздела рек Акуша и Усиша (Амирханов, 2007. С. 6–7). Археологические раскопки на памятнике проводились в 2008–2013 гг. в двух основных направлениях: вскрытие разведочной траншеей всей толщи памятника и раскопки базовой стоянки в слое 80 на глубине 33,5–34,2 м от условного нулевого репера (Амирханов, Ожерельев, 2011; Амирханов и др., 2012. С. 217–220; Ожерельев, 2010. С. 217–220; 2012. С. 110–111).

За шесть лет исследований разведочными траншеями в виде врезки в склон вскрыто 72,7 м коренных раннеплейстоценовых отложений и выделено 129 литологических слоев. Получена полная стратиграфическая колонка для памятника, являющаяся на данный момент наиболее полной и изученной для континентальных раннеплейстоценовых отложений Северо-Восточного Кавказа.

В 35 слоях обнаружен многочисленный каменный инвентарь с характеристиками,

присущими индустрии олдована. Общая коллекция находок включает 1 558 предметов из разведочных траншей и 892 изделия из раскопок стоянки Мухкай II, слой 80. По характеру залегания находок в культурном слое в рамках всей толщи выделяются стоянки с рассеянным в слое находками (слои 25, 34, 63, 74 и др.) и стоянки с культурными находками *in situ* (стоянка Мухкай II, слой 80; Мухкай IIa). Вторые содержат в себе также многочисленные фаунистические останки.

Мощность культурных слоев толщи различна: от 5–10 см (слои 40, 53, 80) до 2–4 м (слои 82, 117, 127). Основная часть археологических находок связана со слоями с крупнообломочным материалом. При этом окатанность на кремневых находках отсутствует. Незначительная часть изделий несет на себе патину белого цвета, чаще в виде локальных участков или пятен. Обработанные кремневые изделия имеют различную количественную представительность как по слоям, так и по концентрации находок на 1 кв.м между слоями. Наиболее насыщенными по находкам являются слои 25, 34, 63, 74, 82. С точки зрения литологической характеристики данные слои имеют свои особенности, в общих моментах схожие. Технично-типологический

состав инвентаря, представляющего полный технологический цикл обработки от опробования кремневого сырья до получения законченных орудий, его структурированность, типологическое и категориальное разнообразие индустрии позволяют считать каждый из этих слоев остатками долговременных стоянок мастерских.

В качестве сырья, из которого изготавливались каменные орудия, выступал местный меловой кремль различных оттенков серого цвета. Кремневые желваки обильно встречаются в галечниках в руслах прилегающих рек и ручьев. В культурные слои кремль попадал при разрушении прилегающих известняковых хребтов и далее «разносился пролювиальными потоками по котловине вместе с другим обломочным материалом» (Амирханов, 2012. С. 17).

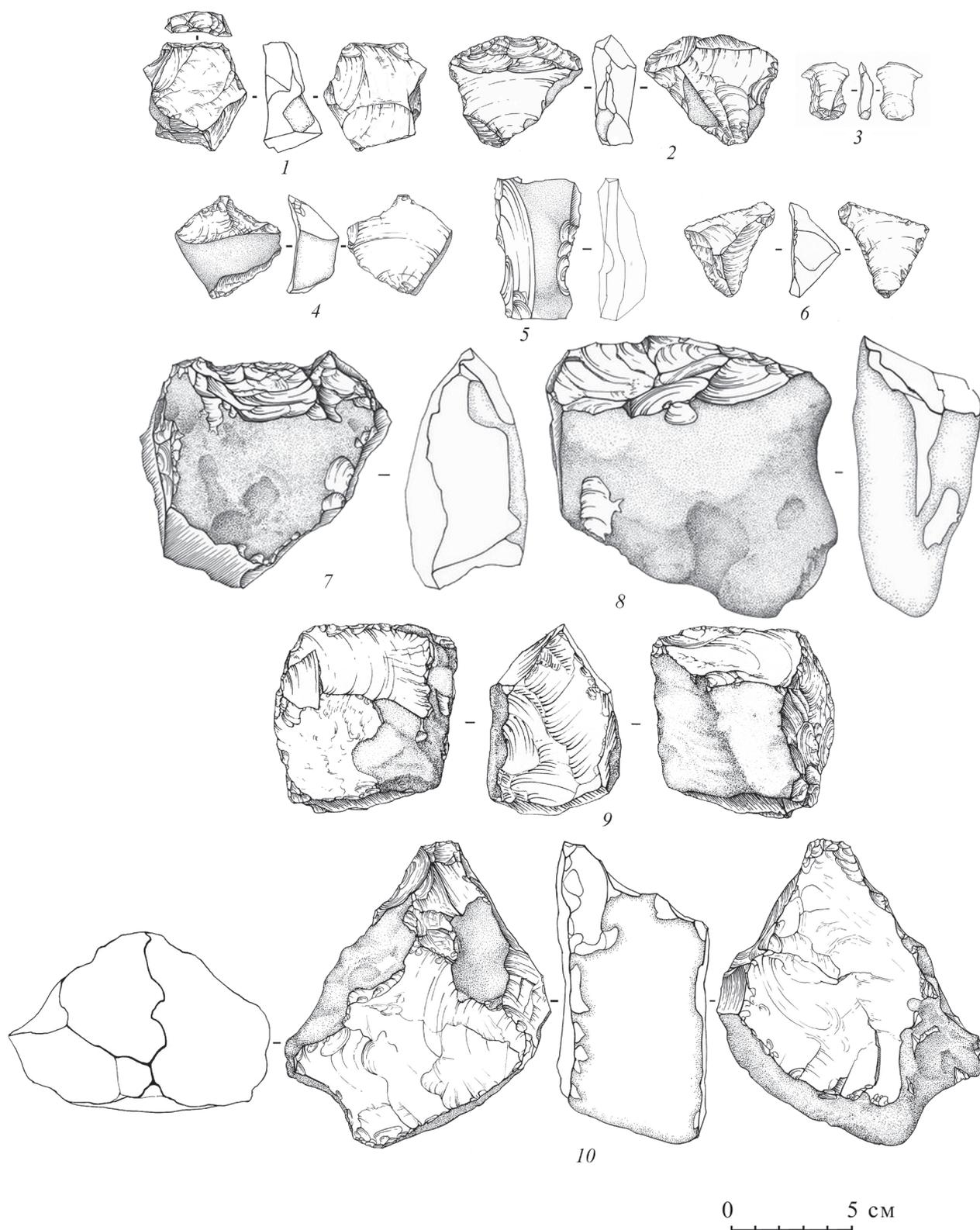
Несмотря на разведочный, по сути, характер вскрытия толщи Мухкая II, часть культурных слоев раскопана на значительной площади (слои 74, 82, 34). Коллекции с этих и ряда других слоев достаточно представительны и позволяют нам говорить об особенностях как всей каменной индустрии памятника, так и отдельных слоев в частности. Применение единых критериев анализа каменного инвентаря делает возможным определить основные и частные характеристики технологии расщепления и типологии орудийного комплекса.

По технико-типологическим показателям инвентарь стоянки подразделяется на две основные группы: группа первичного расщепления, отходы производства и орудийный набор. Группа первичного расщепления включает в себя нуклевидные обломки, желваки со сколами, обломки желваков как с выраженными сколами, так и без снятий, обломки со сколами, просто обломки, отщепы, пластины, обломки отщепов и пластин, чешуйки. Общее количество изделий этой группы составляет не менее двух третей всего инвентаря для каждого слоя. В качестве нуклеусов выступают такие категории находок как желваки со сколами, нуклевидные обломки, обломки желваков со сколами и обломки со сколами. Размеры этих изделий колеблются в пределах от 25 до 5 см. Желваки и их обломки со сколами являются уплощенными либо слегка уплощенными предметами с участками жел-

вачной корки и несущими на себе единичные или множественные негативы снятий сколов. В качестве ударных площадок у них использовались любые поверхности (желвачные, гладкие на сколе), имеющие необходимый угол по отношению к плоскости скалывания. Причем сколы на каждом из таких желваков и их обломков могли сниматься, как с одной площадки, так и с нескольких. Часто на этих предметах мы можем наблюдать лишь апробирование сырья, когда скалывались до трех сколов, однако значительная часть этих изделий несет на себе множество снятий различных направлений оббивки (продольное, поперечное, продольно-поперечное, диагональное, бессистемное и т.д.). Особенностью данных категорий находок является крайне неустойчивый морфологический облик, что может объясняться в первую очередь наличием большого количества некачественного (трещиноватого) сырья и слабым развитием высокопродуктивных технологических приемов расщепления. Масса доступного кремневого сырья не способствовала его экономичному использованию и разработке технологических приемов максимального истощения ядрищ.

Основным продуктом расщепления являлся отщеп. Вместе с пластинами, обломками отщепов и пластин эти категории находок первичного расщепления часто составляют значительное количество коллекций слоев. Часть отщепов получалась при производстве аккомодационной и особенно лезвийной части чопперов. В данном случае отщеп являлся вторичным продуктом оформления крупных орудий. Морфологически отщепы с желваков, обломков желваков, обломков не отличаются от отщепов, полученных при оббивке чопперов. Как заготовки, и те и другие могли одинаково использоваться в орудийном производстве. В коллекции представлены как первичные, так и вторичные экземпляры (см. *рисунок, 3, б*).

К отходам производства относятся обломки и обломки желваков. Эти изделия не содержат четко диагностируемых негативов сколов, могли образовываться в результате усечения желваков и фрагментов желваков (усеченные фрагменты, выступы, «шишки» желвачных конкреций и т.д.), а также выбраковываться

Каменные изделия стоянки Мухкай II. 1 – скребок; 2 – скребло; 3, 6 – отщепы; 4 – шиповидное орудие; 5 – обломок отщепа с ретушью; 7, 8 – чопперы односторонние; 9 – чоппер двулезвийный; 10 – пик.

при расщеплении трещиноватых конкреций кремня, либо могли приноситься на стоянку в качестве потенциальных заготовок для расщепления.

Группа орудийного набора подразделяется на две подгруппы: это крупные орудия с рубяще-режущими функциями (*heavy duty tools*) и небольшие орудия с вторичной обработкой, изготовленные на сколах и обломках (*light-duty tools*) и предназначенные для резания, скобления, прокалывания. Группа крупных орудий включает в себя чопперы, пики и пикообразные орудия. Эти орудия являются основными диагностическими изделиями, характеризующими «технокомплекс чоппера и пика» олдованских стоянок Акушинской котловины.

Чопперы стоянки Мухкай II включают односторонние, двусторонние (см. *рисунок, 7, 8*) и дулезвийные формы (см. *рисунок, 9*). В качестве заготовок для чопперов использовались как целые желваки, так и их фрагменты, усеченные обломки плоских (вплоть до плиток) или уплощенных очертаний. Готовые изделия имеют разнообразную форму – округлую, подчетырёхугольную, подтреугольную и некоторые другие. Оббивка лезвий чопперов имеет различную направленность: поперечную, продольную, диагональную и смешанные между собой разновидности. Оформление лезвий проводилось вдоль края уплощенных сторон заготовки. В большинстве случаев одним из необходимых признаков чоппера является наличие аккомодационного участка. Подчас аккомодационные участки несут следы интенсивной оббивки, выделяясь тщательностью выверенной работы.

Значительное место в каменной индустрии стоянки Мухкай II занимает категория пиков и близких им пикообразных орудий. Пики представлены двумя разновидностями: массивными и удлинёнными. Последние встречаются достаточно редко. Чаше обнаруживаются типы пиков с трехгранным поперечным сечением (см. *рисунок, 10*), реже четырехгранные и с полусферическим (куполообразным) сечением. Морфологически близка пикам категория пикообразных (пиковидных) орудий. Они не всегда содержат в себе все характерные для пиков признаки: трех-, четырехгран-

ное сечение, наличие срединной грани, пятки, более или менее уплощенный контрфронт, заостренный рабочий конец. Пикообразные изделия чрезвычайно вариабельны, не образуют четкой серийности, некоторые из них предстают вполне готовыми орудиями, другие выглядят как выбракованные пики, заготовки пиков или атипичные пики.

Другая подгруппа орудийного набора включает мелкоразмерные орудия (*light duty tools*). Они изготавливались на кремневых обломках, отщепах, слабодиагностируемых сколах, обломках отщепов. В количественном отношении эти изделия представлены в примерно равных пропорциях с массивными орудиями. Среди этих орудий идентифицируются скребла (см. *рисунок, 2*), ножи, долотовидные орудия, скребки (см. *рисунок, 1*), острия, шиповидные изделия (см. *рисунок, 4*), орудия с выемкой, отщепы и обломки с ретушью (см. *рисунок, 5*), обломки с ретушью. Отмечается, что ретушь является распространенным способом оформления рабочих краев орудий. Ретушь самая разнообразная по расположению, размеру, рядности, наклону, регулярности и т.д.

Датировка олдованских индустрий Внутреннего Дагестана помимо собственно археологических методов (технично-типологические аспекты) проводится с широким применением данных естественно-научных дисциплин, включающих геолого-геоморфологические критерии, палеомагнетизм, относительную датировку палеонтологических останков крупной териофауны (Саблин, Амирханов, Ожерельев, 2012. С. 7–19) и мелких позвоночных, изучение споро-пыльцевых данных. Комплексное использование всех этих методов позволяет значительно сузить хронологические рамки формирования тех или иных культурных слоев и пачек слоев. Единая же толща памятника Мухкай II образовывалась в течение длительного времени от 2 до 1 млн л. н.

Каменная индустрия стоянки Мухкай II находит близкие аналоги среди памятников Восточной (DK, FLK NN, FLK North Олдувайского ущелья, Gomboge I в Эфиопии) и Северной Африки (Ain-Hanech, El-Kherba), а также стоянок Айникаб I, Мухкай I, Гегалашур I–III Северо-Восточного Кавказа.

Типологические признаки каменного инвентаря соответствуют показателям классического (типичного) олдована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус, 2007. 52 с.

Амирханов Х.А. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 6–67.

Амирханов Х.А., Грибченко Ю.Н., Ожерельев Д.В., Саблин М.В., Семенов В.М., Трубихин В.М. Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008–2011 гг.) // 1150 лет российской государственности и культуры. М.: Наука, 2012. С. 217–241.

Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 1. СПб.; Великий Новгород; Старая Русса, 2011. С. 16–17.

Ожерельев Д.В. Предварительные итоги исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай II (Дагестан, Россия) // Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане «Карабах в каменном веке». Баку, 2010. С. 217–222.

Ожерельев Д.В. Изучение многослойного памятника раннего палеолита Мухкай II в 2008–2011 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 110–111.

Саблин М.В., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. 2013. № 4. С. 7–19.

МИКРОПЛАСТИНЧАТОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ В ПРЕД- И РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ИНДУСТРИЯХ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УСТЬ-КЯХТА-3)¹

© 2014 г. Г.Д. Павленок

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(lukianovagalina@yandex.ru)*

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Усть-Кяхта-3, микропластинчатое расщепление, селенгинская техника расщепления.

Резюме. Характер пред- и раннеголоценовых каменных индустрий Западного Забайкалья полностью определяет микропластинчатый компонент. Наличие нескольких вариантов изготовления микропластин стало основанием для выделения ряда локальных археологических культур. В статье рассматривается каменный инвентарь слоя 1 двуслойной стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье), которая ранее была предварительно отнесена к селенгинской культуре. Проведенный анализ нуклеусов, технических снятий и сколов-заготовок позволил дополнить предложенную ранее реконструкцию селенгинской техники расщепления торцовых клиновидных ядрищ, которая лежит в основе данной культуры.

Пред- и раннеголоценовое время на территории Западного Забайкалья характеризуется доминированием в каменных индустриях микропластинчатой техники, основанной

на изготовлении и утилизации торцовых клиновидных нуклеусов. Для этого периода разработано несколько культурно-периодизационных схем, в основе которых лежат

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-33041.

технологические особенности изготовления данных ядрищ. М.В. Константиновым (1994) была предложена студеновская культура по материалам студеновских и усть-мензинских комплексов, В.И. Ташаком (2000) – чикойская культура по материалам подъемных сборов с местонахождения Аршан-Хундуй и селенгинская культура по материалам финальноплейстоценовых и раннеголоценовых памятников Усть-Кяхтинского археологического района.

Одним из опорных объектов означенного района является памятник Усть-Кяхта-3. Он располагается на правом берегу р. Селенга, на окраине с. Усть-Кяхта Кяхтинского р-на Республики Бурятия. Памятник был обнаружен Бурят-Монгольской археологической экспедицией, возглавляемой А.П. Окладниковым в 1947 г. Раскопы 1976 и 1978 гг. выявили залегание материала в двух культурных слоях, для которых были получены радиоуглеродные даты 11 505±100 л.н. для слоя 1 (СОАН-1552) и 12 595±150 л.н. (СОАН-1553) для слоя 2. А.П. Окладниковым (1977; 1979) памятник был определен как двухслойное поселение эпохи мезолита. Однако результаты работ так и не были опубликованы, и в обобщающих работах по каменному веку Западного Забайкалья представлена лишь краткая характеристика памятника (Асеев, 2003; Ташак, 2005). По предварительным оценкам В.И. Ташака, стоянка Усть-Кяхта-3 входит в круг памятников селенгинской культуры.

В данной работе предлагается характеристика материалов культурного слоя 1, которые демонстрируют более высокую степень технологического и типологического разнообразия. На настоящий момент его коллекция представлена 33 218 изделиями, 68% из которых составляют отходы производства. Количество артефактов без отходов производства составляет 10 595 экз., из которых нуклеидные изделия насчитывают 95 экз. (0,3%).

В процессе хранения значительная часть коллекции нуклеусов была утеряна. В категории ядрищ для пластин и отщепов было утеряно около 80% артефактов, в категории нуклеусов для микропластин – 50%.

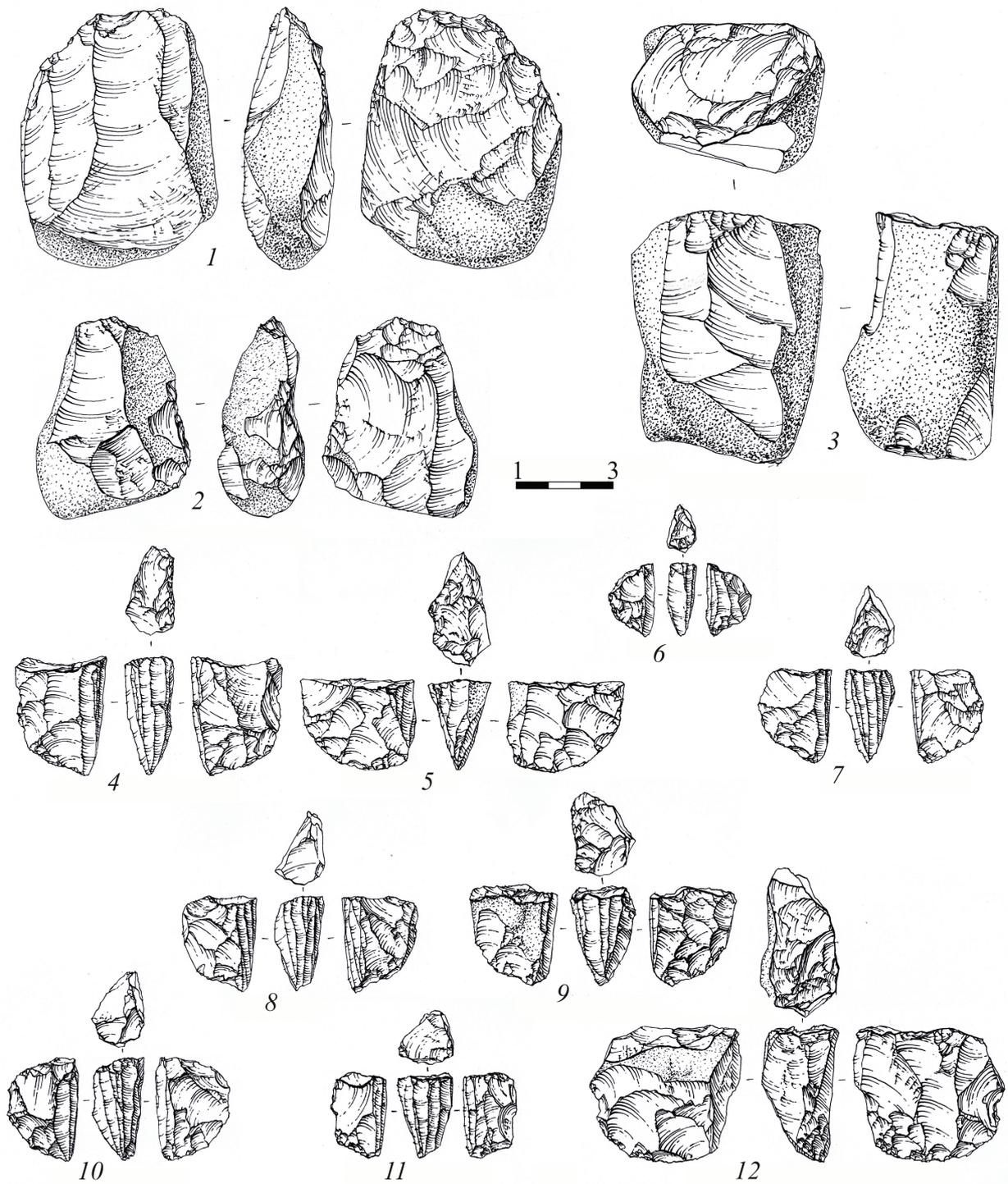
Среди нуклеусов для отщепов и пластин выделяются две основные группы – плоскостные и объемные одноплощадочные монофронтальные изделия. Плоскостные по ко-

личеству значительно превосходят объемные. Для них характерны изначально уплощенные галечные заготовки и сильно скошенные ударные площадки, которые, по сути, представляют собой ребро между фронтом и тыльной поверхностью, часто уплощенной поперечными отщеповыми снятиями. Боковые стороны и основания нуклеусов, как правило, сохраняли галечную корку. С них снимались как пластины, так и отщепы (см. рисунок, 1, 2). Для объемных ядрищ характерны округлые в поперечном сечении галечные заготовки и тщательно оформленные прямые ударные площадки. Они чаще использовались для изготовления пластин (см. рисунок, 3).

Другие типы нуклеусов для отщепов и пластин, которые не сохранились в коллекции, были представлены единичными формами. Это плоскостные двуплощадочные монофронтальные формы, поперечный и двуплощадочный двухфронтальный нуклеусы, ядрища с расщеплением «от ребра» и бессистемного раскалывания. Отдельно выделяются одно- и двуплощадочные однофронтальные нуклеусы с приостренными краями и основанием (Ташак, 1996).

Ядрища для получения мелких заготовок насчитывали 54 экз., из которых сохранился 31 торцовый клиновидный нуклеус. Единобразие форм нуклеусов достигалось оформлением кия мелкими двусторонними сколами и формированием ребра-гребня на тыльной поверхности. Сколы оформления латералей, нередко с пропорциями пластинок, чаще проводились с основания в сторону ударной площадки.

Распределение нуклеусов по длине дает основания разделить их на три группы (от 20 до 25 мм, с 26 до 37 мм и с 38 до 47 мм), которые, как предполагается, отражают начальную, среднюю и крайнюю стадии редукции (см. рисунок, 4–6). Показательны изменения объема рабочей поверхности нуклеусов в зависимости от стадии редукции. Для изделий ранней стадии редукции характерно распространение фронта на одну из латералей (см. рисунок, 7), для средней стадии расщепления – на обе латерали (см. рисунок, 8), тогда как на завершающем этапе раскалывания в половине случаев фиксируется уплощение фронта (см. рисунок, 9).

Нуклеусы слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3.

Площадки нуклеусов практически всегда оформлялись серией мелких поперечных сколов, либо несли следы удаления скола-таблетки. Они имеют наклон не только к контрфронт, но и к одной из латералей. Именно этот признак был использован В.И. Ташаком (2005) в качестве основного при реконструкции селенгинской техники расщепления торцовых клиновидных нуклеусов. В основании этой схемы лежит переориентация истощенных плоскостных нуклеусов с приостренными краями и основанием. После истощения широкого фронта происходило снятие бокового реберчатого скола и перенос расщепления на торец с использованием прежней ударной площадки (Там же).

Автором настоящей работы предлагается иная технологическая схема, согласно которой диагональный наклон площадки формировался уже в процессе утилизации торцового нуклеуса. Это достигалось путем снятия мелких массивных сколов с угла между фронтом и латералью (см. *рисунок, 10, 11*). Учитывая специфическую морфологию ударных площадок плоскостных одноплощадочных монофронтальных ядрищ, которые фактически представляет собой ребро между фронтом и контрфронтом, можно предположить, что часто для продолжения утилизации с узкого фронта они переориентировались основной площадкой вниз. В этом случае прежняя дуга скалывания становилась килем торцового ядрища, а в зоне массивного необработанного основания появлялась возможность сформировать новую ударную площадку. Признаки подобной переориентации возможно проследить по плоскостным ядрищам, а также по заготовкам торцовых клиновидных нуклеусов. Килевая часть этих изделий асимметрична – киль смещен к одной из латералей. Кроме того, на части торцовых клиновидных нуклеусов наблюдается тенденция, что одна латераль с киля подработана мелкими отщеповыми снятиями, тогда как на другую латераль изделия реализованы крупные пластинчатые сколы, проведенные с основания (см. *рисунок, 12*).

При этом присутствие в коллекции редких крупных ядрищ с приостренными краями и основанием, а также реберчатых снятий (их доля составляет 5%) косвенно указывает на

то, что предложенная ранее схема селенгинской техники также использовалась обитателями стоянки.

В ходе исследования было установлено, что целевыми продуктами расщепления камня в индустрии являлись пластины и микропластины.

Пластины снимались с помощью простого параллельного скалывания с одноплощадочных нуклеусов. Ударные площадки сколов часто не несли следов специального оформления, что компенсировалось частой редуциацией рабочей кромки. Основная часть изделий была получена с помощью некраевого ударного скалывания.

Микропластины, безусловно, являются наиболее стандартизированной категорией сколов, что объясняется их специализированным производством с торцовых клиновидных нуклеусов. Преобладание линейных и точечных ударных площадок, которые составляют порядка 90%, а также регулярная подработка рабочей кромки различными приемами, включая специфическую отжимную редуциацию и абразивную обработку, указывают на использование техники отжима при их производстве.

Сколы с пропорциями отщепов и пластинок можно отнести к категории второстепенных, поскольку снимались они, как правило, в процессе оформления нуклеусов, а не в качестве целевых сколов.

Основным результатом проведенного исследования стало дополнение предложенной ранее (Ташак, 2005) реконструкции селенгинской техники изготовления торцовых клиновидных нуклеусов новым вариантом переориентации плоскостных ядрищ ударной площадкой вниз, что подтверждается морфологией значительной доли нуклеусов, а также показательными техническими сколами. Полученные характеристики слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3 могут быть использованы в качестве основных при проведении корреляций с синхронными комплексами Западного Забайкалья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН и ЧГПИ, 1994. 180 с.

Окладников А.П. Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. 1977. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

Окладников А.П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта-1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. 1979. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

Ташак В.И. Палеолит и мезолит юга Бурятии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1996. 19 с.

Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 59–74.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 129 с.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕХОДА К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ ХУДЖИ¹

© 2014 г. К.К. Павленок^{1,2}, А.И. Кривошапкин^{1,2,3}

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(pavlenok-k@yandex.ru; sharpin@archaeology.nsc.ru)*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул*

³*Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

Ключевые слова: переход от среднего к верхнему палеолиту, технологический анализ, Центральная Азия.

Резюме. Результаты технико-типологического анализа коллекции каменных артефактов, полученной в ходе раскопок стоянки Худжи в 1978 г., позволяют говорить о принадлежности данной индустрии к позднему этапу оби-рахматской культурной традиции. Сопоставление данных, полученных при изучении худжийской и оби-рахматской индустрий, говорит о том, что основной вектор технологических изменений в рамках оби-рахматской модели перехода от среднего к верхнему палеолиту был направлен в сторону увеличения роли объемного расщепления и большей специализации изготовления крупных и средних удлинённых заготовок. Таким образом, можно заключить, что переходные комплексы западной части Центральной Азии в точности не повторяют ни алтайский, ни ближневосточный сценарий перехода к верхнему палеолиту, где развитие индустрий было неразрывно связано с леваллуазской технологической основой и проходило стадию доминирования встречного объемного раскалывания.

Новейшие разработки в области изучения верхнего палеолита Евразии имели результатом выделение отдельных моделей (или сценариев) его формирования в трех крупных географических зонах (Деревянко, 2011). Наряду с прочими выделяется евразийская

модель, объединяющая ряд каменных индустрий Ближнего Востока, Европы и Азии. Их отличает использование нелеваллуазских методов изготовления разноразмерных пластин и пластинок. Внедрение этих методов в технологический репертуар обитателей раз-

¹ Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 12-06-33041, 13-06-12039), РГНФ (№ 12-31-01322, 14-51-00022) и при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом (проект № 2013-220-04-129).

личных регионов могло являться результатом как автохтонного развития, так и замещения аборигенного населения пришлым, либо результатом проникновения технологических знаний с соседних территорий (Мегнин, Бар-Йозеф, 2002; Вишняцкий, 2008; Деревянко, 2011; Кривошапкин 2012). Формирование индустрий на местной основе предполагает наличие преемственности между средне- и верхнепалеолитическими индустриями, а также плавный, постепенный характер перехода к верхнему палеолиту. Подобный сценарий складывания пластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита был прослежен на территории Леванта (Мегнин, Бар-Йозеф, 2002; Менъен, 2012; Meignen, 2007).

Хронологически и содержательно к ближневосточному варианту евразийской модели близок алтайский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту. На этой территории наблюдается непрерывный процесс развития каменной индустрии от начала среднего палеолита (250 тыс. л.н.) до раннего верхнего палеолита (ок. 45 тыс. л.н.) (Деревянко, Шуньков, 2004; Деревянко, 2011).

Что касается территории Центральной Азии, то наиболее ценную информацию о развитии материальной культуры в период перехода от среднего к верхнему палеолиту дают памятники оби-рахматской культурной традиции (Кривошапкин, 2012).

Для каменной индустрии наиболее изученного в настоящий момент гота Оби-Рахмат (Узбекистан) характерно плавное развитие на протяжении 40 тыс. лет (от 80 до 40 тыс. л.н.) (Деревянко и др., 2001; Кривошапкин, 2012). Специфика индустрии заключается в сочетании средне- и верхнепалеолитических черт как в первичном расщеплении, так и в орудийном наборе. Среди имеющихся нуклеусов ведущее положение занимают объемные и торцовые формы для мелких пластинчатых заготовок. Однако для изготовления крупных сколов (пластин и остроконечников) использовались среднепалеолитические плоскостные стратегии расщепления. Леваллуазские формы ядрищ представлены единичными изделиями. Среди сколов значительную роль играют пластинчатые формы, которые являются и основным типом заготовок орудий. Индекс пластинчатости не имеет выражен-

ной тенденции развития/угасания вверх по разрезу, везде демонстрируя весьма высокие показатели. Орудийный набор представлен, главным образом, остроконечными формами, ретушированными пластинами, резцами, скреблами на пластинах и скребками. Леваллуазские остроконечники немногочисленны и представлены в основном изделиями удлинённых пропорций.

Материалы стоянки Худжи (Таджикистан, 42–37 тыс. л.н.) традиционно оценивались исследователями как леваллуа-мустьерский технический вариант (или фация) регионального среднего палеолита (Ранов, Амосова, 1984; Ранов, Лаухин, Ван дер Плихт, 2002), однако с недавнего времени рассматриваются как позднее проявление оби-рахматской культурной традиции (Деревянко, 2011; Кривошапкин, 2012).

Результаты технологического анализа коллекции стоянки, полученной в ходе раскопок 1978 г., позволяют наметить общее направление в технологической эволюции комплексов в рамках оби-рахматской модели перехода к верхнему палеолиту. В отличие от индустрии Оби-Рахмата, в индустрии Худжи фиксируются две отдельные технологические схемы получения пластин и удлинённых остроконечников с изначально объёмных широкофронтальных нуклеусов: схемы простого параллельного и продольно-конвергентного скалывания. Встречное скалывание заготовок, как и леваллуазское расщепление, не играло здесь существенной роли, что свойственно и каменной индустрии гота Оби-Рахмат.

На стоянке Худжи не обнаружены проявления технологии утилизации микронуклеусов для пластинок, широко представленных в индустрии Оби-Рахмата. Однако эти отличия, как представляется, связаны с существенной разницей в качестве используемого сырья, а не с изменениями эволюционного порядка.

В орудийном наборе Худжи также были зафиксированы определенные изменения. Среди типологически выраженных изделий в коллекции Худжи доминируют ретушированные пластины и продольные скребла. Далее идут различного типа удлинённые остроконечники и остроконечные пластины, как интенсивно ретушированные, так и имеющие лишь утилизационную ретушь. Концевые

скребки, хоть и выразительны, не составляют значимой доли в орудийном наборе; единственным экземпляром представлено острие-проколка. Таким образом, инструментарий содержит все характерные для оби-рахматской индустрии типы орудий, за исключением резцов, леваллуазских и мустьерских остроконечников. Учитывая немногочисленность орудийной коллекции стоянки, невозможно с уверенностью сказать, является ли это отображением эволюционных изменений.

Результаты технологического анализа материалов стоянки Худжи позволяют заключить, что основной вектор технологических изменений в рамках оби-рахматской модели перехода от среднего к верхнему палеолиту был направлен в сторону большей специализации изготовления крупных и средних удлиненных заготовок. Также происходило увеличение роли объемного расщепления, которое практически полностью заместило площадное необъемное раскалывание, представленное только в виде тронкированно-фасетированных изделий.

Таким образом, можно заключить, что переходные комплексы западной части Центральной Азии в точности не повторяют ни алтайский, ни ближневосточный сценарий перехода к верхнему палеолиту, где развитие индустрий было неразрывно связано с леваллуазской технологической основой и проходило стадию доминирования встречного объемного раскалывания. Существование этого феномена, вероятно, следует связывать с транзитным характером рассматриваемой территории. Однако полученные результаты подтверждают идею о том, что схожее развитие культуры палеолитического человека на территории Ближнего Востока и Алтая определялось не внешними инфильтрациями, а причинами внутреннего эволюционного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 252 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного

анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 42–63.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 12–40.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

Мегнин Л., Бар-Йозеф О. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательная или прерванная линия развития? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3. С. 12–21.

Меньен Л. Перспективы Леванта в свете проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3. С. 12–21.

Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVIII. / Отв. ред. Б.А. Литвинский, Н.Н. Нигматов, В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1984. С. 11–7.

Ранов В.А., Лаухин С.А., Ван дер Плихт Дж. Первое серийное радиоуглеродное датирование мустье Таджикистана // РА. 2002. № 2. С. 5–16.

Meignen L. Middle Paleolithic blade assemblages in the Near East: a reassessment // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света / Под ред. Х.А. Амирханова, С.А. Васильева, Е.В. Беляевой. СПб.: Петербург. востоковедение, 2007. С. 133–148.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТОЯНКАХ КАМЕННОБАЛКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. Б.Г. Плохенко

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(plohenkobg@yandex.ru)*

Ключевые слова: охотничья деятельность, фаунистические остатки, минимальное количество особей, индекс пищевой ценности.

Резюме. В докладе рассматривается динамика охотничьей деятельности на стоянках каменнобалковской культуры. Исследование проводилось с использованием современных методов анализа фаунистических остатков.

В последнее время поиску закономерностей в механизме взаимодействия природы и человека уделяется все большее внимание. Исследование охотничьего промысла очень важно для понимания этих взаимодействий.

Охотничья добыча для древнего населения была не только источником пищи с высоким содержанием белка, но и источником сырья (шкур, кожа, кость) для изготовления одежды, обуви, покрытий для жилых конструкций, изготовления инструментов и их частей, украшений и топлива для костров.

Для изучения особенностей охотничьего промысла важнейшим источником являются фаунистические остатки, которые обнаруживаются при исследовании археологических памятников. Они свидетельствуют как о характере охотничьей деятельности и способах утилизации добычи, так и о природно-климатической обстановке. Именно поэтому этот вид источников является наиболее информативным.

К сожалению, отечественные исследователи часто не уделяют должного внимания источникам, ограничиваясь только общим рассмотрением видового состава фауны.

При этом в мировой практике давно разработана методика детальных исследований фаунистических остатков, существует не только большое количество научных трудов (Soffer, 1985), но и учебники с детальным описанием методики изучения этого материала для проведения историко-культурных реконструкций

(Reitz, Wing, 2008). Эти же методы использовались и при изучении памятников позднего палеолита Северного Причерноморья (Леонова и др. 2006; Старкин, 2001; Кротова, 2013; Плохенко, 2013).

Главной целью предпринятого исследования было выявление определенных хронологических изменений в охотничьей деятельности, прослеживаемых на материалах разновременных, но однокультурных стоянок Каменная Балка II (КБ II) и Третий Мыс (ТМ).

Для этой работы было решено ограничиться анализом фаунистических остатков лошади и бизона, как наиболее представленных промысловых видов. Для анализа были взяты фаунистические материалы из определенных культурных слоев – базовых стоянок. Для стоянки КБ II это данные трех участков (восточный, западный и юго-западный), выделяемых в основном слое стоянки (даты в интервале 14 557–16 643 тыс. л.н.); для стоянки ТМ – это материалы второго культурного слоя (юго-западный участок), полученные при раскопках 1960, 1990–2012 гг., дата 13 350 тыс. л.н. (Хайкунова, 2011. С. 383–396).

В начале работы при систематизации фаунистического материала все определения видового состава, представленные палеонтологами как «первобытный бизон», «бизон» и «полорогие» были отнесены к общему таксону «полорогие». То же самое было проделано для костей лошади.

Для всего количества костных элементов было определено минимальное количество костей (МКК). При этом количество и соотношение нижних и верхних частей костей рассматривалось отдельно.

Также были проведены вычисления минимального количества особей (МКО) по частям скелета для каждого вида.

Полученное МКО каждой кости, выраженное в процентном соотношении к наибольшему МКО определенной кости, сравнивалось с индексом пищевой ценности (ИПЦ) (Binford, 1978. Р. 72–75). При этом кости были разделены на две категории утилизации (малой и большей степени утилизации) (Marean, 2003). Разделение костей на группы по степени утилизации позволяет более детально рассмотреть избирательность транспортировки тех или иных частей туши на базовый лагерь и их степень утилизации.

Стоит отметить, что на формирование фаунистических остатков влияют такие факторы, как сезон проведения охоты, удаленность места забоя, неудачная охота, природно-климатические условия.

Каменная Балка II. Следует отметить, что практически все кости на стоянках этой культуры были преднамеренно расколоты. Степень раздробленности костей на КБ II не везде одинакова. Больше всего кости фрагментированы на юго-западном участке (Ю-3 участок) памятника.

Всего на стоянке КБ II определено 25 особей лошади и 38 особей бизона.

Лошадь на всех участках представлена в большей мере б. берцовой костью, по которой и было определено МКО. Для бизона МКО определялось по б. берцовой кости только на восточном участке (В участок), на западном участке (З участок) МКО было определено по лучевым костям, на Ю-3 – по плечевым.

На графиках видно, что части скелета с наиболее большим ИПЦ имеют меньшие показатели МКО, чем кости с меньшим ИПЦ (см. рисунок). Это говорит о сильной утилизации наиболее питательных частей туши. Небольшое количество костей слабой степени утилизации указывает на некоторую избирательность в транспортировке охотничьей добычи на стоянку.

Третий Мыс. Фаунистические остатки Ю-3 участка стоянки ТМ имеют большую степень раздробленности, чем на участках КБ II.

Анализ фаунистических материалов Ю-3 участка стоянки ТМ выявил ряд особенностей. Если для стоянки КБ II в целом характерно преобладание костей бизона, то на стоянке ТМ видна обратная тенденция. Фаунистические остатки лошади составили 80%, и только 20% составляют кости бизона. Всего на Ю-3 участке было определено 6 особей лошадиных и 1,5 особей полорогих.

Сравнение данных анализа. На графиках соотношения МКО% с ИПЦ% (см. рисунок) также видны значительные отличия Ю-3 участка стоянки ТМ от стоянки КБ II. Большинство костей на Ю-3 участке стоянки ТМ имеют меньшие показатели МКО%, чем те же кости, на участках стоянки КБ II. Значительную долю костей лошадиных представляют нижняя челюсть и б. берцовая кость, а полорогих – плечевая кость и нижняя челюсть.

Количественный анализ нижних и верхних концов костей лошадиных и полорогих позволил выявить как сходства, так и различия в избирательности и утилизации разных видов на стоянках. Например, соотношения нижних и верхних концов костей животных на стоянках примерно одинаковое, исключением являются бедренная, лучевая и б. берцовая кости. Возможно, это указывает на некоторые изменения в традиции разделки и утилизации охотничьей добычи на ТМ по сравнению с традициями на КБ II (Леонова и др., 2006. С. 219–239).

Особенности состава фаунистических остатков Ю-3 участка стоянки ТМ не обусловлены влиянием сезона проведения охоты, поскольку проведенный сравнительный анализ односезонных (зима – начало лета) участков Ю-3 КБ II и Ю-3 ТМ выявил значительные отличия. На ТМ кости высокой пищевой ценности представлены в меньшем количестве, чем на Ю-3 участке стоянки КБ II.

Стоит отметить, что в период бытования стоянки ТМ обитатели поселения жили в более сухом и холодном климате (Маркова, Кольфсхотен, 2007. С. 462) по сравнению с климатом, соответствующим второму культурному слою КБ II (Леонова и др., 2006. С. 44). Насельники ТМ, вероятно, испыты-

вали некоторый дефицит пищевых ресурсов, вследствие чего происходит увеличение интенсивности утилизации охотничьей добычи.

Как отмечалось выше, большинство костей на стоянках КБ преднамеренно раздроблены. Кости дробились как при приготовлении пеммикана (сушенное мясо), в котором костный жир является необходимым консервирующим элементом (Леонова и др., 2006. С. 229–230), так и в случае нехватки пищевых ресурсов, когда извлекаемый костный мозг и жир непосредственно употреблялись в пищу (Binford, 1978. С. 73.). Пример ТМ, возможно, демонстрирует именно это обстоятельство, которое сказалось на составе фаунистических остатков.

В целом, хочется отметить важность изучения фаунистических остатков, а также необходимость сопоставления полученных данных предложенного анализа с климатической обстановкой в регионе. Этот способ анализа можно применять как для изучения разных культурных традиций и эпох каменного века, так и для более поздних периодов, т.к. он позволяет рассмотреть особенности охоты – важного пищевого ресурса многих периодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кротова О.О. Пізньопалеолітичні мисливці азово-чорноморських степів. Київ: Видавець Олег Філкж, 2013. 420 с.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Науч. мир, 2006. 360 с.

Маркова А.К., Кольфсхотен Т. ван. Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.). М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2007. 556 с.

Плохенко Б.Г. Методы учета и анализа фаунистических остатков в археологии верхнего палеолита // Проблемы археологии Восточной Европы: Мат-лы конф. Вып. 8. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2013. С. 3–7.

Старкин А.В. Пізньоплейстоценові териофауни степової зони юга України: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Київ, 2001. 20 с.

Хайкунова Н.А. Комплексы стоянки Третий Мыс: проблема объединения // Палеолит и мезолит Восточной Европы / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2011. С. 383–396.

Binford L.R. Nunamiut ethnoarchaeology. N.Y.: Academic Press, 1978. 509 p.

Marean C.W. Large Mammal Skeletal Element Transport: Applying Foraging Theory in a Complex Taphonomic System // J. of Taphonomy. 2003. Vol. 1. P. 15–42.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. 533 p.

Soffer O.A. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. N.Y.: Academic Press, 1985. 539 p.

ИРБА-2: НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ПРЕДГОРЬЯХ САЯН

© 2014 г. А.В. Поляков¹, П.Б. Амзараков², О.В. Ковалева²,
С.А. Васильев¹, Г.Ю. Ямских³, Г.Ф. Барышников⁴, Е.Ю. Гиря¹,
Н.Д. Бурова¹, В.С. Зубков⁵

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(poliakov@yandex.ru; sergevas@AV2791.spb.edu; kostienki@narod.ru; ikb@mail.ru)

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан
(petr_amzarakov@mail.ru; kovalevahmk@mail.ru)

³Сибирский федеральный университет, Красноярск
(yamskikh@mail.ru)

⁴Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург
(G_Baryshnikov@mail.ru)

⁵Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан
(zubkoffval2013@mail.ru)

Ключевые слова: Красноярский край, Саяны, поздний палеолит, афонтовская культура.

Резюме. Доклад посвящен предварительным результатам работ, проведенных в 2012 г. в Красноярском крае по трассе строящейся железной дороги Кызыл – Курагино. Во время исследования многослойного поселения Ирба-2 ниже культурных напластований бронзового века были обнаружены остатки, относящиеся к плейстоцену. Найдены кости бизона, северного, благородного и гигантского оленя, лошади, медведя, изделия из камня и предметы обработанного рога. Радиоуглеродное датирование указало на финальноплейстоценовый возраст находок (примерно от 12,5 до 11,3 тыс. лет). Комплекс принадлежит к афонтовской культуре, доминировавшей в бассейне Верхнего Енисея в конце палеолита. Среди находок примечательна мраморная галька со следами гравировки.

Открытый Саянской экспедицией ИИМК РАН под руководством А.В. Полякова в 2012 г. памятник расположен восточнее пос. Курагино Красноярского края в долине р. Ирба по ее правому берегу в 2,5 км от устья (координаты 53°54'10.3" с.ш., 92°46'35.2" в.д.). Работы на объекте были связаны с вскрытием участка поймы с поздними археологическими остатками (в диапазоне от скифского времени до неолита – бронзы) на отрезке проектируемого начала ответвления железной дороги Курагино – Кызыл от действующей дороги Абакан – Тайшет. В ходе раскопок, проводившихся вытянутой с юго-запада на северо-восток полосой, состоящей из секторов (пикетов), разделенных бровками, и в целом обозначенной как раскоп 1, ниже голоценовых слоев были обнаружены артефакты, связанные с плейстоценовыми седиментами.

Что касается наличия следов палеолитического человека, то ранее в районе исследования были известны только обнаруженные С.А. Васильевым в 2009 г. на второй (12–14 м) террасе многослойная стоянка Гора Веселовская (расположена примерно в 1 км к юго-востоку от описываемого пункта по другому борту долины) и полностью разрушенное местонахождение Качулька.

Памятник, получивший название Ирба-2, расположен необычно для палеолита и морфологически связан с уровнем современной высокой поймы р. Ирбы (высота 3,5 м над ур. реки). В целом горизонтальная площадка поймы (с небольшим подъемом в юго-западном направлении) имеет юго-восточную экспозицию. К северо-востоку и юго-западу от описываемого участка высокая пойма сменяется низкой (с превышением 1–2 м); низкая же

пойма формирует противоположный правый берег Ирбы. Данный участок доминирует над широкой волнисто-гивистой поймой долины р. Ирбы, над которой возвышаются останцы второй надпойменной террасы.

К участку расположения памятника с северо-запада примыкает уровень 38 м террасы (третьей, судя по гипсометрическим оценкам С.А. Коляго (1967)), сложенной мощной толщей лессов. К сожалению, участок стыка этих уровней нарушен при прокладке железной дороги, что затрудняет геоморфологическое описание. Отметим наличие ясно видимого крупного цирка отседания блока третьей террасы, расположенного к северо-востоку от памятника за железной дорогой. Участок данной террасы протягивается в северо-восточном направлении вплоть до р. Ирбы (район железнодорожного моста). В противоположную сторону уровень террасы постепенно снижается, переходя в участок первой (?) террасы, вскрытый песчаным карьером, расположенным к западу от памятника.

В целом подобная дислокация указывает на вероятное тектоническое опускание обширного участка второй надпойменной террасы до уровня современной высокой поймы, которая причленена к данному геологическому телу. Подобное расположение палеолитического памятника на аномально низких уровнях долины зафиксировано в позднем палеолите Восточной Европы (Авдеево). Что касается Сибири, то на Среднем Енисее Г.В. Григорьевой исследовалась аналогично расположенная стоянка Кокорево VI (Абрамова и др., 1991. С. 85–86).

Культурные остатки залегают на глубинах 0,80–1,00 м. Они были приурочены к слою плотной серо-желтой легкой облессованной супеси, обозначенной при фиксации как слой 3. В высушенном виде супесь трещиноватая, сильно заизвесткована (известь представлена в виде точек, разводов и трубок по следам корнеходов растений), ожелезнена, нарушена ходами землероев и пронизана корнеходами растений. Слой 3 перекрывался современной почвой с археологическими остатками скифского времени и подстилающим слоем плотной желто-коричневой супеси, содержащей остатки эпохи бронзы и неолитического времени. Ниже культуросодержащего слоя,

до глубины порядка 3 м, в глубокой траншее, поставленной вдоль северо-западной стенки сектора 59 и в шурфе, поставленном в юго-восточном углу раскопа 2, была прослежена пачка горизонтально слоистых серых и желто-серых супесей. В этой части разреза на разных глубинах были открыты единичные плохо сохранившиеся фрагменты костей и угольки, не образывавшие единого уровня залегания и, скорее всего, не связанные с деятельностью человека.

Супесь, включающая культурные остатки, может интерпретироваться как эоловое образование, а подстилающие слоистые супеси рассматриваться в качестве перигляциального аллювия террасы. В целом облик разреза соответствует известной по колонкам многочисленных стоянок Енисея второй надпойменной террасе. Вероятен финальноплейстоценовый возраст толщи с культурными остатками, в то время как нижележащие отложения представляют собой типичный позднесартанский аллювий. По костям животных получены радиоуглеродные датировки: 11 300±190 (ЛЕ-10006) и 12 550±120 (ЛЕ-9927).

Распространение предметов в плане было ограничено преимущественно северо-восточной частью раскопа 1 и участком, расположенным к югу от основного раскопа (район отдельно поставленного раскопа 2). Далее в юго-западном направлении находки исчезали, а стратиграфия приобретала иной характер: на нижнем контакте голоценовой части отложений появлялась четко видимая в разрезе пачка оглеенных суглинистых слойков. Можно интерпретировать данное явление как указатель наличия локального влажного заболоченного места. Далее в том же направлении стратиграфия приобретала прежний характер и в крайних юго-западных секторах раскопа 1 встречались единичные разрозненные находки палеолитического времени.

Находки были представлены немногочисленными костными остатками и предметами расщепленного камня. Предметы не образывали единого уровня залегания, они были разбросаны в однородной толще на уровнях 0,2–0,3 м от кровли слоя с перепадом в 10–20 см по глубине. Отметим, что все изделия лежали горизонтально на широкой плоско-

сти, что может указывать на непереотложенность слоя.

Фаунистические остатки представлены костями бизона (преобладает), благородного и северного оленя, лошади и бурого медведя. Сочетание типично степных и лесных видов свидетельствует о мозаичном характере ландшафта в период обитания на стоянке чело- века. Интересно отметить наличие остатков рога крупного оленя *Megaloceros giganteus*.

Основную массу находок составляют предметы расщепленного камня. Все изделия покрыты слоем карбонатной корки. В качестве главного источника сырья обитатели стоянки использовали близлежащие галечники. Среди находок преобладают предметы из серо-зеленых кремневых пород типа кремнистых сланцев, серо-зеленых, черных и серых (до прозрачных) кварцитов, серых и серо-фиолетовых эффузивных пород. Встречены предметы из разнообразных зелено-серых пород, иногда полосчатых. Изредка использовались серо-желтые полосчатые, зеленые, серые, черные, полупрозрачные желтые кремни хорошего качества, желтые и коричневато-красные яшмы, молочно-белый кварц и серо-черный микрокварцит.

Нуклеусы представлены серией крупных предметов на гальках и расколотых гальках, чаще всего одноплощадочных (есть и двуплощадочные формы), брошенных на начальной стадии оформления после создания площадки и пробных снятий. Выразительно одноплощадочное ядрище поперечного варианта с обработанной радиальными сколами выпуклой тыльной стороной (типично леваллуазский прием). Первичные сколы и сколы оживления ядрищ единичны. Кроме того, имеется выразительная серия атипичных и типичных клиновидных ядрищ; один клиновидный нуклеус удлинённый.

Среди сколов доминируют отщепы с гладкими площадками (изредка встречаются двугранные и фасетированные площадки). Пластинчатые отщепы, пластинки и микропластинки немногочисленны и по большей части атипичны. Интересно наличие нескольких леваллуазских острий. На ряде предметов четко читаются следы сработанности; часть отщепов использовалась в качестве ножей.

Кроме того, есть серия осколков галек, угловатых обломков и чешуек.

В орудийном наборе выразительной серией представлены скребла. Они изготовлялись на обломках галек, массивных сколах и отщепах. Среди разнообразных форм отметим наличие одинарных выпуклых, прямых и вогнутых скребел, конвергентных, двойных, бифасиальных форм. Имеется скол оживления лезвия скребла. Есть скребки на отщепах – короткие и укороченные, миниатюрные с выемкой в основании, округлые с обработкой по периметру. Интересно наличие резцов (угловых и срединных). Отметим чопперы, клювовидные и долотовидные изделия, единственный образец пластинки с притупленным краем. Привлекает внимание крупная подтреугольная в плане заготовка листовидного бифаса.

Судя по характеру инвентаря, включающему небольшое число отходов производства при значительной доле сильно сработанных орудий и сколов со следами утилизации, а также брошенных на начальной и конечной стадиях эксплуатации ядрищ, на раскопанной площади процессов расщепления, выделки и переоформления орудий не велось. Такой состав инвентаря типичен для периферийных зон жилых стоянок, куда отбрасывались ненужные предметы.

Общий облик каменного инвентаря памятника однороден. Единичные признаки (наличие выветрелого скола, различия в состоянии поверхностей негативов на другом изделии) указывают на то, что обитатели стоянки подбирали и вторично использовали более древние предметы (распространенная в позднем палеолите Сибири практика). Характер инвентаря с преобладанием скальвания отщепов, наличием развитой микропластинчатой техники, доминированием среди орудий скребел, скребков и долотовидных форм указывает на принадлежность памятника к афонтовской культуре, доминировавшей в Минусинской котловине и ее горном окружении в позднесартанское время (15–10 тыс. л.н.). Ближайшие аналогии изделия с Ирбы имеют в материалах верхних культурных слоев Майнинской стоянки (Васильев, 1996), с которыми они близки и хронологически.

Привлекает внимание обломок ветви рога благородного оленя со следами надрезов и

два фрагмента рога оленя, которые, по данным трасологического исследования и сопоставления с экспериментальными данными (Хлопачев, Гиря, 2010), могут интерпретироваться как ядрище и скол.

Особое значение памятнику придает редкая находка – овальная плоская галька белого мрамора с 37 насечками по краю, крестообразными гравировками на обеих плоскостях и следами незавершенных сверлин (см. рисунок). Ближайшие аналоги находка из Ирбы находит в гравированных дисках из агальматолита, происходящих из старых раскопок Афонтовой Горы II и III (Абрамова, 1962. Табл. LIX; LX, 3). Источников мрамора в районе расположения стоянки не отмечено, вероятнее всего, галька принесена с берегов Енисея, где вблизи той же Майнинской стоянки имеется известное Кибик-Кордонское местонахождение мрамора.

Представляется перспективным продолжение исследования этого необычного объекта. Прежде всего, необходимо получение полного разреза рыхлых отложений террасы до га-

лечника или скального цоколя. В дальнейшем с целью поиска вероятного центра древнего поселения стоит обратить внимание на изучение участка террасы, расположенного к югу и юго-западу от раскопа 2, в районе, примыкающему к мосту через р. Ирба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

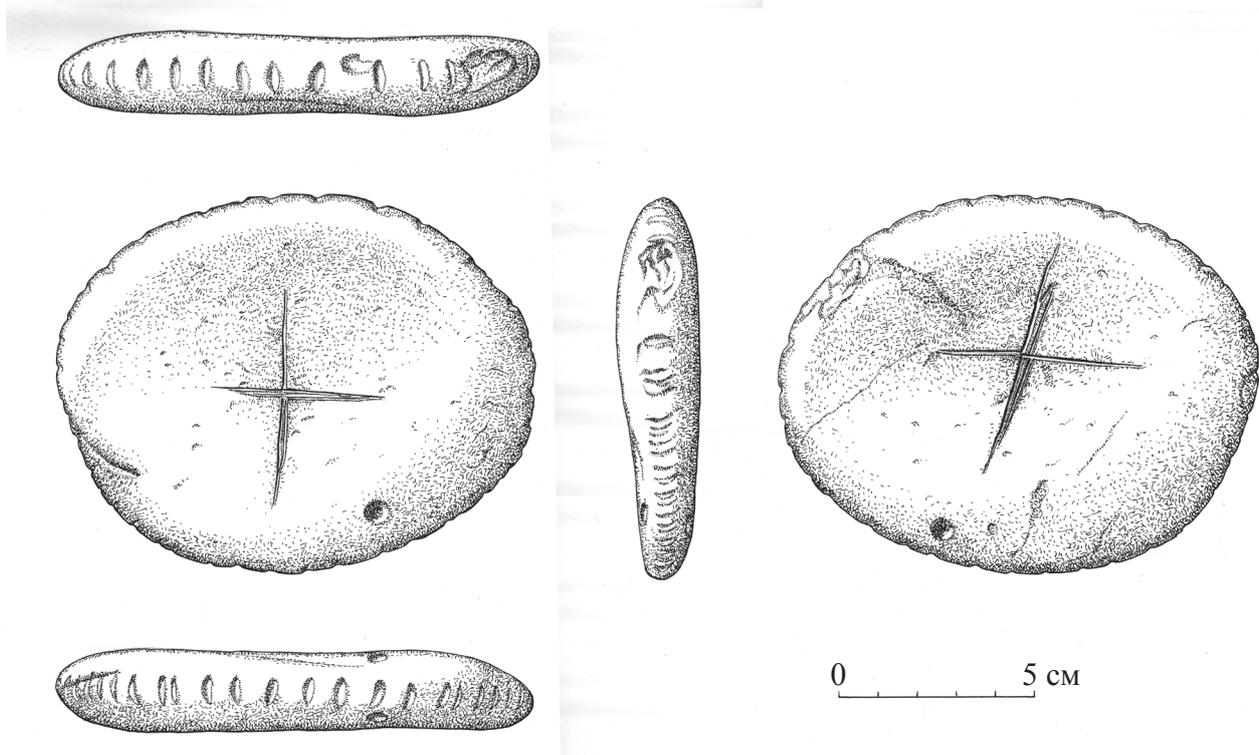
Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Наука, 1962. 85 с. (САИ; Вып. А4-3).

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991. 158 с.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб.: Петербург. востоковедение, 1996. 224 с.

Коляго С.А. Правобережье Минусинской впадины. Л.: Наука, 1967. 121 с.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.

Мраморная галька с гравировкой со стоянки Ирба-2 (рисунок В.Г. Ефимова).

**ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ
ОТКРЫТОГО ТИПА ШУЛЬГАНОВО-4
В ГОРНО-ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ЮЖНОГО УРАЛА**

© 2014 г. М.М. Румянцев

*Научно-исследовательский центр «Наследие», Уфа
(rumiantsevsmike@rambler.ru)*

Ключевые слова: верхний палеолит, пещера Шульган-Таш (Капова), стратиграфия, культовая практика, Южный Урал.

Резюме. В 2013 г. при обследовании окрестностей пещеры Шульган-Таш (Капова) автором была обнаружена многослойная стоянка Шульганово-4. В разрезе четко видны четыре углисто-сажистые прослойки и пятый слой выделен на основе угольков и археологических находок, залегающих в темно-сером среднем суглинке между известняковой щебенкой. Проведенный спорово-пыльцевой анализ показал кудашевское (осташковское) время функционирования очагов и табулдинское (ленинградское) время нижнего слоя посещения. Выявленные археологические находки находят аналоги в расположенной рядом пещере Шульган-Таш.

С момента открытия в 1959 г. палеолитической живописи в пещере Шульган-Таш (Капова) основные усилия разведочных работ на окружающей территории сводились к поиску палеолитических остатков в других пещерах. Необходимость поиска палеолитических стоянок открытого типа, как в окрестностях пещеры Шульган-Таш, так и на Южном Урале в целом, назрела уже давно.

В 2013 г. в ходе сплошной археологической разведки в долине р. Белая возле пещеры Шульган-Таш было заложено 60 шурфов. Выявлены памятники эпохи палеолита – один пещерный и два открытого типа. Так, на известной стоянке эпохи раннего железа Акбулатово-3, расположенной на 3-й надпойменной террасе (14–18 м над урезом воды), в плейстоценовых отложениях выявлены грубые изделия из кварцита эпохи нижнего палеолита (поздний ашель или раннее мустье).

Рассматриваемая стоянка Шульганово-4 расположена в Бурзянском р-не Республики Башкортостан, в 0,2 км к юго-западу от входа в пещеру Шульган-Таш, на правом берегу р. Белая, в устье р. Шульган, вытекающей из пещеры.

Предварительно площадь памятника определена по естественной границе, которая вы-

тянута вдоль русла р. Белая и имеет размеры 20×80 м. Площадка представляет собой ровную вершину пойменного останца, ограниченного с юга и запада действующими руслами рек, с севера и востока – древним руслом р. Шульган. Расстояние до р. Белая составляет 10–12 м, высота над урезом воды около 3 м (276,0 мБС). Площадка и прилегающая пойма полностью поросли лесом и кустарником.

Заложенный шурф (1×2 м) доведен до глубины 1,60 м. На уровне 1 м от дневной поверхности был выявлен культурный слой, перекрытый аллювиальными отложениями. Стратиграфия (по восточной стенке) следующая.

1. Дерн, мощность 0,1 м.
2. Светло-коричневая гумусированная супесь, мощность 0,9 м.
3. Коричневый средний суглинок с включением линз мелкозернистого песка и темно-сажистого плотного суглинка. Мощность пачки 0,5 м. Пачка содержит четыре прослойки сажистого темно-коричневого суглинка мощностью от 1 до 12 см с включением кусочков угля. Слои имеют горизонтальное строение с небольшим уклоном в сторону древнего русла р. Шульган. Расстояние между углистыми прослойками от 5 до 15 см, заполнено корич-

невым средним суглинком и линзами из мелкого речного песка. Границы перехода между прослойками четкие. Нижняя прослойка (4-я линза) насыщена фрагментированными кусками трубочек окиси железа, образованных на корнях растений. Горизонтальное строение залегания сажистого темно-коричневого суглинка, их периодичность и насыщенность углем (также встречены археологические материалы) дает основание предполагать, что это замкнутые очаги.

4. Темно-серый средний суглинок с заполнением мелкой (до 3 см) и средней (до 8 см) угловатой (слабоокатанной) известняковой щебенкой. Мощность от 10 до 15 см, глубина залегания 150 см от дневной поверхности. Слой также насыщен фрагментированными кусками трубочек окиси железа.

Научным сотрудником Института геологии УНЦ РАН канд. биол. наук Р.Г. Курмановым были изучены пять образцов, взятых на спорово-пыльцевой анализ.

Первый образец взят из светло-коричневой гумусированной супеси с глубины 0,55 м. Согласно палиноспектру, растительность восстанавливается в виде опушки хвойно-широколиственного и пойменного леса. Под пологом леса и на опушках разрастались папоротники. Уровень залегания слоя и растительность указывают, что формирование происходило в голоценовый период с современными климатическими условиями.

Три образца, взятые из пачки переслаивающихся суглинков и очагов восстанавливают растительность в виде березово-сосновых лесов и открытых пространств с полынно-разнотравными лугами, что характерно для ландшафтов данной территории в кудашевское (осташковское) время (Данукалова, 2010. С. 119), т.е. около 23–10 тыс. л.н. Стоит отметить, что в результате раскопок в 1980-х гг. зала Знаков в пещере Шульган-Таш под руководством В.Е. Щелинского был обнаружен культурный слой, в котором спорово-пыльцевой спектр состоит из пыльцы древесных пород – 30 %, травянисто-кустарниковых растений – 66%, спор – 4% (Щелинский, 1997. С. 30.) и соотносится с полученными данными Шульганово-4 (2-го и 3-го образцов). В этот период происходит похолодание климата, что на территории памятника Шульгано-

во-4 проявилось в слабых по мощности осадконакоплениях.

Пятый образец, взятый из темно-серого среднего суглинка с глубины 1,55 м, характеризует данную территорию как широколиственный лес с примесью хвойных и мелколиственных пород, что характерно для ландшафтов табулдинского (ленинградского) времени (Данукалова, 2010. С. 119), т.е. около 34–23 тыс. л.н. На территории Южно-Уральского региона табулдинское время принято считать межледниковьем, в котором состав флоры был близок к современному, но было суше и прохладнее, в горах была выражена высотная зональность (Там же). Невысокое расположение над уровнем реки этого слоя (всего около 1,5 м) указывает на то, что в эпоху верхнего палеолита эта поверхность являлась пляжем. При всем этом стоит отметить, что сам вход в пещеру Шульган-Таш расположен на 8 м выше уровня реки, что для памятников верхнего палеолита в других регионах не характерно. Кроме того, ниже по течению реки, на высоте 3 м над урезом воды В.Г. Котовым (2009. С. 36) был исследован грот Максютковский с культурным слоем верхнего палеолита. Таким образом, результаты палинологического изучения отложений стоянки и материалы других памятников эпохи верхнего палеолита подтверждают выводы В.Л. Яхимович о том, что 1-я надпойменная терраса (высота 3–4 м) в горных долинах крупных рек Южного Урала относится ко второй половине вюрмского яруса (Бадер, 1965. С. 241).

Изучение стратиграфии и спорово-пыльцевой анализ выявляют систему образования пластов в условиях постоянного контакта с водой, что отразилось и на спорово-пыльцевой переотложенности. Однако пачка переслаивающихся сажистых темно-коричневых суглинков (очаги), имеющая горизонтальное строение, дает основание предполагать, что слои формировались путем постепенного намыва без значительного разрушения подстилающих слоев.

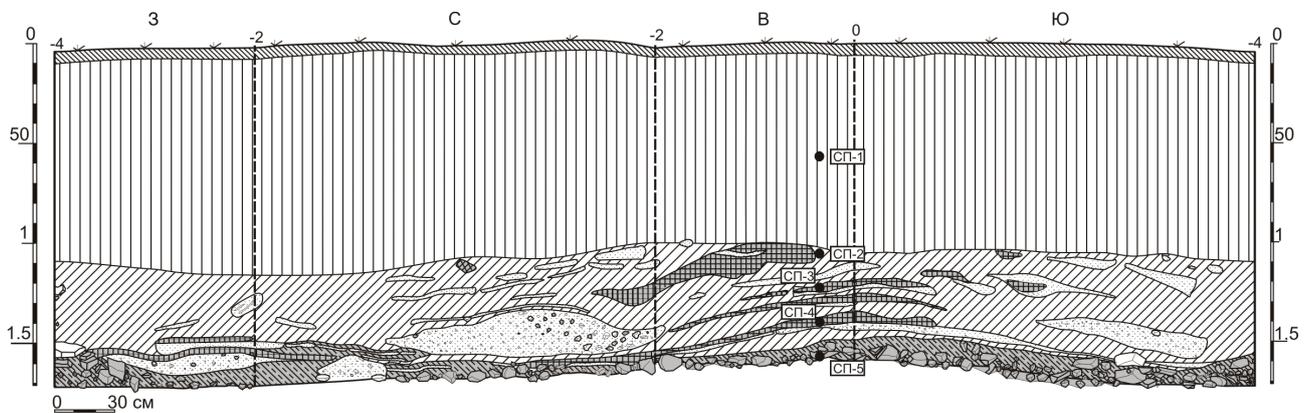
Культурные отложения залегают в пачке коричневого среднего суглинка с линзами очагов и в подстилающем ее слое темно-серого среднего суглинка, предварительная мощность их составляет от 50 до 55 см.

Находки обнаружены в 4-й очажной линзе, они представлены куском обожженной глины (обмазка?) (см. рисунок, 1). Кусок имеет конусовидную форму, с широкой стороны поверхность вогнута (вдавлена?), размер $1,7 \times 1,4 \times 0,9$ см. Цвет вытянутой стороны буро-коричневый, вогнутой поверхности (в месте вдавления) – темный, что указывает на неравномерный обжиг, структура теста рыхлая, пористая. Примесь теста состоит из песка. На поверхности видны неправильной формы борозды, возможно от сгоревших веточек. Края слегка окатаны. Каменные изделия представлены скребком со скошенным лезвием на вторичном отщепе из кварцито-песчаника серовато-коричневого цвета (см. рисунок, 2). Другое орудие на угловатом сколе с гальки

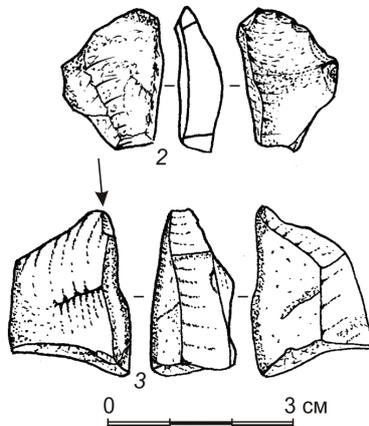
кварцито-песчаника, имеет выделенное ретушью острие (см. рисунок, 3).

Археологический материал из отложений темно-серого суглинка представлен подвеской (или нашивкой?) (см. рисунок, 4). Она изготовлена из плоской сланцевой гальки темно-зеленого цвета размером $0,8 \times 0,5 \times 0,1$ см. Отверстие проверчено с одной из сторон, расположено у края суженной части, и имеет округлую форму диаметром 0,5 мм. В раскопе В.Е. Щелинского (1997. С. 33) в зале Знаков пещеры Шульган-Таш была обнаружена подвеска, также изготовленная из плоской гальки (около 3 см) сланцеватой породы камня, со сверленным с двух сторон отверстием.

Уникальной находкой является галечная скульптура в форме головы человека из глад-

дерн	темный сажистый плотный суглинок с включением кусочков угля	мелкий речной песок
гумусированная супесь (аллювиальные отложения)	речной песок с крупной галькой	темно-серый средний суглинок
светло-коричневый средний суглинок	места взятия образцов для спорово-пыльцевого анализа	нора
		камни

Стратиграфия шурфа и археологический материал стоянки Шульганово-4. 1 – обожженная глина; 2 – скребок; 3 – орудие; 4 – подвеска (нашивка?); 5 – галечная скульптура.

кой известняковой овальной гальки размером 4,0×3,4×1,7 см (см. рисунок, 5). На одной стороне на расстоянии 1 см друг от друга со сдвигом вправо пикетажем выбито два углубления неправильной формы 2,0×1,5 мм, глубиной около 0,5 мм. В нижней части пикетажем выбит желобок линзовидной формы, обозначающий рот человека. Обратная поверхность гальки гладкая, слегка растворена выщелачиванием. Аналог этому изделию имеется в пещере Шульган-Таш, где в ходе исследований первого уступа (Балкона) Каскадной галереи была обнаружена В.Г. Котовым (2012. С. 182) в плейстоценовых отложениях фигурка монтажа из кварцитовидной гальки.

Еще одно изделие представляет собой массивный вторичный скол с гальки из кварцито-песчаника. Ударная площадка сохраняет естественную корку. Края скола оббиты вертикальной ретушью. Ретушь аморфна из-за крупнозернистости материала. Следующий предмет – массивный скол с известняковой гальки, боковые грани сформированы широкими снятиями, произведенными от поверхности скола. Грани заглажены из-за выщелачивания. Еще у одного изделия на массивном сколе известняка край скошенной грани подправлен крутой ступенчатой ретушью среднего размера (до 0,5 см) и двумя сколами оформлено острое выступа. Вдоль правой грани расположена несистематическая ретушь. Поверхность скола и грани заглажены выщелачиванием. Большое количество изделий, в т.ч. орудий из известняка и кальцита, было обнаружено в пещере Шульган-Таш (Щелинский, 1997; Котов, 2010. С. 76). Остеологический материал среди находок отсутствует. Горизонт с темно-серым средним суглинком и известняковой щебенкой полностью выбран не был, на памятнике предполагаются дальнейшие исследования.

Итогом проведенных работ стало выявление пяти горизонтов, насыщенных углями. Согласно результатам спорово-пыльцевого анализа, четыре из них относятся к кудашевскому (осташковскому) времени, пятый – к табулдинскому (ленинградскому). Археологические находки обнаружены в 4-м и 5-м слоях, в 5-м слое выявлены предметы изобразительной деятельности и украшения, что указывает на связь деятельности людей этого

горизонта с культовой практикой. Находка галечной скульптуры, украшения из гальки и изделия из известняка находят аналоги в пещере Шульган-Таш, что указывает на принадлежность этих памятников к единой культурной традиции. Тот факт, что стоянка Шульганово-4 находится на расстоянии всего 200 м от входа в пещерное святилище Шульган-Таш (Капову пещеру), позволяет предполагать существование прямой связи этих памятников между собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Памятники палеолита на Южном Урале и их стратиграфическое значение // Антропоген Южного Урала М.: Наука, 1965. С. 239–245.

Данукалова Г.А. Уточненная региональная стратиграфическая схема квартера Предуралья и основные события на территории Южно-Уральского региона // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18; Вып. 3. С. 107–124.

Котов В.Г. Верхний палеолит // История башкирского народа. Т. 1 / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. 400 с.

Котов В.Г. Новые результаты археологического изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 74–78.

Котов В.Г. Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 179–184.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы междунар. конф. Уфа, 1997. С. 29–38.

РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

© 2014 г. А.Г. Рыбалко

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(rybalko@archaeology.nsc.ru)*

Ключевые слова: палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, Дагестан.

Резюме. В ходе многолетних археологических исследований памятника Дарвагчай-залив-1 было выявлено нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов. На основе комплексного анализа геологической ситуации и технико-типологического облика исследуемых каменных артефактов проведено культурно-хронологическое разделение обнаруженных коллекций и намечены культурные связи археологических комплексов данного местонахождения с памятниками сопредельных территорий.

Стоянка Дарвагчай-залив-1 расположена в Дербентском р-не Республики Дагестан, на крутом юго-западном склоне останца древнекаспийской террасы. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий к равнинной части Западного Прикаспия и представляет собой узкую (до 30 км шириной) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока район огражден Каспийским морем, с запада – известковыми хребтами мелового возраста, а в геоморфологическом плане подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст. В районе местонахождения Дарвагчай-залив-1, на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки (Деревянко и др., 2012).

В 2009 г. на памятнике были проведены полномасштабные рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. В процессе этих исследований артефакты в разной

степени концентрации были обнаружены во всех шурфах на протяжении всей мощности вскрытых отложений. Результатом данных исследований явилось обнаружение нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов.

Предварительный анализ полученных разрезов позволил выделить три большие разновозрастные пачки отложений.

Нижняя часть террасы образована в результате трансгрессий Каспийского моря. Здесь отчетливо фиксируются прибрежно-морские отложения в виде слоистых глин и алевролитов акчагыльского возраста (N_2^{3ak}), на которых залегают бакинские слои (Q_1b), представленные детритовыми песками, конгломератами и монокристаллическими пластами ракушняка-известняка.

Среднюю часть террасы занимают галечно-гравийные отложения. Слабая отсортированность и разная степень окатанности обломочного материала, наличие разнообразного рыхлого заполнителя предполагают пролювиально-делювиальный генезис этих отложений. Приблизительная мощность данной толщи в районе памятника составляет 16,5 м.

Последний, самый верхний пласт представлен покровными отложениями в виде разнообразных супесей и суглинков. Мощность данной толщи составляет 7–10 м.

В полевом сезоне 2013 г. были начаты археологические раскопки на части памятника, где были обнаружены каменные артефакты,

составляющие культурно-хронологический комплекс, датируемый ранним палеолитом (Деревянко и др., 2013).

В ходе работ была вскрыта толща плейстоценовых отложений мощностью до 3 м. В разрезе отчетливо фиксируются три слоя. Археологические материалы залегают в слое 2. Образование данного литологического горизонта рассматривается как довольно длительный многоэтапный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов.

Индустрия памятника Дарвагчай-залив-1 сформировалась на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались гальки и отдельности породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня, которые являются непосредственной составляющей данного слоя. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам.

Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере определяли типы производимых орудий. Так, несмотря на то что наибольшее количество артефактов выполнено из кремня, все макроизделия изготовлены из песчаника и известняка. Кремень темно-серого, почти черного цвета плохого качества, трещиноватый, не дает правильного раковистого излома при скалывании. Поверхность артефактов в основном средне- и слабоокатанная. Также следует отметить наличие в коллекции небольшого количества неокатанных артефактов, у которых полностью отсутствуют следы соударений, образующиеся на каменных предметах при переносе их водным потоком.

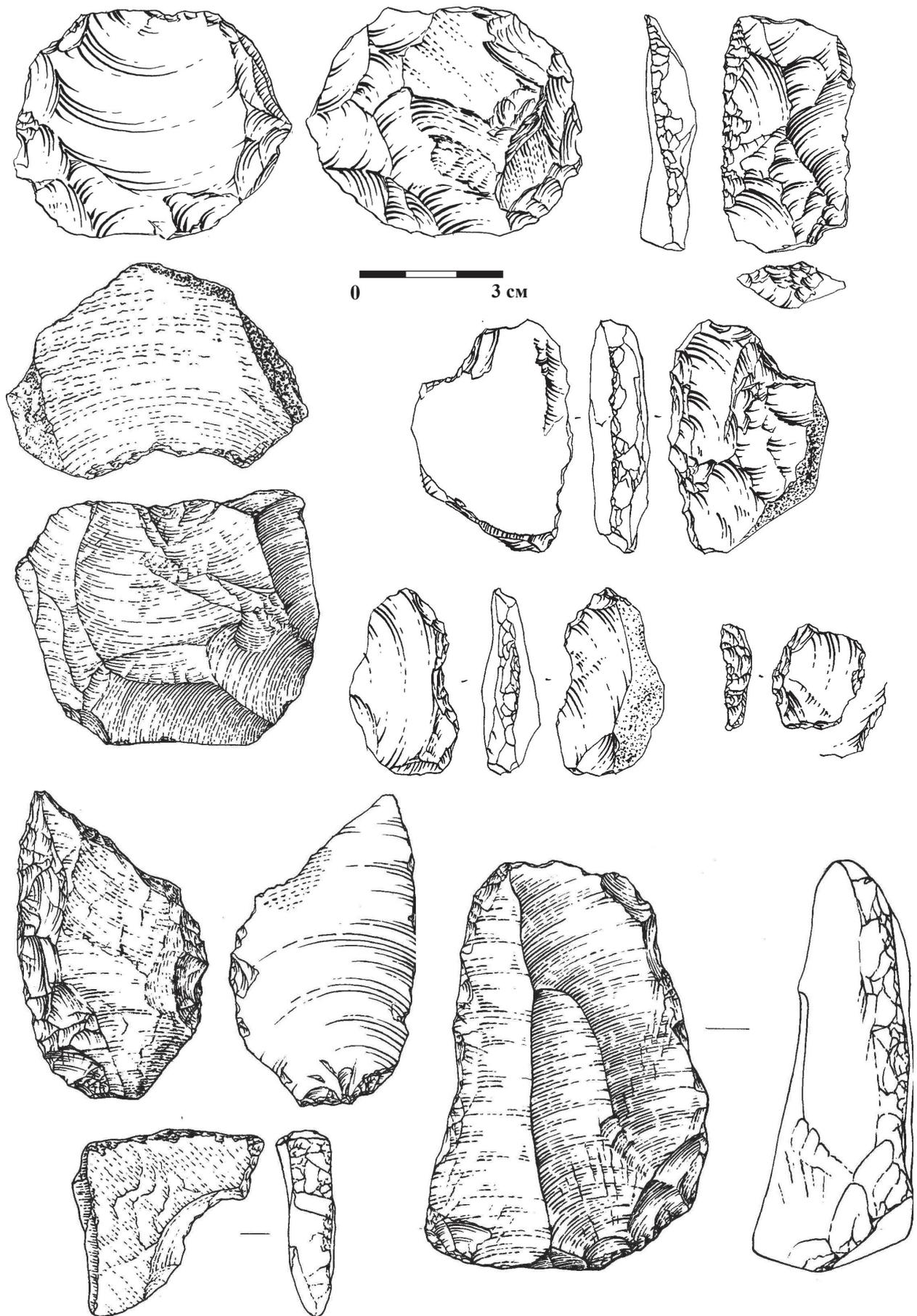
Наиболее яркими типами изделий, характерными для ашельских комплексов, являются т.н. макроорудия. Наиболее полный набор включает: чопперы и чоппинги; нуклевидные скребки; ручные рубила; пики и кливеры. Подобные изделия в коллекции каменных артефактов Дарвагчай-залив-1 присутствуют. Есть галечные орудия в виде чопперов и чоппингов и нуклевидных скребков. Также в коллекции памятника есть одно рубило, изделие представляет собой частичный бифас подтреугольной формы с определенной комбинацией рабочих элементов (два продольных лезвия, оформленные двусторонними сколами, и

приостренный дистальный край). В качестве заготовки использовалась плоская галька из кремнистого известняка. Стоит отметить, что в коллекции стоянки Дарвагчай-залив-1, как и в других ашельских памятниках исследуемого района, классических кливеров нет. Есть одно орудие, выполненное на крупном отщепе, с элементами подправки или утилизации на поперечном лезвии. Именно такие изделия (их еще называют кливеровидными) присутствуют в ашельских коллекциях пещерных стоянок Азых (Азербайджан) и Кударо-1 (Южная Осетия).

Что касается прочих орудий, количество функциональных типов среди них невелико (см. *рисунок*). Это в основном скребловидные изделия, представленные преимущественно одинарными формами. В качестве заготовок помимо сколов широко использовались различные обломки и плитки. Вторая крупная серия представлена острийными и шиповидными формами. Объединяет их наличие четко выраженного острого выступа, оформленного ретушью или клетонскими выемками. Последняя сводная группа состоит из скребков, выемчатых, зубчатых и различных комбинированных форм.

В целом раннепалеолитический культурно-хронологический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Морфологически выраженных нуклеусов единицы. Для получения заготовок также использовался прием дробления. Последнее может быть связано как с примитивной техникой расщепления камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Сколы имеют массивные укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярко выраженный ударный бугорок. Индустрия памятника характеризуется высоким удельным весом орудий, которые составляют до 30 % от общего количества артефактов коллекции.

Высокая концентрация артефактов (для раннего палеолита), полный набор продуктов первичного расщепления (включая мелкие отщепы и чешуйки) и разнообразный набор орудий (в котором выделяются достаточно

Памятник Дарвагчай-залив-1. Каменный инвентарь. 1, 4 – нуклеусы;
2 – скребло-нож; 3, 7, 9 – скребла; 5, 8 – выемчатые орудия; 6 – скребок.

наглядные серии) свидетельствуют о наличии полного набора каменных артефактов, характерного для полноценных раннепалеолитических каменных индустрий.

Для раскрытия специфических особенностей каменной индустрии стоянки Дарвагчай-залив-1 необходимо сопоставление ее с наиболее значимыми, хорошо изученными и более-менее синхронными по возрасту кавказскими археологическими объектами.

Все ашельские памятники Кавказа можно условно разделить на две большие группы. Первую составляют основанные на вулканическом сырье ашельские индустрии Южной Грузии и Армении (армянское или закавказское нагорье, памятники Сатани-дар, Арзни, Джрабер и др.), их еще называют главным очагом ашельских индустрий с бифасами, где собрано большое количество ашельских рубил: по разным данным более тысячи. Характерные черты этих индустрий: развитая техника первичного расщепления (леваллуа, удлиненные, пластинчатые сколы в поздних комплексах), большое количество ашельских бифасов (до 50 % орудийного набора). Бифасы имеют уплощенный профиль, среди них много изготовленных на крупных отщепках – LF технология, широко распространенная в позднеашельских комплексах Африки и Ближнего Востока.

Вторую группу составляют памятники, базирующиеся на осадочных породах: пещеры Кударо-1 (Южная Осетия), Азых (Нагорный Карабах) и стоянка отрытого типа Яштух (Абхазия). Характерные черты: менее развитая техника первичного расщепления, в основном отщеповая, большой процент ретушированных орудий, среди которых преобладают скребловидные и шиповидные формы, малое количество (менее 1%) бифасиальных орудий, много частичных бифасов, для которых отмечается наличие галечной пятки или обуха. Бифасы в целом более массивные, выполненных на отщепках мало.

Раннепалеолитическая коллекция памятника Дарвагчай-залив-1, как и коллекция всего комплекса местонахождений Дарвагчайского геoarхеологического района, наиболее близка второй группе ашельских стоянок Кавказа, среди которых особенно выделяется пещерная стоянка Кударо-1, как лучше всего

изученная и освещенная в археологической литературе.

Если проанализировать основные составляющие каменной индустрии памятника Дарвагчай-залив-1, то становится очевидно, что они имеют много общего, а в некоторых случаях полностью аналогичны ашельскому ассамбляжу Кударо-1. Обе индустрии сформировались на местной полисырьевой базе, представленной известняками, песчаниками и низкокачественным кремнем. Характерными чертами индустрий являются высокий процент орудийных форм и невыразительное первичное расщепление, представленное в основном архаичными одноплощадочными нуклеусами, низкий процент макроорудий (10% – Кударо и 12% – Дарвагчай-залив-1) и практически аналогичный их набор, включающий чопперы, чоппинги, нуклевидные скребки, рубила и кливеровидные орудия. Также следует отметить высокий процент и богатый ассортимент орудий на отщепках, среди которых выделяются большие серии скребловидных, шиповидных, выемчатых, зубчатых и комбинированных изделий. Большое количество и вариабельность шиповидных и комбинированных изделий является особенностью памятников Кударо-1, Азых, Яштух и Дарвагчай-залив-1 и не находит аналогий в других ашельских индустриях Кавказа.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения ашельских индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, низкую стандартизацию указанных орудий. Предполагаемый на основании геологических данных возраст отложений, специфический характер индустрии и облик основных категорий типологически выраженных артефактов позволяют отнести данные археологические материалы к числу среднеашельских комплексов Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование раннего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 год.). Т. XIX / Ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 74–78.

К ВЫДЕЛЕНИЮ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФОРМ АРТЕФАКТОВ В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ¹

© 2014 г. Е.П. Рыбин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(ryber@yandex.ru)*

Ключевые слова: Сибирь, палеолит, культурно значимые артефакты.

Резюме. В докладе анализируются модели распространения, производится определение вариабельности и хронологии распространения начального верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии. Выделяются специфические для этого этапа и территории типы орудий, технология раскалывания и два типа украшений.

Исходя из особенностей технологии расщепления и их хронологии, наиболее древние верхнепалеолитические пластинчатые комплексы Южной Сибири и восточной Центральной Азии являются частью трансевразийского феномена начального верхнего палеолита, возникновение, пути распространения и хронология которого до сих пор остаются предметом дискуссий. Обладает ли начальный верхний палеолит (далее НВП) Северной и Центральной Азии одним центром формирования? Или же возможно проследить существование нескольких географически удаленных друг от друга центров, где могут быть найдены пластинчатые индустрии, имеющие независимое друг от друга происхождение? Среди подходов к реконструкции ва-

риабельности и путей распространения НВП на территории Южной Сибири и восточной части Центральной Азии важную роль может сыграть определение хронологии и географического распределения специфических культурных маркеров (орудий, технологий расщепления и личных украшений).

Острия с утончением поперечного края (Т-1 в таблице). Заготовкой служат пластины, у которых прослеживается конвергенция продольных сторон, заданная или вторичной обработкой или естественной формой пластины. Поперечный край орудия обработан мелкими сколами и/или плоской ретушью, формирующими насад.

Изделия с вентральной подтеской дистального окончания (Т-2). У этих изделий на

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12002.

поперечном дистальном крае с вентральной плоскости нанесены плоские мелкие сколы и ретушь, формирующие рабочий край.

Скошенные острия (Т-3). Дистальный участок продольного края изделия обработан крутой ретушью, сильно модифицирующей края изделия. Она формирует диагональные к оси симметрии орудия контуры рабочего края.

Острия/пластинки с притупленным краем (Т-4). Один из продольных краев орудий обработан отвесной ретушью, формирующей спинку изделия и задающей заостренные контуры изделия.

Листовидные/овальные бифасы (Т-5).

Пластинки с основанием-черешком (Т-6). У них вертикальной, сильно модифицирующей ступенчатой ретушью или мелкими сколами в проксимальной части заготовки

формировалось основание, утонченное с латералей.

Технология нуклеусов-резцов (Тех-1). Нуклеусы изготавливались из краевых пластин, из снятий ретушированного ребра подпризматических нуклеусов и из крупных первичных отщепов. На узкой стороне заготовок прослеживаются негативы встречных снятий узких пластинок. На терминалах заготовок оформлялись сильно скошенные площадки.

Украшения (У1/У2). Это подвески из трубчатых костей, обработанных по окружности прорезанными бороздками (У1), и бусины из скорлупы яиц страусов (У2).

Следует подчеркнуть, что эти предметы оцениваются нами как региональные маркеры. На других территориях они могут не иметь такого значения.

Нами рассмотрено 40 ассамбляжей, происходящих из следующих регионов: Горный

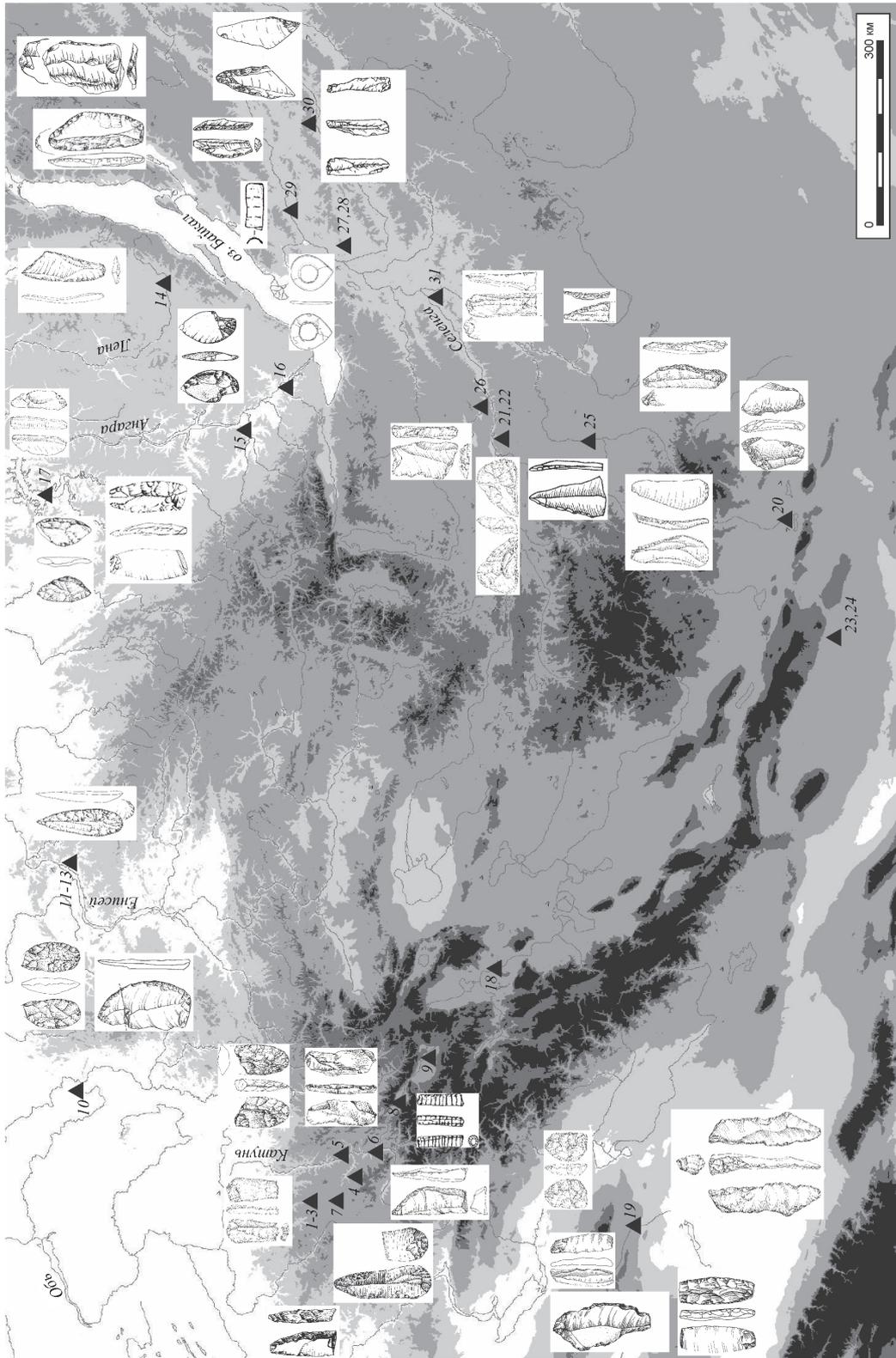
Распределение типов артефактов-маркеров по регионам

Регион	Тип							
	Т-1	Т-2	Т-3	Т-4	Т-5	Т-6	Тех-1	У-1+У-2
Алтай (16 комплексов)	7	9	9	6	7	7	5	3
Верхний Енисей (4 комплекса)	1	1	2	0	4	0	0	0
Центральная Монголия (7 комплексов)	4	4	5	7	4	3	3	2
Монгольский Алтай (3 комплекса)	2	3	3	1	2	1	2	0
Восточная Сибирь (4 комплекса)	3	1	1	0	2	0	1	0
Забайкалье (6 комплексов)	1	6	6	3	0	3	1	4
<i>Всего</i>	18	24	26	17	19	14	12	9

Алтай, Верхний Енисей, Восточная Сибирь, Монгольский Алтай и Джунгария, Центральная Монголия, Забайкалье (см. *рисунок*). Мы исходим из предпосылки, что в регионе, где зародился технокомплекс НВП, или в регионах, сохранивших в максимальной интегральности комплекс специфических культурных признаков НВП, будет прослеживаться наибольшее количество культурных маркеров.

Наиболее распространенным в Южной Сибири и Центральной Азии маркирующим типом являются скошенные острия, присут-

ствующие в 26 ассамбляжах. Почти равные показатели имеют орудия с дистальной подправкой (24 комплекса). Остальные типы орудий встречаются реже, они выявлены в 18–12 ассамбляжах; наиболее редко встречающийся маркер – это технология нуклеусов-резцов, ассоциированная почти исключительно с наиболее ранними индустриями. Персональные украшения выявлены в девяти ассамбляжах. Бусы с нарезками по периметру представлены в трех ассамбляжах, причем в одном комплексе (11-й слой центрального

Расположение стоянок с артефактами-маркерами ранней стадии верхнего палеолита. Избранные артефакты-маркеры согласно регионам их распространения (масштаб произвольный).

1 – Денисова пещера; 2 – Ануй-3; 3 – Усть-Каракол-1; 4 – Кара-Бом; 5 – Кара-Тенеш; 6 – Малояломанская пещера; 7 – Усть-Канская пещера; 8 – Торгун; 9 – Богуты; 10 – Мохово-2; 11 – Усть-Малгат-2; 12 – Дербина IV; 13 – Дербина V; 14 – Макарово-4; 15 – Мальга; 16 – стоянка Арембовского; 17 – стоянки в зоне Братского водохранилища; 18 – Баян-нур-сомон-13; 19 – Лотоши; 20 – Орок-нур-1, -2; 21 – Толбор-4; 22 – Толбор-15; 23 – Чихэн-2; 24 – Чихэн-агуй; 25 – Мойльгынам; 26 – Дурулж-1; 27 – Каменка; 28 – Варварина гора; 29 – Хотык; 30 – Толбага; 31 – Подзвонкая.

зала Денисовой пещеры) они встречены вместе с бусами из скорлупы яйца страуса (Деревянко и др., 2003; Анойкин, 2000).

При анализе территориального распространения маркеров выявляются следующие особенности: в полном составе (8 признаков) культурные маркеры выявлены только на территории Центральной Монголии и Горного Алтая. В Западной Монголии и в Забайкалье представлены 7 маркеров; в Центральной Сибири имеется только 4 маркера, в Восточной Сибири – 5. Специфические формы персональных украшений встречены только на Алтае, в Центральной Монголии и Забайкалье.

Наиболее ранние свидетельства появления наборов культурных маркеров, описываемых нами, прослеживаются в группе среднепалеолитических ассамбляжей долины р. Ануй в Северо-Западном Алтае (слои 18–13 стояки Ануй-3, слой 12 восточной галереи и слой 8 предвходовой площадки Денисовой пещеры) (Деревянко и др., 2003; Деревянко, Шуньков, 2002). Эти артефакты не образуют устойчивых сочетаний, их присутствие фиксируется спорадически, но их морфология выражена и типична. Здесь появляются такие характерные для НВП артефакты, как листовидные и овальные бифасы, орудия с дистальной подтеской, острия с подтеской основания.

В двух хронологически наиболее древних верхнепалеолитических индустриях Горного Алтая – слое 11 восточной галереи Денисовой пещеры (ок. 50 тыс. л.н.) и слое СП-1 стоянки Кара-Бом (>44 тыс. л.н.) – список этих признаков продолжает расширяться, здесь появляется технология получения пластинок на основе нуклеусов-резцов и фиксируются первые персональные украшения (Деревянко и др., 2010).

Цельной и консолидированной группой культурные маркеры появляются на верхнепалеолитических объектах начального верхнего палеолита регионов, расположенных на противоположных концах изучаемой нами территории, – в Горном Алтае на западе и Центральной Монголии и Забайкалье на востоке. Наиболее древние даты для этих объектов составляют 43 тыс., наиболее поздние – 35 тыс. л.н. Здесь набор маркеров составляет интегральную часть с бипродольной пластинчатой кара-бомовской технологией раскалы-

вания. Исходя из определений возраста слоев НВП Денисовой пещеры и Кара-Бом следует предположить, что на Алтае представлены более древние индустрии, обладающие, однако, значительной схожестью с ассамбляжами из Монголии и Забайкалья. Для двух хронологически ранних ассамбляжей из восточного региона – Каменки А и Толбора-4 (горизонты 6, 5) мы отмечаем наибольшее число совпадающих с Алтаем культурных маркеров, включая специфические формы персональных украшений (7 и 8 соответственно). В более поздних индустриях в пределах 30–27 тыс. л.н. как на Алтае, так и в Забайкалье количество культурных маркеров сокращается. Затруднительно определить период появления индустрий с культурными маркерами в Восточной Сибири. Мы предполагаем возраст «макаровского пласта» в пределах первой половины каргинского интерстадиала, скорее всего, в промежутке между 45 и 38 тыс. л.н. Исходя из суммы данных, комплексы РВП Дербинского р-на на Верхнем Енисее должны иметь возраст в пределах 35–27 тыс. л.н. (Харевич, 2008).

На настоящий момент можно говорить о формировании группы культурных признаков южносибирско-монгольского НВП на территории Горного Алтая. Все признаки НВП фиксируются уже в индустрии ВП2 Кара-Бом ок. 43 тыс. л.н. Несколько более поздние датировки (ок. 40 тыс. л.н.) отмечаются для ассамбляжей Забайкалья и Монголии. Здесь, в верхнепалеолитических индустриях Толбора-4 и Каменки А фиксируется тот же самый набор признаков, что и в алтайских ассамбляжах (Лбова, 2000). Местные среднепалеолитические индустрии характеризуются принципиально иным (ситуационно-отщеповым) характером расщепления и орудийного набора. В «переходном» ассамбляже Орхона-1 в Монголии с доминирующим леваллуазским расщеплением отсутствуют культурные маркеры НВП. Невелика вероятность того, чтобы полный набор этих специфических культурных маркеров, сопровождаемый характерной технологией расщепления и схожей структурой орудийного набора, мог независимо возникнуть в этих удаленных друг от друга регионах. Вероятно, произошел перенос комплекса культурных традиций, осуществившийся в

результате относительно быстрой миграции групп верхнепалеолитического населения. Так как, несмотря на малый хронологический зазор между НВП Алтая и Монголии, более древними являются алтайские датировки, мы склоняемся в сторону переноса культурного комплекса НВП в направлении запад – восток. Наиболее предпочтительным ранее представлялся миграционный маршрут вдоль северного края горного пояса Южной Сибири, через Енисей и Прибайкалье. Однако проведенный нами анализ свидетельствует о том, что на территории Центральной Сибири, учитывая ограниченные возможности абсолютного датирования, ранний верхний палеолит появляется уже в несколько более позднее, чем на остальной части Сибири, время. В Восточной Сибири набор признаков выглядит значительно редуцированным и типологически адаптированным к региональным традициям.

Таким образом, наиболее вероятный путь, который мог связывать западную и восточную периферию распространения сибирско-центральноазиатского НВП, пролегал через Монгольский Алтай и территорию Джунгарии. Все известные в Монгольском Алтае ассамбляжи представлены только в условиях поверхностного залегания. Вместе с тем здесь может быть выстроена редкая и спорадическая цепочка комплексов, содержащих в себе устойчивый комплекс культурных маркеров НВП. Эти индустрии распространяются на расстояние около 1500 км через полупустынные среднегорные степи южной части Горного Алтая, систему перевалов в южной части Монгольского Алтая и Северо-Западного Китая, вдоль северной кромки Гобийского Алтая и озерных котловин Монголии до бассейна р. Селенги.

Исходя из характера дисперсии культурных маркеров, можно предположить радиальное распространение культурного набора монгольско-алтайского НВП из двух его основных центров в направлении Центральной и Восточной Сибири. По мере развития локальных традиций происходит размывание первоначального культурного набора, изменение в технологии раскалывания, сокращение частоты встречаемости культурных маркеров. Последние свидетельства этих традиций со-

храняются на периферии основных территорий вплоть до 25–27 тыс. л.н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анойкин А.А. Поздний палеолит Северо-Западного Алтая (по материалам пещерных стоянок): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 20 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Исследование отложений верхнего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 года). Т. 16 / Ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 93–98.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Харевич В.М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 18 с.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА НА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ¹

© 2014 г. Г.В. Синицына

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(gv-sinitsyna@yandex.ru)*

Ключевые слова: Валдайская возвышенность, культуры финального палеолита, характеристика кремневого сырья, хронология, типология.

Резюме. В статье рассматриваются вопросы, связанные с методологией выделения археологических культур финального палеолита Валдайской возвышенности. Первичное заселение территории после освобождения от ледникового покрова представлено материалами стоянок эпиграветтской традиции. В верховьях Днепра на этой основе формируется гренакская культура в хронологических рамках аллеред – дриас III. В верховьях Волги плавное развитие эпиграветта было прервано появлением населения акулловской культуры в дриасе II и, несколько позднее, в аллеред – дриас III, – подольской культуры. Дискуссионными остаются вопросы хронологии свидерской, золоторученской, рессетинской культур, существовавших на Валдае в позднеледниковье параллельно с верхнеднепровской и верхневолжской моделями культурной эволюции.

Хронологические рамки финального палеолита охватывают период около трех тысячелетий от бёллинга до пребореала. В археологической периодизации нижняя граница финального палеолита прослеживается как смена верхнепалеолитических традиций новыми технологиями, что соответствует дриасовому времени. Началом мезолита принято считать чисто условную границу, начало пребореала, когда плейстоценовый перигляциальный фаунистический комплекс резко сменяется голоценовой лесной фауной и, как следствие этого, возникает экономика, связанная с охотой на лесных животных.

Принцип построения региональных хронологических схем основан на корреляции с природно-климатическими периодами по шкале Блитта-Сернандера. Такой принцип применяется как в отечественной, так и зарубежной археологии. Специфика экониши переходного периода от плейстоцена к голоцену заключается в сочетании различных видов популяций тундро-степных и лесных ландшафтов (Маркова, Пузаченко, 2008. С. 167,

189), поэтому локальные данные природно-климатических условий являются основополагающими для характеристики культур финального палеолита. Плохая сохранность культурных слоев финальнопалеолитических стоянок вызвана эрозией почв этого периода, характером осадконакопления, из-за чего затруднено применение данных естественнонаучных дисциплин для определения возраста памятников.

В регионе Волговерховья, где имеются датированные отложения переходного периода от плейстоцена к голоцену, полная стратиграфическая колонка представлена на стоянке Баранова гора (Синицына и др., 2009). Здесь установлено наличие древних отложений: бёллинга и дриаса среднего, аллереда, дриаса III и пребореала. Важно отметить, что на памятнике Баранова гора не прослеживается преемственности в развитии материальной культуры. По ее материалам можно предполагать, что граветтская традиция была прервана похолоданием дриаса II. Резкие климатические изменения, скорее всего, привели к

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Прерывистость и преемственность...», и проекта РГНФ № 13-21-01006/a(м).

оттоку населения из данной области. Появление населения типа Акулово имело здесь эпизодический и кратковременный характер в пределах дриаса II. Начиная с аллерёда на Барановой горе зафиксированы материалы подольской культуры технокомплекса броммелинги. Наиболее полно они представлены на стоянках Подол III/1 и на стоянке Подол III/2. Генезис этого культурного единства связывается с подвижкой населения в приледниковой зоне, миграциями.

В литературе уже рассматривался вопрос о подольской культуре (технокомплекса бромме), о специфике инвентаря и хронологической позиции трех этапов ее развития, а также о положении в системе периодизации каменного века Европы (Синицына, 2000; 2013; Синицына, Синицын, 2002). Однако такой подход к анализу материальной культуры, вызвал дискуссию из-за специфики «экологической и экономической составляющих» (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 145–146).

«Археологическая культура» как гносеологическая категория является инструментом для упорядочения, систематизации материалов. Выделение подольской культуры (технокомплекса бромме), прошедшей в своем развитии несколько этапов, было основано на общепринятых принципах практической археологии. Памятники с устойчивым сочетанием типов инвентаря, объединенные территорией и хронологией принято называть культурами и давать им название. Как пример можно привести выделение на северо-востоке Польши культуры перстуниан (технокомплекса бромме), которая на следующем этапе в дриасе III трансформируется в волкушанскую культуру, территория которой становится шире, чем в предшествующий период и уже охватывает юго-восток Балтики, включая Литву, Белоруссию (Szymczak, 1999). То же самое можно сказать о других культурах типа хенбаска, фосна, комса, распространенных в странах Скандинавии, в основе которых лежит распространение аренсбургских традиций.

Хронологические рамки подольской культуры (как нижняя, так и верхняя границы) также являются дискуссионными (Жилин, Кольцов, 2008). Определение нижней границы подольской культуры концом аллерёда по данным сравнительно-типологического ана-

лиза получило подтверждение результатом палеомагнитного анализа фрагмента культурного слоя (Гуськова и др., 2006; Синицына и др., 2013). Завершающий этап в развитии подольской культуры охарактеризован материалами стоянки Усть-Тудовка I (материалы раскопа 2). Хронология последней определена концом дриаса III на основании данных спорово-пыльцевого анализа отложений, к которым приурочен археологический материал, что согласуется с данными сравнительно-типологического анализа инвентаря. Вопросы о верхней границе подольской культуры находятся в плоскости определения культурной принадлежности стоянки Усть-Тудовка I. Для этапа I подольской культуры характерен инвентарь, типичный для технокомплекса бромме, но, начиная с ее второго этапа, единично появляются косозевийные наконечники стрел на отщепках, которые являются культуроопределяющими для гренской, иеневской культур. На этом основании стоянку Усть-Тудовка I исследователи (Кравцов, 2009; Сорокин, 2006; и др.) относят к иеневской культуре. М.Г. Жилин (Жилин, Кольцов, 2008. С. 107) предлагает такие памятники считать переходными. В настоящее время принято считать началом мезолита чисто условную границу, начало пребореала. То есть, практической основой разделения культур остается палеогеографический критерий. На основании хронологической позиции (дриас III) и сравнительно-типологического анализа инвентаря стоянку Усть-Тудовка I следует отнести к подольской культуре, заключительному ее этапу.

Сложность определения хронологических рамок культур рубежа эпох усугубляется еще и тем, что некоторые позднелеолитические культуры продолжали свое развитие в голоцене, давая непосредственное начало ряду мезолитических культур. В данном случае может быть применен подход известный в литературе, когда хронологические этапы одной культуры имеют названия. Например, для культуры федермессер Й. Хан (Hahn, 1994) описывает два хронологических этапа: Велен и Риссен.

На Валдайской возвышенности, кроме культур, миграционного характера (подольской, свидерской), присутствуют индустрии с эпиграветскими традициями. В бассейне верх-

него Днепра по материалам многослойной стоянки Вышегора I, расположенной в Смоленской обл. выявлена единая линия развития материальной культуры, начиная с бёллинга. По мнению Ю.А. Лаврушина (Синицына и др., 2012) в районе стоянки Вышегора I обнаружен полигональный микрорельеф, который, согласно классификации мерзлотоведов, следует рассматривать как реликтовый. В настоящее время это пока единственный памятник, имеющий определения возраста в этом микрорегионе, при этом анализ его материальной культуры показывает четкое отличие от технокомплекса бромме-лингби, в котором В.П. Ксензов (1994), Л.Л. Зализняк (2005) видели истоки гренской культуры. Отличие прослежено по технике расщепления, по составу инвентаря, по которому можно очертить территорию распространения одной традиции по всему верхнему течению Днепра и его притоков, включая территорию Белоруссии, Литвы и Польши (Kozłowski, 2006; Обуховский, 2007). На основании определения возраста материалов стоянки Вышегора-1, возраст гренской культуры должен быть пересмотрен, т.к. материалы гренской культуры (слой 4а) стратиграфически залегают ниже погребенной почвы (4-й слой) с экскурсом гетенбург.

Гренская, песчорновская, иеневская культуры имеют широкое распространение, общий состав и характер инвентаря. Поскольку хронология гренских материалов (как позднеплейстоценовых) уточнена, а иеневские стоянки в основном датированы раннеголоценовым возрастом, то целесообразно все позднеплейстоценовые памятники этого типа считать гренскими, а начиная с раннего голоцена – иеневскими.

Для периода дриаса III характерна поликультурность. В это время существует индустрии, определяемые как рессетинская, золоторученская, свидерская. Стоянки свидерской культуры в большом количестве представлены на территории Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, но датированные естественнонаучными методами стоянки единичны. На территории России исследованных комплексно свидерских памятников пока не представлено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г., Синицына Г.В., Синицын А.А. Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // Тверской археол. сб. Вып. 6; Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 44–54.

Жилин М.Г., Кольцов Л.В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М.: ИА РАН, 2008. 313 с.

Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. Вип. 8. Київ: Шлях: ИА НАНУ, 2005. 184 с.

Кравцов А.Е. Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит – мезолит Волго-Окского бассейна) // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 60–72.

Ксензов В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1994. 33 с.

Маркова А.К., Пузаченко А.Ю. Комплексы млекопитающих межстадиальных потеплений бёллинг-аллерёд (Bølling-Allerød Interstadial Complex – ВАIC) (<12,4 – >=10,9 тыс. л.н.) // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.). М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2008. 560 с.

Обуховский В.С. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: сб. трудов Междунар. науч. конф. (Могилёв, 23–24 ноября 2006 г.). Могилёв, 2007. С. 157–160.

Синицына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на верхней Волге // Тверской археол. сб. Вып. 4; Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 61–71.

Синицына Г.В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 152–181.

Синицына Г.В., Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г., Кулькова М.А. Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена – начала голоцена северо-запада Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 233–260.

Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова Гора в Тверской области // Тверской археол. сб. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2009. С. 52–70.

Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1: Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 192–204.

Синицына Г.В., Синицын А.А. Локальные варианты технокомплекса бромме // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 153–158.

Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М.: ИА РАН, 2006. 214 с.

Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох. М.: ИА РАН, 2009.

Hahn J. Federmesser // Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la Préhistoire. Paris, 1994. P. 396.

Kozłowski S.K. Mapping the Central/East European terminal Palaeolithic/Early Mesolithic // Archaeologia Baltica. T. 7. Klaipeda, 2006. P. 29–35.

Szymczak K. Late Palaeolithic Cultural Units with Tanged Points in North Eastern Poland // Tanged Points Cultures in Europe / Eds. S. Kozłowski et al. Lublin, 1999. P. 93–101.

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ СРЕДНЕЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ САФРОНОВКА-3)

© 2014 г. В.С. Славинский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(slavinski@yandex.ru)

Ключевые слова: палеолит, культурный горизонт, каменная индустрия, орудийный набор, техника расщепления, Сафроновка-3.

Резюме. В докладе представлены материалы раскопок стоянки Сафроновка-3, работы на которой проводились осенью 2013 г. в связи со строительством магистрального нефтепровода Куюмба – Тайшет. Это одновременная стоянка верхнего палеолита и эпохи бронзы. В ходе работ на стоянке Сафроновка-3 был получен разнообразный каменный инвентарь. Анализ полученного материала дает возможность определить основные технологии обработки камня и виды деятельности проживавшего на территории стоянки населения в эпоху бронзы и верхнего палеолита.

Объект археологического наследия, получивший название Сафроновка-3, был исследован в полевой сезон 2013 г. (Открытый лист № 1117 от 14.08.2013 г., выданный на имя канд. ист. наук А.А. Цыбанкова). Стоянка расположена на правом берегу р. Тайшетка в 3,6 км к югу (вверх по течению) от ее устья. В геоморфологическом отношении археологический объект занимает выположенный участок правого древнего приустьевого мыса

р. Тайшетка, образованного при впадении последней в р. Бирюсу. Относительные гипсометрические отметки участка – 20–22 м от уреза воды р. Тайшетка. Общая площадь памятника составляет 3 545 кв.м.

В результате охранно-спасательных работ было вскрыто 1 199 кв.м. Глубина раскопанной площади колеблется от 1,3 до 2,3 м. Получена коллекция артефактов двух культурно-хронологических горизонтов (более 8 340

единиц). В целом исследованная часть стоянки характеризуется средней насыщенностью культурного слоя и полным отсутствием жилищных конструкций, очагов и хозяйственных ям.

Согласно геолого-стратиграфическим и планиграфическим условиям залегания и «высотным» отметкам каждого артефакта и скопления, каменный археологический материал распределяется на два культурных горизонта. Учитывая многочисленные постседиментационные нарушения отложений памятника (морозобойные клинья, поноры землероев, древние выворотни деревьев и т.д.), максимально уменьшить смешение материала между первым и вторым культурными горизонтами позволяет метод ремонтажа. По предварительным данным, материал первого культурного горизонта относится к одному из периодов бронзового века и насчитывает 792 единицы. Второй культурный горизонт относится к позднему развитому палеолиту (ок. 25 тыс. л.н., финал каргинского – начало сартанского времени) и насчитывает 7 548 единиц.

Первый культурный горизонт представлен керамическим материалом (415 экз.), разнообразным каменным инвентарем (286 экз.) и фаунистическими остатками (91 экз.).

Нуклеусы для получения микропластин представлены подпризматическим и торцовым ядрищами. Для получения пластин среднего и мелкого размера использовались простые одноплощадочные однофронтальные, торцовый, двухплощадочный двухфронтальный нуклеусы, остальные нуклеусы использовались для получения отщепов.

Сколы представлены пластинами и микропластинами, отщепами, техническими сколами, чешуйками, обломками и осколками. Среди сколов первого культурного слоя значительно преобладают отщепы и чешуйки.

Орудийный набор представлен массивным скреблом, скребками, проколками, выемчатыми изделиями, листовидными наконечниками дротиков и заготовкой наконечника.

В связи с малочисленностью коллекции каменного инвентаря первого культурного горизонта можно констатировать разовые операции расщепления камня и такие же, видимо, разовые действия по подправке или изготовлению предметов обихода. Также на

кратковременность стоянки указывает немногочисленный керамический материал первого культурного горизонта. Довольно высокая доля среди орудий листовидных наконечников отражает охотничью составляющую деятельности древнего человека.

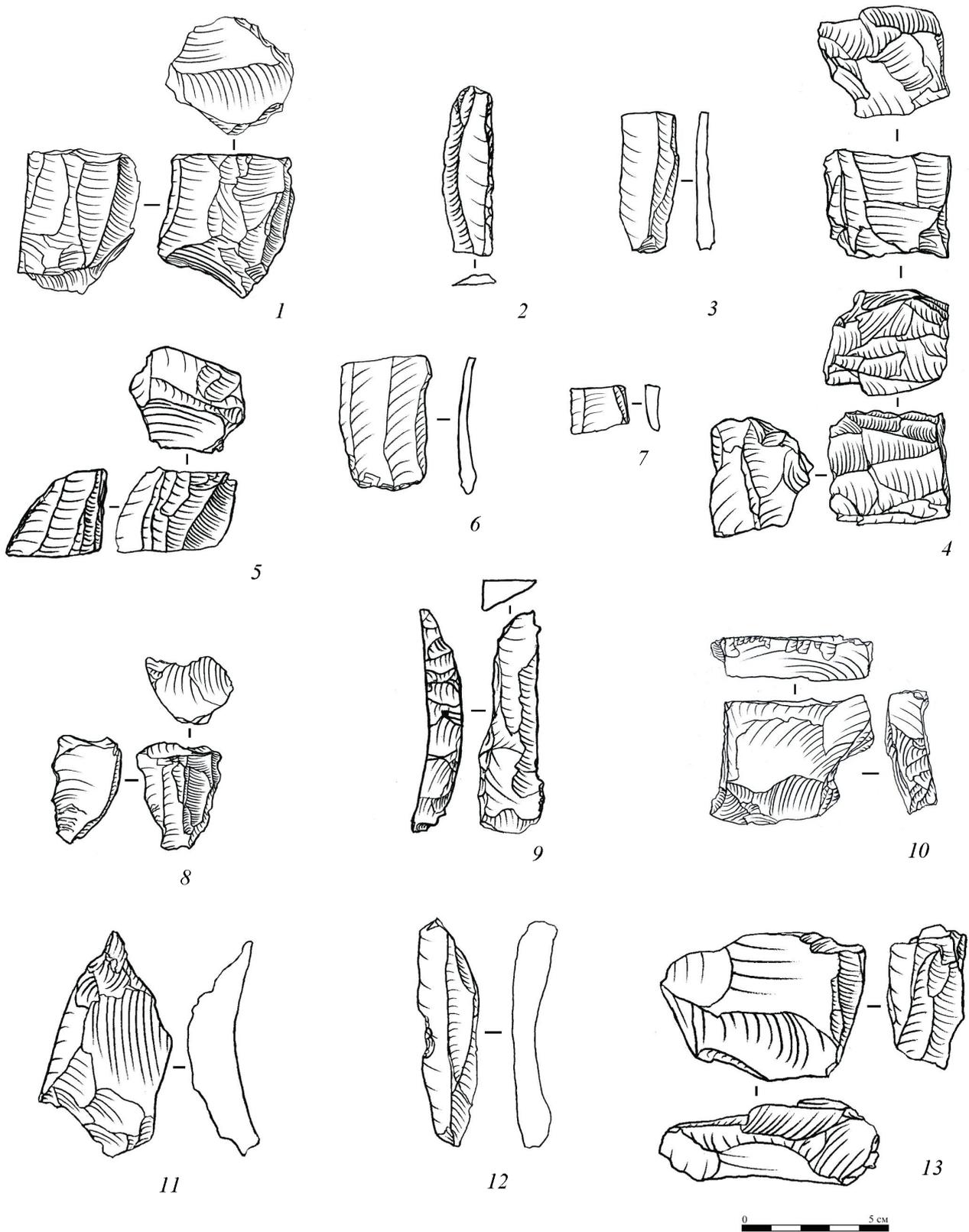
Второй культурный горизонт представлен разнообразным каменным инвентарем (3 962 экз.) и фаунистическими остатками (3 586 экз.).

Нуклеусы для получения пластин среднего и мелкого размера представлены призматическими и подпризматическими, торцовыми с одной и двумя площадками, простыми одноплощадочными однофронтальными, двухплощадочными одно- и двухфронтальными, многоплощадочным и многофронтальными ядрищами. Для получения отщепов среднего и мелкого размера, включая пластинчатые, использовались простые одноплощадочные однофронтальные нуклеусы (см. *рисунок, 1, 4, 5, 8, 13*).

Сколы представлены пластинами и микропластинами, отщепами, техническими сколами (см. *рисунок, 9*), чешуйками, обломками и осколками. Среди сколов, при преобладании отщепов и чешуек, довольно существенна доля мелких пластин и пластинчатых отщепов, видимо, являющихся основной категорией целевых заготовок второго культурного слоя.

Орудийный набор второго культурного горизонта включает 95 экз., из них инструментов для первичного расщепления – 8 экз. Вторично преобразовывались или использовались без данной обработки в качестве орудий 85 сколов (не учитывалось двусторонне обработанное изделие, где морфология заготовки неизвестна, и орудия, выполненные на нуклеусах, гальке и колотых гальках). Данные изделия выполнены на пластинах – 24 экз., отщепках – 28 экз., пластинчатых отщепках – 5 экз., технических сколах – 11 экз., обломках – 15 экз., нуклеидных обломках – 2 экз.

Орудийный набор представлен следующими разновидностями: наковальнями, отбойниками, ретушером, наконечником, скреблами, скребками, ножами, резцами, резцом-скребком, проколками (см. *рисунок, 11*), проколкой – выемчатым изделием, шиповидными изделиями, выемчатыми изделиями (см. *рисунок,*

Каменный инвентарь второго культурного горизонта стоянки Сафроновка-3.
 1, 4, 5, 8, 13 – нуклеусы; 2 – пластина с ретушью; 3 – пластина; 6, 7 – пластины; 9 – технический скол;
 10 – выемчатое на обломке; 11 – проколка на отщепе; 12 – выемчатое на пластине.

10, 12), зубчато-выемчатыми изделиями, долотовидными орудиями, пластинами (см. рисунок, 7), пластинами с притупленным краем (см. рисунок, 6), пластинами с ретушированным торцом, пластинами с ретушью (см. рисунок, 2), пластинчатым отщепом с ретушью, отщепами с ретушью, обломками с ретушью и обломком неопределимого орудия.

Техника расщепления камня второго культурного горизонта на стоянке Сафроновка-3 является типичной для круга памятников позднего развитого палеолита на территории Западной и Восточной Сибири рубежа каргинского – сартанского времени. Она характеризуется подпризматической и простой плоскостной (одно-, двух-, многоплощадочные/фронтальные нуклеусы) техниками получения пластинчатых заготовок, как правило, среднего и мелкого размера, с субпараллельными краями и гранями дорсальных поверхностей. Данный тип заготовки является основным в каменной индустрии палеолитического комплекса для производства набора изделий стоянки путем преобразования их контура ретушью и мелкой оббивкой. Преобладание в коллекции отщепов объясняется двумя причинами. Во-первых, большая их часть является техническими сколами – отходами вышеупомянутых техник расщепления. Во-вторых, немалая доля отщепов является пластинчатыми, т.е., по сути, пластинчатыми целевыми заготовками и отличается от пластин лишь пропорциями. Первичное расщепление камня велось непосредственно в границах территории стоянки из местного галечного сырья (как правило, кварцитовые породы), на что указывают многочисленные скопления и случаи аппликации каменного материала на всех стадиях процесса раскалывания камня – от декорткации до истощения ядрищ. Импортное сырье представлено готовыми орудиями или пластинчатыми заготовками, технические сколы и нуклеусы единичны.

Орудийный набор каменных изделий второго культурного горизонта указывает на несколько видов деятельности, основным из которых, видимо, является обработка шкур. Об этом свидетельствует большое количество скребущих (скребел и скребков) и прокалывающих (проколки, шиповидные изделия) инструментов. Наличие скоблящих (выемчатые

изделия) и режущих (резец, некоторые ретушированные сколы) инструментов косвенно указывает на операции обработки дерева и кости. Другие виды операций, входившие в список деятельности древних обитателей стоянки (например, разделка туш, раскалывание и дробление костей и т.д.), возможно охарактеризовать только с помощью данных трасологии.

Таким образом, основная часть археологического материала относится к рубежу финала каргинского – начала сартанского времени (ок. 25 тыс. л.н.). Каменная индустрия второго культурного слоя представлена позднепалеолитическим «мелкопластинчатым» комплексом, характеристика данной культурной общности отражена в ряде обобщающих работ (Абрамова, 1979; Акимова, 2006, 2011; Лисицын, 2000; Новосельцева, 2011). Ближе лежащие памятники с «мелкопластинчатой» индустрией наиболее изучены на территории Среднего Енисея (Афанасьева гора, Тарачиха, Шленка и др.) и Приангарья (Мальта, Буреть, Игетейский Лог-1 и др.). Уникальность палеолитической коллекции Сафроновки-3 заключается, прежде всего, в ее географическом положении – в промежуточном расположении стоянки между хорошо изученными районами локализации позднепалеолитических стоянок Среднего Енисея и Среднего и Южного Приангарья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России: мат-лы всерос. археол. съезда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 94–96.

Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10; Вып. 7: Археология и этнография. С. 111–118.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Тр. ИИМК РАН. Т. II. СПб., 2000. 230 с.

Новосельцева В.М. Верхний палеолит Осинско-Унгинского геоархеологического района: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

ИЗУЧЕНИЕ КОСТЯНЫХ ИНДУСТРИЙ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ¹

© 2014 г. Т.Е. Солдатова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(*staiss@yandex.ru*)

Ключевые слова: ранняя пора верхнего палеолита, переходные индустрии, костяная индустрия, технико-типологический анализ, стрелецкая культура, ориньяк, шательперрон.

Резюме. Статья посвящена предварительным результатам изучения костяных, роговых и бивневых индустрий памятников ранней поры верхнего палеолита Европы (~40–25 тыс. л.н.). Возникновение обработки кости, рога и бивня в начале верхнего палеолита – довольно дискуссионная тема. Публикации костяного инвентаря отдельных памятников носят описательный характер, обобщение полученных данных или сравнение с другими индустриями не проводится. Однако такое сопоставление может помочь исследовать различие методов обработки разного костного сырья, а при нахождении схожих моментов – определить общее в характере костяных индустрий этой эпохи.

В качестве одного из важных критериев выделения верхнепалеолитической культуры называют определенные изменения в костяной индустрии. Однако при исследовании памятников ранней поры верхнего палеолита основное внимание обычно уделяют изучению каменного инвентаря (Вишняцкий, Нехорошев, 2001; и др.). Публикации костяных, роговых и бивневых находок отдельных стоянок чаще носят описательный характер; обобщение полученных данных или сравнение с другими индустриями, за редким исключением, не проводится (Вишняцкий, 2008; Павлов, 2008; d'Errico, Borgia, Ronchitelli, 2012). Сколько-нибудь полного рассмотрения и сравнения костяных индустрий памятников ранней поры верхнего палеолита Европы на настоящий момент не существует.

По радиоуглеродным датам все культуры и отдельные памятники ранней поры верхнего палеолита, в коллекциях которых присутствуют изделия из кости, рога или бивня, можно разделить на три временных этапа:

1) от 43/40 до 37/35 тыс. л.н.: бытование культур бачокиршен, шательперрон, ориньяк 0 и отдельных памятников – Костёнки-17/II, -14/IVб;

2) от 37/35 до 33/29 тыс. л.н.: бытование культур ольшевиан, улущо, ориньяк 1 и отдельных памятников – Заозёрье, Буран Кая III/С;

3) от 33/29 до 25/24 тыс. л.н.: бытование культур городцовская и молодовская, а также отдельных стоянок – Бызовая и Сунгирь.

Подобное разделение практически полностью соответствует модели формирования верхнего палеолита Восточной Европы, предложенной А.А. Сеницыным для памятников Костёнковско-Борщевского района – начальный верхний палеолит (~42–37 тыс. л.н.); ранний верхний палеолит (~36–30 тыс. л.н.) (Сеницын, 2012).

Принципиальным отличием от модели А.А. Сеницына, является выделение третьего хронологического этапа от 33/29 до 25/24 тыс. л.н. Это связано с тем, что в указанный временной промежуток в Костёнковско-Борщевском районе появляется граветт (~30–27 тыс. л.н.). С другой стороны, ряд культур и отдельных памятников Восточной Европы демонстрируют переходные черты материальной культуры, которых лишены граветтские индустрии. В настоящем исследовании городцовская и молодовская культуры, а

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 13-31-01259.

также стоянки Бызовая и Сунгирь отнесены к финалу раннего верхнего палеолита.

При написании работы были использованы материалы коллекций 85 памятников, учтено порядка 3 тыс. предметов. На основе исследования костяных, бивневых и роговых изделий¹ из коллекций памятников начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита, можно сделать следующие выводы.

На протяжении хронологического отрезка от 43/40 до 25/24 тыс. л.н. в качестве органического сырья для производства орудий использовались и кость, и рог, и бивень. Главную роль играла кость – подавляющее количество изделий на большинстве памятников выполнено из этого вида сырья. Даже если коллекция малочисленная, в ней представлены предметы из кости, в то время как роговые и бивневые находки могут отсутствовать. Ряд исследователей связывает преобладание костяного сырья на памятниках ранней поры верхнего палеолита с тем, что этот материал наиболее доступен для палеолитического человека – кость можно получить из пищевых отходов (Liolios, 2006; Tartar, 2012).

К сожалению, сделать заключение относительно соотношения фаунистических остатков, зафиксированных на стоянках рассматриваемого периода, и изделий, выполненных из кости, невозможно: данные по зооархеологическому исследованию коллекций памятников в полной мере не опубликованы.

На втором месте по использованию сырья на большинстве памятников хронологического отрезка от 43/40 до 25/24 тыс. л.н., стоит рог благородного и/или северного оленя. Подобное широкое использование рога отличает коллекции ранней поры верхнего палеолита от более поздних граветтийских памятников (например, стоянок костёнковско-авдеевской культуры и Хотылево-2), на которых обработанный рог встречается либо в минимальном количестве, либо не встречается вовсе.

Изделия из бивня представлены на памятниках рассматриваемого периода в меньшем

¹ В работе не рассматриваются украшения и предметы искусства, поскольку символическая деятельность верхнепалеолитического человека, а также технико-типологические особенности изготовления данных категорий изделий являются совершенно отдельным направлением работы (см. напр.: Житенёв, 2007).

количестве, чем предметы из других видов органического сырья.

Необходимо подчеркнуть существование закономерности в выборе кости, рога или бивня для производства тех или иных категорий орудий. Кость использовалась, главным образом, для изготовления основных категорий и типов хозяйственно-бытовых предметов: игл, шильев, лоцил, лопаточек, ретушеров и т.п. Рог употреблялся, преимущественно, для выделки ударных орудий и орудий охоты: долот, мотыг, наконечников, «жезлов-выпрямителей» и т.п. Из бивня производили, прежде всего, украшения и предметы мелкой пластики; на ряде памятников зафиксированы немногочисленные бивневые наконечники, стержни, шилья, лоцила (Гайсенклостерле II и III, Эль Кастильо D, Арбрета G).

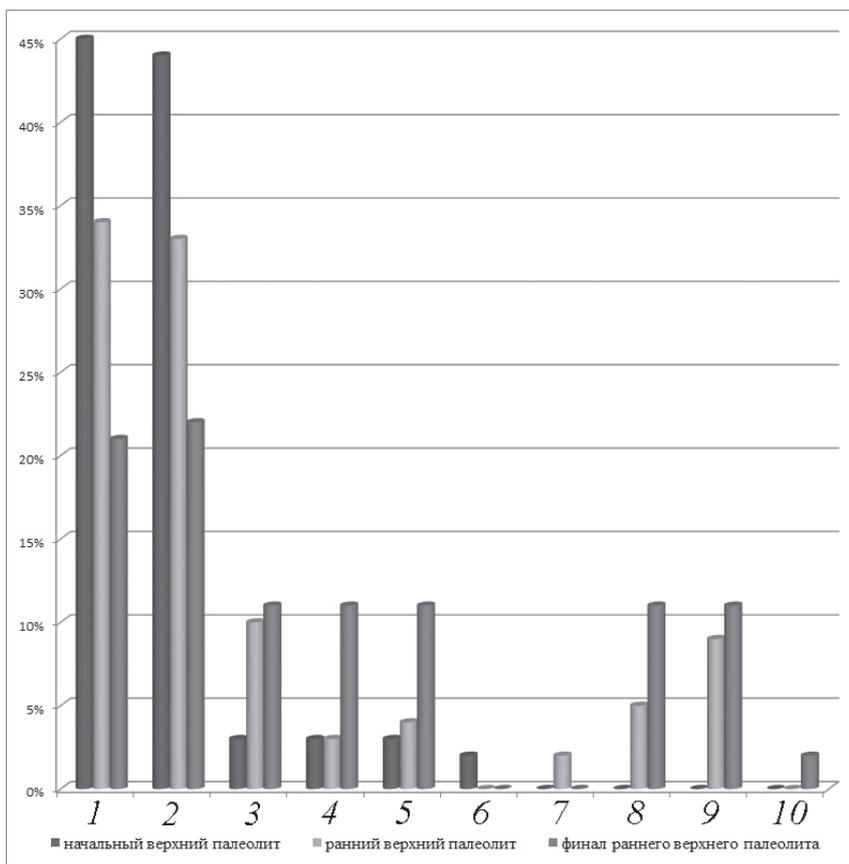
Ряд исследователей отмечают, что в подобном использовании сырья просматривается адаптация к соответствующим механическим свойствам этих материалов (Герасимов, 1941; Семёнов, 1957; Хлопачев, Гиря, 2010; Liolios, 2006; Tartar, 2012).

Таким образом, существенных изменений в применении органического сырья на памятниках начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита не наблюдается.

Методы обработки сырья на памятниках начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита претерпели ряд изменений.

В течение начального верхнего палеолита для кости использовалось, в основном, разбивание или разламывание с незначительной подработкой полученных осколков скоблением; для рога – раскалывание с последующей незначительной подработкой скоблением; для бивня – раскалывание с полной вторичной обработкой скоблением (рис. 1). На двух памятниках (Ле Пиаж К, Лабекко Коба VII) исследователями отмечено использование вырезания и пиления. Было также высказано предположение, что отделение заготовки двусторонним разрезанием является характерной чертой «протоориньяка»; однако эта техника фиксируется только на двух вышеназванных памятниках (Von, 2002).

В эпоху раннего верхнего палеолита продолжается повсеместное использование приемов, характерных для начального верхнего палеолита, но возникло разламывание кости

Рис. 1. Методы обработки сырья на памятниках ранней поры верхнего палеолита Европы.

1 – раскалывание; 2 – скобление частичное;

3 – скобление полное; 4 – резание; 5 – пиление; 6 – вырезание;

7 – прорезание; 8 – шлифование; 9 – разламывание с предварительным надрезом/надпиллом;

10 – продольный скол.

и рога с предварительным надрезом, а также шлифование для вторичной обработки. На редких памятниках культуры ориньяк 1 зафиксировано применение пиления для изготовления наконечников. Ряд исследователей отмечает, что обитатели памятников ориньяк 1 старались использовать более стандартизированные заготовки, чем в шательперроне или в ориньяке 0 (d'Errico et al., 1998; Liolios, 2006).

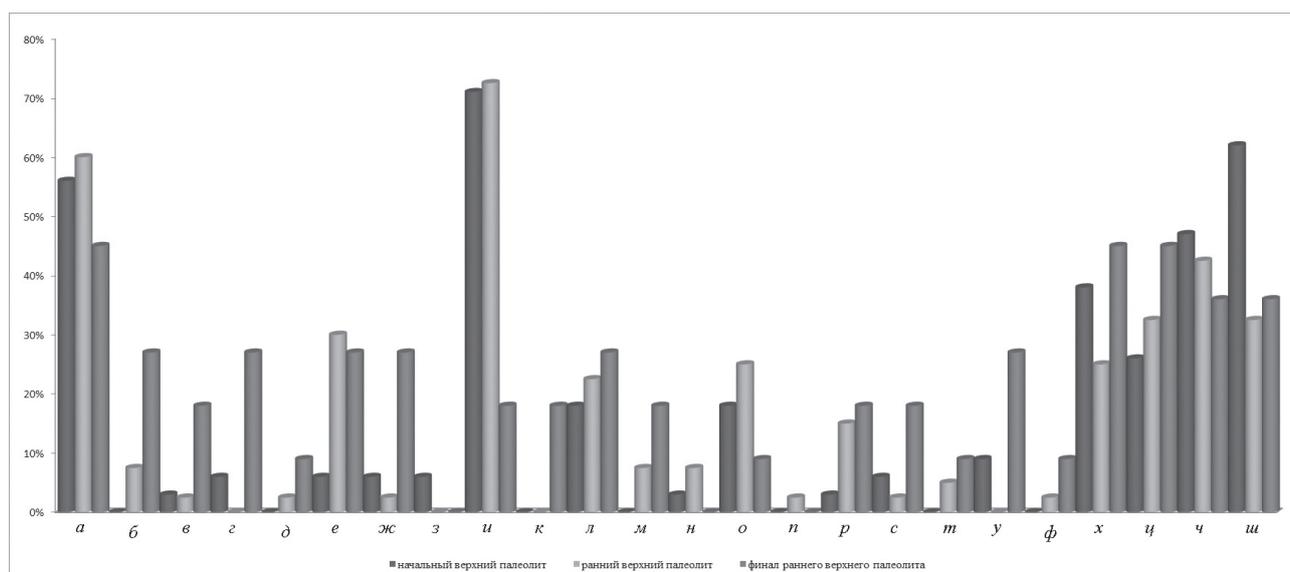
Для памятников финала раннего верхнего палеолита помимо вышеперечисленных техник известно распространение пиления, резания для кости, нанесение продольного скола (?) для рога и бивня.

К сожалению, техники обработки органического сырья, как и операционные цепочки изготовления тех или иных категорий и типов орудий, описаны не для всех коллекций, с которым автору представленного исследования не удалось ознакомиться. Настоящие выводы сделаны по довольно большой выборке памятников, однако они требуют дальнейшего подтверждения.

Наиболее распространенными категориями изделий на памятниках начального и раннего верхнего палеолита являются шилья

и наконечники – они представлены на 43 и 53 стоянках соответственно (рис. 2). Другие категории орудий зафиксированы в гораздо меньшем количестве. По сравнению с начальным верхним палеолитом, орудийный набор раннего верхнего палеолита несколько расширяется. Появляются «жезлы-выпрямители» с одним отверстием и коротким отростком рога или без отростка. Получают большее распространение острия, булавки, рукояти (?).

Стоит отметить, что типологический состав изделий из кости, бивня и рога говорит о довольно ограниченном орудийном наборе, характерном для европейских памятников начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита по сравнению с более поздними периодами (Camps-Fabrer, 1966). С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что в коллекциях представлены предметы из твердых органических материалов, отражающие различные аспекты хозяйственно-бытовой и производственной деятельности палеолитического человека.

Рис. 2. Категории изделий из кости, рога и бивня, представленные на памятниках ранней поры верхнего палеолита Европы. *а* – шилья; *б* – остря; *в* – проколки; *г* – иглы; *д* – булавки; *е* – лоцила; *ж* – лопаточки; *з* – «полировальники»; *и* – наконечники; *к* – дротики; *л* – стержни; *м* – «жезлы-выпрямители»; *н* – изделия с язычком; *о* – ретушеры; *п* – отжимники; *р* – долота; *с* – молотки/отбойники; *т* – рукояти; *у* – мотыги; *ф* – ножи; *х* – отходы; *ц* – другие; *ч* – украшения из кости, рога, бивня, зубов; *ш* – украшения из других материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. 251 с.

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) // Нижневолжский археол. вестн. 2001. Вып. 4. С. 8–24.

Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 65–85. (МИА; № 2).

Житенёв В.С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской Равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 40–61.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1. С. 33–45.

Семёнов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Наука, 1957. 240 с.

Синицын А.А. Формирование верхнего палеолита Восточной Европы: костенковская модель // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: мат-лы Всерос. науч. конф., Москва, 4–6 декабря 2012 г. М.: Таус, 2012. С. 54–58.

Хлопачев Г.А., Гуря Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.

Bon F. L'Aurignacien entre Mer et Océan: Réflexion sur l'unité des phases anciennes de l'Aurignacien dans le sud de la France. Paris: Société préhistorique française, 2002. 253 p. (Mémoires de la Société Préhistorique Française; № XXIX).

Camps-Fabrer H. Matière et art mobilier dans la préhistoire Nord-Africaine et Saharienne. Paris: Arts et métiers graphiques, 1966. 573 p.

D'Errico F., Borgia V., Ronchitelli A. Uluzzian bone technology and its implications for the origin of behavioral modernity // Quaternary International. 2012. Vol. 259. P. 59–71.

D'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation // Current Anthropology. 1998. Vol. 39: S1. P. 1–44.

Liolios D. Reflections on the role of bone tools in the definition of the Early Aurignacian // Towards a Definition of the Aurignacian / Eds. O. Bar-Yosef, J. Zilhão. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia, 2006. P. 37–51. (Trabalhos de Arqueologia; Vol. 45).

Tartar É. The recognition of a new type of bone tools in Early Aurignacian assemblages: implications for understanding the appearance of osseous technology in Europe // J. of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. P. 2348–2360.

**КОСТЯНОЙ И РОГОВОЙ ИНВЕНТАРЬ
СТОЯНКИ И МОГИЛЬНИКА МИНИНО-2
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

© 2014 г. А.Н. Сорокин

*Институт археологии РАН, Москва
(ansorokin@rambler.ru; ansorokin52@gmail.com)*

Ключевые слова: Московская обл., Заболотский торфяник, Минино-2, стоянка, могильник, костяные и роговые орудия, финальный палеолит, мезолит.

Резюме. В статье публикуются костяные и роговые изделия из нижнего культурного слоя стоянки и могильника Минино-2 в Подмосковье. Мелиорация Заболотского торфяника и удаленность памятника от реки привели к значительным повреждениям изделий из органических материалов, однако и в таком виде они представляют значительный источниковедческий интерес.

Минино-2 располагается в Сергиев-Посадском р-не Московской обл., в акватории Заболотского палеоозера. Памятник был открыт в 1997 г. и раскопан на площади 528 кв.м. В нижнем культурном слое, возраст которого определен в диапазоне 8,0–10,2/10,5 тыс. л.н. (Среда обитания..., 2002), изучены четыре погребения людей, захоронение собаки, два жилища и собрано свыше 25 тыс. каменных изделий (Сорокин, 2011), около 8,5 тыс. фаунистических остатков и 608 артефактов из кости и рога (Он же, 2013) (рис. 1, 2). Мелиорация и циклическая аэрация Заболотского торфяника пагубно сказываются на сохранности артефактов из органических материалов: более половины из них фрагментированы и не поддаются интерпретации до типа.

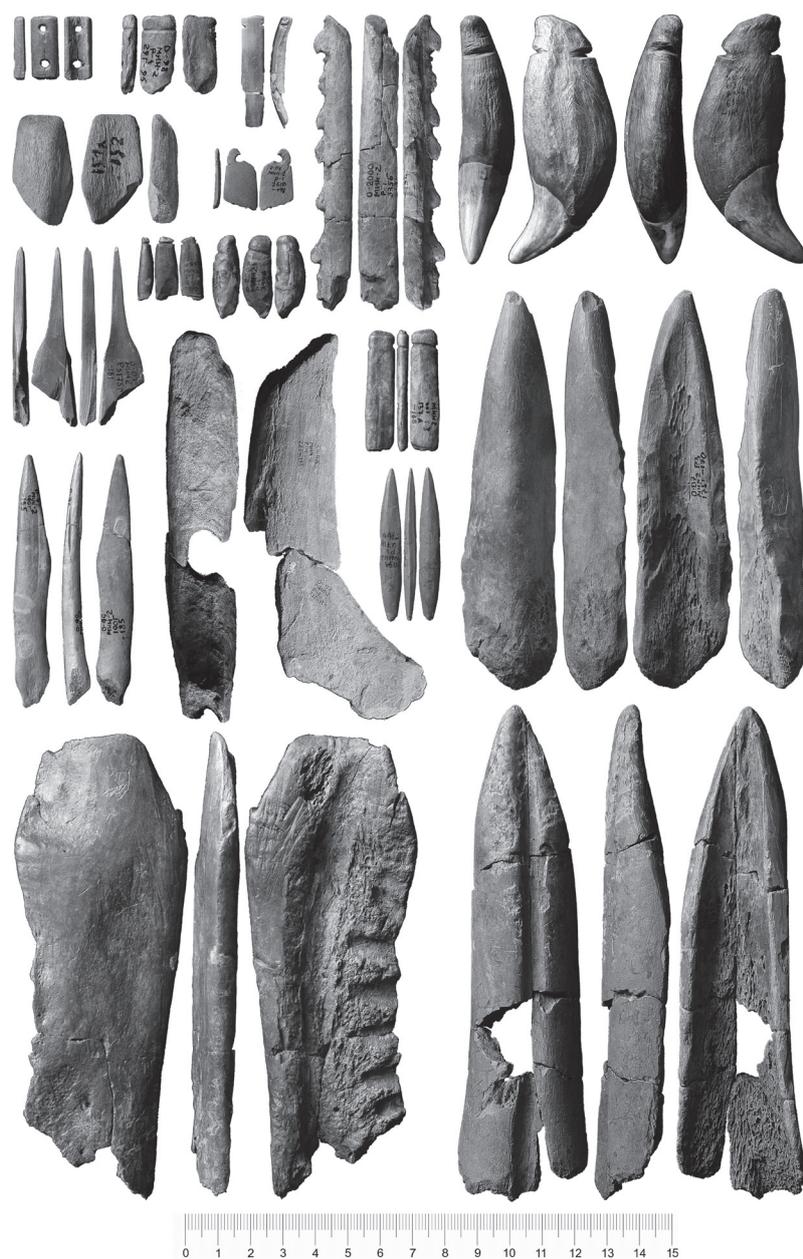
Наиболее массовая категория изделий Минино-2 – массивные симметричные острия (73 экз.), изготовленные из метаподий лося. Обычно они интерпретируются в качестве наконечников копий (Ошибкина, 1997; Жилин, 2001). Для них характерно точечное окончание, прямые или скругленные края заготовок. Насады имеют следы отески и состругивания эпифизов.

Аналогичных массивных изделий с асимметричным боевым окончанием, использовавшихся как наконечники рогатин, в коллекции 12. Им близки асимметричные острия с углом заострения под 45°, которых насчи-

тывается 32 экз. В отличие от наконечников копий и рогатин, у орудий с заточкой рабочего конца под углом 45° окончание линейное, прямое или слабовыпуклое (Жилин, 2001; Лозовский, 2006). В качестве заготовок для них использовались метаподии и плечевые кости лося, ребра и отростки рогов.

По результатам трасологических исследований острия с заострением в 45° интерпретируются в качестве наконечников землекопных орудий и пешней (Жилин, 2001) или резцов-штихелей и резцов-скобелей для обработки древесины (Лозовская, 1997). Визуальный осмотр изделий, происходящих из Минино-2, Замостья-4 и -5, показывает отсутствие на них следов замятости и забитости, что было бы логично при соприкосновении со льдом. Нет на них и выразительных линейных следов, как следствия рытья ям. «Зеркальная» обработка рабочих лезвий и стандартный дуговидный слом, идущий от верхнего прямого края к нижнему, скошенному, прямо указывающий на их кинематику, подсказывают их функцию в качестве наконечников рогатин.

К клевцам относятся 11 массивных остроконечных орудий ударного действия. Они бывают монолитными и составными. Первые изготавливались из лопаты и отростка рога, вторые – чаще всего из одного отростка. Оба типа могут быть простыми и пазовыми. Вставки клевцов изготавливались из изогну-

Рис. 1. Костяные и роговые орудия с участков 1–4 комплекса Миныно-2.

тых массивных отростков, конец при этом заострялся на конус или ограничивался, а обушок, закрепляемый в муфте, стесывался. Целые изделия могут иметь сверлины для крепления к деревянной рукояти.

К наконечникам стрел отнесены острия, насад которых приспособлен для глухого крепления в тонком (до 1 см) древке. Всего их собрано 24. В качестве заготовок использовались расчлененные трубчатые кости копытных. Присутствуют 12 игловидных с коническим острием и уплощенным насадом; четыре весловидных, два – биконических и тупой из локтевой кости лося; еще шесть – пазовые,

включая четыре игловидных однопазовых и один – двухпазовый. Интересен целый миниатюрный биконический наконечник (№ 140) длиной 2,5 см с миниатюрным пазом, куда вставлялся единственный вкладыш.

Зубчатых острий в Миныно-2 семь, все однорядные редкозубчатые, форма зубцов клювовидная, конусовидная и прямая. Достоверный гарпун всего один (№ 216), представлен уплощенным насадом, завершенным обратным зубом. Единственный его сохранившийся боковой зубец – клювовидный. В качестве заготовок для зубчатых острий и гарпунов часто выбирался край трубчатой кости

Рис. 2. Костяные и роговые орудия с участков 1–4 комплекса Монино-2.

с естественным ребром, из-за чего завершенные орудия имеют «грушевидное» сечение.

Ножи довольно многочисленны (25 экз.). Выделяются узкие ножи из ребер (5), широкие – из лопаток лося (14) и ножи из трубчатых костей (6). Обычно они использовались для чистки и потрошения рыбы, мездрения свежих шкур или разделки сырого мяса (Кlemente Конте, Гиря, 2003). Наиболее выразительны плоские ножи из лопаток, которые часто орнаментированы.

Проколки 22 экз., они предназначались для шитья изделий из кожи, шкур и бересты (Семенов, 1968). В качестве заготовок стандар-

тно использовались пластины, нарезанные из метаподий копытных и тонкие трубчатые, особенно птичьи, косточки. Обычно выбирались некрупные экземпляры, природная форма которых требовала минимума обработки по оформлению острия. Эпифизы сохранялись, так как были удобны для захвата рукой.

Рубящие орудия (31 экз.) включают изделия для обработки древесины. Выделяются желобчатые долота, тесла с прямым лезвием, топоры-клинья и проушные топоры, сломанные, как правило, по отверстиям. Для их производства использовались трубчатые кости и рог. Все отличаются минимальной степенью

обработки при оформлении лезвий и выравнивании боковых кромок при отделении заготовки от целой кости или рога.

Категория пазовых или вкладышевых орудий неоднородна, она включает наконечники стрел, копий, кинжалов и клевцов (20 экз.). От простых форм эти орудия отличаются тем, что они являются составными. В качестве заготовок использовались фрагменты ребер, пластины из трубчатых костей, включая метаподии, и роговые отдельныености. Два самых выразительных изделия (№ 193 и 233) в Манино-2, изготовленные из плюсневых костей лося, интерпретированы в качестве наконечников копий. Длина обоих около 30 см. В пазах первого из них сохранились 14 из 20 кремневых вкладышей. Семь микролитов, высыпавшихся из оправы второго, представлены необработанной микропластиной, тремя микропластинами с затупленным ретушью краем, двумя микролитами с затупленным краем и основанием и прямоугольником. Их присутствие в наборе одного предмета лишней раз указывает на условность археологических классификаций.

Интерпретация этих орудий как наконечников копий основывается на наличии короткого (4,8 см), хорошо сохранившегося насада с отпечатками деревянного древка на первом из них, где имеются три сквозных цилиндрических отверстия для крепежа диаметром 3 мм. Рукояти кинжалов из Манино-2 имеют длину до 12 см, соответствующую ширине кисти взрослого человека, и единственное сквозное отверстие в основании рукояти.

Сравнительно разнообразны роговые муфты (7 экз.), служившие для скрепления вставок топоров, тесел и клевцов с деревянной рукоятью. Обычно они изготавливались из перехода ствола рога в лопату. Особенно интересна муфта для клиновидного топора (№ 125), имеющая гравировку из четырех пар пересекающихся линий, образующих косую сеточку.

Восемь изделий с приостренным лопаточковидным концом выполнены из пластин, отделенных от крупных трубчатых костей или лопаты рога. Наиболее неординарный предмет (№ 220) сделан из роговой пластины, тщательно зашлифованной с обеих сторон. Корпус расширяется к одному концу, а к дру-

гому – напоминает стрелку. С внешней стороны четко различим орнамент в виде пучка разнонаправленных линий, от которого отходят пересекающиеся линии, образующие ромбы.

Изделия из нижних челюстей бобра (32 экз.) включают предметы, режущей кромкой которых служила их зубная эмаль. Обычно они использовались как резцы, стамески и скребки (Семенов, 1968). Обработка, кроме диагонально срезанных резцов и костных сумок, практически отсутствует, что позволяет относить данную категорию к разряду естественных орудий, практически ничего не дающих для культурной характеристики рассматриваемой индустрии.

Ретушеров восемь, в качестве заготовок использованы отростки рога лося и клыки медведя, лишенные какой-либо вторичной обработки. Экземпляр (№ 142), изготовленный из отростка рога лося, украшен на внутренней стороне около вершины тремя зарубками и «пучком» коротких линий.

Подвески (38 экз.) чаще всего изготавливались из зубов млекопитающих, подъязычных костей лося и осколков костей. Крепежные сверлины в Манино-2 присутствуют эпизодически, нарезки охватывают не более 2/3 периметра корня. Подобные подвески предназначались для нашивки на одежду.

При совершенно очевидном стремлении обитателей Манино-2 к минимизации собственных усилий по обработке кости и рога необходимо указать на их явное пристрастие к украшению орудий. Помимо уже упомянутых предметов в коллекции имеется 22 фрагмента со следами знаково-символической деятельности (Кабо, 1969), назначение которых выходит за пределы бытовых функций.

В Манино-2 присутствуют четыре предмета, выполненных из фаланги лося с пробитыми в них неровными отверстиями, традиционно называемых коробочками. Помимо этого имеются два фрагмента стругов из ребер лося и фрагмент крючка в виде небольшого прямого округлого в сечении стерженька, жальце и насад которого оказались утрачены. Этим исчерпывается список костяных и роговых изделий Манино-2.

Можно заметить, что сам процесс изготовления орудий в значительной степени дикто-

вался характером исходного сырья. Следует отметить и определенное стремление к минимизации вторичной обработки. Специальное получение формы орудий характерно лишь для пяти категорий – наконечников стрел, зубчатых острий, гарпунов, ножей из лопаток лося и кинжалов. Вариабельность артефактов весьма невелика, над ней в значительной мере довлеют «конституция» исходного сырья и степень сохранности артефактов. Из-за мелиорации торфяника, аэрации отложений и болотного оруденения произошла естественная сортировка коллекции, приведшая к значительной утрате ее информативности.

На основании анализа коллекции каменных изделий совершенно очевидно, что в Манино-2 представлены материалы рессетинской и заднепильевской культур (Сорокин, 2011). Для объективной атрибуции костяного и рогового инвентаря требуется выполнение пространственного анализа артефактов, но эта работа еще ждет своего часа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
- Кабо В.Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969. 407 с.
- Клементе Конте И., Гиря Е.Ю.* Анализ орудий из рога лося со стоянки Замостье-2 (7 слой, раскопки 1996–1997 гг.) // Археологические вести. 2003. № 10. С. 47–59.
- Лозовская О.В.* О функциональном назначении орудий 45° из мезолитических слоев стоянки Замостье-2 // Древности Залесского края: материалы к междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад, 1–5 июля 1997 г. Сергиев-Посад: Изд. дом «Подкова», 1997. С. 74–85.
- Лозовский В.М.* Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье-2 // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2006. С. 200–222.
- Ошибкина С.В.* Веретье-1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.
- Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. М.; Л.: Наука. 1968. 376 с.
- Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / Под ред. В.И. Николаева. М.: ИГ РАН. 2002. 190 с.*
- Сорокин А.Н.* Стоянка и могильник Манино-2 в Подмосковье. М.: Гриф и К., 2011. 263 с.
- Сорокин А.Н.* Стоянка и могильник Манино-2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН, 2013. 448 с.

ТЕРОЧНЫЕ ПЛИТКИ И «КУРАНТЫ» ИЗ ЧУЛАТОВО-2¹

© 2014 г. К.Н. Степанова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(ksstepan@gmail.com)***Ключевые слова:** верхний палеолит, терочные плитки, куранты, следы использования.

Резюме. В первой половине XX в. на верхнепалеолитической стоянке Чулатово-2 (Рабочий ров) в среднем течении р. Десны были найдены орудия, описанные как нижние плитки и куранты для растирания зерен и корней диких растений. В данной работе приведены предварительные результаты анализа следов использования терочных камней.

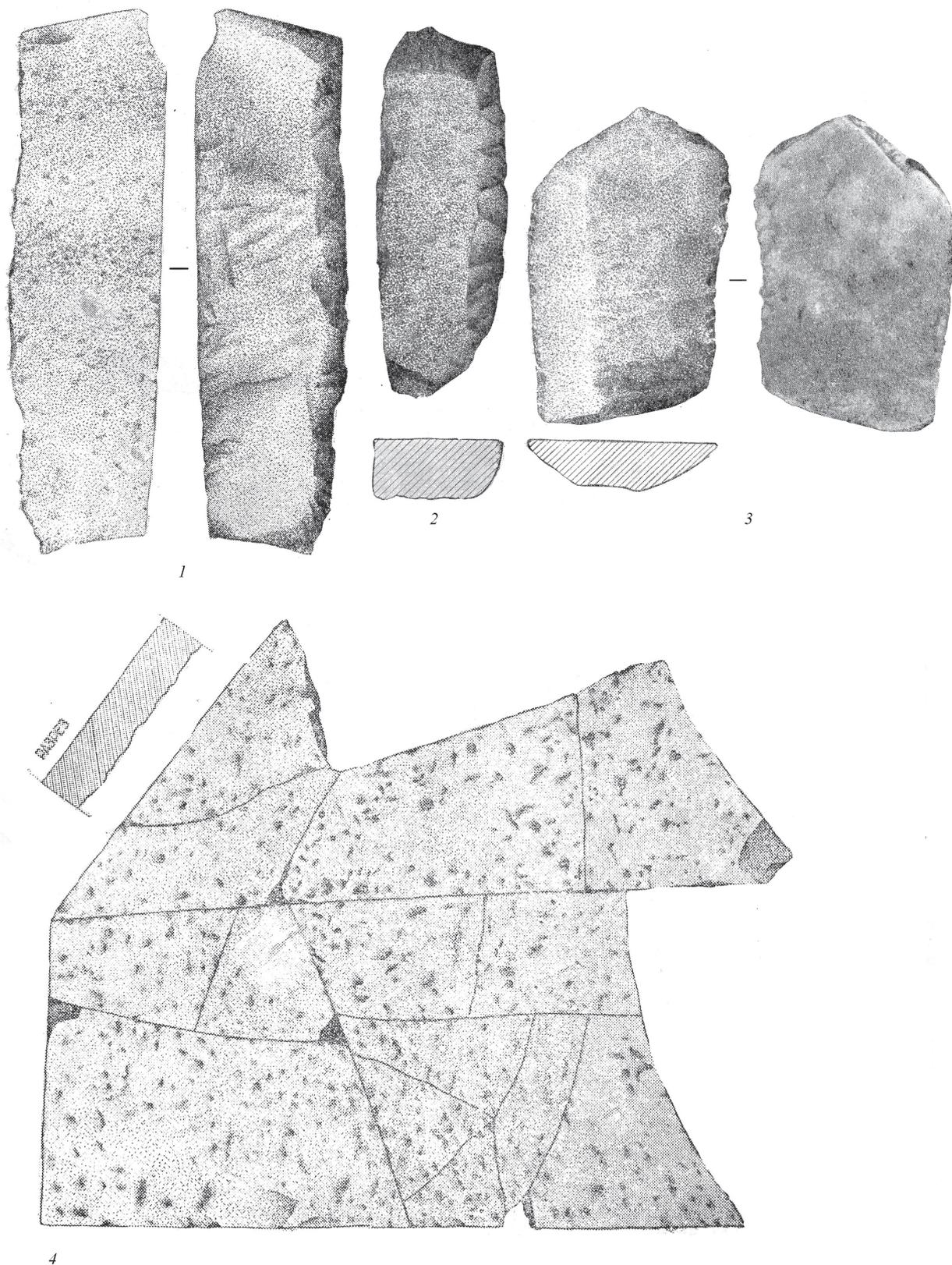
Чулатово-2 (Рабочий ров) – это стоянка позднего этапа верхнего палеолита на правом берегу р. Десны, между селами Чулатово и Дробышево Новгород-Северского р-на Украины. Открыта она была в 1935 г. И.Г. Пидопличко и И.З. Галичем, проведшим раскопки в 1936 г. Затем полевые исследования проходили в 1937 и 1938 гг. под руководством М.В. Воеводского (1952). В настоящее время коллекция хранится в фондах НИИ и Музея антропологии при МГУ им. М.В. Ломоносова.

За три года раскопок было вскрыто более тысячи квадратных метров культурного слоя на трех мысах в овраге Рабочий ров, территория памятника считается исследованной полностью. Находки были сгруппированы в три скопления. В составе одного из них М.В. Воеводский выделил остатки двух сооружений, одно из которых интерпретировал как жилище. На стоянке зафиксировано семь кострищ, размерами от 1 до 5 м², некоторые связаны с приочажными пекарными ямками. Некоторые зольные пятна перекрыты участками культурного слоя. Кремневое сырье бралось из коренных меловых отложений в непосредственной близости от стоянки, и весь цикл производства проходил непосредственно на стоянке. Детальный планиграфический анализ материалов стоянки, проведенный Н.Б. Леоновой (1976. С. 11), позволил выявить «наличие производственной специфики на территории трех

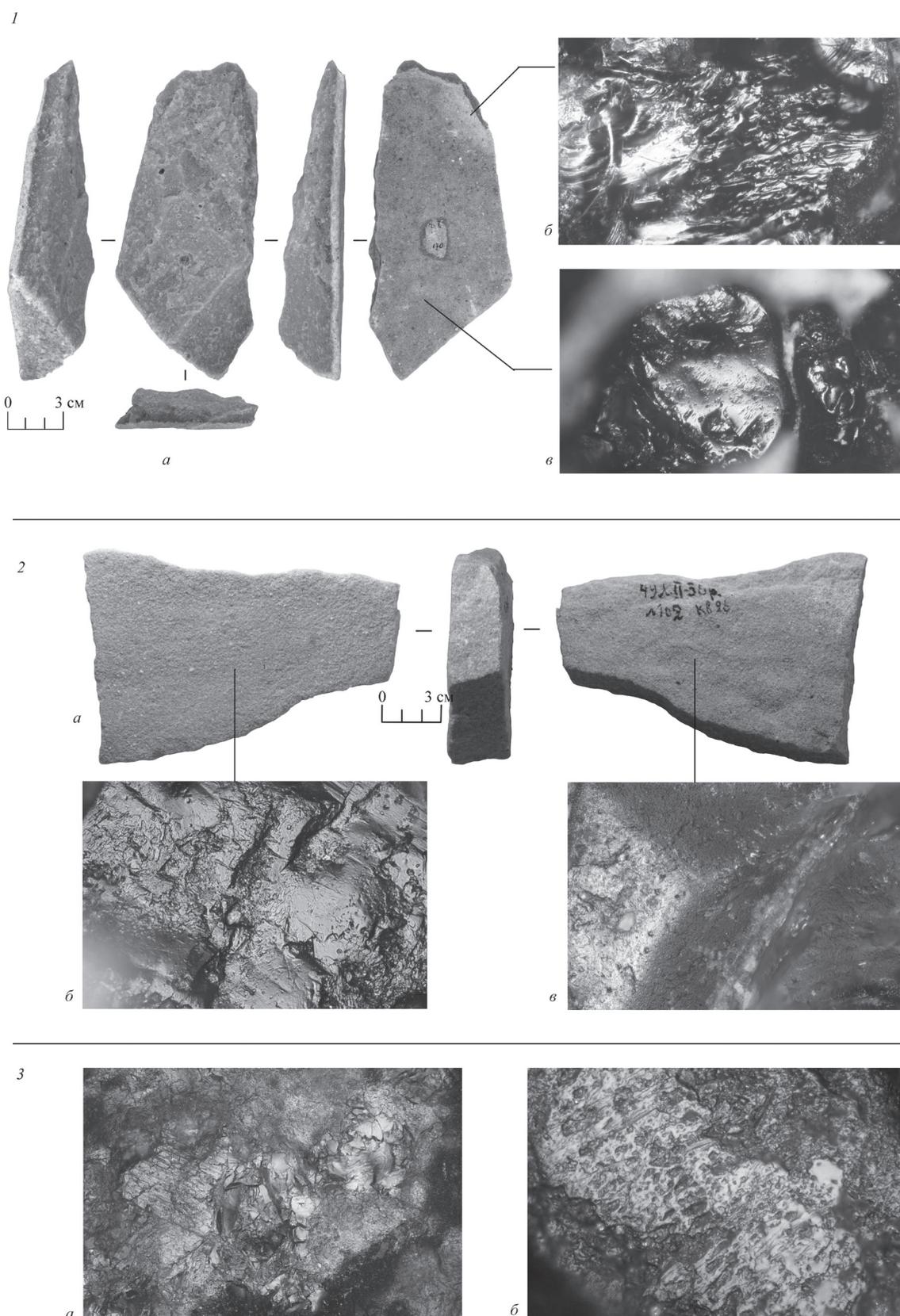
больших скоплений». Скопление с остатками предполагаемого жилища, множеством ямок и зольных линз в наибольшей степени связано с изготовлением каменных орудий. Два других скопления связаны с первичным раскалываем кремня и обработкой кости, в этих же скоплениях преобладают скребки, что идет вразрез с общей статистикой распределения категорий орудий по площади стоянки (Там же. С. 10–12). Вывод М.В. Воеводского (1952. С. 114) о том, что скребки Чулатово-2 использовались преимущественно для обстругивания кости, принимается и П.И. Борисковским (1953. С. 287–288).

Кремневую индустрию памятника характеризует большое число первичных продуктов расщепления, однообразность и обедненность орудийного набора: орудий 3,9% от общего числа находок и 35% от общего числа неиспользованных заготовок (пластин). Резцы преобладают (72% от всех орудий, 2,8% от всей коллекции), но не образуют устойчивых форм, повторяется только массивная режущая кромка, часто – однофасеточная. Доминируют боковые резцы на усеченных крутой дорсальной ретушью пластинах. Вторая по численности группа орудий – концевые скребки на пластинах, они составляют 29,1% от числа всех орудий (1,1% от всей коллекции). Нуклеусы в основном плитчатые (в соответствии с характером сырья) – 57 единиц (0,4% от всей коллекции), желвачных ядрищ – 19 единиц

¹ Работа выполнена на средства гранта Президиума РАН 2012–2014 гг., руководитель проекта С.А. Васильев.

Рис. 1. Терочные плитки и «курanty» из Чулатово-2 (по: Воеводский, 1952). Масштаб: 1, 4 – 2/7 натуральной величины; 2, 3 – 2/5 натуральной величины.

Рис. 2. Чулатово-2. 1 – кварцитовый «курант» № 170: а – проекции орудия, б – поверхность скола (100-кратное увеличение), в – истертая поверхность (100-кратное увеличение); 2 – песчаниковая плитка № 120: а – проекции орудия, б – естественная поверхность (200-кратное увеличение), в – истертая поверхность (200-кратное увеличение); 3 – эксперименты по обработке органики кварцитовым и гранитным орудиями: а – измельчение злаков (кварцитовая ступа, 3 ч., 100-кратное увеличение); б – обработка кожи (гранит, 12 ч., 500-кратное увеличение).

(0,1% от всей коллекции). М.В. Воеводский относил Чулатово-2 по характеру кремневой индустрии к группе стоянок конца верхнего палеолита Дона и Днепра: Борщево-2, Тимоновская, Бугорок, Гонцы, Кирилловская (Воеводский, 1952. С. 114).

На фоне других памятников верхнего палеолита Чулатово-2 выделяется наличием своеобразных песчаниковых и кварцитовых орудий: это плитки и камни-«куранты» со следами истирания одной из поверхностей (рис. 1). Терочные камни (22 ед.) делятся на верхние (10 ед.) – напоминающие куранты более поздних эпох, с признаками аккомодации для захвата руками, и нижние, бóльшие по размерам и найденные в осколках (12 ед.). Сырьем для этих орудий был плитчатый бучагский песчаник и кварцит, из месторождений в обнажениях оврага Рабочий ров. По замечанию М.В. Воеводского, сырье удобно для изготовления терочных камней, поскольку верхняя сторона плиток имеет ровную и в то же время шероховатую поверхность (Там же. С. 122). Благодаря происхождению плиток из коренных месторождений, на них отсутствуют следы окатанности. В других индустриях сырьем для орудий-приспособлений как правило становятся гальки – окатанные отдельно, что накладывает ограничения на их функциональное определение трасологическим методом. Материалы Чулатово-2 можно считать перспективными для трасологических наблюдений, поскольку возможно непосредственно сравнивать износ с исходной поверхностью и эталонами. Полученные определения должны уточнить предположение М.В. Воеводского о том, что плитки и «куранты» использовались для растирания пищевых продуктов: семян диких растений и съедобных корней. М.В. Воеводский указывает, что эти орудия не могли служить шлифовальниками, т.к. не заметно мелких царапин, которые получаются при шлифовке каменных орудий. Не найдено на стоянке и шлифованных предметов (Там же. С. 124). В расположении плиток на площади стоянки не наблюдалось выраженной закономерности: бóльшая часть найдена близ кострищ и скоплений костей, но некоторые лежали изолированно на пустых участках (Там же. С. 125).

В марте 2013 г. в рамках проекта «Разработка методического руководства по изучению каменной индустрии палеолита» была обработана коллекция кварцитовых и песчаниковых плиток и «курантов», хранящихся в фондах НИИ и Музея антропологии при МГУ им. М.В. Ломоносова. В общей сложности было обработано 22 орудия-приспособления из коллекции Чулатово-2 (14 фрагментов «нижних» плиток, 7 «курантов», 1 отбойник), для 12 из них сделаны слепки, полученные наложением на поверхность орудия ацетатной пленки, размягченной в химически чистом ацетоне. Слепки воспроизводят характер поверхности орудия настолько подробно, что позволяют получить с них микрофото характера рабочих и противоположных им поверхностей для последующего микротрасологического анализа (Гиря, Дэвлет, 2010. С. 109).

Орудия, которые были определены М.В. Воеводским как нижние плитки для растирания семян и корней диких растений, представляют собой плитки с двумя корочными поверхностями, одна из которых сильно ноздреватая, явно сохранившаяся в исходном состоянии, а вторая более гладкая, со следами истирания. Обломков этих плиток, в том числе и мелких, в фондах Музея антропологии мной было осмотрено 56. М.В. Воеводский приводит иллюстрацию, на которой 14 таких фрагментов складываются в единую плиту (рис. 1). Косвенно на исходные размеры нижних плит могут указать размеры «курантов». Их средняя длина – 19,5 см, ширина – 7,9 см, толщина – 2,7 см. Внешний вид этих камней (с одной ровно истертой поверхностью и аккомодацией на противоположной стороне: уплощение спинки крупными поперечными сколами, притупление ребра, облом концов), не может трактоваться иначе, чем свойственный орудиям импульсного рассеянного взаимодействия. Описания макроизноса плиток, данные М.В. Воеводским (Воеводский, 1952. С. 122–124), вполне согласуются с моими наблюдениями.

Зерна породы на рабочей поверхности мягко скруглены, а на повышенных участках – выположены, в то время как разбитых, смятых зерен не наблюдается, кратеры от вылетевших зерен сложно отличить от лунок, оставшихся от ноздреватых углублений корки

плитки, и те и другие имеют мягко скругленные края, никаких видимых невооруженным глазом линейных следов (бороздок) не наблюдается. Наибольшая истертость располагается на выпуклых участках, т.е. общий рельеф поверхности орудия не изменен, сохранились исходные неровности плитки. Это справедливо как для «нижних» плиток, так и для «курантов». Характер сработанности наводит на предположение о работе с мягким органическим материалом, но такой материал может быть как растительным, так и животным, таким образом, как альтернатива для растирания семян и корней может выступать предположение об обработке шкур и кож.

На уровне микроизноса поверхностей разница между истертыми и ноздреватыми поверхностями выражается в том, что зерна породы на рабочих поверхностях в значительной степени выположены. При 100- и 200-кратном увеличении рабочей поверхности видно, что имеющиеся на зернах породы крупные трещины и перепады рельефа сглажены, как будто покрыты застывшим вязким веществом. При том же увеличении часто наблюдается мельчайшая сетка трещин, покрывающая поверхность и ступенчатая выкрошенность зерен породы (рис. 2). Местами фиксируются мельчайшие короткие подпараллельные линейные следы, на которых различимы начало и конец приложения усилия; эти следы могли остаться от вылетевших зерен породы, либо от твердой фракции обрабатываемого материала, но в любом случае это были мельчайшие крупинки.

При отсутствии в распоряжении автора однозначного эталона следов микроизноса от обработки растительности¹, было бы преждевременно однозначно связывать орудия из плитчатого кварцита и песчаника Чулатово-2 с обработкой растительной пищи. На основе полученных микрофотографий на данном этапе исследования можно заключить, что в формировании следов сработанности как на плитках, так и на «курантах» присутствуют общие черты, что, по-видимому, является

следствием одинакового образа и интенсивности их использования. Схожие черты в следах использования прослеживаются и на разных материалах: кварците и песчанике (ср. рис. 2, 1, 2). Это, в свою очередь, имеет позитивное значение для методики формирования эталонной базы следов износа зернистых и кристаллических пород, поскольку позволяет переносить результаты, полученные на одном виде сырья, на другие породы камня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисковский П.И. Палеолит Украины: Историко-археологические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 464 с. (МИА; № 40).

Воеводский М.В. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II) // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. Учен. зап. МГУ. Вып. 158 / Отв. ред. М.С. Плисецкий. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 101–132.

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 107–118.

Загородняя О.Н., Степанова К.Н. Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород // РА. 2012. № 2. С. 67–71.

Леонова Н.Б. Производственные комплексы стоянки Чулатово II (Рабочий ров). Верхний палеолит // Проблемы истории СССР. Вып. 5 / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 3–20.

¹ Экспериментальное растирание зерен злаковых дало нам следы, по некоторым элементам сопоставимые с абразивной обработкой камня, в то время как специфические следы для растительности вычленил не удалось (Загородняя, Степанова, 2012).

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ СО СТОЯНКИ ОЛДОВАНА АЙНИКАБ-1: РАСКОПКИ 2012–2013 ГОДОВ¹

© 2014 г. А.И. Таймазов

*Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала
(taymazov_artur@mail.ru)*

Ключевые слова: олдован, индустрия, типология, чоппер, пик, скребло, нуклеус, скребок, нож, проколка.

Резюме. В работе дана классификация и краткая характеристика новых археологических находок со стоянки олдована Айникаб-1. Техничко-типологический облик каменного инвентаря дополнительно подтверждает вывод о культурном единстве индустрии разных слоев памятника и их соответствии типичному олдовану.

В 2005–2007 гг. в Центральном Дагестане, в междуречье Акуши и Усиши, обнаружены уникальные по своей древности и характеру культуры стоянки эпохи раннего палеолита Айникаб-1–5, Мухкай-1, -2, Гегалашур-1–3 (Амирханов, 2007). Памятник Айникаб-1 геоморфологически связан с участком высокого водораздела (220–230 м над современными руслами рек), сложенного рыхлыми отложениями и ограниченного с запада долиной р. Акуша и с востока – долиной р. Усиша. Водораздел является останцом платообразной поверхности выравнивания, сформировавшейся не позднее раннего плейстоцена (Варданянц, 1948. С. 53). Этот уровень с отметками 1200–1500 м над ур.м. хорошо представлен в Центральном Дагестане в виде обширных пространств Левашинского плато. Рыхлые отложения водораздела достигают в некоторых местах естественного обнажения до 80 м и имеют общую протяженность 4–5 км. Стоянка занимает центральную часть водораздельной гряды и связана с вершиной хребта останцового характера, изолированного эрозионными процессами. Высота ее над ур.м. 1 538,7 м.

Памятник исследовался в 2006–2009 гг. В 2012–2013 гг. раскопки были продолжены. В результате получены новые археологические материалы в количестве 455 предметов, существенно пополнившие коллекцию каменных изделий стоянки, насчитывавшую 850 нахо-

док. Стратиграфически они распределены по 19 слоям. Всего же в новом раскопе выделено 32 слоя. Вскрытые отложения характеризуются чередованием слоев с преимущественным содержанием гальки, гравия и валунов в литологическом составе сцементированных иногда до состояния конгломератов в нижней и верхней части разреза и суглинистой составляющей с галечно-гравийными прослойками в средней части. Особенностью раскопанного участка является исключительная мощность вмещающих отложений. Эти отложения изучены до глубины около 10 м от дневной поверхности, глубина же исследованной толщи от вершины памятника составила около 14 м. Материковый уровень, представленный третичными песчаниками, не достигнут. В раскопах 2007–2009 гг. материк проявлялся на глубине 11 м от вершины стоянки. В двух слоях нижней пачки отложений обнаружены по одному зубу млекопитающих. Стратиграфия полученных разрезов по основным показателям (характеру залегания слоев, доминированию крупнообломочной составляющей на нижних и верхних уровнях и мелкозема в средней части, наличию горизонтов цементации обломочного материала, глинистых линз и прослоев, содержанию в нижней пачке включений и скоплений Fe-Mn) близка к той, которая наблюдалась в разрезах 2006–2009 гг. Ряд слоев в них полностью идентифицируют-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-96510.

ся друг с другом. Учитывая, что ни во время накопления отложений, ни после их формирования не существовало долин рек Акуша и Усиша, можно согласиться с мнением о том, что в формировании крупнообломочных пачек решающую роль играли пролювиально-делювиальные процессы, а слоев мелкозема – эоловый фактор (Амирханов, 2007. С. 10–11).

Насыщенность слоев находками неравномерная. Более насыщены нижние слои памятника (до 11 предметов на 1 м²). Каменные изделия приурочены к слоям, состоящим из обломочного материала и суглинков, содержащих в себе гравийный материал.

В составе полученной коллекции встречаются две разновидности сырья: кремь (93%) и окремнелый известняк (7%). Среди предметов из окремнелого известняка также встречаются законченные орудия. Кремь не однороден по составу. Чаще всего он серый, преимущественно матовый, имеющий выраженные особенности текстуры и плотности (333, или 79% кремневого сырья). Кремь такого рода широко распространен в районе местонахождения памятника. Из общей массы кремневого инвентаря выделяются изделия из однородного плотного кремня красноватого или красновато-коричневого, табачного оттенка (91, или 21% кремневого сырья). Для этой разновидности кремня присущи вязкость, «жирность». Изделия из такого рода сырья не обнаружены в слоях верхней и средней пачки. В нижней пачке они чаще встречаются в слоях 17а (24, или 60% всего кремня), 21 (34, или 32% всего кремня) и 28 (11, или 28% всего кремня). Естественные выходы табачного кремня не обнаружены. В местах размыва отложений водораздела рек Акуша и Усиша подобное сырье также не встречалось. Но учитывая, что серый меловой кремь по своим качествам (плотности, твердости, свойствам раскалывания) вполне соответствовал требованиям, предъявляемым гоминидами к сырью, не было необходимости преодолевать длительные расстояния в поисках источников лучшего сырья. Поэтому, нельзя исключить и местное происхождение табачного кремня, хотя его выходы, возможно, были крайне ограничены. В пользу не инородного происхождения кремня табачного цвета может послужить еще такой факт, как

наличие в коллекции Айникаб-1 единичных крупных желваков, которые частично обладают признаками описываемого рода сырья.

Сохранность находок хорошая, предметы не окатаны. В верхних слоях встречаются патинированные изделия. Патина белая, в основном, в виде изолированных участков и точек, не сплошная.

Типологический состав изделий весьма разнородный. Он не производит впечатления монотонности, как, например, инвентарь стоянки Дманиси. Среди находок, характеризующих первичное раскалывание, представлены несколько нуклеусов и нуклевидных обломков. Нуклеусы имеют мелкие размеры и по характеру исходной заготовки могут быть отнесены к двум типам: нуклеусы на плоских желваках с покрытой естественной коркой ударной площадкой (рис. 1, б) и нуклеусы на обломках с плоской, гладкой ударной площадкой, являющейся либо плоскостью естественного излома, либо плоскостью скола (рис. 1, 5). Раскалывание в обоих случаях велось в нескольких рабочих плоскостях. С точки зрения технологии сами нуклеусы на обломках также просты, как и ядрища на желваках. Требования к нуклеусу и в одном, и другом случаях ограничиваются наличием двух составляющих, но в различных выражениях: гладкой (естественной или на сколе) ударной площадки и совмещенной с ней плоскости раскалывания. Судя по негативам сколов на нуклеусах, с них были получены отщепы средних (до 7 см) и мелких (до 3 см) размеров.

Продукты раскалывания многочисленны (32% всех находок). При этом нужно помнить, что не все имеющиеся в инвентаре отщепы могут происходить от нуклеусов. Часть их, безусловно, представляет собой побочный продукт изготовления чопперов. С функциональной точки зрения они, по-видимому, существенных отличий не имели. Для орудия использовался отщеп, независимо от того, получен он с нуклеуса или случайным образом. Большинство отщепов имеют средние (от 3 до 7 см) и мелкие размеры (менее 3 см).

Изделий с вторичной обработкой насчитывается 110, что составляет 24% всех находок. Среди орудий господствует группа чопперов (29 экз.). Они неоднородны по размерам, массивности, интенсивности обработки рабочих

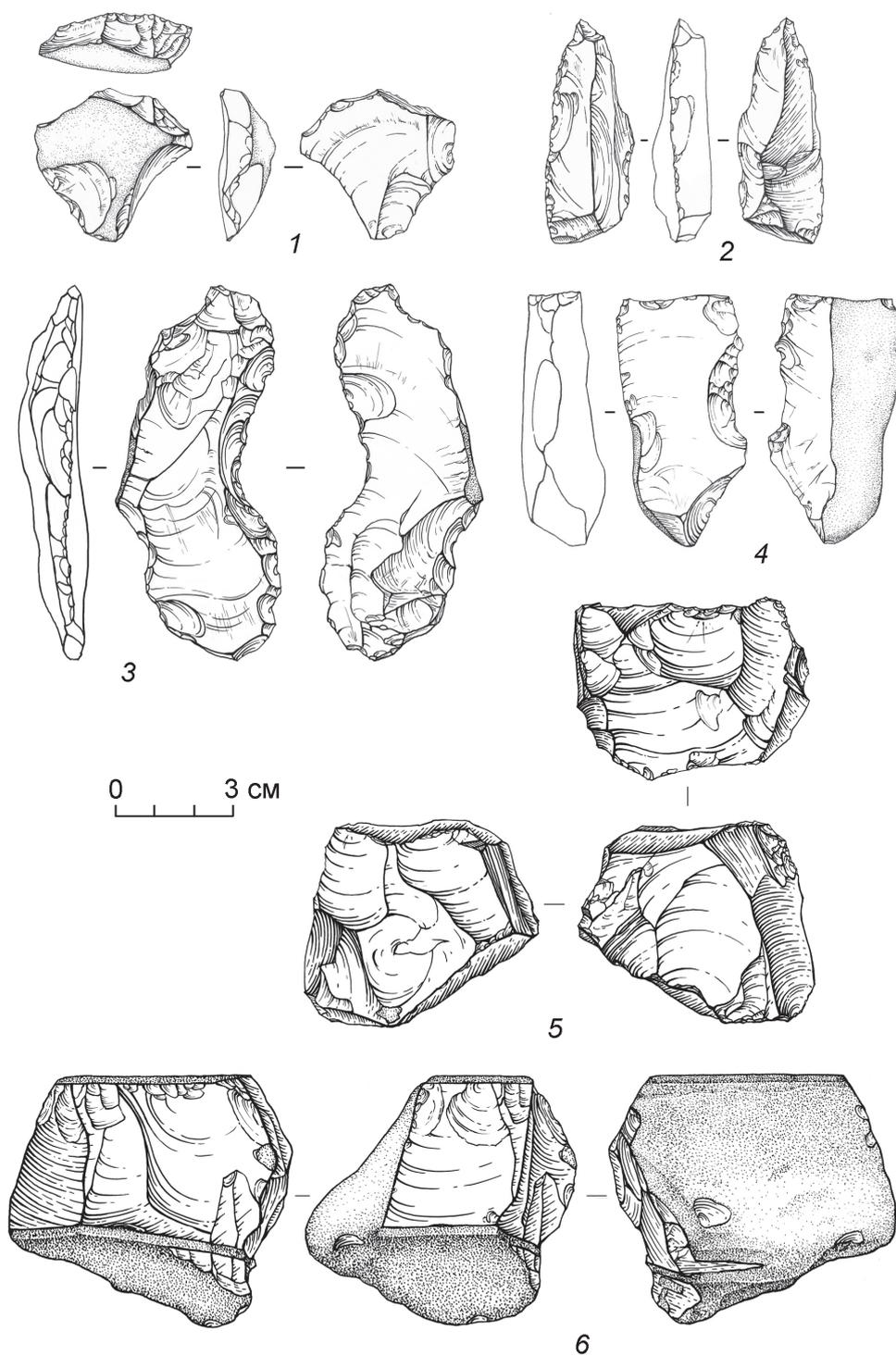

Рис. 1. Кремневые изделия со стоянки Айникаб-1. 1 – скребок; 2 – проколка; 3, 4 – выемчатые орудия; 5, 6 – нуклеусы.

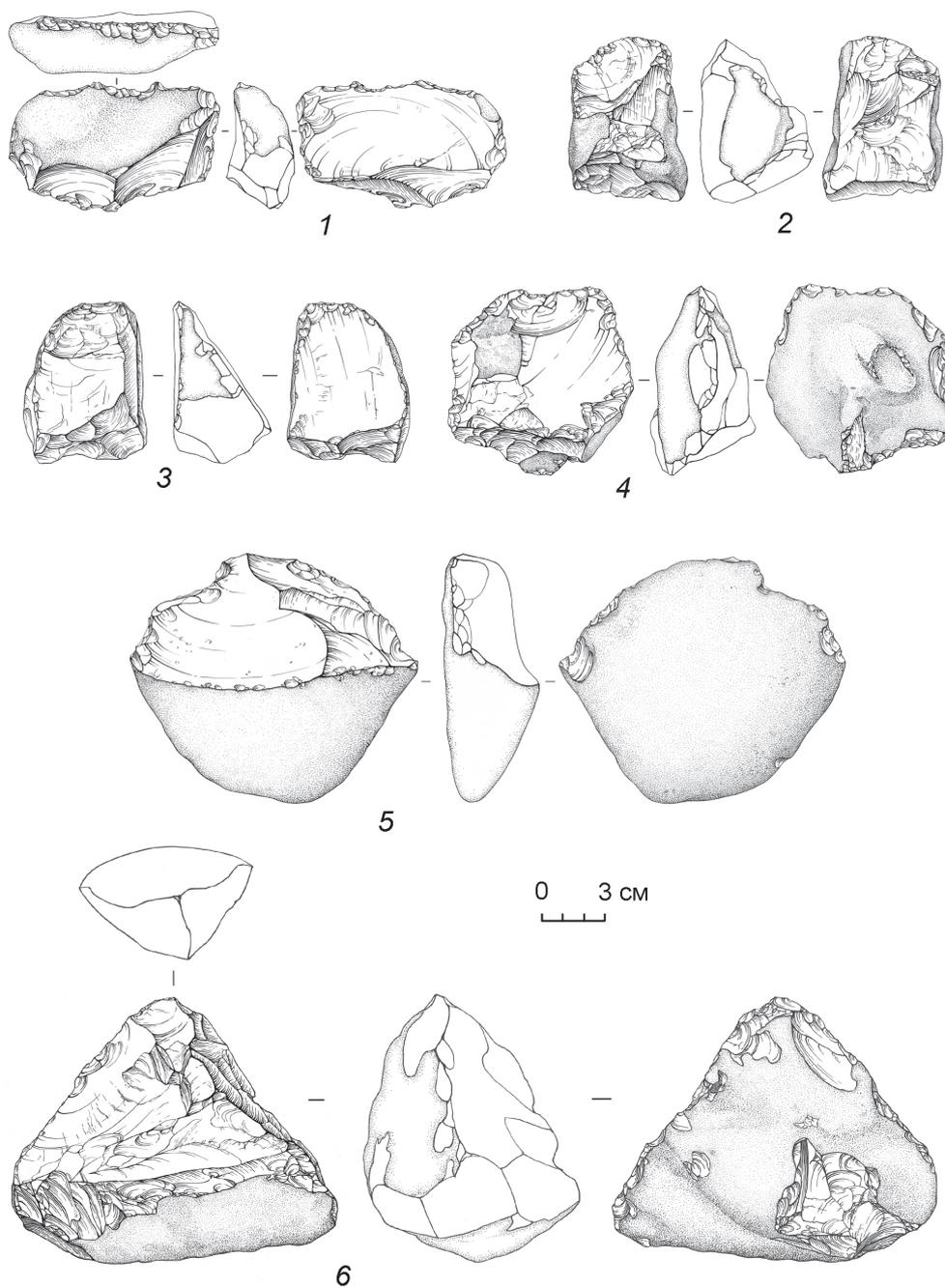

Рис. 2. Кремневые изделия со стоянки Айникаб-1. 1 – скребло; 2–5 – чопперы; 6 – пик.

краев и аккомодационных участков (рис. 2, 2–5). Есть среди них изделия крупного (вес – 2,760 кг, размеры – 20×10,8×8,3 см) и сверхкрупного (вес – 4,195 кг, размеры – 19×16×9,5 см) размеров и массы. Абсолютное большинство чопперов имеют обычные для этой категории находок размеры и массу. В количественном отношении господствуют чопперы с двусторонней обработкой рабочего края.

Среди макроорудий представлены также пики и близкие к ним по морфологии, но отклоняющиеся по отдельным признакам пикообразные (8 экз.). Пики, в основном, имеют треугольное поперечное сечение и сформированную продольную грань на спинке (рис. 2, б). Некоторые из пиков могут быть отнесены к плоским разновидностям этих орудий.

Скребла многочисленны (13 экз.) и разнообразны. Большинство скребел имеют крупные размеры (более 7 см). Заготовками для описываемой категории находок в равной степени использованы как отщепы, так и обломки. Скребла продольные преобладают над поперечными. Одно скребло имеет двойное (поперечно-продольное) лезвие (рис. 2, 1). В единственном экземпляре представлено скребло с брюшковой ретушью.

Заметно присутствие скребков (15 экз.; см. рис. 1, 1). Одно изделие можно отнести к скребкам высокой формы. Выемчатые орудия представлены 10 экземплярами. Выемки, в основном, ретушированные (см. рис. 1, 3, 4). В составе изделий с вторичной обработкой три предмета могут быть определены как ножи. Основным признаком этой категории находок является наличие лезвия и противопоставленного ему обушка. Два артефакта имеют естественный («натуральный») обушок, один – ретушированный. Среди мелких орудий с острыми концами выделены острия (8 экз.), проколки (3 экз.; см. рис. 1, 2) и шиповидные орудия (6 экз.). Среди орудий встречаются изделия с двумя рабочими элементами, различающимися по своему функциональному назначению (2 экз.). Один из них сочетает в себе скребковое и выемчатое лезвие, другой, по-видимому, использовался и как скребло, и как выемчатое орудие.

Около половины (41%) всех находок составляют изделия, объединенные под общим названием отходы производства. В их состав

входят обломки и желваки с единичными пробными сколами, собственно сами обломки, осколки и чешуйки оббивки.

Послойный анализ полученной коллекции позволяет говорить о гомогенности индустрии стоянки. По технико-типологическим характеристикам данная индустрия аналогична той, которая получена в 2006–2009 гг. Полностью отсутствует в коллекциях слоев ведущая форма ашельского технокомплекса – рубило. Нет также орудий, характеризующих развитый олдован в памятниках Олдувайского ущелья. Весь набор технических и типологических признаков полученной в 2012–2013 гг. коллекции дополнительно подтверждают соответствие индустрии стоянки Айникаб-1 типичному олдовану. Учитывая возраст отложений памятника, включающей почти все хронологические отрезки раннего плейстоцена от нижнего до верхнего, и единый культурно-типологический облик представленной в ней индустрии, можно говорить о длительном существовании олдованской культуры на Северном Кавказе. Появление первых ашельских индустрий в рассматриваемом регионе относятся ко времени не ранее 800 тыс. л.н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус, 2007. 52 с.

Варданянц Л.А. Постплиоценовая история Кавказско-Черноморско-Каспийской области. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1948. 184 с.

СТОЯНКА КОВРИЖКА III В АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ВИТИМА И БАЙКАЛО-ПАТОМСКОГО НАГОРЬЯ

© 2014 г. А.В. Тетенькин

*Иркутский государственный университет, Иркутск
(altet@list.ru)*

Ключевые слова: финальный палеолит, культурная вариабельность, микрорасщепление, каменные конструкции, культурная трансляция.

Резюме. Многослойное местонахождение Коврижка III на р. Витим содержит пять уровней залегания культурных остатков в интервалах 11,4–10,4 и 8,0–8,2 тыс. л.н. Материалы финальноплейстоценового возраста характеризуются как финальнопалеолитические, при этом содержат первые признаки раннеголоценовых, мезолитических технологий: призматические микронуклеусы, бифас-топор. Впервые для региона выявлен источник манупортов – вулканической пемзы, удаленный более чем на 500 км. В нескольких уровнях обнаружены линейные искусственные конструкции из гнейсовых плиток. Наиболее сложная из них построена около 10,4 тыс. л.н. и обновлена около 8,2 тыс. л.н. При ее сооружении был применен ряд сложных технических приемов. Впервые получены данные о целенаправленной обработке строительных элементов – гнейсовых плит. Трансляция специфической семантики линейных конструкций связывает ансамбли двух типологически различных индустрий, разделенные временем более 2 тыс. лет.

Начало археологических исследований на Нижнем Витиме связано с раскопками Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой стоянок Авдеиха и Большая Северная (Мочанов, 1977). Следом за ними выдающуюся роль в формировании научных представлений о финальном палеолите района сыграла стоянка Большой Якорь I, открытая и раскопанная под руководством Е.М. Инешина (Инешин, 1985; Инешин, Тетенькин, 2010). Плейстоценовые культурные горизонты Авдеихи и Большого Якоря были сопоставлены с дюктайской культурой Якутии. В 1990–2000-е гг. фокус исследований переведен на новые местонахождения Коврижка I–III, Мамакан VI, Инвалидный III, пункты 1–3 (Инешин, Тетенькин, 2005). Главным результатом этих открытий стала новая перспектива изучения культуры населения Нижнего Витима на этапе конца палеолита – мезолита.

Существенный вклад в эту проблематику вносит местонахождение Коврижка III (рис. 1, I, 2). Оно содержит пять уровней залегания культурных остатков в алевроито-песчаных склоново-делювиальных отложениях, перекрывающих аллювий 3-й, 22-метровой

надпойменной террасы. Нижние культурные горизонты 2 и 3 относятся к концу плейстоцена – раннему дриасу. Третий культурный горизонт (к.г.) имеет радиоуглеродную датировку около 11,4 тыс. л.н. Верхний и нижний уровни к.г. 2 датируются около 10,4–11,0 тыс. л.н. соответственно. Верхние, раннеголоценовые культурные горизонты 1 и 1А имеют радиоуглеродные даты около 8,0–8,2 тыс. л.н. (Тетенькин, 2010; 2011).

Коллекции к.г. 2 и 3 сходны между собой. Наиболее богатый к.г. 2 ($n > 15000$ ед.) содержит такие основные компоненты индустрии, как: 1) производство отщепов и сколов как основных преформ для орудий; 2) изготовление бифасов как преформ для клиновидных нуклеусов и как орудий; 3) микропластинчатое расщепление торцово-клиновидных и призматических нуклеусов; 4) производство резцов и долотовидных орудий из обломков кристаллов горного хрусталя; 5) производство чопперов и чоппингов; 6) обработка гнейсовых плит – элементов строительных конструкций. Основной массив артефактов состоит из изверженных магматических эффузивных пород основного, среднего, кисло-

го состава, осадочных пород (аргиллит/алевролит). Для микропластин даны определения кремня (вулканического стекла), аргиллита, горного хрусталя. Экзотическими породами являются жильный кварц, графитит. Свыше 90% орудий изготовлено из отщепов и сколов нанесением краевой унифасиальной ретуши. Лишь в последний сезон 2012 г. были найдены две макропластины длиной 11,0 и 9,5 см, указывающие на присутствие, по крайней мере в эпизоде обитания одного из очагов верхнего уровня к.г. 2, технологии производства крупных пластин (рис. 2, 9). Среди орудий есть скребки овальной параболической, каплевидной формы (рис. 2, 5, 6, 7), остроконечник-провертка (рис. 2, 2), резцы трансверсальные (рис. 2, 3) и резцы многофасеточные из горного хрусталя (рис. 2, 4), отщепы с выделенными краевой ретушью выступами, ножевидные орудия с ретушью по тонкому прямому краю, скребла (рис. 2, 10, 11). Встречены такие приемы, как оформление суженного черенка скребка, плечиков головки скребка (рис. 2, 5, 10).

Микронуклеусы (всего 11 в к.г. 2, 3 в к.г. 3) изготовлены из бифасов либо из отщепов. Два нуклеуса из к.г. 2 и один из к.г. 3 – призматические (см. рис. 1, 13; рис. 2, 15, 17). Они являются самым ранним на Витиме свидетельством существования техники призматического микронуклеуса в составе палеолитической индустрии. Во всех случаях ударная площадка оформлена многими мелкими латеральными и фронтальными сколами. Этот технический прием отличает к.г. 2 и 3 Коврижки III от Большого Якоря I, где большинство микронуклеусов сделано в технике юбецу (Инешин, Тетенькин, 2010).

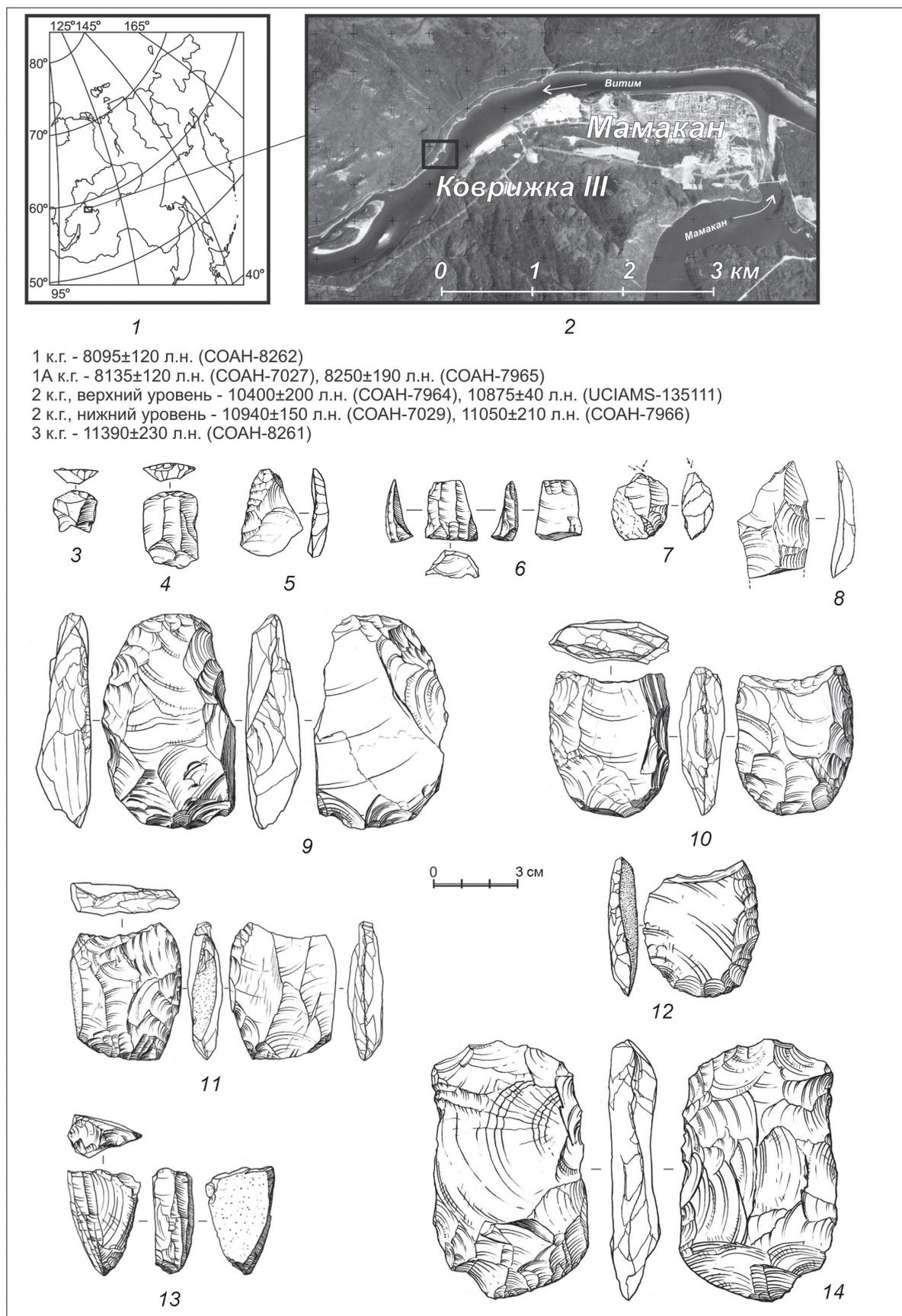
В к.г. 3 наиболее выразительны бифасы. Они разнообразны по форме и функции: скребло (рис. 1, 9), многофункциональное орудие (рис. 1, 11), орудие + заготовка клиновидного нуклеуса (рис. 1, 10). Один бифас имеет топорovidную форму с выраженными элементами крепления рукояти – утончением поперечными сколами и выработкой выступа «ушка» в обушковой части (рис. 1, 14). Этот элемент сближает найденный артефакт с сумнагинскими топорами «с ушками» раннего голоцена Якутии.

Отдельно следует отметить куски графитита со следами истирания, найденные и в 3-м, и во 2-м к.г. В к.г. 2 впервые были обнаружены рядом специализированные в толщине мазка-линии графититы: зашлифованный как кончик ножа артефакт (рис. 2, 1) и массивные куски графитосодержащего сланца. Они свидетельствуют о развитой специализации этой знаковой деятельности.

Индустрии к.г. 3 и 2 характеризуются как финальнопалеолитические, дюктайского облика, однако с первыми признаками появления техники призматического нуклеуса и топора с рукоятью, характерными уже для раннеголоценовых ансамблей сумнагинской культуры Якутии. Несмотря на выраженные формальные признаки дюктайской культуры, ансамбли к.г. 3 и 2 Коврижки III отличаются от ансамблей стоянки Большой Якорь I на Витиме (~12,7–11,7 тыс. л.н.) отсутствием техники редуцирования бифаса до микронуклеуса снятием лыжевидных сколов (техника «юбецу»).

Верхние культурные горизонты 1 и 1А менее многочисленны. Они дали более скромный набор диагностических изделий (n=8). Характерной чертой их индустрии является массовое производство микропластин на основе техники расщепления призматического микронуклеуса (рис. 1, 6) (Тетенькин, 2010; 2012). Сырьем для микропластин служил яшмовидный кремль различных цветов (вулканическое стекло). Среди изделий имеются скребки (рис. 1, 3, 4, 5), долотовидные орудия (рис. 1, 6), проколка (рис. 1, 8), ретушированные отщепы, многофасеточные резцы из горного хрусталя (рис. 1, 7), аналогичные резцам из к.г. 2. Типологически индустрия к.г. 1 и 1А близка к сумнагинской культуре Якутии эпохи раннего голоцена (Мочанов, 1977). Контрастирующим признаком являются найденные в к.г. 1А продукты производства и расщепления клиновидного нуклеуса.

В зоне одного из очагов нижнего уровня к.г. 2 (11,0 тыс. л.н.) найдены три куска вулканической пемзы. Результаты анализа показали происхождение пемзы с Удоканского вулканического поля (Демонтерова и др., 2014). Расстояние по речной сети от Коврижки до западной части Удоканского вулканического поля составляет не менее 520 км. Речной пе-

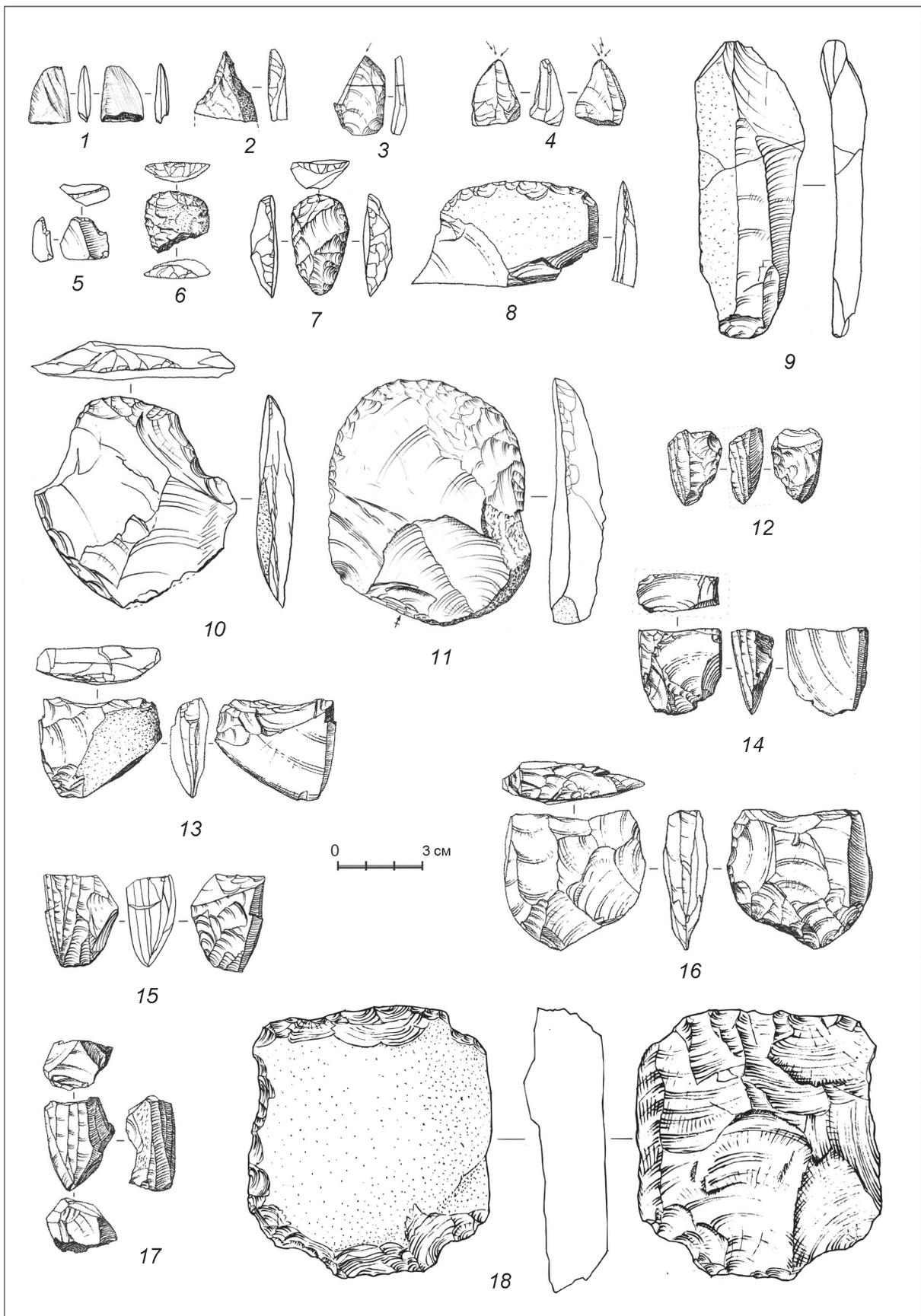

Рис. 1. Стоянка Коврижка III.

1, 2 – схема района стоянки; 3, 4 – концевые скребки; 5 – боковой скребок; 6 – фронтальный скол с призматического нуклеуса, переформленный в долотовидное орудие; 7 – многофасеточный резец; 8 – остроконечник-проколка; 9–11 – бифасы; 12 – скребок; 13 – призматический нуклеус;

14 – бифас-топор.

3–8 – культурные горизонты 1 и 1А; 9–14 – культурный горизонт 3.

Рис. 2. Стоянка Коврижка III, культурный горизонт 2.

1 – шлифованный артефакт из графтитита; 2 – провертка; 3 – трансверсальный резец; 4 – срединный многофасеточный резец; 5–7 – скребки; 8, 11 – скребла; 9 – пластина со следами утилизации; 10 – скребок-нож; 12–14, 16 – клиновидные микронуклеусы; 15, 17 – призматические микронуклеусы; 18 – галечный нуклеус, переоформленный в скребло.

ренос такого мягкого, легко разрушимого материала как вулканическая пемза исключен. Факт доставки с такого расстояния 11 тыс. л.н. литоресуров для археологии севера Байкальской Сибири выявлен впервые. Вектор доставки пемзы свидетельствует о важной коммуникационной роли основного водотока региона – Витима.

Важной особенностью к.г. 2 Коврижки III являются линейные конструкции из гнейсовых плиток, в вариантах горизонтального положения или установления на продольное ребро. Последние имеют узкую вытянутую, пластинчатую форму толщиной до 4 см, шириной до 14 см и длиной от 25 до 180 см. Очаг 3 в нижнем уровне к.г. 2 обрамлен двумя параллельными такими плитками. Для всех случаев характерна единая ориентация с северо-запада на юго-восток, на выразительный уступ в противоположной линии горизонта, имеющий ныне антропоморфный лицевой профиль. Найден микронуклеус, стоящий вертикально на торце одной из плит-пластин. Наиболее сложная конструкция принадлежит верхнему уровню к.г. 2. Она имеет Y-образную форму и состоит из пяти-шести гнейсовых плиток, установленных на ребро и двух овальных плиток в стыковых соединениях, вставленных горизонтально. Стоящие на ребре плиты сохранились плохо, однако удалось установить, что для крепления в горизонтальном положении, по крайней мере, одного из дисков был сделан паз. На это указывает полный, единый профиль в сечении большой длинной плиты, завершающей сооружение в юго-восточной части. Выявлен прием вкапывания на 5 см стоящей на ребре плиты-пластины и подпорки ее обломком валуна. Сечения ее, судя по всему, указывают на прием надстраивания второй сходной в размерах гнейсовой плитой, сохранившейся также плохо. Общая длина конструкции – около 1,8 м, максимальная высота около 14–15 см. Длина отдельных плит-пластин, установленных на ребро, от 20 см до 1,0 м, ширина до 15 см, толщина около 1,5–3,0 см. Размеры плашмя лежащих плиток – 13,7×13,0×2,0 см и 18,5×13,6×2,5 см. Состояние горизонтально установленных плиток удовлетворительное, хорошо видна ретушь краевой обработки дисков. Она является доказательством целенаправленного производ-

ства этих плиток-дисков и аргументом для утверждения об искусственном оформлении сохранившихся плохо стоящих на ребре плит. Конструкция из сланцевых плит демонстрирует сложное сочетание таких технических приемов как вкапывание, поддержка камнями в вертикальном положении, пазовое стыковое соединение, надставление одной плиты над другой. В сумме это дает самый сложный образец строительной деятельности в регионе севера Байкальской Сибири.

В восточной части раскопа залегает паводковая аллювиальная линза светло-серого алеврита мощностью до 2 см, разделяющая культурные горизонты 1А и 2. На исследуемом участке она перекрывает конструкцию только частично, юго-восточная ее часть была экспонирована на дневной поверхности, по крайней мере, еще и во время обитания людей и отложения артефактов культурного горизонта 1А. Многократно зафиксировано прилегание артефактов этого более позднего эпизода обитания к верхней части экспонированной плиты. С другой стороны, в северо-западной зоне конструкции на уровне к.г. 1А зафиксированы остатки гнейсовых плиток, лежащих на ребре вдоль оси сооружения. Сечение их показало, что эти небольшие плитки подстилаются паводковой прослойкой, а значит – были положены в эпизоде к.г. 1А. Этот вышележащий уровень имеет две радиоуглеродные даты, приходящиеся на возраст около 8,2–8,1 тыс. л.н. Они получены по образцам угля, взятым из кострищ очагов, в т.ч. из линзы кострища, находящейся в непосредственной близости. По нашему мнению, эти данные свидетельствуют о сохранении и подновлении конструкции в эпизоде обитания людей на стоянке, состоявшемся более 2000 лет спустя. Эти выводы подтверждают тезис, высказанный ранее, основанный на материалах предыдущих раскопанных сооружений из гнейсовых плит на Коврижке III (Тетенькин, 2010. С. 106). Наиболее поздняя подобная конструкция относится к к.г. 1 (~8,1 тыс. л.н.). Она состоит из установленной на ребро в том же направлении СЗ – ЮВ и подпертой у одного конца гнейсовым обломком, длинной плиты (до 180 см). Анализ всех линейных конструкций, принадлежащих уровням 2 (верхний, нижний), 1А, 1 к.г., показывает дли-

тельную трансляцию традиции сооружения специфичных конструкций на протяжении ~11,0–8,1 тыс. л.н. Функциональное определение их остается проблематичным.

Формально к.г. 2 и 1А Коврижки III принадлежат к разным культурным традициям. Культурный горизонт 2 (нижний) мы рассматриваем как один из вариантов дюктайской культуры, однако есть ряд черт зарождения в нем технических традиций (расщепления призматических нуклеусов, производства топоров), характерных уже для следующих, более поздних раннеголоценовых ансамблей сумнагинского облика. Культурный горизонт 1А как раз и представляет собою ансамбль этого типа. Сюжет с Y-образной конструкцией, связывающей два типологически разных ансамбля, уникален в смысле возможности новой оценки варибельности индустрий. Он является свидетельством непрерывности той части культуры, которая обычно ускользает от археологов и выходит за рамки типологии каменных производств и изделий.

Совокупность выявленных компонентов местонахождения Коврижка III делает его опорным памятником эпохи конца плейстоцена – раннего голоцена на Нижнем Витиме, ключевым в развитии проблематики культурной варибельности, технических стратегий адаптации населения к окружающей среде, мобильности в передвижении и доставке ресурсов. Ряд знаний в этих направлениях археологии Байкало-Патомского нагорья и Привитимья получен впервые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демонтерова Е.И., Иванов А.И., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // *Stratum Plus*. 2014. № 1. С. 165–178.

Инешин Е.М. Некоторые итоги и задачи изучения археологических памятников Нижнего Витима // *Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXV РАСК*. Иркутск, 1985. С. 100–102.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // *Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. Ч. 1 / Под ред. А.В. Харинского*. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 96–104.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // *Изв. Лаб. древних технологий*. Вып. 8. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. С. 64–134.

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // *Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда*. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 94–95.

Тетенькин А.В. Исследования местонахождения Коврижка III на Нижнем Витиме в 2012 году // *Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 219–225. (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры; Вып. 1).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ УКРАШЕНИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ УШКОВСКИХ СТОЯНОК (КАМЧАТКА)

© 2014 г. А.Ю. Федорченко

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, Магадан
(winteralex2008@gmail.com)*

Ключевые слова: Ушки, Ушковские стоянки, Камчатка, палеолит, трасология, каменные украшения, технологический анализ.

Резюме. В докладе приведены результаты технологического анализа серии каменных бусин и подвесок из культурных слоев VII и VI стоянок Ушки I и V. Данные украшения являются одним из самых древних и массовых свидетельств символического поведения в регионе. На основании выявления и анализа следов обработки и экспериментальных данных определены основные этапы изготовления изучаемых изделий.

Комплекс Ушковских многослойных стоянок является одним из самых известных и информативных геоархеологических объектов Крайнего Северо-Востока Азии. Стоянки Ушки I–V расположены на южном берегу Большого Ушковского озера (центральная часть п-ова Камчатка), три из них (Ушки I, IV, V) имеют культурные горизонты с материалами финальнопалеолитического возраста. Следы наиболее раннего присутствия человека фиксируются в культурном горизонте VII стоянок Ушки I и V и датируются в пределах 11,3–11,0 тыс. л.н. (Goebel, Waters, Dikova, 2003; Понкратова, 2007; Слободин, 2010). Орудийный набор включает в себя серию бифасиальных наконечников стрел с черешком и/или выемками у основания, ножей листовидной формы с бифасиальной обработкой; концевые и округлые скребки, скребла с обработкой по периметру, единичные нуклеусы подпризматической формы, варианты изделий с резцовым сколом, сверл и резчиков; шлифовальные плитки-абразивы.

Культурный слой VI выявлен на стоянках Ушки I, IV и V и содержит широкую серию одно- и двухплощадочных клиновидных микронуклеусов; наконечники стрел и дротиков, ножи листовидных форм с бифасиальной обработкой; разнообразные скребки, скребла и чопперы из галек и массивных сколов; микропластины с ретушью и без; шлифо-

вальные плитки с поперечным желобком и иные изделия. Возраст комплекса составляет 10,8–10,0 тыс. л.н. В качестве основного сырья при изготовлении орудий в обеих индустриях использовались кремни, кремнистые сланцы, халцедоны и обсидианы. В результате изучения материалов горизонтов VII и VI Н.Н. Диковым (1979. С. 31–75) были выделены ранняя и поздняя ушковские палеолитические культуры. По мнению исследователя, эти культуры имеют существенные различия между собой в морфологии основных элементов каменного инвентаря, наличии или отсутствии некоторых технологий, традициях домостроительства и устройства очагов.

Палеолитические комплексы Ушковских стоянок содержат в себе выразительную серию украшений в виде миниатюрных шлифованных бусин, подвесок и бляшек различных форм из мягких пород камня (пирофиллита, агальматолита, талька). Наиболее массово подобные изделия представлены в слое VII (свыше 1000 бусин и около 50 подвесок), где они в основном приурочены к нескольким структурно выраженным объектам: жилищным площадкам и очагам, мастерским и одному погребению. Важную информацию несут уникальные находки, обнаруженные на стоянке Ушки V в ходе исследований 2004–2007 гг.: компактное скопление из 25 округлых подвесок, а также «нитка» из 14 бусин и

одной подвески, обнаруженная *in situ* в полу жилища слоя VII (Понкратова, 2007; Понкратова, Федорченко, 2008).

Цель данной работы заключалась в реконструкции технологии изготовления каменных украшений палеолитических комплексов Ушковских стоянок. Комплексному исследованию была подвергнута выборка из 146 бусин и 14 подвесок из слоя VII стоянок Ушки I и V, шести подвесок и трех бляшек из слоя VI стоянки Ушки I. Данные материалы были получены в ходе раскопок Н.Н. Дикова (1964–1993 гг.) и М.А. Кирьяк (2000 г.) и представлены сегодня в археологической экспозиции Музея естественной истории Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН. При изучении следов износа и обработки нами использовался микроскоп МБС-2 (увеличение 7–100х) и Olympus ВНМ (увеличение 40–500х), для фиксации – зеркальная фотокамера Canon EOS 450D, совмещенная с макрообъективом Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM, а также микроскопом Olympus ВНМ. Лабораторные исследования дополнялись серией экспериментов по моделированию процесса производства каменных украшений с использованием талькохлорита из Шабровского месторождения Свердловской обл., выступающего по своим физическим характеристикам аналогом материала палеолитических украшений с Ушковских стоянок.

Свыше 90% каменных бусин из слоя VII имеют размеры 3–6×1 мм, округлую в плане форму, плоский профиль и одно сверленное отверстие в геометрическом центре или у края изделия. Подвески из слоев VII и VI различаются по размеру, форме (плоские и объемные; дисковидные, овальные, подпрямоугольные, аморфные, фигурные), количеству отверстий (одно, два или четыре) и их расположению (в центре, у края или в двух противолежащих краях изделия). В слое VI отдельной серией украшений представлены бляшки вытянутой овальной формы с двумя отверстиями и значительно выступающим из центра носиком, который придает данным изделиям вид своеобразных лабреток.

Изучаемые украшения изготовлены из нескольких пород мягкого камня (определен пиррофиллит, агальматолит и талька). Несмотря на некоторые различия в химическом составе,

данные минералы обладают сходными физическими свойствами: невысокой твердостью, плотным и мелкозернистым сложением, благодаря которым они являлись исключительно ценным и удобным материалом для изготовления различных украшений. Вероятно, определенную роль в выборе сырья играл и его цвет, который в нашем случае колебался от белого и различных оттенков желтого до темно-зеленого, красного, темно-серого.

Практически полное отсутствие в палеолитических материалах Ушковских стоянок фрагментов сырья и первичных сколов создают некоторую трудность в более точной идентификации морфологии исходных заготовок. Исходя из размера готовых изделий, следует полагать, что в контексте индустрии слоя VII сходными заготовками бусин являлись плоские отщепы с размерами не менее 5,0×4,0×1,5 мм. Более крупные сколы с относительно прямым профилем шли на изготовление разнообразных, плоских в сечении подвесок, массивные сколы – для «объемных» подвесок и бляшек. Подобные сколы могли быть получены путем расщепления отдельностей мягкого камня прямым ударом твердого каменного отбойника. Экспериментально установлено, что в виду высокой спайности используемого материала, процесс отделения сколов часто мог происходить по кристаллографическим плоскостям. Вязкость сырья приводила к необходимости приложения ощутимых усилий при нанесении удара. Конечные продукты расщепления данных материалов обычно имели ярко выраженный зернистый излом и напоминали скорее осколки, чем отщепы-сколы в традиционном понимании данного термина.

Дальнейший этап изготовления украшений подразумевал черновую отделку сколов мягкого камня мелкозернистым абразивом. Прием шлифовки использовался для удаления неровностей рельефа и получения заданной формы. Признаки первичной абразивной обработки на изученных нами изделиях в большинстве случаев перекрыты более поздними следами сверления, полировки и износа. При увеличении 100х следы шлифовки имеют вид регулярных, параллельных, относительно узких борозд-линий, нередко перекрывающих друг друга. На использование данного прие-

ма указывает и своеобразная «ступенчатость» боковых граней большинства бусин слоя VII. В качестве шлифовальных инструментов в изучаемых индустриях использовались абразивные плитки различных форм из песчаника и туфа. Характер выявленных следов позволяет понять, каким образом происходил процесс шлифовки: удерживая заготовку пальцами руки, мастер совершал одно- или разнонаправленные движения по абразиву.

Изучение отверстий украшений под микроскопом позволило зафиксировать наличие концентрических борозд, возникших в результате выкрашивания материала заготовки при сверлении. Данные экспериментов, анализ размеров и формы отверстий дают нам определенное понимание процесса сверления. Большинство изученных бусин имело форму отверстий, близкую к цилиндрической или односторонне конической. Для их получения необходимо равномерное, круговое, однонаправленное действие каменного сверла с достаточно узким лезвием. Для создания отверстий в подвесках и бляшках применялось и биконическое сверление. Осуществление процесса сверления не требовало сложных приспособлений и могло происходить на весу с удержанием заготовки в одной руке, а сверла – в другой.

На завершающей стадии обработки использовались приемы полировки (вероятно, мягкой кожей) и резания (для нанесения боковых насечек). Полирование поверхностей изучаемых каменных изделий осуществлялось с целью окончательного равномерного разглаживания рельефа и придания блеска.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о распространенности среди палеолитических популяций Ушковских стоянок единой специализированной технологии производства разнообразных типов каменных украшений. Физические свойства используемых материалов позволяли древнему мастеру не прикладывать особых усилий при их шлифовке, полировке, сверлении и резании, предоставляя ему широкую свободу творческого самовыражения. Несмотря на существенное сходство в технологии, ушковские индустрии содержат в себе несколько серий украшений, уникальных для каждой из них. Так, в материалах слоя VI пол-

ностью отсутствуют миниатюрные округлые бусины, широко представленные в нижележащем слое VII, однако в последнем совершенно не представлены «лабретковидные» бляшки, характерные для слоя VI. Наличие в изучаемых комплексах широких устойчивых серий каменных украшений наглядно указывает на существование отчетливо сформировавшихся канонов данных изделий и традиций их использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 256 с.

Понкратова И.Ю. Стоянка Ушки-5 (Камчатка): исследования последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. 2007. С. 13–20.

Понкратова И.Ю., Федорченко А.Ю. Бусы и подвески стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: мат-лы XLVIII РАЭСК. Барнаул: Азбука, 2008. С. 77–78.

Слободин С.Б. Новые данные о возрасте VII палеолитического слоя стоянки Ушки I // VI Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 66–71.

Goebel T., Waters M.R., Dikova M. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene Peopling of the Americas // Science. 2003. Vol. 301. P. 501–505.

ТРЕТИЙ МЫС (КАМЕННАЯ БАЛКА-3) – МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК КОНЦА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

© 2014 г. Н.А. Хайкунова, А.А. Симоненко

*Исторический музей, Москва
(ninonkh@gmail.com; antoshka-sm@yandex.ru)*

Ключевые слова: поздний палеолит, стоянка, культурный слой, скопление, очаг, орудия, кремьень.

Резюме. На стоянке Третий Мыс три культурных слоя относятся к каменнобалковской культуре. Структура слоев различна, но кремневый инвентарь показывает большое типологическое и технологическое сходство. Различия в составе орудий, предположительно, связаны с различием типа памятников (базовая стоянка или охотничий лагерь).

Стоянка Третий Мыс (Каменная Балка-3) открыта М.Д. Гвоздовер в 1962 г. Исследовалась начиная с 1967–1970 гг. С 1990 г. по настоящее время работы ведутся Нижнедонской археологической экспедицией ГИМ под руководством Н.А. Хайкуновой. Входит в группу каменнобалковских памятников, находящихся в низовьях р. Дон, в Ростовской обл. Три культурных слоя представляют разные эпизоды посещения территории представителями одной археологической культуры. Слои лежат в позднелепесточных суглинках: верхнем, в середине и внизу второго соответственно.

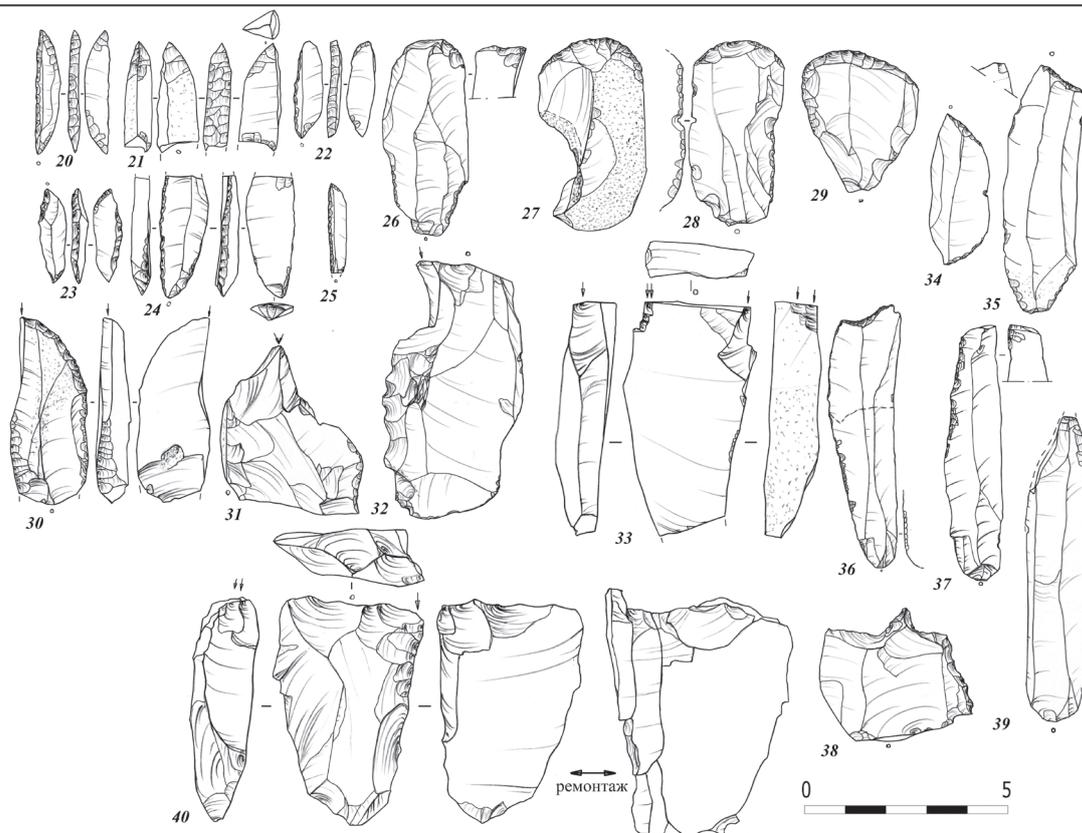
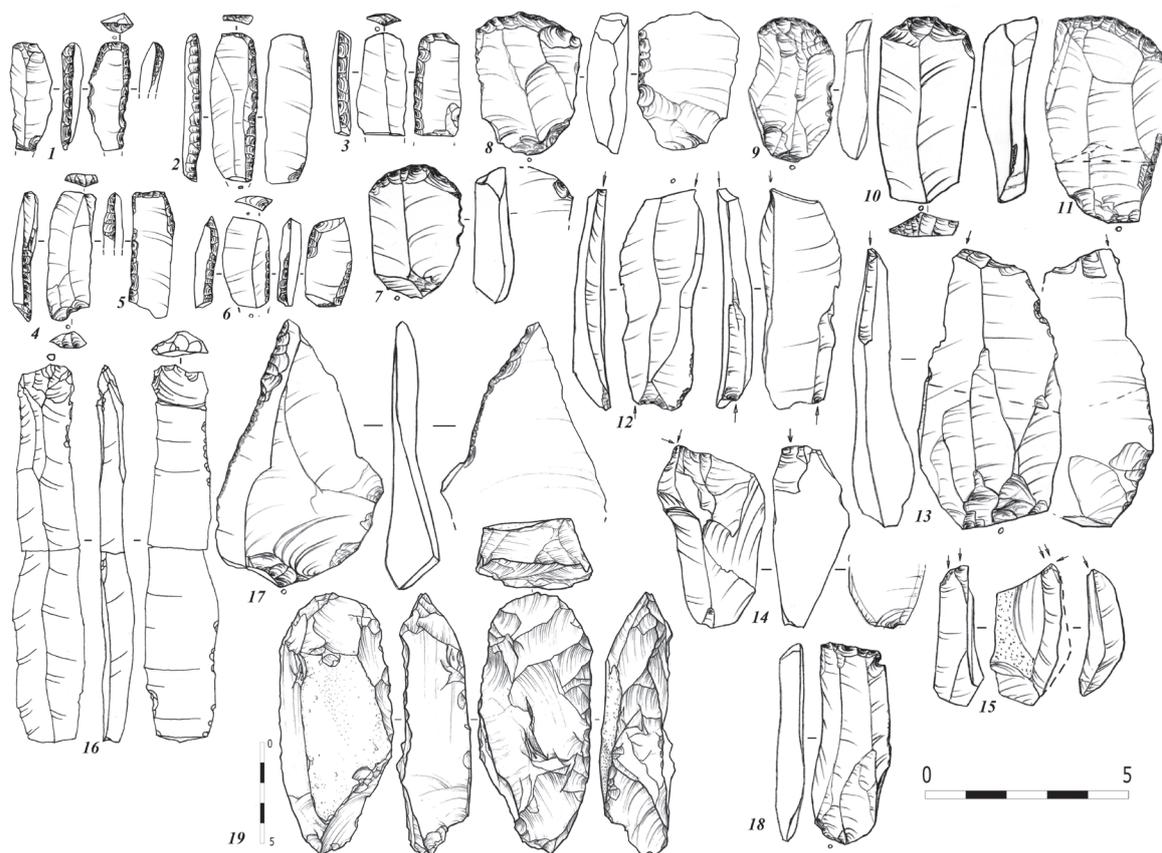
Радиоуглеродные датировки, полученные для всех слоев, показывают, что человек посещал эти места в течение 1,5 тыс. лет. Культурные слои 1 и 3 представляют собой места кратковременного пребывания типа «охотничьего лагеря», слой лежит отдельными пятнами-скоплениями небольшой площади. Слой 2 – базовая стоянка-поселение с крупными сложными структурными объектами. Он выявлен на всей площади памятника (455 кв.м). Кремневые коллекции слоев, в первую очередь орудия, обнаруживают как черты сходства, так и некоторые различия. Морфология орудий – пока основной источник выделения особенностей памятников и определения культурой принадлежности. Основные черты индустрии были определены еще М.Д. Гвоздовер (1967).

Слой 1 лежит в верхнем суглинке. В рамках слоя выявлены четыре скопления, при-

уроченные к бортам древней погребенной ложбины. Ремонтаж расщепленного кремня, планиграфические и трасологические наблюдения позволяют сделать вывод о структурном единстве материала в пределах трех скоплений (№ 1–3). Скопление № 4 частично переотложено. Данных о синхронности комплексов пока нет. Для комплекса № 3 была получена дата 13 100±200 л.н. Комплексы различны по структуре: № 3 – недифференцированное скопление находок, для остальных (№ 2, 3) характерны определенные структурные элементы: очажное пятно/очаг, приочажное скопление, скопление микродебитажа, пятна охры. Есть специализированные зоны по обработке шкур, оформлению и подправке орудий.

В коллекции 1-го слоя 1 224 предмета из кремня. Их технико-морфологические характеристики и типологический состав позволяют говорить о единстве материалов слоя. Состав находок отражает полный технологический цикл раскалывания от подготовки ядрища до изготовления орудия. Основными заготовками являлись большие пластинчатые сколы, редко микропластинки. Приёмы вторичной обработки кремня включают в себя ретушь, резцовый скол и вентральную подтеску.

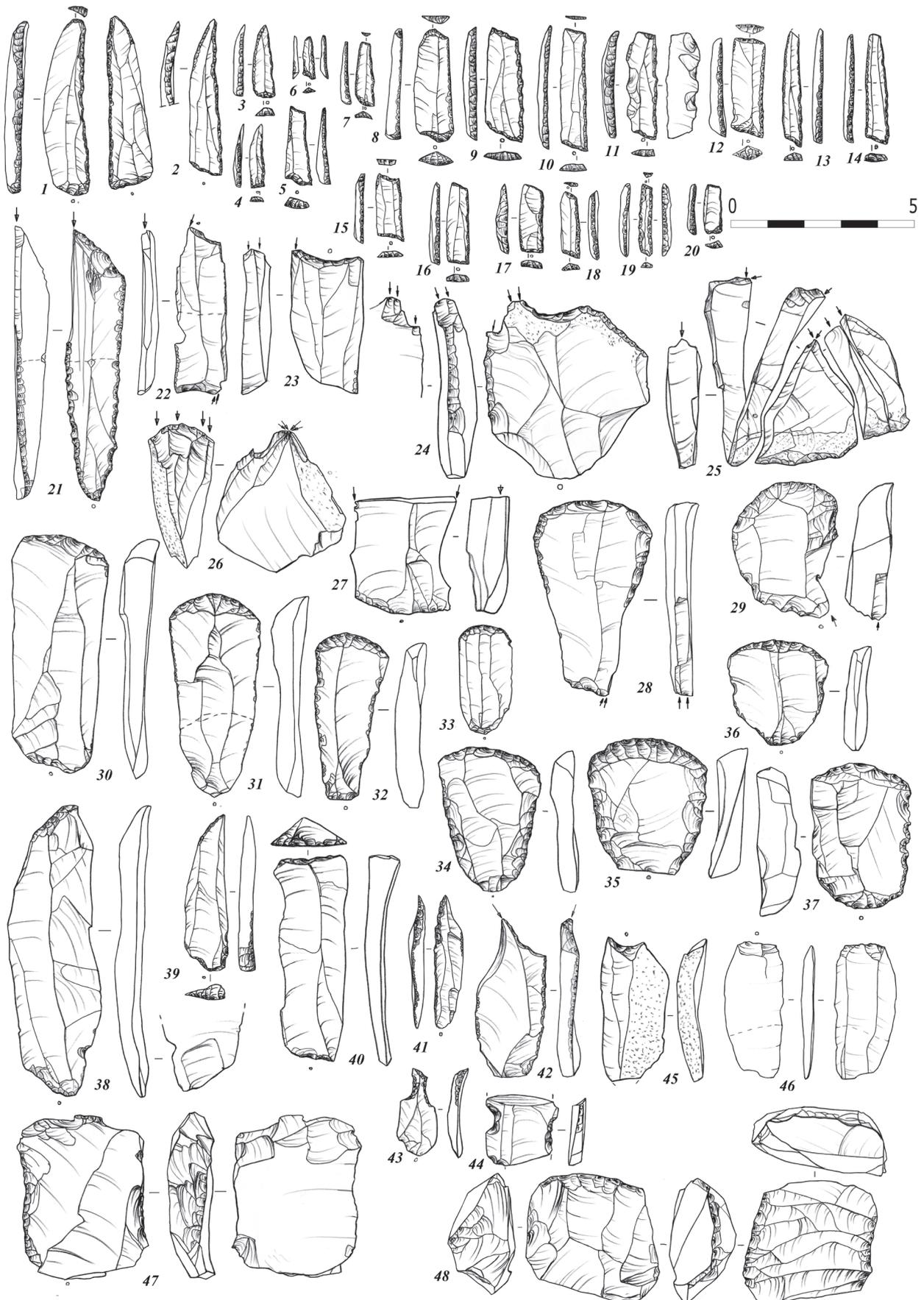
Орудия составляют 20% от общего количества находок (рис. 1). Основными категориями являются скребки (48%), пластинки и микропластинки с притупленным краем

Рис. 1. Орудия из слоев 1 и 3 стоянки Третий Мыс.

1–6, 20–25 – пластинки и микропластинки с притупленным краем; 7–11, 26–29 – скребки; 12–15, 30–33 – резцы; 16 – «стамеска»; 17, 18, 34–36 – острия и тронки; 19 – «тесло»; 37 – «нож»; 38, 39 – проколки; 40 – резец с подтеской.

1–19 – слой 1; 20–40 – слой 3.

Рис. 2. Орудия из слоя 2 стоянки Третий Мыс.

1–20 – пластинки и микропластинки с притупленным краем; 21–27 – резцы; 28, 29 – резцы-скребки; 30–37 – скребки; 38–40 – острия и тронки; 41–43 – проколки; 44, 45 – выемчатые орудия; 46 – «стамеска»; 47, 48 – орудия с подтеской.

(ППК-МППК) (13%) и резцы (12%). Скребки в основном концевые, вытянутых пропорций, со сходящимися или субпараллельными краями. По количественным и качественным признакам корпуса скребки слоя 1 отнесены к устойчивым разновидностям формы, выделенным для каменнобалковской культуры (Гвоздовер, Деопик, 1984). В категории ППК-МППК преобладают ППК, края и конец часто оформлены крутой вентральной ретушью, что не характерно для слоя 2. Среди резцов преобладают ретушные, встречаются на сломе заготовки, и двугранные. Также в материалах первого слоя представлены различные острия, тронки и орудия с вентральной подтеской (1–3%).

В комплексе № 3 найдено массивное тесло (заготовка?). Это орудие миндалевидной формы, рабочий конец скруглен и приострен, спинка и брюшко оформлены частичной оббивкой. Аналогий среди материалов каменнобалковской культуры пока нет.

Для слоя 2 получена серия дат из разных лабораторий. Большинство дат укладываются в интервал 13 600–13 500 л.н.

Находки лежат крупными скоплениями, названными комплексами (Хайкунова, 2011). Они включают мелкие объекты с разнообразными видами деятельности. Центром комплекса был очаг, в приочажной зоне которого производились различные виды работ от первичного расщепления сырья до изготовления, использования и переоформления орудий, здесь часто сосредоточена и кухонная деятельность. В скоплении есть более мелкие объекты – индивидуальные места с отдельными видами работ – обработкой кости, получением заготовок, иногда второй очажок. В одном случае реконструирован комплекс, включавший три больших очага с разными видами деятельности и сложносоставным скоплением вокруг. В нескольких комплексах выявлена зона, предположительно бывшая спальным местом, хотя остатков конструкций на памятнике нет. Очаги привязаны к разным неровностям рельефа – возвышению на поверхности склона или тальвегу древней ложбинки.

Основные объекты охоты – бизон и лошадь, однако список фауны довольно широк:

северный олень, плейстоценовый осел, сурок, заяц, волк и птица (?).

Основные категории орудий: микролиты (МППК и ППК), резцы и скребки (42, 25 и 12% соответственно). Остальные категории орудий не превышают 3% каждая, хотя список их довольно широк (рис. 2).

МППК – тре- и четырехугольники с промежуточными вариациями. ППК от них отличаются в основном размером, их мало. Орудия обычно имеют ретушированный край (реже оба) и конец (концы). Край прямой, а концы могут иметь разную форму, хотя преобладают прямые, чаще они скошены, с острым углом у ретушированного края.

Скребки обычно делали на пластинчатых заготовках. Преобладают удлиненные, со сходящимися книзу (иногда в нижней трети) краями. Параллельные края встречаются реже. Есть скребки укороченных пропорций, в основном со сходящимися краями. Единичны экземпляры двойных скребков с лезвиями на противоположных концах заготовки. Ретушь краев в целом не характерна, но есть предметы ретушированные даже по периметру. На некоторых орудиях в нижней части рукояти иногда бывают участки ретуши, отдельные фасетки, небольшие выемки. Это следы аккомодации – закрепления в рукояти. Иногда аккомодационная ретушь есть на нижнем конце орудия.

Резцы – преобладают различные варианты ретушных. В заготовке прослеживается стремление выбрать удлиненные, однако резцы нередко делаются на массивных сколах, в т.ч. ребристых. Есть крупные орудия, в костных скоплениях встречаются резцы нуклеидные и на нуклеусах. Вторые по численности – двугранные резцы. В основном на пластинах и отщепках, для них отбор заготовки был менее тщательный. Они в основном асимметричные. Иногда ударной площадкой служила плоскость старого резцового скола. Резцы на сломе заготовки встречаются редко, в основном на пластинах и средних и крупных отщепках. Есть орудия (ретушные и двугранные) на толстых резцовых отщепках. Резцы на естественных площадках редки.

Прочие орудия малочисленные. Можно выделить несколько категорий с различным оформлением конца – острия, проколки, трон-

ке, чешуйчатые (стамески и долотовидные), комбинированные орудия редки, в основном это скребки-резцы.

Для слоя 3 получены четыре ^{14}C -даты. Они дают довольно большой разброс от 13 900 до 14 800 л.н., но в целом можно говорить о том, что слой старше второго на 500–700 лет.

Культурные остатки залежали двумя крупными локальными скоплениями в 8–10 м друг от друга, на бортах древней ложбинки. Верхнее небольшое и простое по структуре – маленький очажок с небольшим, но мощным приочажным скоплением, где получали заготовки и изготавливали орудия. Нуклеусы принесли частично подготовленными, орудия переоформляли неоднократно. Нижнее скопление крупнее, там, кроме приочажной округи с разными видами деятельности, были локальные места получения заготовок и работы с орудиями. В целом, структура скоплений похожа на слой 2, но более проста.

Кремневая коллекция небольшая (см. рис. 1). Орудия имеют в целом сходство со слоем 2, как по структуре коллекции, так и по типам. Однако, при преобладании тех же категорий в целом, существенно разнятся пропорции. Больше всего резцов (29%), количество микролитов и скребков почти равное (19,0 и 17,4%). Есть несколько других отличий. МППК, характерных для слоя 2 (трех- и четырехугольников) мало. Преобладают ППК с приостренными концами, скорее похожие на вытянутые сегменты или трапеции с ретушью прямого края и концов, скошенных к нему. В обработке часто встречается вентральная подправка концов, реже края. На массивных заготовках применялась встречная отвесная ретушь, редкая для слоя 2. Эти орудия близки к «рыбкам», выделенным М.Д. Гвоздовер.

Резцы и скребки обычные, аналогичны орудиям 2-го слоя, отличие только в предпочтительной заготовке – крупном и часто массивном удлиненном сколе, в т.ч. ребристом или первичном. Резцы крупные, часто много раз подправленные. Крупный нуклеидный ретушный резец с подтеской края неоднократно переоформлялся на месте (ремонтаж (см. рис. 1)). Подправке подверглась не только его рабочая часть, но и вся заготовка.

Скребки в основном на больших пластинчатых сколах, целые формы удлиненные, ук-

роченные единичны. Есть следы аккомодации на краях. Прочие категории представлены маленькими сериями: остря, тронке, стамески, проколки и зубчато-выемчатые. Особых отличий от слоя 2 нет, однако они, в целом, сделаны более тщательно.

Можно предположить, что различия в наборе орудий слоев 1, 3 и 2 объясняются разной специализацией, т.е. типами стоянок и мало связаны с временным фактором. У слоев 1 и 3 заметно отличаются только преобладающие формы МППК. Техника расщепления сырья во всех слоях имеет явное сходство, но исследования в этом направлении не закончены. Коллекции слоев имеют аналогии с коллекциями стоянок Каменная Балка-2 и -3.

Третий Мыс – важный памятник для изучения развития каменнобалковской культуры. Его три слоя позволяют анализировать развитие индустрии во времени, а разные типы стоянок могут показать, как в каменном инвентаре отражается различие видов деятельности на долговременном поселении и в месте кратковременного пребывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // ВА. 1967. № 27. С. 82–101.

Гвоздовер М.Д., Деоник Д.В. Опыт классификации каменных орудий (на материалах верхнепалеолитических скребков) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 115–200.

Хайкунова Н.А. Комплексы стоянки Третий Мыс: проблема объединения // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Х.А. Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: Таус, 2011. С. 383–396.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИКРОДЕБИТАЖА ОСНОВНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II

© 2014 г. М. Хамакава

*Институт археологии РАН, Москва
(lekfnov@gmail.com)*

Ключевые слова: верхний палеолит, Каменная Балка II, хозяйственная деятельность, микродебитаж, трасология, планиграфия.

Резюме. Данная работа посвящена трасологическому изучению и планиграфическому анализу микродебитажа и скребков основного слоя Каменной Балки II. В результате исследования доказана возможность выделения следов износа на предметах микродебитажа. Пространственное распределение микросколов и скребков с идентичным видом износа позволяет автору предположить присутствие специфического вида деятельности, связанного с обработкой шкуры, и наличие подправки сработанных лезвий орудий на рассматриваемом участке стоянки.

Комплексный анализ микродебитажа является важным аспектом изучения археологических памятников, играющим большую роль при выявлении специфических зон хозяйственной деятельности или «скрытых структур» культурного слоя памятника.

Основной целью работы является функционально-планиграфический анализ микродебитажа основного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II, включающий в себя трасологическое изучение и планиграфическое распределение. Кроме того, для сравнения были привлечены данные трасологического изучения скребков.

В работе использовались материалы, которые были получены в результате промывки вмещающей породы из основного слоя на участке, исследованном с 2005 по 2009 г. Этот участок, расположенный в северо-восточной части памятника, характеризуется высокой концентрацией кремневого и костного материала, плотностью вмещающей породы, наличием нескольких очагов и ямок с вкопанными костями.

Термин *микродебитаж* в представленной работе мы применяем к мелким кремневым сколам размером до 15 мм для того, чтобы получить максимальное количество микросколов со следами износа. Среди полученного микродебитажа около 25 тыс. предметов, на

которых наблюдаются проксимальная часть с ударной площадкой и/или ударным бугорком и дистальная часть, были исследованы с целью выделения следов износа. Затем микросколы, имеющие какие-нибудь признаки следов износа, подвергались подробному трасологическому анализу. Выделение и анализ следов износа производились с помощью металлографического микроскопа и бинокля. Рабочее увеличение начиналось с 50 крат и доходило до максимального увеличения в 500 крат.

В результате чего на микросколах прослеживается комплекс следов износа, включающий в себя заполировку, линейные следы, также скругление и выкрошенность рабочей кромки. В подавляющем большинстве случаев следы износа остаются на проксимальном конце микросколов. При этом необходимо отметить, что в зависимости от ряда условий и степени сохранности проксимального конца, т.е. ударной площадки микросколов, следы износа могут быть утрачены полностью или частично.

Трасологическое изучение микродебитажа выявило значительное число микросколов с различными по виду и по сохранности следами износа. Несмотря на размеры микродебитажа фиксация следов износа вполне осуществима так же, как в случае изучения орудий.

Как правило, они более выразительны, чем на предметах большего размера. К сожалению, в данный момент с наибольшей долей достоверности можно говорить только о следах износа, характерных для работы с мягким материалом – шкурами. Именно эти следы износа стали предметом дальнейшего изучения. На этом участке выявлено 153 микроскола с рассматриваемыми следами износа и 12 скребков, на рабочих лезвиях которых наблюдается идентичный вид износа (рис. 1).

Причиной появления этих микросколов, на наш взгляд, является их намеренное снятие с лезвий орудий. Эта гипотеза основана на следующих предположениях.

1. Почти на всех изучаемых материалах четко фиксируются ударные бугорки, ударные площадки. Также на дорсальной части большинства изучаемых микросколов четко наблюдаются грани и негативы предыдущих снятий.

2. Согласно ряду исследований, работа по мягким органическим материалам не дает интенсивной выкрошенности, что подтверждается и экспериментально (Семёнов, 1957; Keeley, 1980; Коробкова, Щелинский, 1996).

3. Подновление лезвий орудий обуславливалось необходимостью эффективной работы.

Основываясь на этих предположениях, была проведена серия экспериментов по обработке шкур животных кремневыми скребками с дальнейшим подновлением сработанного лезвия. На разных стадиях эксперимента производилась фиксация износа на рабочих поверхностях орудий, а затем – на сколах подправки их лезвий. Проведенные эксперименты позволили увидеть зону распространения идентичного износа не только на орудиях, но и на микросколах.

Планиграфическое распределение микродебитажа и скребков, происходящих с изучаемого участка, показывает, что можно выделить зону повышенной концентрации микросколов, расположенную в центре скопления археологического материала (рис. 2). Далее был рассмотрен характер деятельности на тех участках, где были сосредоточены микросколы с описываемыми следами.

В первую очередь нужно отметить приуроченность этих микросколов к небольшому

участку, ограниченному кв. с-у/16–20. Значительное количество таких микросколов располагалось на приочажном пространстве на кв. т/16–17 (ок. 40%). Основная масса скребков располагается на кв. с-х/16–21, которые соответствуют концентрации микродебитажа с идентичным видом износа.

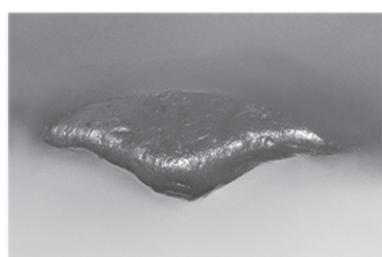
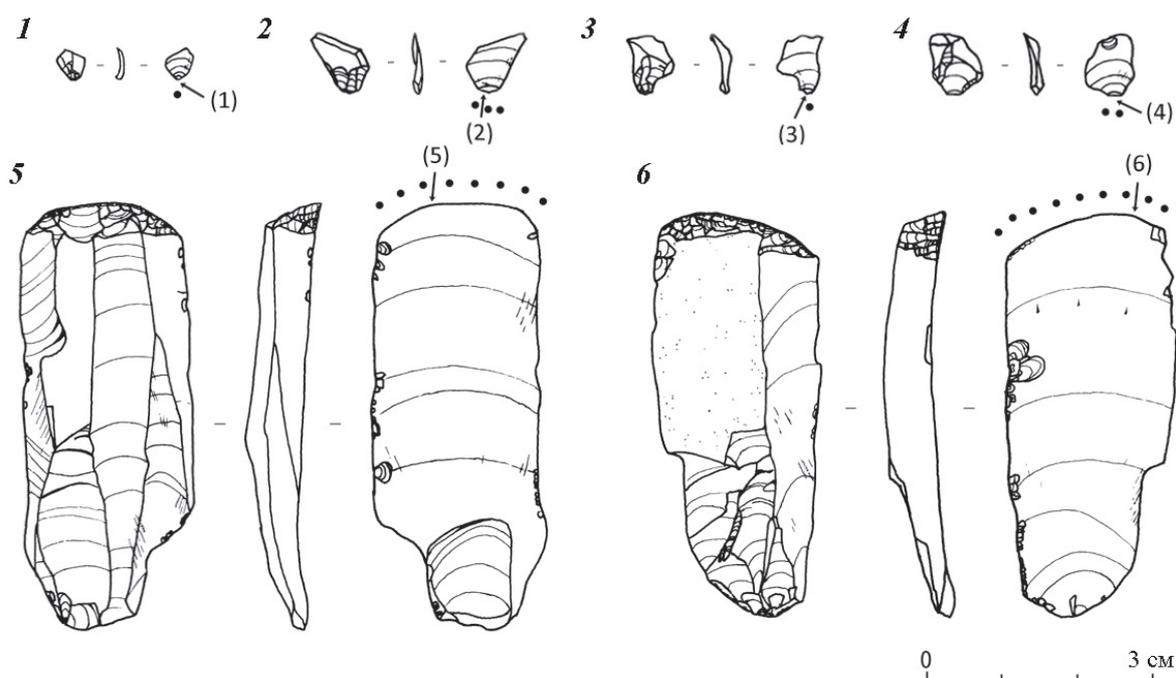
Кроме того, интересным является то, что скопление микродебитажа с этим видом износа и подобных скребков располагается в непосредственной близости от большого пятна красной охры на кв. т-у/19–20. Как отмечают археологические и этнографические исследования, между обработкой шкур и красной охрой имеется очень тесная связь (Keeley, 1980; Vaughan, 1985; Dubreuil, Grosman, 2009; Solas, 1911). Красная охра может служить в качестве натурального консерванта для шкур животных (Audouin, Plisson, 1982).

Подправка лезвий орудий непосредственно на месте, где производилась обработка шкур, может служить причиной нахождения здесь микросколов со следами износа от работы по шкуре и предметов микродебитажа, покрытых красной охрой. Можно также предположить, что высокая концентрация микросколов с микроизносом, наблюдаемая на кв. т/16–17, объясняется тем, что здесь производилась подправка лезвий скребков; в то время как на кв. т-у/19–20 непосредственно обрабатывались шкуры.

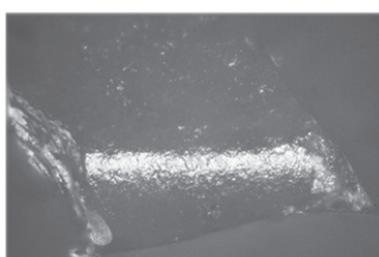
На основании распределения изучаемых микросколов и скребков можно предположить присутствие особого вида деятельности на этом участке – обработки шкур. Микросколы с рассматриваемыми следами износа дают возможность говорить о наличии подправки лезвия сработанных орудий. Картина их пространственного распределения указывает на места, где она производилась, т.к. в отличие от орудий микродебитаж чаще всего остается там, где происходила соответствующая деятельность (Леонова, 2000).

В результате проведенного комплексного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, была доказана возможность выделения следов износа на предметах микродебитажа.

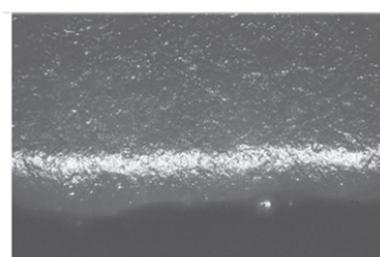
Во-вторых, представленный в этой работе метод анализа кремневого материала позволяет выявить специфические места деятель-

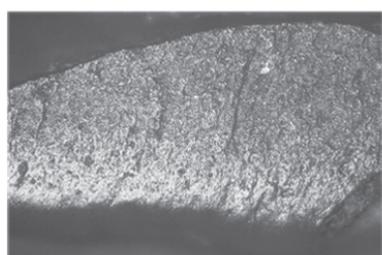
(1) Микроскол

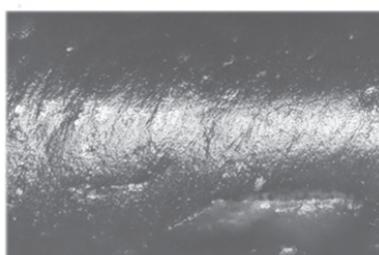
(3) Микроскол

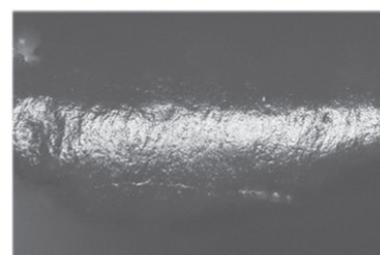
(5) Скребок

(2) Микроскол

(4) Микроскол

(6) Скребок

1, 2, 3, 5 : 0,5 мм

4, 6 : 0,25 мм

Рис. 1. Микросколы (1–4), скребки (5, 6) и микрофотографии следов износа от работы по шкуре.

ности и скрытые объекты культурного слоя, которые остаются неизвестными при исследовании находок, добытых при раскопках обычным путем. Идентичный вид износа на предметах микродебитажа и скребках, а также их пространственное распределение с большой долей вероятности позволяют предположить специфическую деятельность, связанную с обработкой шкур, и подправку лезвий ору-

дий, вовлеченных в процесс обработки шкур, на рассматриваемом участке стоянки.

Кроме того, дальнейшей задачей подобных исследований является определение других следов износа на предметах микродебитажа и сопоставление их с разными категориями находок, что послужит более глубокому пониманию и воссозданию картины хозяйственной деятельности на памятнике.

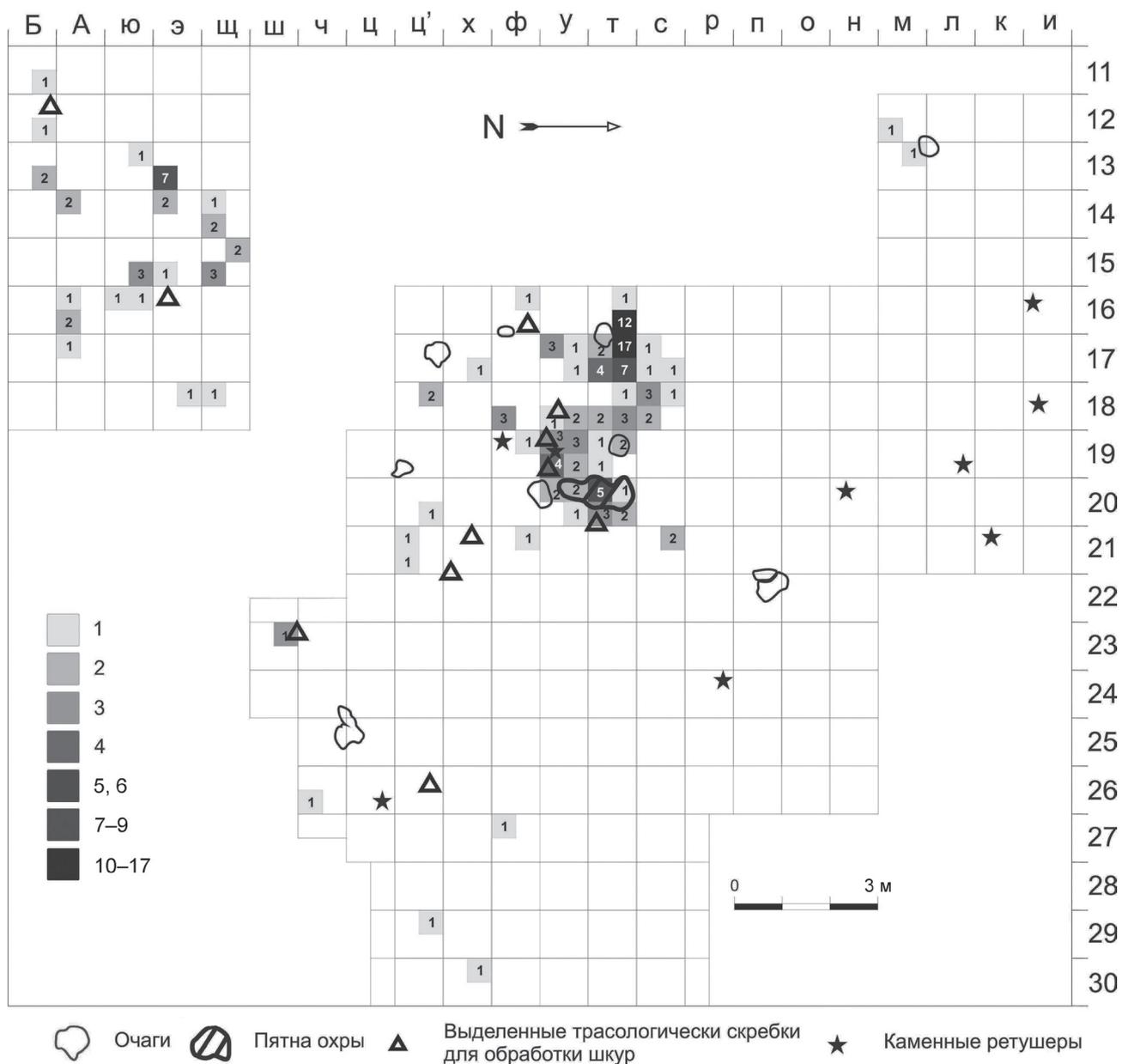

Рис. 2. Распределение микросколов и скребков со следами износа от работы по шкуре на северо-восточном участке стоянки Каменная Балка II.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.
- Леонова Н.Б. Методы диагностики хозяйственной деятельности на памятниках каменного века // Археологический альманах. 2000. № 9. С. 137–144.
- Семёнов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА; № 54).
- Audouin F.Y., Plisson H. Les ocres et leurs témoins au Paléolithique en France: enquête et expériences sur leur validité archéologique // Cahiers de Centre de Recherches Préhistoriques (Université de Paris I). 1982. № 8. P. 33–80.
- Dubreuil L., Grosman L. Ochre and hide-working at a Natufian burial place // American Antiquity. 2009. Vol. 83. P. 935–954.
- Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. Chicago: Univ. of Chicago, 1980. 212 p.
- Sollas W.J. Ancient hunters and their modern representatives. L., 1911. 416 p.
- Vaughan P.C. Use-wear analysis of flaked stone tools. Tuscon, 1985. 204 p.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ¹

© 2014 г. А.М. Хаценович

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(ada1985@yandex.ru)*

Ключевые слова: ранний верхний палеолит, Северная Монголия, периодизация, культурный горизонт.

Резюме. Многочисленные материалы, найденные на многослойных памятниках в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, а также полученная для них серия дат позволяют рассмотреть развитие раннего верхнего палеолита региона. Выделение этапов в этом развитии требует определения технико-типологических критериев. Ряд таких критериев позволяют разделить ранний верхний палеолит Северной Монголии на три периода.

Критерии периодизации раннего верхнего палеолита (далее – РВП), равно как и сама возможность таковой, являются одним из самых дискутируемых вопросов в археологии каменного века. Если обоснованность его выделения как крупной периодизационной единицы в самых различных районах Евразии давно не вызывает сомнения, то вопросы о его длительности, однородности и времени завершения остаются открытыми. Для верхнепалеолитических памятников Северной Монголии, расположенных в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол (Толбор-4, -15, -16, -21), правого притока Селенги, существует периодизация, разработанная рядом исследователей, базисом которой являются технико-типологические характеристики каменных индустрий и датирование радиоуглеродным методом.

В 2010 г. была представлена периодизационная схема развития верхнего палеолита в Монголии, выстроенная на основе последовательностей радиоуглеродных дат для памятников Толбор-4, -15 (далее – Т-4, Т-15) (Гладышев и др., 2010). Наиболее ранним комплексом для Монголии авторы считают комплекс горизонтов 5, 6 (далее Г5–Г6) стоянки Толбор-4. Радиоуглеродная дата Г5 – более 41 050 л.н., Г6 – 37 400±2 600 л.н. (Там же. С. 37). Ранние датировки позволяют отнести этот комплекс к начальной поре ВП.

Далее следует комплекс Г7–Г6 стоянки Т-15, с датой в $34\ 340\pm 210$ л.н., а материалы Г5 датируются временем $28\ 460\pm 310$ л.н. (Гладышев и др., 2010). Здесь же авторы приводят дату комплекса Г4 стоянки Т-4 – $26\ 700\pm 300$ л.н., и на основе одинакового, по их мнению, типологического состава нуклеусов и орудий объединяют этот комплекс и индустрии Г5–Г7 стоянки Т-15 в рамках одного культурно-хронологического этапа РВП. Данная схема стала результатом некоторой модификации периодизации предложенной ранее теми же авторами. Согласно ей, комплексы Г7–Г6 Т-15 рассматривались отдельно от Г5 той же стоянки и определялись временем «начального» ВП в соответствии с ожидаемым в пределах 32–30 тыс. л.н. возраста, тогда как комплекс Г5 Т-15 относился ими к среднему этапу ВП с ожидаемым возрастом в 25 тыс. л.н. (Gladyshev, Tabarev, 2009. P. 17).

Неким итогом и окончательным вариантом формирования взглядов на хронологию культурных подразделений можно считать точку зрения исследователей на периодизационную схему, в которой и комплекс Г6–Г5 и комплекс Г5 стоянки Т-15, так же как и комплексы Г6–Г5 и Г4 стоянки Т-4, отнесены к РВП, который, в свою очередь, разделен на две фазы – начальную и позднюю (Gladyshev et al., 2012).

¹ Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 12-06-33041, 14-06-00163.

Нам представляется, что схема развития РВП в Северной Монголии должна быть более дробной. К таким выводам позволяет прийти привлечение материалов памятника Т-16, который исследуется в настоящее время. На основе сопоставления характеристик индустрии и полученных дат, исследователями стоянки был сделан вывод о том, что нижняя и средняя часть Г7 Т-16 соответствуют технологически и хронологически Г6–Г5 Т-4 и относится к начальной поре ВП, а верхняя часть Г7 Т-16 предварительно соотнесена с индустриями РВП Г7–Г6 стоянки Т-15 и Г4 стоянки Т-4 (Zwyns et al., in press). Этот комплекс характеризуется бипродольным параллельным расщеплением, направленным на производство удлинённых пластин, в т.ч. специфических для наиболее ранних этапов верхнего палеолита региона остроконечных пластин с бипродольной огранкой. В 2011 г. в долине р. Их-Тулбэрийн-гол была выявлена новая многослойная стоянка Т-21, для нижнего культурного горизонта которой была получена ^{14}C -дата 44 640 л.н. (Гладышев и др., 2013). Это значительно удревняет время начала формирования НВП на данной территории. Материал Т-21 немногочисленный, но, тем не менее, присутствуют типологически выраженные орудия, такие как острие, концевой скребок, выполненные на пластинах, бипродольные остроконечные удлинённые пластины, а также технический скол рабочего фронта торцового нуклеуса (Табарев и др., 2012). Характеристики и хронология вышеперечисленных индустрий соответствуют особенностям НВП Евразии, интегральной частью которого они являются.

К собственно РВП Северной Монголии следует относить индустрии нижних горизонтов Г6–Г7 стоянки Т-15 и Г4 стоянки Т-4. Датированные в пределах 30–34 тыс. л.н., они характеризуются плоскостными, подпризматическими, торцовыми и ортогональными нуклеусами. Доминирующим типом сколов являются отщепы, вместе с тем имеются и относительно крупные пластины. Изделия, имеющие следы бипродольного двуплощадочного расщепления, по количеству значительно уступают артефактам с признаками однонаправленного и ортогонального раскалывания.

Неопределённой остаётся культурно-хронологическая позиция комплекса Г5 Т-15. Ранее расщепление в данном комплексе характеризовалось как направленное на получение пластин средних размеров и пластинок с одноплощадочных монофронтальных нуклеусов, а индустрия сколов в целом – как отщеповая (Гладышев и др., 2013). Проведённый нами с применением атрибутивного подхода технико-типологический анализ коллекции Г5 Т-15 показал, что этот комплекс, хотя и значительно отличается от комплекса Г7–Г6 того же памятника по ряду критериев, но, в то же время, представляется возможным говорить о принадлежности этих ассамбляжей к одной эволюционной линии. В комплексе Г5 по-прежнему целью расщепления остаются пластины, соотношение пластин и пластинок в индустрии сколов составляет, примерно, 3:1. Большинство нуклеусов для получения пластинчатых заготовок в индустрии Г5 сильно истощено, и негативы последних снятий с фронтов скалывания позволяют говорить о получении пластинок в ходе заключительной стадии расщепления ядрищ. Однако большинство технических сколов – реберчатых, полуреберчатых и краевых – выполнено на средних и крупных пластинах и крупных удлинённых отщепах, что свидетельствует о первоначальных размерах нуклеусов и их назначении для получения крупных удлинённых сколов. Среди типов огранки дорсальной поверхности заготовок, как в комплексе Г7–Г6, так в комплексе Г5, преобладают однонаправленные негативы и гладкие дорсальные поверхности. Важно отметить, что количество заготовок с бипродольной огранкой остаётся стабильным в обоих комплексах и составляет 9–13% от общего количества учтённых сколов.

В горизонте 5 стоянки Т-15 сохраняются приемы подправки приплощадочных частей нуклеусов, использовавшиеся в Г7–Г6. Стоит отметить, что в Г5 подправка площадки применялась реже. В обоих комплексах в плоскостном расщеплении галек доминирует техника, которая характеризуется следующими чертами. На начальной стадии раскалывания снимался первичный скол по центру будущего фронта. Вторым этапом была подготовка площадки, и затем расщепление велось, если

это было возможно, с использованием естественных ребер. Затем на определенном этапе двусторонними сколами и ретушью подготавливалось ребро нуклеуса, служившее в качестве направляющей для организации расщепления ядрища.

Тем не менее существует ряд критериев, которые не позволяют объединить комплексы Г5 и Г7–Г6 в рамках одного этапа. В первую очередь, следует отметить появление призматических микропластин, а также микронуклеусов, в т.ч. клиновидного микронуклеуса на бифасиально обработанной заготовке, утилизировавшегося с помощью отжима (Гладышев и др., 2013). Комплекс Г7–Г6 показывает полное отсутствие призматического микрорасщепления, а обнаруженные микропластины были получены с нуклеусов, которые также предназначались для скалывания пластинок, а не в результате целенаправленного оформления специфических типов ядрищ. В комплексе Г5 снижается доля призматического расщепления при приоритете подпризматического однонаправленного расщепления с организацией фронта на узкой плоскости гальки, а также плоскостного скалывания. В комплексе Г5 увеличивается доля укороченных отщепов, что связано с возникновением нового приема подправки фронтов нуклеусов, когда с ребра нуклеуса снимался широкий скол. Такие отщепы имеют поперечную однонаправленную огранку с негативами пластинчатых снятий, а среди их ударных площадок преобладают естественные, что может свидетельствовать об использовании галечной поверхности в качестве естественного ребра.

Что касается орудийного набора комплекса Г5 стоянки Т-15, то заметным является снижение процента тех типов инструментария, которые являлись основными компонентами в Г7–Г6: шиповидных орудий и пластинок с притупленной спинкой. Ведущим орудийным компонентом Г5 являются скребла, концевые и боковые скребки. Общим с нижележащим комплексом типом является серия скребел с вентральной, реже дорсальной обработкой рабочего края, с обушком и уплощением вентральной поверхности. Также высокой остается доля выемчатых орудий. Но в целом количество типологически выраженных орудий является небольшим, орудийный набор яв-

ляется менее разнообразным, нежели в комплексе Г7–Г6. Все это позволяет заключить, что комплекс Г5 стоит обособленно от комплекса Г7–Г6, хотя, несомненно, является его логичным эволюционным продолжением.

Приведенные нами характеристики индустрии комплекса Г5 стоянки Т-15 позволяют говорить о необходимости выделения комплексов финального этапа РВП Северной Монголии. К нему относятся комплексы, располагающиеся в хронологическом промежутке от 25 до 30 тыс. л.н., характеризующиеся доминированием однонаправленной параллельной системы скалывания, сочетающейся с развивающимся микрорасщеплением, нацеленным на преднамеренное получение пластинок и микропластинок, в т.ч. и с типичных клиновидных ядрищ, редуцировавшихся с помощью отжимной техники. Орудийный набор демонстрирует наличие несомненных генетических связей с предшествующими индустриями. Мы предлагаем именовать этот этап РВП-2. К нему следует отнести комплексы Т-15, Г5 и, предварительно, Т-16 Г5/6, а также индустрию исследуемой ныне стоянки Харганын-Гол-5. К этапу РВП-1 мы относим ассамбляжи Т-15 Г7–Г6, Т-4 Г4 и Т-16 Г7, верхняя часть. Комплексы НВП Северной Монголии включают в себя Т-4 Г6–Г5, Т-16 Г7, нижняя и средняя часть, и Т-21, нижний горизонт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Джалл Э., Доганджич Т., Звинс Н., Олсен Д., Ричардс М., Табарев А.В., Таламо С. Радиоуглеродное датирование палеолитических стоянок в долине реки Их-Тулбэрийн-Гол в Северной Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12; Вып. 5: Археология и этнография. С. 44–48.

Гладышев С.А., Олсен Дж., Табарев А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 35–42.

Табарев А.В., Гунчинсүрэн Б., Гиллам Дж., Гладышев С.А., Доганджич Т., Звинс Н., Болорбат Ц., Одсүрэн Д. Комплекс памятников каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монго-

лия // Археологийн Судлал. Т. XXXII. Улан-Батор: ИА МАН, 2012. С. 26–64.

Gladyshev S.A., Olsen J., Tabarev A.V., Jull A. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // *Quaternary International*. 2012. Vol. 281. P. 36–46.

Gladyshev S.A., Tabarev A.V. New data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // *Current Research in the Pleistocene*. 2009. Vol. 26. P. 17–18.

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bol-orbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gillam J.C., Khatsenovich A., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives // *Quaternary International*. In press.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЗОЛИТА ПАМИРО-АЛАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ТУТКАУЛ И ОБИ-КИИК)¹

© 2014 г. С.В. Шнайдер

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул
(sveta.shnayder@gmail.com)*

Ключевые слова: мезолит, Памиро-Алай, кареноидное расщепление, геометрические микролиты.

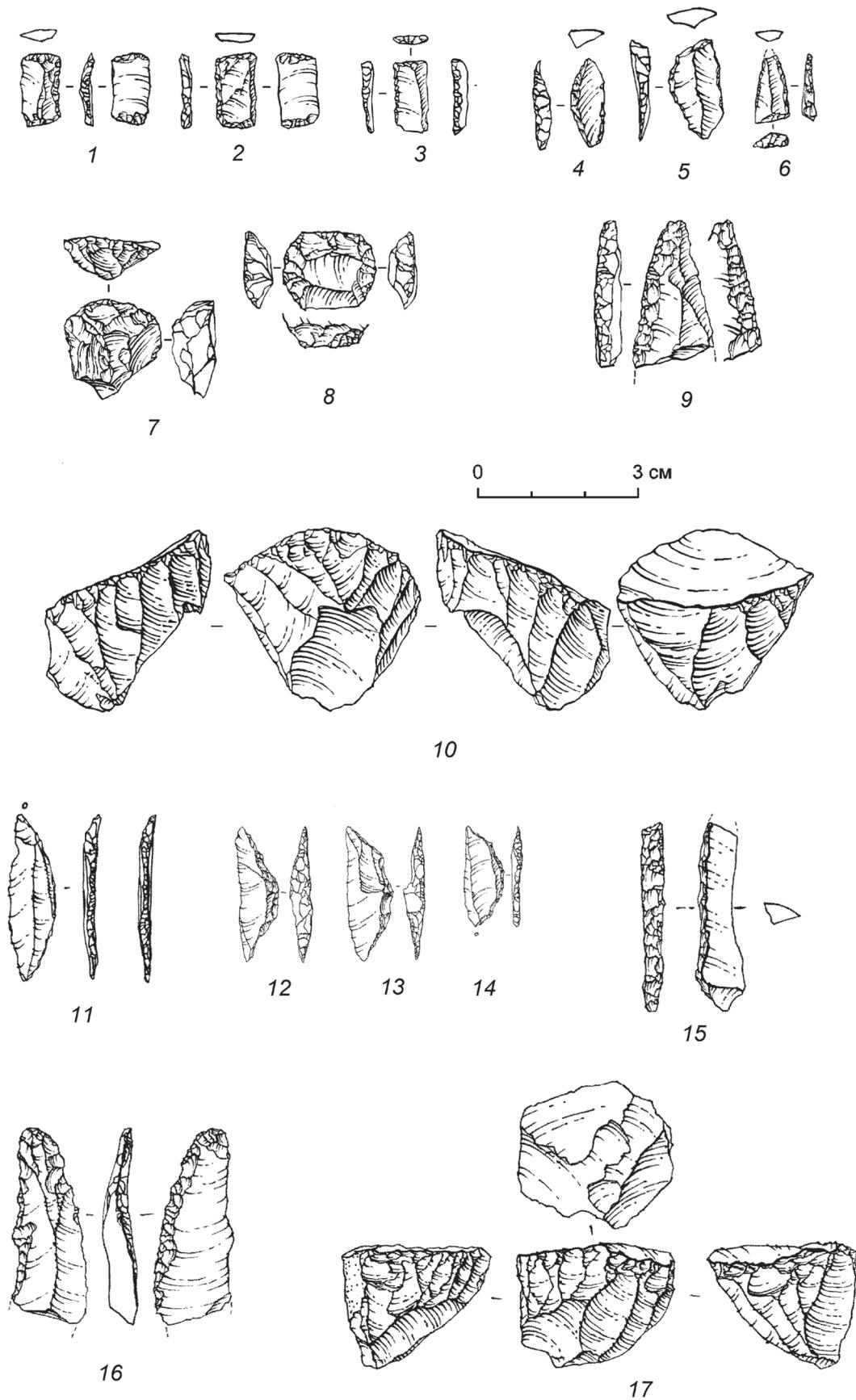
Резюме. Мезолит Памиро-Алая (Западный Таджикистан) известен в научной литературе с середины XX в. Традиционно его происхождение связывалось с миграционными процессами с территориями Ближнего и Среднего Востока (Ranov, Davis, 1979). В данной работе проанализированы материалы раннемезолитических памятников Туткаул (гор. 3) и Оби-Киик и предлагается гипотеза, согласно которой происхождение мезолита региона рассматривается в рамках формирования на местной верхнепалеолитической основе с наложением на нее в результате культурной инфильтрации традиций, характерных для территорий Ближнего и Среднего Востока.

Введение. Интерес к археологическим материалам позднего плейстоцена – раннего голоцена на территории Памиро-Алая в первую очередь связан с раскрытием проблемы происхождения мезолита региона. К настоящему времени в историографии закрепились концепция миграционного происхождения мезолита региона, сформулированная в 1960-х гг. В.А. Рановым. Он предлагал выделять на территории Памиро-Алая два технических варианта развития каменных индустрий – эпипалеолит и мезолит. Первый вариант связывался с комплексами, для которых характерно преобладание призматических нуклеусов, в орудийном наборе – доминирование скребков, пластинок с ретушью, подчеркивалось отсутствие микролитов (Ош-Хона, Бешкентские

стоянки (Таджикистан)). Истоком формирования эпипалеолита исследователи считали верхний палеолит региона. Мезолит связывался с памятниками, индустрии которых характеризуются пластинчатым расщеплением, в орудийном наборе отмечается преобладание изделий геометрических форм (Туткаул, Актаньги, Оби-Киик (Таджикистан)). Генезис мезолитических комплексов связывался с процессами миграции или культурной диффузией с территории Ближнего и Среднего Востока, локальные верхнепалеолитические индустрии не рассматривались в качестве возможного источника формирования (Ranov, Davis, 1979).

В связи с изучением в последнее десятилетие памятников Кызыл-Алма-2, Кульбулак,

¹ Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 12-06-3304, РГНФ № 14-51-00022, Министерства образования и науки № 2013-220-04-2245.

Каменные артефакты памятников Туткаул, горизонт 3 (1–10) и Оби-Киик (11–17).

Додекатым-2 (Узбекистан), Шугноу (Таджикистан) значительно изменилась интерпретация верхнего палеолита региона. Была выделена кульбулакская культура, маркирующими чертами которой являются мелкопластинчатое расщепление, широко представленный набор кареноидных ядрищ; орудийный набор определяется значительной долей микроинвентаря – высокие микроскребки, пластинки с притупленным краем, треугольные микролиты (Колобова, 2014). Учитывая новую интерпретацию верхнего палеолита региона, критический пересмотр раннемезолитических комплексов (Туткаул, гор. 3 и Оби-Киик) позволяет предложить новую гипотезу происхождения мезолита Памиро-Алая.

Туткаул. Памятник Туткаул располагается в Южном Таджикистане в 70 км на юго-восток от г. Душанбе. Стоянка изучалась в период с 1963 по 1969 г. под руководством В.А. Ранова. Им на памятнике было выделено четыре культуросодержащих горизонта. Верхние горизонты (1 и 2) были отнесены исследователем к неолиту, а нижние (3 и 2а) – к эпохе мезолита (Ранов, Коробкова, 1971). В контексте раскрытия проблемы происхождения мезолита региона наиболее релевантной является коллекция горизонта 3.

Коллекция каменных артефактов горизонта 3 насчитывает 894 экз. Судя по имеющимся в коллекции ядрищам и целевым сколам-заготовкам, первичное расщепление было ориентировано на получение прямопрофильных пластинок и микропластинок (70%) с одноплощадочных торцовых и (или?) объемных ядрищ и с закрученным профилем (30%) – с кареноидных ядрищ (см. рисунок, 10).

В орудийном наборе отмечается доминирование высоких микроскребков (см. рисунок, 7, 8) и геометрических микролитов, представленных преимущественно прямоугольниками (см. рисунок, 1–3), отмечаются единичные экземпляры сегментов (см. рисунок, 4, 5) и треугольник (см. рисунок, 6). Также в коллекции были выделены пластинки с ретушью притупления, пластины и пластинки с альтернативной ретушью (см. рисунок, 9), проколки, долотовидные и шиповидные изделия.

Оби-Киик. Памятник Оби-Киик располагается в Южном Таджикистане, в 100 км южнее

г. Душанбе. Раскопки на стоянке проводились в 1964 г. под руководством В.А. Ранова (1980).

Коллекция каменных артефактов памятника насчитывает 302 экз. Первичное расщепление преимущественно было ориентировано на производство пластинок и микропластинок с прямым профилем (65%) с одноплощадочных торцовых и объемных ядрищ; заготовки с изогнутым и закрученным профилем (35%) получали в рамках кареноидного расщепления (см. рисунок, 17). В орудийном наборе комплекса доминируют сегменты (см. рисунок, 11–14), выемчатые, шиповидные изделия, также отмечается присутствие пластинок с притупленным краем (см. рисунок, 15), пластин и пластинок с альтернативной ретушью (см. рисунок, 16), прокол и концевых скребков.

Обсуждение. При проведении сравнительного анализа между комплексами Оби-Киик и Туткаул (гор. 3) выделяется ряд схожих черт как в первичном расщеплении, так и в орудийном наборе. Первичное расщепление обеих индустрий было направлено на получение прямопрофильных пластинок и микропластинок в рамках однонаправленного скалывания и заготовок с изогнутым и закрученным профилем в рамках кареноидного расщепления. В обеих индустриях находятся типологически схожие орудия, в первую очередь, это пластины и пластинки с альтернативной ретушью, которые в других мезолитических комплексах региона не представлены. Аналогии прослеживаются и в наличии пластинок с притупленным краем и сегментов.

Для определения возможного локального образования мезолита региона проведен сопоставительный анализ индустрий Туткаула (гор. 3) и Оби-Киика с материалами памятника Додекатым-2 (слои 2–4), относящимися к заключительному этапу кульбулакской культуры (Колобова, 2014). Сходства между раннемезолитическим и позднепалеолитическими материалами прослеживаются как на технологическом, так и на типологическом уровне. Первичное расщепление индустрий было направлено на получение прямопрофильных пластинок и микропластинок в рамках однонаправленного скалывания и заготовок с изогнутым и закрученным профилем в рамках кареноидного расщепления. На

определенные параллели между индустриями может указывать и наличие в индустриях пластинок и микропластин с притупленным краем, высоких микроскребков, а также пластин и пластинок с альтернативной ретушью. Помимо этого, в орудийном наборе горизонта 3 стоянки Туткаул выявлен экземпляр треугольного микролита, эти орудия являются одним из маркеров кульбулакской культуры (Там же).

Учитывая закрепившуюся в историографии гипотезу миграционного происхождения мезолита региона с территорий Ближнего и Среднего Востока, был дополнительно проведен сопоставительный анализ с относительно синхронными комплексами – геометрического кебарана (Неве-Давид, Кебара, Охало-2) и зарзиана (Зарзи, Шанидар (слой В), Пелегавра). В данных индустриях в первичном расщеплении также представлена значительная доля кареноидных нуклеусов. В орудийном наборе отмечается доминирование геометрических микролитов в виде прямоугольников, на поздних этапах этих культур отмечается преобладание сегментов, помимо этого выделяется представительная серия высоких микроскребков и отмечается наличие пластин и пластинок с альтернативной ретушью (Solecki, Solecki, 1983; Yaroshevich et al., 2010).

Таким образом, сопоставление ранне-мезолитических индустрий Памиро-Алая с финальным палеолитом региона и с относительно синхронными комплексами Ближнего и Среднего Востока позволило предложить новую гипотезу генезиса мезолита региона, согласно которой на формирование мезолита региона оказали влияние как региональные верхнепалеолитические традиции в каменном производстве, так и комплексы Ближнего и Среднего Востока.

Заключение. Для более ранних эпох каменного века западной части Центральной Азии – переходной стадии от среднего к верхнему палеолиту и верхнего палеолита также прослеживались определенные параллели с синхронными индустриями Ближнего и Среднего Востока (Колобова, 2014; Кривошапкин, 2012). По мнению исследователей, это может объясняться в рамках концепции регулярного и разнонаправленного межкультурного взаи-

модействия различных популяций на границах заселенных регионов, выразившегося, в числе прочего, в обмене технологическими решениями и инновациями и их дальнейшем применении в региональном культурном субстрате (Колобова, 2014).

Наблюдения по раннеголоценовым индустриям подтверждают данную концепцию, и в ее рамках предлагается гипотеза, согласно которой происхождение мезолита региона необходимо рассматривать в контексте сложного формирования культур на местной верхнепалеолитической основе с наложением на них в результате культурной инфильтрации традиций, характерных для территорий Ближнего и Среднего Востока, выраженных либо в прямых миграциях, либо в передаче идей по эстафетному принципу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

Ранов В.А. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980. С. 82–90.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2. С. 133–147.

Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // Current Archeology. 1979. Vol. 20; № 2. P. 249–262.

Solecki R.L., Solecki R.S. Late Pleistocene – Early Holocene cultural traditions in the Zagros and the Levant // The hilly flanks and beyond: Essays on the prehistory of southwestern Asia / Eds. T.C. Young, P.E.L. Smith, P. Mortensen. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1983. P. 123–137.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M. Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence // J. of Archeological Science. 2010. № 37. P. 368–388.

РАЗВИТИЕ РАННИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

© 2014 г. М.В. Шуньков

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(shunkov@archaeology.nsc.ru)*

Ключевые слова: палеолит, плейстоцен, хроностратиграфия, изотопно-кислородная шкала, галечная индустрия.

Резюме. Материалы древнейших палеолитических стоянок и местонахождений, известных в настоящее время на территории Северной Азии, свидетельствуют, что ее первоначальное заселение происходило с юго-запада, с низкогорных и предгорных районов Алтая. Первое появление здесь гомининов, находившихся на стадии *Homo erectus*, датировано около 800 тыс. л.н. Малочисленность, разрозненность и разновозрастность раннепалеолитических галечных индустрий Сибири затрудняют оценку их культурного взаимодействия или преемственности между ними, что заставляет рассматривать каждое местонахождение или их локальную группу как самобытный технико-типологический комплекс.

Культурно-хронологическая интерпретация сибирских комплексов раннего палеолита основана главным образом на морфологическом облике галечного инвентаря и геологическом контексте его залегания. В редких случаях вмещающие отложения имеют надежное литологическое и биостратиграфическое обоснование. При этом ни на одном объекте для культуросодержащих отложений не удалось получить прямых показателей геомагнитного или термолюминесцентного датирования. Эти обстоятельства сильно затрудняют построение геохронологической последовательности раннепалеолитических памятников Сибири, предполагая их относительную датировку в рамках крупных геологических подразделений четвертичного периода и только в единичных случаях привязку к конкретным палеогеографическим этапам плейстоцена и сопоставление с изотопно-кислородной шкалой. Вместе с тем современные данные позволяют сделать несколько обобщений по проблеме первоначального заселения человеком территории Северной Азии.

Самую раннюю хронологическую позицию в антропогеновой истории региона занимают материалы многослойной стоянки Карама на Алтае. Эти материалы залегают в четких стратиграфических условиях и пред-

ставляют культурную последовательность из четырех горизонтов обитания раннепалеолитического человека с достаточно выразительной галечной индустрией. Период накопления двух нижних горизонтов с находками соответствует кислородно-изотопной стадии 19, возраст которой около 800 тыс. лет, а формирование отложений с двумя верхними культуросодержащими горизонтами отвечает изотопным стадиям 17 и 16 в хронологическом интервале 600–700 тыс. лет.

Близкий к верхней хронологической границе Карама возраст может иметь галечная индустрия Улалинки, если справедливо предположение о ее стратиграфической связи с ранненеоплейстоценовыми отложениями краснодубровской свиты Верхнего Приобья (Адаменко, 1970). Более уверенно можно судить о геологическом возрасте местонахождения МК I в Кузнецкой котловине. Согласно результатам сопоставления палеонтологических данных из культуросодержащих и перекрывающих отложений (Деревянко, Маркин, 2007), его возрастной минимум связан с первой половиной среднего неоплейстоцена, скорее всего, с финалом тобольского времени (изотопная стадия 9).

На следующую хронологическую ступень, отвечающую самаровскому горизонту (изо-

топная стадия 8), следует, видимо, поместить материалы Диринг-Юрхя в Якутии. Наиболее аргументированная версия формирования субаквальной толщи, в основании которой залегает галечный горизонт с находками, в условиях ледовых подпрудных водоемов (Ранов, Цейтлин, 1991) в целом согласуется с данными термолюминесцентного датирования разреза, установившими для этих событий возрастной интервал 267–366 тыс. лет (Waters, Forman, Pierson, 1997). Хотя декларируемая исследователем этого памятника плиоценная древность (Мочанов, 1992) так и не получила надежного научного обоснования, тем не менее проникновение человека в высокие широты в эпоху самаровского похолодания является бесспорным феноменом в древнейшей истории Евразии.

Для наиболее древних палеолитических местонахождений юга Тувы (Торгалык) и Средней Сибири (Разлог, Разлив, Игетей, Тарахай и др.) пока установлен только минимальный геологический возраст. Согласно геолого-геоморфологическим показателям, их верхняя возрастная граница не моложе первого крупного похолодания верхнего неоплейстоцена. Часть из них может иметь среднеплейстоценовый возраст, на что косвенно указывают остатки ископаемой фауны раннего мамонтового комплекса (*Mammuthus chosaricus*, *Equus caballus chosaricus*), обнаруженные вместе с архаичными галечными изделиями в зоне размыва побережья Красноярского водохранилища (Дроздов и др., 2000). Однако материалы местонахождения Балышово на Верхней Лене, свидетельствующие о формировании следов сильной эоловой корразии в условиях муруктинского гляциала верхнего неоплейстоцена (Задонин, 1992), заставляют крайне осторожно подходить к более ранней датировке коррадированных галечных изделий, пока они не будут обеспечены надежными литологическими или биостратиграфическими показателями.

Несмотря на фрагментарность данных оносительной геохронологии, в настоящее время можно говорить, что первоначальное заселение территории Сибири происходило, скорее всего, с юго-запада, а точнее с низкорных и предгорных районов Алтая, где известны наиболее древние палеолитические

объекты (Карама, Улалинка, МК I). Древнейшие культуросодержащие слои Карама свидетельствуют о появлении здесь ранних гомининов, находившихся, видимо, на стадии *Homo erectus*, около 800 тыс. л.н. Эректусы пришли на территорию Алтая с первой миграционной волной из Африки (Деревянко, 2009), продвигаясь в северо-восточном направлении через Ближний Восток, Переднеазиатские нагорья и западные районы Центральной Азии.

Хроностратиграфическая колонка Карама свидетельствует, что представители первой миграционной волны обитали на Алтае на протяжении почти всей первой половины раннего неоплейстоцена, за исключением фазы относительного похолодания, отвечающей мансийскому горизонту (изотопная стадия 18). После холодного максимума следующего гляциала (изотопная стадия 16), в связи с общим ухудшением природной обстановки, ранние гоминины, скорее всего, ушли в районы с более умеренным климатом. Оставшаяся часть популяции, видимо, не смогла адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям и прекратила свое существование. В любом случае, на этой территории наступает длительный перерыв в развитии палеолитической культуры, который закончился около 280 тыс. л.н. с появлением на Алтае носителей принципиально иных технико-типологических традиций, основанных на леваллуазском и параллельном принципах расщепления камня.

Если на Алтае с середины среднего неоплейстоцена начинается становление среднепалеолитических культурных традиций, то в других районах Сибири этот период вплоть до начала верхнего неоплейстоцена включительно ассоциируется с распространением галечных индустрий раннепалеолитического облика. Возможно, такая специфика в культурных проявлениях является региональным отражением общих закономерностей развития раннепалеолитической ойкумены в восточной части Евразии (Деревянко, 2009), и галечные индустрии в восточных районах Сибири испытывали определенное влияние традиций Китайско-Малазийской зоны.

Малочисленность, разрозненность и разновозрастность галечных индустрий Восточной Сибири затрудняют оценку их культурного

взаимодействия или преемственности между ними, что заставляет рассматривать каждое местонахождение или их локальную группировку как самобытный технико-типологический комплекс. Самым архаичным из них, по всей видимости, является индустрия Диринг-Юряха с примитивной техникой дробления камня и грубой оббивкой галечных макроорудий. Более развитой выглядит индустрия местонахождения Торгалык, среди материалов которой следует отметить удлиненные сколы, снятые с уплощенных нуклеусов, и простейшие формы бифасиально обработанных галечных орудий. Наибольшим техническим и типологическим разнообразием обладают ангарские и отчасти енисейские индустрии. Для них характерны хорошо отработанные приемы бифасиально-радиального, конвергентного и параллельного расщепления, производство заготовок преднамеренно заданной формы, изготовление разнообразных скребел и других специализированных орудий. Однако в общий контекст развития древнейших технологий региона не вписываются материалы местонахождения Георгиевское I (Роговской, 2008), демонстрирующие в хронологических рамках казанцевского межледниковья верхнеплейстоценовую преемственность или рецидив архаических способов обработки камня. При этом возможна и другая версия, согласно которой крайне архаичная некоррадированная индустрия Георгиевского I соответствует одному из начальных этапов становления галечной традиции в палеолите региона, а ее дальнейшее развитие, сопровождавшееся процессами эоловой корразии, было связано с последующими холодными этапами первой половины верхнего плейстоцена. К сожалению, локальный характер и малочисленность стратифицированной индустрии Георгиевского I не позволяют однозначно ответить на этот вопрос.

В целом для древнейших палеолитических материалов Северной Азии главной остается проблема оценки их возраста, связанная с возможностью комплексного использования геологических, палеонтологических и физических методов датирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаменко О.М. О геологических условиях залегания нижнепалеолитических орудий на р. Улалинке (г. Горно-Алтайск) // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 57–59.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Нижнепалеолитическая стоянка МК I на юго-востоке Западной Сибири // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб.: Петербург. востоковедение, 2007. С. 149–155.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В., Хазартс П., Орлова Л.А. Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ун-та, 2000. 77 с.

Задонин О.В. Палеолитическое местонахождение Бальшово I на Лене // Раннепалеолитические комплексы Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 124–133.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человека. Новосибирск: Наука, 1992. 254 с.

Ранов В.А., Цейтлин С.М. Палеолитическая стоянка Диринг глазами геолога и археолога // Бюл. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1991. № 60. С. 79–87.

Роговской Е.О. Результаты исследований местонахождения Георгиевское I в Южном Приангарье // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2008. Т. 7; Вып. 3: Археология и этнография. С. 63–71.

Waters M., Forman S., Pierson G. Diring-Yariakh: A lower Paleolithic site in Central Siberia // Science. 1997. Vol. 275. P. 1281–1284.

**О КУЛЬТУРНО-СТАДИАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ
КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ЭОПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ
РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РОДНИКИ-1
(ЗАПАДНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ)¹**

© 2014 г. В.Е. Щелинский

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(shchelinsky@yandex.ru)*

Ключевые слова: ранний палеолит, эоплейстоцен, Западное Предкавказье, стоянка Родники-1, культурно-хронологическая атрибуция.

Резюме. В докладе представлены результаты комплексных исследований раннепалеолитической стоянки Родники-1 в Западном Предкавказье. Стоянка синхронизируется с таманским фаунистическим комплексом эоплейстоцена и датируется хронологическим интервалом 1,6–1,2 млн л.н. Обосновывается вывод о своеобразии каменной индустрии стоянки и возможности отнесения ее к развитому оледованию.

Стоянка Родники-1 располагается в Западном Предкавказье на Азовском побережье Таманского п-ова, в 25 км к западу от г. Темрюка и в 500 м к северу от пос. За Родину Темрюкского р-на Краснодарского края. Она связана с толщей отложений наклоненного к морю участка берега высотой 32 м. В разрезе раскопа выделяются три генетически различных пачки отложений. Верхняя пачка (1,0–1,2 м) представлена делювиальными отложениями со слабо развитой современной почвой. Ниже следуют слоистые желтые и желто-серые («зembroидные») прибрежно-морские пески (3 м). Под ними залегает базальный слой субаквальных отложений (0,8 м) в виде слабоокатанных галечников, разделенных линзой гравия. Подстилается вся толща отложений темно-серой грязевулканической глиной.

Культуросодержащим слоем стоянки является базальный слой разреза, представляющий собой пляжевые отложения, сформировавшиеся на берегу опресненного мелководного бассейна. Культурные остатки и обломки костей млекопитающих залегали в рыхлом песчано-гравийном заполнителе галечника среди крупного и мелкого обломочного материала,

а также в линзах и прослойках песка и гравия преимущественно в нижней части слоя. Каменные изделия в большинстве своем не имеют следов окатанности и прекрасно сохранились. Это однозначно свидетельствует о том, что перемещение их прибойными потоками было незначительным. Не вызывает сомнений, что стоянка раннепалеолитических людей располагалась непосредственно на пляже мелководного опресненного бассейна, каковым могла быть морская лагуна или эстуарий. На сильно опресненный характер бассейна указывают обломки раковин дрейссен, встречающиеся в слое вместе с культурными остатками.

Возраст стоянки определяется позицией ее в стратиграфической шкале эоплейстоцена и биостратиграфическими данными. Показательно, что культуросодержащий слой стоянки залегает под толщей прибрежно-морских песков, сопоставляемых А.Е. Додоновым и А.С. Тесаковым с апшеронской трансгрессией Понто-Каспийского бассейна (Shchelinsky, Dodonov et al., 2010; Shchelinsky, Tesakov, Titov, 2010). Уже этот факт определенно указывает на то, что возраст стоянки составляет не меньше 1 млн лет. Вместе с тем в культу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 1.5.

росодержащем слое стоянки обнаружена многочисленная и информативная фауна мелких млекопитающих, позволяющая уточнить и конкретизировать возраст стоянки. Эта фауна включает *Allophaiomys* cf. *pliocenicus*, *Lagurodon arankae*, *Mimomys* cf. *savini*, *M.* cf. *pusillus*, *Mimomys* sp., *Borsodia* sp., *Ellobius* sp. и *Allocricetus* cf. *ehiki*. Данные таксоны характерны для таманского фаунистического комплекса эоплейстоцена. При этом, учитывая эволюционный уровень выявленного *Allophaiomys*, возраст стоянки может быть уверенно определен в интервале 1,6–1,2 млн. л.н. (Додонов, Тесаков, Симакова, 2008; Shchelinsky, Dodonov et al., 2010; Титов, Тесаков, Байгушева, 2012). По данным палинологических исследований, в спектрах из культуросодержащего слоя преобладает пыльца *Pinus*, *Ulmus*, *Juglans cinerea*, *Carya*, *Pterocarya* и *Chenopodiaceae*. Травянистая группа разнообразна и содержит пыльцу *Artemisia*, *Asteraceae*, *Salsola*, *Brassicaceae*, *Plumbaginaceae*, *Polygonaceae*, *Thalictrum* и *Fabaceae*. Эти спектры указывают на широкое распространение во время существования стоянки лесостепных ландшафтов, представляющих собой сочетание смешанных лесов и лугово-степной растительности (Simakova, 2009).

Стоянка раскапывалась в 2005, 2007–2009 гг. Ненарушенный культуросодержащий слой исследован на площади около 40 кв. м.

Комплекс каменных изделий стоянки состоит из 710 предметов и включает в себя нуклеусы (52 экз.), отщепы (268 экз.), отбойники (5 экз.), орудия с вторичной обработкой (385 экз.).

Состав изделий ясно показывает, что целью обработки камня на стоянке было изготовление многообразных по форме орудий – от простых отщепов до орудий, оформленных вторичной обработкой. Производство осуществлялось непосредственно на стоянке. Исходным сырьем индустрии служил местный твердый окварцованный доломит, имевший по большей части форму плитчатых отдельностей и их обломков разных размеров. Коренные выходы этих доломитов на Таманском полуострове отсутствуют. Это сырье собиралось людьми в окрестностях стоянки в обнажениях грязевулканических отложений, содержащих его в большом количестве, и, отчасти, на пляже на месте стоянки. 89,7% изделий изготовлено из однородной мелкозернистой разновидности доломита. Гораздо реже использовался менее качественный

крупнозернистый и слоистый мелко-крупнозернистый доломит. Эти данные указывают на преднамеренный отбор наиболее качественного сырья. Недоломитовое сырье представлено одним единственным мелким отщепом из черного лидита, явно неместного происхождения. Этот отщеп был сколот с гальки.

Изделия в основном крупные (5 см и больше). Таких изделий больше половины (375 экз., 52,8%). Остальные изделия мелкие (335 экз., 47,2%). Длина их меньше 5 см.

Технология первичной обработки камня на стоянке сочетает в себе как архаичные, так и прогрессивные признаки. К архаичным признакам следует отнести, прежде всего, массовое изготовление и использование в качестве заготовок для орудий обыкновенных обломков сырья. Из них изготовлено 69,4% орудий с вторичной обработкой, причем 79% использованных обломков имеют искусственное происхождение. Обломки получали разбиванием плитчатых отдельностей сырья каменными отбойниками, в качестве которых обычно служили сами обломки доломита подходящего веса. Архаичны и нуклеусы. Они лишены какой-либо предварительной обработки. Ударная площадка (или площадки) на них обычно покрыта коркой (корковая) и иногда является гладкой поверхностью излома плитчатой отдельности сырья. Поверхность скалывания нуклеусов также не подвергалась обработке ни в начале, ни в процессе расщепления. Поэтому нуклеусы в основном слабо сработанны, что отразилось на качестве и типологических характеристиках отщепов. Тем не менее, прогрессивной чертой технологии первичного расщепления на стоянке является многообразие типов нуклеусов и превалирование среди них нуклеусов с одной поверхностью скалывания (одноплощадочных), среди которых заметную роль играют нуклеусы плоскостного параллельного и грубопризматического расщепления.

Отчетливое сочетание архаичных и прогрессивных признаки характерно и для отщепов. Эти изделия составляют весьма значительную часть инвентаря стоянки (37,7% всех изделий). Кроме того, многие отщепы были превращены в орудия с вторичной обработкой. Размеры отщепов довольно сильно варьируют. Однако если учитывать только целые и почти целые экземпляры (всего 255 экз., 66,1%), включая некоторые хорошо определимые отщепы, пре-

вращенные в орудия, то четко прослеживается, что в индустрии приблизительно в одинаковых пропорциях представлены как мелкие (длиной от 1 до 5 см), так и крупные (длиной больше 5 см) отщепы. Ударная площадка на подавляющем большинстве отщепов (она сохранилась на 246 экз.) лишена каких-либо признаков обработки и представляет собой остаток поверхности плитки, покрытой выветрелой коркой. Преобладают первичные и полупервичные отщепы. Вместе с тем большинство отщепов отнюдь не бесформенные. Выразительными сериями представлены отщепы подчетырехугольной, подтреугольной и овальной формы. При этом многие из них имеют параллельную и конвергентную, а также разнонаправленную огранку спинки. Обращает на себя внимание также наличие в индустрии стоянки отщепов особо крупных размеров длиной больше 10 см (12 экз.). Эти отщепы использовались в качестве заготовок для крупноразмерных орудий и как готовые орудия, очевидно, специального назначения. Таким образом, несмотря на использование в индустрии стоянки неподготовленных нуклеусов, расщепление их было осмысленным и нацелено на изготовление отщепов более или менее правильной формы и разных размеров.

Индустрия стоянки характеризуется большим количеством и разнообразием орудий с вторичной обработкой. Они составляют 54,2% всего инвентаря стоянки. При этом 30,6% орудий изготовлено из отщепов. Подавляющее большинство орудий крупные (5–10 см) и особо крупные (крупнее 10 см) (всего 76,3%). Мелких (меньше 5 см) и мельчайших (меньше 3 см) орудий 23,7%. Орудия имеют разную степень обработки и морфологической выраженности, что учитывается при их классификации. Наиболее многочисленными являются простые орудия, такие как обломки плитчатых отдельных доломита с частичной обработкой и частично обработанные отщепы. Они составляют почти половину (48,3%) всех орудий. Вместе с тем индустрия содержит и другие орудия, включая сложные. Хорошо представлены чопперы (10,1% всех орудий) разных размеров и пропорций, преимущественно односторонние, и с различной конфигурацией рабочего лезвия. Выделяются чопперовидные скребла (3,6%). Лезвия этих орудий, в отличие от чопперов,

оббиты более интенсивно мелкими сколами. Имеются характерные нуклеидные скребки (2%) и многочисленные весьма разнообразные скребла (9,9%). Обращают на себя внимание выразительные пики нескольких типов (3,1%), а также единичные кливеровидные орудия и частичные бифасы. Сериями представлены другие орудия, такие как остроконечные орудия, орудия с шипом, скребки, провертки, проколки, зубчатые и выемчатые орудия и некоторые другие.

Технология обработки камня и типология изделий индустрии стоянки Родники-1 в целом отвечают технологическим и типологическим критериям олдована в понимании этого культурно-хронологического подразделения М. Лики (Leakey, 1971; 1975), Х.А. Амирханова (2008; 2012) и А. де Люмлея с соавторами (Lumley de, Barsky, Cauche, 2009). Вместе с тем приведенные выше данные свидетельствуют об особенностях индустрии Родников-1 и отличиях ее от других олдованских индустрий сопредельных территорий.

Проследить аналоги индустрии стоянки Родники-1, помимо сходных с ней индустрий ряда других олдованских местонахождений Таманского полуострова, в настоящее время довольно трудно. Было бы интересно сопоставить ее в первую очередь с олдованскими индустриями, ставшими известными сейчас в восточной части Северного Кавказа в горном Дагестане. Однако, к сожалению, это пока невозможно по причине отрывочности опубликованных сведений об этих индустриях. Между тем сравнение индустрии Родников-1 с хорошо опубликованной и более древней индустрией стоянки Дманиси в Южном Закавказье на территории Грузии показывает как сходство, так и различия этих индустрий. Сходство проявляется главным образом в технологии первичной обработки камня. Индустрия Дманиси основывалась на другой сырьевой базе. Исходным сырьем в ней служили исключительно местные речные гальки различных вулканических и метаморфизованных пород. Несмотря на это, как и в Родниках-1, в этой индустрии широко использовалась разбивка исходных отдельных сырьев с целью получения обломков. Поскольку разбивались гальки, использовались каменные наковальни в виде таких же, но более крупных галек (Lumley de et al., 2005; Jöris, 2008). Мно-

гочисленны в индустрии Дманиси и нуклеусы. Как и в Родниках-1, они неподготовленные и слабо сработанные. Среди них много односторонних и двусторонних типов, в небольшом количестве представлены многосторонние нуклеусы (Lumley de et al., 2005). В Дманиси, в отличие от Родников-1, среди многочисленных отщепов преобладают бесформенные и преимущественно мелкие экземпляры. На многих отщепках имеются следы изнашивания в виде выкрашивания лезвий. При этом модифицированные отщепы (отщепы с вторичной обработкой) отсутствуют. Орудия представлены сравнительно немногочисленными чопперами, преимущественно односторонними. Все это дает основание исследователям считать, что главной целью обработки камня в индустрии Дманиси было изготовление мелких отщепов, которые и служили в качестве различных орудий. Столь выраженные архаичные признаки индустрии Дманиси позволили А. де Люмлею с соавторами атрибутировать ее как преолдован (Ibid.). В индустрии Родников-1 гораздо больше орудий с вторичной обработкой, и многие из них изготовлены из отщепов. При этом, наряду с простыми, представлены довольно сложные орудия, такие как пики разных модификаций и некоторые другие (Щелинский, 2010; 2013). Поэтому индустрия Родников-1, в отличие от индустрии Дманиси, выглядит существенно более развитой и может быть определена как развитой олдован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай I в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф., Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. Ростов-н/Д, 2008. С. 28–31.

Амирханов Х.А. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. 2012. № 2. С. 5–14.

Додонов А.Е., Тесаков А.С., Симакова А.Н. Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: новые данные по геологии и биостратиграфии // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф., Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. Ростов-н/Д, 2008. С. 53–57.

Титов В.В., Тесаков А.С., Байгушева В.С. К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Палеонтология и стратиграфические границы: Мат-лы LVIII сессии Палеонтолог. об-ва при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2012. С. 142–144.

Щелинский В.Е. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010. С. 57–77.

Щелинский В.Е. Пики раннепалеолитической стоянки Родники-1 на Таманском полуострове // Зап. ИИМК РАН. 2013. № 8. С. 7–25.

Jöris O. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2008.

Leakey M.D. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge, 1971.

Leakey M.D. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene / Eds. K.W. Butzer, G.L. Issak. Paris, 1975.

Lumley de H., Barsky D., Cauche D. Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // L'Anthropologie. 2009. № 113. P. 1–46.

Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Caushe D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D. Les industries lithiques preoldowayennes du debut du Pleistocene inferieur du site de Dmanissi en Georgie // L'Anthropologie. 2005. № 109 (1). P. 1–182.

Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224. P. 28–35.

Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA – SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010). Rostov-on-Don, 2010.

Simakova A. Palynology study of the Early Pleistocene Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain. Tarragona: Universitat Rovira i Virgili, 2009.

СЕКЦИЯ 2

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ - МЕЗОЛИТ, НЕОЛИТ, ЭНЕОЛИТ

КРЕМНЕВАЯ ИНДУСТРИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2014 г. К.М. Андреев

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(konstantin_andreev_88@mail.ru)*

Ключевые слова: ранний неолит, елшанская культура, кремневая индустрия, лесостепное Поволжье.

Резюме. В статье анализируется кремневая индустрия раннего неолита лесостепного Поволжья, определяется специфика ранних и поздних памятников. Обращается внимание на отсутствие генетической связи между мезолитом и ранним неолитом региона. Приводится аргументация в пользу среднеазиатского источника формирования раннего неолита. Определяется влияние обитателей Нижней Волги на поздний этап развития елшанской культуры и на развитой неолит лесостепного Поволжья.

Елшанская культура является одной из древнейших неолитических культур Восточной Европы. Согласно значительному массиву радиоуглеродных данных, время ее возникновения относится к началу VI тыс. до н.э. (Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012). Визитной карточкой елшанской культуры является слабоорнаментированная, профилированная, остродонная керамика, изготовленная из илистых глин, типология которой достаточно разработана. Это позволяет уверенно выделять елшанские керамические материалы из комплексов многослойных стоянок с нечеткой стратиграфией. В то же время ситуация с выделением типичных для елшанской культуры кремневых орудий и в целом с характеристикой ее кремневой индустрии является не столь благополучной и содержит большое количество проблемных моментов.

На большинстве стоянок раннего неолита лесостепного Поволжья елшанские материа-

лы, главным образом керамика, выделяются типологически из смешанных комплексов. В то же время типологическое выделение ранне-неолитического кремня затруднено в связи с ограниченным количеством чистых коллекций, а также генетической преемственностью в развитии неолитических культур региона. В связи с этим, при современном состоянии источниковой базы, удастся наметить лишь наиболее общие черты в эволюционном развитии кремневой индустрии. В ходе типологического, стратиграфического и планиграфического анализа ранне-неолитических комплексов, а также соотнесения полученных данных с результатами радиоуглеродного датирования удалось наметить основные этапы развития кремневой индустрии елшанской культуры. Для характеристики ранних этапов могут быть использованы комплексы стоянок Чекалино IV и Нижняя Орлянка II, а поздних кремневый комплекс стоянки Красный Горо-

док. Термин индустрия понимается в широком смысле слова как характерный набор инвентаря, повторяющийся в ряде комплексов (Деревянко, Маркин, Васильев, 1994. С. 94).

На первом этапе развития раннего неолита, на что справедливо обращал внимание ряд специалистов (Вискалин, 2007. С. 6), использовался низкосортный галечный кремль различных оттенков (красный, желтый, коричневый и др.). В то время как на втором этапе, в комплексе стоянки Красный Городок, преобладают орудия из серого валунного кремня хорошего качества, который также доминирует в материалах памятников со смешанным культурным слоем. Стоит отметить, что в развитии и позднем неолите региона появляются единичные орудия, изготовленные из кварцита не известные в раннем неолите.

На ранних памятниках елшанской культуры общая пластинчатость индустрии и количество орудий на пластинах колеблется около 10%. В то время как на стоянке Красный Городок процент орудий изготовленных на пластинах, по сравнению с орудиями на отщепках и сколах, превышает 30%. Примечательно, что наибольшее значение данный показатель имеет в комплексах стоянок со смешанным залеганием неолитических материалов, при доминировании посуды развитого и позднего неолита, достигая 50% и более. При этом на пластинах, не являющихся морфологически выраженными орудиями, на раннем этапе ретушь наносилась исключительно с дорсальной стороны, в то время как на поздних памятниках получает широкое распространение традиция ретуширования пластин с вентральной стороны.

Что касается орудий, то представленные на памятниках типы имеют сквозное бытование в раннем, а также развитом и позднем неолите региона. Среди нуклеусов наиболее распространенными являются аморфные и торцевые, также достаточно представительны фронтальные и пирамидальные. Скрепки стоянок демонстрируют значительное типологическое разнообразие, показательным моментом является широкое распространение в комплексе стоянки Красный Городок концевых скребков на пластинах. Скобели являются довольно редкой категорией находок и представлены невыразительными экземпля-

рами на отщепках с узкими и широкими выемками, реже, на пластинчатых заготовках с узкими выемками. Одной из наиболее массовых категорий являются рубящие орудия, преобладают топоры, изготовленные в технике двусторонней обивки, значительно уступают им в количественном плане долота и тесла. В то же время на ранних памятниках не выявлено орудий со следами шлифования, они единично встречаются в комплексе стоянки Красный Городок и начинают доминировать в развитом и позднем неолите региона. Перфораторы/проколки рассматриваемых памятников представлены в ограниченном количестве срединными формами на отщепках, пластинах и продольных сколах. Наконечники представлены изделиями листовидной формы с частичным ретушированием боковых граней, пера и насада, также к раннему неолиту могут относиться черешковые наконечники имеющие аналогичную обработку. Необходимо отметить, что наконечники изготовленные в технике двусторонней обивки выявлены лишь в комплексах памятников со смешанным культурным слоем и являются характерной чертой развитого – позднего неолита и энеолита региона. Среди ножей на ранне-неолитических памятниках преобладают и представлены примерно в равном количестве прямолезвийные и саблевидные формы, менее распространены овальные ножи. Наконец, резцы на рассмотренных стоянках демонстрируют значительную типологическую вариативность, среди наиболее устойчивых форм можно отметить многофасеточные и угловые изделия.

Елшанская кремневая индустрия имеет ряд существенных отличий от мезолитических материалов региона, на что справедливо обращал внимание А.В. Вискалин (2008). Для мезолита характерна высокая пластинчатость индустрии и большое количество орудий на пластинах, а также использование высококачественного сырья. Общая пластинчатость мезолитических стоянок превышает 50%, при этом на пластинах изготовлено от 85 до 99% орудий (Ластовский, 2000). С обозначенным обстоятельством связана специфика типологического состава орудий, который находит мало точек соприкосновения с материалами ранних стоянок елшанской культуры.

Значительные различия в кремневых индустриях мезолитических и ранненеолитических комплексов подтверждают гипотезу о не местном происхождении елшанской культурной традиции в регионе. По мнению автора данной статьи, наиболее вероятным очагом неолитизации лесостепного Поволжья является Среднеазиатское междуречье – кельтеминарская культура. В то же время необходимо отметить, что кремневые комплексы обозначенных регионов имеют серьезные отличия, для Средней Азии характерна ярко выраженная пластинчатая индустрия (Холматов, 2004). Среди общих черт можно отметить, лишь доминирование на раннем этапе развития неолита в обоих регионах традиции ретуширования пластин с дорсальной стороны.

В этой связи необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, переселившееся в лесостепное Поволжье население не было знакомо с выходами качественного кремневого сырья позволяющего получать правильные пластинчатые заготовки. В этой связи примечательно присутствие в комплексах ранних стоянок елшанской культуры единичных орудий из не характерных для региона видов сырья (яшма, халцедон и др.), отличающихся тщательностью обработки, следов изготовления которых, в виде дебитажа, на стоянках не обнаружено, что свидетельствует об их привнесенном характере. Во-вторых, необходимо отметить, что кельтеминарская культура не однородна сама по себе, в ней представлено несколько локальных вариантов, керамика которых значительно различается типологически и лишь часть из них обнаруживает близость с посудой елшанской культуры (Холматова, 2012). В то же время ряд мезолитических комплексов Среднеазиатского междуречья обнаруживает значительную близость с материалами елшанской культуры, что проявляется, как в низком показателе пластинчатости индустрии и количества орудий на пластинах (ок. 15%), так и в типологической близости отдельных категорий артефактов обоих регионов (Холматов, 2000). Учитывая ограниченное количество исследованных ранних кельтеминарских памятников, есть определенная вероятность обнаружения кремневой индустрии близкой елшанской в ходе дальнейшего изучения неолита Средней Азии.

Увеличение пластинчатости кремневой индустрии елшанской культуры на поздних стоянках может быть связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с освоением ранне-неолитическим населением качественных источников сырья в регионе, которое позволяло осуществлять правильное пластинчатое расщепление. Во-вторых, с влиянием носителей традиции накольчато-прочерченной орнаментации керамики Нижней Волги, в комплексах которых орудия из пластин составляют 60% и более (Юдин, 2004; Васильев, Выборнов, Козин, 1989). Примечательно, что с точки зрения типологии материалы южных регионов находят практически полные аналоги в керамических комплексах памятников развитого неолита лесостепного Поволжья, что подтверждает гипотезу о миграции нижневолжского населения в лесостепь на рубеже VI и V тыс. до н.э. В кремневой индустрии помимо увеличения количества орудий на пластинах с южным влиянием может быть связано распространение единичных геометрических микролитов (сегменты и трапеции), которые обнаружены в материалах памятников со смешанным культурным слоем и широко представлены в нижневолжском неолите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Изв. Самарского научного центра РАН. Т. 14; № 3. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. С. 193–199.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1989. С. 18–46.

Вискалин А.В. О хронологии и периодизации ранних этапов неолита Волго-Уральской лесостепи // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007. С. 4–13.

Вискалин А.В. Сравнительный анализ кремневого инвентаря поздне-мезолитических и ранне-неолитических памятников Волго-Уральской лесостепи // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 2; Т. 1. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2008. С. 74–88.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.

Ластовский А.А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 81–140.

Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд: ИА АН РУз, 2000. С. 25–34.

Холматов Н.У. К хронологии кельтеминарских материалов староречий Зарафшана // История ма-

териальной культуры Узбекистана. Вып. 34. Самарканд: ИА АН РУз, 2004. С. 17–24.

Холматова З.Н. Калтаминор сополлари (маҳаллий маданият вариантлар мисолида) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 38. – Самарканд: ИА АН РУз, 2012. С. 106–110.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 200 с.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРНОГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ БЕЛОЙ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

© 2014 г. Е.А. Ахметова

*Научно-исследовательский центр «Наследие», Уфа
(kryklya@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, каменный инвентарь, горно-лесная зона Южного Урала, река Белая.

Резюме. В статье рассматриваются материалы неолита, полученные в ходе работ исследователей в горно-лесной зоне Южного Урала.

Горно-лесная зона Южного Урала протянулась с севера на юг на 600 км, ее ширина на севере составляет около 200 км, на юге сужается до 70–80 км. Высшие точки Южного Урала – горы Ямантау (1 638 м) и Иремель (1 582 м) (Физико-географическое районирование ..., 1964; Кадильникова, 1983). Для Уральской горной страны характерен устойчивый тип ландшафта и практически не меняющийся на протяжении нескольких тысячелетий климат (Гареев, 2004. С. 54). С конца плейстоцена и до среднего голоцена большую часть территории горного течения р. Белая занимали лугово-степные растительные сообщества с небольшими колками березовых и липовых лесов. В позднем голоцене, как показали исследования в пещере Байсланташ, на данной территории преобладали березово-сосновые леса и лесные поляны с лугово-степной растительностью. Костные останки, найденные при раскопках пещеры, отражают один фаунистический комплекс, «связанный с большими площадями открытых биотопов»

(Данукалова и др., 2002. С. 44; Котов, 2004. С. 36–55). Речная сеть горно-лесной зоны Южного Урала сформирована реками Белая, Инзер, Ай, Уфа, Юрюзань, Лемеза, Сим, Каттау и их притоками.

В неолитическое время территория Южного Урала входила в две историко-культурные области: камскую и зауральскую. Камская культура распространяется в Прикамье, в низовьях Белой (стоянки Сауз, Кюнь), на реках Ик (стоянка Муллино) и Дема (стоянка Давлеканово). Зауральские памятники приурочены к озерам (Банное, Сабакты, Карабалыкты и др.), ручьям или небольшим рекам.

Одной из таких магистралей бала река Белая. Она берет начало между хребтами Аваляк и Урал-Тау в высокогорной части Южного Урала. Протяженность реки 1 434 км, все верхнее течение проходит внутри гор, на выходе из гор резко поворачивает на север и впадает в р. Каму. Межгорные долины узкие, высота террас, пригодных для обитания, – 5–7 м над ур. воды в реке. Река очень извили-

стая, местами образующая практически сходящиеся петли, изобилующая множеством мелких притоков (Марушин, 1997. С. 21–22).

Археологические исследования в верховьях реки проводились спорадически во второй половине XX в., разведывательные исследования – в 1961–1963 гг. под руководством А.П. Шокурова и Г.Н. Матюшина. Большой массив информации был получен экспедиционными исследованиями Ю.А. Морозова и В.Г. Котова в 1999–2003 гг. на затопляемых мысах в районе строительства Юмагузинского водохранилища.

Всего на территории горно-лесной зоны Южного Урала известны более 100 памятников с неолитическими и энеолитическими, а зачастую перемешанными материалами. Из них на берегах р. Белой располагаются 45 памятников мезолита–энеолита. Неолитические материалы найдены на 13 памятниках: Акназаровская, Бертрум-1, Азапкинская-1, Кутановская, Байназаровская, Старо-Мунасыповская, Кага-1, -2 (Безымянка), Нижне-Бельская-1, -2, Бельское-1, Максютинское-2, Кургисаар.

Как правило, памятники располагаются на наиболее удобных площадках, приподнятых над уровнем воды в реке на 4–6 м. Пещерные стоянки, гроты (за исключением Ташмуруновского) возвышаются над уровнем реки на 10–18, 40–50 м. Памятники в среднем имеют размеры до 1 500 кв.м. – от 200 x 10 до 30 x 30 м.

Ввиду специфики почвообразования, толщины почвенного покрова и малочисленности террас и долин, пригодных для проживания в горно-лесной зоне Южного Урала, многие памятники содержат материалы более поздних эпох. Чистых комплексов в пределах горно-лесной зоны Южного Урала на данный момент не обнаружено. Только на одном памятнике зафиксировано наличие наземных построек – на поселении Бельское-1. Условия относительной изоляции в горах Южного Урала могли способствовать сохранению специфических черт комплексов достаточно продолжительное время (Давыдова, 1992. С. 11; Савельев, 2004; Руденко, 2006. С. 322; Шитова, 1976. С. 93; Юсупов, 1992. С. 53).

Значительная часть материалов представлена малочисленными коллекциями, полу-

ченными путем сборов с поверхности с разрушенных памятников или из разведочных шурфов. С 13 известных памятников происходит всего 1 802 экз. каменных предметов неолитического времени. Относительно масштабные исследования проводились на Бельской-1 (Матюшин), Бертрум-1 (Морозов). Без учета материалов этих памятников известен лишь 371 предмет.

В пределах течения р. Белой в качестве сырья для изготовления каменных орудий использовались как принесенные, «импортные» породы (Зауралье, серая яшма и черный кремнь), так и местные кремневые (породы плохого качества, трещиноватые, галечники) (Котов, 2004. С. 36–55). В качестве местного сырья использовались выходы кремня и окремненных пород, расположенных в непосредственной близости к местам стоянок и поселений (Мосин, 2006; Мосин, Никольский, 2005. С. 105).

На всех памятниках каменный инвентарь составляет подавляющую часть находок. Основные категории находок перечислены ниже.

Нуклеусы. Всего на памятниках верхнего течения р. Белой известно 15 нуклеусов и нуклеидных изделий. К неолитическому периоду относятся 7 нуклеусов (0,4% от общего числа предметов). При изготовлении нуклеусов использовалась яшма, халцедон. Размеры большинства: по длине небольшие – от 2,1 до 3,0 см. По типу преобладают призматические одноплощадочные, кроме того, в коллекции присутствует 2 плоских сработанных нуклеуса.

Отбойники. Шесть экземпляров (2,8%) из *q*-песчаника и кварцита найдены на нескольких стоянках: Азапкинской, Акаваз-1, Бертрум-1 и Бельское-1 (2 экз.)

Отходы каменной индустрии – 88% от общего количества каменных предметов. Среди них отщепы составляли 90%, куски и обломки породы – 6%, продольные и ребристые сколы – 1%. Кроме того, в коллекции присутствуют первичные сколы, обколотые гальки, ребристые пластины, пластинчатые отщепы. Размер отщепов и сколов варьируется между 0,5–1,0 и 1–3 см, присутствуют и более крупные отщепы, но их намного меньше.

Орудийный набор – 216 экз. (12% от общего числа предметов). Распределение по сырью:

преобладает яшма различных серых оттенков, кремень, галька кварц-песчаник, хрусталь. Заготовками для орудий были в 53% случаев отщепы, в 36% – пластины. Также использовали гальку, пластинчатые отщепы, плитки.

Пластины и сечения пластин – 32%. Из них: пластинки с ретушью (микролит) – 3 экз., пластины с ретушью – 4 экз., ребристая пластина с ретушью – 1 экз., одна пластина с выемкой. Ширина пластин – 0,4–0,7 и 1,0–1,3 см; длина – 0,7–2,5 см.

Скребки занимают 28% орудийного набора (61 экз.). 56 скребков изготовлено на отщепах. Скребло и скобель – по 1 экз.

Орудия, обработанные с двух сторон, составляют 20,8% от общего числа орудий (47 экз.). Из них 26 экз. – наконечники стрел, большей частью фрагментарные, листовидные. Фрагменты бифасов – 5 экз. Заготовки бифасов – 6 экз. Наконечники дротиков – 7 экз. Ножи – 2 экз. Наконечник копья – 1 экз. Шлифованные топоры – 2 экз. (Бельская-1)

Резцы – 5 экз. (двугранные, угловой и срединные), резчик – 2 экз. Одно острие и одна провертка.

Также в коллекции присутствует по одному экземпляру долотовидного орудия, грузила, ребристой пластины с ретушью, плиты-наковальни, штампа по керамике, комбинированного орудия.

Таким образом, можно отметить преобладание двухсторонней обработки орудий, фрагментарность бифасов и наконечников, сочетание отщеповой и пластинчатой техник, большой процент скребков, использование местного сырья и принесенного из Зауралья. Следует отметить, что часть исследователей относят кремневый инвентарь к камской культуре (Габяшев, 1976. С. 17; Гусенцова, 1981. С. 113–114), часть – к зауральской (Морозов, 1992. С. 5–23). В реальности комплексы, как правило, смешанные, поскольку пригодных для обитания площадок внутри гор мало, и они небольшие по площади.

Фрагменты керамики (466 фр.) найдены на стоянках Азапкинской-1, Бертрум-1, Нижне-Бельской-1 и -2, Кага-1. Выделяется несколько групп керамики.

1. Зауральская – Азапкинская (Шокуров, 1961. С. 52), Бертрум (Морозов, Котов, 2000. С. 14–15. Морозов, 2009. С. 90–107.), Кага 1.

Основная примесь в керамическом тесте – тальк и песок. Среди зауральской выделяется ряд сосудов с прямым и слегка утолщенным по краю венчиком. Диаметр сосудов около 43 см, толщина стенок 0,6–0,7 см. С внутренней стороны стенок заметны заглаживания гребенчатым штампом. Орнаментация: штамп, средняя гребенка (7–10 зубцов) (толщина стенок 0,7 см), отпечатки «жучков» (толщина стенок – 0,9 см). С наружной стороны орнамент нанесен по всей поверхности вертикальными зигзагообразными отпечатками крупной гребенки. Ближайшие аналоги найдены на стоянке Березки (оз. Банное), датированной 7600±200 (ИГАН-218) (Матюшин, 1996. С. 63). Имеются сосуды с орнаментацией по шейке двумя рядами редко расположенных насечек. Ниже располагаются линии струйчатого орнамента. Толщина стенок 0,6 см. Стенки прямые, дно заостренное, наружная поверхность заглажена гребенчатым штампом, характерным для памятников Зауралья – Карабалыкты-8А, Линево.

2. Приуральская – ближайшие аналоги в камской керамической традиции. Памятники: Бельская-1, Кага-1. Оттиски зубчатого штампа (6–9 зубцов) и ямок (без жемчужин на внутренней части сосуда). Вертикальный зигзаг, срез венчика округлый, слегка отогнутый наружу, без утолщений (Шокуров, 1961. С. 15). Толщина стенок – 0,6 см. Венчик прямой, слегка утолщенный по краю, шейка почти не выражена. Большая часть фрагментов орнаментирована по всей поверхности вертикально расположенными зигзагами средней гребенки. Аналогичную керамику можно встретить в коллекциях с Юнусовского поселения (Матюшин, 1982. С. 221; Морозов, 1991). Наиболее близок он по технологии изготовления и орнаменту к посуде нижних слоев Давлеканово и Старой Мушты, Усть-Айского поселения, Муллино (6 300–6 100 л.н.) (Мосин, 2012. С. 73).

Подводя итоги, можно отметить, при отсутствии стратифицированных памятников и радиоуглеродных дат вопросы периодизации и хронологии памятников неолита–энеолита данного района являются наиболее проблематичными. Несмотря на то что на Урале для неолитических памятников известно около 300 радиоуглеродных дат (Там же. С. 71), для

р. Белой известна только одна дата – 7 140±170 (ГИН-10854), полученная из второго горизонта шурфа в пещере Байсланташ, содержащего материалы неолита (Данукалова и др., 2002. С. 41; Котов, 2004. С. 38). Несмотря на это, периодизация основывается на методе относительного датирования, в основе которого лежал сравнительный анализ данных стратиграфии, почвоведения, типологии кремневого инвентаря и керамического материала. Как показывает анализ керамического материала, долина р. Белой посещалась зауральским и приуральским населением. Памятники неолита, также как и энеолитические, характеризуются кратковременным периодом проживания (Мосин, 2008. С. 159–175). На это указывают не только небольшая площадь и неглубокий культурный слой, но и небогатый предметный ряд, отражающий, как правило, лишь одну-две стороны жизни древних обитателей горно-лесной зоны. На сегодняшний день известны стоянки с небольшим культурным слоем. Базовые поселения не выявлены. Главной проблемой региона по-прежнему остается недостаточная исследованность территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Габяшев Р.С. Неолитические поселения Иско-Бельского междуречья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1976. С. 16–17.

Гареев Э.З. Геологические памятники природы Республики Башкортостан. Уфа: Тау, 2004. 296 с.

Гусенцова Т.Н. К вопросу о неолите Волжско-Уральского региона // КСИА. 1981. Вып. 165: Каменный век. С. 109–114.

Давыдова Г.М. Современное состояние проблемы уральской расы (по соматологическим материалам) // Материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 5–14.

Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Косинцев П.А., Морозова Е.М., Еремеев А.А. Биостратиграфия четвертичных отложений пещер и речных террас широтного течения реки Белой // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. Уфа: Гилем, 2002. С. 32–57.

Кадильникова Е.И. Ландшафтные исследования. Уфа: [б.и.], 1983. 85 с.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археол. вестн. Вып. 5. Уфа: Гилем, 2004. С. 36–56.

Марушин В. Где отдыхать уфимцам. Путешествия по рекам Белой и Юрюзани. Уфа: Принт, 1997. 250 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1996. 201 с.

Морозов Ю.А. Научный отчет об археологических работах в Башкирском Зауралье в 1991 году. Уфа, 1991 // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Ед. хр. 51.

Морозов Ю.А. Материалы по каменному веку Уфимского плато // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 5–23.

Морозов Ю.А. Каменные орудия с поселений в зоне Юмагузинского водохранилища // Уфимский археол. вестн. Вып. 9. Уфа: Гилем, 2009. С. 90–107.

Морозов Ю.А., Котов В.Г. Научный отчет об археологических работах в 1999 г. в зоне Юмагузинского водохранилища. Исследование археологических памятников в зоне затопления водохранилища. Уфа, 2000.

Мосин В.С. Мезолит – энеолит Южного Зауралья: Проблемы культурогенеза: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 433 с.

Мосин В.С. Центральный Урал в IV–III тыс. до н.э. // Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 25 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Магеллан, 2008. С. 159–175.

Мосин В.С. Неолит Урала по радиоуглеродной хронологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 71–76.

Мосин В.С., Никольский В.Ю. Распространение кремнистых пород (силицитов) – сырья для изготовления орудий в каменном веке на Южном Урале // Изв. Челяб. науч. центра. Вып. 3 (29). Снежинск: Челяб. науч. центр УрО РАН, 2005. URL: http://csc.ac.ru/news/2005_3/

Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

Савельев Н.С. Горы Южного Урала в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2004. 380 с.

Физико-географическое районирование Башкирской АССР. Уфа: Изд-во БГУ, 1964. 21 с.

Шитова С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа: Башкир. филиал АН СССР, 1976. С. 92–93.

Шокуров А.П. Научный отчет об археологической экспедиции в Белорезком, Бурзянском и Бакалинском районах БАССР. 1961 г. // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 545.

Юсунов Р.М. Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992.

НЕОЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО РЕГИОНОВ ЮЖНОГО КАВКАЗА

© 2014 г. Т.И. Ахундов

*Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку
(t_akhundov@rambler.ru)*

Ключевые слова: Южный Кавказ, неолит, шомутепинская традиция, гарабагский неолит, муганский неолит, металлургия, этнокультура, эпоха.

Резюме. Географическое и культурно-историческое понятия «Южный Кавказ» не однозначны. До недавнего времени проблема в изучении неолита на Южном Кавказе упиралась в практическое отсутствие памятников, относимых к этой эпохе. В настоящее время стало ясно, что причина такого положения в отнесении памятников неолита к эпохе энеолита. Южный Кавказ вообще не проходил стадии энеолита, и в этом регионе неолит непосредственно сменяется эпохой бронзы. В настоящее время на Южном Кавказе выделяются три неолитические традиции, каждая из которых имеет свой ареал.

Географическое понятие «Южный Кавказ» охватывает всю территорию, расположенную между Большим и Малым Кавказскими хребтами. Но оно не соответствует культурно-историческому понятию «Южный Кавказ», которое охватывает лишь центральный (т.е. Восточную Грузию и Западный Азербайджан) и восточный регионы географического понятия «Южный Кавказ», а также часть географического Северо-Восточного Кавказа.

Основой для такого разделения служит археологический материал, показывающий, что как минимум с эпохи неолита культурно-историческое развитие в Западной Грузии проходило вне контекста аналогичных процессов на остальной территории Южного Кавказа. Граница между ними пролегла приблизительно по Сачхерскому хребту. И наоборот,

часть территории Северо-Восточного Кавказа, ограничиваемая на севере приблизительно районом города Дербент, в культурно-историческом развитии этого времени развивалась в южнокавказском контексте. В свете сказанного, далее, говоря о культурно-историческом понятии «Южный Кавказ», мы подразумеваем его центральный и восточный регионы и частично Северо-Восточный Кавказ.

До недавнего времени проблема изучения эпохи неолита в ареале культурно-исторического Южного Кавказа во многом практически упиралась в отсутствие памятников, относимых к этому периоду, что выглядело несколько странным на фоне наличия неолитических традиций в сопредельных регионах. В чем же была причина такой ситуации?

В середине XX столетия Б.А. Куфтин выделил оседло-земледельческую культуру ку-

ра-араксского энеолита, представлявшуюся в то время древнейшей производящей экономикой Кавказа. Через некоторое время Осман Абибуллаев на южных подступах к Южному Кавказу, исследуя поселение Кюльтепе I у города Нахчыван, под кура-аракскими отложениями выявил еще более древние слои носителей производящей экономики. В начале он разделил их на два слоя, отнеся нижний к неолиту, а верхний – к энеолиту. Позже, в определенной степени под влиянием так называемого общего мнения, оба слоя были объединены в энеолитический. И проблема неолита опять повисла в воздухе.

Почти одновременно с О. Абибуллаевым, уже непосредственно на Южном Кавказе, в Мильской степи А.А. Иессен, а несколько позже на Гараязской равнине Идеал Нариманов также открыли до-кура-аракские памятники, которые также были отнесены к энеолиту. С этого времени куро-аракские памятники «автоматически» перешли в эпоху бронзы.

Эти представления почти безраздельно бытовали до начала XXI столетия, хотя сомнения об эпохальной принадлежности кура-аракской культуры уже высказывались Г.Л. Кавтарадзе. Свои сомнения в эпохальной принадлежности как «энеолитических», так и куро-аракских памятников мы представили в ряде своих работ. В них мы пришли к выводу, что, во-первых, Южный Кавказ вообще не знал эпохи энеолита и все памятники данного региона, относимые к этой эпохе, фактически представляют археологические комплексы, соответствующие эпохе неолита. Во-вторых, поддерживая мнение Г.Л. Кавтарадзе, мы разделили эпохальную принадлежность кура-аракской культуры на два этапа. Но, в отличие от него, первый этап отнесли не к эпохе энеолита, наличие которой в этом регионе мы отрицаем, а к эпохе неолита, и лишь второй этап отнесли к эпохе бронзы.

В последнее время в определенной степени под влиянием работающих на Кавказе зарубежных специалистов, все более преобладает мнение о принадлежности так называемых энеолитических памятников к эпохе неолита. Но, в отличие от нас, это обосновывается не характером археологических комплексов, а путем их искусственного удревнения, за-

бывая при этом, что возраст памятника еще не показатель его техно-культурного уровня, определяющего его эпохальную принадлежность.

Начального или раннего этапа неолита на Южном Кавказе пока не найдено, хотя теоретически их наличие не исключается. Все известные нам памятники принадлежат к развитому и позднему неолиту и отчасти к памятникам перехода от неолита в бронзу.

Ареал расселения традиций развитого неолита на Южном Кавказе охватывает равнины между р. Кура и северо-восточными склонами Малого Кавказа, начиная с Борчалинской равнины на северо-западе до Мильской равнины на юго-востоке и далее, пересекая реку Араз, включает узкую подгорную полосу Восточно-Муганской равнины к северо-востоку от Талышских гор. В указанном ареале выделяются три этнокультурных образования развитого неолита, ареалы которых плавно переходят один в другой.

Борчалинская и Гараязская равнины на северо-западе ареала представлены шомутепинской традицией. Гарабагскую, Мильскую и Геянскую равнины в центре расселения носителей развитого неолита на Южном Кавказе занимали носители традиции Гарабагского неолита. И наконец, Восточно-Муганскую равнину на юго-западе ареала занимали носители традиции Муганского неолита.

Наряду с определенными различиями, видимо, отражающими их этнокультурную составляющую, все три указанные традиции имеют немало общего, связанного с их эпохальной и геоклиматической близостью.

Все памятники представляют собой тепе – холмообразные возвышения, высотой от современного горизонта до 10 м, сложенные культурными отложениями. Приурочены к руслам небольших речек, многие из которых в настоящее время или пересохли, или же полностью перекрыты поздними отложениями. Площадь этих тепе колеблется приблизительно от 0,3 до 6,0 га.

Много общего и в строительной технике, и в архитектуре этих поселений. Все они возводили строения из сырцового кирпича. Строения в основном, круглого плана, но по мере продвижения на восток все больше появляются

ся прямоугольные строения, что, возможно, связано с хронологическим местом традиции и отдельных ее памятников.

В то же время, указанные традиции распадаются на две части, в которой шомутепинская традиция по определенным показателям стоит особняком, тогда как традиции Гарабагского и Муганского неолита по многим показателям имеют много общего, хотя и не идентичны. В первую очередь, это различия в керамическом комплексе.

Для шомутепинской традиции, занимающей северо-западную часть ареала неолитических традиций на Южном Кавказе, ведущей является керамика, грубо формованная из глины с неорганическими примесями. Она буроватая, часто сильно закопчена. Вместе с тем имеется и небольшое количество керамики, формованной из глины с растительной примесью, которая и по другим показателям отличается от основной массы керамики шомутепинской традиции. При этом, по имеющимся на сегодняшний день данным, количество керамики с растительной примесью в ареале этой традиции с запада на восток увеличивается.

Керамика Гарабагского и Муганского неолита более высокого качества, в основном ангобирована и главное, в подавляющем большинстве формована из глины с растительной примесью. В то же время она различается между собой по ведущим формам, обработке их поверхности и наличием свойственных каждому из этих традиций элементов керамической продукции.

На исследованных поселениях шомутепинской традиции погребений не найдено. Исключение – одно погребение на поселении Бабадервиш, происхождение которого у самого исследователя вызывало сомнение. Такое положение привело к представлению, что носители этой традиции погребали своих покойников за пределами поселений. Эта версия в принципе допустима, но уверенно остановиться на ней можно будет после того, как будут найдены сами погребения. Пока такого не произошло, вопрос, что делали с покойниками, остается открытым и возможны другие интерпретации.

На одном из четырех исследованных поселений Гарабагского неолита на поселении Чалагантепе, были выявлены погребения его обитателей. Покойники погребены на разных участках и горизонтах культурных отложений, а в самом нижнем горизонте впущены в подстилающий материк. Они положены в различной степени скорченности и различной ориентации в неглубокие выемки, устроенные под полами помещений, между строениями, у оснований стен. В отдельных случаях поверх покойника вся могила посыпалась красной охрой, в нее клали скудный сопровождающий инвентарь. Встречаются могилы, в которых погребено два покойника – мужчина и женщина или женщина с ребенком, или даже три – мужчина, женщина и ребенок.

На обоих исследованных поселениях Муганского неолита – Аликёмектепе и Полутепе – выявлены погребения, идентичные по всем показателям погребениям Чалагантепе. Различие лишь в имеющемся в них погребальном инвентаре, что отражает близость генетических составляющих этих этнокультурных образований. В то же время налицо их принципиальное различие с носителями шомутепинской традиции. Это, на наш взгляд, показатель этнокультурного различия, связанного с генезисом их сложения. Указанную дифференциацию традиций развитого неолита на Южном Кавказе мы наблюдали при описании особенностей их керамических комплексов, которые сами по себе всегда являются этническим индикатором.

На основе сопоставительного анализа, сложившегося за многие годы в археологии, возраст традиций развитого неолита на Южном Кавказе мы определяем в рамках от рубежа VI–V по рубеж V–IV тыс. до н.э. Этот возраст подтверждают и некалиброванные радиоуглеродные даты, полученные с их памятников.

С началом IV тыс. до н.э. на Южном Кавказе происходят перемены. Носители традиций развитого неолита сходят с исторической арены. Видимо, в значительной мере это было связано с климатическими изменениями, изменившими среду обитания, к которой была привязана их экономика, не сумевшая адаптироваться к новым условиям. В это время ареал неолитических традиций расширяет-

ся, осваиваются предгорья и горы Большого и Малого Кавказа. Южный Кавказ вступает в эпоху позднего неолита. Но это были другие этнокультурные образования, связь которых с предшествующим населением призрачна. К середине – началу второй половины IV тыс.

до н.э. здесь появляются носители традиции, привнесшей на Кавказ металлургию, с приходом которых Южный Кавказ делает первый шаг в эпоху металла, причем с металлургией бронзы.

ВОЗНЕСЕНОВСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА В ПРИМОРЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2014 г. С.В. Батаршев

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
(batar1980@mail.ru)*

Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, вознесеновская культура, минералогенная керамика, органогенная керамика.

Резюме. Рассматривается проблема распространения в центральных и северных районах Приморья (юг Дальнего Востока) памятников вознесеновской культуры позднего неолита. Традиционно ареал этой культуры связывается с территорией Нижнего Приамурья, однако в настоящее время накопленные материалы позволяют включить вознесеновские комплексы в общую схему периодизации неолита Приморья.

Поздний неолит Приморья в настоящее время представлен многочисленными памятниками зайсановской культуры (далее – ЗК). Активное накопление за последние два десятка лет новых источников позволило исследователям разделить эту культуру на ряд подразделений различного номенклатурного ранга (обзор имеющихся мнений см.: Крутых, 2011). Вместе с тем предложенные культурно-типологические схемы не охватывают всего многообразия известных комплексов позднего неолита Приморья. Так, в современной литературе высказываются предположения о сходстве материалов некоторых памятников Приморья с комплексами вознесеновской культуры (далее – ВК) Нижнего Приамурья (Клюев, Гарковик, 2002. С. 80; Клюев, Яншина, 2002. С. 77; Шевкомуд, 2004. С. 128, 139). Несмотря на это, вопрос о возможности вхождения территории Приморья в ареал распространения ВК предметом специального рассмотрения не становился. В то же время данная проблема вызывает особый интерес, т.к. верификация вознесеновских комплексов в Приморье ставит перед исследователями

ряд новых аспектов в изучении неолита региона.

К настоящему времени в центральных и северных районах Приморья известно как минимум семь археологических памятников с материалом ВК. На четырех объектах проводились раскопочные работы (Анучино-14, Глазовка-городище, Дальний Кут-15 и Шивелаза), три поселения известны по результатам разведок (Афанасьевка-2, Зеленодольское-1 и Лаулинская скала-2). К сожалению, все памятники, на которых проводились раскопки, оказались многослойными, чистых комплексов ВК нигде не встречено. В связи с этим выделение вознесеновского компонента из смешанных коллекций возможно только типологически по аналогии с материалами памятников Нижнего Приамурья. Наиболее яркими культурно-типологическими признаками обладает керамическая посуда, каменный инвентарь в данном отношении не так показателен.

Остатки сооружений изучены только на поселении Шивелаза, на нем как минимум два жилища мы можем отнести к ВК. Первая постройка представлена котлованом жилища

прямоугольной формы со столбовыми ямами и хозяйственной нишей в углу. Сверху это жилище прорезано котлованом более позднего сооружения, имеющего такую же прямоугольную форму. По центру последнего жилища расположено крупное очажное пятно, в стороне от него имеется еще два очага поменьше (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 203).

Предварительно керамику изученных поселений можно разделить на две группы.

Первая группа включает посуду, изготовленную из глиняного теста с минеральным отощителем (минералогенная традиция). Сосуды плоскодонные, простой ситилообразной формы, с выпуклым туловом и слегка отогнутым наружу венчиком. Стенки обрабатывались заглаживанием, в некоторых случаях покрывались ангобом красно-коричневого цвета. Венечные части оформлялись несколькими способами: первый – простая деформация края венечной ленты (утолщение, приострение, отгиб); второй – налип к кромке венчика треугольного в сечении карниза; третий – прикрепление ниже кромки венчика валика треугольного или округлого профиля, в этом случае венчик приобретал характерную единицеобразную форму.

Орнамент наносился в двух зонах – венчик и тулово сосуда. Налепные детали венчиков могли украшаться оттисками наклонного гребенчатого штампа, горизонтальными линиями, выполненными прокаткой зубчатого колесика, кромки налипных валиков могли рассекаться округлыми вдавлениями. Ниже валика начиналось сплошное поле орнамента, покрывавшее большую часть тулова сосуда. Выделяются следующие композиции декора: поле из вертикального зигзага, нанесенного гребенчатым инструментом; поле из вертикальных или наклонных линий, выполненных оттисками гребенчатого штампа, наколами или прочерками острой палочки; поле из наклонных оттисков веревочного штампа, поверх которых нанесены широкие линии, образующие сложный криволинейный орнамент (в том числе спирали). Необходимо отметить, что криволинейные композиции наносились на сосуды, покрытые ангобом. Описанная керамика встречается на поселениях Дальний Кут-15 (Клюев, Гарковик, 2002.

С. 73, 74. Табл. 4, 1–3, 5–9, 11–13; Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 204, 205, 217. Рис. 5; 6, 2, 6, 7), Глазовка-городище (Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002. С. 153, 154. Табл. 7, 1–3) и Шивелаза (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 215. Рис. 3, 9, 11, 12). Сосуды с ангобом и криволинейным орнаментом известны пока только по материалам Дальнего Кута-15 (Клюев, Гарковик, 2002. С. 73, 74. Табл. 4, 12).

Вторая группа посуды изготовлена из теста с органическим отощителем, в качестве которого использовались дробленые створки моллюсков (органогенная традиция). Формы сосудов в целом схожи с параметрами емкостей первой группы. Можно отметить, что сосудов второй группы наблюдается тенденция к большей структурированности тулова. Так, на памятнике Зеленодольское-1 обнаружен сосуд с высокими слабо профилированными плечиками, отделенными от придонной части четким перегибом. Венчики сосудов единицеобразные, оформлялись при помощи налипного валика, крепившегося чуть ниже обреза сосуда.

Орнамент, так же как и у керамики первой группы, наносился по венчику и тулову сосуда за исключением его придонной части. На венчиках грани налипных валиков рассекались округлыми или овальными вдавлениями, выше валиков прокаткой зубчатого колесика наносились две горизонтальных или несколько наклонных линий. На стенках сосудов фиксируется два варианта композиции декора. Первый вариант – под венчиком расположена узкая полоса из горизонтальных и наклонных линий, ниже – сплошное поле из узкого или широкого горизонтального зигзага. Керамика с таким орнаментом обнаружена на памятниках Анучино-14 (Клюев, Яншина, 2002. С. 72. Рис. 5. С. 74, 75), Глазовка-городище (Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002. С. 154. Рис. 7, 5, 8) и Зеленодольское-1. Второй вариант – поле из плотного или широкого вертикального зигзага. Данный вариант композиции встречается на керамике поселений Афанасьевка-2, Глазовка-городище (Там же. Рис. 7, 7), Дальний Кут-15 (Клюев, Гарковик, 2002. С. 75. Табл. 5, 1, 2) и Шивелаза (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 205). В большинстве случаев орнамент наносился прокаткой

том зубчатого колесика или оттисками широкой гребенки, иногда – наколами.

Интерпретация описанных групп керамики невозможна без поиска аналогий с материалами поселений ВК, изученных в Нижнем Приамурье. Культурно-типологическая номенклатура вознесеновских комплексов наиболее полно разработана И.Я. Шевкомудом. В соответствии с ней, сосуды первой группы соответствуют гончарной традиции горинского варианта ВК, сосуды второй группы наиболее близки малогаванскому варианту ВК, ряд аналогий прослеживается и с посудой удильского варианта (Шевкомуд, 2004). Близость проявляется в составах формовочных масс, морфологии и орнаментации сосудов. Можно найти и различия, однако на данный момент возможность проведения детального сравнительного анализа отсутствует из-за малочисленности приморских материалов.

Имеющийся корпус радиоуглеродных дат по памятникам Нижнего Приамурья достаточно четко описывает хронологические рамки вариантов ВК. Горинский вариант датируется в пределах 4,7–4,1 тыс. ¹⁴С л.н., удильский вариант – 4,4–3,7 тыс. ¹⁴С л.н. и малогаванский вариант – 4,0–3,5 тыс. ¹⁴С л.н. (Шевкомуд, Кузьмин, 2009. С. 13, 14). Приморские памятники ВК не имеют такой разработанной хронологии, количество выполненных дат в разы меньше. На Дальнем Куте-15 получено две даты – 3 695±49 л.н. (АА-79125), 3 600±45 л.н. (СОАН-7190), которые по аналогии с хронологией памятников Нижнего Приамурья мы вправе отнести ко времени существования малогаванского варианта ВК. С поселения Шивелаза имеется четыре даты, самая древняя из них получена с пола нижнего жилища с минералогенной керамикой – 4 050±40 л.н. (АА-79123). Вышележащее жилище с органогенной керамикой датируется 3 410±80 л.н. (СОАН-7192). Кроме того, для неолитического горизонта этого памятника получено еще две даты, которые хорошо вписываются в хронологию ВК: 4 100±40 л.н. (АА-79124), 3 890±80 л.н. (СОАН-7187) (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 208, 209). Таким образом, имеющиеся данные позволяют в Приморье проследить схожую с нижнеамурской хронологию горинского и малогаванского вариантов ВК.

Для изучения хронологии комплексов ВК небезынтересен факт применения на вознесеновских сосудах в Приморье веревочного орнамента. Оттиски веревки, поверх которых нанесены криволинейные фигуры, встречены на сосудах с поселения Дальний Кут-15. Для ВК Нижнего Приамурья веревочный орнамент в целом нехарактерен, однако он является отличительной чертой раннего этапа гончарства приханкайского варианта ЗК. Памятники этого варианта распространены в юго-западном районе Приморья, их хронология укладывается в пределы 3,8–3,3 тыс. л.н. (Крутых, 2012. С. 151). Вознесеновские памятники появляются в Приморье примерно в это же время, причем носители ВК из долины р. Амур проникли вверх по р. Уссури как раз до северной и восточной границ распространения поселений приханкайского варианта ЗК. Логично предположить, что появление веревочного орнамента на сосудах ВК в Приморье происходит именно под влиянием зайсановской гончарной традиции.

Таким образом, в настоящее время у нас есть все основания включить в археологическую периодизацию неолита Приморья комплексы ВК. Данный вывод ставит перед исследователями целый ряд новых проблем, в числе которых изучение опорных памятников ВК в Приморье, определение степени сходства и различия комплексов ВК в Приморье и Нижнем Приамурье, уточнение культурно-типологических позиций археологических материалов и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клюев Н.А., Гарковик А.В. Исследования многослойного памятника Дальний Кут-15 в Приморье в 2002 г. // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 68–81.

Клюев Н.А., Янишина О.В. Финальный неолит Приморья: новый взгляд на старую проблему // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 67–78.

Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А. Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 142–155.

Крутых Е.Б. Зайсановская культура: проблемы и концепции // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 223–229.

Крутых Е.Б. Зайсановская археологическая культура: проблема интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139–154.

Лыниша А.В., Тарасенко В.Н., Кузьмин Я.В. Новые данные по абсолютной хронологии археологических культур долины среднего Имана // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 199–222.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова; ХНЦ ДВО РАН, 2009. С. 7–46.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ПОСУРЬЯ¹

© 2014 г. **Н.С. Березина¹, А.А. Выборнов², А.И. Королев²,
В.В. Сидоров³, В.В. Ставицкий⁴**

¹*Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары
(terra3@inbox.ru)*

²*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(vibornov_kin@mail.ru; arkorolev@gmail.com)*

³*Институт археологии РАН, Москва
(gav-lupus@rambler.ru)*

⁴*Пензенский государственный университет, Пенза
(stawiczky.v@yandex.ru)*

Ключевые слова: неолит, Среднее Посурье, археологические культуры, хронология.

Резюме. Материалы изысканий 2006–2012 гг. позволяют представить схему культурно-хронологического развития неолита в Среднем Посурье. Определяются направления и характер происхождения культур на данной территории. Выявляются специфические особенности процессов в неолите данного региона.

Вопросы культурных процессов в неолите Среднего Посурья возможно охарактеризовать на материалах комплекса памятников на р. Утюж, правого притока р. Сура. Их исследование в 2006–2012 гг. (Березина и др., 2007) позволило заложить основы культурно-хронологической характеристики региона.

На памятниках Молёбное Озеро II (однослойный) и Утюж I выделен пластинчатый кремневый комплекс, соотносимый с позднемезолитическими материалами русско-луговской культуры Среднего Поволжья. Дата

(ГИН 8 240±220 л.н.) стоянки Мукшумская XVIII позволяет предположить время существования этих памятников второй половине VII тыс. до н.э.

Исследованы и наиболее древние неолитические памятники. В жилище стоянки Вьюново озеро I (Березина и др., 2013) и на поселении Утюж I выявлены материалы сходные с елшанской культурой. Общих черт (илистые глины в качестве пластического сырья, тонкостенность, заглаженность, остродонность, s-видная профилировка, сквозными отверсти-

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р)) и РФФИ (№ 14-06-0041).

ями по горловине, своеобразии кремневого инвентаря) больше, чем отличий (отсутствие «жемчужин», прочерченных линий и др.) от памятников лесостепного Поволжья. Получены на АМС даты по органике в керамике с Вьюново Озеро I (АА 7 222±58 л.н. и Poz 7 160±40 л.н.). На данном этапе исследования преобладание между позднемезолитическими и неолитическими комплексами не прослеживается. Вероятно, материалы стоянки Вьюново озеро I отражают процесс проникновения в последней трети VI тыс. до н.э. в Среднее Посурье лесостепного населения. На поселении Утюж I обнаружена сходная керамика, которая по нагару на АМС и по органике в керамике получила даты 6 500 BP (Выборнов и др., 2013). Таким образом, елшанская керамическая традиция существует в Среднем Посурье до середины V тыс. до н.э. Вопрос дальнейшего развития елшанской традиции в регионе находится в стадии разработки (Ставицкий, Юдин, 2011). Возможно, ее продолжением являются комплексы, представленные залощенными прямостенными неорнаментированными сосудами с плоским дном и рядом ямок под венчиком. По ним получены даты со стоянок Утюж I (Кі 6 330±90 л.н.) и Молёбное Озеро I (Кі 6 290±90 л.н.) (Выборнов и др., 2008). Интересны в этой связи округлодонные неорнаментированные сосуды со сверлинами на стенках со стоянки Черненькое Озеро. Нельзя не отметить находку венчика, сходного с сурской культурой.

На большинстве памятников выделены раннеолитические комплексы с накольчатым орнаментом. На Черненьком Озере III найдена керамика не только аналогичная посуде II Щербетской стоянки в приказанском Поволжье, но и развал крупного сосуда с коническим дном и рядами треугольными наколами в отступающей манере (Кі 6 190±80 л.н.), а также фрагменты с геометрическими узорами лесостепного типа (Березина и др., 2010). На полу одного из жилищ поселения Утюж I обнаружены плоскодонные сосуды с горизонтальными рядами треугольных наколов (Spb 6 015±150 л.н.) (Выборнов и др., 2014). Кроме того, на этом же памятнике представлена накольчатая керамика с конусовидным дном. На данном этапе исследований можно отметить, что памятники с накольчатой кера-

микой здесь датируются второй половиной V тыс. до н.э., и имеют близкие параллели в раннеолитических комплексах как лесостепного Подонья и Поволжья, так и Марийского Поволжья и Примокшанья. Есть проявления контактов с льяловскими племенами, выраженное в синкретической накольчатой – ямочной посуде.

Немногочисленные находки фрагментов с гребенчатой орнаментацией в традиции камской культуры отмечены при исследовании утюжского микрорайона (Утюж I, Молёбное, Вьюново и Чёрненькое Озеро). Это длинные тонкие оттиски гребенчатого штампа, образующие вертикальный зигзаг или горизонтальные ряды, разделенные короткими отпечатками. Днища округлые. Эти материалы находят аналогии в примокшанских древностях (Выборнов и др., 2006). Орнаментальный «шахматный» мотив, зафиксированный на керамике Черненького Озера III и Утюжа I имеет аналогии в материалах устья Камы и в верховьях Суры. Эти аналогии и дата по фрагменту с гребенчатым штампом с Молёбного Озера I (Кі 5 980±90 л.н.) позволяют говорить о бытовании гребенчатой традиции с рубежа V тыс. до н.э. до более позднего времени. Возможно, что эти признаки маркирует сложные процессы передвижения групп носителей гребенчатых традиций. Вероятно, сурско-мокшанские гребенчатые комплексы имеют более ранние датировки, чем комплексы Нижнего Прикамья, что свидетельствует об инфильтрации населения в восточном направлении. Найден один венчик с гребенчатым орнаментом и «воротничком», что отражает взаимодействие с населением лесостепных районов. Еще один сосуд имеет четкие признаки нижнедонской культуры.

На Утюже I исследовано самое северное поселение хвалынской культуры, которая распространена в степном и лесостепном Поволжье в первой четверти IV тыс. до н.э. (Моргунова и др., 2010). Здесь же изучено достаточно крупное и долговременное поселение с характерным набором каменных изделий (крупные пластины усиленного отжима, типичные скребки и острия на массивных сколах, мелкие пластины-вкладыши, а также несколько наконечников кельтеминарского типа и др.) и керамики. Жилища этого поселения были прорезаны постройками развитого

неолита льяловской культуры. Очевидно, что этот комплекс существовал до льяловского, в первой четверти IV тыс. до н.э. Возможным подтверждением этому может служить дата по нагару с ямочно-гребенчатой керамики (SPb 5 640±120 л.н.) Утюжа I, то есть вторая четверть IV тыс. до н.э. Нельзя исключать их определенное сосуществование, о чем свидетельствуют венчики с воротничковым утолщением на льяловской керамике.

На памятниках утюжского региона было исследовано несколько поселений с остатками жилищ и представительными комплексами ямочно-гребенчатой керамики (Утюж I, Вьюново I, II, Черненькое Озеро II и III и др.). Эта керамика, характеризуется простыми мотивами из одинарных и двойных рядов ямок, разделенных зонами оттисков наклонно и горизонтально поставленного гребенчатого штампа. Отсутствуют сложные узоры из оттисков гребенки и их сочетания (Кондратьев, 2008). Эта посуда датируется первой половиной IV тыс. до н.э. (Выборнов, Кондратьев, 2009). Она находит аналогии в раннеल्याловской керамике Чувашско-Марийского Поволжья и, отчасти, в Примокшанье. Это указывает на исходный район ее появления в Среднем Посурье.

Таким образом, неолитизация в Среднем Посурье связана не с автохтонными процессами, а с проникновением из лесостепного Поволжья и продолжительным существованием елшанской традиции. В период бытования накольчатой традиции прослеживаются воздействия, как со Среднего Поволжья, так и с Верхнего Подонья. Южный вектор отражен и в появлении носителей хвалынской культуры с Верхней Суры. Северная составляющая представлена камской группой и льяловцами из Марийского Поволжья. Исследованные материалы не позволяют говорить о формировании и развитии на этой территории самобытной культуры. Очевидно, что Сура была своеобразным коридором, по которому шли передвижения носителей разных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре //

Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007. С. 14–23.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Кондратьев С.А., Шалапинин А.А. Черненькое озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье // *Материалы по истории и археологии России*. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. С. 61–75.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Березин А.Ю. Ранне-неолитическая стоянка Вьюново озеро I в Среднем Посурье // *Тверской археол. сб.* Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С. 195–201.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // *Изв. Самарского науч. центра РАН*. Т. 16; № 3. Самара: СНЦ РАН, 2014. С. 234–242.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // *Изв. Самарского науч. центра РАН*. Т. 15; № 5. Самара: СНЦ РАН, 2013. С. 254–260.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., Березина Н.С., Вискалин А.В., Ставицкий В.В. Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья // *Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья*. Самара, 2008. С. 20–25.

Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // *Изв. Самарского науч. центра РАН*. Т. 11; № 6. Самара: СНЦ РАН, 2009. С. 282–284.

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // *Вопр. археологии Поволжья*. Вып. 4. Самара, 2006. С. 113–120.

Кондратьев С.А. О своеобразии ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья // *Археология восточноевропейской лесостепи*. Т. 1; Вып. 2. Пенза, 2008. С. 136–140.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // *РА*. 2010. № 4. С. 18–27.

Ставицкий В.В., Юдин С.О. Дискуссионные вопросы изучения каменного века Чувашского Посурья // *Поволжские финны и их соседи в древности и средние века*. Саранск, 2011. С. 27–30.

БОБОРЫКИНСКИЙ КОМПЛЕКС В НЕОЛИТЕ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ¹

© 2014 г. В.В. Бобров, А.Ю. Юракова

*Институт экологии человека СО РАН, Кемерово
(bobrov@kemsu.ru; yurakova_al@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, боборыкинская культура, керамические традиции, культурное взаимодействие, Барабинская лесостепь.

Резюме. Неолит Барабинской лесостепи долгое время анализировался в рамках развития двух орнаментальных традиций – накольчато-прочерченно-ямочной и гребенчато-ямочной. В статье поставлен вопрос о характере взаимодействий с местным населением носителей боборыкинской культуры, первое поселение которой в регионе было открыто на памятнике Автодром-2, и последствиях появления здесь боборыкинцев для культурно-исторических процессов. Комплекс боборыкинской культуры рассмотрен авторами в качестве дополнительной линии развития барабинского неолита.

Знания о неолите Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи до настоящего времени базируются на периодизации 1970-х гг. (Генинг и др., 1970; Молодин, 1977). Но исследования последнего десятилетия внесли существенные дополнения в представления о неолите этих районов. В частности, была выделена артынская культура, а также комплекс боборыкинской культуры, ареал которой находится более чем в 450 км к западу отсюда, в Зауралье (Бобров, 2008; Ковалева, Зырянова, 2010; Зах, 2009. С. 150–180). Основанием для этих заключений явился анализ материалов памятника Автодром-2 в Барабинской лесостепи, открытого А.И. Соловьевым (Молодин, Новиков, 1998). Полевые работы экспедиции ИЭЧ СО РАН и КемГУ в 2003–2013 гг. позволили выявить в составе памятника боборыкинское поселение, получившее дополнительный индекс, – Автодром-2/2 (Бобров, Марочкин, Юракова, 2012). Оно занимает юго-ападный участок (ок. 2 тыс. кв.м), на котором прослежено 19 западин от жилищ.

На боборыкинском поселении раскопано 1100 кв.м, включая остатки 12 жилищ. Формы и размеры жилищ различны: подпрямоугольные (6–10 x 5–8 м, глубина 0,4–1,0 м), округлые большие ($d = 7–10$ м, глубина 0,3–0,7 м) и округлые малые ($d \leq 4$ м, глубина

0,4 м). Округлые котлованы преобладают. К сожалению, в условиях песчаного грунта не сохранились конструктивные элементы – следы входа, столбовых ям, кострищ. Все три вида жилищ известны на памятниках боборыкинской культуры, а разнообразие видов построек в пределах одного поселка отмечено для наиболее изученных боборыкинских памятников Зауралья – например, ЮАО IX (Алексащенко, Викторова, Панина, 1984).

Каменный инвентарь (ок. 3 тыс. экз.) свидетельствует о пластинчатом характере индустрии (рис. 1). Доля изделий, произведенных на пластинах, в 2,5 раза превышает кол-во орудий на отщепках. К первым относятся: пластины шириной 4–20 мм с ретушью (250) и без нее (554), перфораторы, острия (14), концевые скребки (65). Производство скребков преимущественно основано на отщеповых заготовках (354). Шлифованные орудия представлены сланцевыми топориками и теслами (14). Первичное расщепление характеризуют нуклеусы (26), желваки (11), отщепы пластинчатых и случайных форм (ок. 1,5 тыс.), в том числе первичные сколы. Специфику орудийного набора передают доминирующая роль вентрального ретуширования пластин по одному-двум маргиналам, наличие пластин со скошенным торцом, отсутствие

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания № 2014/64.

бифасиальных орудий, наконечников стрел, стремление к экономии сырья, выраженное в переоформлении шлифованных сколов, сколов поджигания, например, в скребки.

Показательно присутствие в коллекции двух керамических поперечно-желобчатых изделий («утюжков») ладьевидной и овальной форм (рис. 1, 29–30), один из которых украшен по боковому периметру продолговатыми наколами, аналогичными орнаментальным элементам некоторых сосудов (рис. 2, 12, 19).

Керамический комплекс (рис. 2) содержит свыше 4 тыс. фрагментов, в т.ч. из развалов сосудов, локализованных на полу жилищ. Все сосуды имеют плоское дно, сопровождающееся выступом-утолщением на ребре; придонная часть имеет вогнутый профиль; срез венчика почти всегда скошен вовнутрь и утолщен. В комплексе многочисленны примеры такого технологического приема, как обвязывание сосуда в зоне венчика шнуром из перевитых нитей, после обжига оставлявшего полые каналчики (рис. 2, 7, 8, 13). Орнамент, выполненный в накольчатой и прочерченной техниках, строится по принципу горизонтальной либо вертикальной зональности, иногда оба они совмещаются; композиция в ряде случаев включает нерегулярные узоры. Среди типичных узоров – треугольные и прямоугольные участки с разнонаправленной штриховкой или заполненные круглыми либо овальными наколами, зигзаги, углы, прямые линии, ниспадающие вершинами треугольники, участки прочерченной сетки. Часто «разделителями» служат вертикальные бордюрики, заштрихованные либо вписывающие зигзаг. Характерны элементы обрамления – продолговатые наколы (т.н. «бахрома»). Декор разрежен и локализован в верхней и нижней трети поля, исключение составляет сосуд со сплошной орнаментацией внутренней и внешней поверхностей (рис. 2, 19). Большое разнообразие мотивов и их сочетаний придает коллекции сосудов ту самую стилистику «коллективной индивидуальности», которая признается характерной чертой боборькинской традиции (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 295).

Основанием для датировки комплекса служит стратиграфическая приуроченность на-

ходок на памятнике к слою белого песка с красным оттенком, тогда как залегание материалов поздненеолитической артынской культуры (середина – конец V тыс. до н.э.) в большей степени связано с вышележащим слоем белого песка. Возраст поселка определяется в широких пределах – концом VI – первой половиной V тыс. до н.э., что согласуется с радиоуглеродной хронологией боборькинских древностей Зауралья (Ковалева, Зырянова, 2011, табл. I).

Исследованное поселение на памятнике Автодром-2 ставит проблему о месте и роли комплекса данной культуры в культурно-исторических процессах развития неолита лесостепной Барабы.

Становление автохтонных традиций в Барабе на всем протяжении неолитического периода включено в общий ход длительного развития круга культур накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики. Интенсивность социальных взаимодействий как нельзя лучше отражена в многокомпонентности и взаимной переплетенности технико-орнаментальных канонов (к примеру, в полуденских или кокуйских комплексах). Открытие боборькинского комплекса в Барабе ставит вопрос о его возникновении и возможности гомогенного существования в инокультурной среде. Последнее исключается, т.к. одной из особенностей развития неолита Западной Сибири была повышенная роль межгруппового обмена, обусловленная необходимостью поставок каменного сырья (Бобров, 2012).

Импортный состав боборькинского каменного сырья установлен. Его источники связаны с северными и центральными районами Казахстана (определение канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик); в этом же направлении выстроены и сырьевые связи населения артынской культуры. Характер боборькинского культурного комплекса в Барабе, представленного сложившимися, типично зауральскими характеристиками организации жилого пространства, каменной и гончарных технологий, устанавливает факт его миграционного происхождения.

Наконец, к общей проблеме изучения неолита Западной Сибири относится проблема последствий и влияния боборькинской традиции на тенденции историко-культурного

развития региона. Свидетельства взаимодействия боборыкинского населения с ближайшим культурным окружением устанавливаются исследователями в контексте обнаружения «гибридных» керамических форм на некоторых поселениях Зауралья (Ук VI, ЮАО IX). Плоскодонные профилированные формы посуды с гребенчатой орнаментацией известны в Северном Зауралье (амнинский тип), лесостепном Приуралье (поздненеолитический этап волго-уральской культуры), Северо-Восточном Казахстане (поселение Борлы).

Таким образом, открытие в Барабинской лесостепи поселенческого комплекса боборыкинской культуры диверсифицирует наши представления об историческом содержании неолитической эпохи на этом географическом пространстве. Развитие местных обществ накольчато-прочерченно-ямочной (артынской) и гребенчато-ямочной традиций требует специальных исследований в аспекте роли в этом процессе еще одной культурной линии, стадильно связанной с рубежом среднего – позднего неолита. Сказалось ли появление здесь боборыкинцев на паритете автохтонных разнокультурных групп населения? Этот вопрос пока остается открытым. Но то, что историко-культурные процессы в эпоху неолита на территории Барабы были более сложными и представлены двумя линиями развития, – факт несомненный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексащенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 15–32.

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 110–113.

Бобров В.В. Некоторые аспекты исторических особенностей освоения Западной Сибири в эпоху раннего голоцена и палеометалла // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11; Вып. 3: Археология и этнография. С. 113–118.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофимов В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1970. С. 12–51.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Радиоуглеродные даты неолитических памятников Зауралья // Вопр. археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут, 2011. С. 240–242.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 173 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. 140 с.

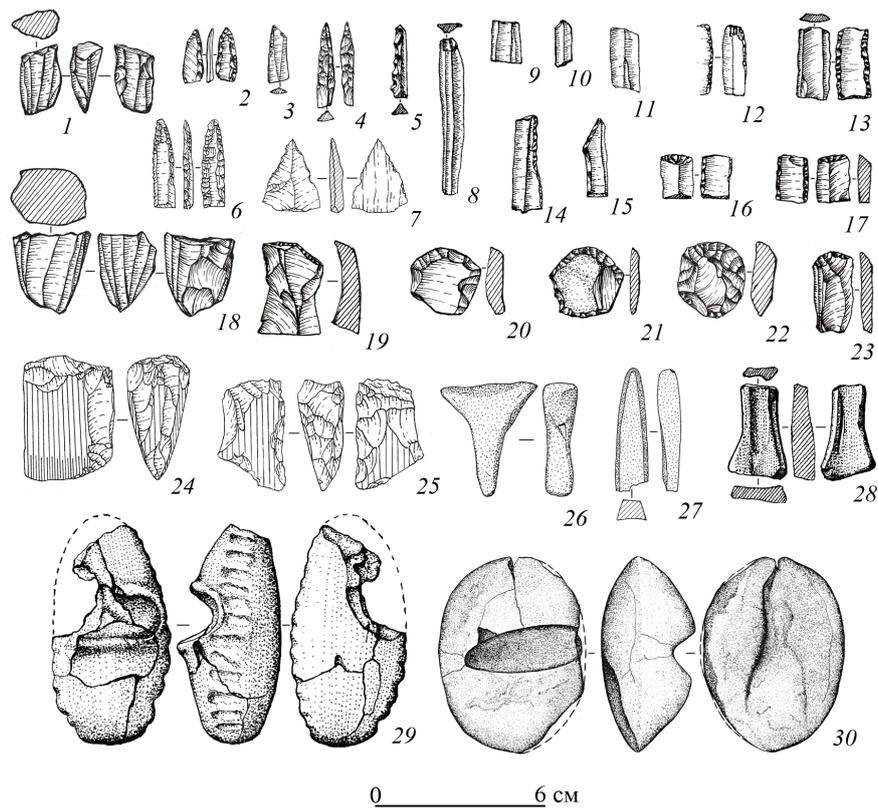

Рис. 1. Орудийный набор боборыкинского комплекса Автодром-2/2. 1–28 – камень; 29, 30 – керамика.

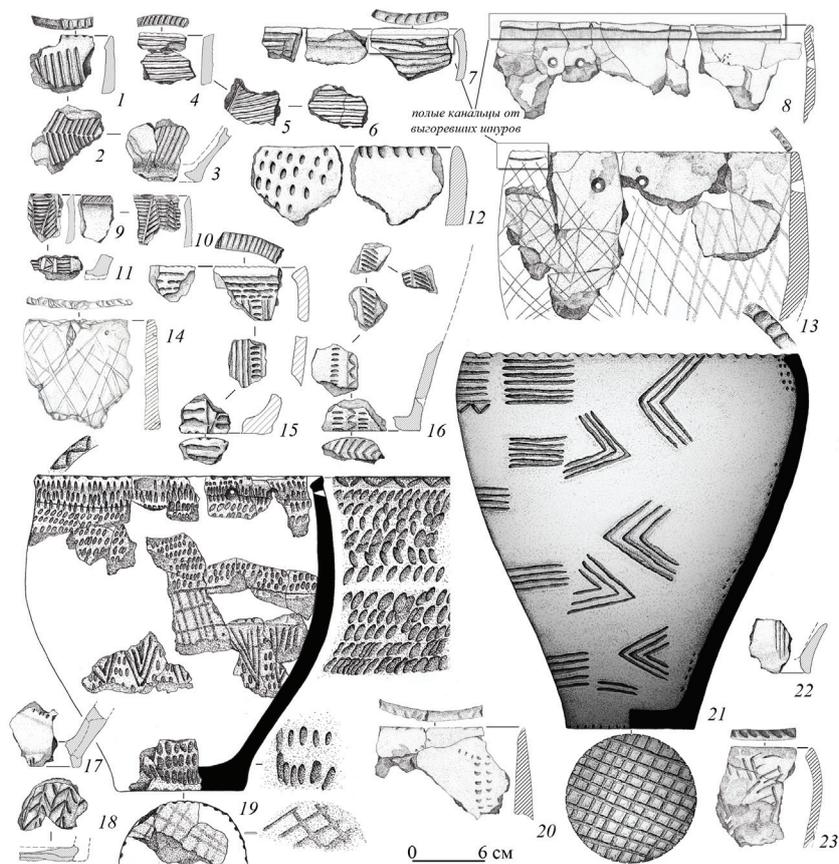

Рис. 2. Керамический комплекс боборыкинской культуры поселения Автодром-2/2.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ – САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ АРЕАЛ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ НЕОЛИТА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2014 г. В.А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

(victor.borzunov@usu.ru)

Ключевые слова: Западная Сибирь, неолит, первая половина эпохи бронзы, укрепленные поселения.

Резюме. Выявлен ареал самых северных в Старом Свете укрепленных поселений, локализовавшихся в Западной Сибири между 55°10' и 64°15' с.ш. Обозначены два этапа их распространения, датированных VI–IV и первой половиной II тыс. до н.э. Представлена общая характеристика 10 таежных неолитических городищ и 35 укреплений тайги и лесостепи первой половины эпохи бронзы. Неолитические городища площадью от 260 до 1 900 кв.м расположены на мысах, краях террас и в глубине берега, защищены частоколами, бревенчатыми стенами и рвами. Они построены и, возможно, изобретены первобытными коллективами таежных рыбаков и охотников. Главная причина их появления – раздел и закрепление относительно свободных промысловых территорий в условиях притока нового населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами. Энеолит в Западной Сибири был относительно мирным периодом. В начале эпохи бронзы, вследствие нового ксеротерма, активного освоения глубинных лесных территорий и передела промысловых угодий, в средней и северной тайге Приобья получают распространение большие (360–400 кв.м) одиночные, окруженные рвами бревенчато-земляные укрепленные жилища, прообразы которых появились в неолите. В лесостепи Тоболо-Иртышья в бронзовом веке возводятся первые береговые и мысовые городища площадью от 330 до 14 000 кв.м. Их строителями были пришедшие с юга и юго-востока степные скотоводческие коллективы и гетерогенные общины – потомки этих скотоводов и аборигенного населения края.

Усилиями нескольких поколений археологов в лесной полосе Западной Сибири выявлено не менее 45 укрепленных поселений и их прототипов, датирующихся концом каменного и первой половиной бронзового веков. На 30 памятниках проведены раскопки жилых площадок и отрезков оборонительных систем¹ (рис. 1). На соседних и более удаленных лесных территориях Севера Евразии неолитических городищ не обнаружено.

¹ Авторы раскопок и разведок: О.Н. Бадер, Ю.М. Баранов, А.Н. Бессмертных, В.А. Борзунов, Е.А. Васильев, В.П. Викторов, В.Ф. Генинг, И.Г. Глушков, Т.А. Горбунова, А.И. Готлиб, А.П. Зыков, Л.В. Ивасько, К.Г. Карачаров, О.В. Кардаш, В.Т. Ковалева, О.М. Кондратьев, С.Ф. Кокшаров, М.Ф. Косарев, Л.Л. Косинская, П.В. Миронов, В.М. Морозов, С.А. Мызников, А.И. Петров, А.А. Погодин, Т.М. Потемкина, Л.М. Терехова, И.В. Толпеко, А.Я. Труфанов, О.В. Рыжкова, А.С. Сергеев, А.Е. Старков, В.И. Стефанов, Н.К. Стефанова, В.Н. Чернецов, Н.В. Шатунов, В.Н. Широков, А.Ф. Шорин, А.Я. Щетенко, Я.А. Яковлев и др.

Укрепления эпохи бронзы здесь единичны и встречаются только на южной кромке тайги и в лесостепи. Ближайший к Западной Сибири их ареал – степи Евразии.

По всей видимости, Западная Сибирь, по сравнению с сопредельными лесными территориями, обладала более богатыми пищевыми ресурсами (дичь, рыба, дикоросы) и потому была привлекательна для массового заселения с юга, особенно в периоды климатических оптимумов. Освоению глубинных районов тайги, несмотря на их большую заболоченность и труднопроходимость, способствовала разветвленная система рек и проточных озер, большей частью объединенных в Обской бассейнах. Кроме того, в эпоху бронзы лесостепная периферия региона, благодаря миграциям на север степных скотоводческих коллективов, вступавших в контакты с аборигенами края – охотниками-рыболовами, превратилась в особую природно-экономическую «буферную»

зону, оптимально приспособленную для ведения комплексного хозяйства.

В развитии древнейших (первобытных) укрепленных поселений лесной полосы Урало-Сибирского региона, в частности, Западной Сибири, можно выделить пять этапов: неолит (VI–IV тыс. до н.э.), ранняя – средняя бронза (XVIII/XVII–XIV вв. до н.э.), поздняя бронза (XII/XI–VIII вв. до н.э.), первая и вторая половины раннего железного века (VII–IV вв. до н.э.; IV/III вв. до н.э. – III в. н.э.)². Они в основном совпадают с шестью «волнами» распространения укрепленных поселений в Старом Свете в VIII тыс. до н.э. – III в. н.э.

Ареал самых северных неолитических укреплений, а также их предшествующих форм охватывал западные области таежного Приобья между 56°40' и 64°15' с.ш. Таких памятников около десятка (рис. 1).

Укрепления небольшие (от 260 до 900 кв.м, реже – 1600–1900 кв.м), разнообразные и, вероятно, полифункциональные. Они располагались на мысах, краях террас и в глубине берега. С напольной стороны были защищены частоколами и бревенчатыми стенами, укрепленными в основании песчаной обваловкой («вал»), а также различной глубины внешними рвами, выкопанными в песчаных грунтах. В повседневной жизни эти рвы использовались как дренажные каналы. Мысы и террасы, на которых находились укрепления, невысокие (1,5–7,0 м). По этой причине поселки по склонам, со стороны водоема и поймы, по-видимому, также были защищены стенами, но более простой конструкции. Частокольные каналы вокруг древних таежных поселков прослеживаются крайне редко и характерны главным образом для неолита и средневековья.

Первые десять памятников представлены мысовыми одноплощадочными и, возможно, двухплощадочными городищами (Амня I, Имньёган-2.1, Нёх-урий-3.3); одноплощадочными кольцевыми укреплениями с несколькими постройками на мысу (Большая Умытья-9, Полудёнка I) и гриве (Каюково-2); подпрямоугольного плана трехплощадочным укреплением в глубине мысовидного высту-

па (Большая Умытья-57); одноплощадочными укреплениями с одной небольшой жилой постройкой (укрепленные жилища первого типа) на стрелках мысов (Амня I – жилище № 1, Микишкино-5, Имньёган-2.1 – постройка № 7); а также прототипами больших укрепленных жилищ второго типа на краю террасы (Быстрый Кульёган-66) и в глубине берега (Усть-Тара XXVIII). На городищенских площадках зафиксировано от одной до семи производственно-жилых построек: землянок и полуземлянок каркасно-столбовой конструкции с котлованами площадью от 13 до 72 кв.м. Рядом с укреплениями Амня I, Полудёнка I, Большая Умытья-9 и -57 обнаружены синхронные селища. При этом древнейшее городище севера Евразии Амня I демонстрирует постоянное совершенствование защитных систем и развитие поселка – от малого однодворного укрепленного жилища первого типа к «цитадели» с тремя постройками и «посадом», затем, возможно, к двухплощадочному городищу.

Самый большой в таежном Приобье неолитический поселок Чэс-Тый-Яг (1,314 га) – «островного» типа, не имел искусственных укреплений, но был защищен естественным образом. Его возвели на мысу коренного песчаного останца-островка, окруженного топкими болотами (бывший древний водоем). Из 20 выявленных здесь землянок все раскопанные (№ 3–5, 8, 10), площадью от 60 до 250 кв.м, функционировали, по-видимому, одновременно. С напольной стороны неолитического поселения Мергень-6 в лесостепном Приишимье выявлены отрезки рвов, которые авторы раскопок считают культовыми.

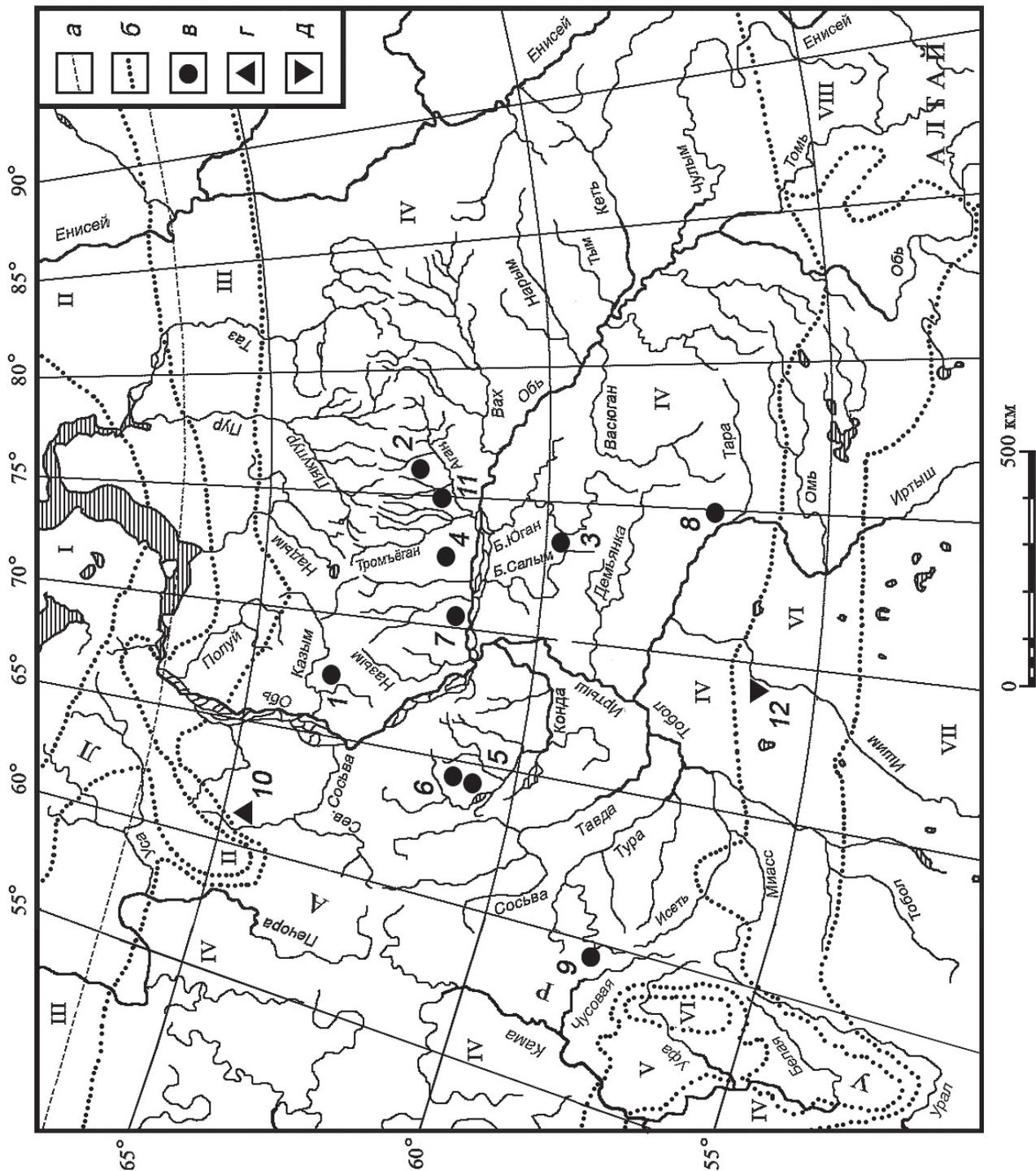
Судя по местонахождению городищ и обнаруженным на них материалам (керамика, орудия, отходы камнеобработки, остеологические остатки), это были центры общинных и, возможно, формирующихся племенных территорий, форпосты на новых освоенных землях, постоянные, а не временные убежища, стационарные круглогодичные поселения, места сосредоточения производственной, хозяйственной и культовой деятельности. Убедительных данных, что это были узкоспециализированные религиозные центры, пока нет. Разнообразие ранних лесных фортификаций при малом их количестве отражает попытки

² Хронология этапов приведена в традиционной системе дат.

Рис. 1. Карта неолитических укрепленных поселений и их прототипов Западной Сибири и Зауралья. 1 – городище Амня 1*; 2 – городище Имьёган-2.1; 3 – городище Каюково 2*; 4 – поселение Быстрый Кульёган-66*; 5 – поселение Большая Умыгья-9*; 6 – поселение Большая Умыгья-57*; 7 – поселение Микишино-5*; 8 – поселение Усть-Тара XXVIII*; 9 – поселение Полудёнка I*; 10 – поселение Чэс-Тый-Яг*; 11 – поселение Нёх-урий-3.3; 12 – Мергень 6*.

а – Северный полярный круг; *б* – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); *в* – поселения с остатками фортификаций и дренажных систем; *г* – поселение на острове среди болот; *д* – поселение с культовыми (?) рвами.

Примечание. Звездочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи

создания – для каждой отдельно взятой территории – оптимального и нестандартного варианта обороны поселка. При этом поселка, защищенного не столько от диких животных, сколько от враждебного социального окружения.

Идея строительства укрепленных жилых и культовых центров, башенных построек и протогородов, зародилась в среде древних земледельцев Ближнего Востока и отсюда со временем распространилась в пределах почти всего Старого Света. Тем не менее, с большой долей вероятности можно утверждать, что западносибирские неолитические укрепления были основаны и даже, по-видимому, изобретены без внешнего влияния первобытными коллективами таежных рыболовов и охотников с керамикой амнинского, каюковского, сумпаньинского, быстринского, полуденковского и других типов. Главная причина появления таких поселений – раздел и закрепление относительно свободных промысловых территорий в условиях притока нового населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами.

Энеолит в Западной Сибири (III тыс. до н.э.), отмеченный прохладным и влажным климатом (плювиал), скорее всего, был относительно мирным периодом. Его характерными чертами были расширение территорий, освоенных местными, пришлыми и гетерогенными коллективами, численный рост самих общин, совершенствование их орудийного комплекса и присваивающего хозяйства, увеличение количества стоянок и селищ на реках и озерах, постепенный переход к полуземлянкам как основному типу стационарных построек.

Укрепленные жилища в западносибирской тайге в это время были единичны (Волвонча I – ранний горизонт, возможно, Теплый Ручей). Редкие городища, по-видимому, доживали свой век только на востоке ареала (Имнъёган-2.1, Нёх-урий-3.3). Затем они исчезли и не появлялись в таежном Приобье до конца бронзового века. Причем никакой преемственности между городищами неолита и эпохи бронзы не наблюдалось.

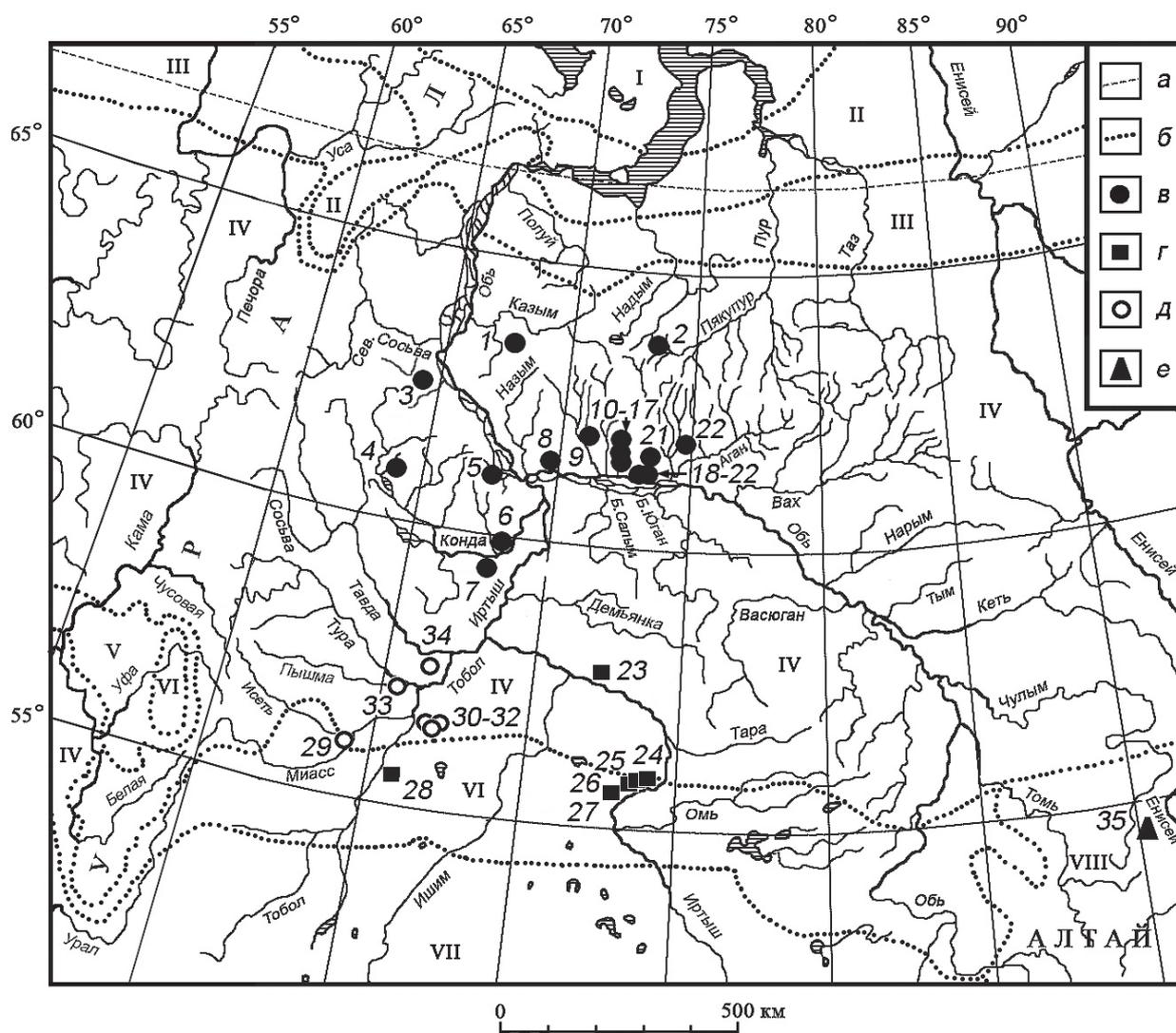
Вторая волна строительства укреплений в Западной Сибири приходится – по местным меркам – на начало и середину эпохи брон-

зы³. Интересующие нас памятники выявлены между 55°10' и 64°10' с.ш. (рис. 2). При этом фиксируется существенное различие «оборонного зодчества» таежного Приобья и «градостроительства» населения лесостепных территорий Тоболо-Иртышья.

В средней и северной тайге Приобья в этот период местные общины охотников-рыболовов начали в массе возводить укрепленные жилища второго типа. Это большие (360–400 кв.м) одиночные бревенчато-земляные дома с неглубоким прямоугольным котлованом, окруженные валом и рвом, иногда с дополнительной защитной стеной. Синхронных селищ вокруг них не выявлено. Неукрепленные поселки – с обычными полуземлянками без рвов – находились на большом удалении от таких объектов. Открыто не менее 22 укрепленных жилищ, на девяти из которых (Волвонча I, Пашкин Бор I, Балинское 1, Быстрый Кульёган-38, Барсова Гора II/22, Моховая-8, Щетнмато-лор, Большая Умытья-28, Ендырское VIII – ранний горизонт) проведены раскопки (рис. 2). Прообразом этих «домов-крепостей» являлись окруженные рвами неолитические объекты типа Быстрого Кульёгана-66, Усть-Тары XXVIII и, возможно, Песиково-1.

Распространение этих специфических укреплений в первой половине бронзового века на севере и в центре западносибирской тайги не просто фиксировало очередной период военной напряженности и междоусобных войн, вызванных ростом населения. По всей вероятности, в это время закончилась эпоха первичного заселения Севера Западной Сибири (мезолит – энеолит) и произошел демографический взрыв, обусловленный явным прогрессом присваивающего хозяйства. В конечном счете, ситуация относительного перенаселения в лесном Приобье, усиленная притоком новых мигрантов с юга в условиях ксеротерма, привела к первому – после эпохи камня – масштабному разделу (местами переделу) промысловых угодий и началу широкого освоения глубинных территорий тайги, удаленных от крупных водных артерий. Центрами общин, закреплявших за со-

3 Согласно общей периодизации эпохи бронзы Евразии, предложенной Е.А. Черных, это начало позднего бронзового века (ПБВ I).

Рис. 2. Карта укрепленных поселений и их прототипов энеолита – первой половины бронзового века в Западной Сибири. 1 – Товгор-лор VI; 2 – Щетнматолор (объект 1)*; 3 – Теплый Ручей; 4 – Большая Умытъя-28*; 5 – Ендырское VIII (ранний горизонт)*; 6 – Волвонча I (нижний и верхний горизонты)*; 7 – Пашкин Бор I (нижний и верхний горизонты)*; 8 – Балинское-1*; 9 – Песиково-1; 10 – Быстрый Кульёган-2; 11 – Быстрый Кульёган-38*; 12 – Быстрый Кульёган-40; 13 – Быстрый Кульёган-44; 14 – Быстрый Кульёган-73; 15 – Быстрый Кульёган-77; 16 – Быстрый Кульёган-100; 17 – Быстрый Кульёган-105; 18, 19 – Барсова Гора II/37 (объекты 1, 2); 20 – Барсова Гора II/22*; 21 – Моховая-8*; 22 – Нивагальское-20; 23 – Хутор-Бор I (ранний горизонт)*; 24 – Инберенское X*; 25 – Черноозерское I*; 26 – Черноозерское VI*; 27 – Сибирская Саргатка IV (ранний горизонт)*; 28 – Камышное II (ранний горизонт)*; 29 – Ташково II*; 30 – Заводоуковское VIII/1; 31 – Заводоуковское X (ранний горизонт)*; 32 – Заводоуковское XIII*; 33 – ЮАО XIII*; 34 – Иска III*; 35 – Чебаки (ранний горизонт)*. *a* – Северный полярный круг; *б* – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); *в* – укрепленное жилище; *г* – городище; *д* – поселение с замкнутой («кольцевой») расстановкой жилищ вокруг относительно свободного центра; *е* – горное укрепление-све. *Примечание.* Звездочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи.

бой наиболее богатые рыбные и охотничьи угодья, по-видимому, были эти первобытные «крепости». Кроме того, такие сооружения олицетворяли собой явный прогресс в местном домостроительстве, одной из причин которого могло стать проникновение в лесную зону – от лесостепных племен – технологии и сырья для изготовления орудий из цветного металла. Впоследствии большие одиночные укрепленные жилища различных форм возводились в западносибирской тайге вплоть до позднего средневековья.

В западносибирской лесостепи первые укрепленные поселки появились, скорее всего, в результате «импульса» с юга. Причем как в результате прямого переселения отдельных скотоводческих коллективов на север, так и в процессе контактов лесостепных гетерогенных общин со скотоводами Урало-Казахстанских степей. Как известно, последний регион с конца III тыс. до н.э. вплоть до XV в. до н.э. являлся одним из центров строительства укреплений в Евразии. Прежде всего, круглоплановых и прямоугольных поселков с замкнутыми оборонительными системами, расположенными на берегах рек и коренных мысах. В пользу южного «импульса» в лесостепном «градостроительстве» говорят материалы, обнаруженные при раскопках древнейших городищ Тоболо-Иртышья. Это, прежде всего, керамическая посуда (петровская, алакульская, кротовская, черноозерская, андроновская федоровская, единично – импортная среднеазиатская), остеологические комплексы с большой долей костей домашних животных, планировка и элементы фортификаций Черноозерского I городища (глубокий ступенчатый ров, прямоугольная жилая площадка, выстроенные в линию четыре жилища с мелкими прямоугольными котлованами), а также колодец на селище рядом с городищем Инберень X.

Судя по керамике, большое (14 000 кв.м) мысовое городище Камышное II на р. Тобол являлось северным форпостом степных петровско-раннеалакульских племен. В то время как древнейшие в Прииртышье укрепления с керамикой кротовского типа (Черноозерское VI, Инберень X), по-видимому, маркировали северо-западную границу продвижения елунических и близких им коллективов скотоводов

и металлургов, пришедших из Верхнего Приобья. В состав населения более поздних городищ (Сибирская Саргатка IV, Черноозерское I) вошли потомки раннекротовского населения, а также мигранты из состава степных андроновских (федоровских) племен Северного и Восточного Казахстана. В целом же городища Среднего Прииртышья, расположенные у северной кромки лесостепи, являлись долговременными пограничными укрепленными центрами скотоводов, противостоявшими миру таежных охотников и рыболовов.

Все стационарно исследовавшиеся прииртышские городища относились к типу береговых и находились у края левой, более низкой (4–11 м), чем правая (около 25–30 м), коренной террасы Иртыша. Удаленность поселков от реки компенсировалась близостью к низкой обширной пойме Иртыша, более подходящей для разведения крупного рогатого скота, чем кручи правого берега.

Городища отличались размерами (от 330 до 800 кв.м), планировкой, жилищами, мощностью обороны, элементами защитных систем и прочими характеристиками. У всех их предполагается наличие синхронных или чуть более ранних селищ. По всей вероятности, данные объекты представляли собой укрепленные части более обширных поселков. Оригинальна миниатюрная «цитадель» городища Инберень X. Две трети территории ее прямоугольного, огороженного частоколом двора занимала большая двухкамерная жилая постройка. Это напоминает укрепленные дома второго типа западносибирской тайги. На трех других поселениях, прямоугольного и трапециевидного плана, судя по наличию многочисленных столбовых ям по периметру площадки и отсутствию частокольных канав, защитные стены были каркасно-столбовой конструкции.

Возможно, под воздействием лесостепных скотоводческих коллективов и в пике им на правобережье Иртыша одной из местных южно-таежных общин с керамикой степановского типа была возведена «пограничная» береговая крепость. От нее сохранился отрезок рва, обнаруженный при раскопках здесь поселений неолита – энеолита и жертвенного места поздней бронзы Хутор Бор-1.

В целом все рассмотренные выше городища и укрепленные жилища Западной Сибири характеризует деревоземляная оборонная и жилая архитектура.

Мы не имеем возможности рассмотреть феномен «круглоплановых» южно-таежных ташковских поселков Нижнего Притоболья начала эпохи бронзы, которые относим к одному из предшественников «кольцевых» укреплений. И только упомянем интересующие нас памятники энеолита – эпохи бронзы, открытые на соседних с Западной Сибирью территориях. В Среднем Прикамье и Среднем Поволжье это – поселения Астраханцевское и

Галанкина Гора, характеризующиеся замкнутой расстановкой жилищ вокруг узкого незастроенного центра, а также мысовое Васильсурское II городище. В верховьях Иртыша (Восточный Казахстан) – городище рубежа средней и поздней бронзы Барашки-1 с элементами каменной оборонительной архитектуры. В истоках Чулыма и верховьях Енисея – оригинальные горные укрепления *све* с каменными фортификациями (Устанах, Чебаки, Шишка, Чергатинская и др.) со слоями ранней и поздней бронзы, а также древнейшее равнинное укрепление бронзового века Тувы – Бажын-Алаакское (нижний горизонт).

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАННЕГОЛОЦЕНОВОГО ГОРИЗОНТА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СОСНОВЫЙ МЫС (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)¹

© 2014 г. Е.Н. Бочарова¹, А.А. Тимошенко², Н.А. Савельев²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск
(bocharova.e@gmail.com)

²Иркутский государственный университет, Иркутск
(timoshenkoaleksey@bk.ru; archeolog@inbox.ru)

Ключевые слова: ранний голоцен, мезолит, Северная Ангара, Като-Ёдарминский р-н, стратиграфия, каменная индустрия.

Резюме. В статье приводятся сведения об исследовании ОАН Сосновый Мыс, где в ходе раскопок в 2011 г. был впервые зафиксирован реннеголоценовый горизонт, имеющий дату по ¹⁴C 9 335±145 лет (СОАН-8648). Коллекция археологического материала представлена скоплениями кости и отходов каменного производства (преобладание отщепов), немногочисленной серией орудий. Комплекс горизонта IV ОАН Сосновый Мыс дополнил реестр раннеголоценовых объектов Северного Приангарья, которое до недавнего времени оставалось белым пятном на карте археологических объектов 11–8 тыс. лет.

В настоящий момент для территории Прибайкалья выделяется более 70 объектов позднелеолитического – мезолитического возраста (Когай и др., 2008. С. 127). Для территории Северного Приангарья, на основе анализа археологического материала, стратиграфических наблюдений и данных геологического изучения, мезолитические комплексы были выделены на местонахождениях Усть-

Кова, Чадобец, Игирма (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 136). Эти объекты долгое время считались единственными опорными памятниками, содержащими раннеголоценовые комплексы. В последнее десятилетие, благодаря крупномасштабным раскопкам на территории, попадающей в зону затопления Богучанской ГЭС, реестр раннеголоценовых памятников был дополнен новыми объек-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00070.

тами. В их число входит стояночный комплекс местонахождения Сосновый Мыс. Открытие и исследование новых объектов расширяют территорию обнаружения раннеголоценовых комплексов, а также смогут заполнить пробел в изучении путей взаимодействия древнего населения на рубеже плейстоцена и голоцена на территории юга Средней Сибири.

В географическом отношении местонахождение Сосновый Мыс находится в Северном Приангарье (Иркутская обл., Усть-Илимский р-н), на нижней оконечности о. Сосновый, в створе устьев рек Ката и Ёдарма (см. рисунок, 1).

Объект открыт и впервые исследован сотрудниками Северо-Ангарской экспедицией Красноярского краевого краеведческого музея под руководством Н.И. Дроздова в 1974–1975 гг. В результате исследований были вскрыты стояночный комплекс, в котором выделено три культуросодержащих горизонта, и могильник с погребениями неолитического периода и эпохи раннего железа (Дроздов, Привалихин, 1975; Дроздов, 1976). В 1982 г. на объекте проводил рекогносцировочные работы В.И. Привалихин (1998. С. 73–87) – на участке острова, определенного им как местонахождение Сосновый Мыс-2. В 1998 г. Нижнеангарским отрядом Иркутского государственного университета проводился визуальный осмотр объекта. В 1999 г. местонахождение Сосновый Мыс поставлено на учет в Иркутском областном органе охраны историко-культурного наследия. В 2007–2008 гг. рекогносцировочные работы на о. Сосновый были продолжены: уточнены границы ОАН и осуществлена GPS-привязка памятника (Роговской, 2009).

В 2011 г. силами 5-го Усть-Илимского отряда Богучанской археологической экспедиции была вскрыта площадь нижнего мыса ОАН Сосновый Мыс в объеме 1 000 кв.м. В результате работ в раскопе № 1 было выделено пять культуросодержащих горизонтов, среди них горизонт, который датирован ранним голоценом (см. рисунок, 2). По геологическим данным к.г. I датируется субатлантическим периодом (0,8–2,7 тыс. л.н.); к.г. II, II н. – суббореальным периодом (2,7–4,5 тыс. л.н.); к.г. III – атлантическим временем (4,5–8,0 тыс. л.н.); к.г. IV – предбореальный (9–

11 тыс. л.н.) (периодизация приведена по схеме Г.А. Воробьевой (2010), разработанной для юга Средней Сибири).

Культуросодержащий горизонт IV залегает в слое бурого карбонатизированного суглинка мощностью 0,05–0,23 м, со следами криогенных нарушений в виде трещин и бугров пучения. Слой разбит многочисленными морозобойными трещинами, постепенно выклинивается в восточном направлении, наклонен в юго-западном направлении.

Количество находок не велико, кострищ не зафиксировано. Материал по слою располагается локальными скоплениями, которые зафиксированы в северной и западной частях раскопа. Среди них выделяется два массивных скопления – компактное скопление битой кости и отходов каменного производства. Стоит отметить, что подобная пространственная организация артефактов характерна для мезолитических горизонтов, где основной структурной организацией является скопление.

Коллекция к.г. IV насчитывает 559 единиц находок: каменные артефакты – 69 экз., из них орудия – 9 экз., отщепы – 54 экз., пластины – 4 экз.; кость – 526 экз.

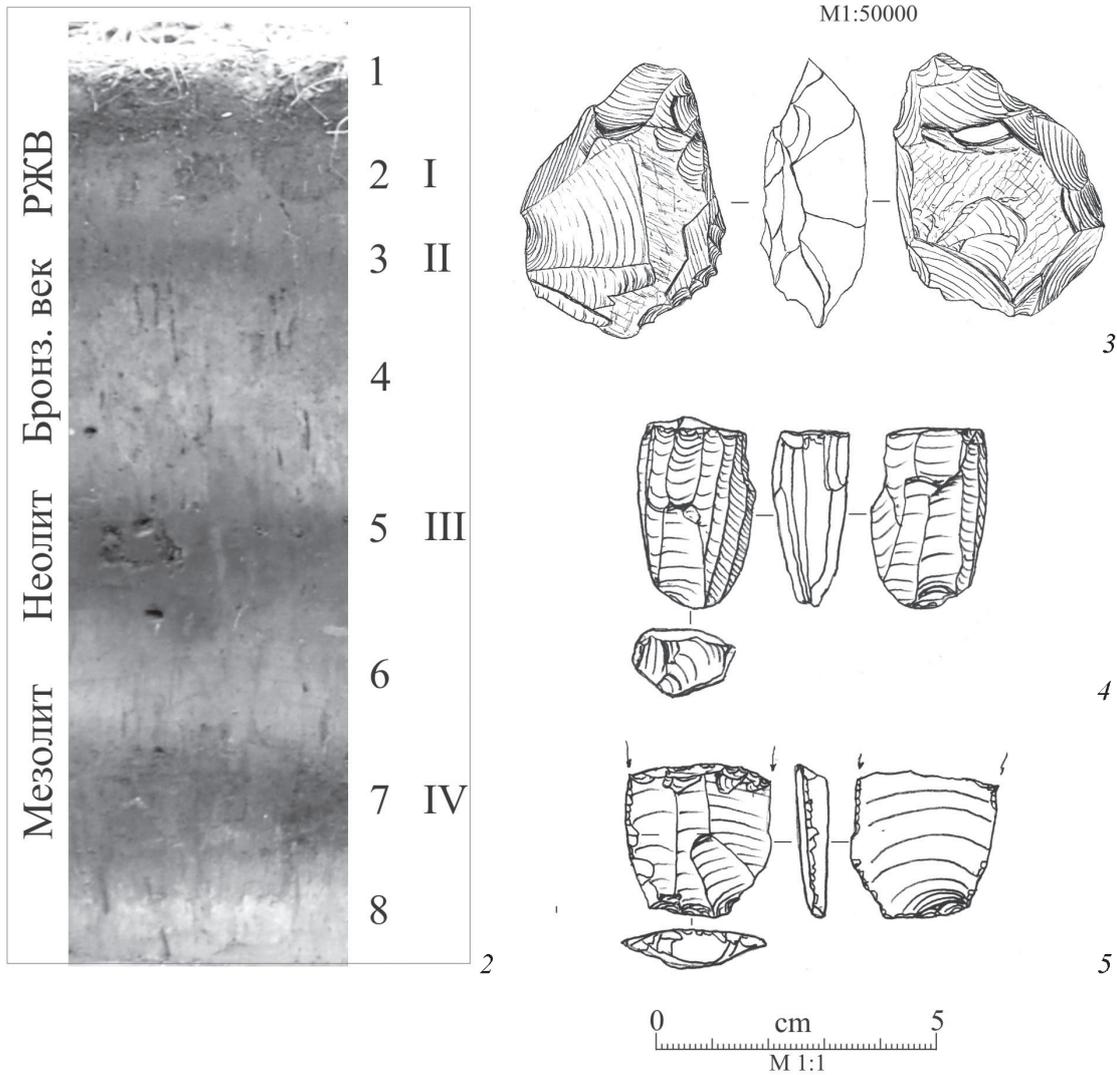
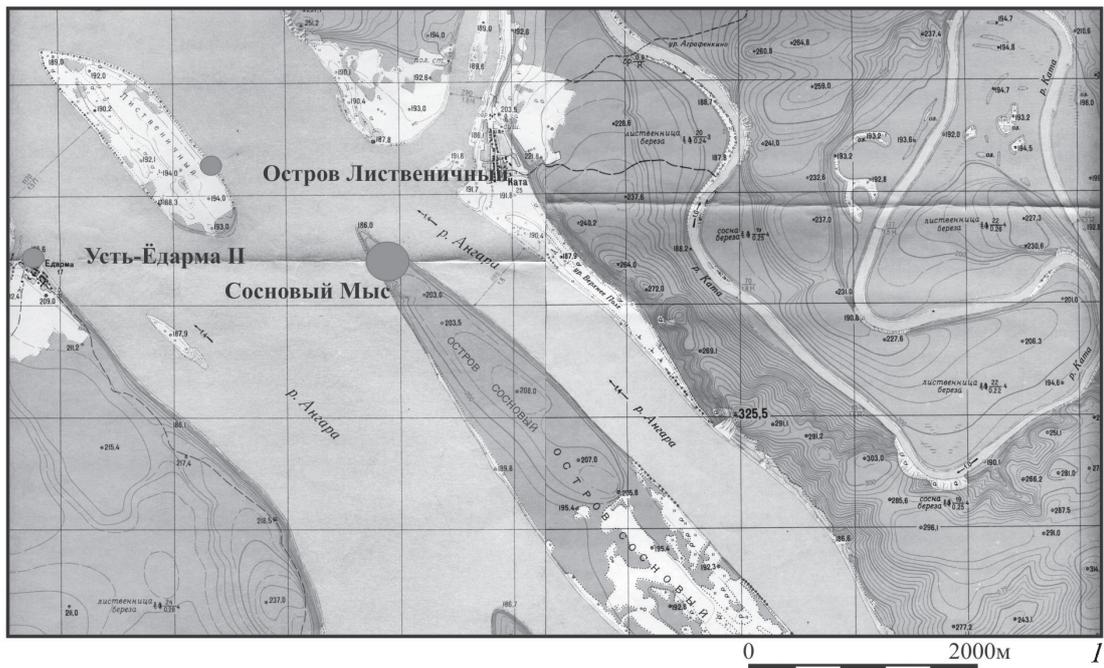
Орудийный набор представлен скребками (массивный двухлезвийный скребок на отщепе; концевой скребок на отщепе; двухлезвийный скребок на отщепе), комбинированными орудиями (концевой скребок/резчик на отщепе (см. рисунок, 5); нож/резчик на пластинчатом сколе), двумя обломками ножей на массивных отщепах, массивным бифасом из кремневого дерева (см. рисунок, 3); нуклеидным оббитым желваком кремня; призматическим нуклеусом (см. рисунок, 4).

Фаунистические остатки представлены: 460 фрагментов неопределимых костей; 31 определимая кость (*Canis lupus* (волк); *Alces alces* (лось); *Cervus elaphus* (благородный олень); *Bos/Bison* sp. (крупный бык) (определения к.г.н. А.М. Клементьева)).

По фаунистическим остаткам для к.г. IV была получена дата 9 335±145 лет (СОАН-8648)¹.

Как упоминалось выше, в ходе спасательных работ Богучанской экспедицией ИАЭТ

¹ Возраст рассчитан от 1950 г. Для расчета возраста использован период полураспада ¹⁴C, равный 5 570 лет

Местонахождение Сосновый Мыс. 1 – схема расположения; 2 – стратиграфический разрез; 3–5 – археологический материал культурного горизонта IV.

СО РАН были выявлены раннеголоценовые горизонты на соседних объектах: остров Лиственничный (5-й к.г. – 8 575±120 лет (СОАН-8646), 8 480±135 лет (СОАН-8647) (Роговской, Кузнецов, 2013. С. 104), Усть-Ёдарма II (9-й к.г. – 8 200±110 лет (СОАН-8651) (Липнина, Лохов, Медведев, 2013. С. 85), Усть-Кеуль I (9-й к.г. – 10 005±190 лет (СОАН-8644); 11-й к.г. – 11 280±170 лет (СОАН-8643) (Новосельцева, Соколова, 2012. С. 141–144). Данные объекты, за исключением местонахождения Усть-Кеуль I, находятся в Като-Ёдарминском районе. Это зона Ангарского разлома, «в котором современное ложе р. Ангары и двух ее притоков (р. Ёдарма и р. Ката), образуют тектонический узел, выраженный речным расширением» (Липнина, Лохов, Медведев, 2013. С. 83). В связи с тем, что материалы этих местонахождений опубликованы не в полном объеме, проводить широкие аналогии в настоящее время пока не возможно.

В целом, изученные отложения ОАН Соновый Мыс коррелируются с результатами работ, полученных при изучении раннеголоценовых комплексов на юге Средней Сибири: геологические наблюдения, ¹⁴C-даты, аналоги в составе инвентаря (Горюнова, Савельев, 1990; Макаров, 2005). Полученные ¹⁴C-даты позволяют говорить о синхронности заселения Като-Ёдарминского района с территорией Прибайкалья и Канско-Енисейской лесостепью (Казачка I, пещера Еленева, Улан-Хада, Усть-Белая и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 205 с.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Многослойная стоянка Улан-Хада // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. С. 127–133.

Дроздов Н.И. Северо-Ангарская экспедиция // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 237.

Дроздов Н.И., Привалихин В.И. Разведки на Средней Ангаре // АО 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 203–204.

Когай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Роговской Е.О. Проблемы позднего палеолита Байкальской Сибири // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 127–128.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах с «ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–102.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. лаборатории древних технологий ИрГТУ. 2005. Вып. 3. С. 149–170.

Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Новые данные по геохронологии голоценовых комплексов многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I в Северном Приангарье // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 137–147.

Привалихин В.И. Сосновый Мыс-2 – новый разновременный могильник Северного Приангарья // Сибирский межмузейный сб. Красноярск: КККМ, 1998. С. 72–87.

Роговской Е.О. Отчет о рекогносцировочных научно-исследовательских археологических работах в Северном Приангарье. Зона затопления ложа Богучанской ГЭС // Архив ЦСН. 2009. Т. I. № 974/И.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственничный в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 1 (2). С. 102–116.

О ДИНАМИКЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ВОЛГО-КАМЬЕ¹

© 2014 г. И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(in.vasil@mail.ru; vibornov_kin@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, гончарная технология, технико-технологический анализ керамики, радиоуглеродный анализ, елшанская, средневолжская и камская культуры.

Резюме. Доклад посвящен результатам комплексного изучения неолитической керамики Волго-Камья и реконструкции динамики распространения ранних керамических традиций в регионе.

Реконструкция динамики распространения раннеолитических традиций в Волго-Камье базируется на результатах комплексного исследования. Оно включает морфологическую группировку сосудов на основе изучения техники нанесения орнамента и особенностей форм; анализ неолитической гончарной технологии; радиоуглеродное датирование культурно-хронологических групп керамики.

Изучение гончарной технологии проводится в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. В разработке проблем зарождения и распространения раннеолитических гончарных традиций основное внимание уделяется представлениям древнего населения о сырье. Особенности возникновения взглядов на конкретные природные пластические материалы как сырье для изготовления емкостей, выявленные в результате исследования раннеолитической керамики, могут свидетельствовать о принадлежности древних гончарств Волго-Камья к разным центрам происхождения гончарства. Базу источников исследования составляют данные технико-технологического анализа более 3 тыс. образцов из 120 памятников неолита. Технико-технологический анализ керамики направлен на реконструкцию историко-культурного процесса. Однако, выявление его динамики возможно только при получении радиоуглеродных дат по керамике. К настоящему времени получено около 300 радиоуглеродных дат для различных типов неолитической керамики

Волго-Камья. Они сделаны по известной методике (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008) в лабораториях Киева и Санкт-Петербурга, а затем перепроверены по нагару на АМС за рубежом. Отмечено совпадение дат для серии памятников.

Радиоуглеродное датирование керамики позволило установить почти одновременное появление древнейшей керамики в двух ареалах Волго-Камья: в нижневолжском (Северный Прикаспий) и елшанском (Волго-Уралье). К настоящему времени имеются наиболее валидные даты по керамике и нагару: Каир-Шак III – 7 750±42 ВР; Ивановка – 7 560±80 ВР. Для первого ареала было характерно использование илов в качестве сырья для изготовления бытовой посуды, а для елшанского ареала – илистых глин. Архаичность характера илистого сырья в первом ареале может указывать на автохтонность зарождения гончарных традиций. Появление в Волго-Уралье елшанских традиций, находящихся на более высоком уровне эволюционного развития, чем одновременное гончарство неолитического населения Северного Прикаспия, позволяет предполагать их неместное происхождение.

Распространение североприкаспийских керамических традиций фиксируется материалами 3-го слоя Варфоломеевской стоянки и нижнего слоя Джангара. В период 7 600–7 200 ВР территория ареала расширилась к западу, заняв правое побережье Волги, и к северу, охватив, по-видимому, все степное Поволжье.

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р)) и РФФИ (№ 14-06-0041).

Выявлена разнонаправленность тенденций эволюционного изменения представлений о сырье в среде населения разных районов. В Северном Прикаспии прослежена консервация навыков использования илов в гончарном производстве. Керамика поздненеолитической стоянки Тентексор (6 630±80 ВР) изготовлена из такого же сырья, как и керамика более ранних стоянок этого региона (Васильева, 1999). В степном Поволжье происходил процесс постепенного изменения сырьевой базы и переход от илов к илистым глинам и глинам (причина – аридизация климата, высыхание традиционных источников сырья?). Переход к новому сырью сопровождался формированием традиции добавки в массы искусственной примеси дробленой раковины, обусловленным стремлением придать им привычные свойства и внешний вид илов. Данное заключение подтверждается изучением керамики стратифицированной Варфоломеевской стоянки, выявившим: 1) наличие наибольшего количества сосудов из ила в нижнем 3-м слое стоянки (21%); 2) полное изживание навыков использования илов к переходному периоду от позднего неолита к энеолиту (слой 1); 3) появление традиции дробления раковины и добавки ее в формовочные массы.

Для ранних гончарных производств елшанского ареала были характерны остродонные сосуды без орнамента или с ямочно-жемчужным пояском, изготовленные из илистых глин. Данная традиция бытовала в лесостепном Поволжье в 7 500–7 200 ВР, а затем распространилась в Посурье (7 200 ВР) и Примокшанье (6 900 ВР), доживая здесь до 6 500 ВР. В период 6 800 ВР в среде елшанского населения появилась традиция изготовления плоскодонной посуды. Выделяются две группы населения, которые изготавливали керамику «елшанского» облика. Одна из них использовала илистые глины в качестве моносырья (к ней относится большая часть материалов Самарского Поволжья), а вторая добавляла к илистой глине минеральную дробленую примесь – шамот (Ивановка, Елшанка X, Вьюново озеро I). С точки зрения развития гончарства последняя традиция отражает существенное изменение в представлениях о пластичном сырье, следующий шаг в эволюции взглядов на илистое сырье по нисходящей линии – пере-

ход от моносырья к смеси сырья и искусственных добавок (Васильева, 2011). Керамика елшанского типа с шамотом датируется позднее ранней елшанской посуды, изготовленной без минеральных добавок на 200–300 лет (Ивановка: 7 780±90 – 7 680±90 л.н.). Эти факты указывают на эволюционные процессы в субстратных представлениях о сырье, аналогично тем, которые происходили в нижневолжском гончарстве, или на существование контактов елшанского населения с неолитическими коллективами исходных территорий и наличие нескольких волн миграции.

На рубеже VI–V тыс. до н.э. началась миграция нижневолжского населения в Среднее Поволжье. Она фиксируется по наличию в слоях Ивановской и Виловатовской стоянок тонкостенной плоскодонной керамики небольших размеров, изготовленной из ила и орнаментированной в геометрической стилистике, «отступающей палочкой» в технике накальвания с отступанием. Морфология и технология ее изготовления близки материалам орловской культуры степного Поволжья. Они не имеют признаков смешения с елшанскими традициями, что было характерно для основной части накольчатого керамического комплекса стоянок Самарского Поволжья более позднего времени. Влияние елшанских традиций на пришлое население со временем усиливалось: на раннем этапе бытования Виловатовской стоянки число сосудов с накольчатым орнаментом, изготовленных из илистых (запесоченных без раковины) глин, характерных для елшанского гончарства, составляло 19%, на среднем – 36%, а на позднем – 52% (Васильева, Выборнов, 2012а). При этом происходило смешение мигрантов с обеими группами елшанского населения (с традицией изготовления керамики с шамотом и без него). В целом в V тыс. до н.э. развитие неолитического гончарства в Среднем Поволжье обуславливалось смешением традиций елшанского и нижневолжского населения и формированием средневолжской неолитической культуры (Выборнов, 2009). По-видимому, состав населения данной культуры имел многокомпонентный характер. В его среде были распространены навыки использования илов, илистых глин и глин, получили распространение традиции составления

формовочных масс с шамотом, в значительно меньшей степени – с дробленой раковинной.

К последней трети V тыс. до н.э. (Лычагина и др., 2013) относится появление камского ареала неолитических гончарных традиций, для которых было характерно использование природных глин, раздробленных в сухом состоянии и смешанных почти в равной концентрации с шамотом (порошком из старых сосудов) и органическим раствором (Васильева, Выборнов, 2012б). Связь столь специфических гончарных традиций с известными более ранними волжскими ареалами древнего гончарства пока не прослеживается, и предполагается их неместный характер (Васильева, 2013). В течение всего времени бытования ареала происходило взаимодействие и смешение двух разных в культурном отношении групп неолитического населения Прикамья: камской (с гребенчатой керамикой) и волгокамской (со слабоорнаментированной и накольчатой керамикой). На левшинском этапе (третья четверть IV тыс. до н.э.) в Нижнем Прикамье произошло почти полное перерождение камских традиций и слияние камского населения со средневожским (Васильева, Выборнов, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // *Вопр. археологии Поволжья*. Самара: СамГПУ, 1999. С. 72–96.

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2011. № 2. С. 70–81.

Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 4. С. 73–83.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 10. Оренбург: ОГПУ, 2012а. С. 23–42.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // *Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции*. Вып. 8. Пермь: ПГПУ, 2012б. С. 33–50.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // *Поволжская археология*. 2013. № 1. С. 60–86.

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44с.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбонной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // *РА*. 2008. № 4. С. 64–71.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г. Новые данные по абсолютной хронологии Прикамья // *Изв. Самарского научного центра РАН*. 2013. Т. 15; Вып. 5. С. 247–253.

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ПРИМОРЬЯ: ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАХМАЛА НА ОРУДИЯХ

© 2014 г. Ю.Е. Вострецов¹, И.Е. Пантюхина²

¹*Институт истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток
(vost54@mail.ru)*

²*Дальневосточный геологический институт ДВО РАН
(pantukhina2000@mail.ru)*

Ключевые слова: культурная адаптация, приморская адаптация, ранние земледельцы, неолит, Российское Приморье, Восточная Азия, древний крахмал.

Резюме. В статье рассматривается один из поворотных моментов в культурной эволюции населения Приморья, когда на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена под воздействием ухудшающихся агроклиматических условий, вызванных похолоданием климата, ранние земледельцы расселяются из континентальных районов на побережье залива Петра Великого. С помощью методики изучения древнего крахмала на орудиях выясняется вопрос о существовании земледельческой практики у населения, переселившегося на морском побережье.

Конец атлантического – переход к суббореальному периоду голоцена насыщен многочисленными событиями в культурной эволюции населения всего мира. Эти события были обусловлены катастрофическими для первобытного населения ландшафтно-климатическими изменениями, сопряженными со значительным и продолжительным похолоданием и падением уровня моря (Короткий, Вострецов, 1998; Вострецов, 2006). Суть природных изменений сводилась к действию следующих значимых для населения природных факторов. В континентальных районах Восточной Азии в результате похолодания климата устанавливались более суровые зимы, затяжные весны и короткие, но экстремально жаркие лета с частыми засухами в первой половине. Происходила разбалансировка погодных условий – экстремальные засухи чередовались с катастрофическими наводнениями. Наиболее негативным для земледельцев фактором становилось слабая предсказуемость периода сева на фоне сокращающегося вегетационного периода, и так короткого в Восточной Азии. Совокупное действие этих факторов разрушало ресурсную базу земледельцев и вынуждало переселяться в новые места с

приемлемыми агроклиматическими ресурсами. Наиболее привлекательными в условиях похолодания климата были районы, близкие к морским побережьям. Кроме того, понижение уровня моря приводило к деградации экономик и значительной депопуляции морского побережья. Это создавало условия для миграции ранних земледельцев из континентальной зоны в приморскую.

Один из эпизодов подобных процессов проходил в районах водосборного бассейна залива Петра Великого. Похолодание климата и падение уровня моря в интервале 5 400–5 200 л.н. привели к частичной деградации бойсманской культурной традиции на побережье залива Петра Великого и расселению ранних земледельцев из долины р. Муданьцзян (памятник Ябули) в направлении побережья в долину р. Кроуновки (памятник Кроуновка-1, нижний слой).

В результате, в интервале от 5 300 до 4 800 л.н. в Южном Приморье сложилась такая ситуация, когда обе культурные группы населения сосуществовали каждая в своем экономическом районе (Вострецов, 2006).

С началом после 4 900 л.н. следующей, продолжительной фазы похолодания климата

и падения уровня происходило угасание бойсманской культурной традиции на побережье Приморья и подобных ей культурных адаптаций в бассейне Японского моря. В то же время в интервале 4 800–4 600 л.н. из долины р. Кроуновки (бассейн р. Раздольной-Суйфун) шло расселение ранних земледельцев – носителей традиции веревочной орнаментации керамики – на побережье оз. Ханка (памятник Лузанова Сопка-2) на морское побережье (памятники Рыбак-1, Клерк-5, Бойсмана-1, -2, Сибирякова-1, Гвоздево-3, Зайсановка-8, -10, Кировское, Валентин-перешеек, Устиновка-8).

Вероятно, несколько позже, из среднего течения р. Туманной-Туманган расселяются ранние земледельцы-грядочники, ассимилируя часть населения с традицией веревочной орнаментации керамики, они формируют приморско-земледельческую адаптацию, известную по памятнику Зайсановка-7 (эстуарий р. Гладкой) (Вострецов, 2009). В результате накопления археологических данных выяснилось, что это был не самый ранний эпизод расселения земледельцев на морское побережье. Исследование отложений связанных со слоем светло-коричневого суглинка и вышележащего слоя коричневой супеси на памятнике Клерк-5 показало расселение носителей традиции веревочной орнаментации керамики после рубежа 4 800 л.н. на морское

побережье, на п-ов Клерка, где оно оставило долговременное, круглогодичное поселение. Население занималось прибрежным рыболовством, собирательством моллюсков, охотой на морских и наземных млекопитающих, птиц, собирательством растений (Klerk 5 Site ..., 2007).

Однако остается не ясным, продолжало ли население, переселившееся на побережье, заниматься земледелием, и какова была его роль. До исследования ботанических остатков, полученных в результате флотации, эту проблему поможет решить исследование остатков древнего крахмала на орудиях

Для этого из слоя светло-коричневого суглинка мы отобрали семь артефактов, которые, согласно трасологическому анализу и типологии, могли использоваться для обработки растений: толчения, растирания и т.п. Это изделия и их фрагменты, оформленные на гальках. Имеются предметы, которые могли служить основой для работы, а также несколько удлиненных уплощено-выпуклых галек с функцией куранта. Всего было сделано 38 заборов проб с поверхности артефактов. 17 из них дали положительный результат. Весь обнаруженный крахмал мы разделили на две группы: идентифицируемый крахмал и неидентифицируемый. Крахмал в идентифицируемой группе по морфологическим признакам разделен на шесть типов (см. таблицу).

Распределение крахмала по типам

№ пробы	Идентифицируемый крахмал						Неидентифицируемый крахмал	Итого
	Тип 1	Тип 2	Тип 3А	Тип 3В	Тип 4	Тип 5		
44	–	–	–	–	–	–	1	1
45	8	–	–	–	263	–	3	274
46	40	–	–	–	–	2	5	47
50	–	–	1	–	–	1	–	2
51	3	1	18	5	–	3	3	33
57	1	–	–	–	–	–	–	1
58	1	3	7	2	–	20	4	37
<i>Всего</i>	53	4	26	7	263	26	16	395

Нам удалось выделить четыре типа (так как тип 3А и 3В мы пока считаем условно одним типом) крахмала, соответствующего четырем видам растений. Два из них удалось идентифицировать: тип 1 – как наиболее близкий к роду *Sorghum* (гаолян) по сравнению с родами *Echinochloa* (ежовник) и *Setaria* (щетинник), и *Quercus mongolica* (Дуб монгольский) – тип 2. Типы 3 (А, В) и 4 требуют дальнейшей доработки, т.к. эталонная коллекция находится в стадии становления и будет пополнена эталонами новых видов. В тип 5 мы включили единичные зерна, которые по своим характеристикам не укладываются ни в один из типов.

Употребление в пищу гаоляна и желудей имеет этнографическое подтверждение, но этнография не дает ответ на вопрос, когда люди стали использовать те или иные ресурсы. В настоящее время, методами флотации пока не удалось установить использование гаоляна неолитическим населением на территории Приморского края. Желуди, напротив, были повсеместно используемым пищевым ресурсом неолитического населения Восточной Азии. Поэтому наши результаты новы и интересны, но они требуют дальнейшего подтверждения другими данными из археологических комплексов того же периода. Таким образом, полученные данные позволяют пред-

полагать, что население с традицией веревочной орнаментации керамики не отказалось от земледельческой практики после переселения на морское побережье, так же как это случилось позже с ранними земледельцами, переселившимися из районов среднего течения р. Туманной в устье р. Гладкой около 4500 л.н. (памятник Зайсановка-7) (Вострецов, 2009).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вострецов Ю.Е. «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 25–32.

Вострецов Ю.Е. Первые земледельцы на побережье залива Петра Великого // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8; Вып. 3: Археология и этнография. С. 113–120.

Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / Отв. ред. Ю.Е. Вострецов. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 9–29.

Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Preliminary results of Excavation in 2005. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Ed. H. Obata. Kumamoto: Shimoda Print, 2007. 54 p.

ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В НЕОЛИТЕ ВОЛГО-КАМЬЯ¹

© 2014 г. А.А. Выборнов

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(vibornov_kin@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, хронология, периодизация, каиршакский тип, елшанская культура, камская культура, накольчатая традиция, средневожская культура.

Резюме. За последние годы увеличена источниковая база неолита Волго-Камья. Проведены дополнительный типологический и технико-технологический анализы значительного числа памятников. Получена большая серия радиоуглеродных дат по различным культурным типам и группам. Совокупность новых данных позволяет конкретизировать хронологические рамки культурных процессов в неолите Волго-Камья.

Для реконструкции культурных процессов необходимо определение четких хронологических рамок культурных групп и культур в каждом регионе. За последние годы получены как новые археологические источники, так и радиоуглеродные данные, позволяющие конкретизировать предложенную ранее схему культурно-хронологического соотношения неолитических комплексов Волго-Камья (Выборнов, 2008а). Поскольку значительный массив дат был получен киевскими специалистами по органике, содержащейся в керамике (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008), и это вызывало определенную дискуссию, то была предпринята работа по датированию как в других лабораториях и по другим материалам, так и по нагару на АМС за рубежом. В целом ряде случаев прежние датировки получили подтверждение.

На территории Северного Прикаспия представлены комплексы каиршакского и тентексорского типов, отражающие культурные процессы в период неолита. Первоначально хронологические рамки их развития определялись в пределах от начала V до середины IV тыс. до н.э. (Козин, 2002; Выборнов, 2003). Существовали два проблемных момента: 1) хронологический разрыв между стоянками Каиршак III и Тентексор, что подвергало сомнению преемственность культур; 2) стоян-

ка Тентексор синхронизировалась с хвалынской энеолитической культурой, и на этом основании выделялся «пережиточный» неолит. Исследование новых памятников (Выборнов, Горащук, 2008; Выборнов, 2008б; Выборнов и др., 2014) позволило проследить типологическую последовательность, технологическое единство и хронологическую непрерывность как внутри, так и между каиршакскими и тентексорскими комплексами (Васильева, Выборнов, Зайцева, 2012; Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012). Можно достаточно надежно определять время бытования каиршакских памятников с 7 700 до 7 000 ВР (6 700–6 000 ВС), а тентексорских – с 7 000 до 6 500 ВР (6 000–5 500 ВС). Таким образом, хронологические рамки неолита Северного Прикаспия в калиброванных значениях соответствуют второй четверти VII тыс. – середине VI тыс. до н.э.

На территории Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Поволжья на основе стратифицированных памятников Джангар и Варфоломеевская прослежена динамика технологии изготовления керамики от илов через илистую глину к глинам и получены более достоверные данные о хронологии этих процессов (Vybornov, Vasilieva, 2013; Выборнов и др., 2013). Так слой 2Б Варфоломеевской стоянки определяется рамками 7 100–6 900 ВР,

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р)) и РФФИ (№ 14-06-00041).

а 2А – 6 700–6 400 ВР. В границы последнего входит верхний слой Джангара (6 564 ВР). Это позволяет синхронизировать данные комплексы с тентексорскими Северного Прикаспия и определять верхнюю границу неолита в этих регионах серединой V тыс. до н.э., а в калиброванных значениях середина VI тыс. до н.э. Таким образом, завершение неолита на интересующих территориях происходит за 500 лет до появления здесь хвалынской культуры. Нижние слои уходят за пределы 7 000 ВР и синхронизируются с комплексами Байбека и Каиршака I. Уточнение хронологических рамок каждого этапа и культур в целом позволяет конкретизировать особенности развития отдельных регионов и время взаимодействия населения этих территорий.

Исследование материалов елшанской культуры лесостепного Поволжья и увеличение числа радиоуглеродных дат позволили снять ряд дискуссионных вопросов (Выборнов, 2005; Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012; Выборнов и др., 2013). Стало очевидным, что даты древнее 8 тыс. и моложе 6 тыс. лет не являются приемлемыми для елшанской культуры. Нижняя хронологическая граница для восточной части (Ивановская) – 7 500 ВР, центральной (Чекалино IV) – 7 200 ВР, западной (Вьюново озеро I) – 7 200. Таким образом, прослеживается восточный тренд в распространении елшанской культуры в VII тыс. до н.э. (в калиброванных значениях). Если традиция остродонной керамики доживает на р. Сок до 6 700 ВР, то на Суре (Утюж I) – до 6 500, а в лесном Примокшанье (Имерка VII) – до 6 200 ВР. В это время (6 700) в восточной и центральной частях уже представлена плоскодонная традиция, которая дает импульс для развития аналогичной в лесном Среднем Поволжье (Дубовская III). Позднеелшанская традиция является субстратной основой для формирования средневожской культуры.

Неравномерность развития раннеэолитического населения данного региона прослеживается и в рамках средневожской культуры. Подтверждается ее сложение на востоке лесостепного Поволжья в начале V тыс. до н.э. на основе местного елшанского и пришлого с юга, типа Варфоломеевки-2Б, компонентов (Васильева, Выборнов, 2012). В период 6 600–6 500 ВР накольчатая тра-

диция распространяется на всей территории Среднего Поволжья (Выборнов, 2009). Получены достоверные данные о появлении в данном регионе зубчатой традиции от 6 500 до 6 300 ВР (Выборнов и др., 2014), т.е. в середине VI тыс. до н.э. в калиброванных значениях. Завершение развития средневожской культуры в разных регионах своеобразно.

На территории Нижнего Прикамья установлена синхронность с 6 300 ВР существования памятников с накольчатой керамикой и стоянок с посудой гребенчатого типа камской культуры (Лычагина и др., 2013). Более того, получена достоверная информация о своеобразном взаимодействии двух групп населения с разными технологиями изготовления сосудов (Васильева, Выборнов, 2013). Для Камско-Вятского междуречья наиболее ранние датировки сопряжены с комплексами слабоорнаментированной керамики с 6 800 ВР. Они соответствуют хронологии памятников неолита лесостепного Поволжья. Более древние даты (7 600) подвержены резервуарному эффекту. Что касается камской культуры, то для Среднего и Верхнего Прикамья получены подтверждения ее периодизации (Выборнов, 1984; Лычагина, 2011; 2013). Определились и хронологические рамки ее бытования с 6 300 ВР, развитого этапа – с 5 900 до 5 500 ВР (Выборнов и др., 2014), а позднего – до 5 200 ВР. Таким образом, камская культура существовала в калиброванных значениях от второй половины VI тыс. до н.э. до последней четверти V тыс. до н.э. Примечательно, что носители накольчатой традиции и представители камской культуры взаимодействовали, судя по технологии керамики уже с раннего этапа. Характер взаимодействия двух культурных групп отличается от процессов Нижнего Прикамья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14; № 3. С. 193–199.

Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14; № 3. С. 200–204.

- Васильева И.Н., Выборнов А.А.* Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 23–42.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А.* О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 60–86.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И.* Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 370–375.
- Выборнов А.А.* Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 16 с.
- Выборнов А.А.* Некоторые вопросы изучения нижневолжского неолита // Новые гуманитарные исследования: Спец. вып. «Изв. Самар. науч. центра РАН». 2003. С. 57–65.
- Выборнов А.А.* О раннем неолите Поволжья // Новые гуманитарные исследования: Спец. вып. «Изв. Самар. науч. центра РАН». 2005. С. 152–159.
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: СамГПУ, 2008а. 490 с.
- Выборнов А.А.* Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. Т. 10; № 4. 2008б. С. 1249–1255.
- Выборнов А.А.* Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.
- Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г.* Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2014. Т. 16; № 3. С. 234–242.
- Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15; № 5. С. 254–260.
- Выборнов А.А., Горацук И.В.* Стоянка Качкарстау в Северном Прикаспии // Вестн. Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 76–87.
- Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. 2008. № 4. С. 64–71.
- Козин Е.В.* Неолит Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 16 с.
- Лычагина Е.Л.* О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 28–33.
- Лычагина Е.Л.* Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 50–57.
- Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г.* Новые данные по абсолютной хронологии раннего неолита Прикамья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15; № 5. С. 247–253.
- Vybornov A., Vasilieva I.* Interdisciplinary research of the Neolithic Volga-Kama pottery // Documenta Praehistorica. 2013. Vol. XL. P. 165–173.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В КАМЕННОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ЗАОНЕЖЬЯ (РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ)

© 2014 г. К.Э. Герман, И.В. Мельников

*Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижси», Петрозаводск
(germank@onego.ru; meln@onego.ru)*

Ключевые слова: поселения мезолита – энеолита, палеогеография голоцена.

Резюме. Доклад посвящен обзору результатов археологических исследований, которые проводились авторами в 1995–2011 гг. на территории Южного Заонежья (Республика Карелия). В ходе работ были обнаружены и исследованы 62 объекта археологического наследия, относящиеся к эпохам мезолита, неолита и энеолита.

На территории Южного Заонежья авторами в 1995–2011 гг. проводились сплошные обследования территории на предмет выявления и исследования памятников каменного века. Результаты исследований опубликованы (Мельников, Герман, 2013). В настоящее время с ранее известными памятниками зафиксировано 62 объекта археологического наследия: 60 поселений и 2 могильника. Раскопки площадью от 34 до 256 кв.м были произведены на 20 памятниках (в т.ч. на 14 поселениях раскопанная площадь составила более 88 кв.м). Еще на 19 памятниках были заложены шурфы площадью от 10 до 20 кв.м. На 20 поселениях объем раскопочных работ был небольшой: вскрытая площадь составила от 1 до 8 кв.м, а на двух поселениях были произведены только сборы на пашне.

В результате проведенных работ, на основе статистического анализа исследованных древностей были сделаны выводы о степени освоенности района в разные хронологические периоды каменного века. Благоприятные условия, существовавшие в районе залива Вожмариха, способствовали тому, что древнее население селилось там на протяжении длительного периода времени, включающего эпохи мезолита, неолита и энеолита. Это привело к формированию здесь комплекса разновременных поселений, залегающих на песчаных береговых террасах, фиксирующих

колебание уровня Онежского озера на протяжении эпохи голоцена. Памятники располагаются в непосредственной близости друг от друга и вычлняются на основе особенностей топографического расположения, удаленности от современного берега и высоты над урезом воды.

Древнейшее население проникает в Южное Заонежье в мезолите, вероятно, в конце бореального периода. Основным районом расселения является побережье Заонежского полуострова. Поселения на островах Кижских шхер были менее распространены, чем в последующие археологические периоды, хотя представляется, что в некоторых случаях мезолитические комплексы могут присутствовать в смешанном инвентаре островных поселений, но вычлнить их, к сожалению, не представляется возможным. В неолите и энеолите система расселения древнего населения, в целом, не изменилась, хотя количество островных поселений существенно возросло.

На протяжении всех археологических периодов в расселении древних жителей Южного Заонежья прослеживаются определенные закономерности. Население селилось на берегу Заонежского полуострова, в районе залива Вожмариха и озера Копанец, где известно 37 поселений, а также на островах Кижских шхер, где выявлены 24 стоянки. При этом на материке располагаются долго-

временные круглогодичные или летние поселения большей площади с относительно мощным культурным слоем, а на островах – поселения кратковременного проживания. На ряде долговременных поселений исследованы остатки жилищ: мезолита – Вожмариха-2, -3, позднего неолита – Вожмариха-1, -4 (раскоп 2).

Стратиграфические условия залегания культурного слоя поселений Южного Заонежья разных археологических эпох схожи и довольно просты. Находки встречаются под слоем дерна и подзола в песке красновато-коричневого (иногда оранжевого или малинового) цвета мощностью около 30 см, в западаниях – до 40–50 см. На ряде памятников культурный слой перекрывают намывные отложения мощностью до 20 см. Материком, как правило, является светло-желтый песок. Особенностью островных поселений является меньшая мощность и меньшая глубина залегания культурного слоя, который в ряде случаев подстилается поверхностью скалы.

Высотные закономерности расположения поселений разных археологических эпох, которые достаточно явно прослеживаются в аналогичных комплексах поселений в северной части Онежского озера (например, в Пегреме), где более древние памятники залегают на более высоких отметках, а менее древние – на менее высоких, в Южном Заонежье выражены не так отчетливо. В заливе Вожмариха они, в основном, прослеживаются при сравнении бескерамических (мезолитических) поселений и поселений с керамикой (неолита и энеолита). Максимальная высота относительно современного уровня Онежского озера, на которой в заливе Вожмариха располагаются неолитические поселения, – 8,2 м. Соответственно на высотах 8,2–12,9 м отмечены только бескерамические поселения. Минимальная высота, на которой залегают бескерамические поселения, – 5 м. Ниже, на высотах 5–2,8 м, встречаются только поселения с керамикой. На высоте 5,0–8,2 м встречаются как бескерамические поселения, так и поселения с керамикой.

В расположении материковых поселений с разными типами керамики неолита и энеолита высотные закономерности практически не проявляются. Минимальные отметки, на ко-

торых встречается керамика сперрингс, ямочно-гребенчатая, гребенчато-ямочная и ромбо-ямочная примерно одинаковые: 3,5–4,3 м. Асбестовая керамика отмечена на высоте 2,8 м. Максимальные отметки различаются: для поселений с неолитической керамикой – 8,2 м, энеолитических – 5,5 м. Соответственно на высотах 5,5–8,2 м керамика энеолита не встречается.

В большей степени закономерности в расположении поселений вожмарихинского археологического комплекса проявляются в их удаленности от современного берега Онежского озера. В частности, в наиболее удаленной северной части комплекса, приуроченной к внутренней части древнего залива, из 17 поселений 14 относятся к мезолиту. В южной части, в районе перешейка, соединявшего внутреннюю часть залива с открытым озером, из 10 поселений только два являются мезолитическими. Можно полагать, что во второй половине атлантического и в суббореальный период (нео- и энеолитическое время) внутренняя часть залива была пригодна для проживания только в периоды трансгрессий Онежского озера, когда уровень воды существенно повышался. В периоды регрессий водоема, побережье внутренней части залива заболачивалось и население покидало его берега.

В отношении поселений на островах высотные закономерности проявляются еще в меньшей степени, чем на материке. Максимальная отметка, на которой отмечено присутствие всех типов керамики (Радколье-3) – 8 м, мезолитических поселений (Южный Олений остров-2) – 8,5 м. Минимальные отметки бескерамических комплексов – 7 м, с керамикой сперрингс – 5 м, с прочими типами керамики – 2,4–3,0 м. Такое совпадение высотного расположения поселений разных археологических периодов связано с особенностями их топографического расположения. Они находятся на скалистых островах, где не так много удобных для проживания площадок. Древние вынуждены были осваивать одни и те же участки, независимо от того на какой высоте и в каком удалении от берега они находились.

Исходя из анализа материала, полученного в ходе исследования островных поселений, а

также учитывая географические реалии, можно сделать вывод о том, что в районе Южного Заонежья проходил водный путь, который связывал восточную и западную части Онежского озера – заливы Большое Онего и Малое Онего. Совершавшее поездки древнее население делало кратковременные остановки на наиболее удобных находящихся на маршруте движения островах Кижских шхер – Большом Леликовском и Радколье. Это привело к формированию поселений, своеобразием которых является то, что их культурный слой, с одной стороны, отличается большой степенью насыщенности артефактами разных археологических периодов, с другой – имеет небольшую площадь, т.к. удобные для проживания участки были ограничены выходами скал.

Функциональный состав полученного в ходе раскопок инвентаря свидетельствует о промыслово-хозяйственной ориентации поселений Южного Заонежья. Среди находок представлены наконечники стрел, копий, найдены рыболовные грузы. На острове Радколье имеются находки фрагментов рыболовных крючков. Также получены представительные коллекции деревообрабатывающих, скребущих, режущих, абразивных и некоторых иных видов орудий.

Проведенные исследования позволяют сформулировать выводы, касающиеся локальных особенностей в развитии каменной индустрии на поселениях Южного Заонежья. В целом она базировалась на традиционных для Обонежья местных видах сырья; встречающийся в районе кремнистый сланец, а также привозной высококачественный кремль использовались ограничено. В технологии прослеживается некоторое своеобразие в сравнении с другими районами Обонежья. В частности, наблюдается достаточно высокий уровень развития сланцевой индустрии в финальномезолитическое время (на поселении Вожмариха-24 и некоторых других), где широко практикуется пиление, длинный скол, орудия тщательно, иногда по всей поверхности зашлифованы. В раннем неолите прослеживается обратная картина: сланцевая индустрия деградирует, население начинает использовать широко встречающийся в районе низкокачественный галечный сланец,

не используется техника пиления, сверление встречается крайне редко, преобладает обработка галек оббивкой с последующей зашлифовкой поверхности. Очевидна резкая смена традиции в области технологии каменной индустрии.

Интересные материалы также удалось получить по погребальной обрядности древних жителей Южного Заонежья. Большое значение имеет открытие поздненеолитического могильника на острове Букольников, который является первым погребальным памятником на территории Карелии, связанным с культурой гребенчато-ямочной керамики. Учитывая малочисленность и редкость погребальных памятников в первобытной археологии Карелии, материалы его исследований важны для изучения погребального культа древнего населения.

В заключение отметим, что проведенные нами исследования свидетельствуют о значительном источниковедческом потенциале памятников археологии Южного Заонежья. Большинство открытых нами памятников только разведаны, раскопки их пока не проводились. Их дальнейшее изучение будет способствовать формированию научного знания о древнейшем прошлом этого района как части обширного Северно-Европейского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мельников И.В., Герман К.Э. Древние поселения Южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2013. 409 с.

**РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПРИОЛЬХОНЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ САГАН-ЗАБА II)**

© 2014 г. **О.И. Горюнова¹, Т.Ю. Номоконова², Р. Лозей³,
А.Г. Новиков¹, А.В. Вебер³**

*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск
(as122@yandex.ru; as122@yandex.ru)*

2Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада (tatiana.nomokonova@gmail.com)

*3Университет Альберта, Эдмонтон, Канада
(rlosey@ualberta.ca; aweber@ualberta.ca)*

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, неолит, многослойное поселение, Приольхонье.

Резюме. В статье рассматривается представительная серия ¹⁴C-дат (59 определений), полученная по неолитическим слоям многослойного поселения Саган-Заба II (западное побережье оз. Байкал). Калибровка дат и учет поправок на эффект резервуара, высчитанный для этого района, позволили внести коррективы в культурно-хронологическую концепцию региона.

Для создания периодизации и определения хронологии древних культур большое значение имеют стратифицированные многослойные объекты, материалы которых позволяют выявить относительную и абсолютную их датировку. При этом метод радиоуглеродного датирования занял ключевые позиции. Для надежной датировки поселений эффективны значительные по своему числу серии хронологических определений, а единичные анализы не всегда являются надежным ориентиром. В этом плане для территории Прибайкалья и, в частности, Приольхонья большое научное значение имеет многослойный объект Саган-Заба II, по разным слоям которого получено 116 дат. В предлагаемой статье рассматривается представительная серия ¹⁴C-дат неолитических слоев, выделенных на поселении стратиграфически.

Многослойное поселение Саган-Заба II расположено в одноименной бухте западного побережья оз. Байкал, в 150 км к северо-востоку от г. Иркутска (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Его комплексное междисциплинарное

изучение проведено Российско-Канадской экспедицией в 2006–2008 гг. Выделено 11 культурных слоев, привязанных к темным гумусированным почвам, отделенным стерильными прослойками. Из них шесть слоев относятся к неолиту. По типологии материалов выделено четыре культурно-хронологических периода неолита – слои VI, V нижний, V верхний и IV (Горюнова и др., 2008).

По неолитическим слоям получено 59 ¹⁴C-дат по костям наземных млекопитающих, нерпы и почве (см. *таблицу*). Для анализа радиоуглеродных дат использовались две калибровочные программы: Calib 6.0.1 INTCAL 09 и BCAL для определения вероятности временных интервалов каждого слоя (Stuiver, Reimer, 1993; Reimer et al., 2009). Калиброванные возрастные диапазоны даны с двумя сигмами в кал. л.н. Для дат, полученных по костям нерпы, проводилась коррекция, учитывающая поправку на эффект резервуара, высчитанная для этого региона (см. подробно: Nomokonova et al., 2013).

¹⁴C-даты по неолитическим слоям стоянки Саган-Заба II

№ п\п	Слой, раскоп	¹⁴ C-дата	Лаб. №	Кал. дата, л.н.	Образец
Культурные слои VI					
1	VIB, P. 4b	7147 $\pm$ 38	OxA-22374	8020–7880	Cervidae
2	VIB, P. 4c	5853 $\pm$ 32	OxA-22386	6750–6560	Cervidae
3	VIB, P. 4c	7188 $\pm$ 36	OxA-22390	8150–7940	T. mammal
4	VIIH, P. 4c	7179 $\pm$ 36	OxA-22356	8150–7940	Artiodactyla
5	VIIH, P. 4c	7203 $\pm$ 37	OxA-22357	8160–7950	Artiodactyla
6	VIB, P. 4b	7133 $\pm$ 38	OxA-22410	8020–7880	Phoca sibirica
7	VIB, P. 4c	7865 $\pm$ 40	OxA-22420	8750–8540	Phoca sibirica
8	VIIH, P. 4c	7924 $\pm$ 40	OxA-20578	8980–8610	cf. Phoca sibirica
9	VIB, P. 4c	7835 $\pm$ 37	OxA-20579	8750–8540	Phoca sibirica
10	VIIH, P. 4c	7881 $\pm$ 37	OxA-20580	8970–8590	Phoca sibirica
11	VIB, P. 4a	6835 $\pm$ 140	COAH-6596	7940–7460	Золистая почва
12	VIB, P. 4c	6170 $\pm$ 125	COAH-7395	7410–6740	Почва
13	VIB, P. 4c	5935 $\pm$ 90	COAH-7151	7000–6510	Почва
14	VIIH, P. 4a	7380 $\pm$ 135	COAH-6597	8420–7950	Золистая почва
15	VIIH, P. 4c	6335 $\pm$ 70	COAH-7150	7430–7030	Почва
16	VIIH, P. 4c	6680 $\pm$ 145	COAH-7396	7830–7300	Почва
Культурные слои V					
1	V, P. 4c	4661 $\pm$ 31	OxA-20769	5470–5310	cf. T. mammal
2	V, P. 4c	4672 $\pm$ 31	OxA-20722	5570–5320	cf. T. mammal
3	VB, P. 4c	5597 $\pm$ 33	OxA-22355	6440–6310	Artiodactyla
4	VB, P. 4b	5852 $\pm$ 34	OxA-22373	6750–6560	Cervidae
5	V, P. 4c	6921 $\pm$ 34	OxA-20598	7830–7680	Phoca sibirica
6	V, P. 4b	6592 $\pm$ 35	OxA-22404	7570–7430	Phoca sibirica
7	V, P. 4c	6871 $\pm$ 37	OxA-20600	7790–7620	cf. Phoca sibirica
8	V, P. 4c	6748 $\pm$ 35	OxA-20604	7670–7570	Phoca sibirica
9	VH, P. 4b	6655 $\pm$ 35	OxA-22405	7590–7470	Phoca sibirica
10	VH, P. 4c	6712 $\pm$ 36	OxA-22406	7660–7510	Phoca sibirica
11	VH, P. 4b	6649 $\pm$ 36	OxA-22407	7580–7460	Phoca sibirica
12	VH, P. 4b	6659 $\pm$ 37	OxA-22408	7590–7470	Phoca sibirica
13	VH, P. 4b	6746 $\pm$ 35	OxA-22409	7670–7570	Phoca sibirica
14	VB, P. 4c	6784 $\pm$ 37	OxA-22418	7680–7580	Phoca sibirica
15	VB, P. 4c	5370 $\pm$ 110	COAH-7389	6390–5920	Золистая почва
16	VB, P. 4c	5480 $\pm$ 105	COAH-7397	6480–6000	Почва
17	VB, P. 4a	4980 $\pm$ 115	COAH-6595	5990–5470	Почва
Культурные слои IV					
1	IVB, P. 4b	3504 $\pm$ 29	OxA-22372	3850–3700	Cervidae
2	IVH, P. 4c	4786 $\pm$ 30	OxA-22384	5590–5470	Cervidae
3	IVB, P. 4c	4482 $\pm$ 30	OxA-22385	5290–4980	Cervidae
4	IVB, P. 4c	4460 $\pm$ 28	OxA-22392	5280–4970	Sus scrofa
5	IVB, P. 4c	4422 $\pm$ 30	OxA-20605	5270–4870	cf. T. mammal
6	IV, P. 4c	4414 $\pm$ 32	OxA-20613	5260–4870	cf. T. mammal
7	IVH, P. 4c	4350 $\pm$ 33	OxA-20643	5030–4850	cf. T. mammal
8	IVH, P. 4c	4390 $\pm$ 30	OxA-20644	5040–4870	cf. T. mammal
9	IV, P. 4c	4549 $\pm$ 30	OxA-20601	5320–5050	cf. T. mammal
10	IV, P. 4c	4522 $\pm$ 30	OxA-20606	5300–5050	cf. T. mammal

11	IV, P. 4c	5961 $\pm$ 35	OxA-20723	6890–6680	Artiodactyla
12	IV, P. 4c	6010 $\pm$ 34	OxA-20770	6940–6750	Artiodactyla
13	IVH, P. 4c	5467 $\pm$ 33	OxA-22416	6310–6210	Phoca sibirica
14	IVB, P. 4c	4965 $\pm$ 32	OxA-22417	5840–5610	Phoca sibirica
15	IV, P. 4c	5468 $\pm$ 32	OxA-20612	6310–6210	Phoca sibirica
16	IV, P. 4c	4785 $\pm$ 32	OxA-20614	5590–5340	Phoca sibirica
17	IVB, P. 4c	5036 $\pm$ 34	OxA-20638	5900–5660	Phoca sibirica
18	IVB, P. 4c	4899 $\pm$ 35	OxA-20640	5710–5590	cf. Phoca sibirica
19	IVB, P. 4c	4912 $\pm$ 34	OxA-20641	5710–5590	Phoca sibirica
20	IVB, P. 4c	5003 $\pm$ 31	OxA-20642	5890–5650	Phoca sibirica
21	IV, P. 4c	4974 $\pm$ 31	OxA-20602	5850–5610	Phoca sibirica
22	IV, P. 4c	4918 $\pm$ 31	OxA-20608	5720–5600	Phoca sibirica
23	IV, P. 4c	4963 $\pm$ 31	OxA-20603	5750–5610	Phoca sibirica
24	IV, P. 4c	5524 $\pm$ 35	OxA-20599	6400–6280	Phoca sibirica
25	IVB, P. 4c	4260 $\pm$ 50	COAH-7147	4960–4630	Почва
26	IVB, P. 4a	4850 $\pm$ 130	COAH-6594	5890–5320	Почва

По культурным слоям VI (комплекс с керамикой хайтинского типа) имеется 16 ^{14}C -дат: 5 – по костям наземных млекопитающих, 5 – по костям нерпы и 6 – по почве. Две даты (OxA-22386 и OxA-22410), вероятно, получены по образцам, перемещенным из вышележащего слоя, поэтому они исключены из дальнейшего анализа. Остальные четыре даты по костям наземных млекопитающих имеют статистический уровень достоверности 95 %. При калибровке их диапазон от 8 160 до 7 880 кал. л.н. Даты по костям нерпы дают общий калиброванный возрастной диапазон 8 980–8 540 кал. л.н., а с учетом поправки на эффект резервуара – 8 280–7 840 кал. л.н., что практически соответствует показателям по костям наземных млекопитающих. Даты по почве значительно шире (от 8 420 до 6 510 кал. л.н.), что, вероятно, отражает процесс накопления почвенных отложений.

По культурным слоям V (нижний и верхний) имеется 17 ^{14}C -дат: 4 – по костям наземных млекопитающих, 10 – по нерпе и 3 – по почве. Две даты (OxA-20769 и OxA-20769) нами исключены из анализа, т.к. эти образцы, вероятно, перемещены из вышележащего слоя (см. таблицу).

К нижнему слою V (с керамикой с отгисками сетки-плетенки и шнура) относятся 10 дат по костям нерпы. Их диапазон от 7 790 до 7 430 кал. л.н., а с учетом коррекции смещения дат – в пределах 7 090–6 730 кал. л.н.

По верхнему слою V (комплекс с керамикой посольского типа) имеется две даты по костям наземных млекопитающих, которые

статистически отличающиеся друг от друга. Они показывают промежуток от 6 750 до 6 310 кал. л.н. Даты по почве этого слоя – в диапазоне от 6 560 до 5 470 кал. л.н., что значительно шире результатов по наземным животным этого слоя.

По культурным слоям IV (комплекс с пунктирно-гребенчатой керамикой) имеется 26 ^{14}C -дат: 12 – по костям наземных млекопитающих, 12 – по костям нерпы и 2 – по почве. Из анализа исключены три даты (OxA-22372, OxA-20723 и OxA-20770 – образцы которых, вероятно, перемещены из выше- и нижележащих слоев). Остальные даты по костям наземных млекопитающих – в диапазоне 5 590–4 870 кал. л.н. Даты по костям нерпы в пределах 6 400–5 340 кал. л.н., а с учетом поправки на эффект резервуара – от 5 640 до 4 450 кал. л.н., что совпадает с датами по наземным млекопитающим. Даты по почве демонстрируют более широкий промежуток времени (от 5 890 до 4 130 кал. л.н.).

Результаты анализа ^{14}C -дат с многослойного поселения Саган-Заба II продемонстрировали, что возникла необходимость пересмотра старых хронологических схем неолита Прибайкалья, разработанных без учета смещения дат (эффект резервуара) и построенных на датах по почвенным образцам. Имеющиеся ^{14}C -даты по поселениям необходимо повторить по костям наземных млекопитающих или по углю из очагов через AMS-датирование. Следует продолжить работы по выявлению смещения дат по другим регионам Прибайкалья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Т. XIV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 32–35.

Notokonova T., Losey R. J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // Quaternary International. 2013. № 290-291. P. 110–125.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. INTCAL 09 and MARINE09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP // Radiocarbon. 2009. № 51 (4). P. 1111–1150.

Stuiver M., Reimer P.J. Extended ^{14}C database and revised CALIB radiocarbon calibration program // Radiocarbon. 1993. № 35. P. 215–230.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БАЙБЕК В КОНТЕКСТЕ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ¹

© 2014 г. Т.Ю. Гречкина¹, А.А. Выборнов², Д.В. Кутуков¹

¹Государственное научно-производственное учреждение «Наследие»,
Астрахань
(grechkina54@mail.ru; dkutukov.73@mail.ru)

²Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(vibornov_kin@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, керамика, кремневый инвентарь, сегменты, хронология, каиршакский тип.

Резюме. В 2013 г. в Северном Прикаспии исследован второй памятник раннего неолита с сохранившимся культурным слоем. Керамика и кремневый инвентарь аналогичны материалам каиршакского типа. Кроме костей кулана впервые обнаружены кости рыб. Дата по нагару определяет возраст стоянки второй половиной VII тыс. до н.э.

Культурные процессы в период неолитизации привлекают пристальное внимание исследователей. Однако для разработки ряда аспектов необходима качественная источниковедческая база, а стоянки раннего неолита с сохранившимся культурным слоем в интересующем нас регионе исследовались четверть века назад. Поэтому открытие и изучение подобных памятников имеют неоспоримое значение.

Стоянка эпохи неолита Байбек была обнаружена в 2008 г. на песчаных массивах в 11 км

к северу от пос. Байбек Красноярского р-на Астраханской обл., расположенного на р. Кигач (Гречкина, Кутуков, 2009). В 2013 г. в раскоп около 400 кв.м вошла вся зона находок. Площадь раскопа вскрывалась по метровым квадратам горизонтом на глубину от 3 до 6 см, с просеиванием отложений с каждого квадрата. Дневная поверхность раскопа была перекрыта рыхлым желтым песком с ракушками, костями, кремневыми изделиями – разрушенным верхним уровнем культурного слоя мощностью 5–10 см. Под ним залегал плотный

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р), 14-11-63602е(р)) и РФФИ (№ 14-06-00041).

темно-серый песок – культурный слой – с находками, аналогичными артефактам из верхнего слоя. В культурном слое были выявлены кострища, зольники, зольные пятна и ямы.

Каменный инвентарь на стоянке изготовлен из кремня различных оттенков: полупрозрачного темно-серого и светло-серого цвета; непрозрачного светлого желто-серого и светло-серого. Техника первичного раскалывания характеризуется пластинами (979 экз.) и отщепами (1 139 экз.). Нуклеус один. От общего числа каменных изделий орудий около 20%. Основные категории представлены скребками (551 экз.), сегментами (65 экз.), перфораторами (31 экз.), скобелями (19 экз.), резцами (11 экз.), пластинами (317 экз.) и отщепами (43 экз.) с ретушью. Орудия изготовлены преимущественно на пластинах, в меньшей степени на отщепах. Самые многочисленные орудия (60%) – скребки различных типов, среди которых преобладают концевые. Геометрические микролиты (6%) представлены только сегментами. Ретушь наносилась как с одной стороны, так и с двух (так называемая гелуанская), причем преобладает последняя (44 экз.). Скобели имеют одиночные или двойные выемки. Острия несимметричные, а резцы изготовлены на углу пластины.

Керамический материал представлен 190 (134 в верхней части слоя) плоскодонными сосудами баночной формы. Посуда изготовлена из ила с естественной примесью раковин моллюсков. По мнению исследователей, технология изготовления североприкаспийских неолитических сосудов каиршакского типа является одной из древнейших в Восточной Европе (Васильева, Выборнов, Зайцева, 2012). У 10% сосудов срез венчика украшен наколами или насечками. Сосуды орнаментированы прочерченными прямыми линиями и овальными разреженными наколами. Узоры состоят из горизонтальных, вертикальных и наклонных пересекающихся линий. Они образуют треугольники, ромбы, косую решетку. Совокупность вышеописанных признаков присуща керамике стоянок типа Каиршак III (Васильев, Выборнов, Козин, 1989), расположенных севернее стоянки Байбек. В то же время имеется ряд различий в наборе орнаментальных композиций.

В культурном слое стоянки обнаружено 29 бусин, изготовленных из обломков раковин.

Кроме того, в разрушенной части слоя и объемах обнаружено большое количество костей животных. По определению П.А. Косинцева подавляющее большинство относится к кулану, а в яме № 1 также обнаружены кости сайги, благородного оленя, кабана, волка, лисицы и собаки.

На площади культурного слоя в северной части раскопа были зафиксированы зольные пятна площадью от 5 до 14 кв.м и мощностью 5–6 см. Артефакты из зольных пятен не отличались от артефактов, обнаруженных на площади всего слоя.

Помимо пятен обнаружено кострище овальной формы размерами 56 x 21 см, мощностью до 14 см, в заполнении которого находился 1 351 фрагмент костей животных, причем кальцинированных почти 77%. Рыбные позвонки принадлежат сому. В кострище собрано 40 фрагментов керамики. Кремневые изделия представлены двумя скребками и 17 мелкими отщепами и чешуйками.

Расчищенный зольник № 1 округлой формы размерами 70 x 70 см, мощностью 12 см содержал кости животных (1 300 экз.), леща, стенки сосудов и кремневые изделия, среди которых два скребка и сегмент с гелуанской ретушью.

Зольник № 2 размерами 190 x 150 см, мощностью до 25–30 см содержал 16 117 фрагментов костей животных и 222 – костей рыб. Рыба по своему видовому составу – это осетровые (севрюга, стерлядь), сазан, судак, сом, лещ, щука и окунь. Он свидетельствует об интересном факте: древним рыболовам были доступны как закрытые водоемы (озера), так и проточные воды. Кремневых изделий в зольнике № 2 – 655 экз. Орудий немного: 11 скребков; 3 сегмента и 4 пластинки с ретушью. Пластин без ретуши 75 экз., а отщепов и чешуек – 552 экз. Керамики – 68 фрагментов.

Помимо кострищ и двух зольников, на площади культурного слоя обнаружено три ямы. На поверхности ямы № 1 диаметром более 3 м и глубиной до 60 см были зафиксированы развал сосуда и 10 позвонков щуки, расположенных в анатомической связи. При расчете ямы было собрано 1 534 фрагмента костей животных, щуки и судака, керамики (30 экз.) и кремневых изделий (179 экз.). На дне ямы обнаружен развал крупного сосуда без орнамента. Что касается орнаментированных

фрагментов в целом, то они дают довольно разнообразные типы узоров, отличающиеся не только вариативностью сочетаний линий и наколов, но и способом их нанесения. Орудий 50 экз., среди них 28 скребков и 3 сегмента. Пластин – 42 экз., а отщепов и чешуек – 86 экз.

В яме № 2 диаметром около 1 м и глубиной до 65 см было обнаружено 736 костей животных и 24 кости судака, сазана и щуки. Из фрагментов керамики удалось восстановить сосуд высотой 35 см, с диаметром венчика 31 см, диаметром донца 9 см, толщиной стенки 0,6–0,7 см. Верхняя часть сосуда орнаментирована «свисающими» треугольниками, образованными четырьмя прочерченными линиями, между которыми проходят два ряда наколов: один между первой и второй верхними линиями, другой – по нижней части треугольников под линиями. Кремневых изделий 131 экз. Среди орудий 35 скребков, 2 сегмента, 2 скобеля и острие. Пластин 20 экз., а отщепов и чешуек – 55.

Яма № 3 диаметром около 1 м и глубиной около 40 см содержала 68 костей животных, 2 фрагмента керамики и 8 кремневых изделий, в т.ч. сегмент с гелуанской ретушью.

Описанные выше объекты – зольники, кострище, ямы, как и значительная концентрация различных типов археологических артефактов в толще темно-серых песчаных отложений, свидетельствуют о сохранившемся *in situ* культурном слое. Важно отметить, что на большинстве сосудов, обнаруженных в культурном слое, сохранился нагар. Таким образом, раннеолитическая стоянка Байбек является третьим неолитическим памятником с сохранившимся культурным слоем в Северном Прикаспии.

Анализ каменного инвентаря свидетельствует о типологической однородности артефактов из разных сортов кремня. Что касается типов кремневых орудий, то они находят ряд ближайших аналогов в коллекциях памятников каиршакской группы. Но, в отличие от последних, геометрические микролиты на стоянке Байбек представлены только сегментами, которые обнаружены во всех объектах вместе с керамикой каиршакского типа.

Важно отметить, что в байбекском комплексе представлены биконические сосуды, которые есть в коллекции стоянки Каиршак

III, но отсутствуют в материалах Каиршака I. Что касается кремневого инвентаря, то следует обратить внимание на наличие в комплексе стоянки Каиршак I трапеции со струганой спинкой. Это свидетельствует в пользу более позднего возраста данного памятника по сравнению с Байбеком.

Можно констатировать, что по типологическим показателям как керамического, так и кремневого инвентаря материалы стоянки Байбек занимают промежуточное положение между комплексами стоянок Каиршак III и I.

Вопрос о хронологии неолита Северного Прикаспия является одним из наиболее актуальных (Выборнов, 2009). Материалы стоянки Байбек позволяют его конкретизировать. Т. Госларом на АМС по нагару с керамики получена дата $7\ 350 \pm 50$ BP (Poz-57060), а М.А. Кульковой по костям – $6\ 955 \pm 80$ (SPb-973). Учитывая, что материалы более ранней стоянки Каиршак III по керамике и нагару в разных лабораториях получили дату $7\ 700$ BP, а более поздний комплекс Каиршак I – $7\ 100$ BP (Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012), приведенные значения вполне соответствуют выводам, сделанным на основе археологических данных. В калиброванном значении возраст стоянки Байбек будет составлять $6\ 364$ BC, т.е. третья четверть VII тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14; № 3. С. 200–204.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 370–375.

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.

Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В. Неолитическая стоянка Байбек // Народы Прикаспийского региона: диалог культур. Элиста: КалмГУ, 2009. С. 20–23.

РЫБОЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СРЕДНЕГО – ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА (ПАМЯТНИК СЕРТЕЯ I, СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ)¹

© 2014 г. Е.В. Долбунова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(katjer@mail.ru)

Ключевые слова: рыболовные конструкции, поздний неолит, лесная зона Восточной Европы.

Резюме. Памятник Сертея I расположен на берегу р. Сертейки (Смоленская обл.). Он был открыт в 1972 г., однако активные раскопки начали проводиться только 40 лет спустя. Здесь были обнаружены остатки двух деревянных конструкций, многочисленные колы, остатки рыболовной сети и грузила. Также здесь были найдены различные обработанные деревянные изделия, фрагменты костяных наконечников. Памятник посещался в древности неоднократно, о чем свидетельствуют радиоуглеродные датировки с первой половины IV до конца I тыс. кал. до н.э.

Памятник Сертея I расположен на левом берегу р. Сертейки, на первой террасе, частично в прилегающем к террасе торфянике и в самой речке, в месте сужения озерной котловины. Он был открыт наряду с другим торфяниковым памятником Сертея II в 1972 г. Если на последнем в 1973 г. были начаты раскопки, то на памятнике Сертея I был лишь заложен шурф (Микляев, 1982). Здесь в отвалах канала был найден многочисленный подъемный материал – фрагменты сосудов усвятской неолитической культуры и кости животных. На дне канала и его берегах были обнаружены колья и сваи. Характер материала позволил предположить существование здесь свайного поселения и рыболовных заколов (Там же). Подтвердить это предположение удалось значительно позже, когда в 2010 г. исследования данного памятника были возобновлены Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Особенность культурного слоя заключается в том, что он уходит под воду, что заставило нас проводить здесь не только наземные, но и подводные раскопки (см. Отчет Е.В. Долбуновой о работе СЗАЭГЭ за 2010–2012 гг.). В ходе исследований площадь, вскрытая наземными и подводными раскопками, составила 60 кв.м. В русле реки культурный слой сохранился

лишь в обресе берега, на дне реки были найдены лишь остатки нескольких колов. По всей видимости, культурный слой ближе к середине современного русла р. Сертейки был разрушен при рытье мелиоративного канала.

Стратиграфия памятника представляет собой следующую картину – слой торфа со слаборазложившимися растительными остатками мощностью от 19 до 32 см, который является выбросом из мелиоративного канала, подстилает слой оглиненного торфа с древесными остатками мощностью от 15 до 38 см. Ниже простирается слой коричневого сапропеля с древесными остатками мощностью 20–30 см. Его подстилает слой оливкового сапропеля мощностью 14–27 и до 60 см на некоторых участках. На границе слоев оливкового сапропеля и зеленого алевролита зафиксирована прослойка, насыщенная мелкими палочками, листьями – в среднем 2–3 см, местами достигавшая 16 см. Ниже залегает слой зеленого алевролита, который замещает на части раскопа слой песка – материковый слой.

В ходе исследований памятника Сертея I были выявлены остатки деревянной конструкции, по всей видимости, расположенной *in situ* так, как ее оставили там в древности. Эта конструкция относится ко второй половине III

¹ Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ (№ 13-21-01003) и РФФИ (№ 13-06-12057).

тыс. кал. до н.э. (3820±70 (Ле-9762), 3700±60 (Ле-9692)). Она состоит из стоящих вертикально, связанных между собой веревками мелких сосновых лучин (определения древесины выполнены канд. биол. наук М.И. Колосовой) подпрямоугольного сечения. Нижние концы их были заточены, верхняя часть обломана в древности, а их сохранившаяся длина составила около 70 см. Эта конструкция была вкопана в алевроит (который отложился на рубеже плейстоцена-голоцена) на глубину до 50 см. Вероятно, в древности она перегородивала очень узкую протоку, соединявшую два озера. Рядом с ней был найден костяной наконечник с фрагментами обмотки (рис. 1, 4) и фрагменты костяного и кремневого наконечников, которые могли использоваться для забивания рыбы. Ниже по течению, в метре от выявленной конструкции, были прослежены остатки подобного сооружения, но более плохой сохранности.

Рядом были обнаружены остатки другой конструкции, которую можно отнести, судя по датировкам, полученным по одной из ее составных частей, к концу III – началу II тыс. кал. до н.э. (3550±100 (Ле-9530)). Эта конструкция представляет собой ряд горизонтально лежащих обработанных крупных еловых лучин, заостренных на концах, длиной до 3 м. Параллельно и перпендикулярно под ней залегают еще несколько таких же обработанных лучин, а также фрагмент заостренного кола, длинная сохранившаяся жердь, фрагменты обработанных досок. Возможно, эта конструкция в древности находилась в вертикальном положении, о чем могут свидетельствовать наклонно расположенные, перпендикулярно основным обработанным лучинам, жерди и заостренные колы.

Интересно отметить, что на части площади раскопа материк представлен слоем песка, в части раскопа – алевроитом, что может свидетельствовать о том, что здесь находилась зона, подвергавшаяся периодическому осушению, возможно, береговая зона. Об этом свидетельствуют также и результаты ботанического анализа, выполненного канд. биол. наук Л.И. Абрамовой. Именно здесь были найдены многочисленные фрагменты сети с прикрепленными к ним грузилами (рис. 1, 1–3). Сеть залежала в несколько слоев, в ходе

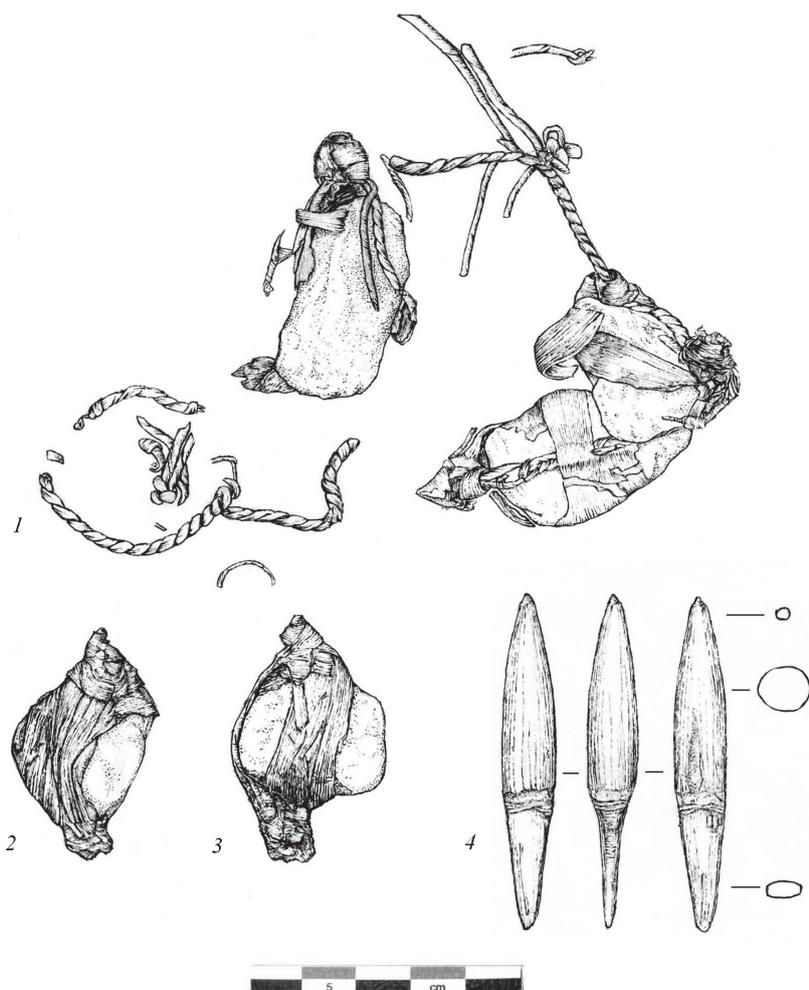
разбора ее были обнаружены различные системы узлов и типы плетения самих веревок. По фрагменту сети была получена датировка 4294±70 (SPb-746).

Грузила, хорошей сохранности, представляли собой мелкие галечки или глину размером около 5 x 7 см, аккуратно завернутые в бересту/луб. На концах некоторых сохранились фрагменты веревок. Всего на площади раскопа было найдено 83 грузила. Они приурочены в основном к нижнему отделу слоя оливкового сапропеля, часто на границе с алевроитом, бывшим в древности дневной поверхностью. Возможно, эти вещи упали или были оставлены в воде или на берегу во время рыбной ловли. Также неподалеку были обнаружены крупные камни с обмоткой, которые, по всей видимости, являлись частью большой сети или нескольких сетей, как и многочисленные грузила, прослеженные по всей площади раскопа и за его пределами (в зачистке левого берега под водой и в шурфе 2010 г.).

Интересно отметить, что собственно находки костей рыбы крайне малочисленны и в основном представлены костями мелких особей (ляля, ерша, окуня, щуки, карася, сома, судака – определения Э. Ляшкевич). С площади же раскопа, где были найдены остатки сети и фрагмент деревянной конструкции, происходят кости только одного вида – щуки, некоторые из них достигают в размере более 1 м. Это может указывать на искусственный отбор рыбы в данной части стоянки.

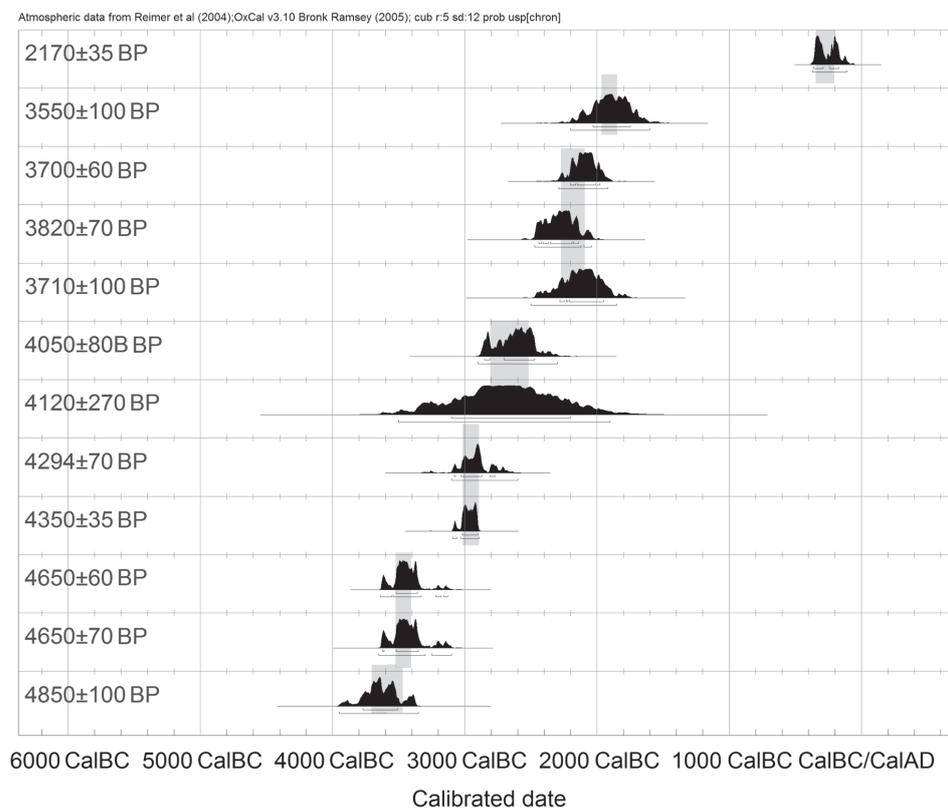
На памятнике была найдена целая категория различных обработанных деревянных и берестяных изделий, среди которых деревянная заостренная лопаточка, фрагменты небольших обработанных дощечек с желобком, скрученный моток бересты, обработанные колья. Для изготовления колов использовался разнообразный материал – ольха, ель, граб, тополь, ясень, ива, клен, бук, вяз, осина. Одной из самых интересных находок является находка крупного фрагмента деревянной фигурной доски, представляющей, по всей видимости, приспособление для установки сетей в зимний период.

Также здесь зафиксированы находки капролитов свиней, которые могут указывать на то, что, возможно, здесь была какая-то хозяйственная площадка, где осуществлялся вы-

Рис. 1. Фрагменты сети (1), грузила (2, 3) и костяной наконечник с обвязкой (4) из памятника Сертея I.

Рис. 2. Распределение радиоуглеродных дат, полученных по остаткам рыболовных конструкций, сети, деревянным колам из памятника Сертея I.

гон свиней. Кроме того, фрагменты керамики поздней усвятской культуры IV тыс. кал. до н.э., найденные в слое коричневого сапропеля, перекрывающем конструкцию, датирующуюся III тыс. калибр. до н.э., могут свидетельствовать о расположении неподалеку и поселения, которое постепенно размывается.

Судя по разным датировкам, полученным по образцам древесины колов (4 850±100 (Je-9532), 4 650±60 (Je-9791), 4 650±70 (Je-9535), 4 050±80 (Je-9533), 4 120±270 (Je-9531), 3 710±100 (Je-9534), 2 170±35 (Je-9761)), обработанным фрагментам палок (4 350±35 (Je-9760)) и рыболовных конструкций из лучин, это место использовалось в древности в качестве места рыбной ловли многократно. Мы можем предположить как минимум шесть периодов использования данной территории в древности с первой половины IV тыс. кал. до н.э. до конца I тыс. кал. до н.э. (рис. 2). Поблизости от этого памятника были найдены другие синхронные стоянки среднего – позднего неолита. Так, неподалеку, приблизительно в 1,5 км к югу, находится свайное поселение Сертея II (Mazurkevich et al., 2010), обитатели которого могли использовать это место для рыбной ловли. Реконструкция палеоландшафтной ситуации позволяет предположить существование здесь небольшой протоки, соединявшей два озеровидных расширения (Mazurkevich et al., 2009), что могло привлекать сюда древнее население для занятия рыбной ловлей в разные периоды.

Подобные находки рыболовных конструкций не единственные в данном регионе, однако единственные – отличной сохранности. На территории Днепро-Двинского междуречья известно еще несколько памятников с

остатками рыболовных конструкций, датирующихся ранним-поздним неолитом (Сертея X, Рудня Сертейская, Сертея XIV, Усвяты IV). Рыболовные приспособления представлены конструкциями, состоящими из тонких обработанных лучин, местами – с сохранившейся обвязкой. На ранненеолитических памятниках Сертея X, Рудня Сертейская (Мазуркевич, Микляев, 1998), Сертея XIV оставленные, брошенные рыболовные приспособления были найдены в прибрежной зоне. Они располагаются у поселений (Сертея X, XIV) или вдали от обитаемых пространств (Рудня Сертейская). На памятнике Усвяты IV остатки рыболовной конструкции зафиксированы в культурном слое Б свайного поселения (Микляев, 1971. Рис. 5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мазуркевич А.Н., Микляев А.М. О раннем неолите междуречья Ловати и Западной Двины // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1998. № 33. С. 7–31.

Микляев А.М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1971. № 13. С. 7–29.

Микляев А.М. О разведках свайных поселений III–II тысячелетий до н.э. в Псковской и Смоленской областях // Древние памятники культуры на территории СССР. Ленинград, 1982. С. 6–29.

Mazurkevich A.N., Arslanov Kh.A., Savel'eva L.A., Kulkova M.A., Zaitseva G.I. Mesolithic and Neolithic in the Western Dvina – Lovat Area // The East European Plain on the Eve of Agriculture / Eds. P.M. Dolukhanov, G.R. Sarson, A.M. Shukurov. Oxford, 2009. P. 197–211. (BAR Internat. Series; № 1964).

Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D. Results of underwater excavations of Serteya II and research of pile-dwellings in Northwest Russia // Archaeologia Baltica. 2010. № 14. P. 47–64.

ТРАДИЦИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА КОНДЫ

© 2014 г. Е.Н. Дубовцева¹, Т.Ю. Клементьева²

¹Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
(ket@yandex.ru)

²Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург
(KlementjevaT@yandex.ru)

Ключевые слова: неолит Западной Сибири, бассейн Конды, керамика, технико-технологический анализ, периодизация.

Резюме. В работе проводится анализ технико-морфологических характеристик керамики поселений верховьев р. Конды. В результате типологического анализа выявлено три декоративно-морфологических группы, характерных для различных этапов неолита. Технологический и сравнительный анализы керамики поселений позволили выделить две технологические традиции и проследить преемственность в гончарном производстве неолитического населения.

Бассейн Конды является ключевым для решения вопросов неолитизации и культурного взаимодействия древнего населения таежной зоны севера Западной Сибири. За период с 2007 по 2013 г. в верховьях реки исследовано восемь неолитических поселений с жилищными комплексами (Клементьева, Круземент, Погодин, 2012. С. 499–526). Всесторонний анализ источников, включая данные по организации поселков, домостроительству, керамическому производству, обработке камня, и привлечение ресурсов ¹⁴С-датирования позволяют решать эти вопросы на новом уровне.

Типологический анализ керамики поселений Шоушма-10, Усть-Тетер-1, Большая Умытья-2, -8, -9, -57, -100 и -109 позволил выделить три декоративно-морфологические группы.

К первой группе отнесены емкости закрытой формы с округлыми и коническими днищами. Посуда отличается толстыми (до 1,2 см) стенками и массивными наплывами треугольной или трапециевидной формы с внутренней стороны венчика. Для орнаментации характерно комбинирование наколов, прочерчивания и отступания (табл. 1). В качестве орнаментиров использованы стержни и зубчатые инструменты. Композиции гори-

зонтальные: зональные и линейные. Устойчив набор мотивов: поясом из наколов выделены зоны, в т.ч. бордюрная, распространен «древовидный» мотив. Такая посуда происходит из трех комплексов: Шоушма-10; соор. 2 пос. Большая Умытья-8 (далее – БУМ); соор. 1 пос. Усть-Тетер-1. По данным ¹⁴С-датирования они могли существовать с рубежа VII–VI тыс. до н.э. до третьей четверти VI тыс. до н.э.

Для второй группы характерны закрытые или прямостенные емкости с округлыми, реже приостренными днищами и толщиной стенок до 0,6 см. Венчики без внутренних наплывов. По краю части сосудов оформлены «ушки» или зооморфные налепы. Бордюрная зона выделена поясом округлых отверстий, реже – глубоких ямок. В орнаментации преобладает прочерчивание, выполненное заостренным или расщепленным стержнем. Устойчивым признаком является сочетание прочерчивания с шаганием (табл. 1). В композициях преобладают линейные схемы из прямых и волнистых линий, поясов из наклонных отрезков. Вертикальными мотивами маркирована зона под «ушком». Керамика второй группы происходит из комплексов пос. БУМ-57; пос. БУМ-9; соор. 16 и наземного комплекса 1 (далее – НК) пос. БУМ-100; соор. 1 и НК1 пос.

Таблица 1. Способы орнаментации на поселенческих комплексах

Способ орнаментации	Комплексы*					
	1	2	3	4	5	6
Наколы/оттиски	21/87,5	–	1/5,2	4/23,5	4/25,0	3/30,0
Отступление	11/45,8	–	–	3/17,6	8/50,0	–
Прочерчивание	11/45,8	18/90,0	16/84,2	14/82,4	10/62,5	–
Штампование	–	2/10,0	1/5,2	1/5,9	3/18,7	–
Шагание	–	2/10,0	3/15,7	1/5,9	4/25	4/40,0
Прокатывание	–	–	–	–	–	5/50,0
Комбинирование нескольких способов	17/70,8	2/10,0	4/20,9	1/5,9	10/62,5	2/20,0
Глубокие ямки	–	9/45,0	–	–	–	3/30,0
Отверстия	–	8/40,0	13/68,4	13/76,4	13/81,2	7/70,0
Налепные и вытяжные ушки	–	3/15,0	–	3/17,6	–	–

*Здесь и далее в таблицах комплексы обозначены цифрами: 1 – Шоушма-10; 2 – БУМ-100, соор. 16; 3 – БУМ-100, НК1; 4 – БУМ-109, соор.1, НК1; 5 – БУМ-109, соор. 2, НК2; 6 – БУМ-100, соор. 14.

БУМ-109. Результаты ^{14}C -датирования позволяют предположить их бытование с последней четверти VI тыс. до н.э. до середины V тыс. до н.э.

Морфологически сосуды третьей группы близки посуде второй группы. Отличительным признаком является увеличение доли гребенчатой орнаментации, использование разнообразных гребенчатых орудий в технике штамповки и проката, хотя сохраняются накольчатый, прочерченный и отступающий способы орнаментации (табл. 2). В композициях распространены горизонтальные линейные схемы. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосудов, иногда срез венчика и бордюрная зона изнутри. Наряду с плотной монотонной орнаментацией появляются сосуды с разреженным узором. Под венчиком расположен ряд глубоких ямок или отверстий. Данная группа выделена по материалам соор. 2 и НК2 пос. БУМ-109; соор. 14, 17, 25, 27, 28 и 33 пос. БУМ-100; пос. БУМ-8; соор. 2 пос. Усть-Тетер-1. Данные ^{14}C -датирования показывают их вероятное существование с середины V тыс. до н.э. до первой половины IV тыс. до н.э.

Следующей задачей стало изучение технологии изготовления керамики различных групп и сравнение их между собой. Для этого было отобрано 106 образцов: группа 1 – 24 обр. с пос. Шоушма-10; группа 2 – 19 обр. из НК1 и 20 обр. из соор. 16 пос. БУМ-100; 17

обр. из соор. 1 и НК1 пос. БУМ-109; группа 3 – 16 обр. из соор. 2 и НК2 пос. БУМ-109; 10 обр. из соор. 14 пос. БУМ-100. Технологический анализ проводился по методике А.А. Бобринского (1978). Из-за фрагментированности материала анализ проводился по сокращенной программе.

Исходное пластическое сырье (табл. 3). В качестве исходного пластического сырья для керамики группы 1 и 2, как правило, использовали запесоченную глину, реже илестые и слабозапесоченные глины. Для керамики группы 3 характерно использование как запесоченных глин (соор. 2 и НК2 пос. БУМ-109), так и слабозапесоченных илестых глин (соор. 14 пос. БУМ-100). Для сравнения вблизи от поселений были собраны глины, суглинки и ил¹. Глины и суглинки собирались по берегу и в пойме реки с глубины 0,5–1,5 м. По спектру их цвет варьирует от голубого до ярко-желтого с красноватым оттенком. Особенностью сырья является большая примесь окатанного кварцевого песка различной размерности. Отобранные образцы речного ила непригодны для керамического производства, так как являются органическими остатками с незначительным содержанием глинистой связки, даже при низкотемпературном костровом об-

¹ Наличие такого сравнительного материала значительно облегчает характеристику естественных и искусственных примесей в формовочных массах, а также способствует выявлению древних глинищ.

Таблица 2. Применение орнаментов на поселенческих комплексах

Комплексы	Тип орнамента								Гладкий штамп
	Стержень			Зубчатый инструмент					
	1–2 мм	3–4 мм	5–6 мм	мелкий	средний	рамчатый	челюстной	двузубый	
1	5/20,8	16/66,6	–	–	4/16,6	–	–	–	–
2	2/10	14/70,0	2/10	2/10	–	–	1/10	3/15,0	1/10
3	4/21,1	8/42,1	–	2/10,5	–	–	3/15,8	3/15,8	–
4	3/17,6	14/82,3	–	–	1/14,2	–	–	–	1/14,2
5	8/50,0	7/43,7	–	8/50,0	–	–	1/6,3	3/18,7	–
6	1/10,0	6/60,0	1/10,0	1/10,0	6/60,0	2/20,0	–	2/20,0	–

Таблица 3. Исходное пластичное сырье на поселенческих комплексах

Исходное сырье	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
Запесоченная глина с примесью окатанного кварцевого песка	12/50	10/50	13/68,4	12/70,6	11/68,8	1/10
Слабо запесоченная глина с порами от выгоревшей органики	8/33	5/25	2/10,5	3/17,6	4/25	2/20
Илистая глина с примесью растительности, костей рыб, чешуи и кварцевого песка	2/8	2/10	3/15,7	2/11,8	–	2/20
Илистая глина с обильной примесью растительных остатков, чешуи и костей рыб	2/8	3/1,5	1/5,2	–	1/6,3	5/50

жиге органика выгорает и изделие распадается. При сравнении установлено, что для части посуды использовалась ожелезненная запесоченная глина, залежи которой приурочены к пойме р. Большая Умытъя. Образцы сходны с древними формовочными массами по структуре и цвету в обожженном состоянии, а также по составу и размерности песка. Образцов, аналогичных слабозапесоченным глинам, а также илистым глинам, в нашем распоряжении не оказалось.

Рецепты формовочных масс. Анализ навыков составления формовочных масс выявил большое разнообразие рецептов, эта черта характерна для керамики всех памятников (табл. 4). Основной добавкой является шамот. Исключение составляет керамика НК1 пос. БУМ-100, где предпочитали добавку песка. Использовали некалиброванный шамот от 2 до 8 мм, с преобладанием фракций 3–5 мм, в концентрации 1:5, 1:6. Кроме того, использовались добавки кварцевого песка, красной и малиновой охры. Органическими добавка-

ми являлись дробленая кальцинированная кость и органический раствор. Многообразие рецептур достигалось комбинированием указанных примесей в различных сочетаниях.

Способы конструирования. Различия между керамикой группы 1 и групп 2 и 3 зафиксированы на созидательной стадии (табл. 5). Посуда пос. Шоушма-10 конструировалась на плоскости. Строительными элементами являлись преимущественно жгуты, реже ленты. Посуда групп 2 и 3 изготавливалась по иной технологии. Ее конструирование производилось с помощью форм-моделей лоскутным или ленточным налепом. Отпечатки прокладки, как правило, фиксируются с внутренней стороны на дне. Выбивание поверхности характерно лишь для сосудов двух проанализированных комплексов – НК1 пос. БУМ-100 и соор. 14 пос. БУМ-100. На сосудах, изготовленных по этой технологии, имеются четкие следы от ударов на обеих поверхностях.

Обработка поверхности. Поверхности всех просмотренных образцов тщательно за-

Таблица 4. Рецепты формовочных масс

Формовочные массы*	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
ИПС+Ш	2/8,3	3/15,0	1/5,3	2/11,8	7/43,8	
ИПС+П			3/15,8	3/17,6	1/6,3	
ИПС+Ох				1/5,8		
ИПС+Ш+ОрР	3	2/10,0	2/10,5			
ИПС+Ш+Ох	2/8,3	5/25,0	1/5,3	4/23,5	3/18,7	4/40,0
ИПС+Ш+П	1/4,2	6/30,0	2/10,5		1/6,3	3/30,0
ИПС+Ш+К		1/5,0		1/5,8	1/6,3	
ИПС+П+К			1/5,3			
ИПС+П+ОрР			3/15,8			
ИПС+П+Ох				4/23,		
ИПС+Ох+ОрР			2/10,5			
ИПС+П+ОрР+Ох			1/5,3		1/6,3	
ИПС+Ш+ОрР+П	4/16,6		1/5,3			
ИПС+Ш+ОрР+Ох	6/25	1/5,0				
ИПС+Ш+Ох+К	2/8,3					1/10,0
ИПС+Ш+Ох+П	1/4,2			2/11,8	2/12,5	2/20,0
ИПС+Ш+ОрР+К	2/8,3					
ИПС+Ш+П+К			2/10,5			
ИПС+Ш+П+Ох+ОрР	1/4,2					
ИСП+Ш+Ох+ОрР+К		1/5,0				

*В таблице используются следующие сокращения: ИПС – исходное пластичное сырье; Ш – шамот; П – песок; Ох – охра; К – кальцинированная кость; ОрР – органический раствор; Ор – органика.

Таблица 5. Способы конструирования керамики на поселенческих комплексах

Способы	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
<i>Способ</i>						
на плоскости	24/100					
на форме-модели		20/100	19/100	17/100	16/100	10/100
<i>Строительные элементы</i>						
лоскуты	1/4,2	14/70	5/26,3	7/41,2	12/75	
ленты	3/12,5	5/25	6/31,6	5/29,4	4/25	7/70
жгуты	15/62,5		1/5,3			
неопределенные	5/20,8	1/5	7/36,8	5/29,4		3/30
<i>Выбивание</i>			6/31,6			8/80

Таблица 6. Обработка поверхности керамики на поселенческих комплексах

Способ обработки	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
Заглаживание	24/100	20/100	19/100	17/100	16	10
Обмазка глиной	8/33,3	1/5	8/42,1	10/60	8	
Лощение	1/4,2	10/50	1/5,2			3
Окрашивание охрой		6/30		2/11,8	10	

глажены. Помимо этого приема при обработке лицевой стороны использовалось обмазывание жидкой глиной и лощение. Некоторые сосуды группы 2 и 3 окрашивались охрой (табл. 6).

Обжиг. Все анализируемые образцы были обожжены в костре в неустойчивой окислительной среде. Некоторые сосуды из НК1 пос. БУм-100 были деформированы во время обжига. Их внешняя поверхность вспучилась от высокой температуры, достигавшей 800–1000 °С.

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на выделение трех декоративных групп керамики, технология изготовления сосудов групп 2 и 3 близка на всех ступенях производства. Существенное увеличение гребенчатой орнаментации на посуде группы 3 нивелируется схожими композициями и набо-

ром мотивов. Можно говорить о преемственности традиций в изготовлении посуды групп 2 и 3. Принципиально иную технологическую традицию представляет посуда группы 1, что проявляется в навыках конструирования сосудов и орнаментации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М: Наука, 1978. 275 с.

Клементьева Т.Ю., Кружемент С.А., Погодин А.А. Поселение эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 499–526.

МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ-7 В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ КОЗЛОВСКО-ПОЛУДЕНКОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАУРАЛЬЯ¹

© 2014 г. Д.Н. Еньшин

*Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
(Dimetrius666_72@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, Зауралье, поселение, Мергень-7, керамика, козловско-полуденковские древности.

Резюме. В докладе вновь поднята проблема культурно-хронологической интерпретации неолитических материалов Зауралья – козловской и полуденковской культур, козловского, евстюнихского, кокшаровско-юринского и полуденковского типов керамики. Сложившаяся ситуация демонстрирует аморфность подходов исследователей в их трактовке. Материалы поселения Мергень-7 содержат черты, присущие всем перечисленным комплексам, что ставит их в один ряд с материалами базовых памятников и позволяет предполагать, что дальнейшим шагом в исследовании данной проблематики может стать их объединение в рамках одной культурно-исторической общности.

Одной из наиболее актуальных проблем зауральского неолита является культурно-хронологическая интерпретация материалов, известных в литературе как козловская культура, полуденковская (полуденская) культу-

ра, козловский, евстюнихский, кокшаровско-юринский, полуденковский (полуденский) типы керамики (Ковалева, Ивасько, 1991. С. 130–131; Ковалева, Зырянова, 2001. С. 47–50; 2008. С. 38; Усачева, 2001. С. 122; Шорин,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

2001. С. 165; Зах, 2009. С. 184; Герасименко, 2008. С. 54; Бунькова, 2011. С. 127–138.). Зачастую одни исследователи, описывая данные керамические комплексы, относят их к определенной типу, указывая в скобках другой, подразумевая при этом их идентичность (Косинская, 2001. С. 61–62.), другие – рассматривают эти типы как хронологические этапы (Ковалева, Зырянова, 2008. С. 38–39; Зах, 2009, С. 185.). Подобная аморфность представлений об означенных выше материалах обусловлена, с одной стороны, медленным пополнением источниковой базы, с другой – разными интерпретационными подходами и слабой степенью публикации комплексов. В этих условиях появление новых материалов и их всесторонний анализ представляется актуальным и своевременным.

Поселение Мергень-7 расположено на северо-восточном берегу одноименного озера близ г. Ишима на юге Тюменской обл. В географическом отношении это территория Нижнего Приишимья.

Самую репрезентативную коллекцию памятника составила посуда, связанная с двухкамерным жилищем 1 (см. *рисунок, 1*). В его заполнении и на дне были обнаружены фрагменты 56 сосудов козловско-полуденковского облика. Большая часть (80,3%) представлена приземистыми банками с закрытыми, прямыми или отогнутыми венчиками, слегка раздутым туловом и округлым или приостренным дном (см. *рисунок, 2–7*). Срез венчика плоский, реже округлый. 75% сосудов имеют наплыв подтреугольной или округлой (заглажен) формы на внутренней стороне. По краям венчиков пяти сосудов отмечены выступы/«ушки». Реконструируемые изделия демонстрируют достаточно большие размеры – 26–40 см по диаметру устья. Толщина стенок 0,5–0,8 см.

Помимо баночных форм, отдельную немногочисленную группу составили слабопрофилированные сосуды (19,7%) (см. *рисунок, 8–11*). Необходимо отметить, что форма явилась единственным критерием ее выделения. По всем остальным характеристикам, а также по стратиграфии залегания в заполнении жилища, сосуды групп «банки» и «горшки» представляют собой единый комплекс.

Орнамент полностью покрывает поверхность сосудов. Характерной чертой комплекса является горизонтальная зональность орнаментального поля с редко встречающимися вертикальными разделителями. Наиболее распространенной техникой нанесения орнамента является прочерчивание и накол (83,9 и 66,1% от общего числа сосудов). Среди орнаментов доминирует палочка с округлым или приостренным концом – 89,3%. Вторым по частоте использования является гребенчатый штамп – 21,4%.

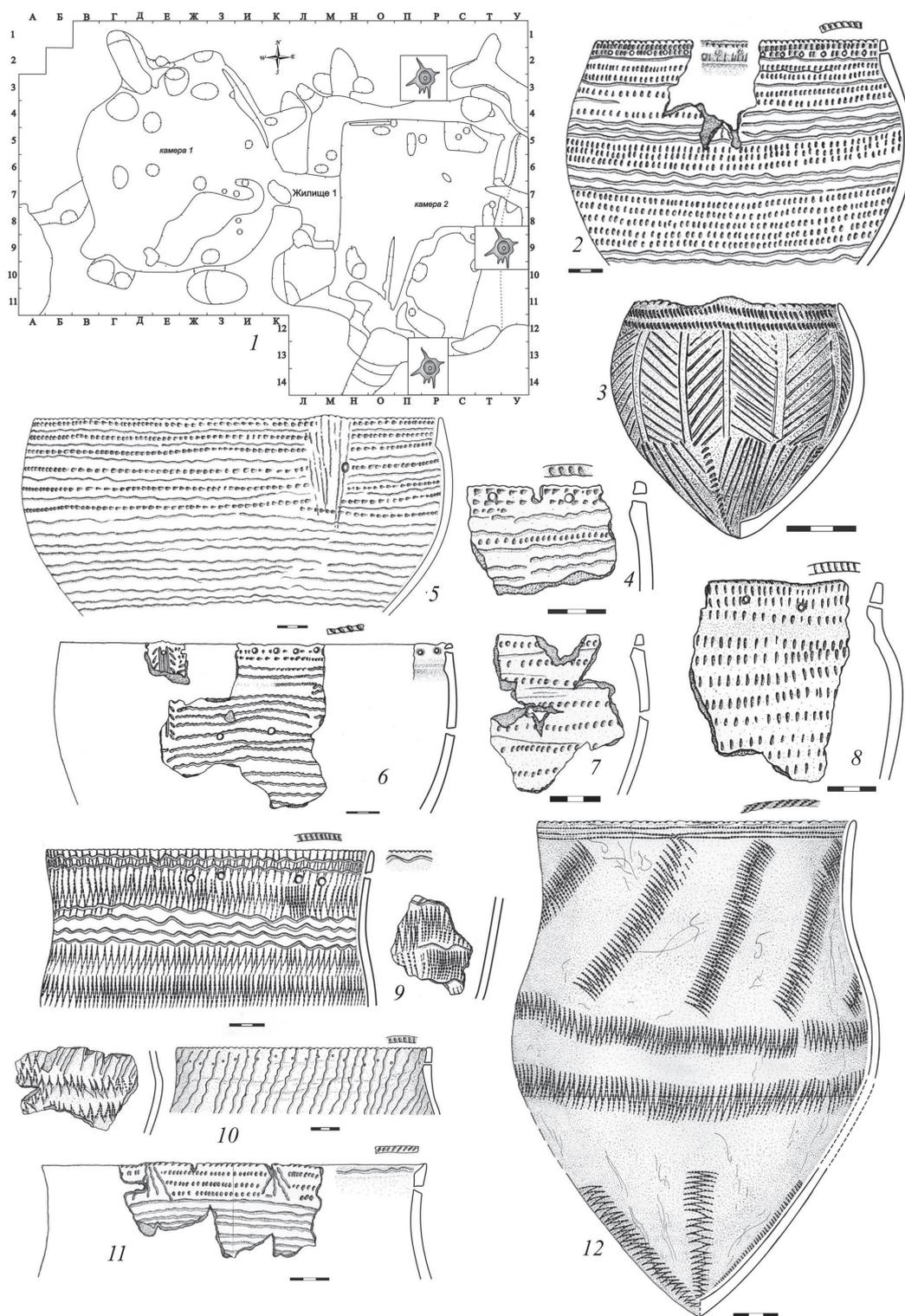
Основными элементами орнамента являются горизонтальная волнистая линия и горизонтальный ряд наколов (60,3 и 58,9 %). Меньшую долю составляют: горизонтальная линия (25%), горизонтальные ряды «шагающей» гребенки (17,8%) или «шагающего» гладкого штампа (8,9%). Еще одной отличительной чертой в орнаментации комплекса выступает значительный процент сквозных отверстий, расположенных обычно под краем венчика и нанесенных поверх основного орнамента (32,1%).

Отдельными элементами являются так называемые вертикальные разделители, зафиксированные на шести сосудах. Представлены сгруппированными, расходящимися от края венчика волнистыми линиями, треугольниками с опущенными вниз остриями, двоянными прямыми линиями, древовидными фигурами.

Необходимо отметить, что орнаментировались также наплывы с внутренней стороны и срез венчика.

Основные мотивы представлены повторяющимися волнистыми линиями и монотонными рядами наколов. В композиционных построениях преобладает сочетание этих мотивов в различных вариациях. Реже встречается группирование таких элементов как волнистые линии и ряды «шагающей» гребенки. Единично сочетание трех элементов – наколов, волнистых линий и «шагающей» гребенки.

Таким образом, набор основных признаков рассматриваемого комплекса, безусловно, позволяет включить поселение Мергень-7 в круг таких памятников, как Евстюниха I, Ташково I (ж. 4, 6), Уральские Зори II, Исетское Правобережное (ж. 1, 2, 3, 11), Кокшаровский

План (1) двухкамерного жилища 1 пос. Мergenь-7 и инвентарь из него: 2–7 – сосуды баночной формы; 8–11 – сосуды горшечной формы; 12 – сосуд маханджарского облика.

Холм, Полуденка I (ж. 1), Шайдурихинское V, Козлов Мыс I, ЮАО-15, «VIII-й пункт» и т.д. (Герасименко, 2008; Ковалева, Ивасько, 1991; Сериков, 1991; Кернер, 1991; Шорин, 2001; Бунькова, 2011; Ковалева, Зырянова, 2008; Юровская, 1975; Усачева, 2001). Керамические комплексы этих памятников, имеющих локальные и, возможно, хронологические различия, в целом объединяет сходство декоративных композиций и орнаментальный и морфологический стандарт, который и отражен в основных характеристиках керамики поселения Мергень-7.

Своеобразие представленной посуды проявляется главным образом в высоком проценте сквозных отверстий в бордюрной зоне (32,1%) и появлении слабопрофилированных сосудов. И если первая особенность находит аналоги в очерченном круге памятников и сближает ишимские материалы с поселениями Андреевского озера в Нижнем Притоболье – ЮАО-15 и, возможно, «VIII-й пункт», то вторая в подобных комплексах не известна. Возможно, появление подобной посуды поможет объяснить своеобразный сосуд отличный от основного комплекса, обнаруженный на дне камеры 1 в виде развала. Он представляет собой слабопрофилированный вытянутый остродонный горшок (см. рисунок, 12), находящий наиболее близкие аналогии по форме, орнаментации и составу формовочной массы (наличие кварцевой дресвы и волос или шерсти животных¹) в атбасарских и маханджарских комплексах Северного и Западного Казахстана (Зайберт, 1992. С. 98–100; Шевнина, 2008. С. 267; 2012. С. 21). Таким образом, можно предположить, что появление слабопрофилированных форм в представленном комплексе может быть связано с контактами населения, основавшего поселение на северо-восточном берегу озера Мергень и населения степной и лесостепной зоны Казахстана.

Появление профилированных сосудов пока носит локальный характер и является отличительной чертой одного жилища на одном поселении. В целом же комплексов, близких

посуде поселения Мергень-7, на территории Нижнего Приишимья пока не обнаружено.

Время существования жилища определяется серией радиоуглеродных дат по углю со дна и по керамике – середина – вторая половина V тыс. до н.э.

Таким образом, анализ материалов поселения Мергень-7 сквозь призму проблематики культурно-хронологической стратификации неолитических комплексов Зауралья, именуемых козловскими, евстюнихскими, кокшаровско-юрьинскими, полуденковскими, позволяет говорить о том, что, несмотря на значительную удаленность от основного ареала расположения памятников данного круга и на контакты с населением сопредельных территорий, четко прослеживаются основные, базовые черты постепенно очерчиваемой общности, хронологию которой, а также характер процессов внутри нее еще предстоит определить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бунькова А.А. Керамика из жилища I поселения Полуденка I // *Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 26.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 125–144.

Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // *Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 25.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 44–72.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское правобережное // *Неолитические памятники Урала: Сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.*

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // *Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.).* Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // *Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 25.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 30–43.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // *Нео-*

¹ Определение выполнено ст. науч. сотр. лаборатории археологии и естественно-научных методов В.В. Илюшиной (ИПОС СО РАН, г. Тюмень), за что автор выражает искреннюю благодарность.

литические памятники Урала: Сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.

Косинская Л.Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 61–71.

Сериков Ю.Б. Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.

Шевнина И.В. Неолитическая керамика Тургайского прогиба (по материалам стоянки Соленое Озеро-2) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Сб. науч. тр. Омск: ОмГУ, 2008. С. 262–269.

Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 21–28.

Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинско-го типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.

Юровская В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 13. Екатеринбург: УрГУ, 1975. С. 86–91.

МНОГОСЛОЙНЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА¹

© 2014 г. М.Г. Жилин¹, С.Н. Савченко²

¹Институт археологии РАН, Москва
(mizhilin@yandex.ru)

²Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург
(sv-sav@yandex.ru)

Ключевые слова: мезолит, торфяниковые стоянки, Горбуновский торфяник.

Резюме. В результате наших работ на Горбуновском торфянике открыто три многослойных памятника, где в четких стратиграфических условиях залегают слои раннего, среднего и позднего мезолита с хорошей сохранностью органических материалов. Начиная с раннего мезолита, отмечено сочетание отжимной техники снятия пластин и микропластин из кремнистых пород с производством крупных рубящих орудий с пришлифовкой из местных туффитов. Типичная для Зауралья каменная индустрия сочетается с высокоразвитой костяной индустрией.

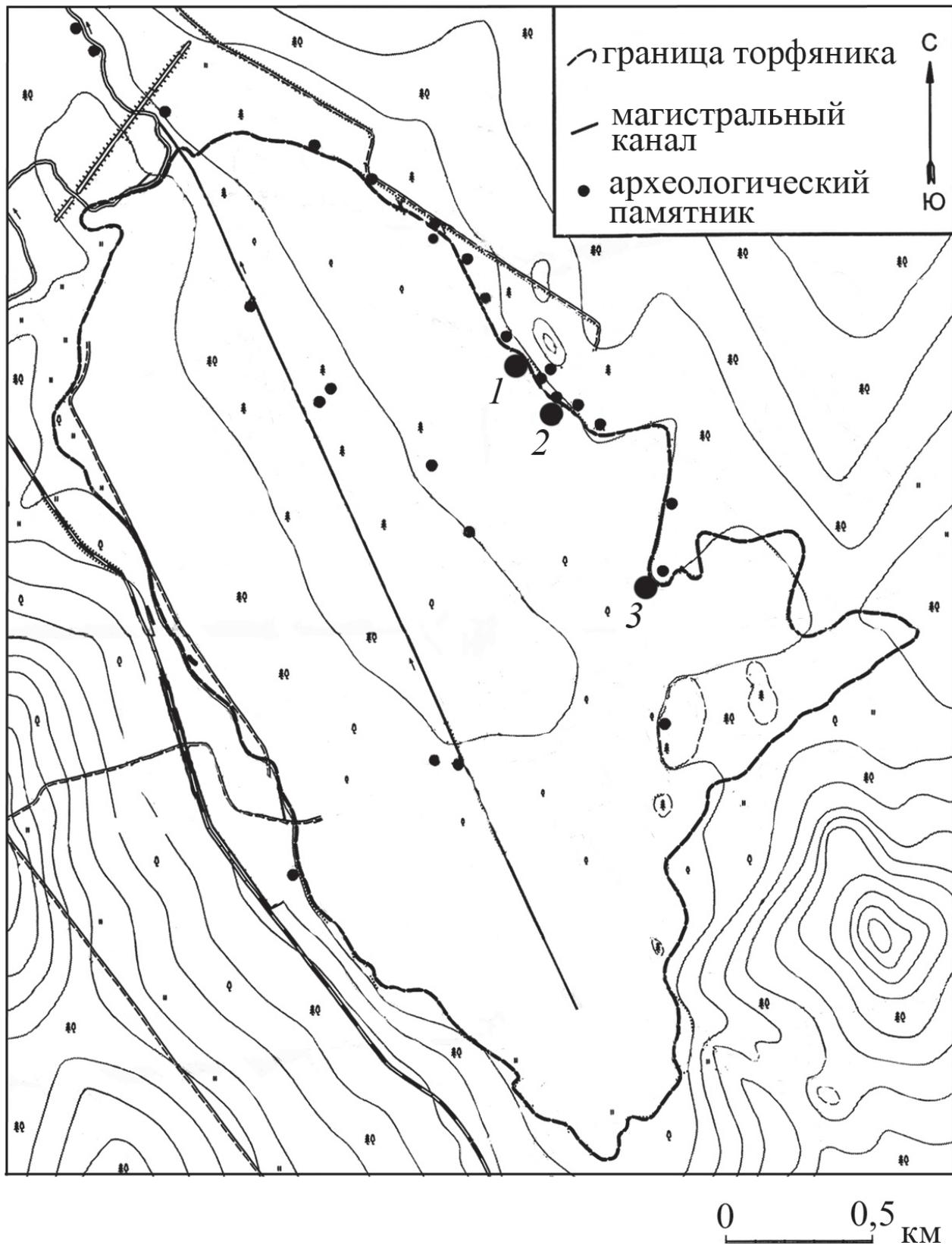
Первые мезолитические торфяниковые стоянки в Зауралье были открыты Ю.Б. Сериковым (2000) на Кокшаровском торфянике; одна из них – Кокшаровско-Юрьинская I – была им раскопана в 1979–1981 гг.

С 2003 г. авторы проводят комплексное исследование торфяниковых стоянок мезолита и раннего неолита Зауралья (Жилин, Савченко, 2010а). В 2006 г. на стоянке Варга-2 на Шигирском торфянике ранне-неолитический

культурный слой был исследован на площади 52 кв.м. Результаты подробно опубликованы (Жилин и др., 2007). В 2007 г. авторами при участии Ю.Б. Серикова раскопана стоянка Кокшаровско-Юрьинская II. Мезолитические стоянки Кокшаровского торфяника подробно опубликованы (Жилин и др., 2012).

В 2008 г. авторами начаты поиски мезолитических памятников на Горбуновском торфянике (Жилин, Савченко, 2010б). Наиболее

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 12-06-00100.

Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника. Ситуационный план.

1 – Береговая I; 2 – Береговая II; 3 – Серый Камень.

интересные результаты получены на стоянке Береговая II (см. *рисунок*). Стоянка располагается на скалистом мысу северо-восточного коренного берега Горбуновского торфяника на правом берегу долины пересохшего ручья. В 1948–1949 гг. А.Я. Брюсовым было раскопано 39 кв.м. В 1991–1992 гг. О.В. Рыжкова вскрыла 112 кв.м. При раскопках выявлены материалы мезолита, неолита, энеолита и раннего железного века. В 2008–2012 гг. авторами на торфянике к югу от подножия скал вскрыто 127 кв.м.

Стратиграфия раскопа: 1) торф темно-коричневый, сильноразложившийся, средняя мощность 40 см; 2) торф от желтого до коричневого, слабо-разложившийся, с большим количеством древесины, 70–120 см; 3) торф темно-коричневый, сильно разложившийся, 60–90 см; 4) сапропель буро-оливковый грубодетритовый, рыхлый, 10 см; 5) сапропель серо-коричневый мелкодетритовый, вязкий, в средней части красноватый, 5–25 см; 6) сапропель коричневый оторфованный, с большим количеством листьев тростника и рогоза, семенами водных растений, 2–3 см; 7) сизая глина с песком и камнями – озерное дно.

Прослежено пять культурных слоев, залегающих в озерно-болотных отложениях. Первый культурный слой аятской культуры энеолита лежит в нижней части слоя 1. Второй культурный слой связан с верхней частью темно-коричневого торфа (слой 3) и отделяется от предыдущего стерильным слоем торфа с древесиной. Он содержит керамику кошкинского типа, кости животных и различные изделия из камня, кости и рога. Следует отметить находку насада массивного узкого плоского наконечника стрелы с двумя пазами для вкладышей по краям. Вероятно, это прибрежный участок стоянки, основная часть которой располагалась на скалистом мысу, а на заболоченном, но достаточно сухом берегу велась хозяйственная деятельность. Средняя часть слоя 3 мощностью 10–40 см находок не содержала.

Третий культурный слой приурочен к нижней части темно-коричневого торфа (слой 3). Основная хозяйственная деятельность на раскопанном участке велась на узкой полосе шириной 3–4 м у подножия скал примерно в 5 м от кромки заболоченного берега озера. Про-

слежены мостки к озеру в виде параллельных друг другу массивных плах, положенных на поверхность болота. Керамики в этом слое не найдено. Каменная индустрия типична для мезолитических стоянок Зауралья. Встречены изделия из кости, рога и дерева. Особо следует отметить фигурку в виде головы зверя из рога лося и деревянный стержень для высверливания огня. В слое буро-оливкового грубодетритового сапропеля (слой 4) кроме одного мелкого обломка зуба лося находок не встречено.

Четвертый культурный слой залегает преимущественно в верхней части слоя 5 – в серо-коричневом сапропеле. Нижняя часть слоя 5 находок не содержит. В южной части раскопа в IV культурном слое прослежены остатки сооружений в виде затесанных колов, вбитых в озерное дно. Участок у подножия скал был в это время затоплен, и для хозяйственной деятельности, требовавшей воды, было сделано что-то типа плотов, закрепленных вбитыми колами. Помимо костей зверей, птиц и рыб найдены каменные орудия, нуклеусы, пластины, заготовки и отщепы. Значительной серией представлены обломки и заготовки шлифованных рубящих орудий. Разнообразны изделия из кости и рога. Особо следует упомянуть находку «клада» из 11 костяных наконечников стрел (Жилин, Савченко, 2010в). Из деревянных изделий интересны целые деревянные дротики с иволистным или коническим острием.

Пятый культурный слой залегает в тонкой прослойке коричневого оторфованного сапропеля с большим количеством листьев тростника и рогоза (слое 6) непосредственно на материке – озерном дне (слое 7). От культурного слоя IV он отделяется нижней частью слоя 5 мощностью 10–30 см, не содержащей археологических находок. В культурном слое V найдены кости зверей, птиц и рыб, отщепы, нуклеусы и каменные орудия, в т.ч. топор с пришлифованным лезвием, различные изделия из кости и рога. Особый интерес представляет деревянный наконечник остроги или дротика с редкими длинными зубцами по обоим краям.

Для стоянки Береговая II получены 42 радиоуглеродные даты, в т.ч. 15 дат по образцам торфа и сапропеля и 27 дат по артефактам

(Зарецкая и др., 2014). Три даты получены для раннеолитического культурного слоя II: $7\ 278\pm 34$, $7\ 325\pm 40$ и $7\ 320\pm 38$. Календарный возраст этого слоя – 6 230–6 100 до н.э. Девять дат для позднеолитического культурного слоя III укладываются в интервал $8\ 360\pm 40$ – $7\ 960\pm 30$ л.н. Календарный возраст слоя III – 7 500–6 750 лет до н.э. Двенадцать дат было получено для культурного слоя IV: от $9\ 170\pm 90$ до $8\ 405\pm 40$ л.н. Календарный возраст слоя IV: 8 200–7 450 лет до н.э. Для раннеолитического культурного слоя V было получено 12 дат, распавшихся на две хронологические подгруппы. Молодые даты $9\ 230\pm 60$ – $9\ 215\pm 40$ л.н. (кал. 8 600–8 300 лет до н.э.) получены по образцам, отобранным на значительном удалении от берега. Образцы, давшие более древние даты $10\ 060\pm 80$ – $9\ 800\pm 40$ (кал. 9 400–9 200 лет до н.э.), – отобраны ближе к берегу.

Палинологический анализ (Зарецкая и др., 2014) показал, что нижний (V) культурный слой откладывался в пребореальном периоде, слой IV – в первой половине бореального периода, слой III – в его конце, слой II – в первой половине атлантического периода, и слой I – в суббореальном периоде.

В ходе разведок 2012–2013 гг. были открыты культурные слои мезолита и раннего неолита у подножия стоянок Береговая I и Серый Камень. В 2013 г. на Береговой I авторами раскопано 44 кв.м. Стратиграфия раскопа такова: 1) торф темно-коричневый мощностью 75–110 см; 2) торф бурый с большим количеством древесины мощностью 97–120 см; 3) торф темно-коричневый сильно разложившийся, мощностью 39–53 см; 4) сапропель оливковый грубодетритовый с примесью торфа, лесного опада, песка, дресвы и мелких камней, мощность до 18 см; 5) сапропель серый вязкий, мелкодетритовый, мощность до 22 см; 6) сапропель серый оторфованный, с лесным опадом, песком, дресвой, мелкими камнями и угольками, мощность 2–5 см; 7) суглинок сизый с галькой – озерное дно.

В раскопе прослежено пять культурных слоев. Первый залегает в нижней части слоя I и относится к аятской культуры. Второй культурный слой залегает в основании слоя 3. Этот слой относится к позднему мезолиту. Третий культурный слой залегает в слое 4.

Радиоуглеродная дата $8\ 780\pm 40$ л.н. соответствует среднему мезолиту. Четвертый культурный слой связан с нижней частью слоя 5. Его радиоуглеродная дата $8\ 940\pm 30$ л.н., что соответствует началу среднего мезолита. Нижний, пятый культурный слой залегает на озерном дне и частично в перекрывающем его слое 6. Радиоуглеродные даты: $9\ 590\pm 70$ и $9\ 320\pm 60$ л.н. относят его к раннему мезолиту. В этом слое найдены нуклеусы, пластинки, скребок, заготовка рубящего орудия, отщепы, костяной наконечник стрелы и обломок деревянного дротика.

Сходная стратиграфия прослежена в шурфах у подножия стоянки Серый Камень. Здесь выявлены культурные слои неолита, позднего, среднего и раннего мезолита. Из находок наиболее интересны обломок конца плоского лука из слоя позднего мезолита и лезвие шлифованного тесла из слоя раннего мезолита, лежавшее на материке под сапропелем.

В результате наших работ на Горбуновском торфянике открыто три многослойных памятника, где в четких стратиграфических условиях залегают слои раннего, среднего и позднего мезолита. И если ранее вопрос о раннем и среднем мезолите Зауралья только ставился (Сериков, 2000), то теперь можно утверждать, что Зауралье, как и материковая Европа, было заселено на протяжении всей мезолитической эпохи. С самого начала мезолита и на всем его протяжении наблюдается сочетание отжимной техники снятия пластин и микропластин из кремнистых пород с производством крупных рубящих орудий с пришлифовкой из местных туффов. Типичная для Зауралья каменная индустрия сочетается с высокоразвитой костяной индустрией. Задача дальнейших исследований – планомерное комплексное изучение открытых памятников и динамики их природного окружения в первой половине голоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чауркина Н.М. Варга-2. Раннеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного исследования). Екатеринбург, 2007. 99 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник. Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация. Историко-краеведческий альманах. Вып. 6 / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил, 2010а. С. 28–39.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Результаты археологической разведки на Горбуновском торфянике в 2008 г. // Сто лет археологических исследований на Горбуновском торфянике / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург, 2010б. С. 169–181.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. «Клад» костяных наконечников со стоянки Вторая Береговая в Среднем Зауралье // Проблемы археологии Евразии: Сб. статей к 60-летию Х.А. Амирханова / Отв. ред. О.М. Давудов. Махачкала, 2010в. С. 302–315.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М.: Воскресенская типография, 2012. 214 с.

Зарецкая Н.Е., Панова Н.К., Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Успенская О.Н., Савченко С.Н. Геохронология, стратиграфия и история развития торфяных болот Среднего Урала в голоцене (на примере Шигирского и Горбуновского торфяников) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2014 (в печати).

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГПИ, 2000. 430 с.

К ВОПРОСУ О КЕРАМИКЕ «ПЕРЕХОДНОГО» ТИПА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ФОФАНОВО XIII)

© 2014 г. А.М. Жульников¹, А.Ю. Тарасов²

¹Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск
(rockart@yandex.ru)

²Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск
(taleksej@drevlanka.ru)

Ключевые слова: энеолит, керамика «переходного» типа, Карелия.

Резюме. Данные изучения комплексов керамики со стоянки Фофаново XIII, имеющих черты поздне-неолитической гребенчато-ямочной (ромбо-ямочной) и энеолитической асбестовой (пористой) керамической посуды, свидетельствуют в пользу автохтонного происхождения ряда типов пористой керамики Северо-Запада России.

На рубеже неолита – энеолита на севере европейской части России повсеместно появляются новые типы керамики – с примесью раковины или органики, а в северо-западной части региона – асбеста, органики и раковины. Неясность причин столь широкого и относительно одновременного распространения пористой керамики привела к появлению ряда миграционных и иных гипотез, объясняющих это явление.

Как известно, особую роль в решении проблемы генезиса типов керамики имеют комплексы так называемого «переходного»

облика, то есть устойчиво совмещающие признаки, характерные для раннего и позднего вида керамической посуды. Количество исследованных на севере Европы поселений с подобной керамикой пока невелико, что затрудняет статистические и иные сопоставления неэнеолитических комплексов. В южной части Карелии и прилегающих к ней областях к керамике переходного типа относится группа Войнаволоок (с примесью асбеста, птичьего пуха или раковины), характеризующаяся в орнаментации геометрическими композициями, выполненными преимущественно сочетани-

ем двух и более элементов, с частым использованием ямок (Жульников, 1999).

Исследования последних двух десятилетий в западной части бассейна Онежского озера привели к открытию ряда новых комплексов керамики «переходного» типа (Войнаволок), что позволяет уточнить целый ряд наших представлений о культурных процессах в энеолите северо-запада России.

Так, в низовьях р. Шуя на данный момент выявлено свыше 100 древних поселений. На большей части из них присутствуют энеолитические комплексы (ок. 3 300–2 000 кал. лет до н.э.), преимущественно состоящие из отходов производства каменных рубящих орудий (топоров, тесел, желобчатых тесел, долот) так называемого русско-карельского типа. Имеются основания утверждать, что в устье Шуи, находящемся вблизи месторождений каменного сырья (метатуфа), в эпоху энеолита существовал крупный производственный центр, специализирующийся на изготовлении данных инструментов. Изделия распространялись на очень обширной территории, включая всю Карелию, сопредельные регионы – Финляндию, Архангельскую и Вологодскую области, а также в Восточную Прибалтику и Центральную Россию. Очевидно, распространение этих предметов происходило с использованием механизмов обмена.

Наиболее крупной энеолитической стоянкой-мастерской по изготовлению каменных рубящих орудий из метатуфа в низовье р. Шуя является поселение Фофаново XIII. В 2010–2011 гг. на данном памятнике были проведены раскопки (30 кв.м), которые предоставили беспрецедентно богатые по численности материалы. Коллекция находок насчитывает 355 542 предметов, преимущественно сколов – отходов производства каменных рубящих орудий (92%). Наряду с ними на памят-

нике найдены также отходы от изготовления других категорий орудий, куски самородной меди, янтарные украшения, кости (необожженные) и весьма многочисленные фрагменты энеолитической асбестовой керамики, ряд из которых имеет черты «переходного» типа – 10 141 экз. Мелкие фрагменты, принадлежащие к позднеэнеолитической ямочно-гребенчатой керамике, на стоянке единичны. Их размеры не превышают 2 x 3 см.

Кроме того, в начале XX в. на распаханном участке стоянки, находящемся в 20–30 м западнее от раскопа, проводились сборы, материалы которых частично опубликованы (Жульников, 2011). Статистические данные по керамике, найденной в ходе сборов, показали довольно узкий хронологический диапазон бытования стоянки – на финальной стадии типа Войнаволок.

В раскопе на стоянке Фофаново XIII были найдены многочисленные образцы для радиоуглеродного датирования, включая куски древесного угля, кости, нагар на керамике. В настоящий момент сделано пять дат (табл. 1), которые свидетельствуют о длительном периоде существования памятника. Данные датировки не согласуются с радиоуглеродной хронологией разновидностей асбестовой керамики, найденных в раскопе, основанной на более чем 40 датах с территории Карелии и Финляндии (Zhulnikov, Tarasov, Kriiska, 2012). С этой хронологией, однако, вполне согласуется единственная AMS датировка, полученная по нагару на керамике. В данной противоречивой ситуации особое значение для датировки памятника и установления продолжительности его функционирования приобретает анализ коллекции керамики, в т.ч. получение новых дат по нагару.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты со стоянки Фофаново XIII*

Лабораторный индекс	Дата (BP $\pm$ 1 σ)	Калиброванная дата 2 σ (BC)	$\delta^{13}C$	Материал
Hela-2812	4 454 $\pm$ 42 BP	3 340–2 935 BC (95,4%)	-27,5‰	нагар на керамике
SPb-781	3 288 $\pm$ 70 BP	1 740–1 420 BC (95,4%)	-25‰	уголь
SPb-782	3 158 $\pm$ 80 BP	1 630–1 250 BC (94,1%) 1 240–1 210 BC (1,3%)	-25‰	уголь
SPb-783	5 150 $\pm$ 80 BP	4 250–3 700 BC (95,4%)	-25‰	уголь
SPb-784	5 220 $\pm$ 80 BP	4 260–3 910 BC (88,6%) 3 880–3 800 BC (7,8%)	-25‰	уголь

*Атмосферные данные по: (Reimer et al., 2004); OxCal v3.10 (Bronk Ramsey, 2005).

Коллекция асбестовой керамики, собранная на стоянке, состоит минимум из 191 сосуда. Керамика, полученная при раскопках (по венчикам – 161 сосуд), была обнаружена во всех трех горизонтах культурного слоя, при его общей мощности, нехарактерной для других стоянок Карелии, – около 1 м.

Проведенное исследование керамики направлено, в первую очередь, на определение специфики керамики «переходного» типа со стоянки Фофаново XIII, а также на выявление хронологических и пространственных особенностей функционирования данной стоянки-мастерской.

В ходе исследования четыре условные группы (коллекции) керамики, найденные в трех горизонтах и при сборах на стоянке, были сопоставлены друг с другом и с опорными комплексами основных, сменяющих друг друга, энеолитических типов керамики Карелии: Войнаволоок, Оровнаволоок, Палайгуба. Сравнение комплексов керамики было проведено путем вычисления коэффициентов парного сходства по нескольким группам количественных признаков: элементам орнамента и их сочетаниям, композициям, формам и орнаментации венчиков. Кроме того, для определения хронологического диапазона бытования асбестовой керамики со стоянки Фофаново XIII были использованы некоторые качественные признаки (форма доньшка и т.п.).

В ходе исследования были получены следующие данные:

1. Смешанность комплексов керамики между горизонтами, определяемая по встречаемости одних и тех же сосудов в примыкающих пластах, на стоянке Фофаново XIII оказалась довольно низкой, что, видимо, обусловлено высокой интенсивностью отложения продуктов камнеобработки на данном участке.

2. Комплексы керамики из горизонтов 1 и 2 обладают довольно высокой степенью сходства друг с другом и с опорным комплексом со стоянки Оровнаволоок XVI. Коллекция керамики из горизонта 3 оказалась в наибольшей степени сходна с комплексом посуды, полученным при сборах, и с керамикой, представленной на стоянке Войнаволоок XXVII. Таким образом, выявилась принадлежность асбестовой керамики со стоянки Фофаново XIII к двум сменяющим друг друга типам – Войнаволоок и Оровнаволоок.

3. Сопоставление ряда хронологических показателей комплексов керамики, найденной в горизонтах 1–3 (табл. 2), демонстрирует уменьшение в верхних горизонтах числа сосудов, украшенных ямками, сочетанием элементов орнамента, геометрическими композициями. Напротив, в двух верхних горизонтах наблюдается резкое увеличение доли композиций в виде вертикального зигзага. Эти данные хорошо согласуются с данными по относительной хронологии типов Войнаволоок и Оровнаволоок (Жульников, 1999. С. 55).

Таблица 2. Основные хронологические показатели асбестовой керамики, найденной на стоянке Фофаново XIII

Место обнаружения	Элементы орнамента и их сочетания (%)			Орнаментальные композиции (%)		
	Ямки	Сочетание элементов	Кол-во сосудов	Композиции с геометрическими мотивами	Вертикальный зигзаг	Кол-во сосудов
Горизонт 1	13,0	22,4	58 (100%)	16,6	38,8	54 (100%)
Горизонт 2	24,5	33,9	100 (100%)	30,0	37,0	106 (100%)
Горизонт 3	38,0	57,1	63 (100%)	61,1	16,6	54 (100%)
Сборы на распаханных участках	26,5	63,2	49 (100%)	53,2	12,7	49 (100%)

4. В асбестовой керамике типа Войнаволоков из горизонта 3 и из сборов высокую долю составляют геометрические композиции, составленные из сочетания оттисков длиной и короткой гребенки, что позволяет отнести ее к финальной стадии данного типа. В керамике типа Оровнаволоков не представлены плоские донышки, которые получают распространение на втором хронологическом этапе развития этого типа (Жульников, 1999. С. 50–51). Таким образом, общий хронологический диапазон функционирования стоянки в эпоху энеолита, видимо, невелик. С учетом имеющихся радиоуглеродных дат по сходной асбестовой керамике Карелии и Финляндии он составляет 250–300 лет. Между комплексами керамики типа Войнаволоков и Оровнаволоков, представленными на стоянке Фофаново XIII, прослеживается достаточно высокая степень сходства, что указывает на их преемственность.

Судя по керамике типа Войнаволоков со стоянки Фофаново XIII, формирование нового типа (Оровнаволоков) происходило хотя и скачкообразно (немногочисленность подобных комплексов), однако без существенного влияния извне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. 224 с.

Жульников А.М. Комплексы энеолитической керамики типа Войнаволоков в коллекциях НМРК // Вестн. Карельского краеведческого музея. Вып. 6. Петрозаводск, 2011. С. 185–198.

Bronk Ramsey C. OxCal (computer programm). Version 3.10. The Manual. 2005. URL: <http://www.rlaha.ox.ac.uk/oxcal/oxcal.htm>.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J.H., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Ramsey C.B., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // Radiocarbon. 2004. № 46 (3). P. 1029–1058.

Zhulnikov A., Tarasov A., Kriiska A. Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with Asbestos and Porous Ware – probable result of “reservoir effect”? // Fennoscandia Archaeologica. 2012. № XXIX. P. 76–83.

ПРОБЛЕМА НЕОЛИТИЗАЦИИ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И ИЗМЕНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ¹

© 2014 г. Г.И. Зайцева¹, В.А. Трифонов¹, В.А. Дергачев²

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(zai-ganna@mail.ru; viktor_trifonov@mail.ru)

²Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН, Санкт-Петербург
(v.dergachev@mail.ioffe.ru)

Ключевые слова: неолит, Северо-Западный Кавказ, природная среда, уровень Черного моря.

Резюме. Рассмотрены вопросы, связанные с неолитом Западного Кавказа и процессами в природной среде. Показано, что отсутствие достоверно датированных памятников, относящихся к периоду, приблизительно, между 9000–6000 гг. до н.э. (кал.), может свидетельствовать о существенном падении интенсивности освоения людьми этой территории, что, скорее всего, стало следствием изменения климата и природной среды, в т.ч. повышения уровня Черного моря и усиления аридности. Возможно, что эти причины препятствовали процессу неолитизации Западного Кавказа.

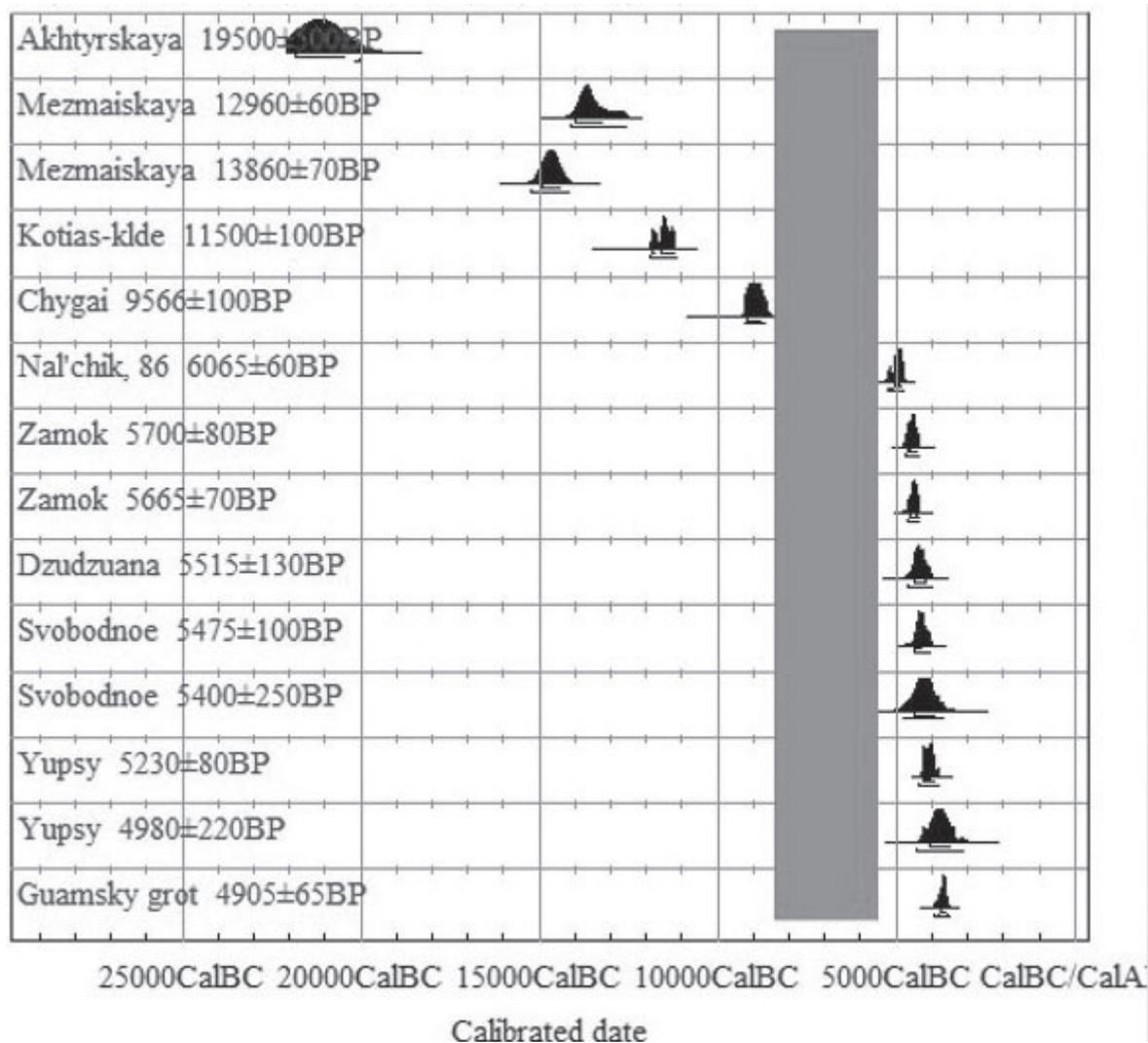
В отличие от палеолита, энеолита и бронзового века, данные о памятниках неолита для региона Западного Кавказа крайне скудны (Бжания, 1996; Трифонов, 2009). Достоверно датированных памятников, относящихся к периоду, приблизительно, между 9000 и 6000 г. до н.э. (кал.), в регионе практически нет (рис. 1). Хронологический перерыв в интенсивности освоения людьми этой территории между эпохами мезолита и энеолита составляет около 3 тыс. лет и мог быть связан с особенностями экологической ситуации, в т.ч. с изменением уровня Черного моря.

Западный Кавказ – не единственная область Причерноморья, где в период, приблизительно, между 10000 и 6000 гг. до н.э. (кал.), между палеолитом и энеолитом, не известны неолитические памятники. Сюда относятся не только основная часть южного и юго-восточного побережья Черного моря, но и внутренние области северной Анатолии (к северу от линии Стамбул – Малатья). Рассматривается несколько возможных причин отсутствия в этих районах памятников неолитического времени (Matthews, 2007; Düring, 2008). Допускается, что экологическая обстановка

была неблагоприятной для неолитического образа жизни; малочисленное население вело подвижный образ жизни охотников, строивших легкие деревянные постройки, следы которых сегодня трудно обнаружить; и наконец, неолитические памятники существовали, но были уничтожены в периоды климатических пертурбаций и интенсивной эрозии ландшафтов.

Учитывая низменный ландшафт значительной части приморской территории Западного Кавказа можно предположить, что на региональный климат и расположение береговой линии большое влияние оказывало колебание уровня Черного моря. Соответственно, уровень Черного моря, превышающий современный, делал маловероятным плотное заселение этих территорий. В свою очередь, поселения, которые могли возникнуть в низких долинах Западного Кавказа до трансгрессии, могли быть уничтожены или перекрыты мощными слоями аллювиальных отложений. Если подобные процессы имели место в период между IX и VI тыс. до н.э., тогда они могут быть причиной отсутствия памятников «неолитического» периода.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Радиоуглеродная хронология древностей раннего и среднего неолита регионов Центральной и Северо-Западной России».

Рис. 1. Радиоуглеродная хронология памятников палеолита – бронзового века Северо-Западного Кавказа. (Черная линия – хронологический разрыв в интервале: палеолит – неолит.)

Как менялся уровень Черного моря, а также климат (влажность и температура) в период 9000–6000 л.т.н. можно рассмотреть на диаграмме (рис. 2), где видно, что уровень Черного моря в интервале 8000–5000 л.т.н. был намного выше современных отметок (Коникив, Лиходеева, 2010).

Средиземноморская трансгрессия имела возвратно-поступательный характер (Янко-Хомбах и др., 2011) и происходила в течение шести регрессионных стадий. В результате новоэксинской трансгрессии могли быть затоплены прибрежные поселения и наблюдалась резкая аридизация климата.

Установлено, что палеоэкологические изменения особенно очевидны вокруг Северной Атлантики, которые также значительно влияют на климаты удаленных областей, таких как Турция и Ближний Восток (Felis et al., 2004).

Lamy et al. (2006) выполнили сравнение палеоэкологических косвенных данных по вкладу эоловых осадков и континентальным выпадениям дождей, основанных на исследованиях с высокой разрешающей способностью кернов осадков из юго-западной части Черного моря. Реконструкция морской поверхностной температуры (SST) указывает на события похолоданий в интервале 9000–6000 л.т.н. (Cacho et al., 2001).

Картины гидрологического отклика на изменчивость климата раннего голоцена подразумевают сдвиги между усиленным западным потоком ветров по средней Европы и ослабленным и ветвящимся или блуждающим потоком, который позволял проникновение влажных масс воздуха в Средиземноморский бассейн. Сухие эпизоды от середины до позднего голоцена – в 5400–4500, 3700–2900

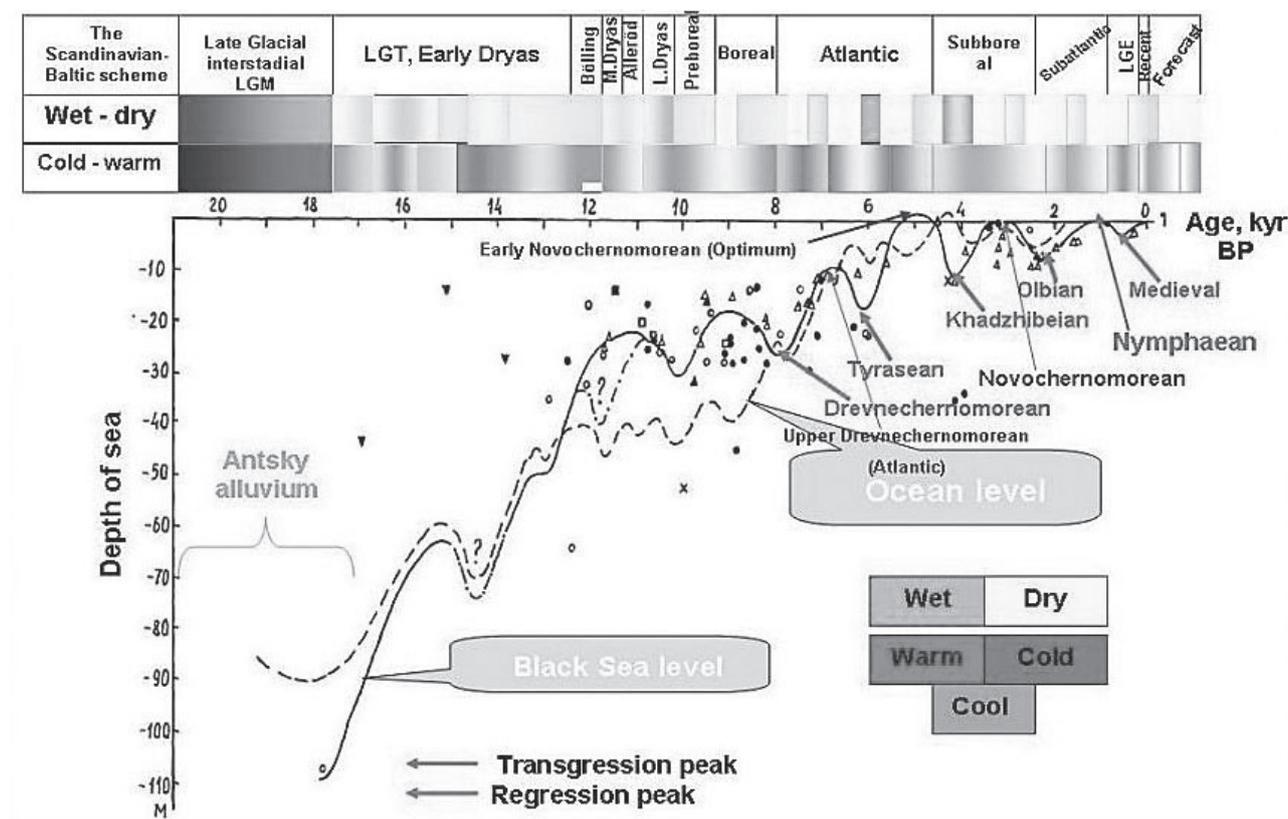

Рис. 2. Диаграмма колебаний уровня Черного моря и другие палеоэкологические данные в голоцене.

и 1900–1300 л.т.н. (cal BP) показывают периодичность ~1750 лет (Fletcher, Debret, Sanchez Goni, 2012), близкую к обнаруженной в работе Bond et al. (2001) в изменении Атлантического климата.

В работе Stuiver et al. (1998) представлены доказательства и изменчивости солнечной активности по данным об изменении скорости образования радиоуглерода долговременной шкале.

По результатам анализа изменения уровня радиоуглерода в образцах известного возраста и естественной климатической изменчивости в течение голоцена было показано (Dergachev et al., 2007), что крупные флуктуации индийских и африканских муссонов, уровни озер в Эфиопии, Сахаре и Европе, наступление и отступление ледников изменяются с периодичностью около 2000 лет, совпадающей с крупными осцилляциями концентрации радиоуглерода, по-видимому, обусловленными солнечной активностью.

Заключение. Отсутствие на Западном Кавказе достоверно датированных памятников, относящихся к периоду, приблизительно

но, между 9000–6000 гг. до н.э. (кал.), может свидетельствовать о существенном падении интенсивности освоения людьми этой территории, что, скорее всего, стало следствием изменения климата и природной среды, в т.ч. повышения уровня Черного моря и усиления аридности. Возможно, что эти причины препятствовали процессу неолитизации Западного Кавказа. Не исключено, что поселения, которые могли возникнуть в низких долинах Западного Кавказа до трансгрессии, были уничтожены или перекрыты отложениями в процессе эрозии ландшафта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бжания В.В. Кавказ // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 73–87.

Коников Е.Г., Лиходеева О.Г. Глобальные и региональные факторы колебания уровня Черного моря как основа геодинамической модели береговой зоны // Гидрология полезных ископаемых Мирового океана. 2010. № 1. С. 84–93.

Трифонов В.А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур

палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / Отв. ред. В.А. Трифонов. СПб.: Теза, 2009. С. 84–93.

Янко-Хомбах В.В., Смытына Е.В., Кадури С.В., Ларчина Е.П., Мотненко И., Какаранза С.В., Киосак Д.Д. Колебания уровня Черного моря и адаптационная стратегия человека за последние 30 тыс. лет // Геология полезных ископаемых Мирового океана. 2011. № 2. С. 61–93.

Bond G., Kromer B., Beer J., Muscheler R., Evans M.N., Showers W., Hoffmann S., Lotti-Bond R., Hajdas I., Bonani G. Persistent solar influence on north Atlantic climate during the Holocene // *Science*. 2001. № 294. P. 2130–2136.

Cacho I., Grimalt J.O., Canals M. et al. Variability of the Western Mediterranean sea surface temperature during the last 25,000 years and its connection with the Northern Hemisphere climatic changes // *Paleoceanography*. 2001. № 16. P. 40–52.

Dergachev V.A., Raspopov O.M., Damblon F., Jungne H., Zaitseva G.I. Natural climate variability during the Holocene // *Radiocarbon*. 2007. № 2. P. 837–854.

Düring B. The Early Holocene occupation of north-central Anatolia between 10,000 and 6,000 BC cal: investigating an archaeological terra incognita // *Anatolian Studies*. 2008. № 58. P. 15–46.

Felis T., Lohmann G., Kuhnert H., Lorenz S.J., Scholz D., Patzold J., Al-Rousan S.A., Al-Moghrabi S.M. Increased seasonality in Middle East temperatures during the last interglacial period // *Nature*. 2004. № 429. P. 164–168.

Fletcher W.J., Debret M., Sanchez Goni F.M. Mid-Holocene emergence of a low-frequency millennial oscillation in western Mediterranean climate: Implications for past dynamics of the North Atlantic atmospheric westerlies // *The Holocene*. 2012. № 23 (2). P. 153–166.

Lamy F., Arz H.W., Bond G.C., Bahr A., Patzold J. Multicentennial-scale hydrological changes in the Black Sea and northern Red Sea during the Holocene and the Arctic/North Atlantic Oscillation // *Paleoceanography*. 2006. № 21. PA1008. Doi:10.1029/2005PA001184.

Matthews R. An arena for cultural contact: Paphlagonia (north-central Turkey) through prehistory // *Anatolian Studies*. 2007. № 57. P. 25–34.

Stuiver M., Reimer P.J., Bard E., Beck J.W., Burr G.S., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Van Der Plicht J., Spurk M. INTCAL98 radiocarbon age calibration, 24,000 – 0 cal BP // *Radiocarbon*. 1998. № 40. P. 1041–1083.

ТЕХНИКА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ ГОРИЗОНТА ЗА ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ VI¹

© 2014 г. К.Ю. Кирюшин¹, Ю.Ф. Кирюшин², В.П. Семибратов²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(kirill-kirushin@mail.ru)*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул
(president@asu.ru; semibratovvladimir@mail.ru)*

Ключевые слова: каменная индустрия, техника первичного расщепления, преформа, нуклеус, пластина, пластинчатый отщеп.

Резюме. Археологические коллекции горизонта ЗА поселения Тыткескень VI относятся к развитому неолиту и датируются концом VI – первой половиной V тыс. до н.э. Анализ техники первичного расщепления позволяет выделить две традиции, ориентированные на получение призматической пластины и короткого пластинчатого отщеп.

Поселение Тыткескень VI находится в Чемальском р-не Республики Алтай. Памятник расположен в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катуня. Поселение открыто в ходе раскопок курганного могильника Тыткескень VI (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, 1994. С. 111). В 2006 г. на поселении были продолжены археологические раскопки, в ходе которых исследовано 1500 кв.м. Получены материалы, относящиеся к бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью (горизонт 1), к энеолиту (горизонт 2) и неолиту (горизонт 3) (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Семибратов и др., 2007. С. 22).

Неолитические материалы поселения представлены двумя комплексами, выделяющимися на территории памятника планиграфически. Нижний и верхний уровни разделены между собой 20-метровым участком наклонной поверхности, на котором находки представлены единичными предметами. Для обозначения археологических коллекций из неолитического слоя решено использовать термины горизонт ЗА (нижний) и горизонт ЗБ (верхний). Полученные радиоуглеродные даты 6 200±210 лет (СОАН-6763) для гори-

зонта ЗА и 5 930±150 лет (СОАН-6765) для горизонта ЗБ позволяют говорить о хронологическом разрыве между этими комплексами.

Коллекция каменных артефактов, полученных в результате исследования горизонта ЗА поселения Тыткескень VI насчитывает 9 212 экз., из которых продукты первичного расщепления – 646 экз., орудийный набор – 2 348 экз. и отходы производства – 6 218 экз. Представительные коллекции позволяют проанализировать технику первичного расщепления, орудийный набор и отходы производства.

Техника первичного расщепления представлена блоками кремня со сколами, преформами, пренуклеусами, нуклеусами, обломками и техническими сколами с нуклеусов.

Куски породы со сколами (28 экз.) представлены семью гальками со сколами, 13 плитками и восьмью желваками.

Преформы (20 экз.) представлены конусовидными кусками кремня с выделенной ударной площадкой или фронтом. Как правило, их высота варьирует от 3,5 до 6,0 см (рис. 1, 1, 3). Одна из преформ выделяется своими размерами – высота 8,5 см (рис. 1, 2). Площадки подпрямоугольной (рис. 1, 1, 2) или подтреу-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом, проект № 2013-220-04-129.

Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности Алтайского государственного университета. Код проекта: 1006.

гольной формы (рис. 1, 3), выполнены серией продольно-поперечных сколов (рис. 1, 1), или одним сколом (рис. 1, 3), или представлены поверхностью плитки (рис. 1, 2). У восьми изделий одна или две латерали представлены поверхностью плитки (рис. 1, 1, 3).

В материалах горизонта 3А поселения Тыткескень VI хорошо просматривается, что при отборе сырья древний мастер отдавал предпочтение блокам кремня. Для преформы выбирался блок с ровной поверхностью, которая становилась ударной площадкой (рис. 1, 2). Для обеспечения необходимой выпуклости фронта скалывания подрабатывалась дистальная часть будущего нуклеуса сколами со стороны предполагаемого фронта или фронта и латералей (рис. 1, 1). На следующем этапе удалялась грань блока между будущим фронтом и латералью. На этом этапе выявлялись скрытые дефекты сырья (микротрещины) (рис. 1, 2).

Пренуклеусы – 7 экз. Все средних размеров (высота от 3 до 6 см). Они полностью готовы к работе, но процесс серийного снятия пластин еще не начат (рис. 1, 4). У изделий оформлены треугольные или прямоугольные площадки и поверхности скалывания треугольной формы.

Все нуклеусы призматические одноплощадочные – 29 экз., средних (от 3 до 6 см) (рис. 2, 1, 3, 5–8, 10–13) и мелких (высотой до 3 см) (рис. 2, 2, 4, 9) размеров.

Нуклеусы представлены следующими типами.

Монофронтальный – 6 экз. Поверхность скалывания у данного нуклеуса расположена на торцевой части заготовки и не заходит на латерали, фронт скалывания сужается книзу (рис. 2, 7).

С полуконцентрическим фронтом – 11 экз. Выпуклый фронт скалывания занимает у данного типа от $2/3$ до $3/4$ периметра площадки. Выделяются две разновидности данного типа. К первой относятся нуклеусы с полуовальной по контуру площадкой и плоским контрфронтом (рис. 2, 1, 10). Ко второй группе относятся нуклеусы, у которых контрфронт представлен ребром (рис. 2, 5, 8, 9).

С концентрическим фронтом скалывания – 8 экз. Снятия производились по всему периме-

тру овальной или округлой по контуру ударной площадки (рис. 2, 2, 4, 6, 11–13).

Псевдоклиновидные нуклеусы – 3 экз. (рис. 2, 3). Фронт скалывания треугольной формы. Ударные площадки треугольной по контуру формы.

Полифронтальный – 1 экз. (рис. 2, 14). Округлая в плане ударная площадка представлена галечной коркой с незначительными следами подработки рабочей кромки, угол скалывания во всех случаях достаточно острый. Снятия производились по всему периметру площадки. Несколько фронтов скалывания сопряжены под разными углами относительно друг друга. Фронты скалывания несут на себе негативы снятий коротких, широких пластинчатых отщепов.

Обломки нуклеусов – 14 экз.

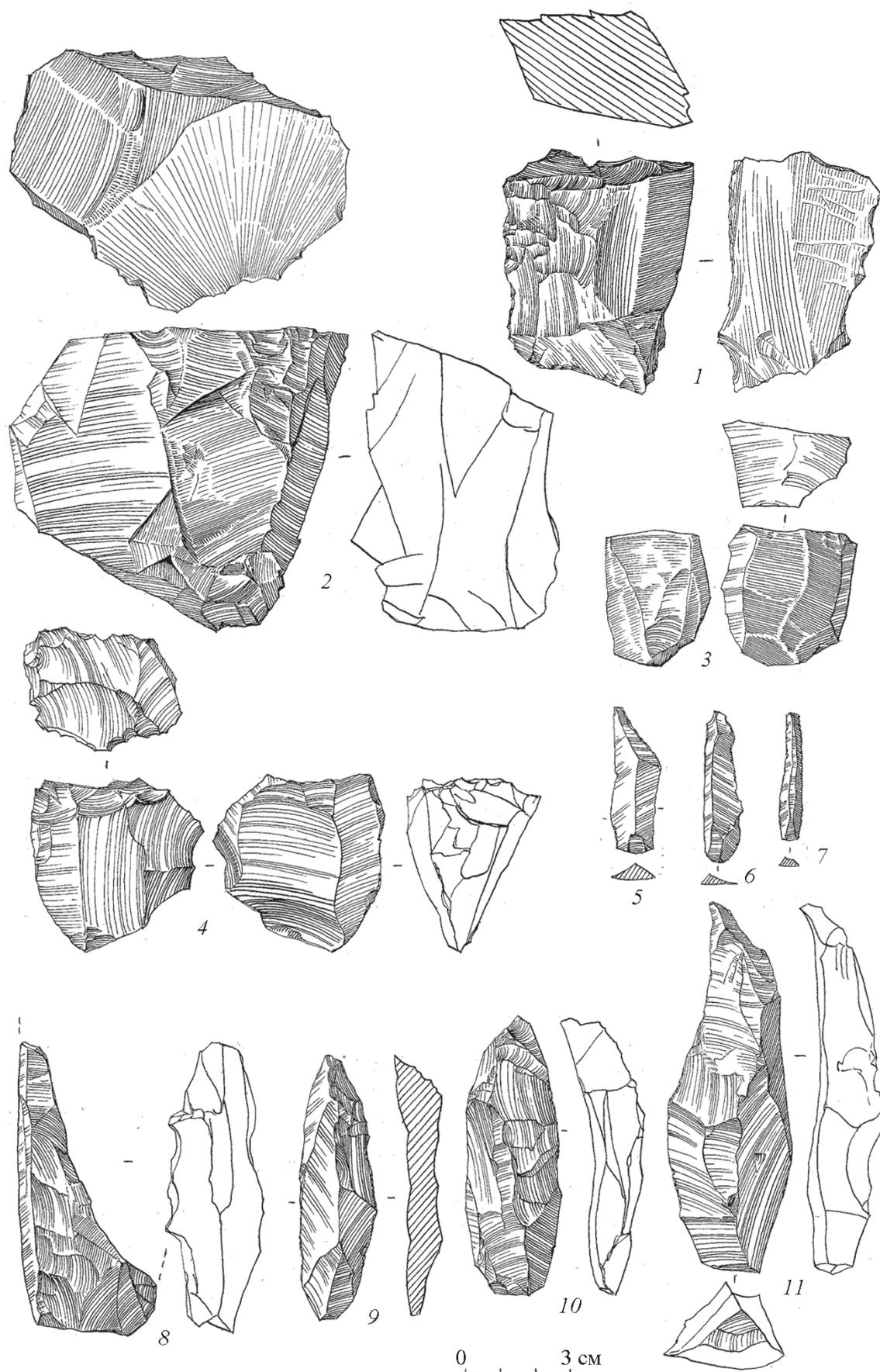
Технические сколы представлены 542 экз. Подработка нуклеусов представлена вертикальными сколами – 496 экз., горизонтальными – 40 экз. и диагональными сколами – 6 экз.

Вертикальные сколы представлены: боковыми сколами – 6 экз., пластинчатыми отщепами – 216 экз. (см. рис. 1, 5–7), реберчатыми сколами – 60 экз. (см. рис. 1, 9, 10) и полными пластинами без ретуши – 188 экз.

Горизонтальные сколы представлены снятиями ударных площадок.

Диагональные сколы – 6 экз. Часть из них являются результатом целенаправленного действия, когда в результате удара, нанесенного со стороны ударной площадки, удалялись контрфронт и основание нуклеуса. Несколько экземпляров, по-видимому, являются результатом нецеленаправленного действия (см. рис. 1, 8), когда в результате удара нанесенного со стороны ударной площадки удалялись фронт и основание нуклеуса, либо – часть фронта и латераль вместе с основанием нуклеуса.

Можно сделать вывод, что техника первичного расщепления горизонта 3А поселения Тыткескень VI ориентирована на получение призматической пластины длиной от 3 до 6 см и шириной от 0,5 до 0,8 см. В единичном случае встречается редкий тип нуклеусов (рис. 2, 14) демонстрирующий иную традицию целью, которой являлось получение короткого пластинчатого отщепа.

Рис. 1. Каменные артефакты из горизонта 3А поселения Тыткескен VI. 1–3 – преформы; 4 – прену-клеус; 5, 6 – пластинчатые отщепы; 7 – пластина; 8 – диагональный скол; 9–11 – реберчатые сколы.

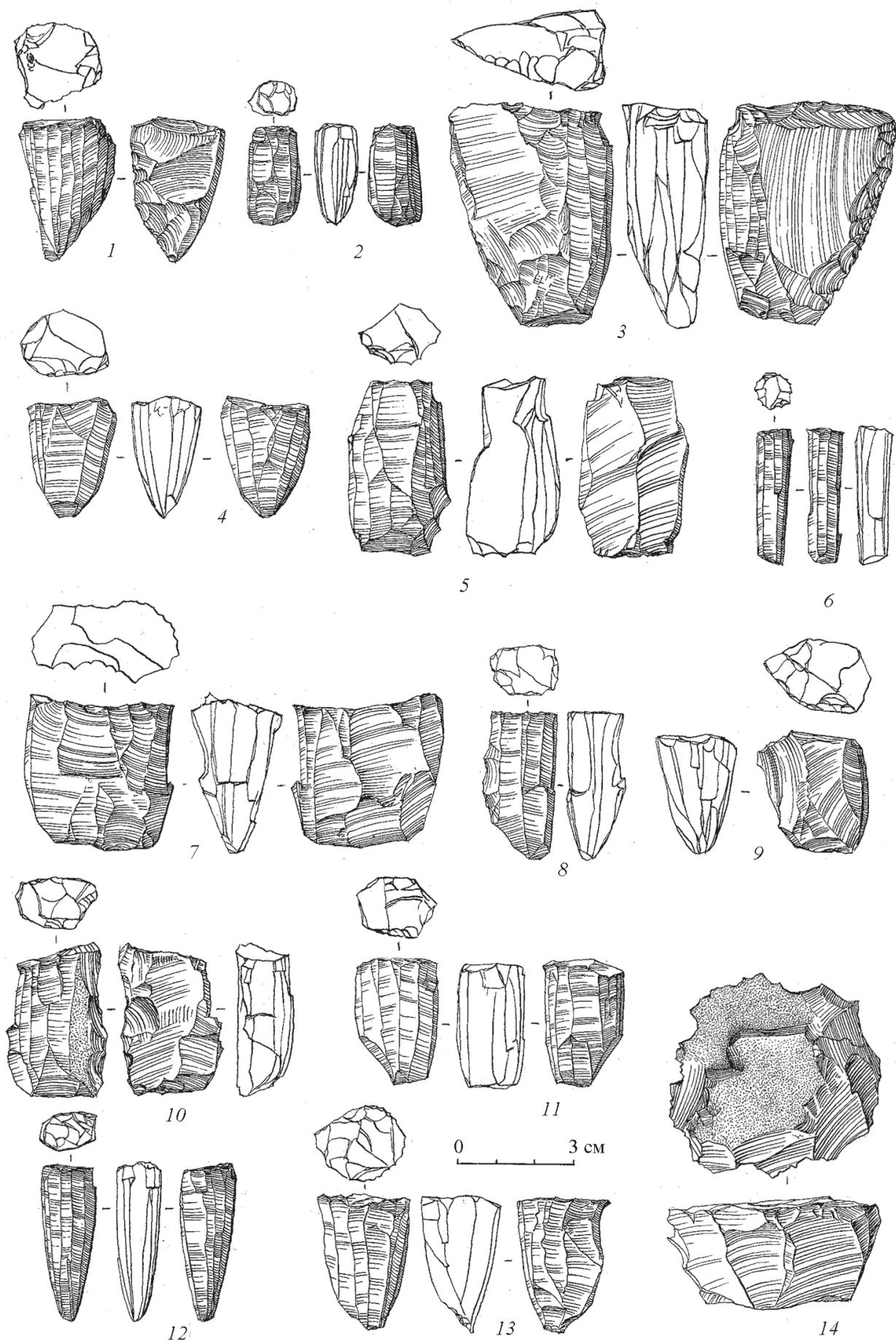

Рис. 2. Нуклеусы из горизонта 3А поселения Тыткескень VI.

Наиболее близкие аналоги керамическим коллекциям горизонта 3А прослеживаются в материалах пятого горизонта поселения Тыткескень-2. Сопоставление керамических коллекций позволяют сделать вывод, что материалы пятого культурного горизонта поселения Тыткескень-2 и горизонта 3А поселения Тыткескень VI синхронны и относятся к одной культурной традиции (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов, 2013. С. 69–72).

Анализ техники первичного расщепления горизонта 3А поселения Тыткескень VI позволяет сделать вывод, что типы преформ, пренуклеусов и призматических нуклеусов аналогичны материалам поселения Тыткескень-2 от финального мезолита (горизонт 8) до финального неолита (горизонт 4). Полифронтальные нуклеусы для получения пластин встречаются на поселении Тыткескень-2 только в материалах шестого горизонта (ранний неолит), который датируется концом VI – первой половиной V тыс. до н.э. (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008. С. 80). Пять таких изделий (Там же. Рис. 29, 3–6) были отнесены нами к пренуклеусам, но было отмечено, что подобные изделия «могут являться специфическим типом нуклеусов, с которых снимали не пластину, а отщеп с сильно конвергентными краями» (Там же. С. 33).

В материалах горизонта 3А поселения Тыткескень VI и в материалах пятого горизонта поселения Тыткескень-2 найдены наконечники стрелы кельтеминарского типа (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2011. С. 63–64) и своеобразная керамика с

прочерченным орнаментом (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов, 2013. С. 69–72). Эти находки, по нашему мнению, связаны с миграциями или инфильтрацией населения Средней Азии или Восточного Казахстана на территорию Горного Алтая.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что культурная традиция развитого неолита формировалась на основе предшествующей раннеолитической, но при наличии какого-то постороннего импульса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Алт. ун-т, 2008. 336 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамика развитого неолита с поселения Тыткескень VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 65–72.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 56–64.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1994. С. 111–124.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Раскопки в 2006 г. неолитического комплекса поселения Тыткескень VI // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. Археология, этнография, устная история. Вып. 3. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 21–26.

СРЕДНИЙ НЕОЛИТ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРИМОРЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2000-Х ГОДОВ)

© 2014 г. Н.А. Клюев

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
(klyuev2006@yandex.ru)*

Ключевые слова: неолит, шекляевская культура, жилища, керамика, орудия труда, Приморье, Дальний Восток России.

Резюме. В докладе рассматриваются итоги исследований среднего неолита континентального Приморья в 2000-х гг. Основное внимание уделяется обоснованию выделения новой культуры – шекляевской. На материалах таких памятников, как Шекляево-7, Дворянка-1 и Новотроицкое-2, дается описание комплекса культуры. Основное внимание уделяется анализу керамики. Делается вывод, что шекляевская культура входила в круг культур среднего неолита региона, для которых была характерна штамповая орнаментация керамики.

В неолитоведении Приморья 2000-е гг. отмечены существенным пополнением фонда новых источников, особенно по среднему неолиту. Раскапывались такие памятники, как Дворянка-1, Шекляево-7, ЛЗП-3, Новотроицкое-2, Рисовое-4 (Н.А. Клюев), Ветка-2, Катериновка-1, Горный Хутор-13 (С.В. Батаршев), Бойсмана-2, Сергеевка-1, Лузанова Сопка-5 (А.Н. Попов), Осиновка, Устиновка-8 (А.А. Крупянко), Шивелаза, Орлиный Ключ (В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко). Материалы исследований были опубликованы в целой серии статей, в которых предлагалась не только систематизация полученных данных, но и были затронуты проблемные вопросы, касающиеся характеристики содержания понятия «средний неолит» для Приморья. Это закономерно привело к значительной корректировке существовавших ранее взглядов исследователей на культурную динамику в данную эпоху. Во-первых, сам термин «средний неолит», ранее практически не используемый специалистами по отношению к Приморью, стал общеупотребительным. Во-вторых, существенно расширилась культурная систематика среднего неолита региона. В научный оборот были введены такие понятия, как «веткинская», «орлиноклювская», «шекляевская» археологические культуры (АК). Не все

из них обеспечены достаточным количеством источников, что вызывает дискуссии по критериям их выделения, но, в любом случае, можно констатировать тот факт, что в эпоху среднего неолита Приморья существовал ряд археологических культур, имеющих, с одной стороны, свою специфику, а с другой – демонстрирующих наличие между ними культурно-исторических связей. Отнесение этих культур к среднему неолиту было обусловлено анализом их каменной индустрии и керамического производства, показавшим достаточно развитый уровень, не свойственный ранним стадиям неолита, а также полученными радиоуглеродными датами.

В 2000-е гг. было продолжено изучение выделенных ранее руднинской и бойсманской культур. В первой из них были выявлены хронологические этапы (ранний и поздний), ареал второй был существенно расширен за счет открытия памятников в континентальной части Приморья.

В целом, хронологические рамки среднего неолита в Приморье укладываются в промежуток времени от начала VII тыс. до н.э. и до начала IV тыс. до н.э.

Шекляевская АК была выделена Н.А. Клюевым и А.В. Гарковик в 2006 г. (Клюев, Гарковик, 2006). Основанием этого послу-

жили исследования на таких памятниках, как Шекляево-7, Дворянка-1 и Новотроицкое-2, дополненные анализом имеющихся данных с других памятников Приморья.

Первыми по времени были работы на поселении Шекляево-7 в 2003–2004 гг. Шекляево-7 – многослойный памятник.

К числу неолитических комплексов была отнесена группа керамики, имеющая специфические признаки. Она представлена сосудами, узор на которых располагался орнаментальным бордюром в приустьевой зоне. Он выполнялся сочетанием различных орнаментальных техник. Ряды широкой отступающей лопатки чередовались с рядами горизонтальных оттисков длинной гребенки, а также с фигурами треугольников, дуг, «птичек», выполненных оттисками инструментов специальной формы. В ходе раскопок памятника было обращено внимание на особенности стратиграфического залегания и планиграфического расположения этой группы керамики. Большая ее часть была обнаружена за пределами выявленного руднинского жилища. Характер залегания указывал на переотложенность археологического материала. Был впервые поднят вопрос о выделении новой керамической традиции в неолите Приморья. Последующие исследования на памятнике Дворянка-1 и поселении Новотроицкое-2 выявили жилища, в которых был обнаружен исключительно керамический материал этой традиции, что позволило уже говорить о новой археологической культуре. Наиболее полно ее комплекс характеризуют материалы памятника Дворянка-1.

Памятник исследовался в 2004–2006 гг. Было раскопано жилище шекляевской АК. Оно было четырехугольным в плане, но с округленными углами, имело углубленное основание. Непосредственно на полу жилища были обнаружены многочисленные развалы сосудов, изделия из камня и кости.

Полученный из жилища археологический материал представляет собой единый, типологически выдержанный комплекс. Особенно это хорошо проявляется при анализе керамической коллекции. При изготовлении керамики использовалось гончарное тесто из запесоченной глины с добавлением дробленого кварца. Форма сосудов единообразна. Это плоскодонные, слабо профилированные из-

делия, верхний край которых несколько отогнут наружу. При общем единообразии формы сосудов оформление верхнего края имеет две основных разновидности: он был округлым или уплощенным.

В декорировании сосудов также прослеживаются определенные закономерности и вариации. Общим является украшение верхней части керамических емкостей нешироким декоративным бордюром. Он располагался обычно в 0,60–0,65 см ниже верхнего обреза; ширина, как правило, равнялась 3,0–3,5 см. Орнаментальная композиция состоит из серии горизонтальных полос оттисков зубчатого штампа и фигурных оттисков и прочерков широкими глубокими бороздами в виде широких углов или коротких дуг. Наиболее популярны бордюры, состоящие из серии оттисков зубчатого штампа, окаймленных сверху и снизу фигурными оттисками. Они представлены несколькими композициями: сверху и снизу расположены глубокие оттиски штампа в виде широких углов, попеременно вершинами вверх и вниз. Центральная часть композиции состоит из трех или четырех рядов оттисков зубчатого штампа. Вариантом такой композиции является бордюр, состоящий из шести рядов зубчатых оттисков, окаймленных сверху и снизу прочерченными фигурами в виде широких углов.

Разновидность бордюра составляют композиции из серии зубчатых оттисков, окаймленных дугообразными фигурами. Они представлены несколькими вариантами. Один из них составляют шесть рядов зубчатых оттисков, сверху и снизу оконтуренных двойным рядом коротких дуг, расположенных выпуклой частью вверх. Другой вариант представлен композицией из трех рядов оттисков зубчатого штампа, сверху и снизу обрамленных двумя рядами дугообразных прочерков, выпуклой частью вниз.

Два других варианта составляют композиции, в которых ряды узора, окаймляющего серию зубчатых оттисков, состоят из двух рядов дуг, расположенных попеременно выпуклой частью вверх и вниз, а также из фигур в виде широких углов, образованных дугообразными прочерками, направленных вершинами вниз.

Следующие бордюры демонстрируют несколько иное построение орнаментальной композиции. Это выражается в том, что центральная часть композиции, состоящая обычно из серии оттисков зубчатого штампа, разбивается на две части и в центр помещается полоса из нескольких рядов слабо выгнутых коротких дуг. Один из вариантов такого бордюра состоял из двух рядов зубчатых оттисков, двух рядов коротких дуг (выпуклой частью вниз), ниже которых располагались еще три ряда оттисков зубчатого штампа. Эти ряды оттисков оконтурены (сверху и снизу) одинарным рядом коротких дуг, выпуклой частью вниз. Развитием этой тенденции представляются две другие сходные композиции. Одна из них состоит из четырех рядов зубчатых оттисков, между которыми располагаются пять рядов коротких, слабо выгнутых дуг. Композиция окаймлена двойным рядом подобных дуг (выпуклой частью вниз) лишь снизу. Другая композиция составлена из последовательно (сверху вниз) расположенных четырех-пяти рядов зубчатых оттисков, четырех-пяти фигурных оттисков в виде «птичек», трех-четырёх рядов зубчатых оттисков. Оконтуривающие дугообразные элементы отсутствуют. К этой же разновидности композиций можно отнести еще одну. Верхнюю и нижнюю части ее составляют оттиски зубчатого штампа, а центральная часть представляет собой широкую полосу узора из широких углов, нанесенную широкими бороздами, более похожую на ломаную линию.

Особняком стоит орнамент из нескольких рядов коротких дуг, расположенных в верхней части сосуда.

Исключительная монолитность описанного материала, которая проявляется как в технологии изготовления, формовке и отделке изделий, а также в единообразии форм и орнаментации позволяет видеть в нем единый культурный комплекс, четко выделяющийся на фоне других материалов памятника Дворянка-1.

Кроме керамики в жилище были обнаружены удлинённо-треугольные и иволистные шлифованные наконечники стрел с прямым основанием, ассиметрично-листовидный ретушированный нож-бифас, наконечник стрелы на пластине с краевой ретушью, «лощитель древков стрел» на овальной гальке, также находящиеся аналогии в памятниках руднинской АК.

лы на пластине с краевой ретушью, «лощитель древков стрел» на овальной гальке.

Керамика «шекляевского типа» была известна и ранее на археологических памятниках Западного и Центрального Приморья. Она была встречена на многослойных памятниках Сергеевка-1 (Лынша, 1989; Попов и др., 2004), Сиротинка, Петровичи (Бродянский, 1987), Лузанова Сопка-5 (Батаршев, 2003; Попов, Батаршев, Крутых, 2003). В последние годы к ним добавились поселения Катериновка-1 (Батаршев и др., 2012), Рисовое-4, Горный Хутор-13. По этому поводу, однако, следует заметить, что у исследователей нет единства в ее культурной атрибуции.

Ряд признаков в керамическом материале описанного комплекса шекляевской археологической культуры находит аналогии в руднинской АК. Это прослеживается в морфологии керамических сосудов: слабая профилировка тулова, незначительный отгиб верхнего края и такие варианты его оформления, как скругленный край, совпадающий с толщиной стенки, уплощение его сверху, уплощение края со скосом наружу с образованием небольшого карнизика. Сходна технология формовки емкостей и качество отделки стенок. В орнаментации сосудов также имеются аналогии общего порядка. Прежде всего, это украшение узкой полосой орнаментального бордюра, основные элементы которого выполнены техникой тиснения различными штампами, среди которых присутствуют сходные элементы: оттиски зубчатых штампов, углы и треугольники. Отмечены параллели и в каменном инвентаре. Так, в заполнении жилища на поселении Дворянка-1 были обнаружены удлинённо-треугольные и иволистные шлифованные наконечники стрел с прямым основанием, ассиметрично-листовидный ретушированный нож-бифас, наконечник стрелы на пластине с краевой ретушью, «лощитель древков стрел» на овальной гальке, также находящиеся аналогии в памятниках руднинской АК.

По углю, отобранному с пола жилища памятника Дворянка-1, была получена дата $7\ 615 \pm 180$ BP (СОАН-5902); образец, взятый с аналогичного объекта поселения Новотроицкое-2, дал возраст $6\ 920 \pm 50$ BP (SNU07-259). Таким образом, хронология шекляевской

культуры сопоставима с имеющимися датировками памятников руднинской культуры.

Появление руднинской и шекляевской культур в Приморье приходится на начало климатического оптимума. Это был благоприятный период для жизнедеятельности человека и освоения новых территорий: среднегодовые температуры воздуха были выше современных на 3–5°, климат стал более влажным, были широко распространены широколиственные леса, трансгрессия уровня моря привела к образованию расчлененного контура побережья (Короткий, 2005), более комфортного для занятия хозяйственной деятельностью.

Вопрос о происхождении шекляевской культуры нуждается в специальной разработке и дополнительных данных. На данном этапе можно говорить пока лишь о том, что она входила в круг культур среднего неолита Приморья (руднинская, бойсманская и веткинская), для которых была характерна традиция штамповой орнаментации керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батаршев С.В. Культурно-хронологические комплексы памятника Лузанова Сопка-5 (Юго-Западное Приморье) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Мат-лы XLIII РАЭСК. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 97–98.

Батаршев С.В., Клюев Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л. Средний неолит Приморья: предварительные результаты исследований памятника Катериновка-1 // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области: Мат-лы науч.-практ. конф. (24 янв. 2012 г.). Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2012. С. 167–173.

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.

Клюев Н.А., Гарковик А.В. К вопросу о культурной принадлежности неолитического комплекса памятника Дворянка-1 в Приморье // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 82–88.

Короткий А.М. Особенности развития природной среды Дальнего Востока в позднем плейстоцене – голоцене (Q_{III} – Q_{IV}) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 15–58.

Лыниша В.А. Сергеевка-1 – новая неолитическая стоянка на юге Приморья // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Усурийск: УГПИ, 1989. С. 41–43.

Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. Результаты археологических исследований на памятнике Лузанова Сопка-5 в 2003 году (Юго-Западное Приморье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2003 г. Т. IX; Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 202–207.

Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., Малков С.С. Памятник Сергеевка-1 в Юго-Западном Приморье: стратиграфия и общая характеристика культурно-хронологических комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Т. X; Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 161–167.

СООТНОШЕНИЕ ЧЕКАЛИНСКОЙ И ТОКСКОЙ КЕРАМИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

© 2014 г. А.И. Королев, А.А. Шалапинин

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(arkorolev@gmail.com; anton-shalapinin@ro.ru)*

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, поздний энеолит, керамика, токский тип, чекалинский тип, ивановский тип.

Резюме. В работе рассматриваются вопросы культурно-хронологического соотношения чекалинского и токсского типов керамики позднего энеолита лесостепного Поволжья. На основании типологического анализа делается вывод о специфике чекалинских материалов, локализующихся в бассейне р. Сок.

В 70-е гг. XX в. благодаря работам И.Б. Васильева, А.А. Выборнова Г.Г. Пенина по выявлению и изучению памятников неолита – энеолита лесостепного Заволжья на ряде стоянок (Старо-Елшанская II, Елшанская, Максимовская, Виловатовская) была выделена керамика, имеющая аналоги в материалах лесного энеолита Поволжья и Прикамья. Малочисленность данной посуды, а также наличие ряда специфических черт не позволяли определенно говорить об ее культурной атрибуции, и авторы обычно именовали указанную керамику «волосовско-турбинской» (Васильев, 1981. С. 55).

Н.Л. Моргуновой после исследований Ивановской и Турганинской стоянок начале 80-х гг. XX в. данная керамика была выделена в особый токский тип, синхронный с самарскими материалами (ивановского этапа), происходящий от безворотничковой посуды Съезжинского могильника (Моргунова, 1984. С. 66).

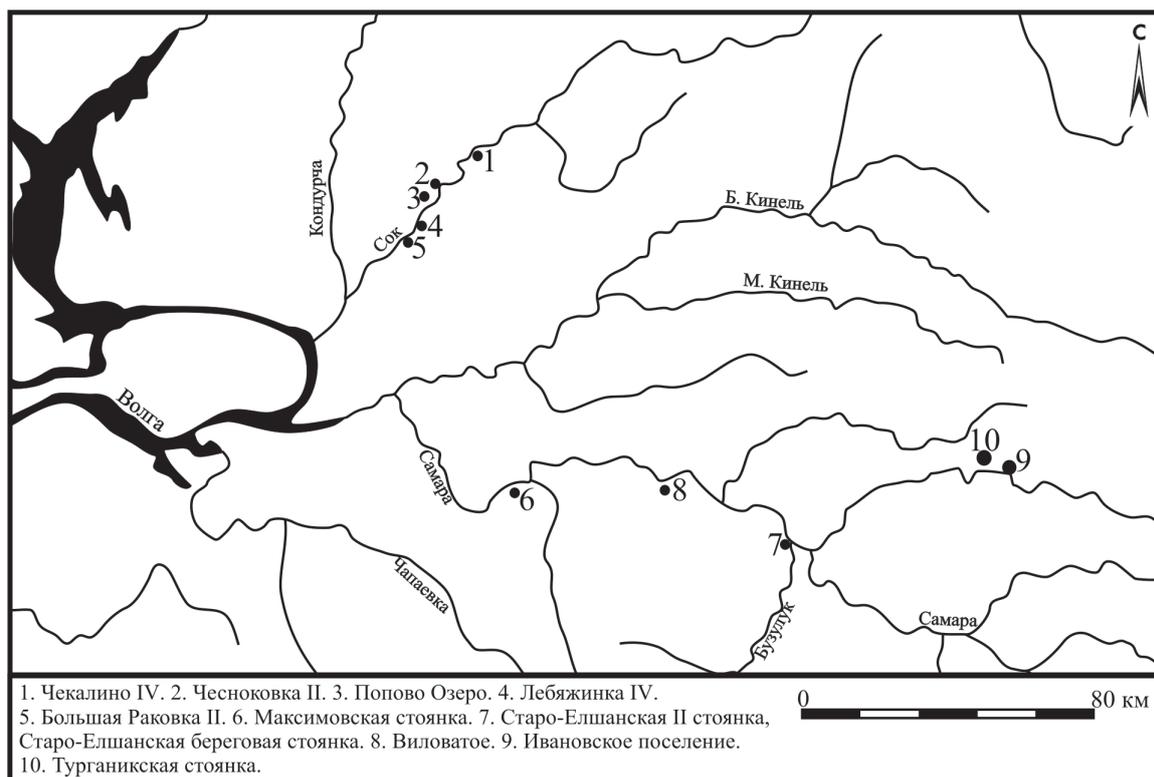
И.Б. Васильев, согласившись с выделением токсского типа, не считал возможным связывать часть безворотничковой посуды Турганинской стоянки с керамикой волосовско-гаринского облика. Токсский тип рассматривался автором как лесостепной аналог волосовской и гаринской культур, чьи материалы также присутствовали в лесостепном Заволжье (Большая Раковка II, Гундоровка) (Васильев, 1990.

С. 58–59). Близка к данной точке зрения позиция Н.В. Овчинниковой (2006. С. 298–299).

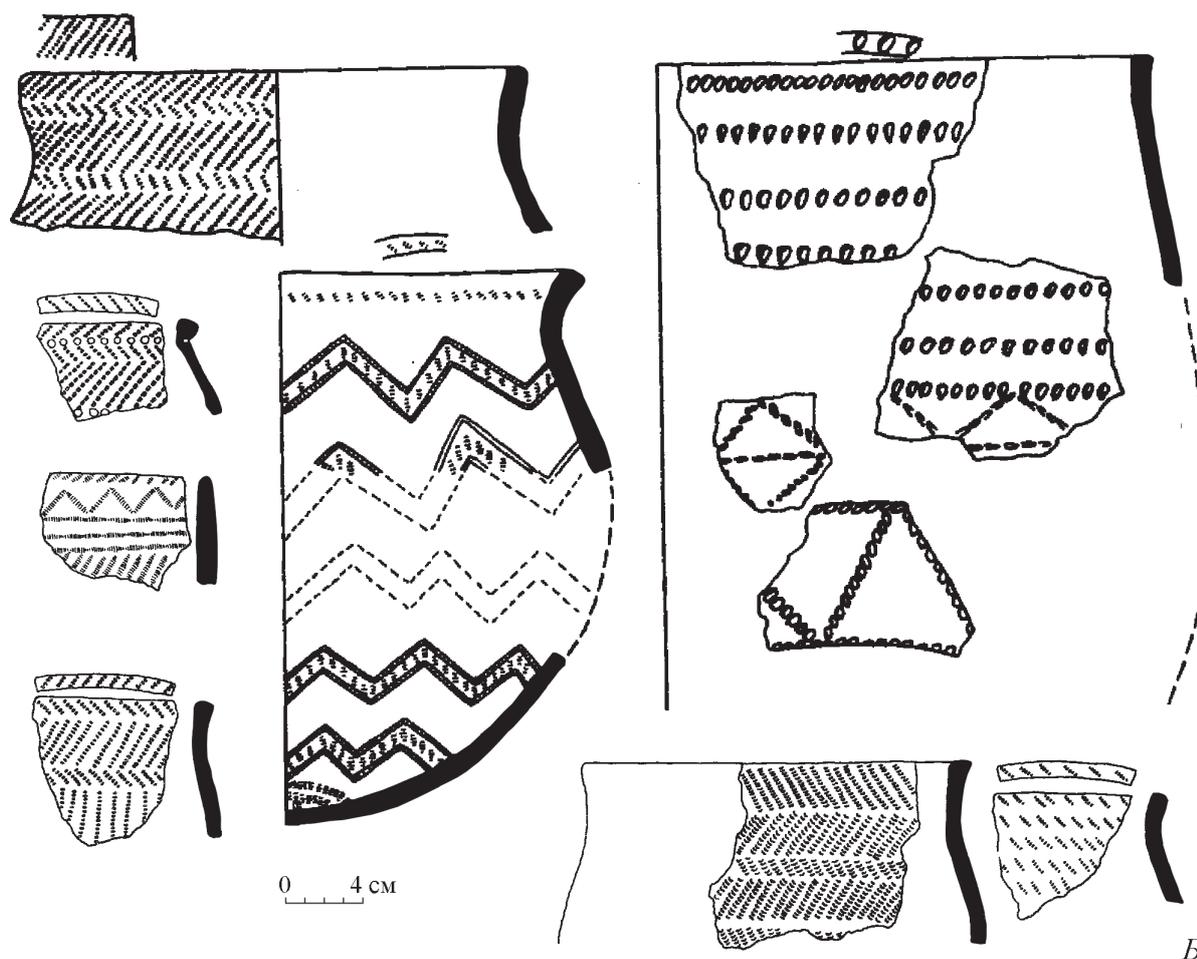
Следует отметить, некоторую «размытость» существующих типологических характеристик токсских, гаринских и волосовских материалов лесостепного Поволжья, на что было указано авторами настоящей работы при поиске аналогий одной из групп позднеэнеолитической керамики стоянки Чекалино IV (Королев, Шалапинин, 2009). Позднеэнеолитические материалы стоянки Чекалино IV были объединены с керамикой других памятников бассейна р. Сок (Чесноковка II, Большая Раковка II, Попово Озеро, Лебяжинка IV), относимой ранее разными авторами к токсскому типу, новильинской, гаринской, волосовской культурам в чекалинскую группу (Шалапинин, 2011. С. 14).

Выделение особого чекалинского типа в лесостепном Заволжье закономерно требует своего объяснения, выявления специфических черт, установления различий между ним и другими энеолитическими материалами Волго-Камья. Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о соотношении чекалинских и токсских материалов.

Керамика токсского типа по работам Н.Л. Моргуновой обладает следующими признаками. Посуда имеет примесь раковины в тесте. Сосуды прямостенные и профилированные. Днища округлые и плоские. Преобладают отогнутые наружу венчики. Встречают-

А

Б

Рис. 1. А – карта распространения чекалинских и токских памятников. Б – керамика токского типа Ивановской стоянки (по: Моргунова, 1995).

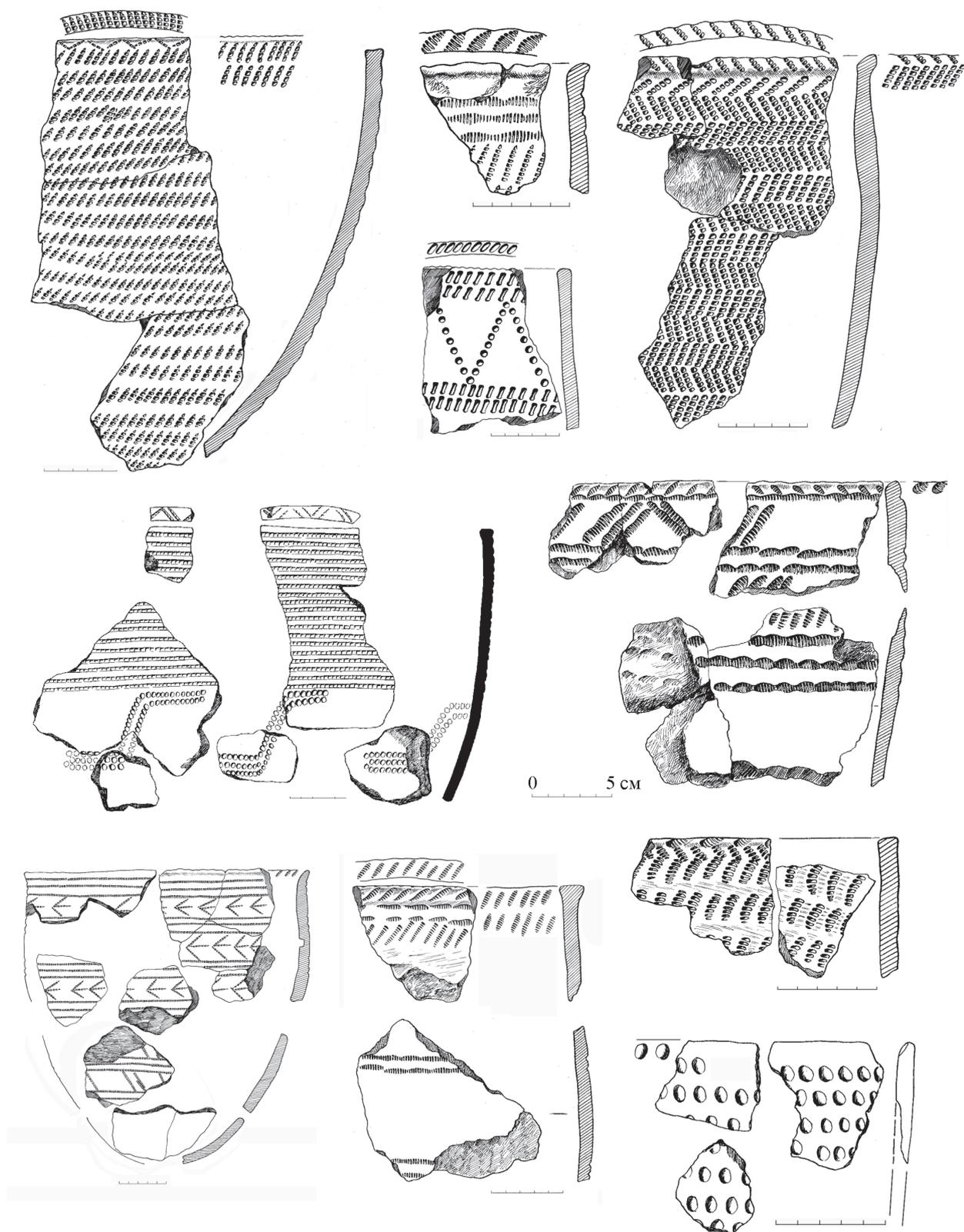

Рис. 2. Керамика стоянки Чекалино IV.

ся в небольшом количестве загнутые внутрь, прямые и Т-образные. Доминирующей является гребенчатая орнаментация, выполненная коротким, средним, длинным, ячеистым штампами. Также встречаются сосуды с оттисками веревочки, овальной и округлой ямки. На токсской посуде присутствуют пояски ямок под венчиком. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами зигзаги, линии, ряды наклонных оттисков и др. Встречаются токсские сосуды, орнаментированные шагающей гребенкой (рис. 1).

В качестве примеси в тесто чекалинской посуды добавлялась дробленая раковина. Сосуды прикрытых, прямостенных и котловидных форм. Венчики с утолщением внутрь, прямые, слабо- и среднеотогнутые наружу. Единичны Т-образные венчики. Днища округлые и уплощенные. Орнаментация состоит из оттисков гребенчатого, ячеистого, серповидного, гладкого штампа, ямок различных форм. Орнаментальные мотивы представлены следующими видами: горизонтальный зигзаг и ряды наклонно поставленного штампа, ряды ямок, горизонтальные полосы и др. (рис. 2). Уникальным является мотив в виде «птичьих лап» (Чекалино IV, Лебяжинка VI), а также композиция в виде водоплавающих птиц (Чекалино IV).

Общими признаками чекалинской и токсской посуды являются примесь раковины в тесте, прямостенная форма сосудов, загнутые внутрь, прямые, отогнутые наружу венчики, округлые днища, орнамент, выполненный гребенчатым различной длины и ячеистом штампами, отпечатками веревочки, овальная и округлая ямка и мотивы, образованные данными элементами орнамента (горизонтальные зигзаги и линии, ряды наклонных оттисков и др.) Различия проступают в профилировке сосудов. Большая часть токсской посуды Ивановской и Турганинской стоянок имеют округлобокие формы с намеченной шейкой сосудов, в то время как чекалинская керамика имеет яйцевидную форму. Нет в коллекции чекалинской посуды плоских днищ. На чекалинской керамике более разнообразна орнаментация. Здесь встречаются оттиски гладкого и серповидного штампов, подпрямоугольная, треугольной, аморфная, спаренная ямки, насечки. На чекалинской посуде отсутствует орнамент в виде шагающей

гребенки. Необходимо отметить, что токсские сосуды Ивановской и Турганинской стоянок горшковидной формы в подавляющем большинстве орнаментированы плотно поставленными оттисками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные ряды, в то время как на прямостенных сосудах присутствует как указанная орнаментация, так и отпечатки ячеистого штампа, различного вида ямки и др. Таким образом, между токсской и чекалинской керамикой сходство наблюдается только в тех признаках, которые отмечены на прямостенных сосудах токсской керамики.

На неоднородность токсской керамики указывал И.Б. Васильев (1990. С. 59), который выделял в безворотничковой посуде Турганинской стоянки две хронологические группы. Разделение токсской посуды Турганинской стоянки на две группы вызвало возражение Н.Л. Моргуновой (1995. С. 76), которая отстаивала ее гомогенность. Однако в последней своей работе по энеолиту Волго-Уралья автор выделяет ранние и поздние токсские материалы, правда, не давая для них типологические характеристики и не указывая какие памятники или сосуды относятся к тому или иному периоду (Моргунова, 2011). В свете последних исследований по радиоуглеродному датированию синхронность токсских и ивановских материалов на Турганинской стоянке на первый взгляд подтверждается. Токсский тип имеет дату $5\ 830 \pm 70$ ВР (Ki-14517), ивановский – $5\ 660 \pm 70$ (Ki-15067), $5\ 790 \pm 70$ (Ki-14516) ВР. Однако дата по токсской керамике Турганинской стоянки вступает в противоречие с датировками данного типа с Ивановской стоянки – $4\ 930 \pm 80$ (Ki-15068), $5\ 070 \pm 80$ (Ki-15070), $4\ 940 \pm 80$ (Ki-15089) ВР. (Моргунова и др., 2010. С. 23–24). Вполне возможно, что энеолитический слой Турганинской стоянки формировался в достаточно продолжительный отрезок времени. Так согласно публикации данного памятника энеолитические находки и материалы эпохи бронзы разделялись планиграфически, находились в перекрытом балластом слое (Моргунова, 1984. С. 59). Керамика эпохи бронзы Турганинской стоянки имеет даты $4\ 710 \pm 70$ (Ki-15597), $5\ 230 \pm 90$ (Ki-15598), $5\ 150 \pm 90$ (Ki-15599) ВР. В коллекции энеолитической посуды Турганинской стоянки присутствует сосуд, сопоставляемый автором раскопок с суртандинскими древно-

стями, для которых Н.Л. Моргунова приводит даты с поселения Кочегарово I 5 170±95 (СОАН-7067), 5 220±80 (Ki-15544), 5 410±90 (Ki-19962), 5 270±70 (Ki-15542) ВР (Моргунова, 2011. С. 157, 192). Таким образом, нельзя исключать возможности посещения площадки Турганикской стоянки в постивановское время, что согласуется с другими датировками токсского типа. Если рассматривать радиоуглеродные даты, полученные по чекалинской керамике, то четыре даты из шести (5 470±140 (Ki-15774), 5 240±80 (Ki-14574), 5 050±80 (Ki-16440), 5 065±70 (Ki-16439)) близки к датировкам токсского типа Ивановской стоянки.

Количество сосудов токсского и ивановского типа на Турганикской и Ивановской стоянках примерно пропорционально. На Ивановской стоянке воротничковых сосудов обнаружено 88, токсских – 70, на Турганикской стоянке 40 и 35 соответственно. Диспропорция в соотношении токсских и воротничковых сосудах начинает наблюдаться, если следовать вниз по течению р. Самары (см. рис. 1). Так, на Виловатовской стоянке токсских сосудов 20–25, воротничковых – 60, причем большая их часть относится к раннему съезжинскому этапу самарской культуры. На Старо-Елшанских стоянках присутствует только токская керамика без ивановской посуды. В бассейне р. Сок пропорционального соотношения между чекалинской и воротничковой керамикой не наблюдается. На стоянке Чекалино IV воротничковых сосудов обнаружено около 10, позднеэнеолитической посуды – 45, Чесноковка II – 23 и 10, Большая Раковка II – 6 и 73. Энеолитическая коллекция поселения Попово Озеро содержит только чекалинскую керамику. Общих признаков между воротничковой и чекалинской посудой не много: примесь раковины, некоторые мотивы, выполненные гребенчатым штампом, ямочная орнаментация. Таким образом, чекалинскую керамику нельзя рассматривать в качестве безворотничковой линии развития самарских древностей. Это подтверждает и хронология данных материалов: наиболее поздние даты для воротничковой керамики в бассейне р. Сок с поселения Гундоровка – 5 840±80 (Ki-14523), 5 890±80 (Ki-16283).

Чекалинская керамика легко вычленяется из энеолитических коллекций памятников р. Сок и не имеет сходства не только с во-

ротничковыми материалами, но, в отличие от токсской, с посудой турганикского типов. В то же время чекалинская керамика сопоставляется с целым рядом коллекций лесного энеолита, в т.ч. и волосовскими материалами типа Баркужерского III и Удельно-Шумецкого VI поселений Марийского Поволжья. Керамика чекалинского типа не может быть всесторонне охарактеризована исходя из параметров токсской посуды. Имеющиеся в настоящее время даты по ¹⁴C показывают, что чекалинские материалы могут иметь несколько более раннюю хронологию по отношению к токсскому типу. Видимо, линии развития этих материалов в бассейнах рек Сок и Самара протекали с определенными различиями, которые и привели к появлению специфики сокских памятников чекалинского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1981. 129 с.

Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 52–69.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Керамика третьей группы стоянки Чекалино IV и проблемы взаимодействия населения лесостепи и леса в позднем энеолите // Изв. СНЦ РАН. 2009. Т. 11; № 6. С. 285–291.

Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 58–78.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1995. 222 с.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. № 4. С. 18–27.

Овчинникова Н.В. Итоги изучения энеолитических поселений лесостепного Поволжья // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии: Спец. вып. «Изв. СНЦ РАН». 2006. С. 294–301.

Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 25 с.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ-15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

© 2014 г. Н.В. Косорукова

*Череповецкий государственный университет, Череповец
(natalikcher@mail.ru)*

Ключевые слова: мезолит, торфяниковая стоянка, каменный инвентарь, нуклеусы, скребки, пластинки, резцы, тесло.

Резюме. В статье рассматривается каменный инвентарь торфяниковой стоянки Погостище-15, расположенной в бассейне оз. Воже. В каменном инвентаре преобладают предметы нуклеидной группы. Костяной и каменный инвентарь стоянки Погостище-15 находит аналоги в материалах торфяниковой стоянки Веретье-1, но в каменном инвентаре можно увидеть и некоторые существенные отличия, связанные либо с особенностями кремневого сырья, либо с культурной принадлежностью и особенностями древних технологий.

Памятник Погостище-15 находится на севере Вологодской обл. в бассейне оз. Воже, которое соединяется р. Свидь с оз. Лаче в единую водную систему. В бассейне оз. Лаче расположены такие известные мезолитические памятники, как торфяниковая стоянка Веретье-1, могильники Попово и Песчаница, исследованные С.В. Ошибкиной (2006). Памятник Погостище-15 был открыт объединенной археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета под руководством Н.В. Косоруковой в 2010 г. Памятник находится в северном конце бывшей деревни Погостище, располагавшейся на левом берегу р. Модлоны напротив впадения в нее р. Ухтомки. Деревня занимала в основном невысокую надпойменную террасу, край которой удален от современного берега реки на расстояние 130–200 м. Высота надпойменной террасы не превышает 2 м над ур. воды в реке в наиболее сухие сезоны, склон террасы полого спускается к прилегающей болотистой низине.

Стоянка Погостище-15 находится у подошвы склона надпойменной террасы, в начале обширной низины, простирающейся до берега реки. Памятник Погостище-15 – это торфяниковая стоянка, расположенная рядом с сухоходольным памятником Погостище V,

который занимает край надпойменной террасы и представляет собой мезолитическую стоянку и средневековый могильник. Памятник Погостище V был открыт и исследовался А.Я. Брюсовым, С.В. Ошибкиной, Н.А. Макаровым (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 325–326). Следует упомянуть еще о двух торфяниковых памятниках на территории деревни Погостище. В южном конце деревни, посредине другой болотистой низины, находится стоянка Погостище-14 со слабо насыщенным культурным слоем, которая была открыта и исследовалась автором статьи в 2005, 2008–2010 гг. (Косорукова, 2012). Где-то между стоянками Погостище-14 и -15, вероятно примерно посередине, расположен памятник Погостище-1, исследованный А.Я. Брюсовым в конце 1930-х гг. (1951. С. 46–47).

В 2011–2013 гг. на стоянке Погостище-15 было заложено три раскопа общей площадью 140 кв.м (Гринин, Косорукова, 2011; Меньшиков, Обухов, Косорукова, 2012; Свиридов, Косорукова, 2013). В отличие от обычных торфяниковых стоянок, сразу под дерном здесь залегает не лишенный артефактов слой торфа, а насыщенный находками поздний деревенский слой, представляющий собой черную оторфованную гумусированную супесь, переходящую ниже в черный или коричневый

торф с большим количеством камней, остатков деревянных построек, керамики, костей домашних животных, железных предметов. Мощность деревянного слоя составляет 0,8–1,2 м. В деревянном слое найдены лапты, бронзовые нательные крестики, рыболовные грузила и другие подобные предметы; в данном слое встречаются единичные находки эпохи позднего средневековья (фрагменты гончарной керамики и железные орудия), а также изделия из кремня эпохи каменного века, вероятно, мезолита, в т.ч. нуклеусы и нуклеидные обломки, обломки кремня со следами снятий, пластинки, скребки и др. Изделия из кремня, обнаруженные в деревянном слое памятника Погостище-15 можно связать со стоянкой Погостище V (с зоной обитания населения, оставившего данную стоянку), которая, по мнению С.В. Ошибкиной (1983. С. 205), относится к позднему мезолиту.

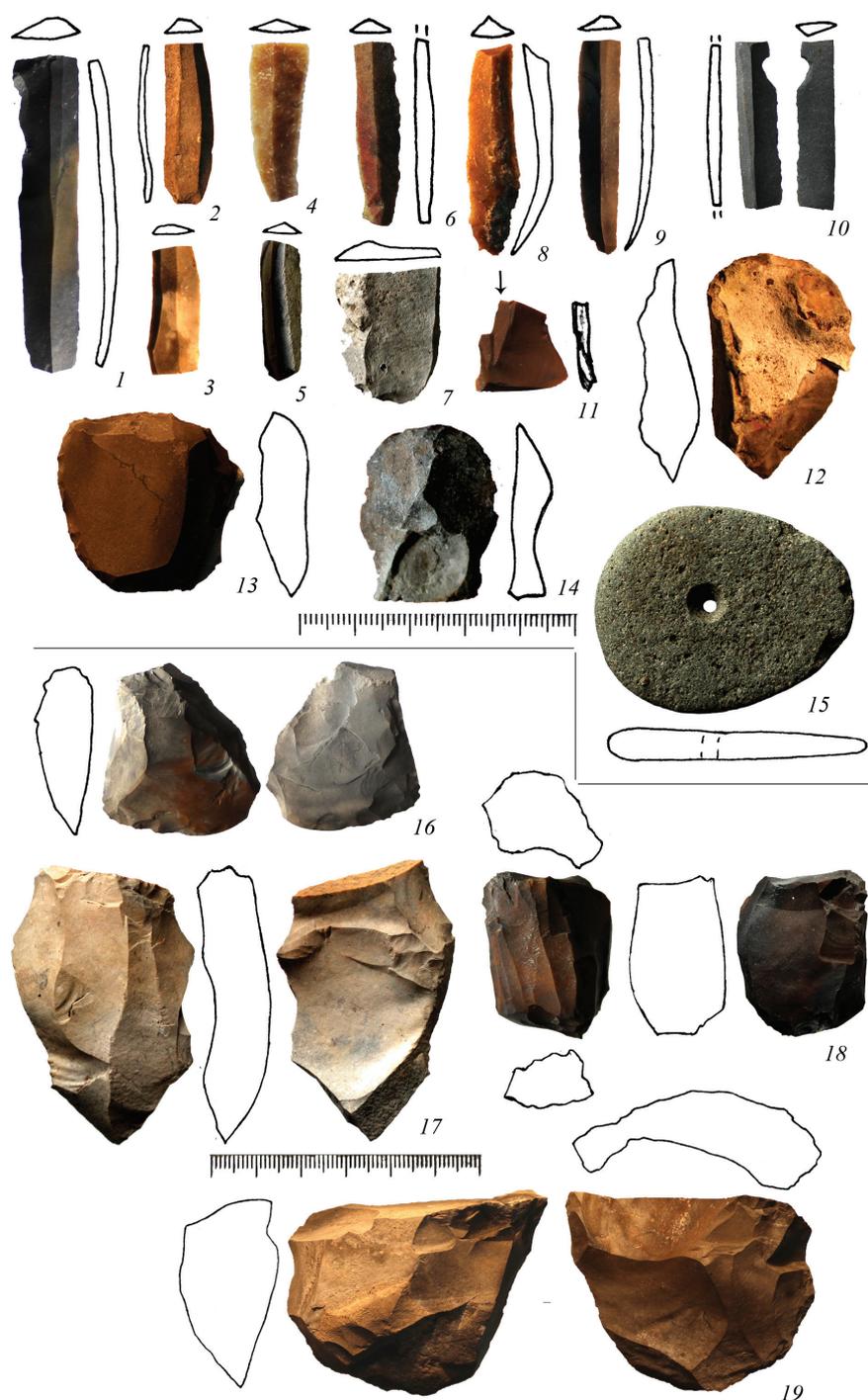
Под деревянным слоем залегают темно-коричневый торф и прослойка черного оторфованного суглинка общей мощностью 0,1–0,3 м, которые отделяют деревянный слой от ниже лежащего сапропеля, но в этих слоях также встречаются деревянные находки, что является следствием многочисленных поздних перекопов. Под черным оторфованным суглинком на глубине 1,1–1,5 м залегают темно-зеленый оторфованный сапропель, который подстилается материковым светло-серым песком с камнями. Мощность сапропеля относительно небольшая – 10–15 см. Глубина залегания сапропеля и материкового песка на исследованном участке уменьшается в сторону болотистой низины, а мощность перекрывающих слоев увеличивается, соответственно, в сторону надпойменной террасы от 1,10 до 1,35 м. Слой сапропеля содержит находки эпохи мезолита, они представлены изделиями из камня и кости, костями животных, отдельными деревянными предметами. Мезолитические находки на отдельных участках встречены также и в черном оторфованном суглинке. Для мезолитических находок из слоя сапропеля имеются три радиоуглеродные даты, полученные по деревянным обработанным предметам: 8 660±50 (ЛЕ-9718), 8 400±160 (ЛЕ-9719), 8 360±80 (ЛЕ-10541) (даты некалиброванные).

На стоянке Погостище-15 слой сапропеля оказался в значительно большей степени насыщен находками, чем на стоянке Погостище-14. Большой интерес представляют костяные изделия, среди которых преобладают наконечники стрел. Изделия из камня по количеству значительно превышают костяные изделия. Каменный инвентарь включает изделия из кремня, сланца и кварца; изделия из кремня более многочисленны. Для изготовления орудий использовался кремень, в основном, серого и черного цвета, но встречен также и цветной кремень. Преобладает обломочный кремень низкого качества, изделия из хорошего кремня немногочисленны.

Общее количество предметов из камня составляет около 1 500 экз., большинство из них приходится на отщепы, чешуйки и обломки. Орудия, нуклеусы и определяемые сколы составляют 279 экз., в т.ч. 260 предметов из кремня, 15 из сланца, 2 из кварца и 2 из камня (отбойник и ретушер). Кремневый инвентарь включает следующие категории находок:

- нуклеусы и их обломки – 45 экз.;
- нуклеидные обломки – 34 экз.;
- пренуклеусы – 7 экз.;
- обломки кремня со следами снятий – 19 экз.;
- сколы подправки площадки нуклеусов – 7 экз.;
- ребристые сколы – 2 экз.;
- пластины – 41 экз.;
- пластины с ретушью – 6 экз.;
- вкладыши из микропластин – 3 экз.;
- пластины со следами использования – 5 экз.;
- отщепы, обломки кремня с ретушью и обломки орудий – 30 экз.;
- скобели – 9 экз.;
- скребки – 43 экз.;
- скобель-скребок – 1 экз.;
- резец – 1 экз.;
- сверло – 1 экз.;
- долотовидные орудия – 2 экз.;
- заготовка орудия – 1 экз.;
- тесла – 3 экз.

Большое количество предметов нуклеидной группы (нуклеусы и их обломки, нуклеидные обломки, обломки кремня со следами снятий, пренуклеусы, технологические сколы) говорит о том, что здесь, на берегу

Каменный инвентарь стоянки Погостище-15.
 1–9 – пластинки; 10 – скобель; 11 – резец; 12–14 – скребки; 15 – шлифованная плитка с просверленным отверстием; 16 – тесло; 17–19 – нуклеусы.
 1–14, 16–19 – кремний; 15 – сланец.

древнего озера, осуществлялось раскалывание кремня. Нуклеусы, в основном, не имеют правильной формы (см. рисунок, 17–19), преобладают одноплощадочные, с негативами коротких пластин и отщепов по одной, двум или трем сторонам. Встречены также двуплощадочные и торцовые нуклеусы. Можно отметить относительную немногочисленность пластин, среди них преобладают пластины средней ширины с нерегулярной огранкой

спинки (см. рисунок, 1–9); представлены единичные микропластины.

Абсолютное большинство орудий сделано из отщепов. К числу орудий, сделанных из пластин, относится только немногочисленные пластины с частичной краевой ретушью (6), выделенные визуально пластины со следами использования (5), вкладыши из микропластин (3), один скобель на микропластине (см. рисунок, 10) и единственный в коллекции угловой по типу резец на обломке пластины

(см. *рисунок, 11*). Вкладыши из микропластин немногочисленны, но об использовании вкладышевой техники древними обитателями стоянки свидетельствует и костяное орудие (нож) с пазом; вероятно, для данной стоянки не характерно широкое использование микропластин, можно говорить, что такая техника была известна и использовалась, но не так широко, как это характерно для ряда мезолитических памятников и культур. Большинство орудий составляют скребки, а также отщепы и обломки с ретушью. Скребки сделаны из отщепов случайной формы (см. *рисунок, 12–14*), среди них преобладают однолезвийные, также есть угловые и концевые на более правильных заготовках. На отщепах или обломках сделаны 8 из 9 скобелей, комбинированное орудие (скобель-скребок), два долотовидных орудия и сверло. Три изделия отнесены к категории тесел, два из них сделаны из крупных плоских отщепов, ретушированы по краям; третье орудие сделано из отщепа или обломка меньших размеров и ретушировано почти по всей поверхности (см. *рисунок, 16*). Можно отметить, что изделия, отнесенные к категории тесел, также напоминают пренуклеусы.

В числе сланцевых изделий представлены, в основном, рубящие орудия или их заготовки (7 экз.) небольших размеров, в т.ч. топоры, тесла и их обломки. Рубящие орудия имеют подпрямоугольную или подтрапецевидную форму, обработаны сколами и шлифовкой. Два предмета из сланца представляют собой, по-видимому, грузила, 1 экз. – отщеп со шлифованного орудия, еще 4 экз. – неясные обломки. Наиболее интересна плоская шлифованная сланцевая плитка овальной формы размерами 4,6 x 3,6 см с просверленным в центре отверстием (см. *рисунок, 15*).

Инвентарь мезолитического слоя стоянки Погостище-15 в основном находит аналоги в материалах стоянки Веретье-1, особенно это относится к изделиям из кости. В каменном инвентаре также можно отметить ряд сходных черт: преобладание орудий из отщепов среди изделий из кремня, большое количество скребков, аналоги в сланцевом инвентаре. В то же время наблюдаются и отличия: так, на стоянке Веретье-1 достаточно представительны пластины с правильной огранкой и орудия из таких пластин, многочисленны резцы, в

т.ч. представлены срединные; среди нуклеусов встречаются подконусовидные и близкие к ним и карандашевидным формам. Возможно, причины этих отличий следует искать в особенностях использовавшегося древними обитателями кремневого сырья, хотя нельзя исключать и более глубокие причины, связанные с культурной принадлежностью и особенностями древних технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я. Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20. С. 7–76.

Гринин А.А., Косорукова Н.В. Исследование торфяниковой мезолитической стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже в 2011 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Вып. XIV. Сыктывкар: Геопринт, 2011. С. 138–144.

Косорукова Н.В. Торфяниковая мезолитическая стоянка Погостище-14 в бассейне озера Воже (по материалам исследований 2005, 2008, 2009 гг.) // История и археология Русского Севера. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 58–63.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 495 с.

Меньшиков Н.С., Обухов В.Ю., Косорукова Н.В. Исследование торфяниковой мезолитической стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже в 2012 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Вып. XV. Сыктывкар: Геопринт, 2012. С. 133–140.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.

Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: ИА РАН, 2006. 322 с.

Свиридов Д.В., Косорукова Н.В. Исследование торфяниковой стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже в 2013 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Вып. XVI. Сыктывкар: Геопринт, 2013. С. 111–119.

ДЕРЕВЯННЫЕ РЫБОЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

© 2014 г. В.М. Лозовский^{1,2}, О.В. Лозовская^{1,2}, А.Н. Мазуркевич³

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(zamosstje68@gmail.com; olozamosstje@gmail.com)

²Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник,
Сергиев-Посад

³Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(a-mazurkevich@mail.ru)

Ключевые слова: рыболовные сооружения, мезолит, неолит, ранняя бронза, Восточная Европа.

Резюме. В работе анализируются находки деревянных рыболовных конструкций каменного и раннего бронзового веков на территории Восточной Европы. Выделяются два типа сооружений – верши и переносные изгороди, использование которых зависело от характера близлежащего водоема (река, озеро, море).

Первое упоминание в российской археологической литературе о рыболовных сооружениях эпохи каменного века относится к 1878 г., когда И.С. Поляков (1882) на стоянке Плеханов Бор на глубине 4,5 м обнаружил остатки рыболовного сооружения в виде корзины из расщепленных лучин сосны. Почти 60 лет спустя эта находка была детально описана и проанализирована В.В. Федоровым (1937). Автор на основании многочисленных этнографических аналогий показал, что открытый И.С. Поляковым снаряд является частью легкого рыболовного сооружения в виде передвижной ловушки, которая вертикально втыкалась в дно водоема. В этнографической литературе подобные объекты известны под именем «котцы». После этих работ наступил определенный перерыв в изучении рыболовных структур эпохи каменного века до середины 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда этой проблематикой стал заниматься Г.М. Буров (1969, 1974, 1988, 2011) в связи с работами на торфяниках Вис и Мармугино. Найденные на Мармугинском торфянике обширные залегающие лучин автор интерпретировал в качестве упавших рыболовных заграждений (1988. С. 153–155). К сожалению, приводимый в ра-

ботах немногочисленный иллюстративный материал не позволяет подробно проанализировать и оценить эти находки. Интересны замечания автора, что все бесспорные находки рыболовных сооружений изготовлены из расщепленных лучин дерева (стоянки Сарнате, Абора, Шедемоссе), что свидетельствует в пользу их относительной древности (Там же. С. 157). Техника расщепления лучин автором реконструируется по этнографическим источникам (Там же. С. 158).

Увеличение во второй половине XX в. количества найденных объектов древнего рыболовного промысла было связано с интенсивными исследованиями торфяниковых стоянок каменного и раннего бронзового веков на территории бывшего СССР: в Латвии – стоянки Звидзе, Сарнате и Абора, в Литве – стоянки Швянтойи, на Севере и Северо-Западе Европейской части России – стоянки Усвяты IV, Рудня Сертейская, Вис, Мармугино, в центральных регионах России – стоянки Сахтыш-1 и Подзорово. Исследованиями последних десятилетий также были выявлены новые памятники эпохи мезолита – неолита с находками аналогичных конструкций: поселения Охта-1 в Санкт-Петербурге, стоянки Сертея I,

¹ Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-00090а, 11-06-100030к, 12-06-00013к) и Министерства науки и инноваций Испании (I+D) HAR2008-04461/HIST.

X, XIV в междуречье Днепра и Двины, стоянки Сахтыш-2а, Становое 4 (слой IIIa) и Замостье-2 – в центральном регионе России. В Финляндии была открыта стоянка Пуркаясу.

Анализ доступной информации о находках рыболовных сооружений на стоянках каменного и раннего бронзового веков позволяет выявить определенные закономерности в их конструкции и типе самих объектов. Большинство рыболовных снарядов изготавливалось из расщепленных лучин деревьев (сосна, ель, ива) – стоянки Сарнате, Звидзе, Абора-1, Швянтой-1А, -2Б, -4Б, Плеханов Бор, Охта-1, Замостье-2, Сахтыш-1, -2а, Пуркаясу, Сертея I. Размеры сечения лучин варьируют от 1,2 x 0,2 см до 4,5 x 1,8 см (Ванкина, 1970. С. 93–94; Berzins, 2008. Р. 241–246; Лозе, 1979. С. 21; 1988. С. 20–23; Rimantene, 1979; 1980. Р. 74; Римантене, 1991. С. 79; Федоров, 1937; Базарова и др., 2010. С. 166–173; Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2012. С. 263; Крайнов, 1991; Lozovski, 1996; Лозовский, 1997; Лозовский и др., 2013; Жилин, 2004. С. 54; Koivisto, 2012. Р. 32). Длина самих лучин колеблется от 0,5 до 4,0 м и более и зависит от характера конструкции. Изготовление рыболовных конструкций исключительно из прутьев деревьев (ивы) было менее распространено – стоянка Становое-4 (слой IIIa) (Жилин, 2004. С. 54). Для крепления лучин между собой использовались узкие ленты из лыка, березовой коры, стеблей тростника или камыша. Расстояние между лентами переплетения также различно – от 13–18 до 30–40 см.

Исследованные рыболовные сооружения можно разделить на два типа. Первый тип – это собственно верши конической формы (мобильные ловушки для ловли рыбы) (Звидзе, Абора-1, Швянтой-1А, Швянтой-2Б, Замостье-2, Сахтыш-1, -2а) из лучин длиной до 2,5 м (стоянка Замостье-2). К этому же типу относятся находки вершей из прутьев деревьев на стоянке Становое-4 (слой IIIa). Их использование предполагает горизонтальное залегание на дне водоема, и, как правило, они ставятся в свободные промежутки в рыболовном заколе, которым перегораживалась протока, участок реки или озера.

Второй метод устройства закола в воде представлен находками переносных загоронок в русле р. Дубны на стоянке Замостье-2.

Особенностью этого типа сооружений является их вертикальное расположение в водоеме. Судя по этнографическим данным, эти конструкции представляли собой длинные маты из расщепленных лучин дерева, переплетенных между собой. При транспортировке они сворачивались в достаточно компактный пучок. Длина использовавшихся для этого лучин зависела от глубины водоема, по археологическим данным известная длина лучин достигает 4,0–4,5 м и более (стоянки Замостье-2, Охта-1). Схема устройства самой ловушки из подобного рода матов была различной: В.В. Федоровым (1937. С. 63) приводятся многочисленные этнографические примеры. В археологическом контексте вертикальное расположение подобного рода изгороди известно только в одном случае – на стоянке Сертея I. Именно такой объект реконструирует В.В. Федоров (1937. С. 61–70), анализируя находку на Плехановской стоянке на р. Оке. Аналогичные конструкции были также найдены на стоянке Сарнате (Berzins, 2008. Р. 241–246), на стоянке Пуркаясу (Финляндия) (Koivisto, 2012. Р. 32–33), на Охтинском мысу (Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2012. С. 191–192).

Возможно, различия в типе конструкций рыболовных сооружений эпохи каменного века связаны с характером водоема, где велась рыбная ловля. Например, верши использовались скорее в условиях реки или протоки, где была возможность перегородить течение искусственным рыболовным заколом, который не позволял рыбе плыть куда-либо еще, кроме как в горловину самой ловушки. Второй тип сооружений связан с участками обширного открытого пространства зеркала воды – озеро, море, где рыбная ловушка устраивалась на каком-то ограниченном участке водоема. Аналогичные различия в типах рыболовных сооружений и их зависимость от характера водоема (река, озеро, море) была прослежена и зарубежными коллегами по материалам исследований стоянок каменного века Дании (Fisher, 1993).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базарова В.И., Бобкова А.А., Васильев С.А., Воротинская Л.С., Городилов А.Ю., Екимова А.А., Ильюхина О.М., Ластовский А.А., Мурашкин А.И., Никитин М.Ю., Соловьева Н.Ф., Суворов А.В., Хребтикова К.С., Шаровская Т.А. Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты // Бюл. ИИМК. 2010. № 1. С. 165–174.

Буров Г.М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 130–134.

Буров Г.М. Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974. С. 283–287.

Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. 1988. № 3. С. 145–160.

Буров Г.М. Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России // РА. 2011. № 2. С. 5–15.

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970. 268 с.

Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е., Кулькова М.А. К результатам комплексных исследований памятника Охта-1 в центре Санкт-Петербурга (2008–2009 гг.). Неолит – ранний металл // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 259–269.

Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Академия, 2004. 141 с.

Крайнов Д.А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, 1991. С. 129–153.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.

Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1988. 209 с.

Лозовский В.М. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье-2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края: Мат-лы к междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры», 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 1997. С. 52–65.

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Клементе-Конте И., Мазуркевич А.Н., Гассьот-Бальбе Э. Деревянные рыболовные конструкции на стоянке каменного века Замостье-2 // Замостье-2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред. В. Лозовский, О. Лозовская, И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 46–75.

Поляков И.С. Исследование по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги // Зап. РГО по Отд. этногр. 1882. Т. IX. С. 19.

Римантене Р.К. Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, 1991. С. 65–86.

Федоров В.В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // СА. 1937. Т. II. С. 61–70.

Berzins V. Sarnate: living by coastal lake during the East Baltic Neolithic. Oulu, 2008. 473 p.

Fisher A. Stenalderboplader I Smålandsfarvandet. Miljoministeriet (Stone age settlements in the Småland Bight). Skov-og Naturstyrelsen. København, 1993. 139 p.

Koivisto S. Subneolithic Fishery in the Iijoki River Estuary, Northern Ostrobothnia, Finland // J. of Wetland Archaeology. 2012. № 12. P. 22–47.

Lozovski V. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Treignes: CEDARC, 1996. 96 p.

Rimantene R. Sventoji. Narvos kulturos gyvenvietes. Vilnius, 1979. 188 p.

Rimantene R. Sventoji. Pamariu kulturos gyvenvietes. Vilnius, 1980. 86 p.

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ¹

© 2014 г. Е.Л. Лычагина

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
(LychaginaE@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, Прикамье, каменный инвентарь, комплексный анализ, камская культура, волго-камская культура.

Резюме. В статье подводятся итоги комплексного анализа каменного инвентаря шести неолитических памятников с территории Верхнего и Среднего Прикамья. Делается вывод о существовании определенных различий в выборе сырья, технологии изготовления орудий в камской и волго-камской культурах. В то же время номенклатура орудий труда и основные хозяйственные занятия населения в целом совпали. По всей видимости, необходимость адаптации к сходным природным условиям привела к нивелированию культурных различий.

Верхнее и Среднее Прикамье расположено в Среднем Предуралье в пределах Пермского края. На данной территории известны памятники двух неолитических культур – камской и волго-камской. Выделение культур базировалось в основном на различиях в керамических комплексах. Так, для камской культуры характерна керамика, орнаментированная с помощью гребенчатого штампа, а для волго-камской – с помощью накола.

В силу объективных причин (невозможности расчлнить комплексы на многослойных памятниках) каменной индустрии придавалось второстепенное значение. Целью данной работы является как можно более полная характеристика каменных индустрий на тех памятниках, где возможна точная культурная атрибуция.

Методика комплексного анализа каменных индустрий была предложена и опробована на памятниках различных регионов Г.Н. Поплевко (2007; 2008). Данная методика включает в себя типологический, технологический, трасологический и планиграфический анализы каменных индустрий.

Для проведения анализа нами использовался каменный инвентарь отдельных памятников целиком (Чашкинское Озеро IV, VIII) или,

чаще, только материалы конкретных раскопов, на которых не фиксировалось значительной примеси других культур. При этом мы не исключаем определенного смешения материала. Поэтому при характеристике индустрии того или иного памятника упор делался на основную тенденцию, а не на единичные факты.

В рамках работы по комплексному анализу каменных индустрий опорных неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья нами было проведено исследование материалов стоянок Хуторская (раскоп VI), Чернушка (раскоп II), Чашкинское Озеро IIIа, относящихся к камской культуре, и Чашкинское Озеро IV, VI (раскоп I, 2005 г.), VIII, относящихся к волго-камской культуре (Лычагина, 2008; Лычагина, Поплевко, 2011; 2012).

Технологический анализ показал наличие на неолитических памятниках Верхнего и Среднего Прикамья разнообразных приемов первичного расщепления. Первичные отщепы скалывали каменным и роговым отбойником, далее для оформления пренуклеуса применяли отжим и удар через посредник. Заготовки для орудий также получали отжимом и ударом через посредник. В то же время на памятниках волго-камской культуры для изготовле-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-11-59003а/У.

ния орудий широко использовались отщепы, снятые твердым (каменным) отбойником.

На технологических отходах зону расщепления чаще всего подправляли при помощи редуцирования карниза и уплощения площадки, хотя основную массу скалывали сразу, без подправки зоны расщепления. На ударных площадках орудий в основном фиксируются следы редуцирования карниза, а также сочетание редуцирования карниза и абразивной подправки. Таким образом, все это позволяет предположить широкое распространение в неолите Верхнего и Среднего Прикамья намеренного, контролируемого расщепления с целью получения пластин и пластинчатых отщепов для изготовления орудий. С другой стороны, нами было зафиксировано использование для изготовления орудий случайных сколов и первичных отщепов, не имевших никакой предварительной подработки. Это одинаково характерно как для памятников камской культуры, так и для памятников волго-камской культуры.

Типологический анализ показал, что для изготовления орудий, как правило, использовались отщепы средних размеров, пластины, шириной 0,8–1,5 см, первичные сколы и гальки. На памятниках камской культуры широко использовались фрагменты плиток плитчатого кремня. Для большинства памятников характерно преобладание орудий на отщепах над орудиями на пластинах. Исключение составляет только стоянка Чернушка, на которой превалировали орудия, изготовленные на пластинах. При оформлении орудий на памятниках камской культуры использовалась как краевая ретушь, так и бифасиальная обработка. В то время как для памятников волго-камской культуры характерно использование краевой ретуши. Основными категориями орудий на памятниках обеих культур были: скребки, ножи, острия, пластины и отщепы с ретушью.

Трасологический анализ показал, что ведущую роль в хозяйственной деятельности населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита играли комплексы, связанные с разделкой добычи и обработкой дерева (Лычагина, Митрошин, Шмырина, 2013). На некоторых памятниках волго-камской культуры (Чашкинское Озеро IV, VI) более 20% состав-

ляют орудия по обработке кости. Комплекс, связанный с обработкой камня, на большинстве памятников минимален либо отсутствует. Возможно, это связано со спецификой изученной части поселений (вне жилищные пространства). Исключением является стоянка Чашкинское Озеро Ша, на которой обнаружена значительная коллекция отбойников, абразивов и наковален.

Планиграфический анализ позволил выделить на некоторых памятниках (Хуторская, Чашкинское Озеро IV, Чернушка) зоны, связанные с резкой мяса, рыбы, изготовлением и ремонтом вкладышевых орудий из кости и рога, обработкой дерева. В то же время планиграфический анализ показал, что хозяйственные зоны, связанные с различной деятельностью, часто перекрывали друг друга или резко не отделялись одна от другой.

Таким образом, комплексный анализ каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья позволил выявить определенные различия в выборе сырья, технологии изготовления орудий в камской и волго-камской культурах. В то же время номенклатура орудий труда и основные хозяйственные занятия населения в целом совпали. По всей видимости, необходимость адаптации к сходным природным условиям привела к нивелированию культурных различий.

Для дальнейшей реконструкции хозяйственных занятий населения Прикамья в позднем каменном веке необходимо проведение комплексного анализа каменных индустрий других неолитических памятников региона, а также проведение палеоэкологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лычагина Е.Л. Трасологический анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VIII (по материалам раскопок 2002 г.) // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2008. С. 49–52.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Шмырина Н.С. Хозяйственные занятия населения Прикамья в эпоху неолита (на основе комплексного анализа каменной индустрии) // Переходные эпохи в археологии: Мат-лы Всерос. археол. конф. с между-

нар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 26–27.

Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 4–10.

Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря неолитической стоянки Чашкинское Озеро IV // Зап. ИИМК РАН. 2012. Вып. 7. С. 16–30.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.

Поплевко Г.Н. Комплексное исследование материалов поселения майкопской культуры Пхагугапе // Археология Кавказа и Ближнего Востока (сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева). М.: ИА РАН, 2008. С. 222–255.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ¹

© 2014 г. А.Н. Мазуркевич¹, В.М. Лозовский², О.В. Лозовская², Г.И. Зайцева², М.А. Кулькова³, Е.Л. Костылева⁴, С.Д. Решко², Н.Д. Бурова²

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(a-mazurkevich@mail.ru)

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(zamosstje68@gmail.com; olozamosstje@gmail.com; zai-ganna@mail.ru)

³Российский государственный педагогический университет им. Герцена, Санкт-Петербург
(kulkova@mail.ru)

⁴Ивановский государственный университет, Иваново
(elkos-ty-le-va@mail.ru)

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, неолит, мезолит, хронология.

Резюме. В докладе приводятся и систематизируются данные по радиоуглеродной хронологии памятников эпохи каменного века в лесной зоне Восточной Европы. Приводятся результаты датирования опорных памятников, на основе которых строятся локальные хронологические шкалы.

Одним из перспективных направлений является создание макро- и микрорегиональных хронологических шкал древностей каменного века, основанных, в том числе, и на данных радиоуглеродного датирования. С этой целью была собрана большая серия образцов для радиоуглеродного датирования для стоянок эпохи раннего неолита на обширной территории центральной, северо-западной и южной части России и восточных районов Белоруссии: стоянка Сахтыш-2а (Тейковский р-н Ивановской обл.), стоянка Замостье-2 (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.), стоянки Сертея

I, II, X, XXXIV (Велижский р-н Смоленской обл.), Дубокрай I (Невельский р-н Псковской обл.), Усвяты IV (Усвяцкий р-н Псковской обл.), Асавец-2, -3а, Кривина, Нижняя Олба, Кузмичи 1, Скорбичи (Белоруссия). Суммарно было отобрано более 110 образцов. Для радиоуглеродного анализа отбирались образцы нагара на стенках керамики, фрагменты археологической древесины, остатки костей, уголь, образцы почв, вмещающих культурные слои неолитических памятников.

В ходе многолетних исследований стоянки Замостье-2 выявлена достаточно от-

¹ Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ (№ 13-06-12057), РГНФ (№ 13-21-01003).

четливая стратиграфическая последовательность накопления культурных отложений. Вкратце стратиграфия выглядит следующим образом: 7 900–7 800 л.н. – нижний мезолитический слой, 7 400–7 200 л.н. – верхний мезолитический слой, 7 100–7 000 л.н. – слой финального мезолита, 6 900–6 200 л.н. – раннеолитический верхневолжский горизонт, 5 800–5 200 л.н. – слой среднего неолита. Эти данные подкреплены многочисленными естественно-научными исследованиями и обширной серией радиоуглеродных дат по всем хронологическим периодам. Собственно массив радиоуглеродных датировок можно разделить по виду датируемого материала – торф, дерево, кость, нагар на керамике, то, что собственно подлежало датированию – культурный слой, отдельные фрагменты керамики, объекты из дерева или части деревянных конструкций.

Датирование нагара на верхневолжской керамике. Для датирования остатков нагара на верхневолжской керамике были отобраны образцы, относимые к раннему этапу бытования культуры – фрагменты без орнамента и фрагменты с накольчатой орнаментацией. Всего было 16 радиоуглеродных дат. Полученные датировки распределились следующим образом: для керамики без орнамента – 7 537±150 (SPb-720), 7 105±150 (SPb-722), 7 030±100 (SPb-723), 6 975±100 (SPb-721), 6 720±150 (SPb-725), 6 700±120 (SPb-724), 6 697±150 (SPb-718), 6 500±150 (SPb-727), 6 485±150 (SPb-728), 6 433±150 (SPb-717), 6 385±150 (SPb-719) BP, для накольчатой керамики – 6 730±120 (Ki-15031), 6 650±45 (Ua-37097), 6 444±120 (Ki-15030), 6 407±150 (SPb-726), 6 300±130 (Ki-15032) BP. Нетрудно заметить, что большинство полученных датировок практически полностью соответствуют текущим представлениям о времени бытования раннеолитической верхневолжской культуры на памятнике. В то же время некоторые даты серьезно выпадают из предложенной хронологии и имеют резкое удревание, как, например, 7 537±150 BP (SPb-720). Причины такого удревания пока не очень понятны, хотя аналогичное явление мы наблюдаем и на стоянке Сахтыш-2а (Hartz et al., 2012). С другой стороны, хотя некоторое количе-

ство дат и концентрируется в отрезке 6 900–6 700 л.н., т.е. условно в рамках раннего этапа верхневолжской культуры, остальные даты равномерно распределены практически по всему хронологическому отрезку ее существования. Соответственно возникают вопросы о неоднородности самого комплекса условно ранней верхневолжской керамики – неорнаментированной керамики и керамики с накольчатым орнаментом, что хорошо видно по результатам датирования нагара на керамике ст. Сахтыш-2а.

Датирование объектов из дерева. Исследования стоянки Замостье-2 в 1989–2014 гг. выявили особую рыболовную зону поселения с высокой концентрацией разновременных рыболовных сооружений. Комплекс рыболовных сооружений включает три верши конической формы из расщепленных лучин сосны и ели, два переносных мата из длинных расщепленных лучин сосны и ивы, найденных в русле реки Дубны, и 230 вертикальных кольев, 150 из которых найдено также в русле р. Дубны. Проведенное радиоуглеродное датирование показало их различие в хронологической последовательности. Так, находки передвижных загоронок в русле р. Дубны датируются временем позднего мезолита – 7 198+30 (CNA-1341), 7 248+30 (CNA-1347), 7 267+31 (CNA-1348) л.н., остатки трех вершей, исследованные во время раскопок, датируются временем раннеолитической верхневолжской культуры – 6 452+43 (CNA-1081), 6 550+40 (Beta-283033) л.н. Выборочная датировка кольев как в русле р. Дубны, так и в раскопе показала четкую разбивку всей массы колов на четыре хронологических группы: первая группа колов датируется периодом позднего мезолита – 7 200 л.н., вторая группа кольев датируется концом раннеолитической верхневолжской культуры – 6 300–6 200 л.н., третья группа кольев отчетливо группируется в районе 6 тыс. л.н. – переходным периодом от раннего неолита к среднему неолиту. Последняя группа датируется периодом среднего неолита (ляяловская культура) – 5 800–5 200 л.н. Помимо этого непосредственно в русле р. Дубны под ее правым берегом было зафиксирована угловая конструкция из кольев, которые преимущественно изготовлены

из граба, и датируется также периодом среднего неолита 5 850 л.н. Интересно, что подобное хронологическое распределение объектов из дерева частично противоречит классической стратиграфической последовательности. Фиксируются объекты, которые сооружались в период бытования верхнего мезолитического слоя, слоя раннего и среднего неолита. Для периодов существования на памятнике нижнего мезолитического слоя и финального мезолитического слоя никаких конструкций прослежено не было. И наоборот, достаточно многочисленная группа колов, для которой имеются датировки около 6 тыс. л.н., т.е. переходным периодом от раннего к среднему неолиту, не имеет своего выражения в виде отдельного культурного слоя в стратиграфии стоянки Замостье-2.

Для Ловатско-Двинского междуречья были получены следующие данные для неолитического времени. Для лесной зоны основой для построения хронологии являются торфяниковые памятники, которые позволяют делать стратиграфические наблюдения над залеганием различных сосудов. Но основная часть находок происходит из памятников, расположенных на минеральных берегах. В силу специфики образования здесь культурных слоев на них вместе могут залегать артефакты, относящиеся к различным хронологическим периодам. Мы попытались установить относительную хронологию в рамках «керамических фаз» на основе стратиграфических наблюдений на нескольких торфяниковых памятниках с ранне-неолитическими слоями, руководствуясь логикой типологического развития и имеющимися радиоуглеродными датами. Также микростратиграфический и планиграфический анализы залегания находок с реконструкцией трехмерных моделей их археологизации позволяют вычленять микрогоризонты расположения различных типов сосудов, залегающих на памятниках, культурные слои которых представляют собой песчаные отложения, в которых литологические слои оказываются неразличимы.

Керамика фазы *a-1* является, по-видимому, самой древней для данного региона. Так, по нагару со стенки сосуда фазы *a-1* была получена дата 8 380±55 BP (Ua-37099). В связи с

содержанием в нагаре $^{13}\text{C}\%$ – 33,8%, можно предположить, что данная дата несколько удревнена. Этот фрагмент происходит из предматерикового слоя песка памятника Сертея XIV и соотносится со временем At-1, который имеет датировки по отложениям 7 800±120 (ЛУ-4255) – 7 580±150 (ЛУ-4254).

Датировка по нагару с сосудов фазы *a* сертейской культуры, найденных в торфяниковой части памятников Рудня Сертейская и Сертея X, позволяет датировать их в интервале 7 870±100 (Ua-37100) – 7 150±50 (Ua-37098) ($^{13}\text{C}\%$ – 31,2).

Глиняная посуда, относящаяся к фазам *b* и *b-1* сертейской культуры, получила первые датировки по кальцинированным костям, происходящим из скоплений, которые по микростратиграфическому анализу могут быть соотнесены с сосудами данных фаз, – 7 300±120 BP (SPb-749) фаза *b*, 6 640±110 (SPb-750) и 6 792±120 (SPb-748) BP фаза *b-1*.

Для керамики типологически стоящей особняком и имеющей сходство с поздними фазами линейно-ленточной керамики по нагару была получена датировка 5 885±150 (SPb-754) и 5 765±150 (SPb-753) BP.

Для среднего неолита получены датировки по памятнику Сертея I. Это специализированное место рыбной ловли, которое по радиоуглеродным датам многократно использовалось и существовало: 4 850±100 (Ле-9532) (кол), 4 650±70 (Ле-9535) (кол), 4 294±70 (SPb-746) (фрагмент сети), 3 710±100 (Ле-9534) (кол).

Для свайного поселения Усвяты IV были получены новые датировки для первого этапа 4 420±40 (ЛЕ-9247) по деревянному колу и по нагару – 4 560±100 (SPb-1200) и второго этапа строительства – 4 070±30 (ЛЕ-9246), которые уточняют предложенную хронологию строительных горизонтов данного памятника.

Радиоуглеродное датирование конструкций на поселении Сертея II позволило установить их относительную хронологию, которая нашла подтверждение в данных стратиграфии и результатах дендрохронологического анализа. Кроме этого, предполагается провести датирование различных материалов (нагар, животная кость, кости рыб) из выделенных строительных комплексов. Полученные

данные радиоуглеродного датирования позволяют установить хронологическую границу между средним и поздним неолитом, которая будет сопоставлена с результатами датирования аналогичных памятников Кривинского торфяника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Hartz S., Kostyleva E., Piezonka H., Terberger T., Tsydenova N., Zhilin M. Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: new results on early ceramics in the North Eurasian forest zone // Radiocarbon. 2012. Vol. 54–3. P. 1033–1048.

ОБЪЕМНАЯ СКУЛЬПТУРА В НЕОЛИТЕ ПРИАМУРЬЯ

© 2014 г. В.Е. Медведев

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(medvedev@archaeology.nsc.ru)*

Ключевые слова: Приамурье, неолитическое искусство, объемные скульптурные изображения, полиэйконичность, гинандроморфность.

Резюме. В докладе анализируется круглая скульптура, существовавшая 13,0–3,3 тыс. л.н. в культурах неолита Приамурья. Показано, что искусству региона свойственны полиэйконичность, гинандроморфность.

В XX в. основное место в изучении первобытного, прежде всего неолитического, искусства Приамурья отводилось петроглифам (Окладников, 1971). Хотя и тогда при раскопках было получено немалое количество образцов мелкой пластики или мобильных форм искусства.

В последние два-три десятилетия в ходе исследований стоянок, жилищ и святилищ различных культур, начиная с начальнеолитической осиповской возрастом 13–10 тыс. л.н. и заканчивая вознесенской позднего неолита (4,5–3,3 тыс. л.н.), выявлен многочисленный вещественный материал, в т.ч. произведения искусства в виде объемных или круглых скульптурных изображений. Особое место среди раскопанных автором комплексов, содержащих предметы искусства, занимает вскрытое в 1994 г. на о-ве Сучу, относящееся к позднему неолиту жилище-полуземлянка 4, часть которого составляло домашнее святилище. Зафиксированные в нем образцы художественного творчества позволили не только увидеть неизвестные до этого сюжеты, созданные первобытными ваятелями

Амура, но и с учетом их, как побудительного мотива, предложить новую трактовку ранее открытых памятников, созданных художниками древности (Медведев, 2000).

Цель доклада – рассмотрение в ретроспективе существовавших в регионе во всех культурах неолита различных, порой сюжетно-стилистически неповторимых амурских художественных произведений.

В искусстве нижнеамурского неолита отчетливо просматриваются две манеры исполнения круглой скульптуры – реалистическая и условно-символическая с демонстрацией сложных синкретических или полиэйконических, полиобразных (гибридных) художественных персонажей. В упомянутом святилище жилища 3 на Сучу наряду с реалистическими предметами зарегистрированы образцы объемной скульптуры в виде головы женщины монголоидного типа с овальным лицом, верхняя длинная часть головы показана в профиле в форме фаллоса (см. рисунок, 2); двух женских скульптурок с обломанной головой и с фаллическим туловищем (см. рисунок, 1); двух фаллических предметов

с признаками гинандроморфности (у одного каменный фаллос – мужской символ – моделирован с головкой в виде женской головы, у второго – с чертами зооморфности (см. *рисунок, 3, 5*)).

К другой художественно-мировоззренческой традиции относится залегавшая в домашнем святилище фаллическая фигурка с реалистично моделированной мордой тюлененка с одного конца и полости в форме воронки-вульвы – с другого. Три художественных сюжета (фаллос, тюлененок, вульва) свидетельствуют о полиобразности данного предмета (см. *рисунок, 4*). Из числа редчайших объемных скульптурных изображений вознесенновской культуры следует упомянуть глиняную голову тюленя со следами краской краски, найденную в святилище на поселении Гася (см. *рисунок, 6*).

Кондонская культура раннего – среднего неолита представлена глиняной мужской фигурой – головой с верхней частью торса (см. *рисунок, 9*), каменными изображениями сидящего с рыбой в лапах медведя (этот зооморфный персонаж есть также в вознесенновской культуре в плоском изображении), фаллоса (см. *рисунок, 7, 8*), а также птицы, выполненной из длинной гальки в виде двухконечного фаллоса.

В малышевской культуре, развивавшейся определенное время синхронно с кондонской, сформировался весь основной «репертуар» произведений искусства и культа нижнеамурского ареала: антропо-, зоо-, орнитоморфные, гинандроморфные и другие персонажи. Как правило, реалистично продемонстрирована большая группа фигурок медведя (или его головы), лося – все они в статичном состоянии (см. *рисунок, 13–15*). Изображения птиц показаны и статично, и в полете (см. *рисунок, 17, 18*). К зооморфным, точнее полиэikonическим, изображениям относится серия двухконечных фаллосов с головой тюленя с одного конца (см. *рисунок, 16*). К гинандроморфным принадлежат различных размеров конические предметы в форме фаллоса-вульвы (мужчины-женщины). В эту же группу мобильного искусства входят многочисленные женские скульптурные изображения с фаллической верхней частью головы (прической?) (см. *рисунок, 10–12*). На поселениях неолита нижне-

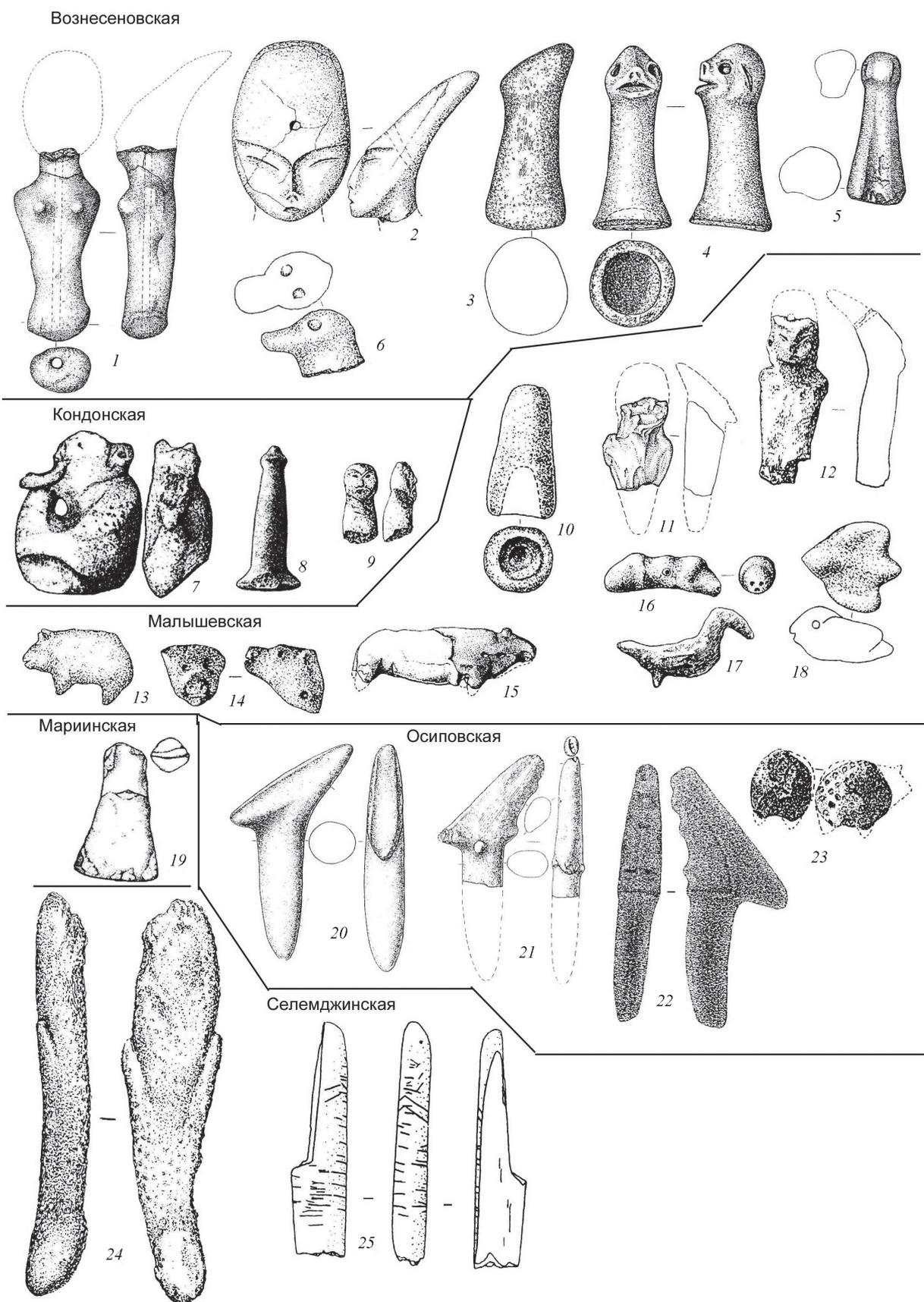
го Амура часто встречаются более простые по форме глиняные фаллические предметы различных размеров (Медведев, 2001. С. 83–84. Рис. 10, 11).

Памятники мариинской культуры раннего неолита (VIII–VII тыс. до н.э.) в последнее время известны на значительной территории Нижнеамурского региона, однако целенаправленными раскопками они охвачены были менее других рассматриваемых культур. Тем не менее культура обеспечена образцами объемной каменной скульптуры, в т.ч. антропоморфными и фаллическим (см. *рисунок, 19*) предметами.

В осиповской культуре начального неолита неожиданно были выявлены основные формы мобильного искусства, включая объемную скульптуру. Среди реалистических образцов особо следует выделить древнейшую орнаментированную фигурку медведя из терракоты (см. *рисунок, 23*).

В этот период широкое распространение получила объемная полиэikonическая, полисемантическая скульптура, прежде всего гибридная, гинандроморфная. В основе ее – фигура двухконечного фаллоса. Наиболее простой вариант представлен изогнутым двухконечным скульптурным изображением (поселение Сакачи-Алян, нижний пункт), верхняя половина которого в профиле демонстрирует наклоненную назад голову с высокой прической-фаллосом. Лицевая поверхность головы имеет мягкую выпуклость и выполнена в манере, характерной для описанных выше более поздних женских неолитических скульптурок (см. *рисунок, 20*). Длинная ось головы-фаллоса по отношению к аналогичной оси туловища-фаллоса отогнута под углом 60°. Такие же или близкие параметры наблюдаются у других гибридных скульптурок-фаллосов, включая все более поздние неолитические на Амуре.

Есть другие варианты подобных скульптурных изображений. На стоянке Гончарка-1 найдено изделие, показывающее собой женщину-фаллос-личину. Барельефно выраженная личина изображена на тыльной стороне или на «затылке» схематичной фаллической женской головы (Шевкомуд, Яншина, 2012. Рис. 52). На предмет следует смотреть с разных ракурсов, соблюдая условия полиэikonично-

Объемные скульптурные изображения неолитических культур Приамурья. 1–5, 11, 12, 14–20 – Сучу; 6, 10, 13, 23 – Гася; 7, 8, 21 – Кондон-Почта; 9 – Харпичан; 22 – Гончарка-1 (по: Шевкомуд, Яншина, 2010); 24 – Баркасная Сопка II; 25 – Баркасная Сопка III (по: Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998). Масштаб разный.

сти (см. *рисунок, 22*). На поселении Кондон-Почта из осиповского слоя было извлечено другое сложное полиэikonическое частично обломанное скульптурное изображение женщины-фаллоса-лося. С лицевой стороны и в профиль, по вертикали, эта скульптура, как и другие подобные, выглядит в виде отогнутой назад женской головы с высокой прической (?) в форме фаллоса. Детали головы не моделированы, за исключением ушей (серег?), которые обозначены на уровне подбородка с обеих сторон в виде округлых выпуклостей (см. *рисунок, 21*). В горизонтальном положении в скульптуре ясно просматриваются голова лося с вытянутой мордой и укороченной нижней губой. На уровне ушей (у женщины это подбородок) показана характерная лосиная подшейная шишка («серьга»). Нижняя половина скульптуры выполнена в форме фаллоса и обозначает одновременно туловище женщины и шею лося.

Таким образом, круглая скульптура уже в развитой форме существовала в Нижнем Приамурье в постпалеолитическое время, на заре эпохи неолита. Источники свидетельствуют о всестороннем проявлении культа плодородия в широком его понимании у носителей рассматриваемых культур региона. Искусству нижнеамурского неолита свойственна полиэikonичность и полисемантность, в группу антропоморфных изображений входят двупольные, а также антропозооморфные скульптуры.

Прототипы и даже одновременные их аналоги в древнем искусстве Дальнего Востока в настоящее время отсутствуют. Заметный интерес представляет найденное на памятнике селемджинской позднепалеолитической культуры (с которой, как считают исследователи, имеет связь осиповская культура) Баркасная Сопка II в Среднем Приамурье каменное объемное скульптурное изображение рыбы (амурский сом). Фигурка выполнена из продолговатой фигурной гальки. Более широкая часть изделия представляет собой, как уже сказано, рыбу с головой и плавниками (см. *рисунок, 24*). Другая, зауженная, половина изделия трактуется как длинная шея и голова птицы (Derevianko, Lee, 1995. P. 428). При осмотре скульптурного изображения автор этих строк пришел к выводу, что зауженный

«хвост» рыбы или «шея птицы» расширяется и превращается в овально-округлую в сечении голову змеи. Скульптурка относится к числу полисемантических изображений: рыба-змея (и, возможно, - птица).

На памятнике Баркасная Сопка III также в позднем (осиповском) культурном слое обнаружен каменный обломанный «жезл» с насечками (см. *рисунок, 25*) (Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998. С. 32–33. Рис. ХСІХ). Предмет представляет собой скульптурное, округлое в сечении фаллическое изображение, аналогичное глиняным неолитическим изделиям нижнего Амура. На «жезле» видны знаки-насечки в виде углов – женские символы.

Любопытно, что наиболее близкие аналоги женским фаллическим скульптуркам Приамурья просматриваются далеко на западе, в материалах Мезинской позднепалеолитической стоянки (Шовкопляс, 1965. Рис. 55–59).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 336 с.

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ним представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 56–68.

Медведев В.Е. Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 77–94.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка I. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 270 с.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка: К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Киев: Наук. думка, 1965. 328 с.

Derevianko A.P., Lee Heon-jong. Fish Figurine from the Barkasnaya Sopka-2 Site and Its Significance // Asea Komunkhua. Seoul, 1995. P. 425–434.

БОБОРЫКИНСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ БОРЛЫ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

© 2014 г. В.К. Мерц

*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан
(v_mertz@mail.ru)*

Ключевые слова: поселение Борлы, неолит, боборыкинская культура, миграции, производящее хозяйство.

Резюме. В статье рассматриваются новые материалы боборыкинского типа, найденные на многослойном поселении Борлы в Северо-Восточном Казахстане. В связи с расширением территории распространения памятников боборыкинского типа ставится вопрос о существовании различных вариантов этого культурного образования или общности. Сложными являются проблемы происхождения и относительной хронологии данного комплекса, его связь с производящими формами хозяйства, нетипичными для боборыкинских комплексов Среднего Зауралья и Западно-Сибирской лесостепи.

Территория распространения памятников боборыкинской культуры за последние годы продвинулась из Зауралья и Притоболья, где первоначально их локализовали (Ковалева, 1989. С. 53; Зах, 1987), далеко на юг и восток, в северную часть Тургайского прогиба (Логвин, 2003. С. 99), в лесостепное Тоболо-Ишимье (Зах, 2009. С. 145) и Барабинскую Лесостепь (Бобров, 2004). В 2008 г. боборыкинский комплекс был обнаружен на многослойном поселении Борлы, в 100 км к юго-востоку от г. Павлодара, на берегу одноименного озера (Мерц, 2011. С. 180). Таким образом, оказалось, что памятники боборыкинского типа распространены на довольно большой территории и, видимо, представляют различные варианты данной культуры или общности. В связи с этим необходимо отметить, что проблема изучения боборыкинской культуры вышла за локальные рамки зауральской и в целом российской археологии и перешла в разряд международной, в частности казахстанской. Вероятно, новые памятники этого культурного образования теперь будут открываться и на территории Казахстана.

Боборыкинский комплекс поселения Борлы представлен несколькими типами керамики, каменных и костяных орудий и массой фаунистических остатков, дополняющих ин-

формацию о культурно-хозяйственной специфике оставившего его населения. В керамическом комплексе выделяются два основных типа и несколько подтипов.

Первый тип керамики представлен тонкостенными сосудами с большим содержанием в формовочной массе мелкого песка и слюды. Он делится на два подтипа:

1. С налепным и формованным валиком; представлен небольшим круглодонным сосудом без орнамента с ровной шейкой и отогнутым венчиком, по которому с внутренней стороны сделаны косые насечки, в качестве внешнего декора на шейке сосуда имеется небольшой налепной валик, рассеченный вертикальными полосками (рис. 1, 5); крупным тонкостенным сосудом шаровидной формы без орнамента с короткой шейкой и прямым венчиком с формованным валиком на его верхней части, рассеченным редкими косыми штрихами и аналогичными элементами по верхнему срезу венчика (рис. 1, 1); сосудом средних размеров с прямыми стенками и небольшим формованным валиком, рассеченным вертикальными нарезками и косыми оттисками на поверхности венчика. Под валиком по тулову проходят тонкие горизонтальные ряды мелкой гладкой качалки (рис. 1, 6).

2. Представлен крупным тонкостенным сосудом с ровной, слегка отогнутой шейкой и мелкими перпендикулярными насечками по ровному срезу венчика, верхняя часть сосуда покрыта горизонтально-линейным орнаментом, занимающим одну треть его поверхности, средняя часть не орнаментирована, нижняя – отсутствует; аналогичным по форме сосудом меньшего размера и более массивными стенками с закругленным, слегка отогнутым венчиком, покрытым косыми насечками с наружной стороны и похожим линейным орнаментом в верхней части (рис. 1, 7); к этому типу керамики относится еще несколько фрагментов от других сосудов.

Второй тип керамики представлен фрагментами сосудов средних размеров с более толстыми стенками и плотным, но слоющимся черепком, округлым туловом и сильно отогнутым венчиком с косыми насечками по его верхней части. Один сосуд декорирован по шейке округлыми вдавлениями и геометрическим орнаментом в виде горизонтального зигзага, нанесенного жирной линией и рядами более крупных зигзагов, нанесенных тонкими линиями по верхней части тулова. По средней части сосуда проходит горизонтальный пояс, заштрихованный наклонными линиями, параллельно ему проходит зигзаг, вдоль которого нанесен ряд мелких вдавлений (рис. 1, 4). К этому типу керамики, видимо, относятся и некоторые фрагменты с сильно отогнутым венчиком, округлыми вдавлениями и рядами гладкой вертикальной качалки (рис. 1, 2); с орнаментом, нанесенным округлыми оттисками в виде горизонтальных рядов зигзагов или елочек, разделенных вертикальным рядом, глубокими округлыми вдавлениями по шейке и косыми штрихами по срезу венчика (рис. 1, 3), а также без орнамента, с глубокими редкими вдавлениями по шейке и неглубокими вдавлениями по венчику. Здесь пока не найдено плоских донцев, но памятник только начал изучаться, поэтому их обнаружение в дальнейшем не исключено.

Еще один тип керамики представлен немногочисленными толстостенными фрагментами с отступающе-прочерченным орнаментом в виде вертикальных зигзагообразных линий.

Каменная индустрия данного комплекса представлена крупными призматическими и плоскостными, двухплощадочными нуклеу-

сами бочонковидной формы для получения широких пластин и орудиями из них: вкладышами с двусторонней обработкой по краю, ножами, скреблами, концевыми скребками, скреблами и скребками из отщепов, небольшими овальными бифасами, мелкими накопечниками стрел на пластинах и отщепах с выемкой в основании, плиточными ножами и скреблами. В качестве основного сырья для индустрии использовался светло-зеленый патинированный микрокварцит. С ней, вероятно, связаны также шлифованные тесла, утюжок (рис. 2, 9), орнаментир и каменная подвеска из сланца со стилизованным изображением змеи (рис. 2, 10), абразивы из песчаника, отбойники и наковальни.

В комплексе также найдены костяные предметы, представленные рядом проникающих орудий: прокол, шильев (рис. 2, 2–6), обломками костяного стержня с насечками в нижней и средней части (рис. 2, 1), небольшой лопаточки для обработки керамики и трех вкладышевых ножей (рис. 2, 7, 8).

Фаунистические остатки, залежавшие с этим комплексом, представлены множеством костей домашней лошади и крупного рогатого скота, относящихся к «карамурзинскому» виду, отличающемуся крупными размерами и широко распространенному в неолите степной зоны Казахстана и Западной Сибири (Гайдученко, 2013. С. 262). Они отражают хозяйственный уклад оставившего его населения и позволяют говорить о производящей экономике у неолитических племен Прииртышья уже на рубеже V–IV тыс. до н.э. и пересмотреть некоторые взгляды относительно начала процесса доместики в казахстанских степях.

Вызывает интерес происхождение данного комплекса, находящегося так далеко от основного ареала боборыкинской культуры и даже самого восточного памятника Автодром-2 в Барабинской лесостепи (более 400 км). Есть ли между ними связь или они формировались обособленно друг от друга? Принимая в целом идею о миграционном происхождении боборыкинской культуры (Зах, 2009. С. 19, 25; Ковалева, Зырянова, 2010. С. 274–286), можно предположить, что отдельные группы боборыкинского населения, оставившие эти памятники, самостоятельно продвигались на данную территорию из одного ареала. Но по

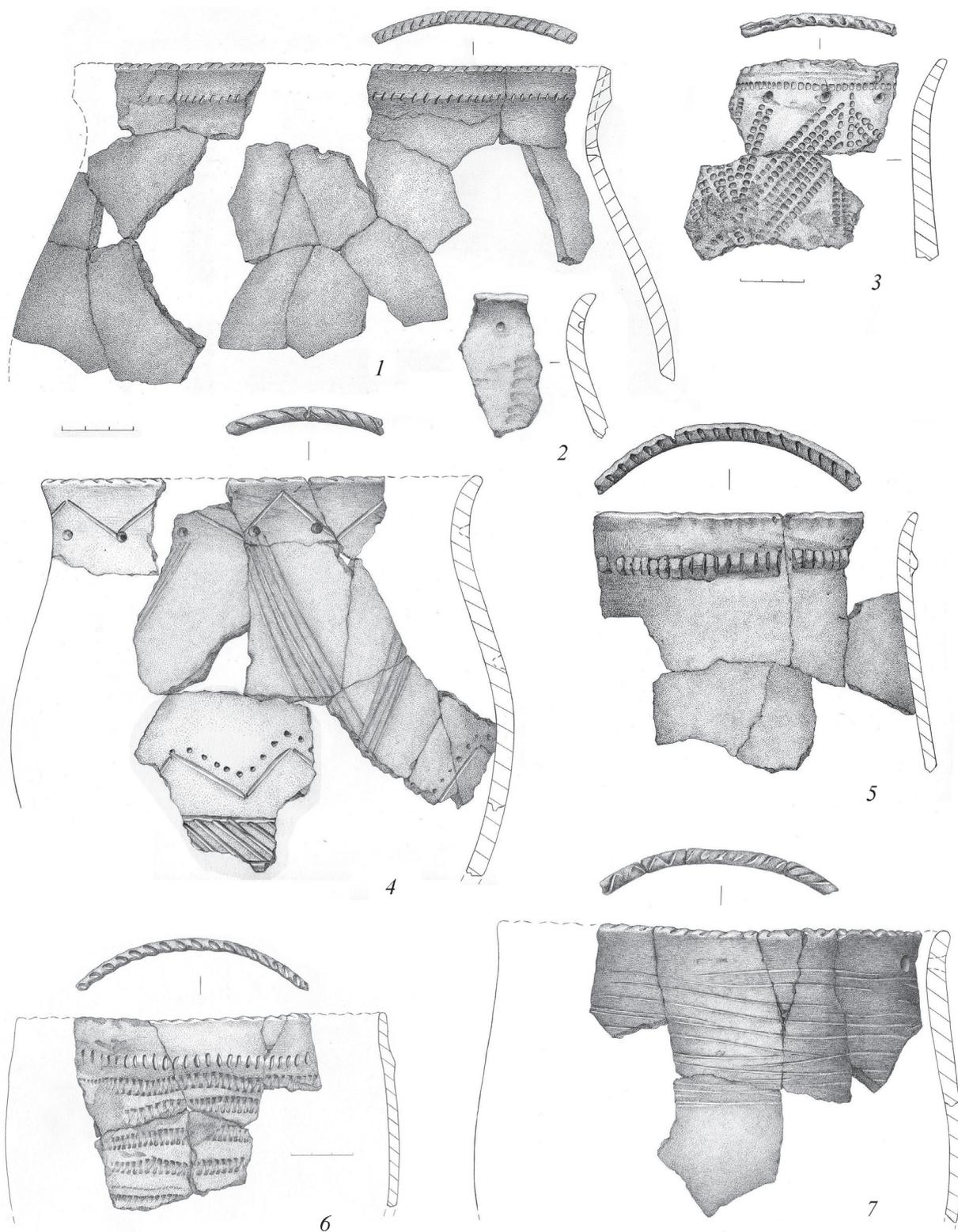
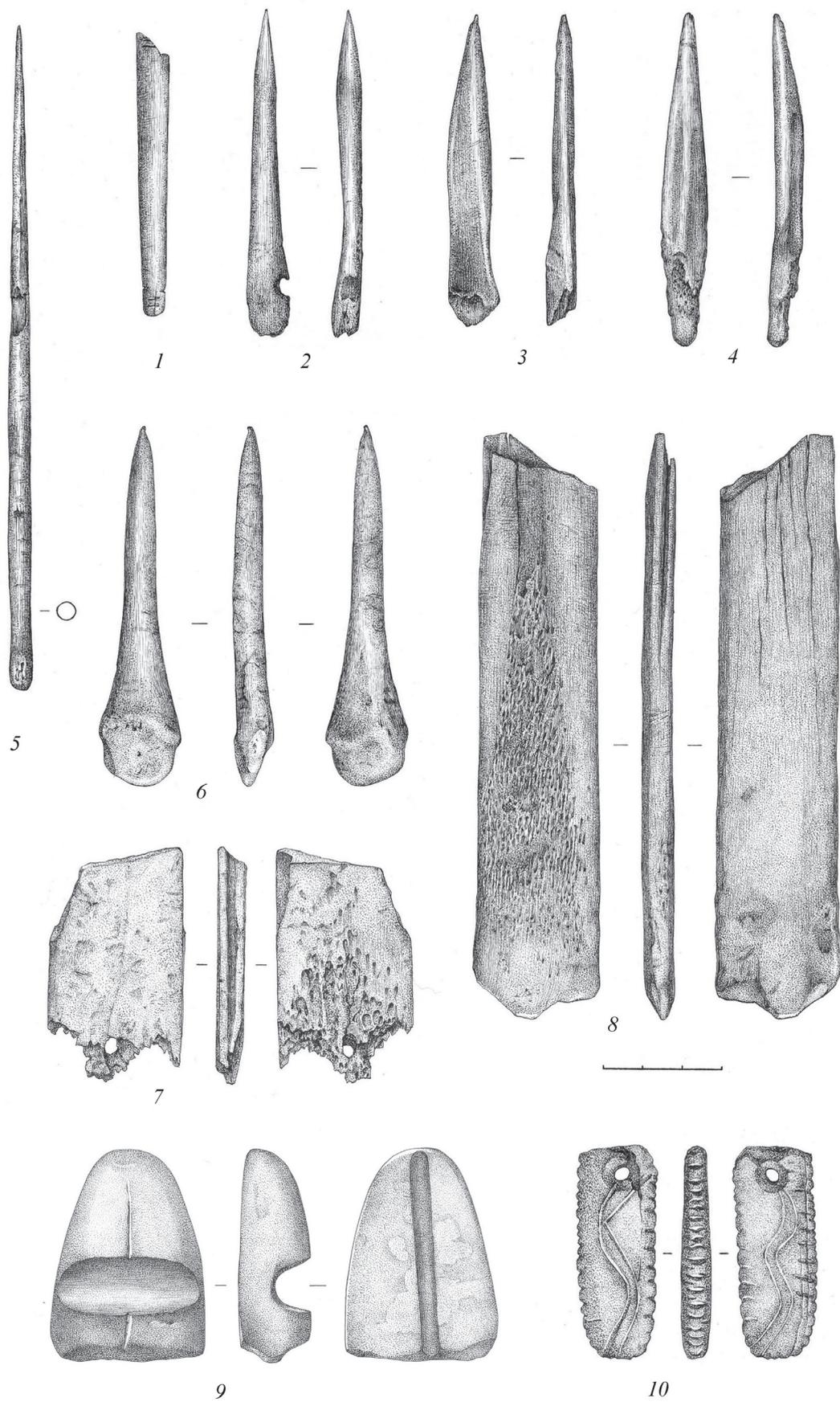

Рис. 1. Керамика боборыкинского типа с поселения Борлы.

Рис. 2. Каменные и костяные изделия из боборыкинского комплекса поселения Борлы.
1–8 – костяные орудия; 9 – утюжок; 10 – каменная подвеска.

пути следования вступали в контакты с другими этническими группами, близкими им в культурно-хозяйственном, языковом и идеологическом отношении, часть которых увлекали своим движением. Об этом могут свидетельствовать различные технологические приемы изготовления боборыкинской посуды, ее формы и орнаментальные мотивы (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 282). Однако пока не понятно, где находилась исходная точка этого движения.

Важно также, что казахстанские памятники с боборыкинской керамикой демонстрируют наличие производящей экономики (Гайдученко, Мерц, 2012. С. 28), что отличает их от зауральских и западносибирских (Зах, 2009. С. 176). Значит ли это, что казахстанские комплексы более поздние, чем зауральско-западносибирские, датируемые концом V – IV тыс. до н.э. (исключая их более древний – раннеэнеолитический возраст (Там же. С. 146, 252)) В.Н. Логвин (2003. С. 103) считает северо-тургайские памятники с кошкинско-боборыкинскими комплексами синхронными зауральским, но называет их раннеэнеолитическими, а В.Т. Ковалева полагает, что зауральские памятники – позднеэнеолитические, и поэтому они не могут быть синхронными с тургайскими (Ковалева, 1989. С. 57; Ковалева, Зырянова, 2010. С. 18). Однако хронология зауральского неолита и энеолита в целом кардинально отличается от хронологии соседних регионов Среднего Поволжья и Предуралья, где эпоха палеометалла начинается с рубежа VI–V тыс. до н.э. (Моргунова, 2011. С. 56), а в Зауралье – лишь со середины IV тыс. до н.э. (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 277). Это расхождение на полтора тысячелетия свидетельствует о каких-то существенных недоработках в периодизации и хронологии неолита и энеолита Зауралья, которые, как правило, так или иначе связаны своим происхождением с южными и юго-западными культурами и не могли иметь столь длительный хронологический разрыв. Над этим, видимо, необходимо серьезно задуматься.

Таким образом, открытие новых боборыкинских памятников в Барабинской лесостепи и Северо-Восточном Казахстане свидетельствует о гораздо более широкой территории их распространения, что приводит к массе

новых вопросов относительно их происхождения, периодизации, хронологии и роли в культурно-исторических процессах степной и лесостепной зоны Казахстана и Западной Сибири. Результаты дальнейших исследований этих памятников, видимо, будут иметь ключевое значение для их реконструкции, позволят установить особенности перехода от неолита к энеолиту на данной территории и изменить некоторые устоявшиеся положения в науке о времени сложения производящего хозяйства к востоку от Тургая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В. Материалы раскопок на поселении Автодром-2: (Предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004 г. Т. X; Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 185–188.

Гайдученко Л.Л. Древнейшие формы крупного рогатого скота Урало-Казахстанских степей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 261–268.

Гайдученко Л.Л., Мерц В.К. Osteологический комплекс поселения Борлы // Маргулановские чтения – 2012. Астана, 2012. С. 27–29.

Зах В.А. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Севера. Тобольск, 1987. С. 11–13.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010. 308 с.

Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 98–105.

Мерц В.К. Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2011. С. 178–186.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011. 220 с.

**НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ВЕНГЕРОВО-2А
В ЗАПАДНОЙ БАРАБЕ:
РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

© 2014 г. В.И. Молодин¹, Л.Н. Мыльникова¹, М.С. Нестерова¹,
А.С. Пилипенко², Р.О. Трапезов²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(molodin@archaeology.nsc.ru; L.Mylnikova@yandex.ru; msnesterova@gmail.com)*

²*Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск
(alexpil@bionet.nsc.ru; rtrapezov@yandex.ru)*

Ключевые слова: неолит, погребально-ритуальный комплекс, антропология, палеогенетика.

Резюме. В работе представлены основные результаты междисциплинарного исследования неолитического могильника Венгерovo-2А. Охарактеризованы основные черты погребального обряда, категории сопроводительного инвентаря. Подведены некоторые итоги его историко-культурной интерпретации, антропологического и палеогенетического анализа.

В конце 1990-х гг. была сформулирована модель культурного развития Западной Сибири в эпоху неолита (Молодин, 2000). Вместе с тем количество изучаемых комплексов этого периода не превышает и десятка (Бобров, Марочкин, 2012. С. 64. Табл. 1). Открытие и исследование новых высокоинформативных памятников эпохи неолита является фундаментальной задачей западносибирской археологии.

Могильник Венгерovo-2А расположен на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас. Изучено два погребально-ритуальных комплекса (ПРК) и одно грунтовое захоронение (Молодин, Мыльникова и др., 2011; 2012; 2013) (работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12022).

Изученные на памятнике погребально-ритуальные комплексы представляют собой сложные архитектурные сооружения, состоящие из центральной могильной ямы и окружающего ее рва, разделенного на сегменты. В ПРК № 2 захоронения были сооружены и во рву. Аналогичная конструкция со сходными проявлениями погребальной практики была впервые выявлена Н.В. Полосьмак на могильнике Протока в предтаежной зоне Северо-За-

падной Барабы (Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989).

Минимальное количество погребенных составляет 8 и 19 индивидов соответственно. Зафиксированы разные способы погребения и различное положение погребенных. Отмечена ярусность захоронений, северный вектор их ориентации. Погребения разновозрастные.

В верхней части заполнения могильных ям обнаружены развалы сосудов (рис. 1, 18) и фрагменты керамики, имеющие сходство с посудой барабинских неолитических могильников (Молодин, 2000, 2001), быстринского типа таежной зоны Среднего Приобья (Косинская, 2006) и комплексами могильника Татарский Увал в низовьях р. Тара (Матющенко, Полеводов, 1994).

Изделия из камня представлены следующими категориями: отщепы (рис. 2, 7, 9), пластины (рис. 2, 1, 5, 8), миниатюрные топорик-тесла (см. рис. 1, 9, 11), наконечники стрел (см. рис. 1, 8, 15, 16), скребки (см. рис. 1, 14; 2, 2–4), нуклеусы (рис. 2, 6). Под черепом одного из детских скелетов в ПРК № 2 обнаружена сланцевая пластина, орнаментированная с одной стороны насечками (см. рис. 1, 17).

Петрографическое исследование коллекции каменных артефактов свидетельствует о привозном характере сырья (сливной песчаник, кварцит). Исходным источником его является территория Казахстанского мелкосопочника и аллювиальный галечник Иртыша¹.

Изделия из кости представлены проколами, наконечниками стрел (см. рис. 1, 2, 3), острием вкладышевого кинжала. Интересен обломок наконечника с биконической головкой, имеющий аналоги в комплексах Зауралья (см. напр.: Савченко, 2007).

Представителен набор украшений и предметов пластического искусства: костяные и каменные подвески (см. рис. 1, 4, 5, 12, 13), пронизи из трубчатых костей (см. рис. 1, 6, 7), резцы бобра, раковина с отверстием (см. рис. 1, 10), бусины из раковин, костяная скульптурка уточки на плоском основании, с отверстием, костяная пластинка, орнаментированная гравировкой. Особое место занимает обломок костяного ножа (?) с навершием в виде птицы (см. рис. 1, 1). Аналогичные предметы известны в неолите Восточной Прибалтики. Традиция украшения костяных ножевидных предметов головкой птицы уходит корнями в палеолит (Auriere et al., 2013. Fig. 4, 1).

В 4 м к югу от ПРК № 2, ближе к краю террасы, выявлено грунтовое захоронение. Положение погребенного, состав сопроводительного инвентаря, расположение в непосредственной близости от неолитических комплексов позволяют отнести его к общему по времени и культуре некрополю.

По двум погребениям из ПРК № 1 были получены радиоуглеродные даты, согласно которым функционирование памятника относится к концу VI тыс. до н.э. (Молодин, Мыльникова и др., 2012. С. 121).

Антропологическое изучение погребенных ПРК № 1 позволило прийти к выводу об общем сходстве серии памятника Венгерovo-2А с другими представителями неолитического населения Барабы. Анализ одонтологических особенностей свидетельствует об их промежуточном положении между западным и восточным одонтологическим стволом. Вместе с тем промежуточность эта вызвана не процессами метисации контрастных в расовом от-

ношении групп, а сохранением особенностей древних недифференцированных комплексов (Зубова, Поздняков, Чикишева, 2013. С. 552–554).

К настоящему моменту получены предварительные данные о структуре мтДНК для нескольких индивидов. В генофонде выявлены западно-евразийские (кластеры гаплогруппы U) и восточно-евразийские (С, А10) гаплогруппы. Выявлено сходство состава гаплогрупп мтДНК погребенных из Венгерovo-2А с представителями населения Барабы эпохи неолита (Сопка-2/1) и раннего металла (усть-тартасская культура, Сопка-2/3, -3а) (Молодин, Пилипенко и др., 2013). Особенно важным является присутствие среди исследованных индивидов носителя варианта гаплогруппы А10, идентичного по структуре с линиями А10, обнаруженными у двух индивидов в погр. 655 памятника Сопка-2/3. Гаплогруппа А10, по нашим данным, автохтонно сформировалась на территории Западной Сибири, является генетическим маркером древней недифференцированной в расовом отношении группы населения региона, независимая эволюция которой стала основой формирования антропологической и генетической специфичности обитателей территории (Там же). Для эпохи неолита эта группа ассоциируется с представителями «северной евразийской антропологической формации», юго-восточной периферией ареала которой является Барабинская лесостепь.

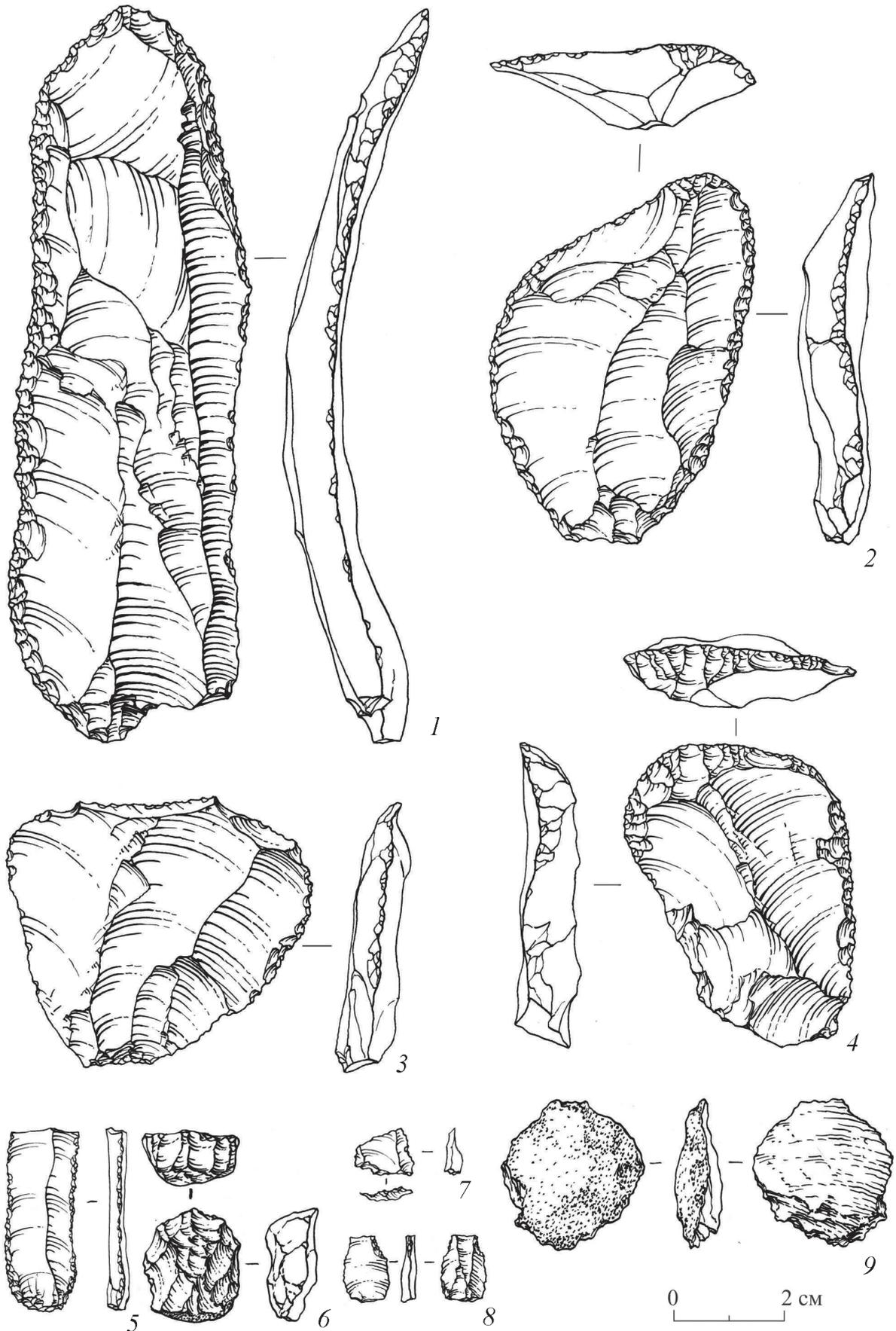
Итак, мы пришли к следующим выводам.

1. Могильники Венгерovo-2А и Протока следует отнести к периоду позднего неолита Барабинской лесостепи, к единому культурному образованию.

2. Организация сакрального пространства напоминает планировку поселения Быстрый Кульёган-66 (Косинская, 2006). Имеющееся сходство неолитической посуды из Венгерovo-2А с керамикой быстринского типа демонстрирует северный вектор связей барабинского населения.

3. Автохтонная усть-тартасская культура эпохи раннего металла связана с рассматриваемыми комплексами, что проявляется в особенностях погребальной практики, каменного и костяного инвентаря (Молодин, 2001),

¹ Определение каменного сырья выполнено канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик.

Рис. 1. Венгерово-2А. Находки из погребально-ритуального комплекса № 2 эпохи неолита.
 1 – навершие ножа (?); 2, 3, 8, 15, 16 – наконечники стрел; 4, 5, 10, 12, 13 – подвески; 6, 7 – кольца; 9,
 11 – шлифованные орудия; 14 – скребок; 17 – пластина; 18 – сосуд.
 1–7 – кость; 8, 9, 11–17 – камень; 10 – раковина; 11 – керамика.

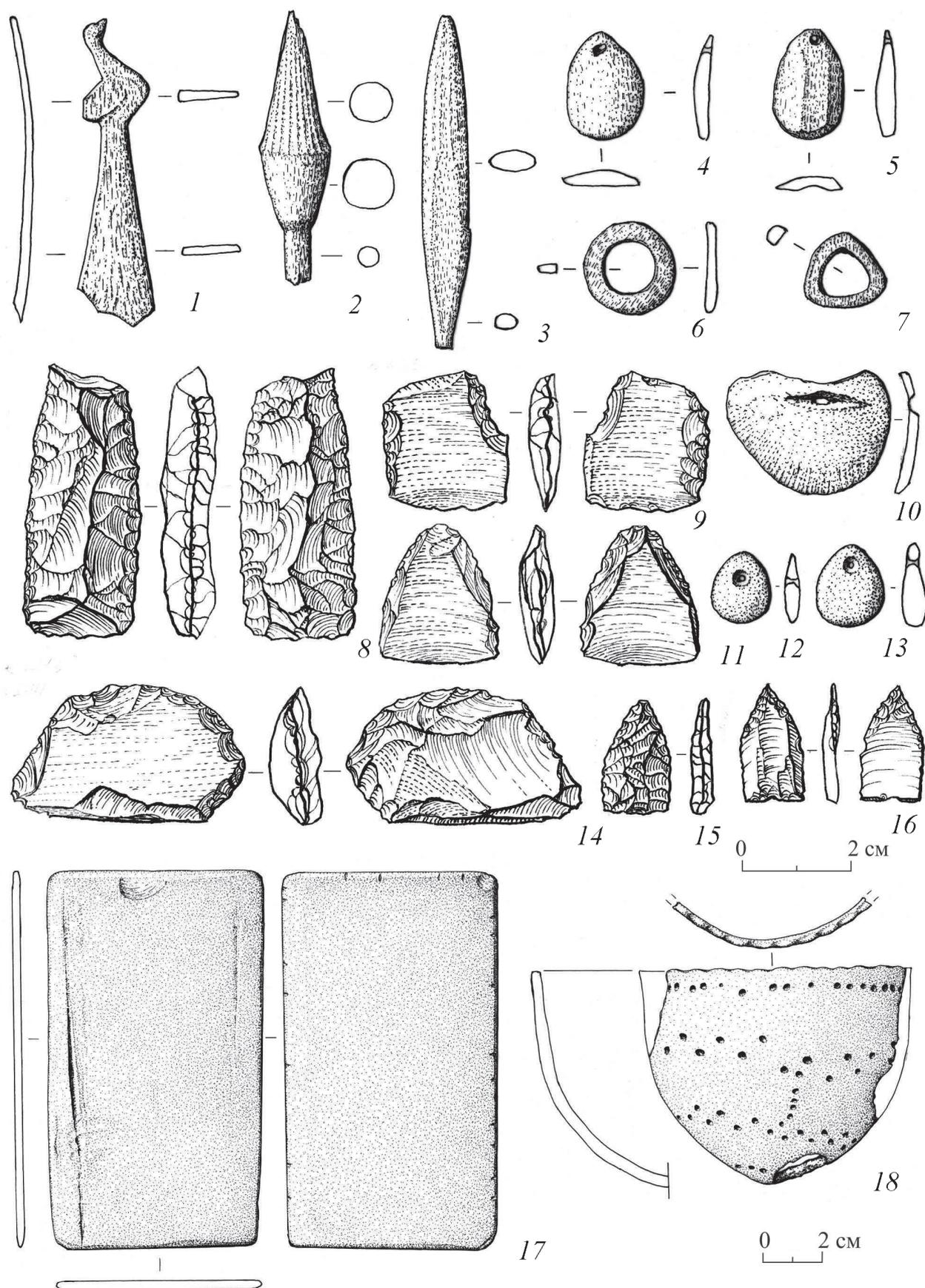

Рис. 2. Венгеро-2А. Находки из погребально-ритуального комплекса № 1 эпохи неолита.

1, 5, 8 – пластины; 2–4 – скребки; 6 – скол с нуклеуса; 7, 9 – отщепы.

1–9 – камень.

в антропологических и генетических характеристиках.

4. Исследованные комплексы в культурном, антропологическом и генетическом отношении представляют наиболее восточный – юго-восточный вариант северной неолитической провинции, охватывающей территорию таежной зоны Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 г. Вып. 4. Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. С. 63–73.

Зубова А.В., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита из памятника Венгерovo-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 551–554.

Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры / Отв. ред. В.И. Стефанов и др. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 16–40.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 223 с.

Молодин В.И. Неолитические могильники Барабы: Проблемы хронологии и культурной принадлежности // Исторический ежегодник, 1999. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 134–139.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерovo-2 и открытие неолитического могильника Венгерovo-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 199–205.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ри-

туальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 117–122.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыришина Ю.Н., Борзых К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерovo-2а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 124–129.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с. (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 46).

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с уплощенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.: Изд-во ИА РАН, 2007. С. 253–273.

Auriere L., Chauviere F.-X., Plassard F., Fritz C., Dachary M. Art mobilier inedit du gisement de Bourruoille à Arancou (Pyrenées-Atlantiques, France): données techno-stylistiques et chrono-culturelles // PALEO. Revue d'archeologie prehistotique. 2013. № 27. P. 195–217.

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЮЖНОГО ПРИМОРЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ХАСАНСКОГО ВАРИАНТА ЗАЙСАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2014 г. О.Л. Морева

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток
(morevaol@gmail.com)*

Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, зайсановская культура, керамика, Гвоздево-4.

Резюме. На основе анализа керамики поселения Гвоздево-4 рассматривается формирование хасанского локального варианта зайсановской культуры. Показано, что вариант культуры возник в результате интеграции местных и инокультурных традиций.

Поздний неолит Приморья традиционно связан с зайсановской культурой, которая долгое время рассматривалась как единая для всего региона. Между тем за годы исследований стало очевидно, что если на ранних этапах развития культуры отличий между керамическими комплексами памятников, расположенных на побережье залива Петра Великого в южной части Приморья, и памятников на Приханкайской низменности в континентальной части практически нет, то на поздних этапах проявились отчетливые различия между ними. К настоящему времени сформировались три подхода к решению проблемы культурной целостности позднего неолита в Приморском крае: 1) зайсановская культура едина на всей территории Приморья и прошла в своем развитии пять хронологических этапов, локальный фактор не оказал существенного влияния (Бродянский, 1987); 2) культура состоит из нескольких локально-хронологических вариантов (Вострецов, 2005; Морева и др., 2009; Крутых, Колмиец, 2010); 3) существует зайсановская неолитическая общность, состоящая из нескольких самостоятельных культур. За дефиницией зайсановская культура предлагается в этой связи закрепить раннезайсановские памятники как на южном побережье, так и в континентальной части и более поздние памятники Южного Приморья. Приханкайские памятники

позднего (финального) неолита предлагается объединить в самостоятельную приханкайскую культуру (Яншина, Клюев, 2005). Исследования последних лет показали, что два последних предположения выглядят наиболее предпочтительными, а разный подход к культурному соотношению локальных групп памятников обусловлен тем, что сравниваются в основном памятники с окончательно сложившимися поздними признаками. Памятники, содержащие материалы в которых бы фиксировался процесс генезиса и развития локальных групп, не попадали в зону пристального внимания археологов.

В течение нескольких полевых сезонов (2007, 2009, 2012 гг.) в Хасанском районе на юге Приморья раскапывалось поселение Гвоздево-4. Полученная в результате раскопок многочисленная керамическая коллекция позволила проследить формирование южного локального варианта зайсановской культуры, который предложено называть хасанским (Морева и др., 2009).

Вся керамика Гвоздево-4 найдена в заполнении жилищ, дата по углю – 4 060±60 л.н. Керамический комплекс Гвоздево-4 делится на две группы. Первая группа абсолютно преобладает, включает в себя кухонную, тарную и столовую посуду. Она изготовлена из глины с примесью среднезернистого песка или дресвы. Техника лепки – кольцевой ленточ-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-12027.

ный налест. Обработка стенок включает в себя тщательное выравнивание и затирку. Часть сосудов изнутри покрывалась слоем тонкодисперсной глины и ложились. Формы сосудов простейшие без структурно выделенной горловины. Венчики, как правило, прямые с округлой или плоско срезанной кромкой.

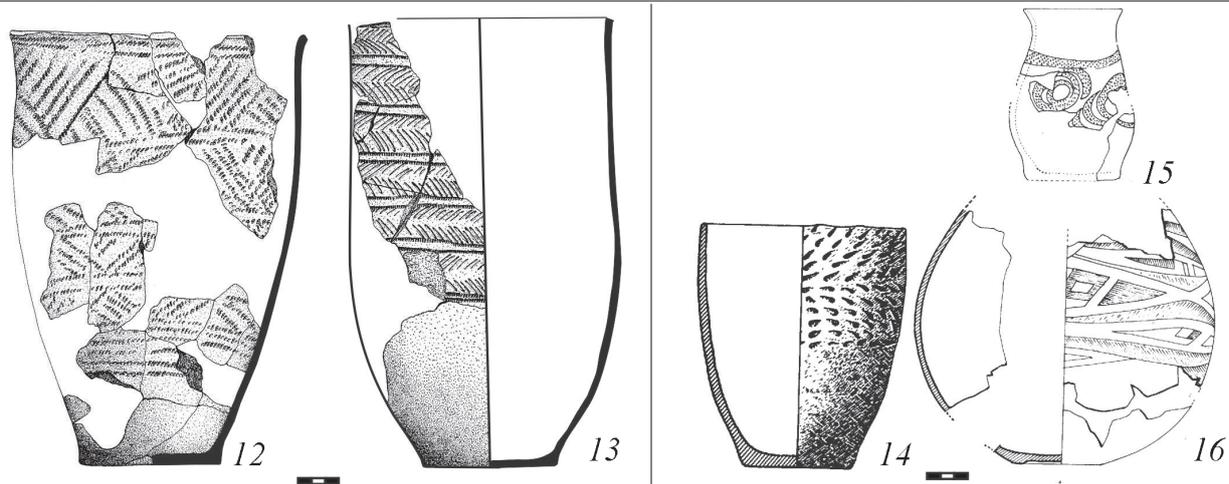
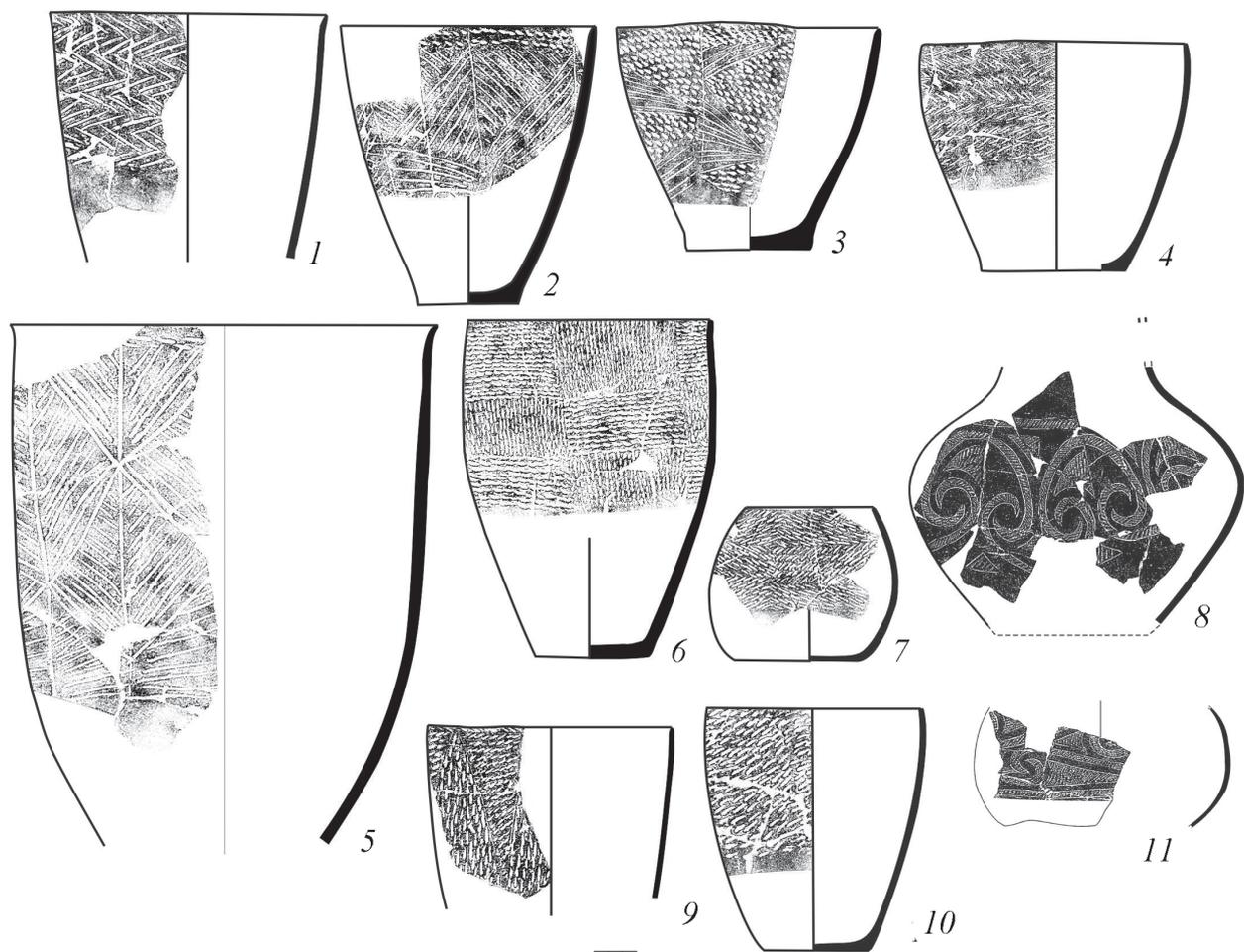
По контуру стенок посуда делится на три типа: 1) открытые усечено-конические – стенки плавно расширяются от дна к венчику (см. *рисунок, 1–4*); 2) открытые цилиндрические – стенки цилиндрические в верхней части и суженные ко дну, небольшое число этих сосудов имеют незначительно отогнутый венчик и слегка намеченную шейку (см. *рисунок, 5, 6, 9, 10*); 3) закрытые – стенки выпуклые, суженные к устью (см. *рисунок, 7*). Закрытые формы емкостей редки. Все типы открытых сосудов по отношению высоты сосуда к максимальному диаметру тулова делятся на приземистые (чаши), средней высотности и высокие. Преобладают емкости высокие и средние. Орнаментирована почти вся посуда. По технике нанесения выделяются узоры, выполненные только в одной технике наколами или прочерчиванием и узоры комбинированные нанесенные и прочерчиванием и наколами. Накольчатые оттиски имеют овальную, каплевидную, подтреугольную или узкую форму в виде пунктира. В единичных случаях использовались техника налест и штампование зубчатым инструментом. Среди орнаментов, выполненных только в наколчатой технике, наибольшее распространение получили композиции из горизонтальных рядов оттисков с наклоном в одну сторону (см. *рисунок, 10*), горизонтальных рядов оттисков, расположенных по мотиву елочки (см. *рисунок, 4*), а также из заполненных оттисками треугольников и прямоугольников (см. *рисунок, 6, 7, 9*). Полностью прочерченные композиции представлены вертикальным зигзагом и заштрихованными треугольниками, ромбами и квадратами (см. *рисунок, 1, 2, 5*). Орнамент из заштрихованных геометрических фигур строился по принципу вертикальной зональности. Орнаментальное поле делилось на полосы вертикальными линиями, каждая полоса разбивалась на треугольники или квадраты, которые затем заполнялись разнонаправленной штриховкой. Этот же прин-

цип лежит в основе нанесения комбинированных композиций с той лишь разницей, что геометрические фигуры то штриховались, то забивались наколами (см. *рисунок, 3*). Зоной орнаментации являлась верхняя часть тулова – от края венчика до придонной части. Очень часто верхняя граница орнамента выделялась особым наколчатый бордюром, реже прочерченной линией или налестным рассеченным валиком.

По сочетаемости типов орнамента и форм сосудов удалось проследить, что на средние по высоте сосуды наносились все выявленные на памятнике узоры, но предпочтение отдавалось наколчатому орнаменту. Высокие сосуды украшены преимущественно орнаментом из заштрихованных и наколотых геометрических фигур.

Вторая группа керамики состоит из сравнительно небольшого числа сосудов и определяется как парадная с криволинейным декором (Морева, 2013). Она изготовлена из формовочных масс с мелкой примесью. В отличие от массовой керамики с особой тщательностью обрабатывались ее внешние стенки, они покрывались обмазкой и ложились, часто с зеркальным эффектом, иногда окрашивались в малиновый цвет. Формы парадной посуды полностью не восстанавливаются, но очевидно, что это были хорошо профилированные с выделенной горловиной изделия. Орнамент выполнен приемами прочерчивания спиралевидного контурного рисунка с последующим заполнением тонкой штриховкой или точечными наколами изображений или их фона (см. *рисунок, 8, 11*).

При анализе орнамента обращает на себя внимание тот факт, что на массовой керамике одни и те же по содержанию мотивы нанесены двумя одинаково часто используемыми способами: наколами (46%) и прочерчиванием (55%). При этом следует иметь в виду, что прочерченный орнамент – это своеобразный индикатор эпохи позднего неолита для всей территории Приморья. Накольчатая же техника в качестве равноценного стилистического приема встречается только на побережье залива Петра Великого, причем в короткий хронологический отрезок времени на памятниках типа Гвоздево-4. Это позволяет предположить, что каждый способ нанесения

Керамика Гвоздево-4 и ее прототипы. 1–11 – Гвоздево-4; 12, 13 – Бойсмана-2; 14–16 – Синчен.

орнамента связан с самостоятельными источниками. Прочерченный орнамент, по всей видимости, имеет местные корни. Установлено, что около 5 тыс. л.н. на территории Приморья появились памятники с зайсановскими признаками, к которым относятся прочерченный вертикальный зигзаг, заштрихованные или оттиснутые веревкой треугольники и ромбы (см. *рисунок, 12, 13*) (Морева, Попов, Фукуда, 2002; Вострецов и др., 2003). Заштрихованные мотивы и вертикальный зигзаг из этих раннезайсановских памятников с большой долей вероятности и являются основой для появления аналогичных мотивов в Гвоздево-4. К этой же традиции можно отнести и вытянутые по вертикали формы гвоздевских сосудов. В этом случае вполне логичным является то, именно высокие емкости орнаментированы преимущественно заштрихованными и наколотыми треугольниками.

Источником накольчатого орнамента могут быть только памятники, расположенные к югу от Приморья на побережье Японского моря и в долине р. Туманной, на территории Северной Кореи и в Северо-Восточном Китае. Большинство из них известно по разведочным работам, поэтому проводить сравнение сложно. Широкой площадью раскопано пока только многослойное поселение Синчен в долине р. Туманной на территории Китая. Его нижний культурный горизонт с датами 4 800±140 л.н. и 4 615±150 л.н. представляет для нас особый интерес. С одной стороны он по возрасту близок раннезайсановским памятникам Приморья, с другой – в нем содержались сосуды средней высотности без горловины, с плавно расходящимися от дна стенками, орнаментированные горизонтальными рядами наколов овальной и каплевидной формы (см. *рисунок, 14*). Кроме того, там же встречены шаровидные сосуды и горшки с высоким горлом и со сложным криволинейным орнаментом, выполненным тонкой штриховкой и мелкими наколами (см. *рисунок, 15, 16*) (Xingcheng Site..., 2002). Гвоздевская массовая керамика, орнаментированная горизонтальными рядами наколов и парадная со спиралевидным орнаментом, безусловно, принадлежат той же традиции, что и материалы поселения Синчен.

Таким образом, в керамическом комплексе Гвоздево-4 присутствуют два компонента: местный раннезайсановский и инокультурный, появившийся, скорее всего, в результате миграции населения с юга. Оба компонента существуют как по отдельности, так и образуют общий комбинированный орнаментальный стиль. На территории Приморья пока не найдены памятники, представляющие культуру мигрантов в «чистом» виде. Все выявленные керамические комплексы отражают процесс интеграции двух культурных традиций, в результате которого сформировался особый облик зайсановской культуры на юге Приморья. Роль каждого из компонентов на памятниках может варьировать. Например, на поселении Клерк-5 (4 125±40 л.н.) преобладает накольчатый орнамент мигрантов (Раков, Вострецов, 2010). На более поздних памятниках Зайсановка-1 (4 010±44, 3 972±31 л.н.) (Гельман, Вострецов, 2008), Бойсмана-2 (3 710±40 л.н.) (Кузьмин и др., 1998) инокультурный компонент постепенно вытесняется, уступая все больше места собственно зайсановскому: возрастает процентное содержание прочерченного вертикального зигзага за счет уменьшения доли накольчатого орнамента, исчезают комбинированные узоры, криволинейные мотивы на парадной посуде заменяются прямолинейным меандром. Дольше всего традиции мигрантов сохраняются в морфологии в виде простейших, без выделенной горловины форм посуды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.

Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка-1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 86–93.

Гельман Е.И., Вострецов Ю.Е. Орнамент керамики поселения Зайсановка-1 // Неолит и неолитизация Бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 49–56.

Крутых Е.Б., Коломиец С.А. Финальный неолит Приморья: состояние изученности, концепции, перспективы исследований // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 79–93.

Кузьмин Я.В., Алкин С.В., Оно А., Сато Х., Сакаки Т., Матсумото Ш., Оримо К., Ито Ш. Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 1998. 127 с.

Морева О.Л. Парадная посуда из поздненеолитических памятников Южного Приморья // Вестн. ДВО РАН. 2013. № 4. С. 96–104.

Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Малков С.С. Предварительные результаты изучения неолитического памятника Гвоздево-4 в Южном Приморье // От Монголии

до Приморья и Сахалина. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 52–104.

Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М. Керамика с веревочным орнаментом в неолите Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 57–68.

Раков В.А., Вострецов Ю.У. Стратиграфия и малакофауна многослойного поселения Клерк-5 в Хасанском районе Приморского края // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 315–342.

Янишина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: выделение и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–233.

Xingcheng Site of Xelong Country: Excavation Report on the Neolithic and Bronze Site. Beijing, 2002. 177 p. (на кит. яз.).

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАКОЛЬЧАТЫХ И ГРЕБЕНЧАТЫХ ТИПОВ КЕРАМИКИ В НЕОЛИТЕ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ГУЛЮКОВСКАЯ I)

© 2014 г. В.В. Морозов

*Институт археологии АН РТ, Казань
(vikromolot@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, ранний энеолит, гребенчатая керамика, накольчатая керамика, камская культура.

Резюме. В статье рассмотрены проблемы неолита Икско-Бельского междуречья на примере нового памятника – стоянки Гулюковская I. Публикуется новый керамический материал камской культуры.

Началом интенсивного изучения позднего каменного века на территории Икско-Бельского междуречья принято считать вторую половину XX в., это связано с утверждением плана строительства Нижнекамской ГЭС в 1963 г. Организованные Институтом археологии АН СССР археологические отряды выявили на месте будущего затопления ложа

водохранилища многочисленные памятники археологии, в т.ч. и относящиеся к позднему каменному веку. Наиболее известные поселения, материалы которых до сих пор фигурируют в археологической литературе, это:

– Игимская стоянка, открытая и исследованная А.Х. Халиковым в 1958 г. (Халиков, 1969);

– поселение Татарско-Азиебейское II, открытое В.Ф. Генингом в 1958 г. и исследованное стационарными раскопками в 1970, 1972 гг. (Габяшев, 1978а);

– Русско-Азиебейская стоянка, открытая П.Н. Старостиным в 1964 г. В 1969 г. памятник был обследован М.Г. Косменко и в 1970, 1972 гг. – исследован стационарно сотрудниками Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции (Габяшев, 1978б);

– стоянка Дубовогривская II, обнаруженная в 1964 г. археологической разведкой Казанского филиала АН СССР под руководством П.Н. Старостина и исследованная археологическими раскопками в 1969 г. (Габяшев, Старостин, 1978).

Полученные в ходе работ конца 60-х – 70-х гг. XX в. данные способствовали возникновению дискуссии о соотношении накольчатых и гребенчатых комплексов керамики в системе неолита лесной зоны Прикамья, которая не утихает и поныне.

К сожалению, в силу разных причин, археологические исследования по неолиту Икско-Бельского междуречья в 90 гг. XX в. – начале XXI в. прекращаются, либо проводятся не систематически. Из-за отсутствия финансирования, ведется только наблюдение за памятниками, разрушающимися под воздействием Нижнекамского водохранилища, а также осуществляется сбор «подъемного» материала. Другой причиной отсутствия новых полевых исследований является уход из жизни выдающиеся исследователи по неолиту региона – А.Х. Халикова и Р.С. Габяшева.

Стоит подчеркнуть, что данная негативная динамика начинает меняться в лучшую сторону. В 2008 г. в свет вышла монография А.А. Выборнова, в которой автор, на основании данных радиоуглеродного датирования, построил периодизацию неолита Волго-Камья и Икско-Бельского междуречья в частности.

С 2009 г. в регионе производится систематический мониторинг и исследование ряда памятников неолита и раннего энеолита.

В ходе археологической разведки Института истории АН РТ, на острове Дубовая Грива в 2009 г., было произведено разведочное обследование стоянки Дубовогривская II, которое установило наличие здесь интенсивных

абразионных процессов, ведущих к разрушению памятника. С 2010 г. на памятнике ведутся работы под руководством А.А. Чижевского (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012), а в 2013 г. был выявлен горизонт, содержащий накольчатую керамику. Стоит отметить, что это место находится в 500–550 м на запад от раскопов П.Н. Старостина 1969 г.

В 2011 г. было выявлено разрушение культурного слоя, содержащего керамику эпохи неолита на стоянке Гулюковская I и в том же году на этом месте был заложен небольшой раскоп. Год спустя работы здесь продолжились и дали интересный и специфичный материал.

Именно материалы со стоянки Гулюковская I вводятся в научный оборот в данной работе.

Стоянка Гулюковская I расположена на берегу Нижнекамского водохранилища, бывший левый берег р. Ик. В одном километре к северо-востоку от с. Гулюково Мензелинского р-на Республики Татарстан. Она занимает мыс надлуговой террасы. В 1979 г. в ходе разведки здесь была собрана неолитическая керамика и керамика эпохи бронзы (Археологические памятники..., 1989. С. 37). С восточной стороны стоянку пререзает могильник позднесарматского и раннемусульманского времени.

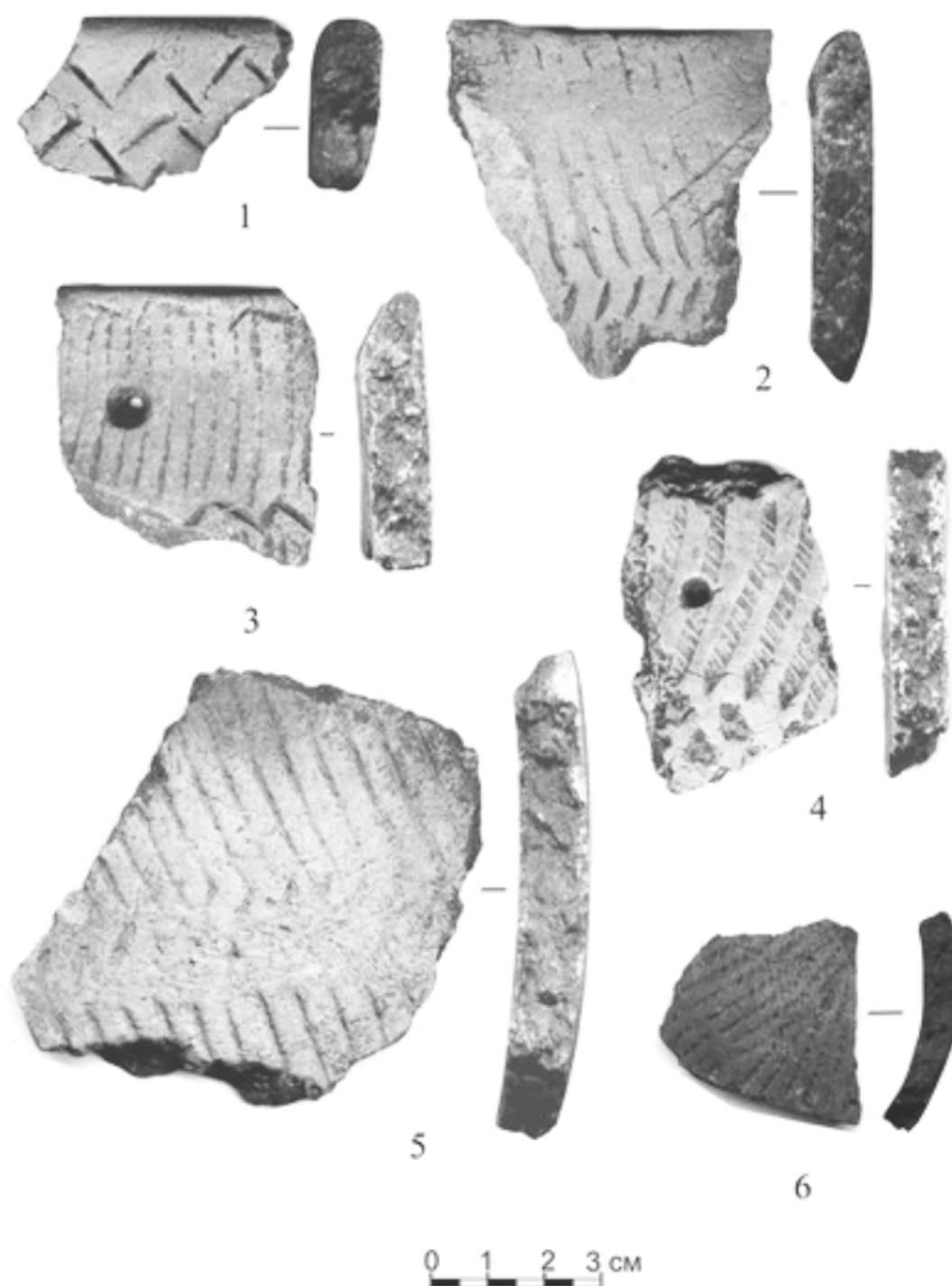
Из двух раскопов учтено 412 фрагментов керамики¹, из которых достоверно неолитическими оказались 312 черепков.

Керамический материал памятника, можно разделить на три типа:

- гребенчатая керамика;
- накольчатая тонкостенная керамика;
- керамика без орнамента.

Гребенчатая керамика, в подавляющем большинстве отнесенная к камской неолитической культуре, является самым массовым типом керамики на стоянке Гулюковская I (208 фрагментов керамики). Характеристика данной посуды такова: керамика представлена сосудами полуяйцевидной формы, края загнуты вовнутрь (имеют закрытую форму), срезы венчиков округлые, плоские и кососре-

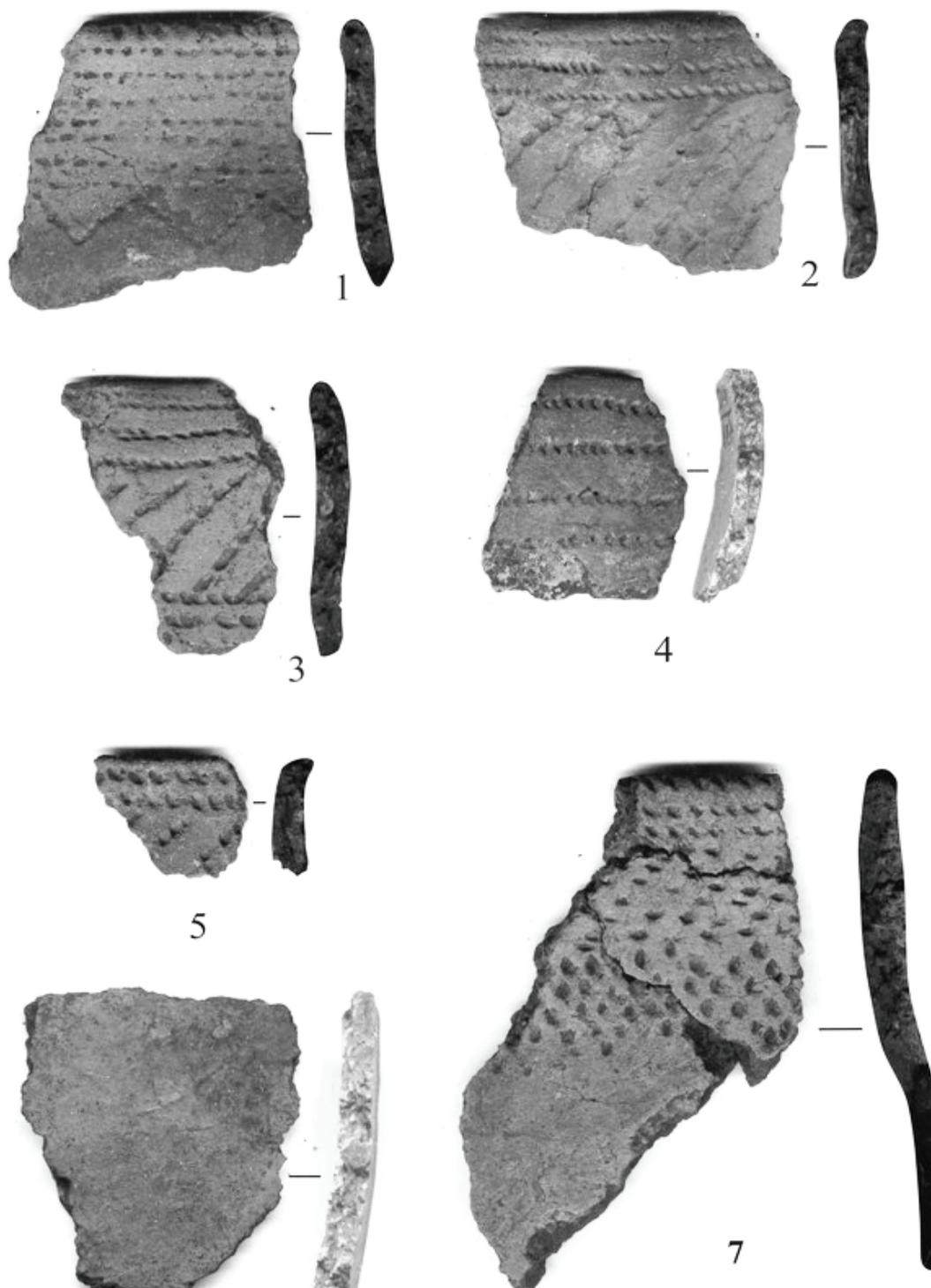
¹ В данную статистику не включены несколько сотен сильно фрагментированных кусков керамики, которые затрудняли бы сравнительно-сопоставительную работу.

Рис. 1. Гребенчатая керамика со стоянки Гулюковская I (по: Лыганов, 2013. Рис. 99–101).

занные вовнутрь, некоторые имеют наплыв с внутренней стороны. Иногда встречаются пояски из ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика и иногда, ямки на тулове сосуда. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда и, как правило, состоит из несложных мотивов чередования длинных наклонных оттисков, с короткими зубчатыми отпечатками. Другими мотивами украшения

посуды, являются косая решетка и горизонтальный зигзаг из короткого гребенчатого штампа (до пяти зубцов). Поверхность сосудов хорошо заглажена с обеих сторон, в глиняном тесте присутствует шамот и песок. Данная керамика находит аналоги на стоянке Лебединская II на Нижней Каме и Хуторской стоянке на Верхней Каме (Халиков, 1969. С. 63. Рис. 16; Габяшев, 2003. С. 112–113).

Рис. 2. Накольчатая керамика со стоянки Гулюковская I (по: Лыганов, 2013. Рис. 99–101).

Представляет интерес фрагмент, где на всей поверхности сосуда, имеются горизонтальные ряды ногтевых вдавлений. По ряду характерных признаков, таких как округлый венчик, наплыв на внутренней стороне и т.д. удалось установить, что данный фрагмент относится к камской культуре.

Еще одна группа гребенчатой керамики на памятнике, для которой характерны пря-

мошенные сосуды, отсутствие наплывов на внутренней стороне венчиков, преобладание крупнозубчатого штампа, наличие вертикальной зональности, а также пояса из ямочных вдавлений, относится к заключительной стадии камской культуры – левшинскому этапу (Выборнов, 2008. С. 174).

Третья группа гребенчатой керамики на стоянке Гулюковская I по составу, толщине

стенок и другим признакам на первый взгляд не отличается от неолитической камской, но нанесение орнамента на ней выполнено в несколько иной манере. Прежде всего, обращает внимание сильная разреженность зон орнамента. Узор выполнен мелкозубчатым, коротким гребенчатым, либо гладким штампом. В примеси теста – шамот.

Прямые аналоги данной посуде происходят со стоянки Русско-Азиевская III и поселения Татарско-Азиевское II (Габяшев, 1978а. С. 57. Рис. 10; 1981. С. 15. Рис. 3. С. 16. Рис. 4). Данная посуда сопоставлялась Р.С. Габяшевым (1981. С. 17) с флажковыми комплексами Средней Камы и датировалась наиболее ранними этапами эпохи энеолита. В настоящее время подобную керамику относят к новоильинской раннеэнеолитической культуре, допуская, что она бытовала и в позднем неолите (Лычагина, 2011. С. 18).

Накольчатая тонкостенная керамика представлена 104 фрагментами. Вся накольчатая керамика имеет растительную примесь в тесте, следует обратить внимания на очень тонкие стенки, толщина которых варьирует от 0,4–0,6 см. Сосуды имеют либо баночную форму, либо с прямыми и раздутыми к тулову стенками. Венчики округлые, скошенные вовнутрь или отогнутые наружу. Днища плоские. Орнамент, как правило, наносился на верхнюю часть сосуда, под срезом венчика и на придонную часть, вместе с днищем. В то же время, имеется одно плоское днище без орнамента. Наколы наносились овальной и треугольной палочкой, часто на фрагментах присутствуют оба типа накола. Характерны горизонтальные ряды отступающей треугольной палочки, образующие «ложный шнур», которые переходят в наклонные ряды овальной палочки, наносящийся в отступающей манере. Другой способ нанесения наколов, представлен одиночными, овальными наколами, расположенными в шахматном порядке на тулове сосуда. Характерной чертой накольчатой керамики стоянки Гулюковская I являются насечки на срезе венчика.

Если распределить всю керамику из раскопа по штыкам, то окажется что накольчатая керамика залегает совместно с гребенчатой, примерно в равных пропорциях. В слое, подстилающем материковый, она преобладает

над гребенчатой. Необходимо отметить, что в предматериковом слое накольчатая керамика фиксировалась в виде скоплений и развалов.

Накольчатая керамика Гулюковской стоянки идентична посуде с поселения Татарско-Азиевское II (Габяшев, 1978а), а также имеет очень близкие аналоги с накольчатой керамикой стоянки Дубовогривская II (Он же, 2003. С. 178. Рис. 36), однако она несколько отличается от накольчатой керамики стоянки Русско-Азиевская III (Он же, 1981. С. 16. Рис. 4).

Следует отметить что, накольчатая керамика так называемого татарско-азиевского типа, многими исследователями относится уже к эпохе энеолита. Р.С. Габяшев (1978а. С. 66) пришел к такому выводу, после того как обнаружил на поселении Татарско-Азиевское II остатки кострища с тиглем и шлаком, рядом с которыми были выявлены фрагменты накольчатой керамики. Его выводы подтвердились данными радиоуглеродного анализа – 4 790±80 до н.э. (некалиброванная дата) и 3 660–3 510, 3 710–3 360 до н.э. по калиброванным значениям (Выборнов, 2008. С. 243).

Неорнаментированная керамика стоянки Гулюковская I по цвету, фактуре, примеси в тесте и т.д. идентична накольчатой керамике на памятнике. Поэтому следует сделать вывод, что неорнаментированные фрагменты, которые на 100% происходят от стенок сосудов, являются теми фрагментами накольчатой посуды, на которых были зоны, свободные от орнамента.

Анализ керамики стоянки Гулюковская I позволяет сделать ряд предварительных выводов.

1. Накольчатая тонкостенная керамика не может быть моложе керамики камской культуры (развитой и финальной поры), которая стратиграфически залегала выше.

2. Судя по данным сопредельных территорий (Русская равнина, Среднее Поволжье), накольчатая и гребенчатая керамика, составляют там в культурном плане единое целое. Так, средневожская культура характеризуется как накольчатыми, так и гребенчатыми типами керамики, в то время как верхневожская на раннем этапе была тычково-накольчатой, а в последующем у ее носителей преобладала

гребенчатая посуда (Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998).

3. Необходимо отметить, что ранее в Прикамье оба типа керамики А.Х. Халиков (1969) также объединял в одну культуру.

4. Подтверждает это предположение отсутствие в Нижнем Прикамье поселений с чистыми комплексами, содержащими лишь накольчатую керамику. Как правило, данный тип керамики залегает совместно с гребенчатой, а иногда образует гибридные комплексы (Дубовая грива II и др.).

5. На основании приведенных выше фактов возможно ли прийти к заключению о том, что накольчатая керамика является составной частью камской культуры, но не только на раннем этапе, как полагал А.Х. Халиков, а на протяжении всего времени ее существования вплоть до эры ранних металлов?

6. Не стоит исключать, что на Гулюковской стоянке имеет место так называемая обратная стратиграфия, когда в результате размещения в советское время на памятнике скотного двора произошло искусственное смешение слоев. Тогда не вполне необъяснимо наличие целых развалов и скоплений накольчатой керамики в предматериковом слое.

Ответы на эти вопросы дадут дальнейшие исследования данного археологического памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические памятники Восточного Закамья. Казань: Казан. филиал АН СССР, 1989. 99 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во СамГПУ, 2008. 490 с.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиевское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978а. С. 40–67. (Отчеты нижекам-

ской археологической экспедиции ИА АН СССР; Вып. 2: Работы татарского отряда).

Габяшев Р.С. Русско-Азиевская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978б. С. 22–40. (Отчеты нижекамской археологической экспедиции ИА АН СССР; Вып. 2: Работы татарского отряда).

Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азиевской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: Казан. филиал АН СССР, 1981. С. 11–25.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до н.э. Казань: ФЭН, 2003. 222 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 109–121. (Отчеты нижекамской археологической экспедиции ИА АН СССР; Вып. 2: Работы татарского отряда).

Лыганов А.В. Отчет об археологических разведках в Алексеевском, Спасском, Мензелинском и Рыбно-Слободском районах Республики Татарстан в 2012 г. Казань, 2013. 123 с. // Архив ИА АН РТ.

Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестн. Перм. унта. Сер.: История. 2011. Вып. 1. С. 17–21.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 94–116.

Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской раннеэнеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья // РА. 1998. Вып. 2. С. 11–21.

НЕОЛИТ ЗАУРАЛЬЯ: ХРОНОЛОГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО¹

© 2014 г. В.С. Мосин

*Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск
(mvs54@mail.ru)*

Ключевые слова: неолит, Зауралье, хронология, керамические традиции, социум.

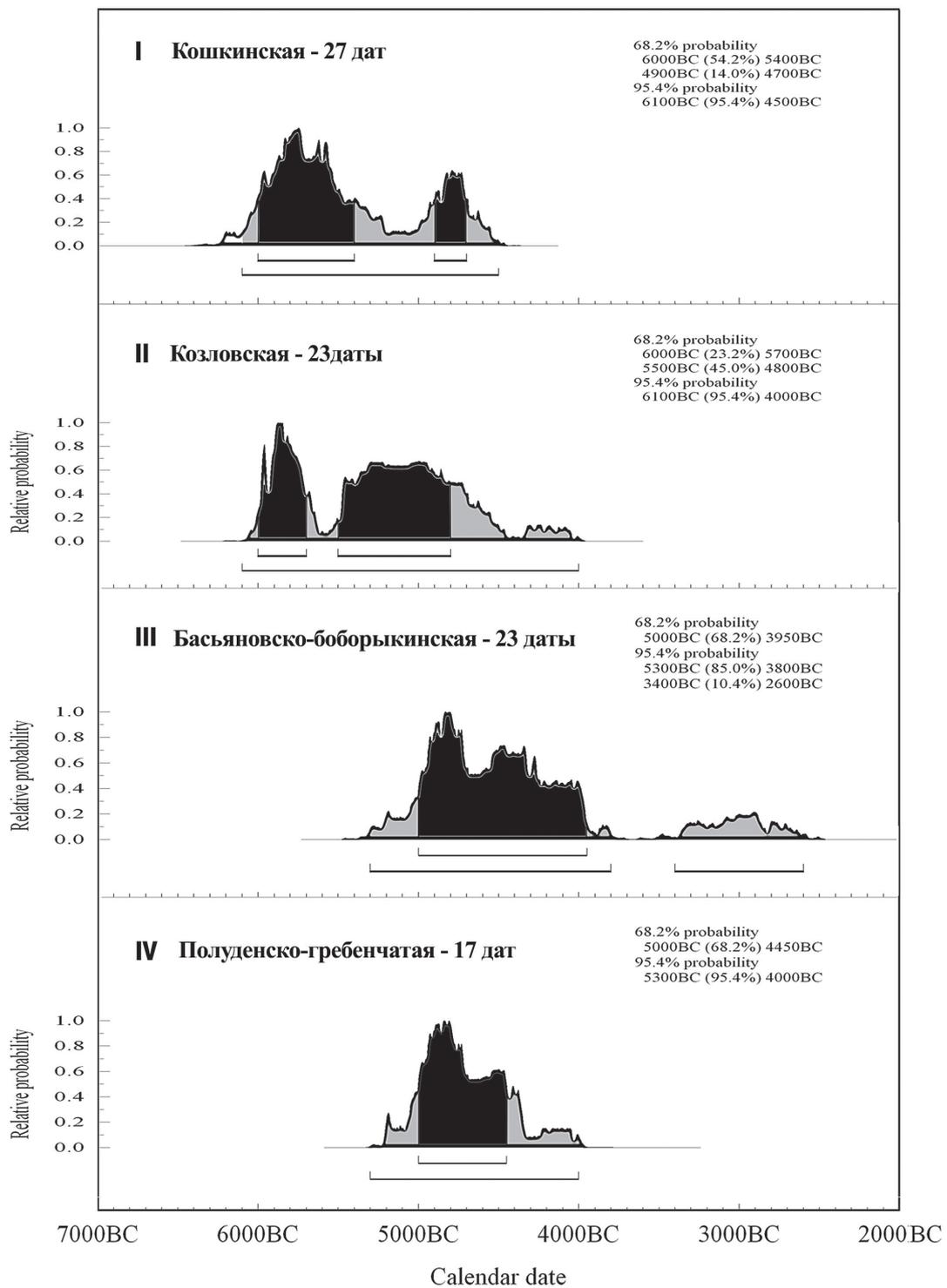
Резюме. Неолитический период в Зауралье по современным данным радиоуглеродной хронологии продолжался с конца VII по V тыс. до н.э. и представлен несколькими традициями. На раннем этапе это кошкинская, козловская традиции, на позднем – полуденско-гребенчатая и басьяновско-боборькинская. Сочетание этих оригинальных традиций определяет идентичность зауральских неолитических социумов. Зауральские общины с единой системой жизнеобеспечения и тесными социальными связями на протяжении неолита осваивали предгорные и лесостепные ландшафты, создавая свое социокультурное пространство.

Изучение хронологии уральского неолита было начато А.В. Шмидтом (1940. С. 23–26), который провел цепочку аналогий медного ножа с Левшинской стоянки до ассирийского погребения в г. Ашур и получил «абсолютную» дату стоянки – 2000 г. до н.э. Последующие датировки неолитических памятников Урала, сначала серединой III тыс. до н.э., а затем концом IV – III тыс. до н.э., в той или иной степени опирались на эту дату и на исследования А.Я. Брюсовым Горбуновского торфяника, а также на представления В.Н. Чернецова и О.Н. Бадера о существовании неолитических стоянок на Урале в конце IV – III тыс. до н.э. В 1950-х гг. для опорных в то время неолитических памятников Зауралья – стоянки Стрелка и «6-го разреза» на Горбуновском торфянике были получены первые даты – $4\ 800 \pm 200$ и $4\ 360 \pm 200$ л.н., которые были использованы В.Н. Чернецовым и О.Н. Бадером при создании трехчленной периодизации неолита Зауралья, в дальнейшем, поддержанной В.Ф. Старковым (Виноградов и др., 1956. С. 3–9; Чернецов, 1968. С. 41–53; Бадер, 1970. С. 157–171; Старков, 1980). В 1980–1990-х гг. стали появляться новые радиоуглеродные даты для отдельных памятников Зауралья и Западной Сибири, на основании которых ранний неолит был отнесен к

V тыс. до н.э., а поздний – к IV тыс. до н.э. и создана периодизация с двумя этапами и двумя линиями развития (Ковалева, 1989). И только с 2007 г. начинается массовое датирование по органическим включениям в неолитических фрагментах керамики (Н.Н. Ковалюх, М.А. Кулькова).

В настоящее время неолитический период в Зауралье может быть разделен на два этапа: ранний – конец VII–VI тыс. до н.э. и поздний – V тыс. до н.э. (рис. 1) (Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014. С. 33–48). Ранний неолит Зауралья (6 000–4 700 гг. до н.э. (Cal BC)) представлен кошкинской и козловской традициями. Посуда обеих традиций имеют общую технологическую основу – использование илестых глин с органическим раствором. Некоторые различия в использовании талькосодержащего сырья в кошкинской и козловской (кокшаровско-юринской) посуде (Васильева, 2011. С. 103–124) объясняются тем, что обе традиции формировались как в предгорных районах Зауралья, где распространены тальковые глины, так и в лесостепной части Притоболья, где тальковые породы (хлориты) полностью отсутствуют. Оба типа посуды имеют много общих черт: орнамент нанесен одними техническими приемами – гладким протерчиванием, отступающими наколами

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00041.

Рис. 1. Радиоуглеродная хронология неолита Зауралья.
Графики сумм вероятностей основных традиций.

--- условная граница

■ территория сосуществования с другими традициями

Камская
Елианская и т.д. неолитические традиции

Рис. 2. Зауральское социокультурное пространство в неолите.

без отрыва орнамента от поверхности, отдельными наколами. Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. Принципиально важно то, что оба типа посуды залегают совместно в культурных слоях памятников (Варга-2, Кокшаровский холм).

Каменный инвентарь стоянок раннего неолита очень близок предшествующим мезолитическим комплексам, что дает основания считать, что мезолитический и неолитический

комплексы Зауралья генетически связаны. При использовании тех же типов нуклеусов немного сокращается микропластинчатость. Основной набор пластинчатых орудий: пластинки с ретушью, угловые резцы, концевые скребки, острия с крутой ретушью, отдельные геометрические микролиты и скошенные острия сохраняется с небольшими изменениями. Появляются отдельные пластинчатые и двусторонне обработанные наконечники стрел, шлифованные орудия, больше становится скребков на отщепах.

Таким образом, можно определенно констатировать, что население с кошкинской и козловской традициями применяет одну технологию изготовления керамической посуды и близкие системы орнаментации, имеет одну технологическую основу в изготовлении орудий из камня, в один временной промежуток занимает одну и ту же территорию для проживания и, более того, сосуществует в рамках одного поселения. Из приведенных фактов вытекает вполне закономерный вывод – население раннего неолита Зауралья принадлежит одному социуму, включающему в себя несколько традиций изготовления керамической посуды.

Поздний неолит Зауралья (5 000–3 950 гг. до н.э. (Cal BC)) представлен полуденско-гребенчатой и басьяновско-боборыкинской традициями, население которых отчасти наследует предшествующие декоративные традиции и сосуществует на этой же территории. Как и в раннем неолите, посуда различных гончарных традиций встречается в совместном залегании на одних и тех же поселениях (Краснокаменка, Ук VI и др.). Технологический анализ показал, что навыки составления формовочных масс полуденских гончаров, с одной стороны, наследуют козловским традициям, с другой – «аналогичны басьяновским, ...сам факт появления новой традиции подготовки формовочных масс ... может указывать на вероятность периода их сосуществования и взаимодействия» (Васильева, 2011. С. 122–123).

Каменный инвентарь позднего неолита показывает черты финального этапа использования пластинчатой технологии простого отжима. Это выражается в наличии большого количества орудий, изготовленных из целой пластины. Преимущественно вкладышевая техника используется лишь в охотничьем вооружении. В позднем неолите получают распространение двусторонне обработанные орудия, входят в употребление изделия из некачественных пород камня – орудия и грузила на плитках сланца, абразивы из песчаника, различные изделия из талька. Можно констатировать сосуществование басьяновско-боборыкинских и полуденско-гребенчатых комплексов в Зауралье до начала энеолита как двух традиций, принадлежавших разным дес-

центным группам в рамках одних социумов, что подтверждается технологическими и археологическими фактами.

Таким образом, неолитическое население Зауралья на каждом историческом этапе представляло собой определенное количество общин (резидентных групп), которые занимали общую территорию (рис. 2) и были объединены между собой отношениями родства, свойства, обмена, возможно общей мифологией и другими коммуникативными формами и создавали социальную систему (сеть). «Границы» зауральских социумов, т.е. их идентичность и социокультурное пространство определяются единой системой жизнеобеспечения в рамках вмещающего ландшафта, объединявшего лесные предгорные районы и зауральскую лесостепь, своеобразной техникой и технологией, отраженной в специфических комплексах орудий и сочетанием нескольких традиций, характерных для определенных десцентных линий, проявившихся в способах подготовки формовочных масс и системах орнаментации керамики. В условиях нередких природных колебаний и стихийных бедствий зауральские общины не смогли бы выжить, не опираясь на поддержку и помощь соседних общин. В отсутствие серьезных географических барьеров территориальные и социальные границы не были жесткими, поэтому мы наблюдаем территории, где традиции «пограничных» социумов носили синкретический (в нашем понимании) характер (рис. 2), но для членов этих социумов являвшиеся «своими». Поскольку каждая община была центром своих социальных связей, со своими приоритетами, то эти связи соседних общин неизбежно перекрывали друг друга во всех направлениях. Зауральское население в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало вмещающий ландшафт своих общинных пространств – предгорий восточного склона Урала и зауральской лесостепи, и в случае необходимости заходило на соседние территории, и это движение было встречным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А.А. Формозов. М.: Наука, 1970. С. 157–171. (МИА. № 166).

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопр. археологии Урала. Вып. 26 / Отв. ред. Ю.П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 103–124.

Виноградов А.В., Дервиц А.Л., Добкина Э.И., Маркова Н.Г., Мартищенко Л.Г. Определение абсолютного возраста по ^{14}C // Геохимия. 1956. № 8. С. 3–9.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 33–48.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии / Под ред. А.В. Виноградова и др. М.: Наука, 1968. С. 41–53.

Шмидт А.В. Стоянка у станции Левшино // СА. 1940. Вып. V. С. 1–31.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ

© 2014 г. Н.Г. Недомолкина

Вологодский государственный музей-заповедник, Вологда
(*nedomolkiny_ljv@mail.ru*)

Ключевые слова: ранний неолит, тычково-накольчатая керамика, гребенчато-накольчатая керамика, Векса, Верхняя Сухона.

Резюме. В статье рассматриваются ранненеолитические комплексы стратифицированных поселений Векса и Векса III, исследованных автором на территории Верхней Сухоны. Дается характеристика керамики и каменного инвентаря, приводятся данные радиоуглеродного датирования. Неолитизация в данном регионе связывается с областью расселения верхневолжского населения.

На Верхней Сухоне ранненеолитические комплексы выявлены в результате раскопок поселений Векса (комплекс Векса-II) и Векса III (9-й слой) (Недомолкина 2000; 2004; 2006). В свете последних данных планиграфию поселений предстоит уточнить. Культурные отложения раннего неолита представлены в виде отдельных пятен, с которыми связано наибольшее количество находок. Пятна фиксируются на разном уровне залегания, перепады в высотных отметках могут достигать 0,6 м. На значительной площади культурный слой морфологически не выражен и слабо насыщен находками. Поселения этого периода

временные, носят преимущественно промысловый или обрядовый характер.

Каменная индустрия ранненеолитических комплексов базируется на отщепках и неправильных пластинах. Отсутствие мезолитических материалов на стоянках Верхней Сухоны позволяет сделать вывод, что для раннего неолита не характерны правильные мезолитические пластины.

Ранний этап характеризуется комплексом с накольчатой и неорнаментированной керамикой, орудиями из кости, кремневыми сеченими, острями.

Первая группа керамики представлена аморфными кусками обожженной глины, малочисленными фрагментами гладкостенных сосудов, маленьких мисочек, изготовленных из природной глины, во втором – из глиноподобного сырья в виде ила. Глина содержала в себе включения мелкой слюды, бурого железняка, в остальных случаях основной естественной примесью в глине был песок разного размера. Использованное исходное сырье характеризуется средней и высокой степенью ожелезненности, высокой природной пластичностью (регулярным присутствием в нем частиц песка размером около 1 мм). Важно подчеркнуть, что во всех случаях местные гончары использовали влажное природное сырье, которое не подвергалось какой-либо специальной дополнительной обработке. Сделанные наблюдения позволяют прийти к выводу, что на исследуемом поселении, вероятно, частично в разное время, а частично одновременно работали несколько гончаров или групп гончаров, которые использовали разные залежи исходного глинистого и глиноподобного сырья. Что касается анализа формовочных масс, то на самом общем уровне среди изученных образцов выделяются две группы рецептов. Наиболее сложно оказалось сделать какие-либо строгие заключения о присутствии органики в формовочной массе. Это обусловлено тем, что во всех случаях она представлена очень незначительными и нечеткими следами. Предварительно можно отметить, что в ряде случаев органическая примесь добавлена в формовочную массу специально, скорее всего в виде раствора, содержавшего разрозненные микроскопические растительные остатки. Керамика без орнамента или с редкими наколами. По этим признакам она аналогична посуде раннего этапа верхневолжской культуры. Совпадают с верхневолжскими и радиоуглеродные даты – около 6 950–6 730 ВР. Верхневолжский импульс подтверждает и дальнейшее развитие неолитической культуры на данной территории. В комплексах представлена керамика с накольчатый (ок. 6 500 ВР) и гребенчатый (ок. 6 340 ВР) орнаментом. Группы керамики, где в качестве искусственной минеральной примеси была использована крупная дресва (ДЗ). Примесь дресвы использовалась гон-

чарами в различной концентрации. Вторая группа, где к глине добавлена дресва, также содержит фрагменты гладкостенной керамики и фрагменты, орнаментированные горизонтальными поясами мелкой разреженной некониической ямки, наколами. Эта керамика сопоставима с керамикой каргопольского типа. Подобное тесто у наиболее массовой группы керамики, где преобладает гребенчато-накольчатый орнамент. Судя по фрагментам, сосуды были непрофилированные, прикрытой формы, остродонные, а также с приплюснутым донцем средних размеров. Венчики прямые загнутые внутрь. Края венчиков округлые, со скосом внутрь, с прямым или приостренным торцом. На некоторых по срезу нанесен орнамент. Под венчиком почти всегда идет ряд ямок, часто сквозных или глубоких, так что наколы оставляют «жемчужины» с обратной стороны. Толщина стенок 4–5 мм, реже 8–9 мм. Есть черепки, где элементы орнамента подкрашены охрой. В группе гребенчатой керамики орнамент разнообразен. Преобладает гребенчатый штамп, где отпечаток гребенки неширокий, четкий, расположенный наклонно и вертикально, в виде «машинной строчки», есть отпечаток «шагающей гребенки». Доля керамики, орнаментированной только гребенчатыми отпечатками, составляет 30,6%. Зубцы в отпечатках мелкие, средние, в ряде случаев крупные (до 3 мм). Характерна сплошная гребенчато-накольчатая или гребенчатая орнаментация с горизонтальным и вертикальным членением орнаментального поля. Горизонтальные зоны гребенки разделены рядами ямчатых, треугольных вдавлений, иногда нанесенных в отступающей манере. Некоторые фрагменты украшены сложными орнаментальными композициями.

Поздний этап характеризуется гребенчатой, гребенчато-накольчатой керамикой с горизонтальным и вертикальным членением орнаментального поля, отсутствием строгой зональности, косо-лезвийными наконечниками-трапециями, орудиями на крупных пластинчатых отщепках, нуклеидными, сланцевыми шлифованными орудиями.

Ранне-неолитические материалы Верхней Сухоны находят параллели в материалах различных памятников раннего неолита лесной

зоны Европейского Севера и больше всего в разных вариантах верхневолжской керамики.

Таким образом, начальный этап неолитизации территории Верхней Сухоны связан с областью расселения верхневолжского населения. Дальнейший процесс связан с формированием местной традиции. Очевидно, это дает основание говорить о существовании северо-восточного варианта ранненеолитических культур, где памятники с накольчатой керамикой являются ранними и относятся к начальному этапу формирования, следующий этап – это памятники с гребенчато-накольчатой керамикой. В развитии неолитического населения региона более приемлемой является концепция единого культурного пространства, что уже высказывалось в отношении неолита лесной зоны (Косинская, 1997. С. 185). Участие ранненеолитического населения в сложении дальнейших культурных групп развитого неолита было бы проблематичным, если не учитывать эти положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косинская Л.Л. Неолит // Археология республики Коми. М., 1997. С. 146–212.

Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Векса // Тверской археол. сб. 4. 2000. С. 277–283.

Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Векса и Векса III бассейна верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. Санкт-Петербург, 2004. С. 265–279.

Недомолкина Н.Г. Место неолитических памятников Верхней Сухоны в неолите лесной зоны Европейской части России. (По материалам комплекса многослойных поселений Векса) // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 59–60.

**ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКИ
МАРИЙСКО-КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ**

© 2014 г. В.В. Никитин

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола
(tshikaeva@yandex.ru)*

Ключевые слова: неолит, гребенчато-ямочная керамика, балахнинская культура, льяловская культура, Марийское Поволжье.

Резюме. В статье рассматриваются комплексы носителей культуры гребенчато-ямочной керамики Марийско-Казанского Поволжья, полученные в результате работ А.Х. Халикова и В.В. Никитина. Анализируются материалы почти 20 раскопанных широкими площадями памятников, на которых изучены остатки восьми жилых построек с набором артефактов, характерных для синхронных неолитических культур Волго-Окского междуречья. На основе полученных материалов ставятся и решаются вопросы культурогенеза, развития и дальнейшей судьбы носителей данной культуры. Время существования культуры устанавливается в пределах начала – середины IV тыс. до н.э. В дальнейшем племена балахнинской культуры принимают активное участие в сложении средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности.

Неолитические памятники в Марийско-Казанском Поволжье целенаправленно изучались А.Х. Халиковым с начала 1950 гг. прошлого века (Обсерваторские, Займищенские, Сумские). Несколько позже (1956 г.) раскопом исследовалась стоянка Русско-Луговская I, а во второй половине 1950-х гг. он же проводит работы на стоянке Старомазиковская II, на Удельношумецких, Полянских и Сутырских стоянках. В это же время В.Г. Стоянов исследует Выжумские стоянки I и II. После длительного перерыва (в 1961 г.) А.Х. Халиков (1969. С. 92–114) раскопом изучил остатки постройки на поселении Удельно-Шумецкое V. В 1969, 1971 и 1973 гг. при работах на Уржумкинском могильнике Г.А. Архипов и В.В. Никитин исследовали остатки слоя с балахнинской посудой. С середины 1970 гг. разведками В.В. Никитина были выявлены десятки неолитических памятников на обширной территории левобережных притоков р. Волги. В 1970-х гг. раскопки велись на стоянках и поселениях (Майданская, Сутырская Па, Мариер), в начале 1980-х гг. исследуются поселения у пос. Дубовский (Дубовские III,

VIII, IX, XII, XXII, Отарские V и VI, Сутырское V, Удельношумецкое VI, Галанкина Гора II). В 1990-е гг. С.В. Большов изучает стоянку Большая Гора, В.В. Никитин продолжает раскопки на Майданском IV, Кривое озеро, Пир гора, А.И. Королев на Сутырском V поселении (Никитин, 1996. С. 48–75).

В результате разведочных работ было выявлено более 90 пунктов со слоями, содержащими посуду балахнинского типа. На 32 из них зафиксировано 178 впадин от построек. Основную массу составляют поселения с двумя-тремя постройками (42%), поселения с четырьмя-шестью постройками составляют 26%, с 8–11 постройками – 29%, одно поселение состоит из 20 жилищных впадин. Площадь поселений (судя по наличию впадин) колеблется от 1 000 до 2 500 кв.м. В результате раскопок изучены остатки восьми построек. Большинство (пять построек) из них четырехугольные в плане с углубленным полом и столбовой конструкцией перекрытия, характерные для лесного мезоэнеолита. На поселении Дубовское VIII изучены три постройки овальной в плане формы, также с

углубленным полом. В двух постройках очаги отсутствовали. Изученные постройки имели площадь: Удельношумецкое V – 63 кв.м, Галанкина гора II – 57 кв.м., Дубовское VIII – 70, 24 и 18 кв.м., Дубовское IX – 85 кв.м, Дубовское XII – 65 кв.м., Обсерваторское III – 32 кв.м. В некоторых постройках прослежены детали крепления стенок, выходов и перекрытия. Очаги устроены в котловидных ямах, устойчивого места в постройках не имеют. Хозяйственные ямы концентрируются по периметру, около очагов и выходов.

Посуда, вылепленная от руки ленточным способом, внахлест или стык. Ширина лент в пределах 3–5 см. Основная примесь в формовочной массе – дресва и шамот. Выделяются две группы посуды: 1) прикрытых (камских) форм полуяйцевидные; 2) профилированные, удлинённых пропорций, яйцевидные с отогнутой шейкой. Орнамент выдержан в строгой горизонтальной зональности и выполнен оттисками гребенчатых (зубчатых) штампов, в сочетании с поясами белемнитной ямки, разделяющей гребенчатые зоны. Кроме гребенчатых штампов, используются оттиски шнура, аммонитов, прочерки и насечки. Мотивы орнамента составляют наклонные ряды, елочки, зигзаги, сетку, ромбы и их сочетания (ромб или сетка с ямкой в центре или перекрестии, зигзаг с ямкой в вершине). Характерно густое заполнение орнаментального поля, сосуды с таким орнаментом составляют на большинстве памятников 90–100%.

Все исследованные памятники данной культуры в Марийско-Казанском Поволжье достаточно близки по основным типологическим признакам и выявляют высокие индексы сходства по форме сосудов и венчиков, технике и характеру орнаментации, функциональному значению ямочной техники и т.п. Степень сходства по оформлению горловины колеблется в пределах 87–93% на Русско-Луговской I, Майданской, Сутырском II, Удельношумецком V, Дубовском XII, Отарском V. В то же время этот показатель на Дубовском IX – 65%, Дубовском III – 43%, а на Дубовском VIII – всего 19%. Этот разброс обусловлен, вероятно, преобладанием на памятнике определенной формы сосудов. Степень сходства по совокупности семи пучков признаков посуды 10 хорошо исследованных памятни-

ков, составляет от 70 до 80%, что подтверждает культурное единство сопоставляемых комплексов.

Каменные изделия. Характеристика каменной индустрии носителей посуды с гребенчато-ямочным рисунком дана в работах А.Х. Халикова и В.П. Третьякова, в основу которой положены материалы в большей степени заволжских памятников с малочисленными кремневыми комплексами, не дающими представления о реальном наборе каменного инструментария, технике и технологии его производства. В средневожских комплексах, практически всех, хорошо исследованных памятников этой культуры, кроме набора готового инструментария, найдены многочисленные отходы, нуклеусы, куски породы, заготовки орудий, бракованные и незавершенные изделия, предметы обработки камня, свидетельствующие об изготовлении каменного инвентаря непосредственно на поселении.

Отличительной особенностью кремневого производства средневожских балахнинских племен является преимущественное изготовление орудий на отщепе, особенно в категории скребков и скребел, где доля пластинчатой техники невелика. Исследования А.Х. Халикова показали, что пластины и орудия на них составляют 9–12% от всего орудийного комплекса. Примерно такое же соотношение на нижнеокских памятниках. Новые материалы, полученные в результате работ В.В. Никитина (1970–2000 гг.) подтверждают высказанное ранее наблюдение А.Х. Халикова. Так, на поселении Дубовское IX пластинчатый комплекс составляет 12%, около 10% он представлен в материалах поселения Дубовское VIII (постройки 9–11). В классе скребков на стоянке Дубовская XXII изделия на пластинах составляют 37%, среди ножей – 55%, среди скобелей – 9%. Такой высокий процент пластинчатого инвентаря объясняется более высоким качеством кремневого сырья. Достаточно велика доля резцов. На стоянке Дубовская XXII скребки составляют 57% от всего орудийного набора, а резцы – 8%. На каждом поселении в коллекции каменных орудий имеются деревообрабатывающие орудия – крупные клиновидные топоры (четырёхгранные, трапециевидные и многогранные). Многочисленные долота и тесла. Доло-

та крупных размеров с выраженным рабочим краем и заточкой лезвия примерно под углом 45°. Тесла трапециевидные с расширенным лезвием и заостренным обухом, линзовидные в сечении или с выраженными боковыми гранями. Небольшие узколезвийные стамески удлиненных пропорций. Большинство стамесок симметричные, реже с зауженным лезвием или обухом. Часть тесел и стамесок с желобком в рабочей части. Практически все деревообрабатывающие инструменты (включая и кремневые) хорошо отшлифованы по всей поверхности.

Ножи в основном на удлиненных узких отщепках с двухсторонней обработкой лезвийных частей струйчатой ретушью. Характерны и крупные ножи – кинжалы, получившие дальнейшее развитие в комплексах волосовских древностей.

Наконечники стрел и дротиков разнообразные, но наиболее встречаемые листовидные формы (иволистные, лавролистные и более широколистные), черешковые и бесчерешковые. Менее распространены треугольно-черешковые и ромбические. Среди инструментария можно отметить различного рода перфораторы с центральным или боковым жалом и выраженными плечиками. Часто перфоратор скомбинирован со скребком, скобелем, ножом. На многих памятниках найдены грузила для сетей, на некоторых фигурные кремни и сланцевые подвески.

Определяя культурные истоки кремневой индустрии и ее своеобразия, А.Х. Халиков высказал мнение о том, что она оформилась на базе местного докерамического неолита, представленного нижним горизонтом стоянки Русско-Луговская II, где кремневый инвентарь подобных стоянок по функциональному значению, характеру изготовления и форме орудий восходит к материалу предшествующего времени и представляет собой продолжение местных традиций памятников докерамического неолита и обнаруживает генетическую связь с позднемезолитическими памятниками.

Этапы развития и датировка. Рассматривая материальные комплексы средневожских памятников В.П. Третьяков (1972. С. 71–74) отказался от их хронологического разделения, но мне представляется доста-

точно аргументированной позиция А.Х. Халикова, который в развитии средневожских балахнинских комплексов выделил три этапа.

К первому этапу развития А.Х. Халиков отнес материалы собственно раннельяловские, расположенные за пределами Средней Волги, хотя позже (по материалам В.В. Никитина) выделяются элементы и признаки посуды раннего (и даже архаичного) этапа льяловской культуры. По схеме В.В. Никитина на раннем этапе посуда полуяйцевидных и яйцевидных форм с несколько удлиненным туловом. Стенки слабовыпуклые плавно переходят в приостренное днище. Орнамент густой, в строгой горизонтальной зональности, выполненный исключительно гребенчатыми штампами и белемнитом. Редко можно встретить мелкую косую сетку. Эта посуда близка комплексу собственно балахнинской культуры (ее раннего периода), но такие признаки, как многорядность ямочной композиции, преобладание мешковидных и прямостенных форм посуды, в марийско-казанских комплексах выражена слабо.

Для посуды развитого этапа при сохранении полуяйцевидной формы, исчезают приостренные днища, венчики преобладают с плоским срезом, валики и воротнички составляют от 25% на стоянке Удельно-Шумецкая V, до 50% – на Удельно-Шумецкой VI. По девяти пучкам признаков (форма горла, край венчика, заполнение орнаментального поля, форма ямок, орнаментальные приемы, характер орнамента, мотив орнамента, функциональная роль ямки, употребление ямки) степень сходства с комплексами раннего этапа составляет 55%.

Поздний этап характерен возрастанием роли прямошейных сосудов с отвернутым краем и посуды с разреженной орнаментацией. Появляется неорнаментированная посуда. Наряду с глубокой (белемнитной) ямкой в орнаменте применяются овальные, квадратные, каплевидные и прочие формы ямок. Падает процент посуды, украшенной мелкозубыми штампами. Основными орнаментами становятся крупнозубые, среднезубые и овалнозубые штампы, аммониты и оттиски шнура. Орнаментальные композиции становятся более разнообразными (елочка со стеблем, горизонтальный зигзаг, заштрихованные гео-

метрические зоны). Широко применяется сочетание различных штампов на одном сосуде. Все эти элементы сближают данную посуду с керамикой протоволосовского типа.

Полученные абсолютные даты по керамике указывают на начало IV тыс. до н.э.: Дубовское XII – 5 970±90; Дубовское III – 5 930±80; Дубовское VIII – 5 880±90 и 5 720±80 л.н.; Отарское VI – 5 810±90, 5 930±80. Близкие аналоги имеются в материалах правобережья р. Суры в Чувашии: Черненькое озеро III – 5 840±80; Утюж I – 6 080±90 и 5 940±90; Выюново озеро II – 6 085±90 л.н. (Выборнов, Кондратьев. 2009). По времени функционирования поселения этого периода ближе к архаичной стадии развития льяловской культуры – рубеж V–IV – первая четверть IV тыс. до н.э. (Войменной I – 5 990±50, 6 000±40, 6 100±50; Озерки V – 5 930±200; Ивановская VII – 5 920±60).

Для развитого этапа имеются даты по керамике поселения Галанкина гора II – 5 610±80 и 5 430±90 л.н. Завершение развития носителей культуры гребенчато-ямочной посуды можно отнести ко времени формирования протоволосовских комплексов, датирован-

ных по керамике поселения Дубовское VIII – 5 270±80; Дубовское III – 5 295±80; Красный Мост – 5 260±90 л.н. Таким образом, время существования балахнинской культуры в Марийского-Казанском Поволжье укладывается в рамки конца V – третьей четверти IV тыс. до н.э.

Дальнейшая судьба населения балахнинской культуры связана с формированием средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности в качестве основного этнического ядра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11; Вып. 6. С. 282–284.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 179 с. (Тр. Мар. археол. экспедиции; Т. IV).

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л.: Наука, 1972. 136 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕКЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

(НА ПРИМЕРЕ АМАЗОНИИ И ЭКВАДОРА)¹

© 2014 г. Е.С. Острирова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва
(maraveriza@gmail.com)*

Ключевые слова: ранняя керамика, неолитизация, Амазония, Гвиана, Эквадор, Южная Америка.

Резюме. В докладе представлены основные гипотезы происхождения раннекерамических комплексов Южной Америки. Изучение особенностей ранней керамики, происходящей из Амазонии, Гвианы и с побережья Эквадора, а также уточнение раннее спорных датировок позволяют говорить о независимом происхождении керамики из нескольких очагов на территории Южно-Американского континента.

Изучение раннекерамических комплексов Южной Америки традиционно вызывает дискуссии, и до сих пор не существует единого мнения о регионе происхождения самой ран-

ней керамической посуды, а также о возможных путях ее распространения.

Основные гипотезы рассматривают три сценария зарождения и распространения тра-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-1294/14.

диции керамического производства на континенте: раннее появление керамики в Амазонии (Каверна-да-Педра-Пинтада, Таперинья); в Эквадоре (Реаль-Альто, культура вальдивия); в Северной Колумбии (Сан-Хасинто, Монсу, Пуэрто-Ормига, Пуэрто-Чако, Барлоvento). Главной причиной дискуссии о появлении ранней керамики является необъяснимо большой хронологический разрыв между древнейшей амазонской керамикой и более поздними комплексами, а также существенные технологические, морфологические и орнаментальные отличия.

Открытие необычайно ранней керамики в Амазонии Энн Рузвельт привело к началу дискуссии. Впервые раковинные кучи (*самбаки*) на бразильском побережье к востоку от устья Амазонки были исследованы еще в конце XIX в., но именно Рузвельт в 1980-х гг. заявила о ранних датировках керамики, найденной при раскопках раковинных куч в Таперинья (в пределах 7 090–6 300 л.н.), а также при обследовании пещеры Педра-Пинтада (в пределах 7 580–6 625 л.н.) (Roosevelt, 1995). Кроме того, Рузвельт в дискуссии с Д. Вильямсом настаивала на ранней датировке образцов керамики из раскопок раковинных куч на северо-западе Гвианы, относящихся к фазе Алака (IV тыс. до н.э.) (Roosevelt, 1997; Williams, 1997). В то время как ранние датировки амазонской керамики приняты большинством исследователей, дискуссия по поводу ранней керамики северо-западного побережья Гвианы (по мнению Рузвельт, синхронной амазонской) до сих пор продолжается, и в современных обобщающих исследованиях отрицается сам факт наличия гончарной традиции в этом регионе вплоть до II тыс. до н.э. (Neves, 2008).

Среди особенностей ранней керамической традиции Амазонии следует выделить слабую обожженность, красно-коричневый цвет пасты, рыхлую текстуру без видимых признаков органического отошителя, который был характерен для ранней традиции керамической посуды северо-западной Колумбии (Сан-Хасинто, Пуэрто-Ормига и др.) (Oyuela-Caucedo, Bonzani, 2005).

В образцах керамики из региона Амазонки и близлежащих памятников побережья Гвианы (керамика фазы Алака, памятники Барабина, Хосороро-Крик) и Бразилии (кера-

мика фазы Мина, памятники Порто-да-Мина, Понта-де-Пьедрас) прослеживаются различные традиции изготовления посуды: с раковинным отошителем, песчаным отошителем, а также с примесью золы (Hoopes, 1994).

Из района Таперинья происходит 385 глиняных черепков и только 3% из этой коллекции имеют следы декорирования: зубчатый край венчика, криволинейные насечки и перфорация. Рузвельт и ее коллеги в статье 1991 г. опубликовали четыре образца декорированной керамики Таперинья, выделив на основе этой небольшой выборки стили орнаментирования сосудов: с прочерченным «зубчатым» венчиком (1), с прочерченным орнаментом (2), с пунктирной орнаментацией и зубчатым венчиком (3) (Roosevelt et al., 1991).

Для образцов керамики Мина характерен раковинный дробленый отошитель, представленный в основном распространенными в данном регионе раковинами брюхоногих моллюсков. Еще одной особенностью образцов ранней керамики побережья западной Гвианы примесь золы дерева ликания (кремнесодержащая кора дерева ликания (*Licania heteromorpha*) из семейства Хризобалановые) (Williams, 1997).

Керамика фазы Мина представлена более репрезентативной базой и для нее характерны круглые плоскодонные чаши с отогнутым венчиком или ангобом (Hoopes, 1994).

Наиболее древние образцы керамики побережья Эквадора известны по раскопкам поселений культуры вальдивия (Реаль-Альто, Лома-Альто, Пунта-Консепсьон) – самой ранней керамической культуры на всем тихоокеанском побережье Южной Америки (в пределах 5 600/5 500–4 650 л.н.) (Marcos, 2003).

Черты технологического примитивизма, характерные для амазонской и гвианской керамики, не прослеживаются в гончарной традиции Эквадора, хотя вполне возможно, что исследователи еще не открыли более раннюю традицию, предшествовавшую вальдивии, или же начальные этапы производства посуды были связаны с иными материалами, не сохранившимися (в отличие от глины) в условиях тропического климата.

Для ранней керамической традиции Эквадора характерно применение исключительно песчаного отошителя. Кроме того, керамика

культуры вальдивия отличается от амазонской и гвианской по морфологическим и орнаментальным признакам: разнообразием зооморфной и антропоморфной орнаментации, разнообразием форм сосудов. Для керамики ранней вальдивии характерны устойчивые формы сосудов: широкие полусферические чаши с прямым венчиком и широкогорлые сосуды с наклепным или отогнутым венчиком (Табарев, 2011).

Исследователи отмечают возможную связь традиции Амазонии и Эквадора в форме самых ранних сосудов, но скорее это не показатель преемственности, а, вероятно, скеоморфная традиция (глиняные сосуды повторяли форму сосудов из тыквы-горлянки, кожаных контейнеров или корзин) (Marcos, 2003). Действительно, наиболее ранняя керамическая посуда типов вальдивия-1 и -2 воспроизводит открытые формы мисок и чаш в форме тыквы или корзины, но в любом случае самая ранняя эквадорская керамика – хорошо обожжена и по качественным характеристикам заметно отличается от амазонской.

Технологические и стилистические различия традиций Амазонии и Эквадора позволяют говорить о независимом происхождении керамики для каждой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Табарев А.В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. С. 16–54.

Hoopes J. Ford Revisited: A Critical Review of the Chronology and Relationships of the Earliest Ceramic Complexes in the New World, 6 000–1 500 B.C. // *J. of World Prehistory*. 1994. Vol. 8(1). P. 1–50.

Marcos J.G. A Reassessment of the Ecuadorian Formative // *Archaeology of Formative Ecuador*. *Dumbarton Oaks*, 2003. P. 7–32.

Neves E.G. Ecology, Ceramic Chronology and Distribution, Long-term History, and Political Change in the Amazonian Floodplain // *The Handbook of South American Archaeology*. 2008. P. 362–368.

Oyuela-Caycedo A., Bonzani R.M. San Jacinto 1: A Historical Ecological Approach to an Archaic Site in Colombia. *Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press*, 2005. 244 p.

Roosevelt A.C. Early pottery in the Amazon: twenty years of scholarly obscurity // *The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient societies*. *Washington: Smithsonian Institution Press*, 1995. P. 115–131.

Roosevelt A.C. The Demise of the Alaka Initial Ceramic Phase Has been Greatly Exaggerated: Response to D. Williams // *American Antiquity*. 1997. Vol. 62; N. 2. P. 353–364.

Roosevelt A.C., Housley R.A., Imazio da Silveira M., Maranca S., Johnson R. Eighth Millennium Pottery from a Prehistoric Shell Midden in the Brazilian Amazon // *Science*. 1991. № 254. P. 1621–1624.

Williams D. Early Pottery in the Amazon: A Correction // *American Antiquity*. 1997. Vol. 62; N. 2. P. 342–352.

ФРАГМЕНТ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА У ПОДОШВЫ УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА В ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2014 г. С.Н. Панина

*Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург
(snpanina@yandex.ru)*

Ключевые слова: культовое место, насыпной холм, иерархия сакрального пространства, погребение, семена воробейника.

Резюме. В статье впервые вводятся в научный оборот данные о раскопанном погребении и культовой площадке (настиле) эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма – культовом памятнике эпохи неолита – железного века на северо-востоке Свердловской обл. Проводится сравнение и устанавливается иерархия между сакральными пространствами – жертвенным костischem эпохи раннего неолита в северо-восточном секторе холма (начальная иерофания) и погребальной площадкой эпохи энеолита у подошвы холма.

Усть-Вагильский холм, культовый памятник эпохи неолита – позднего железного века, расположен на левом берегу р. Тавды в месте впадения в нее р. Вагиль в Гаринском р-не Свердловской обл.

Холм с плоской вершиной в форме неправильного овала, вытянутого с запада на восток, диаметром 53 м (ВЗ), 48 м (СЮ) был насыпан в процессе совершения обрядов в течение длительного времени. Современная высота холма в западной его части – 6 м, в восточной – 5,5 м.

При проведении охранных раскопок в 2005–2010 гг. в северо-восточной части холма на глубине 4,45–4,67 м было вскрыто жертвенное место – два скопления костей и рогов животных (лось, северный олень, собака, соболь, рыбы кости) и семь фрагментов человеческих черепов. Костище было отделено от основной части холма дугообразной канавкой, заполненной мощным прокалом, углями. Вдоль канавки с обеих сторон прослеживается ряд обугленных столбов, часть из которых была врыта наклонно. Получены радиоуглеродные даты столбов: № 3 СОАН-6940 – 6 335±95 лет, № 4 СОАН-6941 – 6 295±125 лет; деревянного бревна, находившегося внутри сакрального пространства, ограниченного канавкой, но на значительном удалении от скоплений костей и черепов: СОАН-

6942 – 6 460±100 лет. Также получена дата по обрубку лосиного рога в скоплении костей животных и черепов: Ле 8746 – 7 920±200. Коллеги из Германии продатировали по AMS-методу нагар на фрагментах сосудов сатыгинского типа, найденных рядом с кострищем и внутри него: № 14 638 – 7 660±37; № 14 639 – 7 583±38; № 14 640 – 7 735±40.

Жертвенное место расположено на периферии холма, и канавка, маркирующая границы сакрального/профанного пространства внешней дугой, отделяет его от центра холма. Стратиграфически прослеживается небольшая земляная насыпь над скоплением костей, конической формы, которая, по-видимому, сверху была обложена деревом и подожжена (лента прокала расположена по дуге над земляным холмиком), затем после остывания золы холмик был перекрыт берестой (Панина, 2011б. С. 184).

В полевой сезон 2011 и 2013 гг. у подножия холма, на глубине 505–514 было раскопано погребение (см. рисунок). По-видимому, умерший находился в неглубокой яме, в положении лежа на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на северо-восток, в слое охры, как в футляре. Охристый слой представлял собой конгломерат вещества, ярко-красного цвета, слегка жирного на ощупь. Кости и череп в этом веществе фиксировались в виде

очертаний светло-серо-желтого цвета. В северной части пятна наблюдалось небольшое возвышение полукруглой формы (череп). В слое охры были встречены семена воробейника (*Lithospermum*), часть из которых использовалась в качестве «бисера»: в районе головы, груди, шеи крепились к подвескам (имели сквозное отверстие). Другая часть семян (без отверстий) фиксировалась россыпями в слое охры, равномерно по всему погребению. В погребении найдены шлифованные наконечники стрел с выемкой в обломках (свыше 10), овальные подвески из песчаника (более 30), скребки (2), ножевидная пластина (1), тесло, два фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом. По фиксации залегания находок можно предполагать, что погребенный имел расшитый головной убор или украшения на волосах (слева и справа под черепом были обнаружены семена воробейника со сквозными дырочками и подвеска, к которой был прикреплен «хвостик» с нанизанными на нем «бисером» из воробейника и просверленных рыбьих позвонков. В верхнем слое охры, под черепом, было найдено четыре подвески. На уровне груди зафиксированы еще семь подвесок и две пронизки вместе со скоплением бисера из семян воробейника. На уровне пояса справа обнаружены остатки резцов бобра. Обломок тесла находился в нижней части, слева у предполагаемой ноги.

Шлифованные наконечники стрел с продольной выемкой встречаются в могильниках и на поселениях Северного Зауралья – Бурмантовский грот, Жилище Сокола; на севере Западной Сибири – Старые Покачи-5.1 (№ 6), Леуши III, VII, XIV, Ясунское погребение, Пашкин Бор I, Лева VIII (№ 3); в Среднем Зауралье – Аятский могильник (№ 6), Скворцовская гора V, Шайтанское озеро II, Палатки II, Липчинская, Береговая I.

По данным радиоуглеродных дат могильника Старые Покачи-5.1, время бытования шлифованных наконечников стрел с выемкой – вторая треть – середина III тыс. до н.э. (Чаиркина, 2011. С. 122).

Каменные шлифованные подвески овальной или каплевидной формы, с гладким, реже зубчатым краем известны в Среднем Зауралье – Аятский могильник (№ 6), Макуша III, Шувакиш I, Палатки II; в Южном Зауралье –

Березки VI, Бурановская пещера, Старичный гребень; на севере Западной Сибири – Старые Покачи-5.1 (№ 3), Лева VIII (№ 3); в Нижнем Притоболье – Бузан (центральное погребение), Чепкуль-21 (№ 1); в Среднем Прииртышье – Протока, Сопка-2; на Конде – Леуши III, IV, Большая Умытья-57 (Там же. С. 123).

Шлифованные овальные или каплевидные подвески бытуют в эпоху позднего неолита – энеолита. Некоторые исследователи (Серигов, 1998. С. 43) относят небольшие подвески (до 1,5 см) к энеолитическому времени.

К северо-востоку от погребения на глубине 520–550 выделилось углистое пятно правильных очертаний, которое на нижних горизонтах приобрело вид настила из сгоревших крупных деревянных плах, положенных на слой темно-серого пестроцвета. Столбовых ямок рядом с настилом не фиксируется. Часть настила уходила в восточную и южную стенку раскопа. В некоторых случаях зафиксирован прокол под обугленными плахами, под которым залегает новый слой сгоревших плашек, что дает основание предполагать неоднократное использование настила. На настиле найден развал небольшого сосулика яйцевидной формы с гребенчатым орнаментом, шлифованный однолезвийный нож из туффита, сломанный шлифованный наконечник с выемкой, каменная, овальная подвеска. Керамика с гребенчатым орнаментом с Усть-Вагильского холма имеет прямые аналогии с аятской керамикой эпохи энеолита Среднего Зауралья (Панина, 2011a).

Находки позволяют синхронизировать время существования настила с погребением и отнести этот комплекс к энеолитическому времени (гребенчатый тип керамики, шлифованные с выемкой наконечники стрел, овальные подвески из песчаника). Радиоуглеродные даты пока не получены.

У края северной части настила была найдена небольшая каменная наковаленка в форме куба с сильно сработанными плоскостями. В восточной части настила у стены квадрата обнаружен массивный фрагмент молота из кварцита, также со следами сработанности. Сырьевая база каменной индустрии в районе Усть-Вагильского холма чрезвычайно скудна. Часть сырья доставляли из более южных районов, поэтому сломанное орудие всегда

использовали вторично. Находка массивных каменных орудий на настиле рядом с синхронным погребением позволяет предположить ритуальный характер предметов и их взаиморасположения.

На Усть-Вагильском холме исследован тип сакрального пространства, связанный с погребальным комплексом – захоронение и культовая площадка (настил) эпохи энеолита. В пространственном отношении комплекс находится у подошвы холма и, вероятно, в подчиненном положении относительно жертвенного места эпохи раннего неолита. В качестве гипотезы представим, что к начальной иерофании сакрального пространства холма относится жертвенное место – костыше, раскопанное в северо-восточном секторе холма на глубине 4,45–4,67 м. Канавка, отделяющая территорию костыща от иного, профанного пространства принадлежит к числу самых древних элементов модели святилища. Сакральность территории предполагает идею повторения изначальной иерофании (Элиаде, 2000. С. 140). Возможно, со временем эле-

менты обряда могут меняться, появляется иерархия сакрального пространства, но основа остается неизменной – поминальная обрядность и культ предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панина С.Н. Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2011а. С. 91–98.

Панина С.Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового места эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород.: ИИМК РАН, 2011б. С. 183–185.

Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // Вопр. археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 29–47.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 205 с.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 2000. 488 с.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МЕЗОНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. А.А. Погодин

*Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия
«АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург
(pogodin1966@rambler.ru)*

Ключевые слова: север Западной Сибири, река Конда, захоронения, могильник, погребальный обряд, инвентарь, антропология.

Резюме. В докладе обобщены данные по погребальному обряду населения севера Западной Сибири на рубеже мезолита – неолита. Приводятся сведения о единичных захоронениях и могильнике, кремации и ингумации умерших в безинвентарных или скудно наполненных вещами могилах. Отмечается обильное использование в погребальной практике охры, совершение неординарных захоронений. Делается вывод, что схожая погребальная практика используется еще достаточно продолжительное время – в позднем неолите – энеолите.

Обобщение материалов по погребальному обряду в эпоху камня на территории Зауралья, включая в эту обширную географическую область и север Западной Сибири, проводилось неоднократно (см. напр.: Петров, 1994; Шилов, Маслюженко, 2002. С. 169–175; Кокшаров, 2009. С. 148–172; Чаиркина, 2011). Новые открытия существенно дополняют источниковую базу и еще раз подтверждают тезис о севере Западной Сибири как особом ареале развития культурной общности эпохи мезолита (Беспрозванный, Погодин, 2006. С. 168), а в последующем и раннего неолита.

Рамки исследования охватывают интервал 7 600–7 250 – 6 500–6 300 л.н., хроностратиграфические наблюдения подкреплены радиоуглеродными датами (Там же; Клементьева, Круземент, Погодин, 2012. С. 506–508).

Источники. Все известные отдельные захоронения и могильник расположены в таежной зоне севера Западной Сибири в бассейне р. Конды. На поселении Леуши IX исследована прямоугольная яма размерами 0,96 × 0,24–0,36 м, вытянутая по оси Ю–С. Яму выкопали на глубину не менее 0,2 м в слое заполнения котлована мезолитического жилища; ее перекрывал выкид из соседней, тоже мезолитической, постройки. В южной части ямы локализовались угли, а по центру был расчищен

лежащий на теменной доле череп взрослого, но не старого мужчины (Беспрозванный, 1986. С. 6, 7).

На площадке кратковременной стоянки Сатыга XVIa исследованы три захоронения по обряду кремации. Они представляли собой скопления костей в виде круга диаметром 0,24 м, или овалов размерами 1,6 × 1,1–1,2 м толщиной 0,05 м, 0,18 м и 0,34 м. Овальные скопления были вытянуты Ю–С и ЮВ–СЗ. Среди костей залегал каменный инвентарь и сожженные кости животных (Беспрозванный, Погодин, 1998. С. 55–58).

На могильнике Большая Умытъя-100 исследовано 106 ям (полевые материалы 2012–2013 гг.). Имеется дата по углю – 7 090±60 BP (Ki-17973). Форма могил прямоугольная и овальная, реже округлая и сигаровидная. Глубина ям от древней поверхности – 0,15–1,90 м. Ямы ориентированы в направлении ЮВ–СЗ, В–З, ЮЗ–СВ и реже Ю–С. «Заполнение» могильного поля, приуроченного к гребню гривы, осуществлялось рядами (не менее девяти) с запада на восток, и отдельными могилами вне рядов. Ямы крайнего западного ряда неоднократно прорезались ямами последующего восточного. Основных рядов, занявших всю площадку гребня, было, скорее всего, пять; далее новые ряды накладывались

поверх предшествующих. Есть случаи практически полного попадания одной ямы в другую; при этом размеры поздней ямы всегда были меньше, и никогда более ранняя яма не прорезалась до дна.

Останки людей и погребальный инвентарь зафиксированы в 30 ямах.

При погребении обильно использовалась охра. Пятно охры фиксировалось в 10–20 см выше дна ям, имело четкие границы и уплощенно-овальные очертания в разрезе. Такое компактное расположение охры в пространстве могильной ямы было названо нами «коконом». В условиях активного промывного режима песчаного грунта охра не расплылась по яме, а сохранила четкие очертания, возможно, вследствие помещения тела усопшего в какую-то органическую емкость. В могилах с антропологией толщина и концентрация слоя охры увеличивалась от ног погребенного к голове. В случае, когда охра имела вид «коккона», он был смещен по длинной оси в сторону головы и нередко расширялся.

Идентифицированы останки 21 человека. Взрослых из них не менее 15, пол установлен для шести: трех мужчин и трех женщин. Возраст усопших варьируется от 16–18 до 30–40 лет (единожды – 35–60 лет). Еще одни останки принадлежали ребенку в возрасте 1–7 лет.

Захоронение усопших проводилось по обряду ингумации и кремации.

При ингумации умершего помещали в погребальную конструкцию головой на СЗ (10 чел.), на СВ (3) и З (2), в выпрямленной позе лицом вверх или вниз. Руки вытягивались вдоль корпуса, ноги выпрямлялись. Не исключено обматывание умершего мягкими пеленами. Инвентарь размещался в районе головы покойного (шлифованные тесла и струг, скребок на отщепе, пронизки из смолы, резец бобра), единично – у пояса (ретушированные острия, мелкие отщепы с краевой ретушью). Интересно захоронение фрагмента черепа в виде «чаши» с 24 костяными подвесками внутри. Также заслуживает внимания помещение в могилу усопшего фрагмента теменной кости другого человека с двумя, расположенными на расстоянии 4,0 см, биконическими отверстиями.

Кремация установлена по костным материалам, которые подверглись высокотемпературному воздействию (до 500°). Обожженные кости в ямах залежали скоплением по центру или со смещением к одному из их краев.

На дневной поверхности могильного поля и, единично, в заполнении ям, найдены фрагменты раннеэнеолитической посуды с отступающе-накольчатой орнаментацией. Непосредственную связь этой керамики с могильником не установлена, хотя и не исключена.

Выводы. Погребения усопших на рубеже мезолита – неолита осуществлялось по обряду ингумации или кремации как отдельными захоронениями непосредственно на местах стоянок и поселений, так и на долговременных некрополях с хорошо выраженной планировкой могильного поля. При труположении использовалась охра, покойный заворачивался в мягкие пелены. Кремированные останки также помещались в ямы. Сопроводительный инвентарь либо отсутствует, либо скуден – единичные предметы, в т. ч. мелкие сколы с краевой ретушью. Тем не менее, особо выделяются «богатые» погребения или неординарные захоронения.

Схожая погребальная практика будет применяться еще достаточно продолжительное время – в позднем неолите – энеолите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспрозванный Е.М. Отчет о раскопках поселения Леуши IX в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11756.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // *Вопр. археологии Урала*. Вып. 23. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 48–62.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. Мезолит севера Западной Сибири: итоги изучения // *Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр.* Т. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 167–169.

Клементьева Т.Ю., Кружемент С.А., Погодин А.А. Поселение эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // *Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина*. М.: ИА РАН, 2012. С. 499–526.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НППМ «Волот», 2009. 272с.

Петров А.И. Неолит и ранняя бронза // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 46–53.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья

(по материалам погребально-культурной площадки Скворцовая гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224с.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое погребение Гладулино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопр. археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 165–191.

О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ РАННЕГО К РАЗВИТОМУ НЕОЛИТУ НА КАМЧАТКЕ

© 2014 г. А.К. Пономаренко

*«Археологические изыскания в строительстве», Москва
(ahomten90com.ru@yandex.ru)*

Ключевые слова: ранний неолит, развитой неолит, андреевская культура, авачинская культура, тарьинская культура.

Резюме. В статье рассматриваются особенности переходного периода от раннего к развитому неолиту Камчатки. Приводятся сведения об андреевской культуре как одной из стадий этого переходного периода продолжительностью 1 200 лет.

В изучении неолита Камчатки проблема переходного периода от раннего к развитому неолиту представляется нам одной из ключевых. По имеющимся данным, этот период, условно названный нами переходным, охватывает около 1 200 лет. Он занимает лакуну между наиболее поздней датой раннего неолита Камчатки – авачинской культурой (^{14}C 6 180±50 л.н.) (Пономаренко и др., 2002) и наиболее ранним горизонтом тарьинской культуры, зафиксированном на стоянке Авача-7 (^{14}C 5 200±100 л.н.) (Дикова, 1983. С. 166). Часть этого этапа неолита Камчатки существовала андреевская культура (Пономаренко, 2011), представленная стоянкой Мыс Андреевский-1 и стоянкой Палана-аэропорт, судя по найденному на ней В.И. Рубаном (1979. С. 125, 126) многофасеточному резцу. Аналогичный пережиточный тип многофасеточного резца был найден нами на стоянке середины II тыс. н.э. Ивашка-17, расположенной на Северо-Восточной Камчатке (Пономаренко, 1985. С. 153).

Стоянка Мыс Андреевский-1 является пока единственным памятником на Камчатке, представленным достаточно полным комплексом вещей, несущих отпечаток разных культурных влияний и разновременных традиций обработки камня, позволяющих составить представление, вероятно, о непродолжительном отрезке финальной части 1200-летнего периода, в течение которого существовала андреевская культура.

Стоянка Мыс Андреевский-1 была обнаружена в 1975 г. В.И. Рубаном. Им же тогда был заложен раскоп площадью около 40 м.кв. Часть коллекции, собранной на стоянке, была опубликована (Рубан, 1979). В 1981–1984 гг. на стоянках в долине р. Тигиль, в т.ч. на мысе Андреевский, подъемный материал собрал А.В. Забытов. Переданные им Камчатскому областному краеведческому музею коллекции были нами опубликованы (Пономаренко, 1991). Во время проведения разведок в долине р. Тигиль в 1985 г. нами была зафиксиро-

вана стратиграфия разреза стоянки на мысе Андреевский. В борту раскопа были отмечены сверху вниз: слой дерна мощностью около 10 см, подстилающий его слой бурой гумусированной супеси мощностью около 20 см, перекрывающий стерильный серовато-желтый суглинок.

Стоянка расположена на цокольной террасе высотой около 23 м слева от устья р. Тигиль на Западной Камчатке. Цоколь террасы сложен породами верхнего неогена (Дьяков, 1936).

В комплексе находок со стоянки Мыс Андреевский-1 можно выделить три группы вещей, имеющих значение для определения относительной позиции андреевской культуры во времени.

Одной из групп датирующих находок комплекса со стоянки Мыс Андреевский-1 являются многофасеточные резцы с ретушированными рукоятками. Их наличие в составе комплекса вещей, найденных на стоянке, носит экзогенный характер, уходя своим происхождением в разновременные, от раннего до позднего неолита, культуры Северо-Восточной Азии и Восточной Сибири (Мочанов, 1969; Васильевский, 1973; Диков, 1977; Слободин, 1996; Кирьяк, 2005). Кроме стоянки Мыс Андреевский-1 такие резцы известны на стоянках Палана-аэропорт и Ивашка-17 на Северной Камчатке (Пономаренко, 1985. С. 153; 2000. С. 264). К югу от устья р. Тигиль и п-ва Озерного такие резцы пока не найдены.

Другой категорией комплекса датирующих находок являются призматические нуклеусы и снятые с них правильные ножевидные пластины, которые восходят к раннеолитическим традициям расщепления призматических нуклеусов, характерных для раннеолитических культур Камчатки (Пономаренко, 2012) и континентальных культур (Мочанов, 1969; Диков, 1977; 1979).

Третья категория вещей комплекса Мыс Андреевский-1 носит черты, характерные как для камнеобработки раннего, так и развитого неолита Камчатки, а по морфологическим особенностям часть коллекции (ретушеры, наконечники, резцы, строгальные ножи – унифасы, тесла) находит аналоги в материалах стоянок тарьинской культуры развитого неолита Камчатки.

Важной особенностью рассматриваемых в статье комплексов находок является отсутствие керамики.

Андреевская культура была, по-видимому, результатом дивергенции континентальной культуры с многофасеточными резцами и сохраняющейся раннеолитической техникой расщепления призматических нуклеусов, причем на ее наиболее развитом этапе, когда расщепление выполнялось методом отжима. «Андреевцы», вероятно, вели еще бродячий образ жизни. В культурном слое стоянки следы постоянных жилищ не обнаружены. Часть находок патинизирована в результате выветривания на дневной поверхности. В процессе адаптации к экосистемам Камчатки андреевская культура приобрела эндогенные черты. На финальном этапе раннего неолита начала развиваться техника расщепления аморфных нуклеусов, изготавливались разнообразные, в т.ч. прямоосные, бифасиальные каменные орудия. Освоение залесенной территории способствовало распространению и совершенствованию шлифованных рубящих орудий, позволивших обходиться без керамической посуды, распространенной на сопредельных территориях. Адаптация неолитических культур к экосистемам Камчатки происходила в условиях относительной изоляции от континентальных культур, обусловив тем самым формирование преимущественно эндогенных черт и, в конечном итоге, маргинального характера культуры. На такие особенности формирования древних культур на периферийных, изолированных территориях обратил внимание Л.В. Кольцов (2007), а на Камчатке – Н.Н. Диков (1979. С. 282).

Накопление производственного опыта у древнего населения Камчатки, возникновение и обмен идеями происходили в основном на относительно изолированной территории. Пути распространения керамики и металла пролегли за пределами полуострова. В основе неолитической техники длительный период лежала традиционная техника обработки традиционных материалов: камня, кости, рога, дерева, растительных волокон и т.д.

Вывод В.И. Рубана (1980. С. 55) о том, что стоянка Мыс Андреевский-1 занимает место между ушковской раннеолитической культурой и развитым неолитом Камчатки

нам представляется в целом обоснованным. Вместе с тем полученные нами новые данные по раннему неолиту Камчатки и анализ морфологических особенностей комплекса орудий с мыса Андреевский позволяют отнести андреевскую культуру к финальному этапу выделенного нами 1200-летнего переходного периода. По совокупности морфологических признаков андреевская культура стоит ближе к тарьинской культуре развитого неолита Камчатки, хотя еще сохраняет раннеолитические традиции расщепления призматических нуклеусов. Проникшая с континента традиция изготовления многофасеточных резцов, по-видимому, была утрачена в процессе адаптации к экосистеме Камчатки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильевский Р.С.* Древние культуры тихоокеанского севера. Новосибирск: Наука, 1973. 267 с.
- Диков Н.Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.: Наука, 1977. 391 с.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Дикова Т.М.* Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 231 с.
- Дьяков Б.Ф.* Геологические исследования на западном берегу полуострова Камчатка. Тигильский район. М.; Л., 1936. 219 с.
- Кирьяк М.А.* Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
- Кольцов Л.В.* Варианты адаптации в мезолите Ирландии // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.: ИА РАН, 2007. С. 149–162.
- Мочанов Ю.А.* Многослойная стоянка Белькачи-1 и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 253 с.
- Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Пономаренко А.К.* Археологические памятники долины р. Тигиль и ее притоков – рек Напана и Кульки // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Вып. 7. Петропавловск-Камчатский: Камчатское отд-ние Дальневост. книж. изд-ва, 1991. С. 16–44.
- Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Оперативная полиграфия, 2000. 312 с.
- Пономаренко А.К.* К вопросу о периодизации древних культур Северной Камчатки // Горизонты тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. С. 171–183. (Тихоокеанская археология; Вып. 20).
- Пономаренко А.К.* Раннеголоценовые культуры Камчатки // Юбилей лидера. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 9–73. (Тихоокеанская археология; Вып. 23).
- Пономаренко А.К., Базанова Л.И., Брайцева О.А., Мелекесцев И.В.* Новая раннеолитическая стоянка в долине р. Авача на Камчатке // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Вып. 12. Петропавловск-Камчатский: Оперативная полиграфия, 2002. С. 142–164.
- Рубан В.И.* Предварительные результаты археологической разведки на западном побережье Камчатки // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 107–129.
- Рубан В.И.* О корреляции древних стоянок западного побережья Камчатки // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 51–55.
- Слободин С.Б.* Стоянки каменного века Оханджийского археологического района (Верхняя Колыма) // Археологические исследования на севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 77–115.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

© 2014 г. И.И. Разгильдеева¹, О.В. Яншина²

¹Забайкальский государственный университет, Чита
(labpaleo@yandex.ru)

²Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург
(oyanshina@mail.ru)

Ключевые слова: археология, Забайкалье, многослойные поселения Студёное-1, Усть-Менза-1, древнейшая керамика, радиоуглеродный анализ, нагар, ¹⁴C-даты.

Резюме. В статье публикуются новые радиоуглеродные даты, полученные по нагару с керамики из двух наиболее известных многослойных памятников Западного Забайкалья – Студёное-1 и Усть-Менза-1. Керамика на датирование отбиралась из коллекций культурных горизонтов 9Г и 8 поселения Студёное-1 и культурного горизонта 8 поселения Усть-Менза-1, хронология которых до сих пор оставалась под вопросом. Вновь полученные даты свидетельствуют о финально-плейстоценовом возрасте этих горизонтов, в т.ч. и содержащейся в них керамической посуды. Результаты сопоставления материалов поселений Усть-Менза-1, Студёное-1 и Усть-Каренга-12 – третьего из известных памятников с финальноплейстоценовой керамикой в Забайкалье – позволяют считать, что керамика всех трех памятников принадлежит к единой технологической традиции.

Вопросы хронологии зарождения древнейших керамических технологий являются в настоящий момент наиболее дискуссионными в археологии. Проблема возраста древних керамических комплексов Западного Забайкалья обозначилась еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда в ходе раскопок многослойных памятников Студёное-1 и Усть-Менза-1 в общем контексте с мезолитическими каменными индустриями были обнаружены фрагменты керамических сосудов. Находки последних и послужили основанием для определения принадлежности культурных комплексов и содержащих их горизонтов к эпохе раннего неолита. Данное положение вписывалось на тот момент в систему археологической периодизации и в принятую тогда в геологии схему формирования отложений речных надпойменных террас.

Оба поселения связаны с отложениями первых надпойменных террас рек Чикой (Студёное-1) и Менза (Усть-Менза-1) (Красночикойский р-н, Забайкальский край). Территории, где располагались поселения, были адаптивно привлекательны для древнего на-

селения. Памятники отличаются многослойностью и содержат выразительные остатки жилищно-хозяйственных комплексов от палеолита до эпохи бронзы. Исследования проводились на широких площадях, что позволило вскрыть на каждом из них значительную часть удобных для обитания площадок (Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2001). Стратиграфические разрезы показали эволюцию формирования отложений террас, в основной части представленных аллювием, внутри которого выделялись пачки тонких гумусированных прослоек мощностью 0,5–10,0 см. Их формирование относили к голоценовому времени. Связанные с прослойками археологические материалы датировали периодом раннего неолита (Геология и культура..., 1982. С. 46, 66). При этом черные гумусированные прослойки стали рассматриваться как маркирующее явление – свидетельство активного процесса почвообразования в периоды потеплений внутри эпохи голоцена.

Полученные в 1980-х гг. радиоуглеродные даты неожиданно для исследователей показали сарганский возраст этих отложений и

соответственно удревнили возраст раннекерамических комплексов. Это привело к диссонансу внутри сформировавшейся научной парадигмы (Константинов М.В., 1994. С. 85, 105). Ввиду крайней бедности в археологических комплексах органических остатков, выполнить дополнительное датирование на основе ^{14}C на тот момент не представлялось возможным. Возник своего рода парадокс. Археологические коллекции Студёного-1 (гор. 8–9) и Усть-Мензы-1 (гор. 8) содержали остатки глиняных сосудов и данные по радиоуглероду превращали их в древнейшую на тот момент керамику не только в Забайкалье, но и в Сибири. В результате сложилось мнение о некорректности дат и системной ошибке, причину которой выявить не удавалось (Там же; Константинов М.В., 2009).

В 2005–2007 гг. были выполнены комплексные исследования по отложениям разрезов опорных памятников Студёновского и Усть-Мензинского геoarхеологических районов. Реконструкция палеоклиматов на основе детального палинологического анализа пока-

зала наличие теплого (голоценового спектра) только в слоях современной почвы. Графическое объединение данных по стратиграфическим разрезам всей площади вскрытия Студёного-1 (1974–2004 гг.) позволило уточнить строение первой террасы р. Чикой. Данные исследования актуализировали вопросы: генезиса черных прослоек в финально-плейстоценовое время; возраста, связанных с ними древних керамических комплексов; корректности полученных радиоуглеродных дат по «голоценовым горизонтам» (Разгильдеева, Решетова, Попов, 2008).

Развитие методов AMS-датирования с минимальным требованием к размеру образца позволило вернуться к решению указанной проблемы. В 2010 г. были отобраны для датирования образцы нагара с фрагментов древнейших керамических сосудов, найденных в горизонтах 8 и 9Г поселений Студёное-1 и Усть-Менза-1. Датирование проводилось в лаборатории Токийского университета (см. *таблицу*).

Результаты ^{14}C -датирования керамики с поселений Студёное-1 и Усть-Менза-1 (2012 год)

Памятник	Образец	^{14}C age	Код	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰)	C/N	Cal, BC** ($\pm 2 \delta$)
Студёное-1, сл. 9Г	ВНП	11 960 $\pm$ 80	ТКа-15554	-25,1	7,5	6,4	12 056–11 714 BC (1)
Студёное-1, сл. 8	ВШП	11 570 $\pm$ 60	МТС-16734	-30,4*	-	-	11 512–11 368 BC (1)
Студёное-1, сл. 8	В	11 600 $\pm$ 60	МТС-16735	-22,6*	-	-	11 669–11 353 BC (1)
Студёное-1, сл. 8	ВНП	11 730 $\pm$ 60	МТС-16736	-24,6*	-	-	11 784–11 477 BC (1)
Студёное-1, сл. 9Г	ВНП	11 600 $\pm$ 60	МТС-16737	-27,9*	-	-	11 669–11 353 BC (1)
Усть-Менза-1, сл. 8	ВНП	11 550 $\pm$ 50	МТС-16738	-21,3*	-	-	11 571–11 322 BC (1)

*No.2-6, $\delta^{13}\text{C}$; measured AMS.

**Калибровка производилась в программе Calib Rev 5.0.1 (Stuiver, Reimer, 1993).

Условные обозначения к таблице: ВНП – внутренняя поверхность; ВШП – внешняя поверхность; В – венчик.

Полученные даты хорошо соотносятся друг с другом. В то же время нельзя не отметить, что они выглядят несколько удревленными по сравнению с уже имеющимися датами горизонтов 8 и 9 поселений Студеное-1 и Усть-Менза-1 (Константинов М.В., 1994. С. 85. Табл. 15) и коррелируются скорее с датами нижележащих горизонтов. Это обстоятельство может быть вполне закономерным, поскольку соотносится с представлениями о более древнем возрасте дат по нагару по сравнению с датами по углю (Fischer, Heinemeier, 2003; Cook et al., 2001; Вагнер, 2006). С учетом изложенного, сравнение новых данных с полученными ранее позволяет сделать вывод, что реальный возраст продатированных сосудов Усть-Мензы-1 и Студёного-1 находится в интервале 10–11 тыс. лет до н.э. (Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2014).

Столь ранний возраст керамической посуды, считавшейся раннеголоценовой, закономерно поднимает вопрос о соответствии ему ее технико-технологических и морфологических показателей. Результаты комплексного анализа показали, что все продатированные сосуды Студёного-1, Усть-Мензы-1, как и сосуды, найденные в одних с ними культурных горизонтах, близки между собой и представляют одну керамическую традицию. Ближайшие аналоги ее могут быть найдены в материалах стоянки в устье р. Каренги, наиболее ранние керамические комплексы которой датируются концом плейстоцена – 12,2–10,2 тыс. лет до н.э. (Kuzmin, Vetrov, 2007). При этом керамическую посуду всех трех памятников объединяет целый ряд показателей как технологического, так и стилистического характера (Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2014). Признаки, разделяющие керамику памятников чикойского бассейна и Усть-Каренги, в основном касаются степени развития керамической технологии: чикойская посуда выглядит гораздо менее развитой на фоне усть-каренгской.

Таким образом, полученные новые радиоуглеродные даты по керамике поселений Студёное-1 и Усть-Менза-1 согласуются не только с современными стратиграфическими и палинологическими данными, свидетельствующими о финальноплейстоценовом возрасте указанных горизонтов, но и с результа-

тами морфотипологического анализа самой керамики, указывающими на возможное существование в Западном Забайкалье в конце плейстоцена керамической традиции со сходным набором специфических признаков.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность М.В. Константинову, Л.В. Екимовой (Семиной) за предоставленную возможность работы с коллекциями, Х. Като, Д. Куникита, И.Я. Шевкомуду за помощь в организации и выполнении радиоуглеродного датирования образцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 534 с.

Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья: к XI конгрессу INQUA (Москва, 1982). Новосибирск: Наука, 1982. 161 с.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита: Ин-т обществ. наук БНЦ СО РАН; Чит. пед. ин-т, 1994. 163 с.

Константинов М.В. «И опыт, сын ошибок трудных» (проблемы определения возраста древних поселений Забайкалья) // Древнее Забайкалье: культура и природа: Сб. ст. Чита: ЗаБГГПУ, 2009. С. 35–42.

Разгильдеева И.И., Куникита Дай, Яншина О.В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультур Евразии. Смена парадигм: материалы 2-й Всерос. науч. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 168–179.

Разгильдеева И.И., Решетова С.А., Попов В.Б. Новые данные исследований поселения Студёное-1 (к вопросу о возрасте культурных горизонтов) // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб.: Наука, 2008. С. 23–36.

Cook G.T., Bonsall C., Hedges R.E.M., McSweeney K., Boronean V., Pettitt P.B. A Freshwater diet-derived ^{14}C reservoir effect at the Stone Age sites in the Iron Gates Gorge // Radiocarbon. 2001. № 43 (2A). P. 453–460.

Fischer A., Heinemeier J. Freshwater reservoir effect in ^{14}C dates of food residue on pottery // Radiocarbon. 2003. №45 (3). P. 449–466.

Kuzmin Y., Vetrov V. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust'-Karenga-12 site and its significance for the Neolithization process in Eurasia // Documenta Praehistorica. 2007. № 24. P. 9–20.

Stuiver M., Reimer J. Extended ^{14}C data base and revised CALIB 3.0 ^{14}C age calibration program // Radiocarbon. 1993. № 35. P. 215–230.

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА¹

© 2014 г. С.Н. Савченко¹, М.Г. Жилин²

¹Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург
(sv-sav@yandex.ru)

²Институт археологии РАН, Москва
(mizhilin@yandex.ru)

Ключевые слова: мезолит, костяная индустрия, Горбуновский торфяник.

Резюме. Раскопки торфяниковых стоянок Береговая I и II дали изделия из кости и рога разных периодов мезолита, благодаря чему удалось наметить эволюцию костяной индустрии. Основные функциональные группы орудий и технологические приемы, появившись в раннем мезолите, бытуют в среднем и позднем мезолите. Многие морфологические типы изделий существуют на протяжении нескольких этапов мезолита; есть орудия, бытовавшие с раннего мезолита до раннего неолита.

Первые случайные находки костяных изделий мезолитического облика на Горбуновском торфянике относятся к 1970–1980-м гг. У северо-восточного берега торфяника, между стоянками Береговая I и III найден наконечник гарпуна с клювовидными зубцами и с обратным зубцом на насаде. Игловидный наконечник стрелы найден при чистке канавы в северо-западной части торфяника (Халяев, 1990).

В 2008–2013 гг. авторами открыты и исследованы многослойные стоянки Береговая I и II, являющиеся торфяниковыми частями одноименных памятников, расположенных на коренном берегу. Раскопки дали изделия из кости и рога разных периодов мезолита. Стало возможным сравнить комплексы раннего, среднего, позднего мезолита и раннего неолита, проследить черты костяной индустрии, характерные для данного микрорайона.

Подавляющее большинство предметов (108) происходит с торфяниковой стоянки Береговая II. Согласно спорово-пыльцевому анализу и радиоуглеродным датам, здесь имеются культурные слои раннего, среднего, позднего мезолита, раннего неолита и энеолита, разделенные стерильными прослойками. На торфяниковой стоянке Береговая I единичные костяные изделия найдены в раннемезолитическом (V) и среднемезолитическом (IV) культурных слоях, для которых получены радиоуглеродные даты $9\ 590 \pm 70$ и $9\ 320 \pm 60$ л.н. и, соответственно, $8\ 940 \pm 30$ л.н.

К раннему мезолиту относятся 23 предмета. Охотничье вооружение представлено коротким игловидным наконечником стрелы с расширенным уплощенным острием (рис. 1, 1), обломком плоского однолезвийного вкладышевого ножа (рис. 1, 4) и заготовкой изогнутого кинжала из расщепленного отростка рога (рис. 2, 13). Для добычи рыбы

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-21-17003.

и охоты на водных животных использовали гарпуны с костяными однорядными наконечниками с зубцами клювовидной формы и выемкой на насаде (см. рис. 1, 2, 3, 8, 10). Найден небольшой рыболовный крючок (см. рис. 1, 7), сделанный из стенки трубчатой кости.

Производственно-бытовой инвентарь представлен рукояткой бокового скребка или скобеля (см. рис. 1, 12), сделанной из ребра, и орудием из нижней челюсти бобра (рис. 2, 12). Широкие ножи из лопаток (см. рис. 1, 11) использовали в качестве стругов по дереву или для обработки шкур. Найдены клинки прямого ножа с тупыми краями и закругленным концом (см. рис. 1, 5) и изогнутого однолезвийного ножа (рис. 2, 10), служившие для обработки растительных волокнистых материалов.

Многочисленны (68 ед.) артефакты из кости и рога среднего мезолита. Наконечники стрел представлены обломком массивного игловидного наконечника (см. рис. 1, 9), узким плоским асимметричным наконечником с длинным пазом и сохранившимися микропластинами (рис. 2, 9). Последний переделан из обломка верхней половины такого же орудия. Уникальна находка так называемого «клада» – связки, содержащей 10 двукрылых наконечников (рис. 2, 1, 2) и заготовку узкого плоского асимметричного вкладышевого (рис. 2, 3) (Жилин, Савченко, 2010).

Охотничьи кинжалы и ножи представлены лезвием узкого кинжала-стилета (рис. 2, 14), обломком вкладышевого прямого однолезвийного ножа, фрагментами плоских изогнутых ножей с одним пазом (рис. 2, 15).

Появляются наконечники гарпунов с обратным зубцом на насаде.

Набор бытовых орудий и инструментов весьма разнообразен. Сохраняются категории и типы орудий предыдущего периода и появляются новые. Серией представлены орудия из нижних челюстей бобра, струг по дереву из верхнего резца бобра (рис. 2, 11). Найдены шилья из грифельных костей и обломка плоской кости. Встречены широкие ножи из лопаток. Для обработки шкур или растительных волокон служили ножи, изготовленные из края лопатки или трубчатых костей животных.

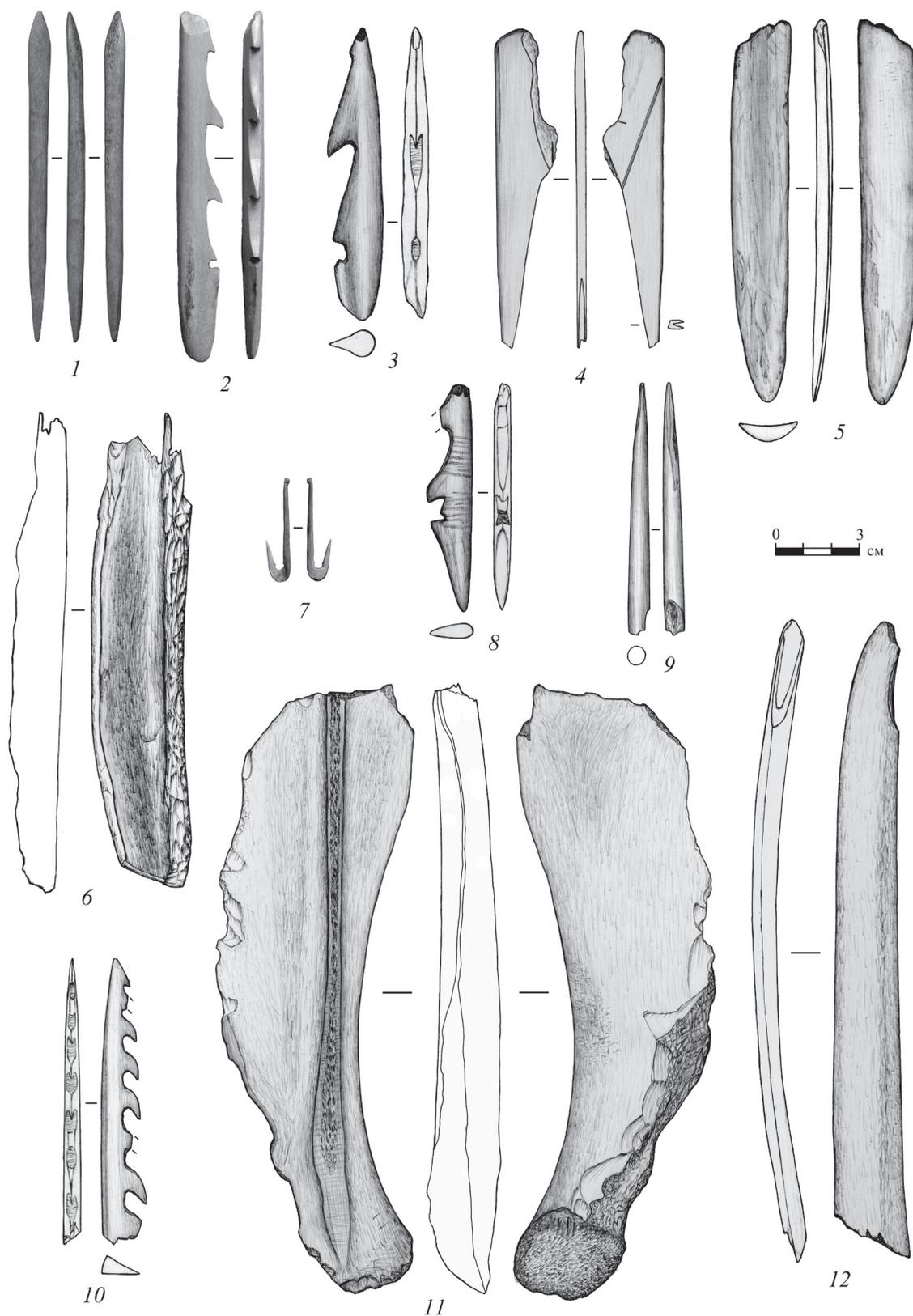
Артефакты позднего мезолита составляют 19 предметов. Вооружение представлено обломком массивного колющего кинжала с тупыми краями и тремя наконечниками стрел – двукрылым наконечником с узким пером ромбического сечения, коротким стержнем и клиновидным насадом (рис. 2, 4); однокрылым с трехгранным пером, коротким стержнем и уплощенно-коническим асимметричным насадом с нарезками на краях и ребре дорсальной поверхности (рис. 2, 5). Имеется наконечник с утолщенной биконической головкой и биконическим утолщением на стержне (рис. 2, 6).

Два длинных однорядных наконечника гарпунов с редкими зубцами клювовидной формы и выемкой на насаде (рис. 2, 7) найдены рядом с настилом, проложенным через заболоченную полосу берега к озеру. Вероятно, наконечники были помещены здесь преднамеренно.

Из бытовых орудий продолжают использоваться орудия из челюстей бобра, широкие ножи из лопаток, шилья из грифельных костей. Найден двуручный струг для обработки шкур из трубчатой кости.

Следует отметить стилизованное изображение головы зверя из отростка рога лося нестандартной формы (рис. 2, 8).

Технология изготовления костяного инвентаря установлена по обломкам заготовок (см. рис. 1, 6) и при анализе поверхности изделий с помощью микроскопа. Все основные приемы обработки кости и рога – оббивка, скобление, строгание, шлифовка, пиление, рубка и отеска каменным рубящим орудием, прорезание пазов резцом и резчиком, сверление, полировка фиксируются на рассматриваемой территории с раннего мезолита. Как сырье используются трубчатые кости, лопатки, ребра, рога лося, челюсти и резцы бобра, грифельные кости. Трубчатые кости продольно разрезали на пластины-заготовки. Рог надрубался до губчатой массы и обламывался. Основными приемами черновой обработки были оббивка, скобление, строгание, иногда шлифовка. После придания заготовке общей формы, строганием, пилением, резанием оформляли детали. Завершающими приемами обработки были чистовое строгание, тонкая шлифовка и, иногда, полировка.

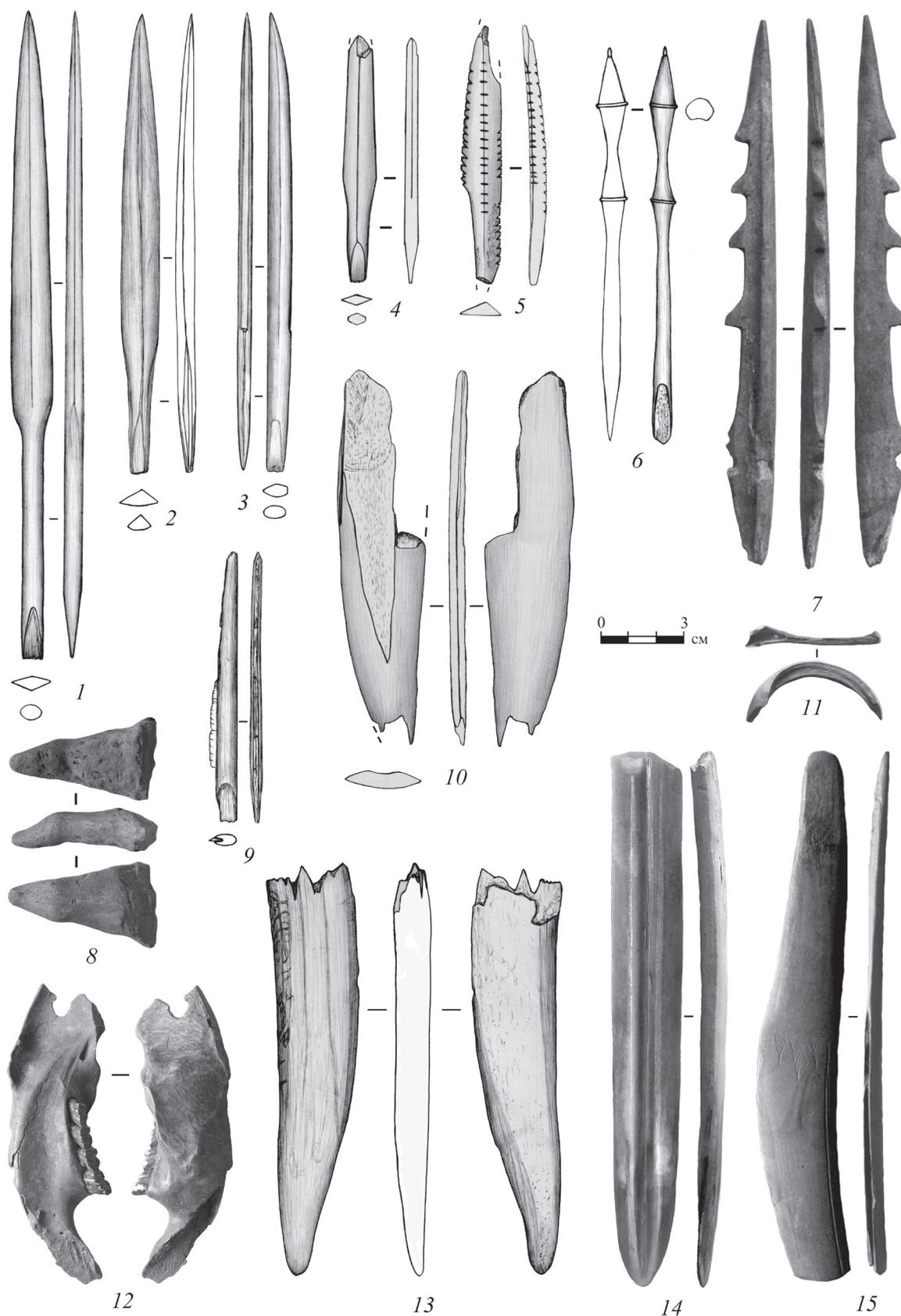

Рис. 1. Изделия из кости с торфяниковых стоянок Береговая I и II.

1, 9 – наконечники стрел; 2, 3, 8, 10 – наконечники гарпунов; 4, 5 – ножи; 6 – заготовка;
7 – рыболовный крючок; 11 – широкий нож из лопатки; 12 – рукоятка.

1–8, 10–12 – ранний мезолит; 9 – средний мезолит.

1 – торфяниковая стоянка Береговая I, культурный слой V; 2–8, 10–12 – торфяниковая стоянка Береговая II, культурный слой V; 9 – она же, культурный слой IV.

Рис. 2. Изделия из кости и рога с торфяниковой стоянки Береговая II.

1–6, 9 – наконечники стрел; 7 – наконечник гарпуна; 8 – скульптурное изображение; 10, 15 – ножи;
 11 – струг; 12 – орудие из челюсти бобра; 13 – заготовка кинжала; 14 – кинжал.
 10, 12, 13 – ранний мезолит, культурный слой V; 1–3, 9, 11, 14, 15 – средний мезолит, культурный слой IV; 4–8 – поздний мезолит, культурный слой III.

Необходимо отметить высокую степень преемственности костяной индустрии Горбуновских стоянок на всех хронологических этапах мезолита. Наблюдается большое сходство техники производства орудий во всех изученных мезолитических слоях памятников. Основные функциональные группы орудий, появившись в раннем мезолите, бытуют на протяжении всего мезолита. Многие морфологические типы изделий существуют на протяжении нескольких этапов мезолита, есть серия орудий, бытовавших с раннего мезолита до раннего неолита, например, орудия из нижних челюстей бобра и широкие ножи из лопаток. В среднемезолитическом (IV) и позднемезолитическом (III) культурных слоях торфяниковой стоянки Береговая II встречены шилья из грифельных костей и колющие кинжалы-стилеты с тупыми краями. В слоях V и IV однотипные прямые плоские цельные ножи с закругленным концом и тупыми краями, использовавшиеся для обработки растительных материалов, а также прямые плоские вкладышевые ножи с одним пазом.

В культурных слоях всех периодов мезолита встречены наконечники гарпунов. Раннемезолитические наконечники многозубчатые (в одном случае с двумя зубцами), короткие или средней длины, с выемкой на насаде. В среднем мезолите появляются наконечники с обратным зубцом на насаде, в том числе, вероятно с одним зубцом на пере. Наконечники позднемезолитического слоя многозубчатые длинные с выемкой на насаде.

Большинство изделий имеет аналогии в материалах Восточной Европы и Урала не только по морфологическим показателям, но и по технологии изготовления (Жилин, 2001; Жилин и др., 2012; Савченко, 2014). Встрече-

ны специфические уральские типы, не имеющие аналогий на других территориях. Это узкие плоские асимметричные наконечники стрел с длинным пазом (рис. 2, 3, 9) и плоские изогнутые ножи с пазом на выпуклом крае (рис. 2, 15), представленные в среднемезолитическом культурном слое торфяниковой стоянки Береговая II. Есть ярко выраженные индивидуальные вещи: однокрылый наконечник стрелы с нарезками по краям (рис. 2, 5) и стилизованное изображение головы зверя из отростка рога (рис. 2, 8) из позднемезолитического культурного слоя.

С раскопками этих стоянок впервые стало возможно показать развитие костяной индустрии мезолита и раннего неолита Среднего Зауралья. Дальнейшие исследования дополнят намеченную картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилин М.Г. Костяная индустрия лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 328 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. «Клад» костяных наконечников стрел со стоянки Вторая Береговая в Среднем Зауралье // Исследования первобытной археологии Евразии / Отв. ред. О.М. Давудов. Махачкала, 2010. С. 302–315.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М., 2012. 216 с.

Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 181–208.

Халяев П.К. Отчет об археологических исследованиях памятников на Горбуновском торфянике близ города Нижнего Тагила в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15299.